A. Romanune

ПРОВЕРЕНО
1958 г.

Григорій Константиновичъ
Потанинъ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

ПО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ, МОНГОЛІИ, ТИБЕТУ И КИТАЮ.

с 1 портр. перед текстом
и 5 таблицами за текстом.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

А. В. ПОТАНИНОЙ.

Съ біографіей, портретомъ, пятью таблицами рисунковъ и 34 политипажами въ текстъ.

Изданіе Географическаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Славная библиотека
Р.С.Ф.С.Р.

МОСКВА.
Типографія Елизаветы Гербекъ, 2-я Мѣщанская, домъ № 26.
1895.

91 (C18+5)

40

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

А. В. Потанина (біографическій очеркъ) I

Буряты 1

Изъ странствія по Урянхайской землѣ 48

Монголія и монголы 72

Встрѣча съ двумя монгольскими ванами 84

Среди широнголовъ 101

Религіозная пляска въ монастырѣ Кадигава. 119

Тибетъ 125

Гумбумъ, монастырь зонкавистовъ 152

Утай 165

Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ . . . 178

О китайской женщинѣ 192

Тысяча сто верстъ въ носилкахъ 217

Дорджи, бурятскій мальчикъ 229

Китайскій звѣрекъ. 273

Ахметъ 278

Объясненіе рисунковъ. 291

Предисловіе.

Александра Викторовна Потанина, скончавшаяся въ 1893 году, въ Китаѣ, оставила по себѣ неизгладимую память въ исторіи землевѣдѣнія Азіи. Неутомимая путешественница, посвятившая всѣ зрѣлые годы своей жизни странствіямъ по Сибири, Монголіи, Тибету, Китаю, она была незамѣнимой, дѣятельной спутницей своего супруга, Григорія Николаевича Потанина, помогая ему собирать новыя данныя и наблюденія по географіи и этнографіи малоизвѣстныхъ частей центральной Азіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она пользовалась своими наблюденіями и для самостоятельныхъ очерковъ, въ цѣляхъ болѣе широкаго ознакомленія съ Азіатскимъ міромъ русскаго общества.

Высоко цѣня указанныя заслуги Александры Викторовны, Географическое Отдѣленіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи возымѣло мысль почтить память покойной изданіемъ, въ видѣ отдѣльнаго сборника, всѣхъ ея статей, какъ уже появившихся въ печати, такъ и рукописныхъ, съ приложеніемъ портрета путешественницы и біографическихъ о ней данныхъ. Осуществленіе этой мысли встрѣтило однако временное затрудненіе въ недостаткѣ средствъ, тѣмъ болѣе, что при изданіи задуманнаго сборника надлежало озаботиться не только о полнотѣ его содержанія, но и о возможной изящности его внѣшняго вида.

Означенное затрудненіе было однако непродолжительно. Какъ только мысль о сборникѣ получила нѣкоторое распространеніе, немедленно же нашлись лица, изъявившія полную готовность оказать въ

этомъ случаѣ Отдѣленію свое содѣйствіе. Одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, внесло 700 р., а затѣмъ было получено: отъ А. М. Сибиряковой — 200 р., отъ В. А. Баландиной — 25 р., отъ разныхъ лицъ — 11 р., тоже чрезъ П. Н. Коновалова, — 13 р. и отъ Г. Н. Потанина — 150 р. Географическое Отдѣленіе глубоко признательно всѣмъ этимъ лицамъ, помощь которыхъ дала возможность почтить достойнымъ образомъ память незабвенной путешественницы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Отдѣленіе считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ принести искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, услугами которыхъ оно пользовалось при изданіи сборника, особенно А. А. Ивановскому, а также Д. М. Головачеву, г. Евреинову, протоіерею В. В. Лавровскому, В. В. Лесевичу, Г. Н. Потанину, г. Шешунову и К. А. Яковлевой.

Предсѣдатель Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи

Д. Анучинъ.

Александра Викторовна Потанина.

Біографическій очеркъ.

Покойная Александра Викторовна Потанина, супруга извѣстнаго путешественника Григорія Николаевича Потанина, принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ женщинъ, которыя были дѣятельными помощницами и сотрудницами людей, посвятившихъ себя беззавѣтному служенію наукѣ, и которыя дѣлили съ подвижниками науки всѣ ихъ труды, лишенія и славу, — каковы О. А. Федченко, супруга извѣстнаго путешественника въ Туркестанѣ, и г-жа Черская, сопровождавшая своего мужа въ его экспедиціи на сѣверо-востокъ Сибири, въ Якутскую область. Эти женщины не только содѣйствовали своимъ мужьямъ въ ихъ трудахъ и помогали имъ переносить лишенія, но и служили для нихъ огромной, нерѣдко ничѣмъ незамѣнимой, нравственной поддержкой, удваивая такимъ образомъ силы и энергію дѣятелей, отдавшихъ обществу свою жизнь. По справедливому замѣчанію покойнаго Н. М. Ядринцева, если чѣмъ можетъ оцѣниваться дѣятельность женщины въ исторіи человѣчества, то, конечно, не тѣмъ, сколько драмъ и трагедій было изъ-за ея обаятельныхъ чаръ, сколько жертвъ было принесено ей, какъ идеалу красоты и женственности,— а тѣмъ, сколько внесла она мира, любви и довольства, насколько она участвовала въ достиженіи общаго человѣческаго счастья, сколько жертвъ принесла она сама на пользу и благо человѣчества.

Въ этомъ отношеніи жизнь Александры Викторовны заслуживаетъ особеннаго вниманія,—она даетъ намъ лучшее свидѣтельство того, какъ строго понимала покойная свое назначеніе и какъ вѣрно шла она по разъ избранному пути, перенося всѣ трудности, нужду и лишенія,— рука-объ-руку съ человѣкомъ, всю свою жизнь отдавшимъ безкорыстному служенію наукѣ и обогатившему послѣднюю столь цѣнными изслѣдованіями.

II

О родныхъ и дѣтствѣ Александры Викторовны мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, благодаря оставленнымъ ею рукописнымъ автобіографическимъ запискамъ, которыя она начала во время своего послѣдняго путешествія.

Мы приводимъ здѣсь полностію эти записки, носящія въ рукописи названіе: «Записки о моихъ родныхъ и о моемъ дѣтствѣ», и имѣющія помѣтки: «Ургa, 1892 г. 23 октября» и «Пекинъ, ноябрь»...

„Отецъ мой былъ священникъ Знаменской или Мѵроносицкой церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ, Викторъ Николаевичъ Лаврскій. Родомъ онъ былъ изъ Нижегородской губерніи. Прадѣдушка нашъ былъ изъ монастырскихъ крестьянъ, въ духовное званіе поступилъ чтецомъ въ церковь въ селѣ Комлевѣ (имѣніе Философовыхъ). Дѣдушка Николай Васильевичъ былъ священникомъ въ очень бѣдномъ селѣ. Фамиліи онъ не имѣлъ *), писался по церкви Никольскимъ. Семья у него была большая, жили бѣдно. Бабушка Елена Григорьевна умерла 72 лѣтъ. Я уже хорошо ее помню. Она была человѣкъ энергичный и веселый, даже несмотря на старость, смотрѣла на жизнь легко и говорила, что ей умирать не хочется и что «чѣмъ больше живешь, то тѣмъ больше жить хочется»; но когда пришла смертная болѣзнь, она переносила ее съ терпѣніемъ, не жалуясь, и радуясь тому, что заболѣла, бывши у дочери своей, моей тетки, Капитолины Николаевны, а не у сына, — радовалась потому, что не наемныя руки, не чужія за ней ухаживаютъ въ болѣзни. Несмотря на то, что семья у дѣдушки была большая, бабушка, повидимому, легко справлялась съ ней и умѣла устроить такъ, что старшіе сыновья помогали ей въ ея домашнихъ хлопотахъ и въ няньчиньи маленькихъ. Одѣвалась бабушка въ сарафанъ и носила волосы подъ повойникомъ по-бабьи, покрываясь бумажнымъ платкомъ.

Старшій ихъ сынъ былъ Александръ, по фамиліи Фіалковскій; говорятъ, онъ былъ большой щеголь, любилъ богатство и, оставивши духовное званіе, поступилъ на гражданскую службу. Образованіе онъ получилъ въ Нижегородской семинаріи и Московской академіи, затѣмъ служилъ, если не ошибаюсь, нѣкоторое время профессоромъ въ той же семинаріи; въ это время давалъ уроки въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семействахъ; знаю, что давалъ уроки Бѣлокрыльцевымъ; говорятъ, былъ очень красивъ и смѣлъ; умеръ въ Турціи во время чумы. Другой мой дядя, Андрей Десницкій, тоже ушелъ изъ духовнаго званія, служилъ чиновникомъ горнаго вѣдомства въ Екатеринбургѣ и умеръ тоже мо-

*) Какъ не имѣлъ ея тогда почти никто въ духовенствѣ, не прошедшій чрезъ духовную школу, гдѣ самымъ первымъ дѣйствіемъ къ наложенію клейма образованности было нареченіе новопоступившему фамиліи.

лодымъ и не женатымъ. Бабушка очень горевала о немъ и нерѣдко вспоминала о томъ, какъ его провожали на службу на «Панскіе бугры», откуда былъ видъ на Волгу, — такъ въ Нижнемъ называлась та часть, гдѣ послѣ развели Англійскій садъ. Раньше тамъ жили, говорятъ, плѣнные поляки.

У насъ въ домѣ было много вещицъ изъ Екатеринбурга—камней, печатей и колецъ изъ сердолика; но разсказовъ о жизни Андрея Николаевича не помню. За Андреемъ слѣдовалъ мой отецъ, за нимъ было еще два брата — Неофитъ и Василій. Они носили фамилію Фіалковскихъ. Василій Николаевичъ и донынѣ живъ. Онъ былъ священникомъ сначала въ селѣ Матюшевѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ Нижній на Гребешекъ и потомъ — въ Кунавино, къ Владимірской церкви, гдѣ теперь священствуетъ сынъ его, Иванъ Васильевичъ, а дядя живетъ у него, теперь почти совсѣмъ уже слѣпой. Неофитъ Васильевичъ учился также въ Нижегородской семинаріи, но такъ какъ съ дѣтства былъ хромой, то и не могъ поступить въ духовное званіе, былъ чиновникомъ въ гражданской службѣ, впослѣдствіи служилъ въ строительной коммиссіи; затѣмъ переѣхалъ жить въ Одессу и въ послѣдніе годы былъ тамъ мировымъ судьей восьмого участка. Въ молодости онъ очень сильно пилъ запоемъ, и тѣмъ доставлялъ очень много горя бабушкѣ, и каждый разъ пьянство его кончалось бѣлой горячкой; впослѣдствіи отъ пьянства или отъ запоя его лѣчилъ какой-то знахарь сильнымъ настоемъ, и здоровье дяди всегда было нѣсколько разстроено. Бабушка послѣ смерти дѣдушки жила до самой смерти съ Неофитомъ Николаевичемъ, но часто содержаніе ихъ обоихъ падало на отца. Иногда даже Неоф. Ник. и жилъ у насъ, въ то время, когда я была еще совсѣмъ мала. Онъ впослѣдствіи женился, и его свадьба была, пожалуй, самымъ раннимъ моимъ воспоминаніемъ. У Неоф. Ник. было двое дѣтей, но сынъ былъ въ падучей, и умеръ молодымъ, дочь—Елена Неофитовна—вышла замужъ за учителя одесской гимназіи, Тищенко. Было еще у насъ двѣ тетки: одна—Марья Николаевна—была выдана замужъ за священника въ село Селитьбу, Нижегородской губ., умерла рано; послѣ нея остался сынъ, по фамиліи Мелиссовъ, но онъ умеръ рано и въ жизни не былъ съ нами близокъ, имѣлъ очень много непріятнаго и нехорошаго. Было подозрѣніе, что жилъ шулерствомъ. Другая тетка—Капитолина Николаевна—жива до сихъ поръ; она очень рано овдовѣла, была раньше за священникомъ въ селѣ Матюшинѣ, Горбатовскаго уѣзда. Сколько себя помню, она всегда жила въ Нижнемъ, имѣла троихъ дѣтей; они учились въ семинаріи, а она жила рукодѣльемъ, вязала изъ шерсти валенки и, главнымъ образомъ, жила тѣмъ, что пускала на квартиру семинаристовъ и готовила на нихъ. Старшій ея сынъ, Василій Петровичъ, былъ впослѣдствіи писцомъ

въ какой-то канцеляріи; семинаристомъ я его уже не помню; онъ очень рано женился на дочери *кандидата*, какъ назывались тогда выслужившіе офицерскій чинъ и получавшіе пожизненно извѣстный денежный окладъ. Его мать и Неофитъ Николаевичъ были противъ этого брака. Впослѣдствіи нянька разсказывала мнѣ, что дядя жестоко избилъ племянника при этомъ случаѣ. Черезъ годъ жена Васеньки умерла, а еще черезъ годъ умеръ и онъ, оба — отъ чахотки. Я помню, что очень боялась его мертваго, и въ то же время мучилась мыслью, не въ летаргическомъ ли онъ снѣ. За Васенькой у тетеньки слѣдовали еще два сына—Александръ и Николай; оба живы и теперь; одинъ — съ именемъ Алексія, епископомъ сарапульскимъ, викаріемъ Вятской епархіи, другой служилъ исправникомъ въ Лукояновскомъ, кажется, уѣздѣ, Нижегородской губ., теперь совѣтникомъ губернскаго правленія въ Нижнемъ; фамилія ихъ— Соболевы. Съ ними мы теперь не близки.

Отецъ мой очень мало разсказывалъ о своей дѣтской и семинарской жизни. Разъ только помню, когда мнѣ было лѣтъ 10, я, съ кѣмъ-то изъ другихъ дѣтей играя или разговаривая, выказала гордость и превосходство своимъ положеніемъ; вечеромъ, въ сумерки, отецъ подозвалъ меня къ себѣ и разсказалъ о себѣ маленькую исторійку. «Разъ, когда я еще жилъ дома,—говорилъ онъ,— умеръ въ нашемъ селѣ дьячекъ. Въ этотъ день случилась гроза. Я боялся грозы, и потому забился на печку или на палати, и оттуда услыхалъ, какъ отецъ, думая, что въ комнатѣ никого нѣтъ, говоритъ бабушкѣ: «Мать, знаешь, я думаю опредѣлить Викторку дьячкомъ къ нашей церкви, въ семинаріи у насъ и безъ того двое, пусть его хлѣбъ добываетъ, а читаетъ онъ бойко». Отецъ говорилъ, что онъ просто похолодѣлъ при мысли, что ему всю жизнь придется проводить въ роли деревенскаго дьячка и ничего не видать, кромѣ Селитьбы; но бабушка заступилась за него и сказала, что лучше ужъ и его учить въ семинаріи. «Вотъ, – прибавилъ отецъ,—и была бы ты теперь деревенскою дѣвченкой, а не дочерью отца протоіерея; чѣмъ же тебѣ гордиться передъ другими дѣвочками?» И такъ это на меня сильно подѣйствовало, что я и до сихъ поръ часто вспоминаю и думаю о томъ, какъ мало собственно зависитъ въ нашей жизни наше положеніе отъ насъ самихъ, и какъ много отъ стеченія обстоятельствъ, складывающихся различнымъ образомъ, иногда на пользу, иногда на вредъ.

Кончивши семинарію, гдѣ отецъ отъ ректора получилъ фамилію Лаврскій*), онъ поступилъ въ Московскую академію. Въ это время Московская

*) Ректоръ, сказывалъ отецъ, предсказалъ ему поступленіе въ академію: „ну, ты будешь въ Лаврѣ учиться; будь ты Лаврскій“.

(быть, на богатой, потому что у нихъ въ домѣ много было крѣпостныхъ людей, за за бабушкой, Марьей Матвѣевной, въ приданое была дана дѣвка Ненила. Бабушка была не бойкая, ея двѣ другія сестры, Александра Матвѣевна и Настасья Матвѣевна, были болѣе свѣтскія и костюмомъ своимъ отличались отъ нея, не носили «головокъ», а волосы чесали съ высокими черепаховыми гребнями, и въ парадныхъ случаяхъ носили чепцы. Бабушка же разсказывала, что, во время ея дѣвичества, у нихъ была нянька, которая требовала, чтобы дѣвушки прятались отъ мущинъ, — «хоть корзину на голову надѣть, коли ужъ прикрыться нечѣмъ — все лучше, чѣмъ такъ показаться», — говорила она, но дочери Матвѣя Филипповича, повидимому, этому правилу уже не слѣдовали; только еще Марья Матвѣевна, по старой памяти, или просто по характеру своему, — избѣгала постороннихъ и, должно быть, ни съ кѣмъ не вела знакомства; по крайней мѣрѣ, мать моя въ дѣтствѣ никого не помнитъ, кто у нихъ бывалъ. Чаю еще въ домѣ Матвѣя Филипповича не пили. Въ кухнѣ сидѣли съ лучиной точно такъ-же, какъ и у нашего дѣдушки, и женщины, т. е. бабушка Марья Матвѣевна и Ненила, всю зиму пряли. Холстовъ дома уже не ткали, отдавали на сторону. Мать моя тоже любила, чтобы ее рано поутру будили, когда старшіе вставали прясть. У Ненилы каждый годъ рождался ребенокъ, и всякій разъ дѣдушка считалъ своимъ долгомъ бить ее за это; ребенка куда-то отправляли, а Ненила, отлежавши нѣсколько дней въ банѣ, опять принималась за хозяйство. Дѣдушка вообще, должно быть, былъ суровъ и неласковъ съ дѣтьми и съ домашними; впослѣдствіи онъ и сына своего Флегонта часто билъ. Въ кухнѣ у дѣдушки жили иногда семинаристы, товарищи, должно быть, Флегонта, но мать моя росла около матери, и у нея что-то не сохранилось никакихъ воспоминаній о своемъ братѣ и его товарищахъ. Какъ развлеченіе, для нея было, когда ее посылала мать къ сосѣдкѣ ихъ, Евфаліи Дмитревнѣ, у которой жилъ Норманъ, полупомѣшанный Казанскій помѣщикъ. Мать его очень боялась и всегда выбирала время, когда онъ спалъ. Евфалія Дмитревна и сама нѣсколько разъ въ году сходила съ ума; и вотъ въ это-то время или послѣ, когда она поправлялась, бабушка и посылала мать, чтобы отнести что-нибудь состряпанное повкуснѣе. Повидимому, веселаго тутъ было не много, но такъ какъ другихъ развлеченій не было, то и это нравилось моей матери. Другими праздниками были для нея пріѣзды бабушкиной тетки изъ деревни; оно была замужемъ за управляющимъ Демидовскимъ, жила очень богато и разъ въ годъ пріѣзжала на ярмарку, посѣщала съ мужемъ родныхъ и дѣлала всѣмъ подарки деревенскими гостинцами. Бабушка получила горловую чахотку и затѣмъ скоро умерла, когда маменькѣ

сказовъ объ ея ранней жизни и нашихъ родныхъ. Дѣдушка учился въ семинаріи въ то время, когда преподаваніе велось еще на латинскомъ языкѣ. Матеріальная обстановка, должно быть, была въ то время ужасна; голодные семинаристы иногда загоняли обывательскихъ свиней и закалывали ихъ гдѣ-нибудь на задворкахъ, какъ разсказывалъ одинъ изъ братьевъ дѣдушки.

Самъ дѣдушка тоже жаловался на бѣдность, которую онъ испытывалъ въ первые годы въ училищѣ и въ семинаріи. Онъ былъ сынъ дьячка и потому денегъ у него совсѣмъ не водилось, а между тѣмъ, кромѣ ѣды надо было денегъ и на бумагу, и на книги, и на перья. Дѣдушка очень рано сталъ зарабатывать эти необходимые себѣ гроши, дѣлая перочиннымъ ножемъ птичьи клѣтки. Затѣмъ онъ сталъ переписывать учебники и словари, печатныхъ книгъ было мало и семинаристы пробавлялись больше списанными тетрадками. Этими ранними своими занятіями дѣдушка объяснялъ и свое искусство рѣзчика и красивый почеркъ.

Рѣзалъ изъ дерева онъ довольно искусно; у насъ долго сохранялась вырѣзанная имъ деревянная чернильница въ видѣ льва и много палокъ съ изображеніемъ головъ вмѣсто набалдашника; было также его работы рѣзанное изъ кости распятіе. Вообще онъ былъ любитель техническихъ работъ; впослѣдствіи у него былъ токарный станокъ. Былъ онъ также большой латинистъ, иногда даже говорилъ со своими сверстниками — стариками на этомъ языкѣ и любилъ читать латинскихъ классиковъ. Впослѣдствіи у него былъ шкафъ съ книгами, гдѣ можно было найти и Виргилія, и Горація, и др. Онъ и внука своего Валеріана научилъ любить латинскихъ классиковъ. Кромѣ книжекъ, дѣдушка собиралъ также всѣ рукописи и письма, и у него было множество переплетенныхъ тетрадей изъ синей бумаги, гдѣ вписаны были разныя оды и разсужденія, читанныя въ его время на семинарскихъ актахъ. Впослѣдствіи онъ имѣлъ у себя учениковъ, которыхъ обучалъ грамотѣ. Женатъ онъ былъ на Маріѣ Матвѣевнѣ Филипповой, дочери каѳедральнаго протоіерея въ Нижнемъ, Матвѣя Филипповича. Бабушкинъ портретъ сохранялся отъ ея молодыхъ лѣтъ, снятый, должно быть, вскорѣ послѣ свадьбы.

Бабушка была хорошенькая, круглолицая, съ очень добрымъ и скромнымъ выраженіемъ; снята она была въ желтой атласной *головкѣ*, или косынкѣ, повязанной напереди бантикомъ, изъ-подъ «головки» на лобъ выпущены три маленькія букольки; платье темнозеленое, какъ во времена директоріи, открытое на груди до кушака, подвязаннаго подъ мышками; грудь и отчасти шея прикрыты большимъ тюлевымъ воротникомъ, сверху красная турецкая шаль.

Матвѣй Филипповичъ былъ женатъ на крестьянкѣ Демидова, но, должно

быть, на богатой, потому что у нихъ въ домѣ много было крѣпостныхъ людей, а за бабушкой, Марьей Матвѣевной, въ приданое была дана дѣвка Ненила. Бабушка была не бойкая, ея двѣ другія сестры, Александра Матвѣевна и Настасья Матвѣевна, были болѣе свѣтскія и костюмомъ своимъ отличались отъ нея, не носили «головокъ», а волосы чесали съ высокими черепаховыми гребнями, и въ парадныхъ случаяхъ носили чепцы. Бабушка же разсказывала, что, во время ея дѣвичества, у нихъ была нянька, которая требовала, чтобы дѣвушки прятались отъ мущинъ, — «хоть корзину на голову надѣть, коли ужъ прикрыться нечѣмъ — все лучше, чѣмъ такъ показаться», — говорила она, но дочери Матвѣя Филипповича, повидимому, этому правилу уже не слѣдовали; только еще Марья Матвѣевна, по старой памяти, или просто по характеру своему, — избѣгала постороннихъ и, должно быть, ни съ кѣмъ не вела знакомства; по крайней мѣрѣ, мать моя въ дѣтствѣ никого не помнитъ, кто у нихъ бывалъ. Чаю еще въ домѣ Матвѣя Филипповича не пили. Въ кухнѣ сидѣли съ лучиной точно такъ-же, какъ и у нашего дѣдушки, и женщины, т. е. бабушка Марья Матвѣевна и Ненила, всю зиму пряли. Холстовъ дома уже не ткали, отдавали на сторону. Мать моя тоже любила, чтобы ее рано поутру будили, когда старшіе вставали прясть. У Ненилы каждый годъ рождался ребенокъ, и всякій разъ дѣдушка считалъ своимъ долгомъ бить ее за это; ребенка куда-то отправляли, а Ненила, отлежавши нѣсколько дней въ банѣ, опять принималась за хозяйство. Дѣдушка вообще, должно быть, былъ суровъ и неласковъ съ дѣтьми и съ домашними; впослѣдствіи онъ и сына своего Флегонта часто билъ. Въ кухнѣ у дѣдушки жили иногда семинаристы, товарищи, должно быть, Флегонта, но мать моя росла около матери, и у нея что-то не сохранилось никакихъ воспоминаній о своемъ братѣ и его товарищахъ. Какъ развлеченіе, для нея было, когда ее посылала мать къ сосѣдкѣ ихъ, Евфаліи Дмитревнѣ, у которой жилъ Норманъ, полупомѣшанный Казанскій помѣщикъ. Мать его очень боялась и всегда выбирала время, когда онъ спалъ. Евфалія Дмитревна и сама нѣсколько разъ въ году сходила съ ума; и вотъ въ это-то время или послѣ, когда она поправлялась, бабушка и посылала мать, чтобы отнести что-нибудь состряпанное повкуснѣе. Повидимому, веселаго тутъ было не много, но такъ какъ другихъ развлеченій не было, то и это нравилось моей матери. Другими праздниками были для нея пріѣзды бабушкиной тетки изъ деревни; она была замужемъ за управляющимъ Демидовскимъ, жила очень богато и разъ въ годъ пріѣзжала на ярмарку, посѣщала съ мужемъ родныхъ и дѣлала всѣмъ подарки деревенскими гостинцами. Бабушка получила горловую чахотку и затѣмъ скоро умерла, когда маменькѣ

ыло только 14 лѣтъ. Потеря эта была очень тяжела для матери, она была очень одинока. Плача и горюя, она научилась вызывать въ своемъ воображеніи появленіе галлюцинацій. Для этого она брала ношенный покойною матерью на головѣ платокъ и, нюхая его, уходила въ сумерки въ садъ. Здѣсь, ходя по дорожкамъ, она вызывала къ себѣ мать, и ей казалось, что бабушка выходила изъ бесѣдки и шла къ ней по дорожкѣ.

Дѣдушка послѣ смерти бабушки ужасно тосковалъ, но не сдѣлался ближе къ дѣтямъ, должно быть, не умѣлъ; напротивъ, скоро начались непріятности съ сыномъ, который началъ кутить. Въ это время дѣдушка всѣ поля своихъ любимыхъ книжекъ покрылъ коротенькими надписями, въ родѣ того: «не стало моей Маріи!» — «Въ этотъ часъ отлетѣлъ отъ насъ нашъ ангелъ» и т. д.

Училась мать моя около тѣхъ учениковъ, съ которыми занимался дѣдушка; о томъ, чтобы съ ней спеціально занимались,—она не помнитъ. Обученіе, главнымъ образомъ, состояло въ списываніи прописей. Впослѣдствіи она научилась цѣнить поэзію и исписывала тетрадки стихами Козлова, Жуковскаго, Рылѣева,—Войнаровскій произвелъ на нее очень сильное впечатлѣніе. Большое тоже впечатлѣніе произвелъ на нее какой-то романъ въ вкусѣ Руссо подъ названіемъ *Лолотта и Фанфанъ*,—если не ошибаюсь. Читала она также «Нума Помпилій»—тоже, повидимому, романъ. Въ эту пору ея сиротства начиналось было обученіе ея французскому языку. Дѣдушка ѣздилъ давать уроки дѣвицамъ богатаго купеческаго рода, Комаровымъ, и послѣднія, должно быть, пригласили и мою мать; но это продолжалось недолго и большого слѣда въ жизни матери не оставило. Правда, что это былъ почти единственный домъ другого сословія, который она видѣла. Впрочемъ, еще ранѣе съ бабушкой Марьей Матвѣевной раза два въ годъ онѣ ходили въ домъ какой-то барыни-помѣщицы, у которой былъ сынъ. Кажется, у дѣдушки отъ него были различныя масонскія сочиненія. Знакомство это продолжалось и потомъ. Когда маменька была уже замужемъ, и у нея былъ сынъ Валеріанъ, она была у этого семейства (по фамиліи Ильины) въ имѣніи во Владимірской губ. Молодости дѣвической, веселости, а тѣмъ болѣе ухаживателей у матери моей совсѣмъ не было. Она, мнѣ кажется, совсѣмъ не смотрѣла на себя, какъ на большую, кромѣ того, когда она стала формироваться, у нея начала періодически появляться сыпь на рукахъ, и иногда руки ея разбаливались окончательно, и она сидѣла съ обвязанными пальцами. Когда ей минуло 16 лѣтъ, дѣдушка сообщилъ, что за нее сватается женихъ, но, по молодости невѣсты, онъ ему отказалъ. Впослѣдствіи мы немного знали этого человѣка, — онъ былъ священникомъ Похвалин-

ской церкви, Казанскій, съ очень мрачнымъ характеромъ, и я всегда радовалась за мать, что ее Богъ спасъ отъ него.

Въ томъ же году посватался отецъ, согласія ея не спрашивали, да ей не приходило и въ голову заявлять свою волю. Отецъ былъ стройный и красивый, онъ могъ нравиться; какъ женихъ, онъ сталъ бывать у матери по вечерамъ и приводилъ съ собой своего шафера Андрея Абрамовича Аѳинова. Это былъ человѣкъ веселый и по возрасту болѣе подходилъ къ невѣстѣ; съ нимъ она была болтлива и много смѣялась, за что, къ великому своему огорченію, получила однажды выговоръ отъ своего жениха. Вообще между отцомъ и матерью была тогда сильная разница не только въ лѣтахъ, но и въ развитіи, и я полагаю, что матери такъ потомъ и всю жизнь неудалось сдѣлаться равнымъ товарищемъ и другомъ своего мужа, хотя любила она его страстно, но это какъ-то сказалось намъ всѣмъ уже послѣ смерти отца. Время, когда она была невѣстой, тоже для нея было тяжелымъ, — отецъ не любилъ заниматься хозяйственными хлопотами; тетки хотя и принимали участіе, но все это былъ болѣе или менѣе чужой для нея народъ, а приходилось дѣлать приданое. Вышедши замужъ, она не скоро потеряла привязанность къ родному дому, и долго всѣ ея интересы были тамъ, тѣмъ болѣе, что братъ все сильнѣе пилъ и ссорился съ отцомъ, часто даже совсѣмъ пропадалъ изъ дому. Отъ этихъ огорченій дѣдушка привыкъ искать утѣшенія у дочери, и ее тянуло отъ своей семьи къ отцу, а моему отцу это не нравилось. Дома была таже исторія съ Неофитомъ Николаевичемъ, который тоже сильно пилъ. Одно время онъ сталъ принадлежать къ сектѣ Орины Лазаревны, которую обвиняли въ томъ, что она свое ученіе о тайной милостынѣ проводила въ томъ смыслѣ, что можно брать и чужое, только-бы оно было подано. Маменька, безпрестанно огорчаемая ссорами брата съ отцомъ, безпрестанно боящаяся, чтобы братъ не погибъ насильственной смертью, обратилась къ религіознымъ вопросамъ.

Черезъ годъ послѣ замужества у нея родился сынъ Валеріанъ, затѣмъ— сынъ Владиміръ, потомъ дочь Марія, и еще дочь тоже Марія. Всѣ послѣдніе три ребенка умерли, жили не подолгу, но отнимали много силъ у матери,—она сама кормила и няньчила ихъ, а была еще такъ молода. Отецъ все это время жилъ въ семинаріи и, кромѣ должности профессора, исполнялъ должность эконома, бывшаго въ то время членомъ семинарнаго правленія, вмѣстѣ съ ректоромъ и инспекторомъ. Ректоръ любилъ пожить весело, и въ семинаріи было заведено проводить вечера то у того, то у другого профессора за картами, причемъ, конечно, не обходилось и безъ выпивки, тѣмъ болѣе, что донскіе казаки складывали свое вино въ семинарскіе подвалы и готовы были отпускать

вино въ кредитъ. Хозяйничанье хлѣбосольнаго ректора сказалось тѣмъ, что у семинаріи получился дефицитъ, который пришлось покрывать. Не помню теперь, сколько выпало на долю отца, но знаю, что въ это время они заняли 600 рубл. и притомъ жемчугъ, кольца и другія вещи матери были заложены. Одинокіе вечера съ ребятами, дефицитъ въ хозяйствѣ вслѣдствіе долга, двое пьющихъ братьевъ, ссоры Флегонта Васильевича съ отцомъ — все это ужасно мрачно настроивало мать и доводило ее почти до припадковъ отчаянія. Разъ, когда Флегонтъ Васильевичъ пропадалъ безъ вѣсти нѣсколько сутокъ, ей вообразилось, что она должна его искать, и она ночью отправилась бродить — стала осматривать на мосту и по дорогѣ къ ярмаркѣ всѣ казачьи пикеты, гдѣ обыкновенно находились забранные за ночь пьяные и бродяги. Послѣ, одумавшись, она и сама удивлялась своей храбрости и благодарила Бога, что такое путешествіе не кончилось для нея чѣмъ-нибудь дурнымъ. Послѣ женитьбы на Марьѣ Степановнѣ Войновой Флегонтъ Васильевичъ сталъ меньше пить, и маменька стала менѣе безпокоиться о немъ. Къ этому времени, кажется, слѣдуетъ отнести другую тяжелую полосу въ ея жизни. Вслѣдствіе-ли чтенія, или, можетъ быть, просто жизнь натолкнула на разные вопросы, только маменька стала мучиться религіозными сомнѣніями. При страстномъ, но крайне замкнутомъ характерѣ, который былъ у маменьки, эти сомнѣнія приняли очень мучительный характеръ. Я знаю ее и всегда помнила, какъ человѣка очень религіознаго и даже очень набожнаго, но только и до сихъ поръ она почти никогда не читаетъ книгъ религіознаго содержанія, чтобы „не смущаться мыслями“, какъ она сама говоритъ.

Со временемъ отцу надоѣла необезпеченная жизнь и, можетъ быть, самое профессорство, и онъ вздумалъ поступить въ священники. Не знаю, къ какому году отнести его занятія съ графомъ Толстымъ и съ другими подобными знатными учениками, но съ Толстымъ, кажется, занимался онъ уже женатымъ. Въ священники онъ поступилъ въ городъ Горбатовъ прямо на мѣсто протоіерея. Приходъ считался богатымъ, и говорили, что предшественникъ его нажилъ большія деньги, но это былъ въ сущности очень бѣдный городъ, гдѣ православное населеніе состояло почти изъ однихъ чиновниковъ и гдѣ, слѣдовательно, доходы безгрѣшные и опредѣленные были очень скудны. Священниковъ же было всего три, изъ которыхъ старшимъ былъ, какъ я уже сказала, мой отецъ. Сколько мнѣ помнится, другіе священники не любили отца; это, вѣроятно, было слѣдствіемъ того, что онъ былъ человѣкомъ совсѣмъ другихъ взглядовъ. Все купеческое и мѣщанское населеніе придерживалось раскола. Въ это время царствовала Николаевская строгость, и раскольниковъ пре-

слѣдовали. При прежнемъ протоіереѣ раскольники чувствовали себя очень покойно, откупались деньгами; отецъ завелъ строгости, откупиться у него нельзя было, надо было прямо дѣлаться отписнымъ и нести всѣ тяготы такого положенія.

Маменька разсказывала, что въ первое время по пріѣздѣ въ Горбатовъ, ее ужасно тяготила враждебность окружавшихъ людей. Хозяева дома, гдѣ они наняли квартиру, постоянно брезговали православными, безпрестанно слѣдили, какъ-бы мать или кухарка ея не «опоганили» ихъ посуды, не почерпнули-бы своими «православными» ковшами воды изъ ихъ бочки, или не положили бы въ хозяйскую чашку какое-нибудь свое кушанье и т. д. Семья была большая, нѣсколько снохъ, и всѣ онѣ были разныхъ толковъ, у каждой снохи были свои иконы, задернутыя занавѣской, и каждая не имѣла права молиться на икону другой. Старики, свекоръ и свекровь, уже не ѣли изъ одной посуды съ другими членами своей семьи. Въ такомъ положеніи находилось почти все населеніе Горбатова. Мать мою ужасно непріятно поражала эта узкая привязанность къ буквѣ, къ обряду, нѣкоторая черствость въ отношеніяхъ, въ особенности къ иновѣрцамъ. Впослѣдствіи она разсмотрѣла въ этомъ суровомъ населеніи и въ этой по преимуществу религіозно-обрядовой жизни и хорошія черты. Во первыхъ, къ воспитанію дѣтей относились строже, отъ матери требовалось, чтобы она не только питала, но также и воспитывала въ извѣстномъ направленіи своихъ дѣтей. Матери каждое утро, особенно каждый праздникъ ставили своихъ дѣтей на молитву, и хотя это было, большею частью, безсмысленное отбиванье поклоновъ по четкамъ, но иногда имѣло и хорошіе результаты, направляя мысль на религіозные вопросы. Затѣмъ въ *общинахъ* невольнымъ образомъ выработалось нѣкоторое уваженіе къ свободѣ совѣсти — люди привыкли видѣть, что одинъ вѣритъ такъ, а другой—иначе. Къ отцу впослѣдствіи стали ходить не только простые люди изъ раскольниковъ, а также и начетчики, и начетчицы; нѣкоторые даже почувствовали привязанность къ нему; разсказываютъ, что, услыхавъ о болѣзни и даже смерти отца, двѣ начетчицы прибѣжали къ намъ на дворъ даже изъ-подъ горы и, усѣвшись на крыльцѣ, стали оплакивать отца, пока имъ не объяснили, что онъ не думалъ еще умирать. Почти все время своей жизни въ Горбатовѣ отецъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, «вслѣдствіе излишняго досуга», какъ онъ говорилъ. Чиновное населеніе города тоже полюбило отца. Особенно хороши были отецъ и мать съ семействомъ городничаго Н. П. Алымова. Жена его, Елизавета Дмитріевна, была чахоточной, постоянно прихварывала; у нихъ были двѣ дочери, старшая—почти взрослая дѣвица, а вторая —ровесница съ

моимъ братомъ Валеріаномъ. Съ послѣднимъ Серафимочка Алымова *) и Машенька Петрова обыкновенно играли въ куклы и стряпню. Впослѣдствіи Валеріанъ сталъ ходить въ приходское училище, гдѣ долженъ бы былъ сблизжаться съ мѣщанскими мальчиками, но, повидимому, онъ былъ слишкомъ аристократиченъ и выросъ слишкомъ въ женскихъ рукахъ, чтобы находить удовольствіе въ ихъ забавахъ и играхъ. Въ послѣдній годъ нашей жизни въ Горбатовѣ, его отвезли въ Нижній и оставили у дѣдушки Василья Григорьевича учиться въ училищѣ, гдѣ онъ окончательно забылъ всѣ игры, если и зналъ какія, сталъ исключительно жить книжками, выучился у дѣдушки по-латыни, и сталъ во многомъ товарищемъ дѣдушки, какъ прежде всегда былъ товарищемъ маменьки.

Въ Горбатовѣ начались и мои самыя раннія воспоминанія. Родилась я въ 1843 г. 25-го января. Мы жили въ то время въ семинаріи, а бабушка, Елена Григорьевна, тутъ же неподалеку съ Неофитомъ Николаевичемъ на квартирѣ. Дядя Неофитъ Николаевичъ часто вспоминалъ день моего рожденія,—что, благодаря этому дню, онъ научился печь блины, такъ какъ 25-го января празднуется память Аркадія и Маріи, и была именинница тетка Марья Николаевна, то бабушка пекла блины; когда за ней прислали отъ насъ, у матери начались роды; бабушка поспѣшила на помощь, а дядя взялся за печенье. Нашъ отъѣздъ въ Горбатовъ я не помню, но сознавать себя начала очень рано. Помню садъ съ окнами конюшни, выходящими въ него; это, должно быть, было у Турчаниновыхъ. Затѣмъ помню, какъ докторъ Мавринъ собирался прививать мнѣ оспу. Помню, какъ строился нашъ домъ въ Горбатовѣ; помню, что я хожу по стружкамъ, которыя навиваются мнѣ на ноги, рядомъ плотники строгаютъ полъ, и въ окнахъ еще нѣтъ рамъ. Очень ярко вспоминается одно утро въ праздникъ Троицы. Мы съ братомъ Костей сидимъ на окнѣ и ждемъ всѣхъ отъ обѣдни. Изъ церкви уже начали выходить. Передъ окнами посажены березки. Такъ какъ въ Горбатовѣ мы жили недолго, то, должно быть, эти воспоминанія сохранились отъ очень ранняго дѣтства. Отрывками я помню, какъ мы пріѣзжали въ Нижній и останавливались у дѣдушки, или какъ онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Горбатовъ.

Помню, что у насъ жилъ одно время Анатолій, сынъ Флегонта Васильевича; должно быть, его привозили послѣ смерти Марьи Степановны. Затѣмъ я вспоминаю нашу Нижегородскую квартиру. Отецъ перешелъ на службу въ Нижній и поступилъ священникомъ въ Знаменскую или Мироносицкую церковь, что стоитъ

*) Теперь она жена извѣстнаго писателя Бажина и сама писательница.

въ концѣ Лыковой дамбы. Первая наша квартира была на Покровкѣ, какъ разъ противъ Лыкова моста, въ домѣ купца Сванинишникова. Хозяинъ былъ старый холостякъ, жилъ съ своей сестрой, имѣлъ чайную и бакалейную лавку, и, если не ошибаюсь, иногда нянька Акулина брала насъ съ собой въ лавку, и мы получали конфеты отъ хозяина. Квартиру эту я помню, главнымъ образомъ, потому, что на дворѣ было много какихъ-то дѣтей, и мы играли въ прятки, и для этого самымъ лучшимъ и самымъ страшнымъ было залѣзть въ окно подвала, уцѣпиться за оконную рѣшетку и висѣть такимъ образомъ, далеко не доставая ногами до пола подвала. Страшно было, во первыхъ, и свалиться, а потомъ много тамъ было двухвостокъ.

Ребенкомъ я была, должно быть, не изъ пріятныхъ; говорятъ, что съ самаго дѣтства была очень безпокойна, не брала рожка, спала мало и плохо засыпала, причемъ требовала, чтобъ меня укачивали. Особенно любила, чтобы отецъ меня носилъ на рукахъ и усыплялъ пѣніемъ. Помню, когда мы появлялись на улицѣ вмѣстѣ съ Костей, то прохожіе часто обращали вниманіе на Костю, говорили: «какой хорошенькій мальчикъ!» и мое самолюбіе страдало, что о дѣвочкѣ ничего не говорили.

Помню также, едва-ли не въ Горбатовѣ, какъ отецъ меня высѣкъ. Голова моя была зажата между колѣнъ, онъ снялъ съ себя вмѣсто розги шелковый поясъ, который всегда носилъ на рубашкѣ. Не думаю, чтобъ было сколько-нибудь больно при этомъ, но, конечно, очень обидно. Помню, что всякій вечеръ были слезы, когда меня посылали спать. Больше всего любила я засыпать тутъ же, гдѣ сидятъ большіе, ткнувшись кому-нибудь за спину на креслѣ или диванѣ. Помню, что у Сванинишниковыхъ мы вставали очень рано, и чтобы не мѣшать большимъ спать, насъ съ Костей брали изъ комнаты и, завернувши въ одѣяло, переносили черезъ сѣни въ кухню, гдѣ нянька Авдотья давала ѣсть гречневой каши съ молокомъ, а въ постъ—съ постнымъ масломъ, что я очень любила. Въ это время меня кормили сѣрой, посыпанной на черный хлѣбъ,—кажется, это дѣлалось потому, что у меня была золотуха. Въ Горбатовѣ у Кости была нянька Акулина, которую намъ давала Мар. Борис. Грюндель, вдова доктора; она жила рядомъ съ нами, и, кажется, она же дала и землю подъ домъ съ тѣмъ, чтобы потомъ нашъ домъ поступилъ въ ея пользу. Акулина была старая крѣпостная; у нея, кажется, ничего не было своего, носила она очень грубыя платья изъ красной набойки, и ничего не видала кромѣ Горбатова. Въ Нижнемъ надъ ней всѣ потѣшались. Скоро она почему-то была отослана назадъ, и у насъ осталась одна Авдотья, дѣвица изъ села Панова. Это былъ человѣкъ сомостоятельный. Сначала она служила въ кухаркахъ.

потомъ—въ нянькахъ и выжила у насъ 17 лѣтъ и сыграла довольно большую роль въ образованіи нашихъ характеровъ. Я ее не любила, ссорилась съ ней, во первыхъ, за то, что, умывая, она царапала мнѣ лицо кольцомъ Варвары Великомученицы (какія пріобрѣтаются въ Кіевѣ), вовторыхъ, за то, что, няньчась съ Леней и Ниной, она заставляла меня прислуживать ей, т. е. помогать, и я считала это за униженіе. Въ тоже время она была для меня чѣловѣкъ интересный: до житья у насъ она ходила два раза на богомолье въ Кіевъ и очень хорошо разсказывала о пещерахъ, о службѣ въ Лаврѣ, а, главное, о томъ, какъ онѣ останавливались въ лѣсочкѣ, гдѣ-нибудь у рѣки, какъ цвѣли яблоки въ самую раннюю пору, когда у насъ однѣ вербы распускаются, какъ стирали бѣлье на остановкахъ, какъ просились ночевать гдѣ-нибудь у хозяйки; сднимъ словомъ, она передавала всю поэзію путешествія, и я начала также мечтать сходить пѣшкомъ въ Кіевъ. Кромѣ разсказовъ о путешествіи, у няньки много также было разсказовъ историческаго и сказочно-этнографическаго характера. Жизнь ея родного села имѣла въ себѣ слишкомъ много оригинальнаго, чтобы намъ, даже въ томъ раннемъ возрастѣ, не заинтересоваться этими разсказами, хотя, конечно, у Авдотьи былъ къ нимъ личный интересъ. Впослѣдствіи братъ Валеріанъ прямо таки заставлялъ ее разсказывать, интересуясь тѣмъ этнографическимъ матеріаломъ, какой находилъ въ ея разсказахъ. Умѣла нянька также разсказывать и сказки. Въ ея устахъ всѣ эти Иванушки-дурачки получали различные оттѣнки индивидуальности, въ каждой сказкѣ она умѣла придать ему своеобразную окраску,—одинъ былъ совсѣмъ наивный дуракъ, другой—съ хитростью, третій—съ упрямствомъ, озорной дуракъ. Были также и трогательные разсказы. Больше всего я любила разсказы о царевнѣ—лягушкѣ, о томъ, какъ она, въ качествѣ жены младшаго Ивана Царевича, завоевала себѣ всѣ симпатіи, и какъ мужъ сжегъ ея шкурку и за это долженъ былъ искать ее по бѣлу свѣту. Мастерица была разсказывать нянька. Потомъ она много наслушалась книжныхъ разсказовъ, и потому у нея многое перемѣшалось. По части разсказовъ баловала насъ также иногда тетка Капитолина Николаевна. Въ зимній вечеръ придемъ мы къ ней, она работаетъ что нибудь и разсказываетъ; но у нея все было въ другомъ родѣ,—то легенды о Николаѣ Чудотворцѣ, то о другихъ святыхъ. Многіе изъ этихъ разсказовъ запомнила она еще въ то время, какъ жила дома въ Селитьбѣ и когда осенью въ домъ приходили *швецы* шить зимнія шубы и др. платья; эти швецы, кромѣ шитья, имѣли своей спеціальностью разсказы.

Кромѣ того, въ Горбатовѣ у насъ очень часто бывала и вообще близка

была къ нашему дому жена церковнаго старосты, прядильщика канатовъ, Анна Яковлевна Брагина. Очень она большое вліяніе имѣла въ дѣтствѣ на меня, почему то она меня особенно любила, и я помню, что чувствовала себя очень уютно, забравшись къ ней на колѣни и прижавшись къ ея бѣлой холщевой рубашкѣ, завязанной яркой ленточкой, тогда какъ полы ея бараньей шубы окутывали меня сверху. Эта Анна Яковлевна каждый годъ не разъ пріѣзжала къ маменькѣ погостить. Вотъ она тоже обыкновенно забавляла насъ разсказами,—у нея опять были разсказы особаго характера, все больше про чертенятъ; въ ея разсказахъ все это были веселые проказники, которые вреда людямъ собственно никакого существеннаго не приносятъ, а такъ понемногу пакостятъ. Разсказывала она къ случаю: поставятъ что-нибудь непокрытое, Анна Яковлевна непремѣнно покроетъ посудинку чѣмъ-нибудь, хоть лучинку положитъ поперекъ, и начнетъ разсказывать, какъ вредно оставлять непокрытымъ и какія изъ этого происходятъ вещи.

Когда я выросла, она разсказывала мнѣ о крѣпостныхъ невзгодахъ,—въ молодости она была крѣпостной очень злой и развратной барыни. Въ разсказахъ Анны Яковлевны было очень много добродушія, незлобивости и даже больше—самой высокой гуманности. Мужъ ея былъ также очень добрый человѣкъ, но, повидимому, главой дома была Анна Яковлевна. У нея было два сына, оба женатые, много очень внуковъ; внуки тоже поженились, и вся семья жила въ одномъ домѣ, промышляя прядильней. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось пріѣзжать въ Горбатовъ, мы всегда бывали у Анны Яковлевны, и вообще въ дѣлахъ ея семьи я всегда принимала живѣйшее участіе. Черезъ Анну Яковлевну и няньку съ ея родными и друзьми, которые всѣ также были намъ хорошо извѣстны и останавливались обыкновенно у насъ, мы, дѣти, и получали наше знакомство съ жизнью народа. Иногда случалось, что братъ няньки жилъ у насъ нѣсколько дней, или мать ея пріѣзжала къ намъ. Иногда кого-нибудь отдавали изъ ихъ рода въ солдаты, тогда мы близко узнавали всю эту драму бывшей крестьянской жизни. Нянька, какъ любительница сильныхъ драматическихъ впечатлѣній, каждый годъ даже ходила посмотрѣть, какъ идетъ пріемка. Въ прежнее время это да наказаніе плетьми доставляло народу зрѣлище. Помню, какъ нянька, возвратясь, разсказывала о видѣнныхъ сценахъ; о томъ, какъ иного приведутъ въ цѣпяхъ, какъ его оплакиваютъ родные, какъ причитаютъ; съ большимъ сочувствіемъ относилась, когда крикнутъ: „затылокъ!“—какъ рекрутъ, получивши „затылокъ“, бѣжитъ обыкновенно изъ присутствія голый и за нимъ вся родня, подбирая его рубаху, шубу, шапку и т. д. Нечего и говорить, что мы, дѣти, жадно выслушивали

всѣ такіе разсказы. Были также разсказы о томъ, какъ гуляютъ *наймисты*. Помню, какъ всегда меня возмущало ихъ поведеніе, и я удивлялась, какъ имъ позволяютъ такъ безобразничать.

Отъ Сванинишниковыхъ мы перешли въ свой домъ на Ильинкѣ. Кажется, еще жили у Олесовыхъ, но что-то ничего не помню. На Ильинкѣ домъ былъ маленькій и, кажется, отецъ перестраивалъ его; на дворѣ были развалины большаго дома, ихъ скоро разобрали, боялись, что домъ рухнетъ и задавитъ насъ,—мы любили въ него заходить—посмотрѣть; на дворѣ былъ еще флигель, гдѣ поселилась Капитолина Николаевна, все еще продолжавшая пускать семинаристовъ. Въ это время у насъ родился Леонъ, былъ, слѣдовательно, 1851-ый годъ. Беременность матери и рожденіе ребенка впервые навели мои мысли на вопросы, на которые, обыкновенно, дѣвочкамъ не отвѣчаютъ. Помню, что я очень долго ломала голову надъ тѣмъ, какимъ путемъ вышелъ ребенокъ. Нянька сказала мнѣ: „изъ уха вылѣзъ“.—я нѣсколько сомнѣвалась, но въ это же время я купила на ярмаркѣ „Душеньку“ Богдановича и перевертывала на всѣ лады эту совсѣмъ не дѣтскую книжку; въ ней я натолкнулась на фразу: „ходила Душенька съ завѣшаннымъ ушкомъ,“ я и подумала, что вѣрно въ самомъ дѣлѣ ухо играетъ роль въ вещахъ, считающихся нескромными.

Рожденіе Леона памятно мнѣ потому особенно, что я слышала раздирающіе крики матери и испугъ при этомъ отца, который ходилъ въ это время съ нами по двору. Насъ долго послѣ не пускали въ комнаты, и мы, кажется, это время даже жили въ кухнѣ. Мать долго была больна, едва оправилась, но помню, когда она встала, то даже я замѣтила, — или, можетъ быть, говорили вокругъ,—что она очень похорошѣла. Изъ того, что я читала Душеньку, я заключаю, что я уже къ 8 годамъ одолѣла грамоту. Дѣйствительно, теперь припоминаю, что азбуку собственно я учила подъ руководствомъ маменьки у Сванинишниковыхъ, и помню, что мать часто сердилась при этомъ. Азбука была хорошая, съ картинками; помню стрекозу и казуара, да въ концѣ книги разсказъ о трехъ дѣтяхъ—Яшенькѣ, Пашенькѣ и Агашенькѣ. Этотъ разсказъ Валеріанъ, должно быть, прочиталъ, давая мнѣ понять, что нѣкоторыя черты дурной дѣвочки могутъ быть приписаны и мнѣ, что меня очень огорчило. Затѣмъ уже на Ильинкѣ помню, что меня заставляли читать псалтырь блаженнаго Августина. Книжка только потому казалась пригодной для дѣтскаго чтенія, что была напечатана крупнымъ шрифтомъ, зато слова въ ней случались ужасно длинныя, и мнѣ даже казалось, что мать иныя и сама съ трудомъ выговариваетъ, и я отказывалась ихъ выговаривать, или перевирала, и книжка летѣла на полъ. Когда выучился читать Костя, не помню, должно

быть, мы выучились вмѣстѣ; писали, помню, вмѣстѣ, и всегда являлось соревнованіе. Буквы мы всегда олицетворяли: онѣ были гордыя, веселыя, печальныя, спѣсивыя, съ поджатымъ хвостикомъ и т. д. Учила насъ всегда маменька, но очень часто, усадивши насъ учиться, она уходила въ кухню, и когда намъ надоѣдало сидѣть, то мы обращались къ отцу; иногда онъ отказывался отпустить насъ, посылая къ матери, а иногда отпускалъ своею властью."

Къ сожалѣнію, Александра Викторовна не успѣла довести до конца своихъ интересныхъ записокъ и на этомъ мѣстѣ онѣ прерываются.

Въ дѣтствѣ она была ребенкомъ очень болѣзненнымъ, нервнымъ, часто плакала, сама не зная о чемъ. Семейная обстановка была невеселая. Отецъ, молчаливый и мрачный, поглощенный дѣлами, мало занимался семьей. Мать, также постоянно озабоченная то семьей, то родными, отдавалась молитвѣ или хозяйству; старшій братъ былъ значительно старше, а младшія дѣти моложе, такъ что Александра Викторовна росла одинокой, не имѣя подругъ и внѣ семьи. Удовольствіями никакими никто не пользовался. «Поѣздка съ самоваромъ за городъ или катанье на лодкѣ были годовыми событіями», пишетъ ея братъ. Александра Викторовна рано начала помогать матери въ ихъ бѣдномъ хозяйствѣ, и только свободные промежутки отдавала чтенію. Образованіе она получила только домашнее, женскихъ епархіальныхъ училищъ тогда еще не было, а пригласить учителей не хватало средствъ. Законъ Божій и другіе элементарные предметы она прошла при помощи своего старшаго брата Валеріана Викторовича Лаврскаго, нынѣ каѳедральнаго протоіерея въ Самарѣ, тогда воспитанника семинаріи и школьнаго друга Добролюбова. Какъ старшій, онъ пользовался большимъ вліяніемъ и первый возбудилъ въ Александрѣ Викторовнѣ интересъ къ естественнымъ наукамъ, увлекаясь ими самъ; они вмѣстѣ занимались физическими опытами, собираніемъ коллекцій и гербаризированіемъ. Другимъ лицомъ, имѣвшимъ вліяніе на умственное и нравственное развитіе Александры Викторовны, была помѣщица Е. П. Юрьева, тетка извѣстнаго нашего беллетриста П. Д. Боборыкина. Не имѣя своихъ дѣтей, она полюбила Александру Викторовну, часто увозила ее къ себѣ «погостить» и занималась съ ней французскимъ языкомъ. Ея библіотека была единственнымъ источникомъ, откуда Александра Викторовна могла получать книги. Несомнѣнно также, что значительное участіе въ развитіи Александры Викторовны принималъ и младшій ея братъ Константинъ Викторовичъ, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «Камско-Волжской газеты» и постояннымъ сотрудникомъ-публицистомъ «Недѣли». Между ними было только 2 года разницы, и Александра Викторовна вспоминала его,

какъ товарища своихъ дѣтскихъ игръ. Когда на 16-мъ году К. В. удалось поступить въ университетъ, онъ въ длинныхъ письмахъ дѣлился съ Александрой Викторовной впечатлѣніями новой среды и новыхъ интересовъ, тревожныхъ и страстныхъ, которыми жила тогда студенческая молодежь.

Уже молоденькой дѣвушкой Александра Викторовна нашла себѣ друга въ лицѣ только что кончившей институтки, дочери бывшаго нижегородскаго вице-губернатора П-ва. Это была глубокая, страстная, мистически-настроенная натура; неудовлетворенная замкнутой однообразной жизнью семьи, она страдала отъ одиночества и искала утѣшенія въ книгахъ. Сходство положеній и любовь къ чтенію сблизили обѣихъ дѣвушекъ; онѣ стали проводить вмѣстѣ цѣлые дни, запираясь отъ всѣхъ въ комнатѣ, вмѣстѣ читая и разговаривая. Въ это время онѣ переживали моментъ религіознаго увлеченія, усердно ходили въ церковь, часто бывали въ женскомъ монастырѣ, и сблизились съ монахинями. Наиболѣе увлекающаяся А. М. П-ва такъ отдалась идеѣ религіознаго подвижничества, что рѣшила идти въ монастырь. Сопротивленіе родныхъ не могло ее остановить и черезъ 2 года она умерла отъ чахотки. Съ глубокой грустью Александра Викторовна всю жизнь вспоминала свѣтлый образъ молодой энтузіастки съ ея неудавшейся жизнью и преждевременнымъ концомъ. Отъ этого періода вѣроятно и у Александры Викторовны осталось ея религіозное чувство, доставлявшее ей столько душевной борьбы и не утратившее страстности до конца жизни.

Въ 1861 г. умеръ отецъ Александры Викторовны. За ней, какъ за старшей дочерью, по существовавшему тогда обычаю среди духовенства, не исчезнувшему, впрочемъ, и до сихъ поръ, было «зачислено» мѣсто отца, т. е. послѣднее могло быть занято только такимъ лицомъ, которое изъявитъ согласіе жениться на Александрѣ Викторовнѣ. Такое насиліе надъ человѣческою личностью, такое грубое принудительное соединеніе на-вѣки, «изъ-за мѣста», судьбы двухъ лицъ до глубины души возмутило и оскорбило Александру Викторовну, и она на-отрѣзъ отказалась отъ предоставленныхъ ей правъ на «мѣсто», упросивъ занять его своего брата Валеріана, и сама, оставшись жить у него, завела домашнюю школу.

Въ 1866 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ открылось женское епархіальное училище и Александра Викторовна поступила въ него воспитательницей и не оставляла этой должности до замужества. Въ училищѣ жизнь ея шла однообразно и тихо, по большей части, за рукодѣльями и чтеніемъ книгъ. По воспоминаніямъ лицъ, знавшихъ въ это время Александру Викторовну, она была чрезвычайно застѣнчивой и замкнутой натурой; но въ ней постоянно жила безпокойная мысль, постоянное стремленіе къ иной жизни и горячая жажда знаній.

При неудовлетворенности окружающимъ, она, тѣмъ не менѣе, съ искреннею любовью относилась къ дѣлу воспитанія ученицъ и была общей ихъ любимицей. Не меньшею любовью и уваженіемъ пользовалась она и у своихъ сослуживицъ по училищу. «У насъ,—пишетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ нихъ,—навсегда сохранится память объ Александрѣ Викторовнѣ, какъ о человѣкѣ чрезвычайно прямомъ, честномъ и глубоко отзывчивомъ на все доброе и хорошее».

Въ епархіальномъ училищѣ Александра Викторовна прослужила до 1874 года,—слѣдовательно, 8 лѣтъ,—и начала было уже утрачивать всякую надежду на перемѣну своей жизни, какъ судьба въ это время свела ее съ Григоріемъ Николаевичемъ Потанинымъ, и вскорѣ она стала его женой. Жизнь ея тутъ совершенно измѣнилась,—ея живой умъ нашелъ себѣ цѣнителя и вѣрнаго спутника, энергія возрастала съ каждымъ шагомъ впередъ, и ея душевныя и нравственныя силы развились во всей ихъ полнотѣ. Она съ неимовѣрными усиліями и рвеніемъ старалась пополнить пробѣлы своего образованія, изучила французскій и англійскій языки, на столько, что могла заниматься переводами, и впослѣдствіи каждый, встрѣчавшійся съ нею, поражался ея яснымъ, свѣтлымъ умомъ и ея запасомъ литературныхъ свѣдѣній, не совсѣмъ обыкновенныхъ для дѣвицы, получившей только домашнее образованіе

Встрѣча ея съ Г. Н. Потанинымъ произошла при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Вотъ что по этому поводу писалъ въ «Книжкахъ Недѣли» (1894 г., январь) покойный Н. М. Ядринцевъ: «Г. Н. Потанинъ жилъ въ ссылкѣ въ г. Никольскѣ Вологодской губ., окончивъ въ Свеаборгѣ срокъ крѣпостныхъ работъ *). Товарищемъ его по ссылкѣ въ этомъ же городѣ былъ К. В. Лаврскій, братъ Александры Викторовны, съ которымъ Гр. Ник. весьма сблизился. Это сближеніе и взаимная дружба ихъ еще укрѣпились солидарностью ихъ воззрѣній на задачи областной журналистики. Александра Викторовна пріѣхала въ Никольскъ посѣтить брата. Въ это время Гр. Ник. велъ труженическую жизнь, обработывая научные матеріалы по этнографіи Сибири, и производилъ изслѣдованія общиннаго крестьянскаго хозяйства на сѣверѣ Россіи. Жизнь этого дѣятеля, закинутаго въ глухой уголъ, была совершенно не обезпечена, и онъ никогда не думалъ о семейномъ счастьѣ. Это была жизнь одинокая, исполненная нужды, лишеній, безъ всякаго просвѣта. Я зналъ, что Гр. Ник. живетъ крайне бѣдно и даже, какъ онъ писалъ мнѣ, самъ себѣ

*) Г. Н. Потанинъ былъ высланъ изъ Сибири и приговоренъ къ крѣпостнымъ работамъ послѣ извѣстнаго процесса о „сибирскомъ сепаратизмѣ“. *Ред.*

готовитъ обѣдъ. Скоро я увидѣлъ изъ писемъ, какъ отразилось на этомъ человѣкѣ знакомство съ Александрой Викторовной.

Послѣ перваго знакомства съ Александрой Викторовной въ Никольскѣ, откуда она уѣхала въ Нижній, Гр. Ник. переписывался съ ней около года, не помышляя о женитьбѣ. Скоро выяснилось, однако, что симпатіи ихъ ростутъ и жизнь вмѣстѣ является для нихъ неизбѣжной. Дѣйствительно, черезъ годъ Александра Викторовна пріѣхала и обвѣнчалась съ Григоріемъ Николаевичемъ въ скромной мѣстной церкви, безъ всякой торжественности».

«Я уже заочно, — продолжаетъ Н. М. Ядринцевъ, — преклонился предъ этой женщиной, которая оцѣнила сердце моего друга, не задаваясь мыслью и не справляясь, подобно другимъ женщинамъ, о томъ, съумѣетъ ли онъ обезпечить ея будущность. Прошелъ еще годъ уединенной жизни въ Никольскѣ, а затѣмъ обстоятельства Григорія Николаевича измѣнились къ лучшему, и онъ получилъ право возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ началъ обширный научный трудъ—дополненіе къ IV тому Ритеррова «Землевѣдѣнія Азіи», и въ это же время началъ готовиться къ путешествію».

«Александру Викторовну, — пишетъ далѣе Н. М. Ядринцевъ, — я увидѣлъ въ Петербургѣ. Это была скромная, застѣнчивая женщина, высокая, сухощавая блондинка, съ подстриженными волосами и тонкимъ пѣвучимъ голосомъ. Она одѣвалась очень скромно и просто, и лицо ея носило печать серьезной и интеллигентной женщины. Въ обществѣ она была молчалива, но отличалась тонкой наблюдательностью,—качество, оказавшееся впослѣдствіи весьма цѣннымъ для путешественницы. Ея мнѣнія и сужденія были сдержанны, но мѣтки и отличались тонкимъ остроуміемъ. Она дѣлала весьма удачныя характеристики и опредѣляла людей сразу. Въ этомъ отношеніи ея знаніе жизни и проницательность были качествами, дополнявшими недостатокъ практичности у Григорія Николаевича, погруженнаго въ науку и весьма мало знавшаго дѣйствительность. Тѣмъ не менѣе, Александра Викторовна не съузила его интересы, не погрузила его въ мелочи семейной жизни. Она раздѣляла всѣ планы и стремленія Григорія Николаевича и участвовала въ его духовной жизни».

Вся дальнѣйшая жизнь Александры Викторовны, со времени замужества, проходитъ почти въ безпрерывныхъ путешествіяхъ. Первое свое путешествіе она совершила съ мужемъ въ 1876—77 г.г. въ сѣверо-западную Монголію, посѣтивъ Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголъ, монастырь Улангомъ и такимъ образомъ охвативъ какъ-бы кольцомъ сѣверо-западную Монголію. Въ 1879 г. она снова предпринимаетъ съ мужемъ путешествіе въ центральную часть сѣверо-западной Монголіи съ цѣлію посѣщенія и изученія тѣхъ мѣстно-

стей, которыя имъ не удалось увидать во время предшествовавшаго путешествія. Выступивъ изъ Кошагача на южной границѣ Томской губерніи, экспедиція направилась въ монастырь Улангомъ, далѣе—къ озеру Киргизъ-норъ, посѣтила городъ Кобдо, откуда вернулась въ Улангомъ, а затѣмъ направилась на востокъ, къ озеру Терь-норъ и далѣе черезъ Дархатскій курень къ озеру Косоголъ и мѣстности Монъ въ долинѣ р. Иркута. Въ 1884—86 г.г. Потанины совершаютъ третье путешествіе на китайскую восточную окраину нагорной центральной Азіи, въ долины и предгорья обширной сѣверо-западной Ганьсуйской провинціи Срединной имперіи. Выйдя изъ Пекина весною 1884 г. и двигаясь безъ торопливости, экспедиція употребила все лѣто на достиженіе окраины Амдоскаго нагорья. Лѣто 1885 г. экспедиція употребила на главную свою задачу — изслѣдованіе въ разныхъ направленіяхъ Ганьсуйской окраины Тибетскаго нагорья. Зимовала экспедиція въ знаменитомъ Гумбумскомъ буддійскомъ монастырѣ, на самой границѣ Амдоскаго нагорья, весною 1886 г. была уже на Голубомъ озерѣ (Хуху-норѣ), а затѣмъ по р. Эцзиньголу углубилась въ самую внутренность Монголіи, которую пересѣкла въ меридіанѣ озера Косогола по совершенно неизвѣстному доселѣ пути; и наконецъ, спустившись по р. Орхону къ русской границѣ, позднею осенью 1886 г. достигла Кяхты. Наконецъ, въ 1892 г. Потанины отправились въ четвертую экспедицію въ Монголію, именно въ мало изслѣдованныя мѣстности восточнаго Тибета; по этой экспедиціи не суждено было окончиться такъ-же счастливо, какъ тремъ предыдущимъ,—безжалостная смерть разлучила супруговъ-изслѣдователей, и Григорій Николаевичъ, лишившись своей незамѣнимой помощницы, осенью 1893 г., не окончивъ экспедиціи, возвратился обратно въ Россію.

О научныхъ результатахъ всѣхъ этихъ экспедицій супруговъ Потанинныхъ, о тѣхъ вкладахъ, которые внесены ими въ науку тщательными и разносторонними изслѣдованіями Центральной Азіи, мы не будемъ здѣсь говорить,—они хорошо извѣстны всему образованному міру и давно по достоинству оцѣнены у насъ и за границей.

Александра Викторовна во время всѣхъ этихъ продолжительныхъ странствій обнаружила замѣчательную неутомимость и выносливость. Передъ отъѣздомъ ея въ первую экспедицію можно было опасаться, выдержитъ-ли она всѣ лишенія и неудобства пути, такъ какъ силы ея были не велики, — она казалась слабой и малокровной. Но судя по тому, что ей приходилось выносить въ путешествіяхъ, въ слабомъ тѣлѣ ея имѣлся большой запасъ нервной энергіи, воли и способности преодолѣвать трудности. Переносить-же приходилось не мало. Тѣ люди, которые увлекаются романтическою стороною путе-

шествій и судятъ о нихъ по Майнъ-Риду и Жюлю Верну, не имѣютъ понятія о томъ, что ожидаетъ путешественниковъ въ пустыняхъ и негостепріимныхъ странахъ. За славою путешественника они не замѣчаютъ оборотной стороны медали. Прежде всего, путешествуя по Монголіи и Центральной Азіи, нужно примириться съ походной повозкой или съ грязной юртой, гдѣ часто въ непогоду съ людьми ночуетъ мелкій скотъ; нужно примириться съ жесткимъ ложемъ изъ войлока, съ немытымъ котломъ и чашкой, которую облизываютъ языкомъ, съ нечистоплотностью кочевниковъ. По такимъ юртамъ наши путешественники проводили цѣлые мѣсяцы, и эти юрты въ пустынѣ были еще желаннымъ пріютомъ. Далѣе, путешественникъ долженъ привыкнуть качаться цѣлые дни на верблюдѣ или ѣхать медленно верхомъ на лошади подъ палящимъ солнцемъ. Нужно быть готовымъ ко всякимъ перемѣнамъ погоды. Усталые и измученные, путешественники послѣ цѣлаго дня ѣзды, вечеромъ, когда прислуга, поужинавъ, отдыхаетъ, должны еще долго работать, ведя записи, дневники, классифицируя собранныя коллекціи и т. д.

Все это испытала и переносила покойная путешественница вмѣстѣ съ супругомъ, дѣятельно помогая ему. Надо затѣмъ принять во вниманіе, что съ дикимъ народомъ ѣхала женщина, возбуждавшая надоѣдливое любопытство. Дѣлать путешествіе въ женскомъ костюмѣ совершенно невозможно; приходилось изобрѣтать полумужской костюмъ, но и онъ былъ неудобенъ; поэтому Александра Викторовна схватила жестокій ревматизмъ, особенно мучившій ее въ послѣднее путешествіе.

О тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, какія приходилось переносить и испытывать путешественникамъ, можно судить отчасти по статьѣ Александры Викторовны: „Изъ странствія по Урянхайской землѣ“; здѣсь ихъ застигла поздняя осень, и путешественники должны были дѣлать ночевки на снѣгу подъ открытымъ небомъ, страдая въ то-же время отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Въ одно изъ путешествій у Потаниныхъ вышелъ хлѣбъ и сухари, и они питались корнями изъ норъ полевыхъ мышей и кротовъ. Нерѣдко путешественники изнашивали въ дорогѣ свои европейскіе костюмы и облекались въ туземные. При одной экспедиціи, недалеко отъ Зайсана, на Г. Н. Потанина и его спутниковъ, въ числѣ которыхъ была и Александра Викторовна, монгольская чернь сдѣлала нападеніе, сбила ихъ съ лошадей, отняла оружіе и арестовала ихъ. Нужно было много терпѣнія и выдержки, чтобы переносить все это спокойно и настойчиво пробивать себѣ далѣе дорогу. Путешественники нѣсколько разъ проходили Гоби и испытали всевозможныя трудности этого тяжелаго путешествія, гдѣ лошади и верблюды падали на дорогѣ, а люди

страдали отъ жажды. Нерѣдко приходилось длинные переходы дѣлать пѣшкомъ, а во время путешествія въ вершинахъ Енисея нужно было еще очищать путь и прорубать лѣсъ.

Вотъ, напримѣръ, что пишетъ Александра Викторовна въ письмѣ изъ своего послѣдняго путешествія:

6 октября 92 г.

...«Пишу изъ Урги. Дорога въ китайской телѣгѣ, гдѣ приходится сидѣть задомъ къ лошадямъ, и гдѣ иногда ноги приходятся выше головы, измучила насъ совсѣмъ, хотя мы ѣхали въ общей сложности отъ Кяхты только 36 часовъ и ночевали 3 ночи. Съ ужасомъ думаю, что придется въ этихъ телѣгахъ сдѣлать 1500 в. до слѣдующей остановки. Сожалѣю, что ѣдемъ не на быкахъ, тогда по крайней мѣрѣ не трясло-бы. Ѣдемъ вскачь; два всадника тащутъ нашу повозку за оглобли, другіе два поддерживаютъ за веревки, кругомъ мчится еще человѣкъ 10 верховыхъ, все это кричитъ, скачетъ, предупреждаетъ объ опасности крикомъ: «нельзя, нельзя, не пойдетъ!» Лошади иногда пугаются и выскакиваютъ изъ оглоблей; въ общемъ все это ужасно пугаетъ и дѣйствуетъ на нервы. Къ ночи остановка въ нарочно выставленной юртѣ, гдѣ уже разведенъ огонь и даже поджидаютъ съ чаемъ. Усталость, грязь отъ пыли, въ которой мы ѣдемъ и головокруженіе отъ ужасной тряски— вотъ тѣ прелести путешествія, которымъ такъ завидовали почти всѣ провожавшія меня дамы. Часто мнѣ вспоминаются ихъ восклицанія: «какая вы счастливица!»

Въ другомъ письмѣ она пишетъ слѣдующія строчки, ярко характеризующія то, что приходилось имъ выносить во время пути.

28 февраля 1893 г.

...«Отъ Пекина мы ѣхали одѣтые по зимнему и въ дняхъ*) на ночлегахъ ужасно мерзли—мерзнешь на улицѣ, а въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни печки—вдвое. Эта невозможность, хотя на минуту, погрѣться, ужасно какъ-то затрудняетъ и лишаетъ энергіи; тамъ, гдѣ можно было достать, мы покупали углей, жгли ихъ въ жаровняхъ и, сидя возлѣ, грѣлись. Очень трудно было по утрамъ вставать, а вставали часа въ 3—4, и дожидались, пока накормятъ и снарядятъ муловъ и согрѣютъ кипятокъ. Часовъ въ 11 останавливались кормить муловъ и ѣли лапшу на водѣ, рѣдко что-нибудь другое. Черезъ часъ снова ѣхали до вечера. Такимъ образомъ доѣхали мы до Желтой

*) Дянь—китайскій постоялый дворъ.

рѣки; по рѣкѣ шла шуга *), и перевозъ прекратился; пришлось жить на берегу въ маленькой деревушкѣ, гдѣ не было даже порядочнаго постоялаго двора; жили въ какомъ-то амбарѣ безъ оконъ, дверь приходилось держать постоянно открытою, углей тоже не было, пришлось жечь какія-то старыя доски или солому прямо на полу. Мы прожили тутъ 5 дней и страшно скучали...»

Даже въ лучшихъ случаяхъ, когда Потанины останавливались въ городахъ, приходилось жить въ самыхъ неудобныхъ помѣщеніяхъ; такова, напр. квартира ихъ въ Тарсандо, гдѣ Александра Викторовна жила уже больная: «домъ деревянный, двухъэтажный, маленькій и весь ходенемъ ходитъ, щели вездѣ, постройка изъ тонкихъ дощечекъ. Мы и ватой затыкали, и бумагой заклеивали щели и одѣялами стѣны около кроватей занавѣшивали, а все вѣтеръ дуетъ, но здѣсь вездѣ ужь такія постройки».

Мы позволимъ себѣ привести еще одно изъ ея интересныхъ писемъ, гдѣ она говоритъ объ одномъ переходѣ, сдѣлать который не только женщина, но многіе изъ мущинъ считали бы для себя подвигомъ. Приводимъ письмо цѣликомъ, такъ какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ и самое Александру Викторовну, причемъ напомнимъ, что письмо это писано ею за нѣсколько дней до перваго припадка.

1893 г.

Ѳоминъ понедѣльникъ.

«Христосъ Воскресе!

Всѣ мои родные, пишу это вамъ уже въ Ѳоминъ понедѣльникъ, всю Пасху не могла выбрать времени и мѣста, чтобы написать вамъ хоть эти два слова. Пасху встрѣтили въ горахъ, дорога все была трудная, на стоянки приходили только къ вечеру и въ деревенскіе дяни, гдѣ только лечь найти мѣсто и то хорошо; за то дорога, т.-е. виды, мѣстность были самые праздничные пасхальные, а я ради этого готова мириться съ плохонькими дянями и считала эту Пасху очень хорошей; особенно какъ-то хорошъ былъ день Великой Субботы; я взяла съ собой въ носилки Евангеліе, но потомъ оставила его. Думаю: книжка, писанная руками, всегда будетъ со мной, а эта великая Слава Божія, которую я могу теперь созерцать глазами, не всегда бываетъ со мной, и потому я всю дорогу предпочитала только глядѣть на тѣ картины, которыя открывались передо мною, картина за картиной и одна прелестнѣе другой. Здѣсь горы были суровѣе и пустыннѣе, не такъ населены, какъ тѣ, которыя мы проѣзжали передъ Ченту-фу.

*) Мелкій ледъ.

Перевалы были одинъ въ 9020 ф., другой въ 9300 ф., а это уже довольно чувствительная высота для такихъ людей, какъ я, и Гр. Н. побаивался за меня, однако ничего, на первый перевалъ я довольно много шла пѣшкомъ, также какъ и на второмъ; но напослѣдокъ не могла взобраться до вершины, задохнулась. За то спустилась съ крутизны пѣшкомъ съ помощью человѣка, взятаго мною отъ носилокъ. Шла обыкновенно такъ: шаговъ десять сдѣлаю, да опять сажусь; и то едва поднималась, а носильщикамъ въ эту гору приходилось еще тащить тяжесть. Здѣсь почти весь товаръ и всѣхъ людей несутъ люди. Чаю несутъ громадныя пачки, также матерію, рисъ, и часто вся семья занимается переноской. Идетъ отецъ, жена, дѣти, чаще впрочемъ встрѣчаются съ отцомъ мальчики и дѣвушки—подростки. Если бы не эта тяжелая работа людей, мѣстами картины природы походили бы на рай; особенно теперь, когда всѣ деревья въ цвѣту, нѣкоторыя—съ сильнымъ запахомъ; такъ напримѣръ дикое померанцевое дерево сильно пахнетъ, одна сорванная вѣточка наполнитъ нѣжнымъ ароматомъ весь вонючій китайскій домъ; пахнутъ также грушевыя деревья, они тоже стояли осыпанныя цвѣтомъ: персики также осыпаны розовыми цвѣтами, но они безъ запаху; и каждое-то деревцо все для насъ—сѣверянъ—новость! Иногда горы вовсе лишены дикой растительности, можетъ быть потому, что еще не было дождя. Но какъ только можно прилѣпить хижину, такъ уже туть непремѣнно кругомъ зелень и цвѣтущія деревья. Только китайцы всю эту красоту отравляютъ ужаснѣйшей вонью,—они устраиваютъ отхожія мѣста рядомъ съ жилыми комнатами, а такъ какъ дома состоятъ изъ бамбуковыхъ плетенокъ, иногда обмазанныхъ глиной, а иногда и прозрачныхъ, то запахъ наполняетъ всѣ дома и всю деревню. Можете себѣ представить, когда въ такой домишечко, подъ одной половиной котораго находится помойная яма, явятся человѣкъ 20 (всего съ муловщиками и носильщиками насъ, пожалуй, было столько). Спать иногда было просто трудно, и я все лѣзла поближе къ окнамъ и кончила тѣмъ, что меня продуло, теперь не могу пошевелиться, — бокъ болитъ и зябну; ноги ноютъ, какъ въ лихорадкѣ, и вся энергія моя пропала.

Въ субботу на Пасхѣ мы дѣлали ужасно длинный переходъ, т.-е. длинный по здѣшнему, онъ собственно считался въ 35, можетъ быть въ 45 верстъ; но дороги здѣсь настолько трудны, что такой переходъ и для привычныхъ носильщиковъ труденъ. И вотъ мы усталые тащились, Гр. Ник., надо вамъ сказать, всю дорогу идетъ пѣшкомъ; верхомъ ѣхать и страшно и трудно, и онъ собираетъ дорогою растенія, и потому онъ предпочитаетъ совсѣмъ не брать съ собой мула, чтобы не связывать себя. Такъ вотъ мы тащимся въ

сумерки почти, какъ вдругъ мои носилки сталкиваются съ другими носилками и между носильщиками выходитъ какой-то разговоръ. Я думала, что они спорятъ, кому уступать дорогу, но оказалось, что, когда носилки наши опустили, изъ встрѣчныхъ вышла женщина, одѣтая отчасти по китайски, отчасти потибетски, и заговорила со мной по англійски, затѣмъ по французски. Оказалось, что это была миссъ Ани Тэйлоръ, возвращающаяся черезъ Тарсандо изъ Хлассы, куда пришла черезъ Дарджилингъ.

Я такъ растерялась, что все, что и знала по французки, позабыла на этотъ разъ, и такъ это было мнѣ досадно, а еще больше было досадно то, что мы не встрѣтились съ ней въ Тарсандо, или что мы не остановились на ночлегъ въ одной деревушкѣ, такъ какъ всѣмъ хотѣлось поговорить съ ней; и она была намъ рада, и мы ей. Едва успѣли перекинуться нѣсколькими фразами, какъ пришлось разстаться, носильщики торопились, и дѣйствительно едва успѣли добраться до ночлега до сумерокъ, а дорога самая головоломная. Вы бы не повѣрили, что это называется большой дорогой,—это сплошь навороченные ряды камней, иногда цѣлыя большія глыбы, иногда помельче и больше, засыпанныя землей. Но все-таки мы всегда предпочитали идти гдѣнибудь возлѣ этой большой дороги, если только была малѣйшая къ тому возможность, но бѣда въ томъ, что чаще всего возможности этой не было, и приходилось ломать ноги именно по камнямъ. Мѣстами впрочемъ тропинки встрѣчались и мягкія, но тогда онѣ почти всегда такъ узки и такъ осыпаются, что это были обыкновенно самыя страшныя мѣста дороги. Можете себѣ представить, когда по одну сторону тропинки глубокая пропасть, а сверху скала, и ваши носилки наклоняются на одну сторону, чтобы они могли пройти. У меня всегда сердце замираетъ отъ страха въ такихъ случаяхъ. Очень также страшно на заворотахъ дороги, когда длинныя оглобли носилокъ не могутъ помѣститься въ тѣсномъ углу; тогда тоже носильщики идутъ какъ-то бокомъ, и носилки повисаютъ уже не надъ тропкой, а надъ обрывомъ. Раза два, три случалось, что носильщики сами предлагали мнѣ выйти изъ носилокъ, гораздо чаще я предлагала имъ сама, что я выйду въ мѣстахъ по моему мнѣнію трудныхъ, только, вѣроятно, трудныя и опасныя не всегда значитъ одно и тоже. Вотъ по такимъ-то тропинкамъ и шли мы изъ Я-чжоу до Тарсандо, куда прибыли въ Ѳомино воскресенье къ вечеру.

Этотъ городокъ выстроенъ въ горахъ, недалеко отъ вѣчнаго снѣга, изъ нашей теперешней квартиры въ окна даже открытое небо невидно, а видно только горы справа и горы слѣва; чтобы видѣть узкую полоску неба, надо наклониться. Здѣсь дома строятся въ два этажа, и мы занимаемъ по счастью

верхній, и въ окнахъ нашихъ вездѣ есть по большому стеклу—это уже сказывается близость англійскихъ товаровъ, доставляемыхъ, вѣроятно, черезъ Шанхай моремъ и потомъ носильщиками все по той же дорогѣ, по которой и мы шли; другой дороги въ Тарсандо, кажется, и нѣтъ».

Такія лишенія и трудности приходилось переносить Александрѣ Викторовнѣ, какъ спутницѣ своего мужа во время его путешествій.

Помимо нравственной поддержки, Александра Викторовна оказывала мужу самую дѣятельную помощь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, веденіи дневниковъ, сборѣ и сохраненіи коллекцій и т. п.*) Раздѣляя всѣ труды мужа, она находила время и для самостоятельныхъ литературныхъ работъ, матеріаломъ для которыхъ служили, по большей части, ея личныя наблюденія во время путешествій и которыя составили собою настоящій сборникъ. Статьи, вошедшія въ послѣдній, были напечатаны ранѣе: «Буряты» въ *Трудѣ*, прил. къ *Всемірной Иллюстраціи*, 1891 г., кн. 4—6; «Изъ наблюденій надъ жизнью бурятъ Верхнеудинскаго округа» въ *Сибирскомъ Сборникѣ*, прил. къ *Восточному Обозрѣнію*, 1890 г., вып. I; «Молочное хозяйство у бурятъ Верхнеудинскаго округа» въ *Извѣстіяхъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.*, т. XXI, № 2; «Изъ странствія по Урянхайской землѣ» въ *Сибирскомъ Сборникѣ*, 1891 г., вып. II; стр. 12. «Монголія и монголы» въ *Читальнѣ народной школы*, 1891 г., ноябр. книжка; «Встрѣча съ двумя монгольскими ванами» въ *Русскомъ Богатствѣ*, 1890 г., № 1; «Среди широнголовъ» въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 1888 г., №№ 140 и 144; «Религіозная пляска въ монастырѣ Кадигава» въ газ. *Сибирь*, 1885 г., № 29; «Гумбумъ, монастырь зонкавистовъ» въ *Восточномъ Обозрѣніи*, 1886 г., №№ 27 и 28; «Утай» —тамъ-же, 1884 г., №№ 45, 46 и 48; «Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ» въ *Литературномъ Сборникѣ*, изданіи газеты *Восточное Обозрѣніе*, подъ ред. Н. М. Ядринцева (Спб., 1885 г.); «О китайской женщинѣ» въ *Русскомъ Богатствѣ*, 1887 г., № 7; «Тысяча сто верстъ въ носилкахъ» въ *Вост. Обозр.* 1893 г., № 24; «Дорджи, бурятскій мальчикъ» въ *Дѣтскомъ Сборникѣ*, изд. В. Лесевича (Спб., 1892 г.); «Китайскій звѣрекъ» въ *Родникѣ*, 1889 г., № 12; «Ахметъ» въ литературномъ сборникѣ *Первый шагъ* (Казань 1876 г.). «Тибетъ» появляется въ печати впервые и былъ, повидимому, предназначенъ для помѣщенія въ изданіи для народнаго чтенія. Помимо статей, вошедшихъ въ настоящій сборникъ, въ на-

*) Въ 1887 г. Императорское Русское Географическое Общество наградило А. В. Потанину золотою медалью.

шемъ распоряженіи имѣются многочисленные рукописные матеріалы А. В. Потаниной, какъ-то: черновые дневники, веденные во время путешествій, многочисленныя и стоившія много труда выписки изъ разныхъ изданій для задуманныхъ ею работъ о похоронныхъ обрядахъ сибирскихъ инородцевъ и по исторіи, географіи и этнографіи Урянхайской земли, «Ончонъ и Галданъ», драма изъ монгольской жизни XVII стол. и др. Съ одной стороны неоконченность, съ другой черновой, не подвергнутый литературной обработкѣ, видъ всѣхъ этихъ работъ не позволилъ, къ сожалѣнію, включить ихъ въ настоящій сборникъ, и онѣ хранятся въ Географическомъ музеѣ Московскаго университета.

Литературными работами Александра Викторовна занималась съ большой любовью и съ очень ранняго возраста. «Что грѣха таить», пишетъ она одному другу, «писать я люблю, хотя и лѣнюсь, а все же у меня безъ переводу что-нибудь пишется, лучше сказать не пишется, и это чуть ли не съ 8-лѣтняго возраста». Но по своей скромности она всегда очень строго относилась къ своимъ работамъ и постоянно терзалась сомнѣніями.

...«Своимъ письмомъ», читаемъ въ другомъ мѣстѣ, «Вы прибавили мнѣ много бодрости, и я опять вытащила свои тетради на столъ»...

Этимъ же тономъ грустной неувѣренности проникнуто слѣдующее письмо, такое выразительное по силѣ и мысли.

...«Когда я провожу время за чтеніемъ, мнѣ часто становится совѣстно. Думается, неужели у меня, уже старой женщины, нѣтъ другаго дѣла, болѣе полезнаго, чѣмъ чтеніе, хотя бы и полезное для моей души, но достаточно ли спасать свою душу? Не лѣнь ли виновата въ томъ, что я не могу найти себѣ дѣла, которое было бы хоть кому-нибудь полезно? Это раздумье при полномъ досугѣ доходитъ иногда до мучительности. А между тѣмъ, что станешь дѣлать при полномъ недоумѣніи? Вы говорите: описать ту жизнь, среди которой живешь и которая совсѣмъ неизвѣстна. Все дѣло въ томъ, что жизнь, будничная жизнь, какъ она есть, тогда только и будетъ интересна, когда ее хорошо опишутъ, а примись за это дѣло я—и будетъ тоже, какъ еслибы я вздумала нарисовать ту прелестную картину, которая разстилается передъ нашими окнами и которая напоминаетъ мнѣ лучшія картины Рюисдаля. Когда мнѣ становится очень совѣстно за свое ничегонедѣланье, за то, что я все лѣто провела въ одномъ только созерцаніи, я думаю: неужели же грѣхъ любоваться цѣлыми днями этой прелестью, когда даже есть люди, все назначеніе которыхъ переносить эту прелесть на полотно съ тѣмъ, чтобы другіе люди могли любоваться этимъ полотномъ?»

Не давая здѣсь критической оцѣнки литературнымъ работамъ Александры

Викторовны, — (изданный теперь сборникъ ея статей даетъ возможность сдѣлать это самому читателю), — не можемъ не сказать нѣсколько словъ по поводу ея разсказа о бурятскомъ мальчикѣ Дорджи. Здѣсь Александра Викторовна выказала особенную способность уловить психологію инородца, забитаго и угнетеннаго. Она проникла въ жизнь и воспитаніе ребенка—бурята, которому постепенно открывался культурный міръ, но который въ то-же время испытывалъ острые уколы со стороны культурныхъ людей другого племени. Она трогательно описываетъ судьбу этого мальчика, исторія котораго вымышлена, но навѣяна несомнѣнно біографіей даровитаго бурята Дорджи Банзарова, окончившаго курсъ въ Казанскомъ университетѣ и сдѣлавшагося ученымъ*). Этотъ разсказъ ея исполненъ даже художественныхъ достоинствъ. Понять душу инородца помогло ей личное знакомство съ бурятами, съ которыми она встрѣчалась, живя въ Иркутскѣ и за Байкаломъ. Александра Викторовна принимала инородцевъ, какъ лучшихъ друзей своихъ; они всегда встрѣчали у нея ласку и самый радушный пріемъ и долго сохранятъ о ней лучшую память.

Тонкая гуманность и сочувствіе всѣмъ несчастнымъ были лучшими чертами покойной. Она зналась преимущественно съ бѣднымъ людомъ и помогала ему, чѣмъ могла. Живя весьма небогато и часто нуждаясь, она иногда отдавала послѣднее; у нея всегда была забота о томъ, чтобы кого-нибудь пристроить, кому-нибудь помочь. Точно также она покровительствовала учащейся молодежи, которая была ея лучшимъ другомъ. Въ Иркутскѣ и Петербургѣ около нея всегда былъ кружокъ учительницъ, слушательницъ разныхъ курсовъ, большею частію сибирячекъ, которымъ она старалась быть полезной и которыхъ поощряла и воодушевляла въ ихъ занятіяхъ.

Чѣмъ она руководилась, поступая такъ, это лучше поясняетъ ея собственное письмо къ В. В. Лесевичу, посланное изъ Иркутска:

...«Пока я не стремлюсь уѣхать отсюда и мнѣ попрежнему кажется, что намъ лучше жить въ провинціальномъ городѣ, что здѣсь наша величина не совершенно пропадаетъ, и можетъ оказать хоть какое-нибудь содѣйствіе, при общей тягѣ, а въ Петербургѣ, гдѣ уже только машинный трудъ, измѣряемый тысячами силъ, можетъ оказывать какое-нибудь вліяніе, отдѣльныя единицы совершенно пропадаютъ, а мнѣ не по сердцу такое уничтоженіе личности. Поэтому же мнѣ не совсѣмъ по сердцу, когда Вы нападаете на людей,

*) См. „Черная вѣра или шаманство у монголовъ и другія статьи Дорджи Банзарова". Съ біографіей и портретомъ. Издано подъ редакціей Г. Н. Потанина. Спб., 1891 г.

отнимающихъ время, на людей, умѣющихъ вытягивать резинку на 5 саж., хотя я очень хохотала надъ этимъ сравненіемъ. Мнѣ кажется, личныя сношенія людей между собою не должны проходить безслѣдно. Отнимите ихъ изъ моей жизни и что у меня останется — все мной полученное пріобрѣтено лишь путемъ знакомствъ, и все, что я могу возвратить людямъ изъ полученнаго заключается въ томъ же «воздѣйствіи личности», говоря ученымъ слогомъ—другихъ способовъ быть полезной людямъ у меня нѣтъ. Вотъ почему я всегда рада, когда люди приходятъ къ намъ, и всегда печалюсь, когда наши знакомства уменьшаются».

Въ бѣдной и скромной квартиркѣ Потаниныхъ охотно собирались ихъ друзья. Здѣсь не было никакихъ угощеній, кромѣ чая, не было модныхъ и шумныхъ разговоровъ, но каждый выносилъ душевную теплоту и какое-то пріятное, спокойное, умиротворяющее ощущеніе. Вотъ что пишетъ одна изъ курсистокъ — иркутянокъ, доставившая намъ свои воспоминанія объ Александрѣ Викторовнѣ.

...«Съ Потаниными я познакомилась еще въ Иркутскѣ послѣ ихъ возвращенія изъ 3-й экспедиціи. Многіе изъ мѣстной интеллигенціи знали ихъ уже ранѣе и возбуждали любопытство наше, молодежи, разсказами объ ихъ дѣятельности, энергіи, высокихъ нравственныхъ качествахъ и подвижничествѣ во имя науки и любви къ людямъ. Въ особенности насъ интересовала Александра Викторовна—первая появившаяся въ Иркутскѣ женщина, не только образованная, но и занимавшаяся учеными трудами. Встрѣтили ихъ очень торжественно, къ Александрѣ Викторовнѣ составилась даже депутація изъ дамъ съ рѣчами и букетами; потомъ устроили рядъ вечеровъ въ честь ихъ пріѣзда, гдѣ молодежь танцовала, солидные люди бесѣдовали, а Александра Викторовна съ тихой ласковой улыбкой бродила среди молодежи и внимательно приглядывалась ко всему. Этотъ привѣтъ общества имѣлъ въ себѣ столько провинціальной доброты и радушія, что даже такіе застѣнчивые люди, какъ Потанины, не смутились.

Потанины поселились въ мезонинѣ одного небольшаго дома, куда вела узенькая винтовая лѣстница, въ 2-хъ комнатахъ, до потолка которыхъ высокіе мущины доставали головой. Простыя деревянныя стѣны, полки съ книгами, деревянный столъ, закрытый газетною бумагой, замѣняющій письменный, еще столъ и нѣсколько стульевъ—вотъ ихъ типичная обстановка, которой они не измѣняли за все время житья въ Иркутскѣ, и гдѣ Григорій Николаевичъ часто принималъ съ визитами самыхъ почетныхъ въ городѣ лицъ; мѣнялись квартиры, но комнаты попрежнему находились гдѣ-нибудь подъ крышей и

лѣстница попрежнему была узкой и убогой. Но рѣдкій вечеръ въ этихъ комнатахъ, освѣщенныхъ одной, много двумя свѣчами не собиралось по нѣсколько человѣкъ.

Гостей встрѣчалъ Григорій Николаевичъ въ блузѣ, подпоясанной ремешкомъ, и Александра Викторовна въ темномъ ситцевомъ платьѣ. Подавался самоваръ и заводились безконечные разговоры. Тутъ были и учителя съ своими „педагогическими интересами“ и учительницы съ курьезами изъ ихъ школьной администраціи, и «батюшки», прилежащіе къ наукѣ, и доктора, и семинаристы, и гимназистки, и всякіе невольные жители, словомъ всѣ, кто чувствовалъ тяготѣніе къ той живой бодрой струѣ, что вносили въ жизнь Потанины съ ихъ интересами въ мірѣ науки и общественной жизни. Кромѣ интеллигентныхъ людей бывало много и бурятъ; было трогательно видѣть, какъ внимательно и участливо обращалась съ ними Александра Викторовна, какъ старалась ободрить и втянуть ихъ въ общій разговоръ, иногда у нихъ даже устраивались чтенія вслухъ. «Сколько лѣтъ живу въ Иркутскѣ», сказала мнѣ однажды г-жа Ч.. «и въ первый разъ попала въ домъ, гдѣ собрались вмѣстѣ—читать»...

Но собственно мое личное знакомство съ жизнью Александры Викторовны въ это время ограничивалось одной внѣшней стороной, а потому, чтобы обрисовать этотъ періодъ, я предпочитаю прибѣгнуть къ помощи писемъ самой Александры Викторовны. «Жизнью въ Иркутскѣ я продолжаю быть очень довольна», пишетъ Александра Викторовна,—«она идетъ очень оживленно. Гр. Ник. весь погруженъ въ дѣла Отдѣла, время его все разорвано на кусочки, благодаря разнымъ визитамъ и хлопотамъ то съ лекторами, то съ членами, то съ предсѣдателемъ, то съ музеемъ. Знакомыхъ и даже друзей у насъ здѣсь не мало, у меня много пріятныхъ дамъ, что не всегда легко встрѣтить. Еслибы были сила и охота, я могла бы каждый день бывать въ обществѣ, у насъ бываютъ тоже много. Театръ мнѣ совсѣмъ не нуженъ, я, благодаря сплетнямъ и наклонности къ психологическому анализу, постоянно создаю себѣ отчасти въ собственномъ воображеніи очень интересные романы, драмы, комедіи и т. п. всевозможныхъ видовъ и вкусовъ. Здѣсь я постигла больше, чѣмъ когда-нибудь, поэзію сплетенъ».

Тонкая наблюдательница, Александра Викторовна тщательно вникала во всѣ области Иркутской жизни, и замѣчанія, которыя она дѣлаетъ по этому поводу въ своей перепискѣ, весьма характерны.

...«На дняхъ я намѣрена поступить», пишетъ она, «въ общество дамъ, завѣдующихъ здѣсь мастерской для швей, которая здѣсь основывается; дѣло заводится въ обширныхъ размѣрахъ, заказы поступаютъ тысячные. Въ благо-

творительномъ обществѣ мужской персоналъ, кажется, безъ исключенія дѣлающіе карьеру... дамы, кажется, болѣе искренно желаютъ дѣлать доброе дѣло. Впрочемъ я со всѣми съ ними незнакома; это все люди, принадлежащіе къ обществу, а мы не принадлежали къ нему и по теоріи Владиславлева должны пользоваться въ значительной мѣрѣ презрѣніемъ ихъ, какъ получающіе всего 600 руб.»

Въ другомъ письмѣ мы читаемъ:

...«Какъ только я пріѣхала въ Иркутскъ, такъ стала думать, что собственно грамотность здѣсь часто ненужная роскошь; я думаю, сотни выучившихся читать никакой пользы душѣ своей не получили, потому что у нихъ нѣтъ подъ руками книгъ и нѣтъ собственно той жизни, которая вызвала бы потребность въ чтеніи или въ знаніи. Помню еще въ первый свой пріѣздъ въ Иркутскъ знала я одно семейство, гдѣ старшій сынъ чиновникъ, а младшіе еще учатся. И я все думала, что грамотность для него одно только ремесло, и вся жизнь идетъ такъ, что ремесло оставляется въ палатѣ, а въ жизни оно ничѣмъ не заявляется,— этотъ молодой человѣкъ жилъ какъ-то помимо всѣхъ интересовъ, для которыхъ нужна книга. Досугъ у него лѣтомъ уходилъ на загородныя прогулки, а зимой ради развлеченія игралъ на кларнетѣ, болталъ съ домашними и никогда ничего не читалъ. Теперь намъ часто также приходится встрѣчаться съ такими чиновниками; ужасно тогда трудно найти съ ними общіе интересы, они живутъ исключительно своими мѣстными, частными и служебными интересами, и между ними болѣе чужимъ себя чувствуешь, чѣмъ даже напр. съ бурятомъ Р. Н., потому что послѣдній всегда будетъ съ интересомъ слушать о многомъ, что имѣетъ интересъ и для Гр. Ник., а если дѣло коснется *грамматики*, то и слушать съ большимъ интересомъ, а чиновника зачѣмъ будетъ грамматика интересовать. Вообще, я думаю, можетъ быть отчасти подъ вліяніемъ Загоскина, что сибиряку нужна и другая книжка, не та, какъ у насъ въ Россіи; думаю, что здѣсь начнутъ не съ беллетристики, а вѣроятно съ какихъ-нибудь техническихъ или общественныхъ книгъ, но гдѣ онѣ? И какъ онѣ сюда придутъ, когда теперь такія цѣны на пересылку, и даже въ Иркутскѣ нѣтъ книжнаго магазина. Слыхала я, что Тургенева здѣсь очень мало читаютъ и цѣнятъ — здѣсь нѣтъ или лучше не было того класса людей, изъ которыхъ онъ бралъ своихъ героевъ».

Какъ курьезъ изъ ея наблюденій, освѣщенныхъ ея тонкимъ юморомъ, приведемъ еще отрывокъ изъ ея письма, гдѣ она говоритъ о своихъ попыткахъ завязать общеніе съ бурятами.

...«Гр. Н. все пробуетъ что-нибудь разузнать отъ Р. Н. (бурята) и

потому пока усердно ему разсказываетъ разныя легенды; вчера я очень хохотала. Дѣло шло о томъ, что въ старину сурокъ былъ человѣкомъ. Гр. Н. привыкъ уже говорить въ такомъ тонѣ, какъ будто въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ; въ отвѣтъ Р. Н. *) спросилъ его: «можетъ быть вы будете сурокъ впослѣдствіи?» Это было сказано такъ, что шутка вышла очень удачной».

Живя въ Иркутскѣ, Александра Викторовна принимала дѣятельное участіе въ мѣстномъ органѣ «Восточное Обозрѣніе», гдѣ она одно время вела иностранное обозрѣніе, потомъ журнальное, и помѣщала отдѣльныя статьи. Такимъ же активнымъ членомъ она была и въ географическомъ Отдѣлѣ, гдѣ въ ея лицѣ была впервые принята женщина. Она аккуратно посѣщала почти всѣ засѣданія и принимала дѣятельное участіе въ устройствѣ буддійской выставки. Не могу не вспомнить, съ какимъ волненіемъ была встрѣчена вѣсть, что Александра Викторовна будетъ дѣлать докладъ. Женщина на каѳедрѣ—это было невиданное зрѣлище для Иркутска. Она очень волновалась, читая, но волновались не меньше и мы, молодыя учительницы и гимназистки, чувствуя, что мы словно присутствуемъ при уравненіи человѣческихъ правъ женщины. И въ этомъ главномъ фактѣ какъ-то уже не придавалось значенія тому, о чемъ она читаетъ и какъ читаетъ **).

Кромѣ всѣхъ ея обычныхъ занятій Александра Викторовна еще давала уроки 3-мъ маленькимъ дѣвочкамъ. Онѣ приходили къ ней утромъ, занимались чтеніемъ, письмомъ и рукодѣліемъ. Дѣвочки очень полюбили свою серьезную учительницу, хотя, кажется, и побаивались ея. Вообще, она нѣжно любила дѣтей и легко привязывалась къ нимъ. Когда она проводила лѣто за Байкаломъ въ одномъ бурятскомъ селеньи, то и тамъ нашла себѣ учениковъ. «Для оживленія, пишетъ она, у насъ есть мальчики, ученики Р. Н. Онъ старшаго все заставляетъ слушать разсказы Гр. Н., но часто, кажется, юноша ловитъ мухъ за спиною у старика. Я читаю ему вслухъ Робинзона, онъ и самъ читаетъ его усердно, да понимаетъ, по его словамъ, «мало-мало». Есть еще маленькій мышенокъ, который долбитъ русскую азбуку, ничего не понимая по-русски, однако какъ-то ухитрился выучиться читать; съ нимъ мы пробуемъ уроки письма, заставляя его писать монгольскія слова». Объ этомъ же чувствѣ къ дѣтямъ говоритъ весьма выразительно слѣдующій отрывокъ изъ одного ея дорожнаго письма:

«А я, когда трактирная и уличная суета доведетъ меня чуть не до

*) Р. Н.—буддистъ; очевидно онъ имѣлъ въ виду переселеніе душъ.

**) Она читала о молочномъ хозяйствѣ бурятъ.

тоски, или иной разъ сдѣлается страшно и очень ужъ непріятно жить среди грязи, часто успокоиваюсь, слыша голоса играющихъ дѣтей, а ихъ въ Китаѣ ужасно много, въ каждомъ домѣ всегда есть нѣсколько. Думаю, гдѣ есть дѣти, все еще можно жить».

Съ отъѣздомъ Потаниныхъ изъ Иркутска многіе почувствовали большую утрату, а всѣ знавшіе ихъ—пустоту. Не стало центра, объединявшаго мѣстную интеллигенцію, не стало импульса, дававшаго жизнь и движеніе не только обществу, но и Географическому Отдѣлу, и мѣстной газетѣ. «У насъ точно все засыпаетъ съ отъѣздомъ Потаниныхъ»—пишутъ Иркутяне, и этому повѣрятъ всѣ, кто знаетъ, какъ много значитъ въ Сибири иниціатива, энергія и активность даже одного лица, какую роль можетъ съиграть каждая отдѣльная личность въ созиданіи «мѣстной исторіи».

Черезъ годъ и я уѣхала въ Петербургъ, и съ этого момента начинается моя большая близость съ Потаниными.

Проснувшись рано утромъ въ номерѣ (на другой день послѣ пріѣзда изъ Сибири въ Петербургъ), я все еще находилась подъ впечатлѣніемъ грандіознаго, выросшаго передо мной въ ночномъ мракѣ и залитаго волнами электрическаго свѣта Петербурга... Удивительно ли, что первою мыслью оробѣвшей и ошеломленной провинціалки было найти Потаниныхъ, единственныхъ знакомыхъ людей, съ которыми меня сближало воспоминаніе о далекомъ и родномъ уголкѣ. Послѣ долгихъ и неинтересныхъ мытарствъ съ извощиками, адресами и улицами, я позвонилась у дверей небольшаго одноэтажнаго и крайне невзрачнаго домика. Съ замирающимъ сердцемъ раздѣлась въ маленькой, темной прихожей и боязливо вошла въ комнату. Но стоило взглянуть въ свѣтло-голубые, проницательные глаза высокой пожилой женщины, на ея лицо, освѣщенное глубокою внутреннею мыслью, чтобы броситься къ ней на шею, чувствуя пониманіе и ласку. Вскорѣ я сидѣла за радушно предложеннымъ завтракомъ и весело разсказывала о дорогѣ, объ общихъ знакомыхъ и т. д. Потомъ пришелъ и Григорій Николаевичъ. Теплая симпатичная атмосфера скоро согрѣла и ободрила меня, и я съ живымъ интересомъ закидывала Александру Викторовну вопросами о петербургской жизни, о студенчествѣ, курсахъ и т. п. Александра Викторовна отвѣчала очень сдержанно, не желая, какъ она говорила, предупредить непосредственное впечатлѣніе. На другой день она пошла показать мнѣ Петербургъ съ его примѣчательностями. Александра Викторовна съ добродушнымъ и немного насмѣшливымъ любопытствомъ слушала мои восторги и удивленія, и не старалась охлаждать,—энтузіазмъ и розовые миражи ей всегда казались въ молодежи симпатичнѣе, чѣмъ холодное резонерство и трезвая черствость.

И часто теперь, проходя по петербургскимъ улицамъ, я какъ-бы вновь вижу передъ собою ея высокую, сутулую фигуру, въ широкой, постарѣлой ротондѣ, въ старой, немодной шляпкѣ на гладкихъ стриженыхъ волосахъ, съ неровной, точно боязливой походкой...

Поселившись въ интернатѣ, среди массы незнакомыхъ лицъ, и не освоившись еще съ новыми условіями жизни, я съ нетерпѣніемъ пансіонерки ждала воскресенья, чтобы съ утра бѣжать къ Потанинымъ. Они по обыкновенію оба бывали за работой. Григорій Николаевичъ сидѣлъ съ перомъ у письменнаго стола въ комнатѣ, гдѣ была и спальня; Александра Викторовна — въ другой, служившей пріемной, тоже съ перомъ или книгой; но съ приходомъ посторонникъ она перемѣняла занятіе на шитье, или совсѣмъ ничего не дѣлала, смотря по степени знакомства съ пришедшимъ. Рукодѣльница она была весьма искусная—и ея любимой работой было накладное шитье подушекъ всегда въ монгольскомъ стилѣ и съ искусно подобранными красками. Подушки эти она обыкновенно раздавала своимъ друзьямъ, въ благотворительныя лоттереи...

Послѣдніе годы своей жизни она со страстью стала заниматься рисованіемъ, быстро дѣлая весьма значительные успѣхи. И въ послѣднихъ письмахъ она часто говоритъ о своемъ рисованіи, и печалится, что не выходитъ удачно. Любовь, почти обожаніе мужа, самая нѣжная предупредительность, вниманіе— въ этомъ была ея личная жизнь, личное счастье. Но въ ея отношеніяхъ къ мужу не было той безличности и покорности, съ которой обыкновенно женщины приноравливаются къ понятіямъ и воззрѣніямъ своихъ мужей. Она съумѣла остаться самостоятельной и сохранить свои взгляды, вѣрованія и симпатіи, какъ это и подтверждаетъ слѣдующее письмо къ В. В. Лесевичу, помѣченное 1889 г.

... «Все, что я теперь пишу, имѣетъ двойственный характеръ: не то это этнографія, не то статейка для легкаго чтенія, потому и въ «Ниву» не пригодно и въ серьезный журналъ не надобно. Двойственность эта лежитъ, я полагаю, во мнѣ самой — это все то же явленіе, по которому я и васъ уважаю всей душей, и въ то же время какому-нибудь толстовцу сочувствую, и готова ему помогать воду носить для мужика и т. п. Даже и близкія-то мои привязанности такого же двойственнаго рода, я и Григорія Николаевича люблю и уважаю и брата Валеріана также. Тоже самое и въ жизни: я буду съ величайшимъ удовольствіемъ Лекки читать, а потомъ сложу книжку и пойду въ церковь. И все это во мнѣ уживается рядомъ, безъ ссоры теперь. Конечно, было время, когда борьба происходила жестокая и мучительная, и сколько мнѣ кажется, я не просто отложила думать, а тогда же не могла отказаться

отъ религіи, и потому рѣшила жить съ обѣими областями въ ладу. Думаю, что окончательное уясненіе вопроса я получу на томъ свѣтѣ. Конечно, такое состояніе можетъ быть возможно только для людей съ обыденнымъ мышленіемъ, но вѣдь вы сами знаете, что всѣ мы такимъ мышленіемъ пробавляемся. И я сама могу сказать, что то мышленіе, которое бывало у меня въ минуты или часы сильной душевной разборки, по своей силѣ, ясности и послѣдовательности ничего общаго съ теперешнимъ способомъ не имѣетъ, или не то, что общаго, а главное по силѣ-то очень ужъ рознятся и мнѣ иногда приходило въ голову, неужели есть люди, у которыхъ мысль всегда такъ сильно и такъ ясно работаетъ. Со мною это было уже очень давно, въ ранней юности, и съ тѣхъ поръ уже не случалось».

Вообще умъ Александры Викторовны, ясный, простой и реальный, носилъ на себѣ сильные слѣды вліянія писателей 60-хъ гг.; онъ никогда не оставался въ бездѣйствіи,—быстро и легко разбираясь въ самыхъ сложныхъ вопросахъ. Она постоянно читала какія-нибудь серьезныя книги, съ нетерпѣніемъ ждала выхода новыхъ журналовъ, и съ удовольствіемъ говорила о прочитанномъ. Спорить она не любила, но сужденія ея были разносторонни, строго аргументированы и отличались оригинальностью и самобытностью. Въ возраженіяхъ противника она мѣтко схватывала слабыя стороны, и ея остроумныя сжатыя замѣчанія бывали иногда неотразимы. Ея общественныя симпатіи были тоже симпатіями людей 60-хъ годовъ. Она высоко ставила достоинство человѣческой личности и умѣла уважать его подъ оболочкой дикаря. Она болѣла душой за невѣжество и за бѣдность русскаго народа, но вѣрила въ него, и ея внимательный взглядъ умѣлъ подмѣчать всякую мелочь, въ которой отражалось бы что-нибудь доброе. «Насъ очень порадовало,—пишетъ она,—что въ Эрмитажѣ была масса простого народа, моряковъ, матросовъ, солдатъ, женщинъ въ платочкахъ, мужиковъ, дѣтей съ ними. Прежде этого, кажется, не бывало».

Красоту она не только цѣнила, но умѣла понимать и наслаждаться прекраснымъ не только въ природѣ, но и въ искусствѣ. Въ письмахъ изъ путешествій нѣтъ почти ни одного, гдѣ бы не восхищалась она какимъ-нибудь красивымъ пейзажемъ. Посѣщеніе Эрмитажа и галлереи Третьякова было для нея не только удовольствіемъ, но даже потребностью. Картины русскихъ художниковъ она предпочитала иностраннымъ, но цѣнила и послѣднихъ. «Очень хороши,—пишетъ она,—портреты Рембрандта и другихъ фламандцевъ, всегда я очень увлекаюсь этими лицами, они какъ будто воскрешаютъ ту старую жизнь, о которой мы имѣемъ понятіе только изъ романовъ».

«У Третьякова собраны такія богатства, такія чудеса искусства... Какъ

хороши по техникѣ картины Верещагина, можно ли писать лучше? у него воздухомъ наполнены комнаты и солнце жжетъ, а какой чудный лунный лучъ, пробившійся въ тюрьму, на его восточной картинѣ!»

Способность угадывать людей у нея была изумительная, но, слишкомъ осторожная въ своихъ отзывахъ, она часто боялась откровенно передать впечатлѣніе, если оно было неблагопріятно. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была прямая и безукоризненно честная натура, чуждая мелочности, дешеваго самолюбія и позировки. Она не любила разсказывать о себѣ и своей прошлой жизни. А между тѣмъ, какъ глубоко поучительна была вся ея труженическая жизнь, проведенная въ безпрерывной борьбѣ съ матеріальными невзгодами и лишеніями! Какой сильный умъ нужно было имѣть, чтобы всю жизнь сохранять глубокій интересъ къ наукѣ и людямъ, при постоянной необходимости обдумывать, какъ-бы не истратить лишняго гривенника. Мы лично были свидѣтелями, какъ однажды ей пришлось шить грубые холщевые мѣшки для пріисковъ, потому что ей, человѣку образованному, знающему языки, занимающемуся литературой, въ Иркутскѣ не нашлось соотвѣтствующаго занятія, а была нужда.

Но какъ ни трудны были матеріальныя обстоятельства — Александра Викторовна никогда на нихъ не жаловалась и не затруднялась отказывать себѣ даже въ необходимомъ. И несмотря на это, во время ихъ пребыванія въ Петербургѣ молодежь всегда находила у Александры Викторовны радушный пріемъ. Какъ-то само собою случилось, что у нея стали собираться каждое воскресенье. Публика была самая разнообразная—профессора, курсистки, студенты и т. д. Даже опять отыскались и инородцы—то буряты пріѣзжали въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, и Александра Викторовна показывала имъ выставки, Эрмитажъ, музеи; то киргизы изъ военно-учебныхъ заведеній, и Александра Викторовна пріучала ихъ разговаривать. О чемъ не говорилось на ея вечерахъ? Факты текущей жизни, газетныя извѣстія, журнальныя новости,— все подвергалось обсужденію, пересыпалось остротами, шутками, смѣхомъ. Не было никакой принужденности, никакого стѣсненія. Александра Викторовна внимательно слѣдила за всѣмъ со своей задушевной милой улыбкой, и ея глаза свѣтились яснымъ кроткимъ свѣтомъ; не участвуя въ одномъ какомъ-нибудь разговорѣ, она обыкновенно слышала все, и всюду вставляла свои удачныя, мѣткія, а иногда и очень ядовитыя замѣчанія.

Къ каждому изъ своихъ молодыхъ гостей она относилась съ глубокимъ интересомъ, распрашивала, чѣмъ занимается, что читаетъ, какъ живетъ; пріунывшихъ ободряла совѣтомъ и лаской, и сама сокрушалась, когда кто-нибудь признавался въ своемъ безсиліи, сомнѣніяхъ, трудностяхъ.

Ея вліяніе было очень сильное, упрекъ ея, иногда и невысказанный, но промелькнувшій въ глазахъ или въ тонѣ, дѣйствовалъ больно, — въ ней чувствовался строгій критикъ, который не выносилъ неискренности, неправды, малодушія и лѣни. Ея строгое отношеніе къ самой себѣ, ея безпрерывная дѣятельность, энергія—все это и привлекало къ ней, и воспитывало...“

Кромѣ приведеннаго отрывка, мы получили много другихъ воспоминаній объ Александрѣ Викторовнѣ отъ учащейся въ Петербургѣ сибирской молодежи, и всѣ они свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи и любви къ покойной и о громадномъ вліяніи ея на учащихся.

Цѣня и поддерживая благородныя стремленія молодежи, она съ юношескимъ пыломъ и увлеченіемъ проповѣдывала ей горячую, беззавѣтную любовь къ родинѣ, наставляла, какъ и чѣмъ ей должно послужить, вѣчно убѣждала не терять дорогаго времени недолгаго пребыванія въ университетѣ и на курсахъ, а спѣшить пользоваться имъ и подготовляться къ дальнѣйшей самостоятельной дѣятельности... И нужно только пожелать, чтобы молодежь не забывала этихъ дорогихъ завѣтовъ «славной Александры Викторовны» (какъ она всегда называла ее), а съ такою-же нѣжностью и любовью лелѣяла и сберегала ихъ, какая всегда жила въ ея покойной учительницѣ и наставницѣ...

Смерть застигла Александру Викторовну въ самый разгаръ ея дѣятельности, во время научныхъ изслѣдованій въ Китаѣ. Отправившись изъ Россіи весною 1892 г. и достигнувъ Пекина, Потанины въ томъ-же году вышли изъ него по направленію къ восточному Тибету и зимовали въ Тарсандо. Александра Викторовна лѣчилась уже передъ отправленіемъ въ путешествіе, но непремѣнно хотѣла слѣдовать съ мужемъ. Когда въ Пекинѣ докторъ Вентъ совѣтовалъ ей остаться, она также не согласилась. Свое нездоровье она не считала важнымъ и, кромѣ того, она и мысли не допускала, чтобы дорогой ей человѣкъ остался одинъ, безъ необходимаго помощника.

Въ Тарсандо путешественницѣ стало хуже. Вотъ что она пишетъ въ своемъ дневникѣ о постигшей ее здѣсь болѣзни: «8-го мая (1893 г.), въ девятомъ часу вечера, я испытала какой-то болѣзненный припадокъ. До того чувствовала себя хорошо, часовъ въ семь обѣдала, затѣмъ вышла изъ своей комнаты къ чаю и выпила одну чашку; потомъ стала наливать себѣ и Григорію Николаевичу еще по чашкѣ; ему налила, и только-что снова взялась за чайникъ, какъ что-то случилось: я упала локтями на столъ и почувствовала, что лежу всею тяжестью, такъ что являлась мысль, что столъ подломится; затѣмъ—помню—видѣла, что Гр. Ник. держалъ меня за плечи и спра-

шивалъ: «что съ тобой?». Отвѣчать ему я не могла; помню и другихъ, помню, что боялась, какъ-бы не разлили налитыхъ чашекъ. Въ то-же время я чувствовала, что мнѣ *неловко*, ноги мои какъ-будто не служатъ, и я боялась, что рухну со стола; затѣмъ я сознавала, что меня тащатъ, что мнѣ опять очень *неловко*, что имъ тяжело меня тащить, и я даже жалѣла Гр. Ник. за то, что ему тяжело. Сознавалъ я все это неясно, а какъ-бы сказать сквозь сонъ. Меня положили на постель въ другой комнатѣ; я чувствовала, что лѣвая нога легла неловко, рука — также, но сказать или поправить свое положеніе я не могла. Тутъ, должно быть, я совсѣмъ потеряла сознаніе. Когда я очнулась, мнѣ пришло въ голову, какъ долго длилось у меня состояніе обморока; я хотѣла узнать это, спрашивала, но языкъ не повиновался мнѣ, а слова какъ-будто перемѣшивались. Чувствовала я также особенное ощущеніе въ лѣвомъ глазу, обратила вниманіе на то, что все тѣло, особенно руки, какъ-бы не мои, и я смотрѣла на нихъ, какъ на непринадлежащія мнѣ; должно быть, я хотѣла попробовать дѣйствовать ими, потому что правая моя рука начала двигаться, и—помню—я не могла рѣшить, которая это рука,—правая или лѣвая. Затѣмъ я перебросила ее, или Гр. Ник. переложилъ, — не помню, и она пришлась противъ его груди (онъ все время сидѣлъ возлѣ меня на кровати); потомъ, помимо моей воли, она начала барабанить пальцами, и я смотрѣла на нее, какъ на совершенно постороннюю, и говорила: «она чужая, — какъ странно!» Гр. Ник. спрашивалъ: «кто чужая?» Потомъ я попросила растереть мнѣ лѣвую ногу; въ то-же время мнѣ постоянно прикладывали къ головѣ холодный компрессъ. Все время я чувствовала себя неловко, но боли нигдѣ никакой не чувствовала. Заботилась я также о томъ, не перекосило-ли у меня лицо; но Гр. Ник. увѣрялъ, что лицо все время было покойно, даже не болѣзненное. Черезъ полчаса, должно быть, я почувствовала желаніе повернуться на бокъ, исполнила это безъ затрудненія и такъ перешла въ нормальное положеніе и стала разсказывать свои ощущенія. Вечеромъ и ночью испытывала легкую головную боль (въ лѣвомъ вискѣ); спала ночью хорошо, просыпалась не чаще обыкновеннаго. На другой день встала, какъ здоровая, но скоро почувствовала, что силъ у меня стало меньше, ноги едва двигались»...

Болѣзнь не лишила ея обычнаго спокойствія и мужества и въ заботахъ о другихъ и о дѣлахъ экспедиціи она какъ будто игнорируетъ свое опасное положеніе, но объ этомъ лучше скажутъ ея собственныя письма.

14 апрѣля 1893 г. Тарсандо.

...„Сегодня уже 10-й день, какъ мы въ этомъ городкѣ, на которомъ еще въ Петербургѣ останавливались мои мысли, какъ на конечномъ пунктѣ моего собственно путешествія. Здѣсь со мной случилось несчастіе: я вотъ ужъ нѣсколько дней лежу въ постели. Первое время болѣзнь эта произвела на меня такое удручающее впечатлѣніе, что я не могла ни о чемъ думать, кромѣ того, что я повисла камнемъ на шеѣ экспедиціи, что я порчу имъ все дѣло. Теперь я какъ-то примирилась съ мыслью о болѣзни, главное, думаю, что *поправлюсь, когда настанетъ тепло**), и опять буду въ состояніи двигаться со всѣми вмѣстѣ. Впрочемъ, я все прошу Гр. Ник. оставить меня одну, если я не поправлюсь — и на возвратномъ пути захватить какъ-нибудь уже хоть въ качествѣ калѣки. Но онъ боится оставить меня одну, тѣмъ болѣе, если я не поправлюсь — и это, т. е. мое здоровье, должно существенно повліять на нашъ маршрутъ. Это очень печально. Наши надежды на то, что поселившись въ Тарсандо, мы можемъ экскурсировать по окрестностямъ и пополнять коллекціи не оправдались. Для коллекцій естественно-историческихъ Тарсандо представляетъ уже обобранное мѣсто, такъ какъ Прать, живя здѣсь и въ окрестностяхъ два года, выбралъ новинки, за которыми обыкновенно гонятся коллекторы путешествій.

Передъ этимъ въ Ченту-фу мы прожили больше 2-хъ недѣль. Мнѣ эти стоянки въ городахъ всегда бываютъ вредны, потому что избѣгая толпы я обыкновенно никуда не хожу. И въ Ченту-фу я нетерпѣливо ждала выбраться на свѣжій воздухъ, хотя бы и китайскихъ вонючихъ полей“.

24 апрѣля.

...«Понемногу стала вставать, но ноги еще до сихъ поръ болятъ. Двигаться какъ будто могу, но съ роздыхами, то сядешь, а то и ляжешь. Главная задача, какъ быть дальше... Пока не буду и писать объ этомъ. Тарсандо— это городъ на половину тангутскій, на половину китайскій, и очень бойкое мѣсто, потому что почти единственный пунктъ, черезъ который можно попадать въ Хлассу.

Мы живемъ у хозяйки, которая арендуетъ домъ у ламъ и содержитъ гостинницу или въѣзжій дворъ. Верхній этажъ дома отдается жильцамъ почище, а низъ занимаютъ тангуты, пріѣзжающіе за чаемъ или съ какимъ другимъ товаромъ изъ Тибета. Дворъ то и дѣло наполняется вьючными яками или лошадьми и подвозчиками тангутами въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ; иные

*) Курсивъ письма.

всякое дѣло дѣлаютъ подъ пѣсню въ тактъ: развьючиваютъ муловъ — одинъ напѣвъ, таскаютъ вьюки—другой, разбрасываютъ солому—третій. Народъ тангуты энергичный, женщины дѣлаютъ все наравнѣ съ мущинами; волосы у нихъ обыкновенно черные, густые, иногда распущены по плечамъ, какъ у нашихъ священниковъ, у другихъ покороче подстрижены, иногда курчавые; носы орлиные и глаза большіе черные. Женщины заплетаютъ двѣ косы и обвиваютъ вокругъ головы; нѣкоторыя сверху повязываютъ платокъ и тогда напоминаютъ нашихъ арзамасскихъ и лукояновскихъ бабъ. Женщины намъ очень нравятся; благодаря своей живости и веселости, онѣ представляютъ рѣзкую противоположность съ китаянками».

Какъ только припадки больной утихли, рѣшено было продолжать движеніе экспедиціи, сообразно выработанному маршруту, на Ли-фанъ-фу. Караванъ раздѣлился на двѣ части, и Александра Викторовна двинулась въ путь. Но сдѣлавъ переходъ въ Ли-фанъ-фу, больная слегла въ постель, и тогда возвращеніе въ Пекинъ стало уже неизбѣжнымъ. Такъ какъ опасались лихорадки, не разъ передъ тѣмъ мучившей больную, то предприняли сухопутное путешествіе. Больную несли въ паланкинѣ; на ночь дѣлались остановки въ китайскихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ приходилось испытывать всевозможныя неудобства и муки... На постоялыхъ дворахъ больную страшно мучила вонь, сырость, шумъ и гамъ китайцевъ. Переходъ въ Лянь-чжоу сдѣланъ былъ въ лодкѣ, но возобновленіе лихорадки опять побудило предпочесть сухопутное движеніе въ носилкахъ. Путешественница теперь сама торопилась; предчувствуя смерть, она хотѣла скорѣе вырваться изъ Китая и умереть въ родной землѣ. Но этому не суждено было сбыться... Катастрофа совершилась около города Чжао-хуа, по дорогѣ въ Шанхай и Тянцзинъ, около одной деревни, когда больную несли въ паланкинѣ. Съ ней сдѣлался апоплексическій ударъ, отнялся языкъ и парализовались руки и ноги. Немедленно наняли лодку и повезли больную въ городъ Бао-нинъ-фу, гдѣ надѣялись встрѣтить при англійской миссіи врачей. Въ Бао-нинъ-фу врачей однако не нашли, но встрѣтили здѣсь англійскихъ миссіонерокъ, миссъ Келькенбекъ и Квельуэль. Онѣ выказали трогательное участіе къ больной, — привезли бульону, консервовъ, портвейну, сами ухаживали за ней. Изъ Бао-нинъ-фу нанята была лодка, и больную взялись сопровождать англичанки, которымъ оказывалъ всякое содѣйствіе и пасторъ Кессельсъ. Разсчитывали довести больную до Чу-цинъ-фу, гдѣ находились три англійскихъ доктора и даже госпиталь. Плаваніе должно было продолжаться восемь дней. Здѣсь явилась какъ-будто надежда спасти еще больную, но положеніе ея становилось все хуже и хуже. Силы ея за-

мѣтно падали. Пищу она не могла уже принимать вовсе. Говорить также не могла,—она подзывала мужа знаками и прощалась съ нимъ безмолвно, притянувъ его голову для поцѣлуя. За два дня до прибытія въ городъ, 19-го сентября 1893 года, она скончалась...

Печальное извѣстіе о смерти Александры Викторовны пришло въ Россію болѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, и повсюду вызвало неподдѣльную скорбь и сожалѣніе о преждевременной кончинѣ неутомимой труженицы науки. Газеты и журналы посвятили ей обширные некрологи*); во многихъ городахъ учеными Обществами и частными лицами были отслужены панихиды; Географическое Отдѣленіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи постановило почтить ея память изданіемъ настоящаго сборника, а Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества учрежденіемъ при Отдѣлѣ капитала, проценты съ котораго должны выдаваться или въ пособіе для этнографическихъ изслѣдованій, или какъ премія за лучшее сочиненіе по этнографіи.

18-го декабря 1893 г. гробъ съ прахомъ Александры Викторовны былъ привезенъ изъ Китая черезъ Пекинъ и Калганъ въ Кяхту, гдѣ болѣе мѣсяца оставался въ церкви непогребеннымъ, такъ какъ не былъ рѣшенъ вопросъ о мѣстѣ преданія его землѣ. На гробъ было возложено болѣе 25 вѣнковъ отъ ученыхъ Обществъ, друзей и почитателей покойной путешественницы, въ томъ числѣ вѣнокъ отъ бурятъ. Погребеніе совершено съ необычайною торжественностью 23-го января 1894 г. въ г. Кяхтѣ, на Успенскомъ кладбищѣ, и кяхтинскіе граждане на общее пожертвованіе рѣшили поставить памятникъ на могилѣ покойной, какъ знакъ уваженія къ ея заслугамъ.

---

*) Изъ статей, посвященныхъ памяти Александры Викторовны, см.: *Н. М. Ядринцева*— въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1893 г., № 58 и въ „Книжкахъ Недѣли“, 1894 г., январ. кн. *А. А. Ивановскаго* — въ „Землевѣдѣніи“, 1894 г., кн. I, „Этнографическомъ Обозрѣніи“, 1894 г., № 1, въ „Мірѣ Божіемъ“ 1894 г., майская кн. (перен. изъ „Этнограф. Обозр.“) и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, 1893 г., № 297, *И. И. П—ва*,—въ „Восточ. Обозр.“, 1894 г., №№ 6, 7, 17 — 19, *Л. Никольской* — въ „Родникѣ“, 1894 г., кн. 2, *К. Ленской*—въ „Русской Жизни“, 1893 г., № 289; см. также „Тобол. Губ. Вѣд.“ 1893 г., № 50, „Gazeta Warszavska“, 1894 г., № 122, „Kraj“ и др.

БУРЯТЫ.

Этнографическій очеркъ *).

Въ Восточной Сибири живутъ буряты, народъ монгольскаго племени **). Прежде вся страна, окружающая Байкалъ, принадлежала имъ вмѣстѣ съ бродячими тунгусами. Съ приходомъ русскихъ буряты должны были имъ уступить часть своихъ земель; въ настоящее время страна, занимаемая бурятами, простирается отъ запада къ востоку на 1000 верстъ и лежитъ

---

*) Имѣя случай лично узнать бурятъ, я заинтересовалась этимъ народомъ и хотѣла пополнить мои свѣдѣнія о немъ чтеніемъ, но въ литературѣ не нашлось ничего цѣльнаго; желая, по мѣрѣ возможности, пополнить этотъ пробѣлъ, я рѣшилась предложить читателямъ краткій очеркъ, по возможности охватывающій всю жизнь бурятъ.

Матеріалами для этого служили мнѣ:

М. Н. Хангаловъ и Агапитовъ: Шаманство у бурятъ („Изв. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, Т. XIV, № 1—2, 1883 г.).

М. Хангаловъ: Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ („Записки Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн.“, Т. II, вып. 1-й, 1890).

М. Хангаловъ: Зэгэгэ-аба. („Изв. Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.“ Т. XIX, № 3).

Вамбоцереновъ: Аба-хайдыкъ (Тамъ же, т. XXI, № 2).

Щаповъ: О бурятской общинѣ („Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.“).

Раевъ: Буряты („Вѣстникъ Геогр. Общ.“, 1859 г.).

Маакъ: Путешествіе на Амуръ.

**) Они составляютъ одно изъ трехъ племенъ монгольскаго народа, два другія они называютъ монголами и олетами; къ племени „олетъ“ причисляютъ нашихъ волжскихъ калмыковъ.

приблизительно между 116° и 137° вост. долг. и между 45° 50' и 55° сѣв. шир.

Весь бурятскій народъ дѣлится на 11 племенъ; каждое племя подраздѣляется на нѣсколько родовъ или аймаковъ. Численность всего народа доходитъ до 200.000 душъ; половина этого числа (110.740 ч. об. пола) живетъ въ Иркутской губ., другая –въ Забайкальѣ.

Семь изъ 11-ти племенъ живутъ на сѣверо-западъ отъ Байкала и четыре племени – на юго-восточной сторонѣ; здѣсь, у сѣвернаго конца Байкала, живутъ буряты племени *баргу*, состоящіе изъ 5-ти аймаковъ; они кочуютъ по р. Баргузину. Нѣсколько южнѣе ихъ живутъ *хоринцы* изъ 14-ти аймаковъ, у южнаго конца Байкала—*кударинцы* изъ 4-хъ аймаковъ и *селенгинцы* по р. Селенгѣ и ея притокамъ – изъ 18-ти аймаковъ. На сѣверо-западной сторонѣ или, что то же, въ Иркутской губ., на самомъ сѣверѣ ея, живутъ *ленскіе буряты* и *верхоленскіе*, отъ истоковъ Лены до Верхоленскаго острога; они составляютъ 10 аймаковъ; *балаганскіе* – 14 аймаковъ и *идинскіе* – 12 аймаковъ живутъ по Ангарѣ около города Балаганска; *аларскіе* – 9 аймаковъ— по теченію р. Бѣлой и ея притокамъ; *кудинскіе*—по р. Кудѣ до Байкала, въ числѣ 14-ти аймаковъ, и *тункинскіе* у юго-западной оконечности Байкала, между Байкальскими и Саянскими горами, по р. Иркуту; ихъ считается также 14 аймаковъ. Островъ Ольхонъ также населенъ бурятами *ольхонцами* изъ 5-ти аймаковъ; на Ольхонѣ жителей считается около 6,000.

Шесть аймаковъ селенгинскихъ бурятъ и нѣкоторая часть аларскихъ пришли въ Россію недавно, въ концѣ XVII ст. (1668). Съ прошлаго вѣка изъ селенгинскихъ бурятъ было сформировано четыре казачьихъ полка. На сѣверѣ и на востокѣ очень трудно опредѣлить, гдѣ кончаются земли бурятъ и гдѣ начинаются кочевья якутовъ и тунгусовъ; на западной границѣ земли бурятъ въ настоящее время являются смежными и смѣшанными съ владѣніями русскихъ. Буряты сѣверные, баргузинскіе и ольхонскіе, по всей вѣроятности, самые древніе обитатели этого края: по крайней мѣрѣ, упоминанія о бурятахъ, живущихъ около Байкала, встрѣчаются въ монгольской исторіи въ XII вѣкѣ нашей эры. Русскіе познакомились съ бурятами въ XVII в. Въ 1631 г. былъ выстроенъ на землѣ ихъ Братскій острогъ, затѣмъ въ 1640 г. былъ основанъ Канскій острогъ; въ 1641—Верхоленскій, въ 1648—Идинскій, въ 1654—Балаганскій, въ 1661 г. основанъ Иркутскій. Буряты сначала нападали на эти остроги, но къ концу XVIII вѣка смирились. Въ 1681 г. былъ основанъ на берегу Байкала Спасопреображенскій, такъ называемый, Посольскій монастырь; незадолго передъ

тѣмъ на этомъ мѣстѣ былъ убитъ бурятами русскій посолъ Заболоцкій, возвращавшійся изъ Монголіи. Первая дань была взята въ 1627—28 гг. Петромъ Бекетовымъ съ бурятъ, жившихъ по р. Окѣ.

До недавняго времени буряты управлялись наслѣдственными князьями *тайшами* и старшинами, называемыми *шулени*. Русское правительство учредило между ними *степныя думы*, гдѣ засѣдаютъ старшины родовъ подъ предсѣдательствомъ тайшей. Въ важныхъ случаяхъ тайша обязанъ созывать народное собраніе. Въ Иркутской губ. въ настоящее время буряты управляются *инородческими управами;* тайшей у нихъ уже нѣтъ, да и тамъ, гдѣ власть тайшей сохраняется еще, это уже не наслѣдственное званіе, а должность по избранію. Слово тайша—то же, что *тайджи:* такъ въ Монголіи называютъ всѣхъ лицъ ханскаго или княжескаго происхожденія.

Инородческія управы—то же, что наши волости; онѣ управляются головой; переписка какъ въ нихъ, такъ и въ думахъ ведется по-русски. Думы такъ же, какъ наши городскія думы, вѣдаютъ народное хозяйство. Судъ принадлежитъ тайшамъ и совершается по народнымъ обычаямъ и особому уложенію, собранному въ книгѣ „Кудучени-токмолъ“. Буряты, сохранившіе тайшей, по русскимъ законамъ судятся только въ случаѣ уголовныхъ преступленій.

Языкъ бурятъ монгольскій; въ произношеніи онъ во многомъ различается отъ собственно-монгольскаго и нѣсколько ближе къ западно-монгольскому или олетскому; менѣе близокъ къ монгольскому языкъ хоринскихъ бурятъ, тункинскихъ и удинскихъ, ближе всего языкъ селенгинскихъ; въ языкѣ сѣверныхъ бурятъ встрѣчается много тюркскихъ словъ, заимствованныхъ бурятами, повидимому, отъ якутовъ и другихъ инородцевъ-сосѣдей тюркскаго происхожденія; есть, вѣроятно, заимствованія изъ тунгусскаго языка. Въ настоящее время, живя среди русскихъ, буряты заимствовали много словъ русскихъ, а мѣстами и совсѣмъ усвоили русскій языкъ; въ этихъ случаяхъ бурятскій языкъ дольше сохраняется между женщинами.

Буряты своей письменности не имѣютъ, и потому въ школахъ, устраиваемыхъ русскимъ правительствомъ, вводится русская грамотность. Въ Забайкальѣ, гдѣ бурятское населеніе живетъ почти сплошной массой и гдѣ оно примыкаетъ на югѣ къ своимъ сосѣдямъ-монголамъ, имѣющимъ письменность, буряты чаще изучаютъ родственную имъ грамотность монгольскую. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, въ нѣкоторыхъ городахъ въ Забайкальѣ были открыты монголо-русскія школы, гдѣ дѣти бурятъ могли изучать и русскій, и монгольскій языки; но въ настоящее время всѣ такія

школы закрыты. Къ настоящему году (1891) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сибири бурятъ было 12; кромѣ того было нѣсколько дѣвицъ въ гимназіи и въ институтѣ. Въ народныхъ училищахъ Иркутской губ. бурятскихъ мальчиковъ училось 279, но это только въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, вообще же число учащихся должно быть значительно больше; есть также и женскія школы среди бурятскаго населенія. Въ Забайкальской области къ январю 1889 г. всего въ школахъ было 3062 дѣтей, изъ нихъ 325 бурятскихъ мальчиковъ, 163 православныхъ и 132 некрещеныхъ. Всего въ Иркутской губ. и Забайкальской областн обучалось 604 инородческихъ мальчика, въ томъ числѣ было нѣсколько тунгусовъ, но они не выдѣлены въ отчетахъ, и число ихъ не должно быть значительно. По отзывамъ народныхъ учителей, дѣти бурятъ по способностямъ не ниже русскихъ дѣтей и почти всѣ выказываютъ способность къ рисованію.

Настоящая древняя религія бурятъ — шаманство. Эта религія, повидимому, возникла тутъ же, на мѣстѣ, вмѣстѣ съ самимъ народомъ, а не заимствована у кого-либо другаго. Та же религія существуетъ и у другихъ народовъ Сибири.

Шаманство — это вѣра въ благодѣтельныя и враждебныя силы природы. Народъ первобытный такъ сильно зависитъ отъ окружающей его природы и на первыхъ порахъ своей исторіи такъ беззащитенъ противъ стихій, что невольно долженъ преувеличивать могущество физическихъ явленій, среди которыхъ проходитъ и отъ которыхъ зависитъ его жизнь. Вначалѣ, добывая себѣ пропитаніе исключительно охотой или рыболовствомъ, человѣкъ чувствовалъ, что жизнь его вполнѣ зависитъ отъ явленій природы, его окружающей. Если небо было туманно, если шелъ снѣгъ или дождь, если морозъ заковывалъ рѣку непроницаемымъ для его слабыхъ орудій льдомъ, — человѣкъ не только терпѣлъ отъ непогоды, онъ терпѣлъ также отъ голода, а нерѣдко умиралъ. Источникомъ свѣта, тепла и холода, дождя и снѣга первобытный человѣкъ скорѣе всего могъ считать небо, — и дѣйствительно, у шаманистовъ небо пользуется прежде всего божескими почестями, оно считается подателемъ жизни, какъ бы всеобщимъ отцомъ. Атмосферическія явленія, зависящія, по представленію первобытнаго человѣка, отъ неба, были губительны или благодѣтельны для всей природы, какъ для животнаго, такъ и для растительнаго міра, отъ которыхъ въ свою очередь всецѣло зависѣла жизнь тогдашняго человѣка; и вотъ у первобытнаго бурята явилась мысль сильной зависимости отъ природы,

но обобщать явленія онъ не умѣлъ, онъ чувствовалъ свою зависимость именно отъ природы той мѣстности, гдѣ жилъ, и, кромѣ обожанія неба, у него явилось обожаніе той земли, той рѣки, озера, долины, горы, лѣса, среди которыхъ онъ жилъ и гдѣ онъ добывалъ свое пропитаніе. Живя вблизи горъ, буряты научились наблюдать связь нѣкоторыхъ атмосферныхъ явленій съ ближайшими высокими вершинами этихъ горъ, откуда текли къ нимъ воды, гдѣ скоплялись облака, гдѣ гремѣлъ громъ, тогда какъ долины не испытывали грозовыхъ явленій. И вотъ у бурятъ явилась мысль выдѣлить горы, какъ мѣста особенно священныя; у нихъ явилось поклоненіе горамъ. Съ развитіемъ скотоводческаго быта, когда человѣкъ уже накопилъ много наблюденій надъ окружающей его природой, эта связь между окружающими его явленіями и его благосостояніемъ должна была сдѣлаться ощутительнѣе, жизнь перестала быть рядомъ счастливыхъ случайностей и стала больше зависѣть отъ неизмѣнно повторяющихся явленій одной и той же окружающей человѣка мѣстности. Тогда у человѣка явилось чувство привязанности къ мѣсту и мысль, что природа относится не безучастно къ тѣмъ, кто живетъ среди нея; свои собственныя чувства къ природѣ онъ придалъ ей, и затѣмъ явилась вѣра въ существованіе духовъ данной мѣстности.

Въ высокой горной вершинѣ человѣкъ сталъ видѣть не мертвый предметъ, а существо чувствующее; онъ придалъ ей свои человѣческія черты. То же самое понятіе о духовности, о нѣкоторыхъ общихъ съ человѣкомъ чертахъ было приложено первобытнымъ человѣкомъ и ко всѣмъ другимъ физическимъ явленіямъ природы. Губительныя бури на Байкалѣ, наводненія рѣкъ, часто внезапныя, сильные снѣжные бураны должны были казаться дикарю чисто произвольными явленіями, какъ будто это были дѣйствія живаго существа. Такимъ образомъ у первобытнаго человѣка явилась мысль, что силы природы — такія же личныя существа, съ такой же волей и съ такими же страстями, какъ и человѣкъ, и что ихъ такъ же, какъ и человѣка, можно устрашить, заклясть, умолить или умилостивить подарками. Вотъ происхожденіе въ шаманской религіи жертвъ.

Борьба съ такими сильными противниками, каковы стихіи, требовала отъ человѣка не физической силы, а чего-то другаго, большаго, и вотъ изъ среды народа выдѣлились люди съ особенно сильными умственными способностями, съ сильнымъ воображеніемъ и особенно съ сильнымъ нравственнымъ мужествомъ; такіе люди и брали на себя сношенія съ духами или съ силами природы. Таково происхожденіе *шамановъ* — такъ назы-

...ский Государств. Университет... Главная библиотека

ваютъ буряты посредниковъ своихъ между духами и людьми. Эти выдающіеся своими способностями люди несомнѣнно имѣли большое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, защиту которыхъ отъ высшихъ силъ природы они брали на себя. Они и послѣ смерти своей продолжали пользоваться уваженіемъ — и вотъ у шаманистовъ, вслѣдъ за появленіемъ духовъ, олицетворявшихъ различныя явленія природы, за духами-хозяевами (*ижинами*) горъ, озеръ, рѣкъ и разныхъ другихъ урочищъ, появились духи умершихъ шамановъ, отъ которыхъ они также стали ждать покровительства или вражды. Вслѣдъ за душами шамановъ могли почитаться души и другихъ, особенно почитаемыхъ или особенно любимыхъ людей.

Вмѣстѣ съ другими физическими явленіями первобытный человѣкъ, къ тому же еще житель нашего сѣвернаго климата, не могъ не чтить *огня* — стихіи такъ важной и благодѣтельной въ жизни. И дѣйствительно, почитаніе огня у бурятъ очень развито. Кромѣ того, огонь, горящій на очагѣ, постоянно поддерживаемый женщиной, сдѣлался какъ бы символомъ семьи. До сихъ поръ, вмѣсто проклятія своему врагу, буряты говорятъ: „да потухнетъ огонь твой!“ — и это понимается, какъ желаніе прекращенія рода.

Все, что мы сейчасъ говорили о бурятскомъ шаманствѣ, можно сказать вообще о шаманской религіи. Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ шаманствѣ каждая отдѣльная мѣстность, каждое племя, каждый родъ имѣютъ своихъ духовъ-покровителей, и въ каждой мѣстности разсказываютъ свои исторіи о происхожденіи тѣхъ или другихъ духовъ, даютъ имъ ту или другую родословную, сообразно съ мѣстными условіями и также благодаря вымыслу мѣстныхъ шамановъ и поэтовъ. Есть, однако, нѣкоторыя религіозныя представленія, общія для всѣхъ бурятъ. Такъ, у всѣхъ бурятъ главнымъ божествомъ считается Ханъ-Тюрмасъ-Тэнгери. Ханъ-Тюрмасъ-Тэнгери имѣетъ трехъ сыновей, одинъ изъ нихъ — Гэсэръ-Богдо — есть любимое лицо народныхъ легендъ. Это обобщенное представленіе, повидимому, есть уже позднѣйшее представленіе; въ рѣчи, въ молитвенныхъ призываніяхъ чаще упоминаются западныя и восточныя *небеса*, которыхъ насчитывается очень много, иногда до 99-ти небесъ. Наблюдая названія этихъ многочисленныхъ *тэнри* (небесъ), упоминаемыя въ шаманскихъ гимнахъ, можно замѣтить, что это обиліе небесъ появилось вслѣдствіе тѣхъ разнообразныхъ явленій небесныхъ, которыя наблюдались людьми. Такъ, есть *Хухy-тэнри* — голубое небо, *Октююин-тэнри* — ночное небо, небо красной зари и т. д. Слово „тэнгри“, обозначавшее вначалѣ только видимое небо,

впослѣдствіи стало употребляться также въ смыслѣ *духа*. Современный бурятъ, говоря о различныхъ *тэнри*, уже не представляетъ себѣ ихъ иначе, какъ существами личными, духовными.

Кромѣ тэнгріевъ, существъ небесныхъ, буряты представляютъ себѣ еще посредниковъ между этими высшими существами и людьми и называютъ ихъ *хатами*. Хаты — небеснаго происхожденія, но они спускаются также и на землю. Представляя себѣ много небесъ, буряты дѣлятъ ихъ на восточныя и западныя. Перенося человѣческую жизнь на небо, буряты думаютъ, что у хатовъ восточныхъ небесъ и у хатовъ небесъ западныхъ происходитъ или происходила въ древности борьба. Иногда въ ихъ легендахъ разсказывается о томъ, что борьба эта происходила между отдѣльными богатырями, представителями того и другаго неба; иногда — и это болѣе распространенное представленіе – борьба происходитъ между двумя быками, чернымъ и сивымъ. Побѣда, по ихъ представленіямъ, остается за представителемъ западныхъ небесъ, и ихъ буряты считаютъ благодѣтельными для себя, а восточныя небеса — враждебными. Главнымъ божествомъ неба, по легендарнымъ сказаніямъ и сказкамъ бурятъ, является *Эсэ-Маланъ-Тэнри*. Всѣ эти небожители, по представленіямъ бурятъ, какъ они отразились въ ихъ сказаніяхъ, ведутъ жизнь, во всемъ подобную людской жизни. Они также женятся, имѣютъ дѣтей, слугъ, враговъ и друзей; у нихъ также есть стада, такія же жилища и одежды, какъ и у бурятъ, только все это богаче, чѣмъ у простыхъ смертныхъ. Жизнь небожителей разсказывается въ священныхъ легендахъ, передаваемыхъ шаманами во время ихъ богослуженій, и кромѣ того служитъ предметомъ безчисленныхъ, иногда очень длинныхъ, сказокъ свѣтскаго характера. Самымъ лучшимъ руководствомъ для ознакомленія съ шаманской миѳологіей, по словамъ бурятъ, является героическая поэма о Гэсэръ-ханѣ — сынѣ неба. Сказки, въ которыхъ упоминаются имена божествъ, слушаются бурятами съ почтеніемъ; сказочники, умѣющіе вѣрно, не искажая, передавать сказку, пользуются почетомъ; сами божества награждаютъ такихъ сказочниковъ, какъ думаютъ буряты.

Кромѣ *тэнріевъ* и небесныхъ *хатовъ*, есть еще водяные хаты, *уханъ-хаты*. Представителями хатовъ бываютъ *заяны;* это слово переводятъ буряты *творецъ*, его же можно перевести словомъ *покровитель*. Такъ, напр., есть заянъ города Кяхты; буряты-шаманисты употребляютъ слово *заянъ* въ значеніи *божества*.

Всѣ эти три разряда духовъ, такъ сказать, небеснаго или высшаго

происхожденія; кромѣ нихъ, у шаманистовъ-бурятъ есть еще ближайшіе къ людямъ духи-покровители—это *онгоны*. Наряду съ онгонами можно поставить также очень уважаемые бурятами *бумалъ-шилуны*—это камни, упавшіе съ неба; они почитаются тѣми родами или фамиліями бурятъ, на землѣ которыхъ были найдены *).

Онгонами считаются иногда нѣкоторыя животныя, напр., орелъ—у ольхонцевъ, лебедь—у хангинскихъ бурятъ. Вѣроятно, желая сдѣлать этихъ онгоновъ доступнѣе для людей, шаманисты дѣлаютъ ихъ изображенія—это или шкурка животнаго—горностая, зайца, хорька, соболя, украшенная лентами, или человѣческая фигура, вырѣзанная изъ дерева, или сшитая изъ лоскутковъ кукла, а иногда—рисунокъ. Рисунки онгоновъ дѣлаются или на доскахъ, или, чаще, на лоскуткахъ красной краской; иногда на лоскуткѣ рисуется цѣлый рядъ фигуръ, напр., *девять небесныхъ дѣвъ, двѣ сестры Галзушины, двѣнадцать кузнецовъ* и т. д. Рисунокъ часто упрощенъ до послѣдней возможности; это почти только символическія изображенія: человѣческую фигуру, напр., изображаютъ кружкомъ вмѣсто головы, чертой, раздвоенной внизу,—туловище и ноги, и другой чертой, поперечной—руки. Но почти всегда посреди этого изображенія прикрѣпляется металлическая, изъ жести или желѣза, фигурка, называющаяся душой. Несмотря на простоту рисунка, онгоны различаются своими атрибутами. О каждомъ онгонѣ существуютъ легенды; ихъ надо знать, чтобы изобразить того или другаго онгона. Очень часто встрѣчаются онгоны, изображающіе нѣкогда жившихъ шамановъ; иногда это фигуры людей съ бубномъ въ рукахъ, иногда одинъ только бубенъ. Иногда онгоны представляютъ предковъ; у хангинцевъ есть очень оригинальный онгонъ—это кружокъ изъ дерева, на которомъ грубо обозначены глаза, носъ, ротъ; разсказываютъ про него, что, когда буряты переселялись изъ Монголіи, одинъ изъ бурятъ привезъ съ собой отрѣзанную голову своего отца, котораго звали Бёртё; этотъ онгонъ и называется Бёртё. Хангинцы и шараты особенно почитаютъ лебедя; они разсказываютъ по этому поводу такую исторію. Три дочери Тэнгиръ-Шара-Хасара спускались въ видѣ лебедей на землю, на берегу озера снимали лебяжьи шкурки и купались въ видѣ дѣвъ; во время одного такого купанья Хоридой-Моргонъ успѣлъ спрятать лебяжью одежду одной

*) По словамъ нѣкоторыхъ русскихъ, бумалъ-шилуны сохраняются въ особыхъ ящикахъ на высокихъ шестахъ: изрѣдка ихъ омываютъ, и вода эта считается цѣлительной.

изъ дѣвъ, Хобоши-хатунъ; остальныя двѣ сестры улетѣли въ лебяжьихъ одеждахъ на небо, а Хобоши-хатунъ стала женой Хоридоя; отъ ихъ дѣтей произошли эти два бурятскіе рода – шараты и хангинцы. Буряты племени Булагатъ и племени Эхиритъ считаютъ своимъ предкомъ: первый—Буханоина, т.-е. одного изъ тѣхъ быковъ, которые участвовали въ борьбѣ восточныхъ и западныхъ хатовъ; второй произошелъ изъ воды и считается сыномъ уханъ-хатовъ; объ обоихъ предкахъ есть длинныя и очень сложныя, а также невсегда однообразно разсказываемыя, легенды.

Кромѣ онгоновъ-покровителей рода, есть множество онгоновъ-покровителей скота, особые для лошадей, коровъ, барановъ; есть также онгоны различныхъ болѣзней, онгоны игръ, онгоны промысловъ; есть, напр., особый онгонъ веселъ. лодки, остроги; особенно развиты онгоны кузнечнаго дѣла,—ихъ очень много.

Онгоновъ призываютъ въ случаѣ болѣзни дѣтей, того или другаго скота, при промыслахъ и также при играхъ. Призывая ихъ, имъ иногда приносятъ жертвы, по большей части водкой и молочными продуктами, но въ важныхъ случаяхъ приносятъ и кровавыя жертвы. Онгоны сохраняются въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ (очень напоминающихъ наши скворешницы); иногда привязываютъ этотъ ящикъ на столбѣ къ юртѣ, иногда отдѣльные онгоны размѣщаются на особыхъ соотвѣтствующихъ ихъ значенію мѣстахъ, такъ, напр., подвѣшиваются въ мѣшечкѣ надъ кроватью или надъ колыбелью ребенка. Завести полный комплектъ онгоновъ очень трудно; надо пригласить очень свѣдущаго шамана, который зналъ бы, какъ сдѣлать каждый онгонъ; затѣмъ, когда онгоны готовы и положены на бѣлую шкуру лошади, надо принести имъ жертву: кромѣ сметаны и масла, надо и жеребенка заколоть, а иногда барана и козла. Кромѣ этого жертвоприношенія при освященіи, усердные домохозяева не разъ въ своей жизни должны устроить жертвенное угощеніе своимъ онгонамъ; во время принесенія жертвъ шаманъ поетъ гимны въ честь ихъ или говоритъ легенды о нихъ.

Послѣ смерти хозяина дома онгоновъ слѣдуетъ сжечь, но при этомъ слѣдуетъ заколоть барана, завернуть каждую фигурку въ бараній сальникъ и затѣмъ уже бросить въ костеръ, устраиваемый гдѣ-нибудь въ полѣ; избѣгая этихъ расходовъ, буряты чаще не сжигаютъ онгоновъ, а складываютъ ихъ въ ящикъ и выставляютъ на шестѣ не подалеку отъ юрты или дома.

Сообразно съ почитаніемъ силъ природы, буряты совершаютъ моленія

въ связи съ главными годовыми явленіями: весной, когда появляются хорошія травы и у скотоводовъ наступаетъ изобиліе въ пищѣ,—и осенью, когда увеличившіяся стада позволяютъ убивать ожирѣвшую за лѣто скотину. Нѣкоторые осенью приносятъ особыя жертвы въ честь матери-земли, которую представляютъ сѣдовласой старухой.

На такія общественныя жертвоприношенія собираются иногда цѣлымъ родомъ; число съѣзжающихся бываетъ въ нѣсколько тысячъ; богатые роды дѣлаютъ такія общественныя жертвоприношенія—*таиланы*—чаще, по нѣскольку въ годъ; бѣдные—рѣже, года черезъ три. Бываютъ и меньшія общественныя собранія, гдѣ участвуютъ только сосѣдніе улусы. На таилганахъ, кромѣ принесенія жертвъ на общественный счетъ, устраиваются также игры, скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль и т. п. На таилганахъ женщины, какъ чужія къ роду, не присутствуютъ; но дѣвушки, какъ принадлежащія роду, принимаютъ въ нихъ участіе.

Кромѣ *таилановъ*, бываютъ частныя жертвоприношенія, дѣлаемыя отдѣльной семьей или по обѣту, или по болѣзни; такое частное жертвоприношеніе называется *кырыкъ*. На таилганахъ и кырыкахъ всегда приносятъ въ жертву скотъ, часто лошадей. Старые люди и шаманы знаютъ, какой скотъ слѣдуетъ приносить въ жертву въ томъ или другомъ случаѣ.

Мѣсто таилгановъ бываетъ обыкновенно уже издавна одно; на немъ бываетъ *обо*, т.-е. куча камней или хворосту, посвященная мѣстному *заяну* или *ижину*—хозяину мѣста.

Послѣ извѣстныхъ церемоній, устройства жертвенника, установленія особыхъ, украшенныхъ лентами, березокъ *туріэ*, освященія черезъ куреніе пихтой и вереском (juniperus) всѣхъ принадлежностей жертвоприношенія, посуды, участвующихъ въ немъ людей и проч., начинаютъ жертвоприношеніе водкой и молочными продуктами; послѣ возліянія на огонь пьютъ водку шаманы и старики и даютъ или дѣлаютъ видъ, что даютъ, назначеннымъ въ жертву животнымъ; потомъ ихъ убиваютъ особымъ способомъ, очень древнимъ по преданіямъ: имъ распарываютъ животъ и затѣмъ запускаютъ во внутренности руку и сжимаютъ рукой аорту. Кожу снимаютъ тоже особымъ образомъ, оставляя нижнія кости ногъ, голову, легкія и сердце въ кожѣ; мясо животнаго снимаютъ съ костей и варятъ, а нѣсколько жира и небольшую часть мяса сжигаютъ на жертвенномъ огнѣ. Шкуру съ головой слегка набиваютъ соломой и вѣшаютъ на березку; если это происходитъ на таилганѣ, то голову чучелы обращаютъ на западъ; если на кырыкѣ, въ честь восточныхъ хатовъ, то чучелу обращаютъ голо-

вой къ востоку. Кости жертвенныхъ животныхъ сожигаютъ на особо сложенныхъ *шире*—жертвенникахъ, сложенныхъ изъ камня, а гдѣ нѣтъ камня, просто на особомъ кострѣ. Во время жертвоприношенія и затѣмъ, пока варится мясо, участвующіе въ таилганѣ бываютъ заняты играми, борьбой, скачками, причемъ, конечно, старики представляютъ только зрителей. Сваренное жертвенное мясо дѣлится по числу участвующихъ въ таилганѣ семей и съѣдается каждой семьей отдѣльно; часть мяса непремѣнно отвозится домой и раздается тѣмъ домашнимъ, которые не могли быть на таилганѣ.

Самыми веселыми таилганами почему-то бываютъ таилганы уханъ-хатамъ, водянымъ духамъ; они всегда устраиваются на берегу рѣки, на нихъ участвуютъ также замужнія женщины. Во все время праздника молодежь пляшетъ національный танецъ. Во время жертвоприношенія отцы семей подходятъ къ рѣкѣ и пьютъ воду, называя ее при этомъ *аршанъ*, т.-е. священная или живая вода. Затѣмъ шаманы въ своихъ призываніяхъ приглашаютъ водяныхъ заяновъ принять жертвы и за нихъ ниспослать жертвователямъ блага земныя, отъ нихъ зависящія; послѣ моленій шаманъ бросается къ рѣкѣ, показывая намѣреніе кинуться въ нее. Молодые люди уже ожидаютъ этого и удерживаютъ его, а если не успѣютъ, то вытаскиваютъ изъ воды. Дѣлается это потому, что шаманъ во время своего шаманскаго дѣйствія считается воплощеніемъ тѣхъ духовъ, которыхъ онъ призывалъ; олицетворяя уханъ-хатовъ, онъ долженъ возвратиться послѣ призываній въ свое жилище — воду. На этихъ же таилганахъ бываетъ гаданье, котораго на другихъ не бываетъ. Отцы семействъ растапливаютъ олово и выливаютъ его въ чашку воды, зачерпнутой изъ рѣки; вылившаяся фигура даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ будущей судьбы. Въ гаданье это очень вѣрятъ, и довольно неудачно вылившагося олова, чтобы веселье смѣнилось унынiемъ.

Главными дѣйствующими лицами во время жертвоприношеній являются шаманы; ихъ роль особенно важна въ томъ случаѣ, когда совершается *кырыкъ* по случаю болѣзни или другаго частнаго событія.

Шаманы не представляютъ у бурятъ опредѣленнаго сословія, такъ какъ шаманомъ можетъ сдѣлаться не всякій, а лишь тотъ, кто получитъ даръ свыше. Чаще всего, однако, шаманство бываетъ наслѣдственно въ томъ или другомъ родѣ. Даръ шаманства можетъ получить и женщина, и въ бурятскомъ народѣ сохраняется память о многихъ знаменитыхъ шаманкахъ; даръ шаманства даже чаще передается по женской линіи. Бываютъ также

шаманы, получившіе даръ шаманства по особому случаю: если, напр., человѣкъ умретъ отъ грозоваго удара, то кто-нибудь изъ его родственниковъ по нисходящей линіи долженъ сдѣлаться шаманомъ.

Шаманъ, какъ извѣстно, долженъ имѣть сношеніе съ духами, приходить въ особое восторженное экстатическое состояніе, имѣть видѣнія или, по крайней мѣрѣ, живое творческое воображеніе; понятно, что не всякій способенъ на это; для людей нервозныхъ, легко возбуждающихся, это легче, чѣмъ для хладнокровныхъ; понятно также, почему шаманская способность передается по наслѣдству: въ большинствѣ случаевъ это обусловливается наслѣдственностью темперамента и того психическаго разстройства, которое въ большей или меньшей степени существуетъ у всѣхъ шамановъ.

Иногда шаманы тяготятся своимъ званіемъ, но они не всегда могутъ отказаться отъ наклонности къ шаманству; разсказываютъ, что съ такими, удерживающимися отъ шаманства, лицами дѣлаются нервные и даже эпилептическіе припадки, указываютъ даже случаи самоубійства. Есть шаманскіе роды, гдѣ эта наклонность къ самоубійствамъ проявляется очень часто.

Чаще всего люди, наклонные къ шаманству, еще смолоду присутствуя на шаманскихъ дѣйствіяхъ, начинаютъ принимать въ нихъ участіе въ качествѣ помощниковъ. Иногда такой молодой шаманъ начинаетъ тосковать, удаляться отъ общества, въ уединеніи начинаетъ предаваться шаманской пляскѣ, а затѣмъ уже выступаетъ и передъ обществомъ. Бурятскіе шаманы, при вступленіи въ это званіе, подвергаются особому посвященію съ довольно сложной обрядностью.

Сообразно дѣленію хатовъ на восточныхъ и западныхъ, на благодѣтельныхъ и враждебныхъ, и шаманы у бурятъ бываютъ двухъ родовъ: *черные* и *бѣлые*. Одни призываютъ свѣтлыхъ духовъ западныхъ, другіе—восточныхъ или подземныхъ. Разница эта сказывается въ обрядахъ и въ одеждѣ шамановъ, если не всегда при жизни, то, по крайней мѣрѣ, по смерти: при похоронахъ чернаго шамана одѣваютъ въ синюю шубу, бѣлаго—въ бѣлую. Чернымъ шаманамъ часто приписываются различныя бѣдствія, постигающія ихъ сосѣдей; нерѣдко къ нимъ питаютъ ненависть, а иногда, говорятъ, и убиваютъ изъ мщенія, обезопашивая себя осиновымъ гробомъ и гвоздемъ, которымъ трупъ шамана прибиваютъ къ могилѣ внизъ лицомъ. Впрочемъ, это, очевидно, уже позднѣйшій способъ погребенія; болѣе древній—сожиганіе шамана, послѣ чего собирали кости и пепелъ, выдалбливали въ деревѣ пустоту, закладывали туда прахъ и сверху опять задѣлывали отверстіе;

на этомъ же деревѣ вѣшали его плащъ и его бубенъ, если шаманъ его имѣлъ. Хоронятъ шамановъ и такимъ образомъ: ставятъ гробъ его на деревѣ. Хоронятъ обыкновенно на горахъ. Души умершихъ шамановъ дѣлаются заянами и обыкновенно извѣстны подъ именемъ *горныхъ старцевъ*.

Шаманское дѣйствіе состоитъ на-половину изъ опредѣленнаго обычаемъ ритуала, отчасти же изъ импровизаціи, каждый разъ новой. Если шаманъ призываетъ свѣтлыхъ духовъ, онъ въ своей мистеріи представляетъ поѣздку или полетъ на небо; если онъ призываетъ темныя силы, онъ долженъ изображать свое посѣщеніе подземнаго міра. Конечно, подробности въ томъ и другомъ случаѣ должны быть различны.

Совершается шаманское дѣйствіе такимъ образомъ: въ юртѣ или на открытомъ воздухѣ разводится огонь, на него бросаютъ пихту, верескъ, богородскую траву для куреній; юрту обрызгиваютъ молокомъ; если шаманъ съ бубномъ, то нагрѣваютъ бубенъ, чтобы онъ былъ звончѣе; у бурятъ, впрочемъ, шаманы рѣдко употребляютъ бубенъ *). Затѣмъ шамана одѣваютъ въ особую шубу и шапку, если онъ посвященъ и имѣетъ эти вещи. Шуба шамана обыкновенно дѣлается изъ замши, обшита бахромой изъ ремней и желѣзными привѣсками; первые иногда изображаютъ, а иногда только носятъ названіе змѣй. Шапка у бурятскихъ шамановъ состоитъ изъ желѣзнаго сквознаго шлема; къ ободу, надѣваемому на голову, прикрѣпляютъ двѣ желѣзныя полудуги, перекрещивающіяся на вершинѣ; иногда такой шлемъ дѣлается съ рогами напереди. Въ прежнее время бурятскіе шаманы употребляли очень грубо сдѣланныя маски, но теперь ихъ не упо-

*) Бубенъ устраивается такимъ образомъ: дѣлается деревянный ободъ, какъ для сита, аршина 2 — 4 въ окружности, и на него съ одной стороны натягивается шкура какого-нибудь молодаго животнаго, очищенная отъ волосъ; внутри устраивается вертикальная перекладина или ручка для держанья; часто она дѣлается въ видѣ грубаго изображенія человѣка; поперекъ бубна, внутри, натягивается желѣзная полоска, называемая т е т и в о й; она дѣлается витая, на ней подвѣшиваются желѣзныя подвѣски, которыя могутъ передвигаться справа налѣво и наоборотъ; отъ ихъ движенія по винтообразной поверхности происходитъ особый металлическій шорохъ при каждомъ поворотѣ бубна въ рукахъ шамана. Въ такой бубенъ шаманъ ударяетъ особой деревянной лопаточкой, обтянутой шкурой козленка съ неснятой шерстью. Эта лопаточка называется т а ш і у р ъ, „плеть“. Нѣкоторые шаманы гадаютъ, бросая ее вверхъ и замѣчая, какой стороной упадетъ она, выпуклой или выгнутой. Бубенъ иногда въ рукахъ шамана изображаетъ лукъ, иногда птицу, на которой шаманъ поднимается къ небесамъ, а иногда, если у шамана нѣтъ х о р ь б а или жезловъ,—его лошадь.

требляютъ. Одѣтому шаману подаютъ его *жезлы:* это самая необходимая его принадлежность; жезлы дѣлаются изъ желѣза или дерева; они представляютъ коня, вверху у деревянныхъ жезловъ вырѣзана лошадиная голова; кончаются они копытомъ; посрединѣ жезла есть легкій выгибъ, подобіе лошадиной спины, — на этомъ мѣстѣ подвѣшиваются маленькія стремена.

Становясь у огня, шаманъ и его помощники, одѣвавшіе его, начинаютъ пѣть гимны; при этомъ шаманъ раскачивается туловищемъ во всѣ стороны, ноги его остаются неподвижны, или же онъ дѣлаетъ прыжки, упираясь на свои костыли. Эти движенія шамана, очень сильныя и быстрыя, приводятъ его въ особое настроеніе; въ него, какъ думаютъ шаманисты, входятъ духи, которыхъ онъ призывалъ, или говорятъ, что его душа въ это время уходитъ изъ тѣла и совершаетъ странствія въ жилища западныхъ или восточныхъ хатовъ, или въ царство Эрлэнъ-хана, въ царство умершихъ людей: тамъ ему приходится быть въ томъ случаѣ, если онъ молится за больнаго. Буряты думаютъ, что послы Эрлэнъ-хана похищаютъ души людей раньше наступленія смерти и что болѣзнь и смерть—только послѣдствія того, что организмъ человѣка не можетъ жить долго безъ души. Во время дѣйствія (*камланья*, какъ говорятъ русскіе, производя этотъ глаголъ отъ слова *камъ*, какъ называются шаманы на тюркскихъ нарѣчіяхъ) шаманъ долженъ сообщить присутствующимъ, что съ нимъ происходитъ, и для этого онъ и его помощники поютъ заранѣе сложенныя на этотъ случай пѣсни, или импровизируютъ подходящіе къ случаю разсказы, или даже разыгрываютъ подходящія сцены, объясняя ихъ значеніе коротенькими фразами, которыми шаманъ перекидывается съ помощниками. Такъ, напр., шаманъ мимически изображаетъ свой страхъ при появленіи передъ очи грознаго Эрлэнъ-хана, свои униженныя мольбы передъ нимъ, поднесеніе подарковъ и т. д. Конечно, большее или меньшее искусство при этомъ зависитъ отъ способностей и знаній шамана.

Ненормальное восторженное состояніе, которое должно овладѣвать шаманомъ для того, чтобы его мистеріи были искренни, наступаетъ не у всякаго человѣка скоро; иногда шаманить приходится и 2—3 сутокъ, чтобы вдохновеніе посѣтило шамана. Шаманство тогда совершается съ небольшими отдыхами. Съ нѣкоторыми шаманами, особенно часто съ женщинами, дѣлаются при этомъ эпилептическіе припадки: они падаютъ на полъ и въ конвульсіяхъ бьются на полу, изо рта ихъ течетъ пѣна, они рычатъ или кричатъ, подражая животнымъ, бросаются на присутствующихъ, угро-

жая имъ когтями,—отчасти это болѣзненныя явленія, отчасти, вѣроятно, сознательное желаніе устрашить присутствующихъ. Вообще опредѣлить границу, гдѣ у шамана сознательныя дѣйствія и гдѣ онъ самъ находится во власти ненормально возбужденныхъ чувствъ, очень трудно. Присутствующіе, видя бѣснованья шамана, думаютъ, что имъ овладѣли тѣ духи, которыхъ онъ призываетъ или съ которыми ему приходится бороться. Изреченія шамана въ такомъ возбужденномъ состояніи считаются пророческими.

Въ настоящее время шаманство, какъ религія очень грубая, первобытная, перестало уже удовлетворять бурятъ, и многіе изъ нихъ переходятъ къ христіанству или буддизму. Тамъ, гдѣ вліяніе русскихъ сильно, какъ это мы видимъ у сѣверо-западныхъ бурятъ, они почти всѣ крещены; въ Забайкальѣ, гдѣ связи съ Монголіей крѣпче и куда въ XVII в. пришла часть селенгинскихъ бурятъ-буддистовъ, религія эта распространилась по всему краю и держится крѣпко. Говоря однимъ языкомъ и, главное, чувствуя свою бо́льшую умственную и нравственную близость съ одноплеменными имъ монголами, чѣмъ съ чужими по крови и духу русскими, буряты, очень естественно, быстро усвоили ламайское вѣроученіе. Этому также много помогла буддистская вѣротерпимость и общность многихъ вѣрованій ламайскаго буддизма съ общимъ всѣмъ восточнымъ народамъ древнимъ шаманизмомъ.

Болѣе высокая нравственность въ буддизмѣ, стройное вѣроученіе, красивая обрядность, монашескія учрежденія все должно было повліять благопріятно на то, чтобы буряты отъ шаманства перешли къ ламайству. Только въ 1741 г. государство признало за забайкальскими бурятами право исповѣдывать буддизмъ, а въ настоящее время у многихъ изъ нихъ уже утратилось всякое представленіе о томъ, что предки ихъ были, и притомъ еще такъ недавно, шаманистами. Забайкальскіе буддисты искренно вѣрятъ, что *желтая вѣра*, какъ они называютъ буддизмъ, была ихъ исконной религіей *). Въ 1764 г. правительство позволило бурятскому народу избрать себѣ особаго духовнаго руководителя; это такъ называемый *хамбо-лама*, т.-е. ученый лама; онъ вѣдаетъ духовныя дѣла края и считается настояте-

*) Надо замѣтить, впрочемъ, что въ краѣ находятся древнія развалины, принадлежащія, повидимому, буддистскимъ храмамъ. Археологическія находки также свидѣтельствуютъ, что буддизмъ существовалъ въ краѣ задолго до прихода русскихъ въ Сибирь.

лемъ самаго большаго ламайскаго монастыря на Гусиномъ озерѣ въ Забайкальѣ. Лицо это избирается пожизненно изъ среды бурятскаго ламайства; во время богослуженій хамбо-ламу окружаютъ большими почестями. Въ настоящее время правительство относится нѣсколько ревниво къ его вліянію на бурятъ и старается ограничить его права; такъ, напр., чтобы совершить поѣздку по подвѣдомственному ему краю, онъ долженъ испрашивать разрѣшеніе у губернаторской власти.

Главой вѣры наши буряты признаютъ все-таки главу всего буддистскаго міра, далай-ламу тибетскаго, а также чтутъ и хутухтъ ургинскихъ*). Ламъ, т.-е. лицъ, принявшихъ монашескіе обѣты, какъ этого требуетъ буддистское ученіе, между бурятами много, но не всѣ они живутъ въ монастыряхъ; большинство остается въ семьяхъ и ведетъ обычное хозяйство. Отчасти это зависитъ отъ того, что русское правительство, не желая уменьшенія платежныхъ силъ бурятскаго народа, для каждаго монастыря назначило опредѣленное число ламъ, ввело, такъ называемые, штаты ламъ, а всѣ монахи сверхъ этого, дозволеннаго закономъ, числа оффиціально ламами не признаются. Съ другой стороны, въ характерѣ бурятъ нѣтъ особой наклонности къ аскетизму, и потому часто встрѣчается нарушеніе монашескихъ обѣтовъ. Происходятъ эти нарушенія потому, что въ ламы часто посвящаютъ малолѣтнихъ ихъ родители. Хотя для посвященія въ высшія духовныя степени монашества требуются нѣкоторыя знанія, но такъ какъ знанія эти могутъ быть достигнуты и школьникомъ, то часто случается, что монашескіе обѣты произносятся мальчиками и юношами, не достигшими совершеннолѣтія, почему и случается часто, что впослѣдствіи, не снимая съ себя званія ламы, такіе люди нарушаютъ обѣты и живутъ людьми семейными.

Главный монастырь буддистовъ въ Забайкальѣ находится, какъ мы уже сказали, на Гусиномъ озерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Селенгинска; есть въ Забайкальѣ и другіе монастыри, напр., Агинскій и Усть-Цыгульскій, оба въ Нерчинскомъ округѣ, и нѣсколько меньшихъ. Кромѣ штатныхъ ламъ и *ширетуя* **), т.-е. настоятеля, въ каждомъ монастырѣ живетъ

---

*) Положеніе далай-ламы въ буддизмѣ можно сравнивать съ положеніемъ папы въ мірѣ католическомъ.

**) Слово ширетуй происходитъ отъ слова ширэ—столъ. Во время богослуженія ширетуй занимаетъ центральное мѣсто въ храмѣ, причемъ сидитъ на высокомъ табуретѣ или креслѣ.

много молодыхъ ламъ, послушниковъ, или *хувараковъ*; въ монастыряхъ есть также школы. Ламы въ монастыряхъ изучаютъ также тибетскую медицину и приглашаются бурятскимъ населеніемъ, какъ врачи.

Въ монастыряхъ обыкновенно бываютъ *дацаны*, или храмы, наполненные буддистскими изображеніями боговъ, статуями и картинами; такіе дацаны есть и отдѣльно отъ монастырей или, по крайней мѣрѣ, съ очень скромнымъ числомъ живущихъ при нихъ ламъ. Дацаны есть и среди бурятъ Иркутской губ.; въ Аларскомъ и Тункинскомъ вѣдомствахъ есть даже небольшіе монастыри. Какъ мы уже сказали, буддизмъ слабо распространяется у сѣверо-западныхъ бурятъ; у забайкальскихъ же въ настоящее время замѣчается нѣкоторое религіозное одушевленіе и нравственный подъемъ; такъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Верхнеудинскаго округа имѣетъ большой успѣхъ проповѣдь ламъ противъ пьянства.

Христіанская проповѣдь среди бурятъ началась еще въ XVII ст.; въ то время была въ Забайкальѣ основана православная миссія, но въ половинѣ XVIII ст. миссія прекратила свою дѣятельность. Въ началѣ XIX ст. въ Забайкальѣ была основана англійская миссія; вмѣстѣ съ ней возобновили свою проповѣдь и православные миссіонеры. Въ 1842 г. обѣ миссіи снова прекратили свою дѣятельность. Съ 1861 г. православная миссія возобновила свои труды и съ того времени дѣйствуетъ и понынѣ. Къ сожалѣнію, русскіе священники, проповѣдуя христіанство, настаиваютъ обыкновенно на томъ, чтобы принявшіе православіе буряты приняли вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ жизни русскихъ, а это не всегда бываетъ легко сдѣлать какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу. Не знаемъ, чему это приписать, но нельзя не замѣтить, что у бурятъ-христіанъ гораздо больше можно встрѣтить такъ называемаго двоевѣрія, чѣмъ среди буддистовъ: считаясь оффиціально христіанами и даже исполняя обряды православной вѣры, буряты часто не оставляютъ своей древней религіи, шаманской, совершаютъ таилганы, держатъ въ домахъ онгоновъ и т. д.; конечно, отъ русскихъ и въ особенности отъ духовенства они тщательно скрываютъ это обстоятельство.

Перемѣняя старую религію на христіанство и буддизмъ, подпадая вліянію окружающаго ихъ русскаго населенія, буряты во многомъ уже измѣнили свои нравы и обычаи; несомнѣнно, однако, что и теперь еще у нихъ можно наблюдать много старины и переживаній стараго быта. Къ сожалѣнію, систематичныхъ наблюденій надъ ихъ жизнью не дѣлалось, и всѣ наблюденія носятъ случайный и поверхностный характеръ.

Какъ на наиболѣе рѣзкое противорѣчіе старыхъ нравовъ съ современными, мы можемъ указать на обычай бурятъ умерщвлять стариковъ, доживших до 70-лѣтняго возраста. Въ настоящее время такого обычая уже нѣтъ, но разсказы о подобныхъ событіяхъ настолько подробны, что заставляютъ думать, что обычай этотъ существовалъ не такъ давно.

Разсказы передаютъ, что всѣ родные старика, обреченнаго смерти, собирались въ его юрту, и устраивался пиръ; старика угощали и напослѣдокъ давали ему глотать жиръ, отрѣзанный длинной полосой; глотая этотъ жиръ, старый человѣкъ давился и умиралъ *).

Есть также слѣды давней старины въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обычаяхъ. Свита, сопровождающая жениха и невѣсту, всегда очень велика; невѣсту, прежде чѣмъ везти въ домъ къ жениху, приходится силой отнимать у ея подругъ. Послѣ того, какъ невѣсту привезли въ домъ жениха, и гости кончили пиры въ улусѣ жениха, провожатые невѣсты, возвращаясь домой, стараются отогнать сколько-нибудь скота изъ женихова улуса, а сторонники жениха должны отбивать силой захваченный скотъ; но чаще всего они поступаются хоть одной скотиной, и тогда поѣздъ невѣсты на полдорогѣ или по возвращеніи домой устраиваетъ пиръ изъ захваченной у жениха скотины. Это, повидимому, указываетъ на военный захватъ дѣвицъ и, какъ возмездіе за это, на угонъ скота.

Въ легендахъ же можно прослѣдить у бурятъ еще болѣе древнюю форму брака, когда женихъ поступалъ въ домъ невѣсты.

Въ обычаяхъ родильныхъ много очень грубыхъ архаическихъ чертъ, и есть намекъ на то, что отецъ или, можетъ быть, родъ долженъ рѣшить, — оставлять ребенка въ живыхъ или бросить **).

Браки у бурятъ между лицами одного рода не допускаются, хотя бы всякая память о родствѣ уже исчезла. Женъ берутъ, выплачивая калымъ,

---

*) Обычай убиванья стариковъ, повидимому, существовалъ и у другихъ инородцевъ Сибири. Чукчи и въ настоящее время убиваютъ старыхъ людей, но тамъ это имѣетъ, повидимому, другіе мотивы и скорѣе можетъ быть причислено къ самоубійствамъ.

**) Когда родственники соберутся для нареченія имени новорожденному, они выбираютъ мальчика или дѣвочку; пріемная мать ребенка, держа въ рукахъ стрѣлу и мозговую кость съ мясомъ, спрашиваетъ: „Кого пеленать—малютку или кость?“— Мальчикъ отвѣчаетъ: „Малютку“.—„Внизъ головой или вверхъ?“ спрашиваетъ женщина.—„Вверхъ!“ отвѣчаетъ мальчикъ. Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ. Затѣмъ младенцу нарекаютъ имя.

размѣръ котораго строго опредѣляется при договорѣ. У бѣдняковъ, небогатыхъ скотомъ, очень въ обычаѣ мѣна невѣстами, т.-е. молодой человѣкъ беретъ невѣсту и, если есть подходящій женихъ въ томъ же домѣ, отдаетъ за него свою сестру. Иногда родители сговариваютъ своихъ дѣтей очень рано, еще въ младенчествѣ, чтобы имѣть время исподволь выплатить калымъ; браковъ раннихъ въ настоящее время не замѣчается, но раньше нерѣдко, говорятъ, случалось, что женили малолѣтнихъ на взрослыхъ дѣвушкахъ. Дочерей не торопятъ отдавать замужъ, такъ какъ дѣвицы у бурятъ обыкновенно работаютъ наравнѣ съ мужчинами во всѣхъ полевыхъ работахъ.

Въ настоящее время у бурятъ, подъ вліяніемъ христіанства и русскихъ, а также подъ вліяніемъ буддизма, цѣломудріе требуется и уважается какъ въ замужней женщинѣ, такъ и въ дѣвушкѣ. Но есть основаніе думать, что послѣднія въ этомъ отношеніи еще очень недавно пользовались полной свободой. Г. Дуброва въ своемъ сочиненіи „О бурятской женщинѣ“ разсказываетъ, что матери иногда упрекаютъ своихъ дочерей за то, что послѣднія не имѣютъ любовниковъ; по ихъ мнѣнію, это указываетъ, что дѣвушка имѣетъ мало привлекательности и, стало быть, мало шансовъ найти себѣ выгоднаго жениха. Есть также бурятская поговорка: „дѣвушки растутъ на радость парней“. Это какъ-будто указываетъ на то, что незамужнія женщины составляли достояніе цѣлаго рода. Дуброва указываетъ, что дѣти, прижитыя незамужней дочерью, считались дѣтьми ея отца и, при выходѣ ея въ замужество, оставались въ семьѣ родителей. Нѣкоторыя игры и особенно нѣкоторые онгоны указываютъ на то, что бурятами очень цѣнилась способность къ дѣторожденію, и любовныя связи не считались предосудительными.

Другія показанія говорятъ, напротивъ, что прежде у бурятъ въ этомъ отношеніи нравы были строже, и что на теперешніе случаи нарушенія супружеской вѣрности смотрятъ, какъ на порчу нравовъ подъ вліяніемъ городскаго и пріисковаго быта русскихъ. У бурятъ Аларскаго вѣдомства существуетъ обычай побратимства между дѣвушкой и однимъ изъ ея товарищей по улусу. Дѣвушка избираетъ себѣ одного изъ своихъ сверстниковъ въ постоянные товарищи; съ нимъ она ѣздитъ по гостямъ, онъ защищаетъ ее отъ грубыхъ притязаній другихъ парней. Съ этимъ избраннымъ отношенія дѣвушки очень близкія, иногда онъ спитъ въ одной постели съ ней, — но и только. При выходѣ дѣвицы замужъ этотъ другъ ея, котораго она зоветъ старшимъ братомъ *аха*, играетъ очень важную роль:

онъ ведетъ ея коня при свадебной церемоніи; его благодарятъ, какъ вѣрнаго хранителя, если дѣвушка оказалась невинной,—въ противномъ случаѣ его упрекаютъ, а если онъ же былъ и соучастникъ въ ея винѣ, его жестоко бьютъ. У молодой четы этотъ аха продолжаетъ пользоваться уваженіемъ и дружбой.

Происходитъ ли такая коренная разница въ обычаяхъ и нравахъ потому, что явленія наблюдались у двухъ, можетъ быть, далекихъ по своему происхожденію бурятскихъ родовъ, или это обычаи двухъ разныхъ эпохъ—мы рѣшать не беремся, но думаемъ, что скорѣе первое.

Между бурятами въ настоящее время замѣчается наклонность къ разводамъ; вѣроятно, это указываетъ на то, что старая форма брака, по договору родителей, выходъ замужъ непремѣнно за человѣка чужаго рода, перестала удовлетворять нравственному чувству бурятъ, появилась потребность личнаго выбора. Разводъ не затрудняется у буддистовъ, а у христіанъ, вслѣдствіе нерасторжимости брака по закону, часто выходятъ семейныя драмы тамъ, гдѣ обѣ стороны несогласны уладить дѣло по старымъ обычаямъ. Разведенная жена у бурятъ не избѣгается и скоро находитъ себѣ новаго мужа. Если мужъ отсылаетъ жену, онъ возвращаетъ взятый за нею въ приданое скотъ ея родителямъ; если желаніе разойтись существуетъ съ обѣихъ сторонъ, тогда возвращаютъ и калымъ. Обычное право, кажется, подробно разбираетъ всѣ случаи въ такихъ дѣлахъ.

Каждая женатая пара у бурятъ помѣщается по возможности въ отдѣльномъ домѣ или юртѣ. Родители обыкновенно строятъ юрты для своихъ взрослыхъ сыновей. Обычай многоженства не особенно распространенъ, и намъ не случалось слышать, чтобы буряты имѣли болѣе двухъ женъ.

Буряты всегда очень желаютъ имѣть дѣтей, особенно сыновей; говоря о дѣтяхъ, они подразумѣваютъ, большею частью, только мальчиковъ; бываютъ случаи покупки дѣтей малолѣтними, чтобы увеличить рабочую силу семьи или чтобы имѣть потомъ невѣсту. Особеннаго приниженія женщины у бурятъ незамѣтно; хотя г. Дуброва и говоритъ, что бурятъ смотритъ на женщину, какъ на рабочій скотъ, но вѣдь то же самое можно сказать иногда и о русскомъ крестьянинѣ.

Въ прежнее время буряты всѣхъ своихъ покойниковъ сожигали, въ настоящее время хоронятъ въ землю; но дѣлаютъ это, какъ сами говорятъ, по требованію русскихъ. Людей почетныхъ или шамановъ ставили иногда въ гробахъ на деревьяхъ. На могилѣ убивали любимую лошадь покойника, на которой привозили трупъ на мѣсто сожженія. Нынѣ во многихъ мѣстахъ

лошадь, привезшую покойника, стараются прогнать такъ далеко отъ дому, чтобы она не возвратилась. Дѣтей и въ настоящее время не закапываютъ, а закладываютъ гробикъ камнями.

Буряты раньше были звѣроловами и скотоводами, хлѣбопашество появилось между ними сравнительно недавно. О старой охотничьей жизни ихъ мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе по тѣмъ обычаямъ, какіе наблюдаются у нихъ въ настоящее время на общественныхъ облавахъ, называемыхъ у нихъ *зэлэтэ-аба* или *абахайдыкъ*. Теперь эти облавы уже почти выводятся или устраиваются въ особенно обильные дичью годы или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разводится много волковъ. Но въ бурятскомъ народѣ сохраняется много преданій о старыхъ обычаяхъ, и эти обычаи они называютъ обычаями во времена зэгэтэ-аба или, какъ переводилъ намъ это бурятъ, обычаями *облавнаго быта*. На большія облавы собирались всѣмъ племенемъ; онѣ совершались по опредѣленнымъ правиламъ, на время ихъ выбирались особыя власти съ особыми названіями. Мы имѣемъ описаніе такой современной облавы, сдѣланное однимъ изъ бурятъ Верхнеудинскаго округа, и другое, гдѣ указываются болѣе старые обычаи. Главный начальникъ охоты назывался *тубучи*, при немъ было два *засула;* лица эти обыкновенно исполняли свои обязанности нѣсколько лѣтъ, а иногда передавали ихъ по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Кромѣ того, въ облавѣ всегда долженъ быть *гадзарчи* вожакъ и два *хошучи*. Тубучи по совѣту съ засулами избиралъ мѣсто охоты и становился въ серединѣ отряда; подъ предводительствомъ двухъ хошучи, отъ него вправо и влѣво отдѣлялись и ѣхали въ указанномъ направленіи съ равными промежутками рядовые всадники. Впереди на указанныхъ мѣстахъ стояли почетныя лица — *доторчинъ*. Хошучи со своими отрядами охватывали большой кругъ, а согнанные и захваченные въ этомъ кругу звѣри должны были бѣжать на доторчиновъ. Кромѣ того, въ облавѣ было столько *галши* —огневщиковъ (отъ слова галъ — огонь), сколько въ ней участвовало родовъ. Въ облавѣ забайкальской, описанной г. Вамбоцереновымъ, было всегда семь *галши*, такъ что нѣкоторые роды соединялись и имѣли одного галши. Галши завѣдывали продовольствіемъ облавщиковъ; они со своими помощниками везли палатки и припасы на заранѣе назначенный пунктъ и здѣсь раскладывали огни и варили пищу. Облавщики къ ночи подъѣзжали къ этому мѣсту, и здѣсь *галши* каждаго рода призывали своихъ, выкрикивая родовой пароль или *ура* по-бурятски. Такъ, галши галзотскаго рода кричали *дагай*, кубдутскаго рода — *бургутъ*, такъ какъ *дагай* и *бургутъ* были ура ихъ родовъ. На эти крики запоздавшіе

облавщики подъѣзжали каждый къ своимъ огнямъ. У огней устраивались веселые пиры, на которыхъ старики выпивали, а молодежь играла въ игры, или все общество слушало пѣвцовъ и сказачниковъ. На эти вечерніе пиры пріѣзжали и женщины изъ сосѣднихъ улусовъ.

Обыкновенно аба-хайдыки устраивались осенью, и всѣ обязаны были участвовать въ аба; богатые приготовляли и выѣзживали къ этому времени хорошихъ лошадей и верблюдовъ, шили платье, приготовляли оружіе— стрѣлы, луки, копья. Бѣдные, у кого охотничьихъ лошадей не было, являлись безъ лошадей; имъ давали лошадей богатые. Богатые также приготовляли запасы изъ молочныхъ продуктовъ и также молочнаго вина *араки*. Во время облавъ всѣмъ угощеніемъ завѣдывали галши, и во всемъ наблюдалась равномѣрность. Послѣ всякой охоты каждый родъ приподносилъ отъ своей добычи стегно большаго звѣря *тубучи*, а остальное дѣлили поровну между участвующими. Если возникали споры изъ-за того, кѣмъ была застрѣлена та или другая дичь, засулы устраивали стрѣльбу въ цѣль и лучшему стрѣлку отдавали спорную дичь. Облавные обычаи, повидимому, нѣсколько разнились у бурятъ забайкальскихъ и у сѣверо-западныхъ. По преданіямъ, весь бурятскій народъ передвигался нѣкогда въ такомъ облавномъ порядкѣ съ одного мѣста на другое, вступая въ битву съ тѣми инородцами, которые встрѣчались имъ во время этихъ передвиженій. Однако, со времени поселенія русскихъ въ Сибири, буряты занимаютъ приблизительно все одни и тѣ же мѣста, на которыхъ они живутъ и теперь. И давно уже мѣста кочевокъ у бурятъ строго опредѣлены, и каждый родъ и племя занимаютъ опредѣленныя долины, рѣки или горы. Въ настоящее время всѣ сѣверные буряты уже принялись за хлѣбопашество и сдѣлались хорошими земледѣльцами. Кочевки ихъ ограничились переѣздомъ изъ лѣтниковъ въ зимнія жилища, на разстояніи какихъ нибудь 3—4 верстъ. Забайкальскіе буряты позже принялись за земледѣліе; тамъ и теперь еще есть буряты, у которыхъ нѣтъ пашенъ; но, кажется, вездѣ уже начали заготовлять сѣно, а это составляетъ нѣкоторый переходъ къ земледѣлію. Но и скотоводы теперь уже не дѣлаютъ большихъ переходовъ и совсѣмъ не кочуютъ, а лишь переходятъ изъ лѣтника въ зимникъ.

Жилища бурятъ сѣверныхъ состоятъ изъ восьмиугольныхъ юртъ, сложенныхъ изъ дерева. Стѣны — въ сажень или нѣсколько выше, и затѣмъ такая же бревенчатая или досчатая кровля; вверху остается большое восьмиугольное или квадратное отверстіе. Внутри стоятъ четыре столба, на которыхъ держится кровля, а между столбами, посрединѣ юрты, разводятъ

огонь, прямо на землѣ; дымъ уходитъ въ отверстіе въ кровлѣ; полъ отъ столбовъ до стѣнъ выстилается досками или иногда остается земляной. При юртѣ ставится амбаръ—четыреугольный срубъ безъ оконъ — и также лабазъ, т.-е. полати на четырехъ столбахъ для склада провизіи.

Каждый бурятскій родъ селится въ какой-нибудь долинѣ или у озера, но ихъ улусы не представляютъ большихъ селеній; каждый семьянинъ старается отдѣлиться отъ своихъ сосѣдей, жить просторнѣе; улусы состоятъ много-что изъ десятка или полутора десятковъ домовъ, связанныхъ родствомъ или какой-нибудь экономической зависимостью. Случается и такъ, что одна-двѣ юрты стоятъ одинокими среди своихъ пастбищъ. Такой домохозяинъ обыкновенно огораживаетъ пространство около своихъ юртъ жердями верстъ на пять въ окружности, — въ этихъ загородкахъ пасется его скотъ; около юрты съ теченіемъ времени выстраиваются амбары, затѣмъ, съ увеличеніемъ семьи, рядомъ съ отцовской юртой строятся юрты сыновей, внуковъ, племянниковъ,—и вотъ такой-то поселокъ уже называется улусомъ; но каждая вновь строющаяся юрта старается отгородить себѣ для своего скота пространство побольше, и улусъ раскидывается иногда на нѣсколько верстъ. Въ силу родственныхъ отношеній старики улуса имѣютъ большую власть, и весь улусъ является нѣкоторымъ образомъ связаннымъ въ своихъ хозяйственныхъ и прочихъ дѣйствіяхъ; въ улусѣ часто для всѣхъ существуетъ одна кузница, одна русская печь для печенья хлѣба и т. д. Скотъ, который бродитъ въ загородкѣ, всю зиму удобряетъ почву, а весной жители улуса переселяются и даютъ травѣ расти безъ помѣхи на удобренныхъ поляхъ; въ концѣ лѣта здѣсь образуется прекрасный сѣнокосъ, а на зиму буряты опять держатъ скотъ на этихъ *утугахъ*, какъ они называютъ такіе удобренные сѣнокосы. Около этихъ утуговъ или около своихъ лѣтнихъ жилищъ, если почва позволяетъ, буряты устраиваютъ въ настоящее время и пашни. Утуги, а если много воды, то и пашни орошаются въ продолженіе лѣта нѣсколько разъ посредствомъ проведенныхъ изъ рѣки канавъ. Въ Забайкальѣ, если воды мало, предпочитаютъ орошать сѣнокосы, а не пашни, такъ какъ въ настоящее время хозяйство забайкальскихъ бурятъ все еще скорѣе скотоводческое; въ пользованіи водой изъ рѣки наблюдается очередь. Если возникаютъ споры изъ-за воды, приходятъ разбираться къ своимъ же старикамъ; если старики сами замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, устраиваютъ съѣздъ изъ почетныхъ лицъ нѣсколькихъ улусовъ; такъ, впрочемъ, поступаютъ во всѣхъ случаяхъ несогласій, изъ-за чего бы они ни возникали.

Не смотря на то, что земледѣліе буряты заимствовали у русскихъ и

сравнительно еще недавно, они занимаются имъ очень успѣшно; уже въ 1802 г. въ Иркутскъ было доставлено бурятскаго хлѣба 14.000 четвертей, и одинъ изъ тайшей бурятскихъ былъ членомъ Вольно-экономическаго Общества еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ настоящее время русскіе предпочитаютъ покупать бурятскій хлѣбъ, считая его лучшимъ, чѣмъ у русскихъ хлѣбопашцевъ. Отчасти это зависитъ, вѣроятно, отъ того, что буряты примѣняютъ орошеніе, а также, можетъ быть, и отъ большей наблюдательности бурятскаго земледѣльца. *)

Въ то время, когда буряты еще своего хлѣба не сѣяли,—а въ Забайкальѣ еще и до-сегодня есть такіе углы, — они исключительно питались молочной и мясной пищей и держали скота помногу. Бывали богачи, насчитывавшіе у себя по нѣскольку тысячъ скота: въ настоящее время такихъ бурятъ нѣтъ или очень мало. Богатые обыкновенно давали и бѣднымъ скотъ на прокормленіе.

Главную пищу бурятъ и по сіе время, по крайней мѣрѣ въ Забайкальѣ, составляетъ *арса;* это—сгущенное, сквашенное молоко или творогъ. Арсу приготовляютъ въ продолженіе всего лѣта и въ большихъ семьяхъ накопляютъ ведеръ 30—40. Для приготовленія арсы молоко сливаютъ въ особую кадку и заквашиваютъ какими-то молочными дрожжами, сохраняемыми въ хозяйствахъ изъ года въ годъ. Это заквашенное молоко и остатки отъ пахтанья масла наливаютъ въ котелъ, къ которому придѣлываютъ изогнутую локтемъ трубу, опущенную другимъ концемъ въ чугунный кувшинъ; при нагрѣваніи котла молочные пары поднимаются по трубѣ и охлаждаются въ чугунномъ кувшинѣ; иногда кувшинъ ставится въ холодную воду, и тогда въ немъ получается молочная водка, а въ котлѣ остается полужидкій и очень кислый творогъ—это и есть *арса.* Молочная водка при такой перегонкѣ получается очень слабая, — ее называютъ *тарасуномъ;* чтобы получить болѣе крѣпкую водку, тарасунъ перегоняютъ нѣсколько разъ, тогда онъ называется *араки.* Такимъ образомъ буряты все лѣто не только бываютъ сыты отъ молока, но и пьяны. Араку приготовляютъ въ запасъ на случай пировъ, а тарасунъ распиваютъ сейчасъ же

*) Какъ на примѣръ такой наблюдательности и сельско-хозяйственной сноровки у бурятъ, мы можемъ указать на слѣдующій фактъ. Замѣтивъ, что въ какой-нибудь мѣстности сѣнокоса появилась люцерна, буряты, считая ее лучшей кормовой травой, посредствомъ извѣстнаго ухода за этимъ дикимъ растеніемъ, достигаютъ того, что люцерна почти сплошь покрываетъ данное поле.

горячимъ. Арсу сливаютъ въ кадки, а прежде, говорятъ, сливали въ войлочные мѣшки, и тогда арса получалась болѣе сухая; современныя бурятки говорятъ, что арса въ кадкѣ лучше сохраняется. При ѣдѣ арсу разводятъ водой или молокомъ и кипятятъ, подбавляя въ нее муки. Масла буряты заготовляютъ немного. Прежде, когда хлѣбъ не былъ въ употребленіи, дѣлали различные сыры. Кромѣ арсы, лѣтомъ буряты ѣдятъ *тараку* и кислое молоко, такъ наз. *куруну*, изъ которой дѣлается арса. Свѣжаго молока почти не ѣдятъ, только пьютъ съ чаемъ. Чай теперь всѣ буряты пьютъ кирпичный, подправляя его мукой и масломъ, или съ печенымъ ржанымъ хлѣбомъ.

Мяса лѣтомъ почти не ѣдятъ, колоть барановъ начинаютъ во время полевыхъ работъ, въ августѣ, а осенью, когда мясо можно сохранять въ прокъ, бьютъ быковъ; изрѣдка при случаѣ бьютъ и лошадей. Мясо заготовляется въ прокъ на весь годъ почти, но не въ большихъ количествахъ; для этого мягкія части мяса нарѣзываются длинными полосами и окунаются въ кипящій разсолъ, затѣмъ подвѣшиваются на вѣтру и вялятся.

Лѣтомъ въ качествѣ приправы къ пищѣ употребляютъ лукъ дикій; его рубятъ и солятъ въ кадкахъ, какъ русскіе капусту; запасаютъ еще луковицы сараны (lilium martagon). Въ нѣкоторыхъ улусахъ начинаютъ садить картофель; грибовъ и ягодъ не ѣдятъ.

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, у нѣкоторыхъ бурятъ есть еще промыселъ—рыболовство. Главныя рыбныя ловли, принадлежащія бурятамъ, находятся въ устьяхъ Селенги; рыбу они сбываютъ русскимъ торговцамъ; на Селенгѣ, верстахъ въ 50 выше устья, есть село Чертовкино, и тамъ осенью бываетъ небольшая рыбная ярмарка.

Ремеслами буряты занимаются по преимуществу плотничнымъ и кузнечнымъ, и плотники, и кузнецы изъ бурятъ славятся, какъ хорошіе работники. Особенно бурятами уважается ремесло кузнечное: кузнецы, по народнымъ преданіямъ, ведутъ свое происхожденіе отъ небесныхъ кузнецовъ; иногда кузнецы участвуютъ въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ наравнѣ съ шаманами. Слово *тарханъ*, придаваемое обыкновенно кузнецамъ и плотникамъ, имѣетъ въ монгольскомъ языкѣ два значенія: оно значитъ *свободный отъ податей* или благородный и *художникъ* или мастеръ, такъ термуръ-тарханъ — будетъ кузнецъ, или желѣзный мастеръ, модонъ-тарханъ—деревянный мастеръ. Кромѣ грубыхъ работъ изъ желѣза, бурятскіе кузнецы выдѣлываютъ также и ножи, ножницы. Всѣ серебряныя украшенія для сѣделъ, для кушаковъ, на женскихъ уборахъ дѣлаются своими же

мастерами, по своимъ рисункамъ. Столярныя работы также знакомы бурятамъ, они дѣлаютъ для себя кровати, комоды, столы, ящики; послѣдніе обыкновенно разрисовываются масляной краской. Узоры предпочитаютъ шашечные или арабески, цвѣтовъ и фигуръ не рисуютъ.

Въ настоящее время у бурятъ въ домашней утвари недостатка нѣтъ; кромѣ желѣзныхъ котловъ и мѣдныхъ чайниковъ, въ хозяйствѣ ихъ очень много деревянной посуды; выдѣлываютъ они и сами на манеръ русскихъ кадокъ и лоханокъ. Кажется, у бурятъ и ранѣе, при кочевомъ образѣ жизни, кожаная посуда, такъ часто встрѣчающаяся у монголовъ и киргизъ, не была въ употребленіи. Преданія разсказываютъ, что раньше, за недостаткомъ металлической посуды или глиняной, даже мясо варили въ деревянныхъ выдолбленныхъ корытахъ или въ берестяной посудѣ. Въ такой посудѣ варили посредствомъ опусканія въ воду накаливаемыхъ камней.

Въ бурятскомъ хозяйствѣ употребляются кожаные мѣшки, выдѣланные изъ сыромятной кожи, но для жидкости они въ настоящее время не употребляются; въ нихъ держатъ зерно, муку и особенно берутъ разныя вещи въ дорогу. Для складыванья имущества, одежды прежде у бурятъ вмѣсто сундуковъ также употреблялись кожаныя сумы. Мѣстами и до настоящаго времени сохранился обычай въ приданое за невѣстой давать кожаный, богато украшенный мѣшокъ; форма этой сумы треугольная, и обычай класть въ нее вмѣстѣ съ вещами стрѣлу указываетъ какъ-будто на то, что молодую женщину, выдавая за мужъ, снаряжали, какъ на войну. Треугольный мѣшокъ прежде употребляли, какъ футляръ для лука. Кожаныя сумы у бурятъ приготовляютъ женщины, кожу и замшу для одеждъ и обуви выдѣлываютъ онѣ же. Для шитья кожи употребляютъ нитки, приготовляемыя изъ сухожилій ногъ животнаго. Сухожиліе это высушивается, разбивается молоткомъ, раздѣляется на волокна и затѣмъ скручивается такой толщины, какая требуется для данной работы. Нитки эти называются по-бурятски *чурмысъ*.

Пряжа и тканье въ настоящее время у бурятокъ не въ обычаѣ, но встарину пряли шерсть и ткали изъ нея грубое сукно. Ткацкій станокъ самаго первобытнаго устройства. Въ настоящее время буряты свое тканье употребляютъ только на мѣшки или продаютъ русскимъ на половики.

Съ развитіемъ буддизма въ монастыряхъ появилось еще одно производство—это приготовленіе священныхъ статуэтокъ и рисованныхъ изображеній боговъ. Но пока бурятскіе художники уступаютъ въ этомъ отношеніи своимъ монгольскимъ учителямъ, ихъ работы очень грубы.

Одежду и обувь, и мужскую и женскую, бурятки шьютъ сами. Одежда бурятъ въ старое время, какъ у народа звѣроловческаго, почти исключительно состояла изъ звѣриныхъ шкуръ, причемъ лѣтомъ носили одежду изъ замши, т.-е. шкуры заквашивали, заставляли выпадать волосъ, а потомъ голую кожу дымили и выдѣлывали до мягкости. На голое тѣло буряты надѣвали узкую и короткую куртку, которую называли *самса;* теперь этимъ именемъ называютъ рубаху. Затѣмъ поверхъ самсы надѣвали шубу или халатъ — *дэгиль*, зимой сверхъ дэгиля надѣвали еще *доху*. Доха иногда состоитъ просто изъ двухъ шкуръ, скрѣпленныхъ на плечахъ, а иногда дѣлается книзу двойною, и тогда ея концы или подолъ служили мѣшкомъ, въ которомъ можно было носить мелкія вещи. Иногда же дохи дѣлались сшитыя и съ боковъ, но тогда дѣлался разрѣзъ сзади, ради удобства при верховой ѣздѣ.

Сапоги прежде шились изъ кожи, снятой съ ногъ животнаго, мѣхомъ наружу, и подошвы дѣлались мягкія; теперь сапоги шьются изъ выдѣланной кожи съ подошвами изъ сыромятной кожи очень твердыми; носки сапоговъ дѣлаются острые, приподнятые къ верху; говорятъ, что, во время единоборства, буряты прежде старались бить противника концомъ сапога, и этотъ ударъ былъ очень чувствителенъ.

Въ настоящее время одежду шьютъ чаще всего изъ овчинъ; у бѣдняковъ идутъ также въ дѣло шкуры телятъ и жеребятъ. Лѣтомъ теперь уже почти всѣ буряты носятъ одежду изъ матерій: бумажныя и шерстяныя ткани покупаютъ у русскихъ, шелковыя — у китайцевъ. Покрой, сообразно съ болѣе легкимъ матеріаломъ, тоже нѣсколько измѣнился: халаты и рубахи дѣлаются шире и длиннѣе. Въ дождливую погоду почти всѣ буряты надѣваютъ суконную шинель съ пелериной, называютъ эту одежду они *саба;* можно думать, что шинель эта заимствована у русскихъ, и саба значитъ „шуба“.

Шапки бурятъ почти одинаковыя какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; онѣ обыкновенно дѣлаются съ острой тульей и съ расширеннымъ кверху околышемъ; иногда у бѣдныхъ околъ дѣлается плисовый; верхъ всегда украшается кистью изъ пунцоваго шелка, а въ нарядъ — еще серебряной остроконечной фигуркой. Зимой у мужчинъ очень употребительны шапки съ наушниками, сдѣланныя изъ лисьихъ лапокъ; такая шапка плотно охватываетъ всю голову и затылокъ и завязывается подъ бородой завязками, но чаще носится съ отогнутыми кверху наушниками.

Въ старину, говорятъ, мужская бурятская одежда мало разнилась отъ

женской, и теперь по костюму трудно иногда отличить молодую дѣвушку отъ молодаго человѣка, но женскій костюмъ теперь сталъ гораздо сложнѣе, и фасонъ его мѣстами совсѣмъ другой. Мужской халатъ дѣлается цѣльный, застегивается на боку и на правомъ плечѣ и подпоясывается ремнемъ или кушакомъ на поясницѣ; такіе же халаты носятъ и дѣвицы, у женщинъ же халатъ шьется изъ двухъ частей: станъ прикрываетъ кофта, спускающаяся немного ниже пояса, а ниже къ кофтѣ пришивается нѣсколько въ сборку низъ халата или, пожалуй, юбка съ разрѣзомъ. Сверхъ этого халата женщина носитъ безрукавку, доходящую также до таліи; безъ этой безрукавки женщина не можетъ считаться прилично одѣтой и мужчинамъ не показывается. Кромѣ того рукава у женскаго халата у селенгинскихъ бурятокъ пришиваются буфами. На воротѣ, на рукавахъ, а нерѣдко и по подолу халаты обшиваются мѣховой опушкой, а иногда прокладываются яркой шелковой матеріей или плисомъ. У сѣверо-байкальскихъ бурятъ въ обычаѣ обшивать женскіе наряды монетами—серебряными, а у богатыхъ—золотыми; въ Забайкальѣ такого обычая нѣтъ.

Волосы буряты-мужчины спереди брѣютъ, а задніе заплетаютъ въ косу, но теперь часто стригутъ волосы по-русски. Женщины въ Забайкальѣ носятъ двѣ косы, и только дѣвушки заплетаютъ много косъ. У сѣверныхъ бурятокъ число косъ постепенно увеличивается съ годами, а съ замужествомъ уменьшается и постепенно доходитъ до двухъ; причемъ у сѣверо-байкальскихъ въ косы вплетаютъ монеты, въ Забайкальѣ же женскій головной уборъ тоже имѣетъ много серебряныхъ украшеній, но никакъ не монетъ. Поверхъ косъ бурятки носятъ нешироку повязку, вышитую жемчугомъ, бусами, кораллами и серебряными бляхами; кромѣ того, съ головы женщины виситъ особый, очень затѣйливый, приборъ съ серебряными украшеніями; къ нему прикрѣпляются мѣшки изъ бархата, и въ эти узкіе мѣшечки вкладываются косы; кромѣ того, въ нарядъ ко всему этому прикрѣпляютъ множество серебряныхъ цѣпочекъ, развѣшанныхъ по груди и по спинѣ женщины. Шапка, несмотря на повязку, непремѣнно должна быть надѣта на женщинѣ; существуетъ поговорка: „небо не должно видѣть волосъ женщины, земля не должна видѣть ея спины“, а потому шапка и безрукавка обязательны для женщинъ. Праздничный нарядъ бурятской женщины, благодаря серебрянымъ украшеніямъ работы мѣстныхъ кузнецовъ,

Рис. 1.

очень тяжелъ. У буддистовъ къ этимъ украшеніямъ еще прибавляютъ небольшую икону въ серебряной оправѣ или медальонъ.

Мужчины украшаютъ серебромъ шапки и кушаки, а также нарядныя сѣдла и конскую сбрую.

Впрочемъ, одѣваются буряты нарядно только на праздники и когда ѣдутъ въ гости, дома же, особенно женщины, одѣваются плохо. Мытье бѣлья теперь, когда стали носить ситцевыя рубахи, начинаетъ понемногу прививаться, но все же буряты очень нечистоплотны.

Обыденная жизнь бурятъ проходитъ довольно уединенно, благодаря ихъ обычаю селиться отдѣльными дворами. Ихъ улусы непохожи на наши деревни, гдѣ домъ жмется къ дому, гдѣ вся жизнь сосѣдей проходитъ на виду, гдѣ женщины неизбѣжно сталкиваются у общаго колодца и гдѣ въ обычаѣ въ свободное отъ работъ время собираться гдѣ нибудь на завалинкѣ дома или у амбара. Такого постояннаго общенія между одноулусниками нѣтъ у бурятъ, даже дѣти не составляютъ большихъ ватагъ, и если играютъ вмѣстѣ, то только у ближайшихъ сосѣдей. Однако, сколько я могла наблюдать и по отзывамъ другихъ, долго жившихъ между ними, буряты — народъ общительный, добродушный и даже веселый, хотя инымъ русскимъ и кажется, что въ характерѣ бурятъ есть мрачность и недовѣрчивость; послѣднее зависитъ, конечно, оттого, что русскіе для нихъ *чужіе*, а съ чужими люди живущіе въ захолустныхъ уголкахъ никогда не бываютъ довѣрчивы.

Недостатокъ постояннаго общенія вполнѣ замѣняется у бурятъ ихъ частными общественными собраніями ради обсужденія какихъ-нибудь общихъ дѣлъ или просто ради веселья. Въ первомъ случаѣ такія собранія необходимы, потому что улусъ, выростая, большею частью, изъ членовъ одной семьи или изъ людей, связанныхъ экономической зависимостью, не можетъ не дѣйствовать сообща; съ другой стороны, весь строй жизни шаманскаго народа поддерживается общественными собраніями, будутъ-ли то общественныя облавы и празднества. Между бурятами, если даже они христіане или буддисты, и до сихъ поръ въ обычаѣ съѣзды разныхъ улусовъ или даже цѣлыхъ родовъ въ извѣстной мѣстности. Собранія эти бываютъ обыкновенно на мѣстахъ старинныхъ *обо* *), или у буддистовъ — у монастырей,

*) Обо — кучи камней или хвороста, посвящаемыя, какъ кажется, духу или духамъ-хозяевамъ мѣстности. Проѣзжая мимо нихъ, буряты брызгаютъ водкой или кладутъ на камни немного табаку, иногда копѣйку, или ленточку навязываютъ на воткнутую въ обо вѣтку.

тамъ, гдѣ они есть, и всегда начинаются моленіями, а затѣмъ уже переходятъ въ народные праздники съ играми, скачками, борьбой и т. д. На праздники къ монастырямъ выѣзжаютъ и женщины.

Лѣтомъ въ каждомъ бурятскомъ улусѣ бываетъ нѣсколько такихъ общественныхъ праздниковъ. Въ мѣстахъ, гдѣ еще сохранились старинные обычаи, осенью бываютъ общественныя облавы, въ настоящее время тоже имѣющія характеръ скорѣе общественнаго увеселенія, чѣмъ настоящаго звѣроловнаго промысла, каковымъ, повидимому, онѣ были въ старину. Зимой у бурятъ бываетъ одинъ только праздникъ — это *новый годъ*, такъ наз. *цаганъ-саръ*—бѣлый мѣсяцъ, празднуемый по буддистскому календарю и потому общій по времени у всѣхъ буддистовъ отъ Индіи до Байкала. Приходится онъ обыкновенно въ нашемъ февралѣ мѣсяцѣ, хотя невсегда въ одно и тоже время, такъ какъ буддисты слѣдуютъ лунному календарю, и потому у нихъ бываютъ года, когда прибавляется тринадцатый мѣсяцъ. Нѣкоторые буряты думаютъ, что въ прежнія времена праздникъ начала года праздновался у нихъ въ первый зимній мѣсяцъ. Цаганъ-саръ—бѣлый мѣсяцъ—потому и былъ *бѣлый*, что земля покрывалась къ этой порѣ снѣгомъ.

Этотъ праздникъ у бурятъ болѣе домашній, чѣмъ общественный; во время его каждая семья отдѣльно должна приготовиться къ празднику, настряпать угощенія, приготовить новое платье. Бурятская молодежь къ этому дню приготовляетъ свое собственное угощеніе въ видѣ пряниковъ и конфектъ, гдѣ ихъ можно достать, потому что во время взаимныхъ визитовъ въ новый годъ между молодыми мужчинами и дѣвушками принято обмѣниваться гостинцами. Въ этотъ день стараются также щеголять лошадьми, экипажами, сбруей, чтобы съ честью покататься изъ улуса въ улусъ; даже и въ одномъ принято дѣлать визиты въ саняхъ, хотя бы это было и недалеко. Визиты начинаютъ обыкновенно со старшихъ родственниковъ и стараются сдѣлать ихъ всѣмъ роднымъ поскорѣе, по возможности, въ первый же день; остальные дни праздника проводятъ въ гостяхъ уже по выбору или по приглашенію. Въ эти праздники устраиваются обыкновенно вечеринки; впрочемъ, вечера устраиваются отдѣльными семьями тамъ, гдѣ есть молодежь, и въ другое время, особенно осенью, послѣ окончанія полевыхъ работъ. На нихъ съѣзжаются не только жители одного улуса, но пріѣзжаютъ изъ другихъ улусовъ. Вечеринки бываютъ также въ домѣ невѣсты въ послѣднее время передъ свадьбой. На вечеринкахъ буряты играютъ въ игры.

Игры и пляски бурятъ очень характерны, повидимому, сохранились

у нихъ отъ глубокой древности и находятся въ связи съ шаманскимъ культомъ. Что игры и танцы составляли нѣкогда часть религіознаго обряда, можно заключить изъ того, что, при посвященіи новаго шамана, всѣ присутствующіе участвуютъ въ танцахъ. То же самое наблюдается на таилганахъ бурятъ: въ концѣ моленія западнымъ хатамъ шаманъ изображаетъ собой Буха-ноена—Господина-быка, котораго буряты считаютъ своимъ предкомъ, и такія же изображенія животныхъ мы видимъ и въ играхъ на вечеркахъ у бурятъ. Мы приведемъ здѣсь описаніе этого конца таилгана, сдѣланное г. Хангаловымъ: „Шаманъ беретъ въ руки посуду съ жертвеннымъ свареннымъ мясомъ; участвующіе въ таилганѣ хозяева тоже берутъ посуду; они всѣ становятся рядомъ; шаманъ стоитъ по правой рукѣ и начинаетъ шаманить, призывая заяновъ западнаго хата принять жертву; въ это время будто-бы заяны приходятъ; тогда шаманъ дѣлаетъ нѣсколько скачковъ на мѣстѣ, весь трясется, головой мотаетъ, шапка его падаетъ на землю, онъ разводитъ руки; всѣ хозяева поскорѣе берутъ посуду изъ рукъ шамана, одинъ поднимаетъ шапку шамана съ земли и надѣваетъ ее на себя; потомъ шамана садятъ на мѣсто; шаманъ говоритъ, но это будто говорятъ сами заяны; заяны разсказываютъ о своемъ происхожденіи и разныхъ приключеніяхъ въ жизни; всѣ заяны западнаго хата по-одиночкѣ, одинъ за другимъ, приходятъ и говорятъ, а потомъ уходятъ; наконецъ, приходитъ очередь Буха-ноенъ-бабая *); изображая его прибытіе, шаманъ падаетъ на землю, лицомъ внизъ; немного полежавъ, встаетъ и ходитъ на четверенькахъ, какъ порозъ **), мычитъ по-порозиному, руками бросаетъ землю; такимъ образомъ онъ приходитъ къ сидящимъ бурятамъ и каждаго бодаетъ, начиная съ правой стороны. Какъ только кого Буха-ноенъ-бабай пободаетъ, тотъ падаетъ на спину. Переободавъ всѣхъ сидящихъ, Буха-ноенъ отправляется къ тремъ *ширэ'ямъ* ***), на которыхъ привязаны *дэрбэлэ* ****), подходитъ къ правому шире, на которомъ привязана заячья шкурка, и начинаетъ бодать, какъ-будто порозъ. Послѣ этого Буха-ноенъ-бабай уходитъ къ юго-западу и на пути девять разъ мычитъ: это значитъ, что Буха-ноенъ уходитъ совсѣмъ...“ Здѣсь это еще вполнѣ религіозный обрядъ. Но на вечеркахъ точно также являются *заяны* разныхъ

*) Бабай—дѣдъ по-бурятски.

**) Порозъ—быкъ некастрированный, на сибирскомъ нарѣчіи.

***) Ширэ—столъ, въ этомъ случаѣ наскоро сдѣланный изъ березовыхъ вѣтокъ.

****) Дэрбэлгэ—ленты, которыми украшены березы на таилганахъ.

животныхъ, изображаемые и шаманами и другими лицами, участниками праздника. Есть, напр., игра въ медвѣдя; здѣсь по возможности стараются вѣрно подражать всѣмъ движеніямъ этого силача (довольно мирнаго въ Сибири, если его не сердить). Изображающій его показываетъ обыкновенно свою силу, но показывать ее онъ долженъ по преимуществу на своихъ челюстяхъ и зубахъ: онъ старается брать зубами разныя вещи въ комнатѣ и сносить ихъ на одно мѣсто, обыкновенно къ порогу; туда же медвѣдь складываетъ и понравившихся ему дѣвушекъ и вообще присутствующихъ. Для поддержанія игры требуется, чтобы всякій, кого медвѣдь захватитъ въ свои зубы, уже не показывалъ признаковъ жизни и покорялся, куда бы ни положилъ его воображаемый медвѣдь. Говорятъ, между бурятами бываютъ силачи, которые зубами поднимаютъ ведерный котелъ съ чаемъ. Есть и другія игры, состоящія въ подражаніи другимъ животнымъ: разыгрываютъ козла, верблюда; игра въ послѣдняго напоминаетъ нѣсколько нашу игру въ кошку и мышку. *Бура*, верблюдъ-самецъ, преслѣдуетъ верблюженка; присутствовавшіе, взявшись за руки, ограждаютъ теленка отъ свирѣпаго *бура*. Вся задача въ томъ, чтобы изображать животное по возможности натуральнѣе.

Другія игры изображаютъ похожденія нѣкоторыхъ заяновъ или онгоновъ уже человѣческаго характера; часто они бываютъ очень нескромнаго свойства; такія разыгрыванья маленькихъ сценъ показываютъ какъ бы зачатокъ народнаго театра. Большинство игръ очень напоминаетъ наши святочныя или дѣтскія игры; такъ, напр., игра въ *бэлэ* (рукавицу) состоитъ въ томъ, что присутствующіе, сидя тѣсно сомкнутымъ кругомъ, незамѣтно передаютъ за спиной рукавицу или платокъ отъ играющаго къ другому, причемъ напѣваютъ какую-то несложную пѣсенку; одинъ изъ играющихъ, ходя въ кругу, долженъ угадать, у кого рукавица, и найти ее. Есть также игра въ *курилку*. Фантовъ проигравшіе не платятъ, поцѣлуи также не въ ходу на бурятскихъ вечеркахъ. Танцевъ бурятъ намъ, къ сожалѣнію, не удавалось наблюдать, одни изъ ихъ танцевъ принадлежатъ къ такъ называемымъ характернымъ танцамъ, другіе—къ круговымъ. Танцы, повидимому, вышли также изъ подражанія движеніямъ животныхъ; такъ, есть танецъ, называемый *токаньемъ глухаря:* ясно, что онъ состоитъ изъ подражанія тѣмъ пляскамъ, какія выдѣлываютъ глухари на току. Самый обыкновенный танецъ бурятъ—круговой, у русскихъ носитъ названіе *ёхорь;* танцуя его, присутствующіе, взявшись за руки, раскачиваются туловищемъ, притопываютъ ногами, напѣвая пѣсню, въ которой повторяется слово *ёхорь;* кругъ

составляется по возможности такъ, чтобы мужчины чередовались съ женщинами, но танцующихъ можетъ быть не больше четырехъ, или же они могутъ составлять огромный хороводъ. Нѣкоторые танцы танцуютъ въ присядку, причемъ одинъ изъ плясуновъ выступаетъ въ кругъ, пожимаетъ руки одному изъ сидящихъ на корточкахъ участниковъ хоровода, затѣмъ въ присядку обходитъ вокругъ, пожимаетъ руки слѣдующему въ кругу, и затѣмъ опять дѣлаетъ туръ; такимъ образомъ ему приходится сдѣлать столько туровъ, сколько въ хороводѣ участвующихъ. Потъ льется съ пляшущаго градомъ, тѣмъ больше, что бурятскіе сапоги и весь костюмъ легкостью не отличаются.

У христіанъ и буддистовъ-бурятъ игры и танцы остались, но они замѣтно утрачиваютъ свои старыя, часто очень грубыя, черты; и теперь, присутствуя на бурятской вечеринкѣ, можно представить себѣ, что находишься на вечеринкѣ какого-нибудь русскаго провинціальнаго общества, гдѣ французская кадриль еще не вытѣснила обычая играть въ фанты. Теперь у бурятъ и бурятокъ не послѣднимъ удовольствіемъ на вечеринкѣ является щегольство нарядами, и на самую простенькую вечеринку простые буряты-пахари являются иногда разодѣтыми въ шелковые халаты; впрочемъ, это не мѣшаетъ, наряду съ шелковыми халатами, веселиться и въ простыхъ нанковыхъ халатахъ.

На одной изъ такихъ вечеринокъ мнѣ удалось побывать. Комната средней величины была переполнена гостями; почетные люди сидѣли на деревянномъ возвышеніи, въ родѣ турецкаго дивана, вдоль всей передней стѣны; молодежь сидѣла на полу вдоль остальныхъ трехъ стѣнъ на разостланныхъ кошмахъ. Во время чая передъ гостями ставились низенькіе столы въ родѣ скамеекъ; на нихъ помѣщались деревянныя тарелки съ нарѣзаннымъ бѣлымъ хлѣбомъ и масломъ; чай разносили въ мѣдныхъ чайникахъ и наливали въ деревянныя чашки. Угощеніе, повидимому, не играетъ большой роли на вечеринкахъ: скоро столики и чай были убраны, и начались игры; затѣмъ, когда въ комнатѣ сдѣлалось очень жарко и душно, всѣ, какъ по командѣ, оставили комнату: мужчины—чтобы покурить, а женщины—чтобы освѣжиться самимъ и освѣжить комнату. Дворъ и крыльцо представляли въ это время очень оживленную картину; вездѣ стояли и сидѣли группы гостей, слышался говоръ и смѣхъ. Не знаю, всегда-ли буряты строго соблюдаютъ обычай не курить въ комнатѣ, не было ли на этотъ разъ это особымъ знакомъ уваженія къ хозяину дома, который былъ противъ куренья и самъ не курилъ. Послѣ перерыва гости опять собрались

въ комнату и продолжали игры. Говорятъ, что такія вечеринки продолжаются обыкновенно всю ночь до утра, и антракты повторяются не разъ.

Есть бурятскіе дома,—хоть ихъ и не много,—гдѣ жизнь идетъ болѣе похоже на русскую, гдѣ на вечеринкахъ играютъ въ винтъ, а молодежь танцуетъ; но это уже переходъ къ полному сліянію съ русскими. Это бываетъ въ такихъ домахъ, гдѣ глава семьи прошелъ русскую низшую или среднюю школу (съ университетскимъ образованіемъ въ настоящее время нѣтъ ни одного бурята). Въ такихъ домахъ, устроенныхъ и по внѣшнему виду обыкновенно совершенно по-русски, не рѣдкость встрѣтить русскіе газеты и журналы или книжку европейскаго писателя; здѣсь уже носятъ европейскій костюмъ, говорятъ по-русски; женщины въ такихъ семействахъ обыкновенно болѣе консервативны, дольше сохраняютъ національный костюмъ, а главное—дольше сохраняютъ языкъ.

Смѣшанныхъ браковъ между русскими и бурятами бываетъ очень мало.

Говоря объ инородцахъ, принято опредѣлять ихъ типъ; конечно, и я могу повторить столько разъ уже сдѣланное описаніе этого типа: смуглый цвѣтъ лица, узкіе глаза, выдающіяся скулы; но думаю, что здѣсь лучше будетъ указать на то, что антропологи еще совсѣмъ не имѣли случая познакомиться собственно съ бурятскимъ типомъ; между бурятами сдѣлано нѣсколько десятковъ антропометрическихъ измѣреній; но и тѣ, сколько извѣстно, еще нигдѣ не обнародованы. Отъ русаго и голубоглазаго или сѣроглазаго великорусса, конечно, бурята легко отличить; но, намъ кажется, если бы на десять, случайно взятыхъ, бурятъ взять столько же сибирскихъ русскихъ, то трудно было бы безошибочно отличить ихъ однихъ отъ другихъ. Безспорно, есть среди бурятъ очень сильно выраженный монгольскій типъ, безобразный на нашъ взглядъ; но въ то же время въ массѣ встрѣчаются лица, которыя могутъ нравиться и съ европейской точки зрѣнія, и такихъ лицъ не мало. Въ характерѣ у бурятъ замѣчается склонность къ юмору и необыкновенная настойчивость въ преслѣдованіи своихъ плановъ, а также скрытность.

Читатели могутъ упрекнуть насъ въ томъ, что въ нашемъ очеркѣ много мѣста занимаютъ шаманство или такія подробности, какъ описаніе игръ, и ничего не говорится объ экономическомъ положеніи бурятъ. Упрекъ совершенно справедливый, но трудно что-нибудь сказать объ этомъ предметѣ, когда народъ живетъ на пространствѣ тысячи верстъ при разнообразныхъ климатическихъ и бытовыхъ особенностяхъ, когда онъ находится

въ переходномъ состояніи отъ хозяйства исключительно скотоводческаго къ земледѣльческому, и, главнымъ образомъ, когда никакихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи не дѣлалось. Намъ же хотѣлось, по возможности, передать тѣ общія черты быта и народности, которыя всего ярче выступаютъ именно въ религіозной и обрядовой сторонѣ жизни народа.

Изъ наблюденій надъ жизнью верхнеудинскихъ бурятъ. Буряты Верхнеудинскаго округа живутъ по правому берегу Уды. Выѣхавъ изъ Верхнеудинска по дорогѣ въ Читу, мы будемъ видѣть вправо отъ большой дороги Уду, мѣстами совсѣмъ близко подходящую къ дорогѣ, слѣва — небольшой горный хребетъ, поросшій хвойнымъ лѣсомъ. Рѣка, довольно многоводная и широкая, поражаетъ своей пустынностью: на ней почти никогда не видно ни лодокъ, ни плотовъ; большая дорога также мало оживлена лѣтомъ; обозовъ по ней почти совсѣмъ нѣтъ. Долина Уды не представляетъ луговъ въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что растительность, ее покрывающая,—степная. Вдали, ближе къ горамъ, степь бѣлѣетъ отъ мелкихъ полынокъ или къ осени краснѣетъ отъ солянковыхъ, ярко окрашенныхъ въ малиновый цвѣтъ. Дорога также мѣстами покрыта солончаковыми лужами, которыя, высыхая, покрываются бѣловатой корой; въ сторонѣ виднѣются даже настоящіе гуджиры, куда русскіе выѣзжаютъ брать эту солончаковую пыль для мытья половъ. Ближе къ рѣкѣ иногда видны болѣе зеленыя луговины, поросшія осокой. Верстахъ въ шести отъ города показывается первое ущелье въ горахъ, откуда вытекаетъ рѣчка Онгоцотай, и по этой рѣчкѣ видны жилища бурятъ. Точно такія же узкія ущелья съ вытекающими изъ нихъ ручьями тянутся вдоль всего хребта. За Онгоцотаемъ слѣдуетъ Ирхирикъ, еще версты двѣ далѣе — Дабатай, за Дабатаемъ—Тосырхай и т. д. По этимъ-то рѣчкамъ и располагаются бурятскіе улусы. Улусъ можно переводить словомъ деревня, но это далеко не то же самое. Буряты не живутъ деревнями, — каждый житель улуса живетъ своей усадьбой, общее у нихъ только рѣка, пользованіе водой изъ которой одно только и соединяетъ ихъ въ одно общество. Подъ деревней мы привыкли представлять рядъ домовъ съ общей улицей, съ рядами амбаровъ, бань, съ кузницей при въѣздѣ и рядомъ колодцевъ вдоль улицы; ничего этого не видно сразу въ бурятскомъ улусѣ.

Проѣзжая по дорогѣ, вы видите, какъ изъ ущельевъ выбѣгаютъ на долину то тутъ, то тамъ отдѣльно расположенные домики. Если они, подходя къ рѣкѣ или сжатые боками ущелья, сидятъ иногда довольно

густо, то все-же въ расположеніи построекъ замѣтно стремленіе выстроиться по возможности отдѣльно отъ сосѣда. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ пусты,—это значитъ, что буряты въ нихъ только зимуютъ, а на лѣто переходятъ въ другое жилье. Иногда зимніе и лѣтніе дома отстоятъ всего на нѣсколько саженъ одинъ отъ другаго. Такой обычай увеличиваетъ число построекъ: страна кажется населеннѣе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Итакъ улусъ составляется изъ домовъ, построенныхъ вразсыпную, гдѣ одинъ домъ выбѣжалъ на большую дорогу, другой, напротивъ, углубился въ падь между горами, и его видно только, когда подъѣдешь совсѣмъ близко, и половина домовъ въ немъ стоитъ пустыми. Часть домовъ въ каждомъ улусѣ носитъ совершенно русскій характеръ: избы — въ два или три окна, иногда даже съ покрашенными ставнями; оконницы — съ стекольчатыми рамами. Около дома — амбары, и все это огорожено частоколомъ или пряслами на большое пространство. Другая часть улуса носитъ болѣе бурятскій характеръ. Это, по большей части, длинный сарай, сложенный изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ и безъ крыльца. Что это — человѣческое жилье, можно узнать лишь потому, что въ четырехъугольную прорѣзку въ кровлѣ, замѣняющую окно и трубу, постоянно тянется дымокъ. Гдѣ-нибудь неподалеку отгорожено пряслами мѣсто, куда загоняютъ на ночь телятъ, да телѣга, чаще всего двухколеска, брошена гдѣ-нибудь возлѣ, —вотъ и всѣ признаки человѣческаго обитанія. Прясла, огораживающія зимники, обыкновенно занимаютъ большія пространства, потому что буряты на этихъ земляхъ, унавоженныхъ за зиму скотомъ, косятъ свое лучшее сѣно. Около лѣтника загородки нѣтъ, скотъ бродитъ лѣтомъ по всей степи, спасаясь отъ жары въ лѣсу и забираясь на высоты отъ комаровъ и мошекъ. Ущелья съ ихъ рѣчками и широкимъ, но хорошо орошеннымъ лугомъ обыкновенно представляютъ очень красивыя мѣста. Чтобы увеличить покосъ, буряты обыкновенно проводятъ рѣчку и канавы и такимъ образомъ орошаютъ возможно большое пространство. Вслѣдствіе орошенія ихъ луга во все лѣто имѣютъ самый цвѣтущій, яркозеленый видъ, и на нихъ не перестаютъ цвѣсти травы до конца лѣта. И вотъ, когда стоишь при входѣ въ ущелье, передъ глазами какъ-будто картина, всѣ части которой расположены искуснымъ художникомъ: внизу — яркая полоса луга, справа и слѣва—бока ущелья, одѣтыя сосновымъ лѣсомъ, и даль, замыкающаяся синеватыми, дымчатыми вершинами перевала; на днѣ ущелья— бурливая рѣчка, пробирающаяся по камнямъ среди березовыхъ и ольховыхъ

деревьевъ и ветелъ, и гигантскіе стволы стройныхъ елей и яркихъ лиственицъ, идущихъ вдоль подошвы горъ и выдѣляющихся своими красивыми вершинами на болѣе мрачной зелени сосенъ.

Внутреннее убранство зимняго и лѣтняго дома, несмотря на наружную разницу, у здѣшнихъ бурятъ одинаково. Весной, переселяясь въ свою лѣтовку, бурятъ перетаскиваетъ въ нее и весь свой скарбъ. Въ лѣтнемъ его помѣщеніи рѣдко бываетъ настланъ полъ, чаще всего подъ ногами земля. Противъ входа, тѣмъ не менѣе, поставленъ пестро разрисованный, въ національномъ бурятскомъ вкусѣ, комодъ и на немъ нѣсколько буддійскихъ идоловъ, передъ которыми, даже и у самыхъ бѣдныхъ, всегда стоятъ маленькія жертвенныя мѣдныя чашечки, *суксу* по здѣшнему произношенію,— налитыя водой и насыпанныя зерномъ или наполненныя масломъ. Тутъ же непремѣнно есть какія-нибудь украшенія: то искусственные цвѣты, то вазочки стеклянныя, фарфоровыя или металлическія, иногда тутъ же лежитъ священный колокольчикъ и очиръ, мѣдныя музыкальныя тарелки, и среди всѣхъ этихъ священныхъ предметовъ и украшеній стоитъ также букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ въ русскомъ чайникѣ, утратившемъ ручку, или въ фигурной бутылкѣ, искусно превращенной въ стаканъ. Часто на одномъ комодѣ идолы не помѣщаются, и тогда рядомъ стоятъ столики съ бурханами, драпированные яркими платками или ковриками. Рядомъ съ такими столиками, вдоль той же стѣны, противоположной входу, стоитъ обыкновенно деревянная кушетка—постель хозяина дома, застланная войлоками съ большой квадратной подушкой, на бокахъ которой, украшенныхъ вышивкой, непремѣнно блестятъ серебряныя или вообще какія нибудь металлическія украшенія и вставки изъ коралловъ. Чаще всего поверхъ этой неудобной старинной подушки валяются обыкновенныя русскія подушки въ ситцевыхъ наволакахъ. Рядомъ съ кушеткой — опять комоды, шкафики и этажерки, всегда своей бурятской работы, раскрашенные въ узоръ. Иногда у стѣнъ стоятъ такіе же пестрые сундуки, на полу налѣво иногда постланы войлока для сидѣнья и поставлены столы-скамейки, въ пол-аршина высоты. Сейчасъ же вправо отъ входа иногда есть лавка и полка для посуды, а чаще посуда стоитъ прямо на землѣ. Въ этомъ углу стоитъ кадушка съ *арсой* и саба для приготовленія *айрика*. Влѣво около войлоковъ иногда стоитъ люлька,—длинный, какъ салазки, ящикъ, сдѣланный изъ лубковъ, съ дномъ на выгнутыхъ обручахъ, которые помогаютъ раскачиваться колыбели, какъ только немного наклонить ее въ одну сторону. Середина пола подъ прорѣзкой въ кровлѣ занята очагомъ, т.-е. здѣсь стоитъ желѣзный трехногій

таганъ для котла, подъ которымъ почти постоянно курится огонь. Только у болѣе богатыхъ людей въ зимникахъ есть столы и стулья русскаго фасона, но, какъ можно предполагать, бурятской работы. Обыкновенно же въ зимникахъ вдоль стѣнъ устраиваютъ небольшія, вершковъ шесть вышиною, возвышенія изъ дерева, и это замѣняетъ постели и диваны. За-то почти во всѣхъ зимникахъ вдѣлана въ печь обыкновенная кухонная плита, и кушанье варятъ на ней. Иногда тутъ же, а чаще въ отдѣльной избѣ, предназначаемой для мелкаго скота, устраиваютъ русскую печь для печенья хлѣбовъ. Люди небогатые не имѣютъ русской печи и пользуются ею у своихъ сосѣдей. У богатыхъ среди амбаровъ для хлѣба можно найти иногда и ледникъ, а также и сарай для экипажей, и кузницу.

Въ одеждѣ верхнеудинскіе буряты также крѣпко держатся своего; всѣ они носятъ халаты монгольскаго фасона, монгольскіе сапоги, которые шьютъ дома ихъ женщины, и островерхія, также домашней работы, шапки, непремѣнно украшенныя пунцовой шелковой кистью на верхушкѣ; въ настоящее время всѣ буряты подъ халатомъ, кромѣ штановъ, носятъ дабовую или ситцевую рубаху. Замѣчательно, что, несмотря на тѣсное сосѣдство съ русскими, буряты для своихъ нарядныхъ халатовъ предпочитаютъ китайскія матеріи и украшенія. Впрочемъ, молодое поколѣніе въ настоящее время предпочитаетъ носить русскіе сапоги. Сверхъ этого монгольскаго костюма въ дурную погоду здѣшніе буряты непремѣнно надѣваютъ на себя русскую шинель, непремѣнно съ краганомъ. Называютъ они ее *соба*, и очень вѣроятно, что это слово есть испорченное русское *шуба*. Сначала, при встрѣчѣ съ бурятомъ въ шинели, я подумала, что это случайность, но потомъ убѣдилась, что у каждаго мало-мальски достаточнаго бурята есть соба изъ грубаго русскаго сукна.

Женщины еще менѣе заимствовали у русскихъ; русскаго у нихъ только ситецъ на рубахѣ. Халатъ ихъ не похожъ на халхасскій. У бурятокъ онъ не цѣльный и состоитъ изъ короткой кофты и нешироkой, пришитой къ кофтѣ, юбки. На головѣ непремѣнно должна быть надѣта шапка, одинаковая съ мужской, также съ бархатнымъ околышемъ и пунцовой кистью, и часто съ серебрянымъ остріемъ поверхъ кисти. Дѣвушки одѣваются такимъ же образомъ, только волосы у нихъ заплетены въ нѣсколько косъ, а у женщинъ въ двѣ косы; сверхъ того женщины за ушами втыкаютъ въ волоса двѣ палочки, обшитыя матеріей, которыя торчатъ отъ ушей горизонтально. Къ этимъ палочкамъ, совершенно лишнимъ на нашъ взглядъ, по праздникамъ подвѣшиваютъ цѣлые ряды цѣпочекъ и серебряныхъ под-

вѣсокъ, протянутыхъ съ одной палочки до другой и развѣшанныхъ по груди.

По праздникамъ женщины подъ шапку надѣваютъ также бархатную повязку, украшенную кораллами и бусами. Въ ушахъ носятъ серебряныя серьги, на шеѣ—медальоны съ изображеніями боговъ или съ молитвами. Женщина также непремѣнно должна сверхъ халата носить черную короткую до таліи безрукавку. На многихъ поверхъ всего можно видѣть еще пунцовую перевязь черезъ плечо,—это вещь священная и означаетъ, что женщина произнесла духовный обѣтъ. Такая женщина не станетъ ѣсть павшей скотины и, если не ошибаюсь, должна произносить утромъ и вечеромъ извѣстную молитву. По праздникамъ буряты одѣваются очень нарядно, у каждаго и каждой почти есть яркій шелковый халатъ, есть серебряныя украшенія, но дома одѣваются неряшливо, носятъ вещь до послѣдней крайности и, такъ какъ халаты никогда не моются, то они покрываются всевозможными пятнами и лоснятся отъ грязи. Даже ситцевыя рубахи буряты моютъ рѣдко, и достаточные люди одѣваются и держатся грязно.

Но праздниковъ у бурятъ мало,—въ лѣто, можетъ быть, случится два-три съѣзда: одинъ—въ ближайшемъ монастырѣ въ годовой праздникъ, другой—на ближайшемъ мѣстномъ *обонѣ*, гдѣ-нибудь въ окрестныхъ горахъ и, можетъ быть, еще какой нибудь случайный праздникъ вродѣ свадьбы у сосѣдей; на лѣтнихъ съѣзжихъ праздникахъ въ монастыряхъ и обонахъ устраиваются старинныя увеселенія, конскіе бѣга, борьба силачей; зимой празднуютъ одинъ только Цаганъ-Саръ, т.-е. праздникъ новаго года, начало весны. Этотъ день празднуютъ болѣе домашнимъ образомъ: въ каждой семьѣ стряпаютъ, ждутъ гостей. Всѣ жители одного улуса стараются побывать другъ у друга, поздравить съ новымъ годомъ, при этомъ молодежь обмѣнивается гостинцами. Эти визиты служатъ также предлогомъ катанья; въ этотъ праздникъ—онъ продолжается три дня—всѣ стараются щеголять лошадями, сбруей, санями. „На дровняхъ въ праздникъ не поѣдешь“,—говорятъ буряты. Вечеромъ устраиваются вечерки съ играми и пѣніемъ. Подобныя же вечерки устраиваются также у сговоренныхъ невѣстъ или даже просто въ тѣхъ домахъ, гдѣ много молодежи,—устраиваются онѣ осенью послѣ окончанія работъ, а также и зимой; осень буряты считаютъ самымъ веселымъ временемъ года.

Досуга у бурятъ какъ-будто больше, чѣмъ у русскихъ. Запашки ихъ въ описываемой мной мѣстности не особенно велики: главный предметъ

хозяйства — сѣно, а подъ него землю не приходится ни пахать, ни боронить. Весь трудъ сводится къ поливкѣ, т.-е. къ пропусканію воды въ канавы; каждому домохозяину придется сдѣлать это раза три-четыре въ лѣто; затѣмъ—городьба луговъ во избѣжаніе потравъ. Но и канавы и городьба уже сдѣланы и только требуютъ ремонта, вотъ почему въ продолженіе лѣта, до поры сѣнокоса и жнитва, бурятъ имѣетъ довольно много досуга, точно также и зимой онъ раньше кончаетъ молотьбу. Женщины участвуютъ почти во всѣхъ мужскихъ работахъ; кромѣ того онѣ ходятъ за скотомъ. Но у бурятской женщины нѣтъ ни огорода, ни мытья посуды, ни мытья бѣлья, ни бани, т.-е. всѣхъ тѣхъ мелочныхъ занятій, которыя поглощаютъ время русской крестьянской бабы; буряты даже посуду для молока не имѣютъ обычая мыть горячей водой; такъ какъ скопы молока сквашиваются, то въ мытьѣ посуды и не видятъ надобности. Но это отсутствіе усиленнаго труда, сравнительный досугъ, мало отражается на ихъ благосостояніи. Бурятская женщина не ткетъ, и ей не зачѣмъ прясть, а такъ какъ здѣсь рѣдко держатъ по-многу овецъ, то немногіе дѣлаютъ и войлока. Только овчины выдѣлываются большею частью дома. На женщинахъ также лежитъ шитье одежды и обуви.

Лѣтомъ и весной есть еще два занятія у бурятъ, неизвѣстныя русскимъ, — это заготовленіе *арсы* и заготовленіе *хохировъ* или подстилки для скота на зиму. Послѣднее дѣлается такъ: весной навозъ со дворовъ вывозятъ въ одну кучу и затѣмъ размельчаютъ его лопатами въ порошокъ, оставляя въ такомъ видѣ просохнуть въ продолженіе лѣта; зимой этимъ сухимъ навозомъ посыпаютъ снѣгъ тамъ, гдѣ скотъ укладывается на ночь. Высокія кучи *хохировъ* придаютъ оригинальность бурятскимъ зимовкамъ.

Кромѣ того въ большихъ бурятскихъ хозяйствахъ изъ молока въ лѣтнюю пору гонятъ молочную воду—*арахи*. Дѣлаютъ это главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы остатки при перегонѣ обратить въ годовой запасъ пищи, извѣстной у бурятъ подъ именемъ *арсы*. Этихъ творожныхъ скоповъ или арсы буряты стараются наготовить, какъ можно больше. Еще недавно арса составляла почти исключительно пищу бурятъ; въ настоящее время въ каждомъ семействѣ, кромѣ арсы, ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаной муки. Для ѣды арсу варятъ, разводя водой и свѣжимъ молокомъ, если таковое есть, и подправляя ржаной мукой. На приготовленіе *айрика*—кислаго молока, изъ котораго гонятъ водку,—и *арсы* бурятская женщина тратитъ часа два или три каждый разъ, но это дѣлается обыкновенно не каждый день, а когда айрику скопится много. Другихъ запасовъ пищи у бурятъ не дѣлается

обыкновенно. Иногда, тамъ, гдѣ семья велика, заготовляютъ въ прокъ дикій лукъ. Для этой цѣли всѣ молодые члены семьи одинъ разъ въ лѣто отправляются за Уду, гдѣ луку много родится, привозятъ зеленыя перья, затѣмъ крошатъ ихъ ножами и солятъ въ кадкѣ, употребляя, какъ приправу къ мясной похлебкѣ; живущіе вблизи города солятъ также немного капусты, покупая ее у русскихъ. Весной собираютъ по-немногу луковицы сараны, но это не составляетъ прибавленія къ хозяйству. Ягодъ для себя не собираютъ, грибовъ также. Барановъ колютъ только въ рабочую пору, въ сѣнокосъ и жнитво; мясо больше ѣдятъ зимой, иногда завяливая его тонкими пластинками въ морозы и въ такомъ видѣ оставляя до весны. Рабочихъ здѣсь предпочитаютъ нанимать только на осень, на время усиленныхъ полевыхъ работъ. Нанимаются или на весь срокъ работъ (на сорокъ дней, причемъ плата бываетъ 20 руб. или около того) или по-десятинно, и тогда цѣны очень колеблются. Въ такомъ случаѣ онѣ зависятъ и отъ времени, и отъ качества работы. Въ небольшихъ хозяйствахъ нанимаютъ также поденныхъ рабочихъ.

Между бурятами встрѣчаются мастеровые. Мелкія желѣзныя вещи въ хозяйствѣ буряты работаютъ сами, даже такія вещи, какъ ножи или ножницы, точно также какъ и серебряныя украшенія.

Они дѣлаютъ также всѣ деревянныя подѣлки; между ними много плотниковъ, есть столяры и бондари.

Ламъ между здѣшними бурятами немного, совсѣмъ не такъ, какъ въ Монголіи, гдѣ въ рѣдкомъ семействѣ нѣтъ ламы. Грамотность довольно развита, кажется больше, чѣмъ среди русскаго окрестнаго населенія. Торговлей здѣшніе буряты занимаются мало. Несмотря на сравнительное благосостояніе и на красоту окружающей природы, здѣшнее бурятское населеніе показалось мнѣ невеселымъ, мало общительнымъ. Нѣтъ тѣхъ вечернихъ сборищъ за воротами, какія бываютъ въ русскихъ деревняхъ, нѣтъ болтовни женщинъ у колодца, не собираются старики гдѣ-нибудь подъ амбаромъ; каждая семья живетъ своей отдѣльной жизнью и мало встрѣчается съ сосѣдями; даже при встрѣчахъ, казалось мнѣ, у нихъ такъ мало общихъ интересовъ, что имъ не о чемъ было говорить. Дѣти одного улуса не составляютъ одной общей ватаги и много-много, если сходятся ребятишки двухъ ближайшихъ домовъ.

Можетъ быть, этимъ же отсутствіемъ сосѣдей, замкнутою жизнью въ семьѣ слѣдуетъ объяснить и то обстоятельство, что бурятскія женщины и дѣвушки одѣваются дома очень дурно. Какъ было замѣчено выше, онѣ

носятъ заплатанные грязные халаты, тогда какъ у той же самой женщины въ сундукѣ, можетъ быть, спрятанъ не одинъ шелковый халатъ, надѣваемый ею при выѣздѣ въ люди, но, навѣрное, есть серебряные уборы.

Молочное хозяйство у бурятъ Верхнеудинскаго округа. Когда, съ появленіемъ новой травы весной, удой молока увеличивается, тогда буряты начинаютъ дѣлать молочные запасы на годъ. Коровы бурятскія маломолочны. Отъ 12 коровъ среднимъ числомъ получается удою весною и лѣтомъ до трехъ ведеръ вечеромъ и ведра полтора утромъ послѣ ночи. Телята держатся отдѣльно отъ матокъ, только слабые телята на ночь подпускаются къ маткамъ, и тогда этихъ коровъ уже не доятъ. Прежде, чѣмъ начать корову доить, къ ней подпускаютъ ея теленка и, давши ему пососать минуты три, его отгоняютъ и привязываютъ за ошейникъ поблизости, а корову начинаютъ доить съ той стороны, съ которой былъ подпущенъ теленокъ; затѣмъ подпускаютъ опять теленка съ другой стороны и, снова отогнавши его, продолжаютъ доить корову. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда важно имѣть болѣе густое молоко, эти два удоя не смѣшиваютъ въ двѣ отдѣльныя посуды: первое молоко бываетъ жиже, а послѣднее — болѣе густо. Обыкновенно же этого не дѣлается и весь удой сливаютъ въ одну посуду.

Зимой число дойныхъ коровъ сокращается на-половину; въ хозяйствѣ, гдѣ лѣтомъ доилось 12 коровъ, зимой доятся 6 или 7. Конечно, всѣ такія числа колеблются отъ состоянія кормовъ, отъ погоды и т. д.

Въ самую хорошую для скота пору, приблизительно съ половины мая до половины іюня, доятъ также овецъ. Отъ стада въ сто головъ доятъ 50 или 40 овецъ; доятъ не всѣхъ дойныхъ, а только наиболѣе здоровыхъ. Самая хорошая овца даетъ два стакана въ день (овецъ доятъ въ полдень), а слабая — лишь нѣсколько ложекъ. Время доенья овецъ продолжается не больше мѣсяца.

Подойники дѣлаются изъ обыкновенныхъ деревянныхъ ведеръ и называются такъ же, какъ и ведро, — *хуныкъ*. Мѣрой эти подойники бываютъ $5^1/_2$ верш. и отверстіе въ діаметрѣ также въ $5^1/_2$ верш. Только подойники для барановъ бываютъ съ болѣе узкимъ верхомъ (въ 4 верш. въ діаметрѣ) и называются *татхуръ*. Изъ подойниковъ вечерній удой молока разливается въ плоскіе деревянные баки, называемые *тэпхыръ* или *оерсакъ*, и ставится въ прохладное мѣсто на сметану. Утренній удой частью варятъ и оставляютъ для употребленія въ пищу въ продолженіе дня, частью употребляютъ такъ же, какъ и вечерній.

На сметану при 12 коровахъ въ началѣ лѣта ставится отъ 10 до 12

тэпхыровъ. Молоко, поставленное на сметану, называется *баиласа*. Когда сметана, называемая по-бурятски *дзулхей*, устоится, тогда ее снимаютъ въ отдѣльный бакъ и сбиваютъ изъ нея мутовкой или лопаточкой масло, а то, что остается подъ сметаной, *едемыкъ* по бурятски, сливается въ особую посуду, называемую *саба* *). Это большая, хорошей работы и чисто содержимая кадка; величина этой кадки бываетъ различна, но всегда она бываетъ узкая вверху и расширенная внизу. Самая большая саба, видѣнная мной, была въ $1^1/_2$ арш. высотой и въ $^1/_2$ арш. въ діаметрѣ верхняго ея края. Саба бываетъ закрыта плотно деревяннымъ кругомъ съ небольшой вырѣзкой посрединѣ для *белюра* или песта, которымъ въ ней сбиваютъ молоко **).

Белюръ этотъ здѣсь у бурятъ имѣетъ очень оригинальную форму. Это длинная въ $1^1/_2$ арш. пакла, на нижнемъ концѣ которой надѣта деревянная чашка, долбленая изъ корня, величиной съ наши полоскательныя чайныя чашки (въ окружности у нашего белюра она была въ 12 верш. при вышинѣ въ $1^1/_2$ вершка). Въ краяхъ чашки сдѣланы пять круглыхъ дыръ, и чашка надѣта на палку такъ, что стоитъ дномъ къ верху, въ опрокинутомъ положеніи, когда белюръ опущенъ въ кадку. Когда белюромъ бьютъ молоко, налитое въ сабу, оно проходитъ въ отверстія въ чашкѣ. Въ такой сабѣ приготовляютъ *айрикъ*. Чтобы приготовить айрикъ, въ сабу наливаютъ сначала свѣжаго молока, затѣмъ берутъ немного свѣжаго молока и подогрѣваютъ на огнѣ; когда оно сдѣлается теплымъ, но еще не закисло, въ него подложатъ нѣсколько прошлогодняго айрика; его для этой цѣли стараются имѣть въ домѣ безъ переводу. Если нѣтъ дома, то ищутъ у сосѣдей. Отъ айрика теплое молоко сейчасъ же свернется и получится *тарыкъ*; этотъ тарыкъ кладутъ въ сабу, въ свѣжее модоко, затѣмъ туда же сливаютъ простоквашу (едемыхъ), послѣ чего сабу накрываютъ кружкомъ и затѣмъ на всю кадку надѣваютъ покрышку или футляръ, сшитый изъ кошмы съ завязками, называемый *орелта* (иногда, когда недостаточно тепло

*) Сабой у киргизъ и монголовъ называется большая кожаная посудина для кумыса; дно ея квадратное, а стѣнки кверху съужены; получается какъ бы четырехъугольная бутыль.

**) Въ киргизскихъ сабахъ верхняя часть белюра, служащая рукояткой, бываетъ окрашена яркими узорами. У сѣверо-байкальскихъ бурятъ булуромъ называется сама саба или кадка, а мутовка у нихъ называется аша У киргизъ мутовка называется пискекъ.

въ юртѣ, накрываютъ еще сверху шубой), и даютъ этому налитому въ сабу молоку забродить. Если айрикъ только-что задѣланъ свѣжій, тогда ему даютъ бродить сутки-двое и даже трое, а впослѣдствіи довольно однѣхъ только сутокъ.

Послѣ броженія въ сабѣ начинаютъ бить жидкость белюромъ, пока всѣ масляныя частицы не собьются въ одинъ комокъ масла; масло это вынутъ, а жидкость, которая находится въ сабѣ, послѣ этого будетъ *айрикъ*; онъ имѣетъ очень сильную, немного спиртную кислоту и въ жары составляетъ пріятный и сытый напитокъ, но непривычному человѣку кажется черезчуръ кислымъ. Когда изъ айрика отдѣлятъ масло, тогда изъ него приготовляютъ *арахи* или *архи* и *арцу*, а иногда прямо арцу.

Арахи — это хмѣльный напитокъ, молочная водка, а арца — сгущенное творожистое молоко, составляющее главную пищу бурятъ.

Чтобы превратить айрикъ въ арцу, его наливаютъ въ котелъ. Котелъ этотъ имѣетъ различную величину въ различныхъ хозяйствахъ и можетъ быть тотъ же самый, въ которомъ варятъ пищу.

Этотъ котелъ — обыкновенно чугунный или желѣзный, имѣющій форму чаши; для производства въ немъ арахи онъ непремѣнно долженъ имѣть хорошо пригнанную къ нему деревянную крышку — *бурхель* той же самой формы полусферы, какъ и самый котелъ; въ этой крышкѣ должны быть два отверстія, одно — четыре-угольное, въ вершокъ величиной, другое — круглое, какъ горло у бутылки. Когда айрикъ налитъ въ котелъ и поставленъ на таганъ, его покрываютъ бурхелью и щель кругомъ замазываютъ свѣжимъ коровьимъ навозомъ. На четырехъ-угольное отверстіе въ бурхели наставляется деревянная труба, по-бурятски *сорго*. Сорго составлена изъ двухъ, довольно грубо отесанныхъ, кусковъ дерева, внутри которыхъ просверленъ каналъ; куски эти составлены подъ угломъ и образуютъ какъ бы въ локтѣ руку. Въ локтѣ она значительно толще и имѣетъ здѣсь спайку, которая тоже замазывается коровьимъ навозомъ. Длина всей сорго составляетъ 1 арш. 5 верш., а разстояніе между двумя концами 1 арш. 3 верш. (концы сорго имѣютъ только 1 четв. арш. въ окружности, а въ локтѣ окружность сорго доходитъ до $6^1/_2$ вершковъ). Если бы можно было сдѣлать сорго цѣльное, было бы лучше, замѣчаютъ буряты. Одинъ конецъ сорго ставятъ на отверстіе въ бурхели, какъ сказано, а другой ставятъ на крышку другаго чугуннаго сосуда, въ формѣ кувшина; этотъ кувшинъ, *танха* по-бурятски, имѣетъ широкое круглое основаніе, въ $17^1/_2$ верш. въ окружности, при высотѣ въ $6^1/_2$ верш., и горло съ отверстіемъ въ 3 верш.

въ діаметрѣ: на горлѣ плотно лежитъ деревянная крышка съ четырехъ-угольнымъ отверстіемъ и небольшой круглой дырочкой возлѣ. На это четырехъ-угольное отверстіе наставляютъ сорго и въ этомъ мѣстѣ замазываютъ щели навозомъ. Этотъ чугунный кувшинъ ставится въ широкій, съ невысокими стѣнками, бакъ (вродѣ тѣхъ, какіе бываютъ у прачекъ) *сибэръ* или *сибыръ*, въ который наливаютъ холодную воду. Сибыръ служитъ холодильникомъ и, если вода въ немъ нагрѣвается, подбавляютъ холодной; затѣмъ подъ котломъ съ айрикомъ разводятъ небольшой огонь и, при его нагрѣваніи, пары отъ айрика проходятъ по сорго и спускаются въ танху, гдѣ, охлаждаясь, превращаются въ водку. Если огонь слишкомъ разгорится и айрикъ закипитъ, тогда откидываютъ въ бурхелѣ маленькое отверстіе, называемое *корулъ*, обыкновенно также заткнутое и залѣпленное навозомъ. Отъ времени до времени въ танху черезъ круглую дырочку въ крышкѣ опускаютъ кисточку *амуръ* или просто палочку и на вкусъ пробуютъ *арахи*. Если перегонять слишкомъ долго, тогда арахи сдѣлается слишкомъ слабой.

Котелъ въ наблюдаемомъ мной хозяйствѣ былъ *долонъ таминъ тою*, т.-е. въ семь какихъ-то мѣръ вмѣстимости (около четырехъ ведеръ). Въ окружности онъ имѣлъ 2 арш. 2 верш. и въ центрѣ имѣлъ глубину въ $4^1/_2$ вершка (бурхель, равная ему по окружности, имѣла $9^1/_2$ верш. высоты и, слѣдовательно, по формѣ ближе подходила къ полушару). Изъ этого котла въ описанной мною танхѣ крѣпкой хорошей водки получалось только на одинъ вершокъ высоты; если довести жидкость въ танхѣ до $1^1/_2$ верш. высоты, то водка получится слабая.

Когда арахи получена, тогда сарго и бурхель снимаютъ; въ котлѣ въ это время находится бѣлая, какъ самая густая сметана, жидкость, кисловатая на вкусъ, безъ всякаго маслянистаго вкуса — это *бозо*. Бозо сливаютъ въ кадку, гдѣ она сейчасъ же получаетъ другое названіе — *арца*. Арца или арса эта имѣетъ свойство не портиться во все лѣто. Иногда арцу наливаютъ въ мѣшокъ и даютъ стечь изъ нея водѣ; тогда она бываетъ менѣе кисла и болѣе густа, такъ что удобнѣе можетъ выдерживать перевозку, но за-то скорѣе портится.

Чтобы сдѣлать бозо, можно и не дѣлать арахи; для этого необходима та же самая процедура, только не нужно танху ставить въ холодную воду; не охлаждаясь быстро, пары не получаютъ хмѣльности, и въ танхѣ получается невкусная, мутноватая на видъ жидкость, которую выливаютъ на полъ.

Арца эта, скопленная на лѣто, служитъ обыкновенно пищей бурятъ въ продолженіе всего года. Для этого берутъ изъ кадки ковша два арцы, кладутъ въ котелъ, доливаютъ, сколько надобно, водой, а если есть, подбавляютъ свѣжаго молока и кипятятъ; когда закипитъ, сыпятъ въ кипящую арцу ржаной муки, чтобы сдѣлать густой кисель. Ѣдятъ горячимъ. Кушанье выходитъ довольно вкусное и питательное. Иногда, если есть овощи, кладутъ ихъ.

Кударинскіе буряты осенью, когда поспѣетъ картофель, варятъ и кладутъ его въ кадушки съ арсой. Прежде готовили арсы больше, теперь верхнеудинскіе буряты стали привыкать къ хлѣбу и съ увеличеніемъ хлѣбопашества уменьшаютъ молочное хозяйство. Теперь во всѣхъ окрестностяхъ Верхнеудинска буряты сами стали печь хлѣбъ и съ чаемъ обыкновенно ѣдятъ печеный хлѣбъ. За поколѣніе раньше этого не дѣлали и продовольствовались исключительно молочными продуктами. Масла здѣшніе буряты дѣлаютъ не особенно много и употребляютъ его, не перетапливая бѣлымъ. Въ наблюдавшемся мной хозяйствѣ отъ 12 коровъ едва-ли скоплено было до пуда масла, но за то арцы оно накопило ведеръ до 30.

На семью въ пять человѣкъ надо пять-шесть коровъ, чтобы можно было дѣлать арцу. Если въ домѣ 2—3 коровы дойныхъ, тогда айрикъ не перегоняютъ въ бозо и арцу.

Ранѣе верхнеудинскіе буряты дѣлали сыры: *арулъ*, *хурутъ* и *эзгэ*, теперь оставили; находятъ, что не стоитъ хлопотъ. Приготовляютъ еще немного въ видѣ лакомства *урмэ*. Урмэ лучше приготовлять изъ бараньяго молока, такъ какъ оно жирнѣе; можно и изъ коровьяго; для этого наливаютъ въ котелъ молока и кипятятъ его; пѣнку, которая при этомъ образуется на молокѣ, топятъ въ жидкость и снова кипятятъ; снова утопятъ пѣнку и затѣмъ поставятъ котелъ съ варенымъ молокомъ на ночь у очага, чтобы пѣнки устоялись вверху, и утромъ осторожно подрѣжутъ края толстаго слоя поднявшихся пѣнокъ ножемъ, стараясь не изломать его; затѣмъ подсушатъ, разложивъ на доскѣ или на холстинѣ, нарѣжутъ ломтиками и подаютъ почетнымъ гостямъ къ чаю, вмѣсто печенья.

Эзгэ также приготовляется изъ бараньяго молока. Въ свѣжее баранье молоко, подогрѣтое на огнѣ, кладутъ немного айрику; молоко тогда свертывается, его процѣживаютъ и творогъ подсушиваютъ; получается какъ бы творожная крупа.

Арулъ и хурутъ приготовляются одинаково; свѣжую арцу варятъ съ свѣжимъ молокомъ; когда масло сгустится, ее процѣживаютъ и, сдавливая

въ рукахъ жемочками, раскладываютъ для просушки или нанизываютъ на нитку и подвѣшиваютъ. Если ту же самую массу положатъ въ холстину и спрессуютъ между досками, а затѣмъ нарѣжутъ квадратиками или въ другую форму и подсушатъ, это будетъ хурутъ.

Въ продолженіе лѣта часто для ѣды приготовляютъ *тарыкъ*, совершенно соотвѣтствующій нашей простокващѣ по вкусу и приготовленію.

ИЗЪ СТРАНСТВІЯ ПО УРЯНХАЙСКОЙ ЗЕМЛѢ.

I.

Вступленіе.—Экспедиція 1879 г.—Составъ ея.—Путь отъ озера Убса.—Гора Танну-Ола.—Обо-жертвенникъ.—Трудности горнаго перевала.—Паденіе верблюда въ пропасть.—Встрѣча съ туземцами, ихъ оригинальный костюмъ.—Конокрады и остроумные конюхи, предупредившіе кражу.—Караванъ урянхайцевъ.—Шаманскій центръ.—Фиктивныя жертвы шаманистовъ.—Шаманка женщина-жрецъ.—Обрядъ шаманства.—Шаманка-дѣвица.—Костюмъ шаманки.—Поэтическая обстановка живописной мѣстности.—Русская заимка.—Отдыхъ.

Нашъ очеркъ представляетъ попытку познакомить читателя съ новой страной. Случается обыкновенно такъ, что, благодаря заманчивымъ описаніямъ и интереснымъ путешествіямъ, намъ дѣлаются близкими и знакомыми разные дикіе уголки Африки, Америки или Индіи и остаются почти совсѣмъ неизвѣстными страны, лежащія на окраинахъ нашей Россіи и возлѣ нея.

Страна Урянхайская именно тѣмъ и замѣчательна, что составляетъ нашу границу на разстояніи почти тысячи верстъ, и между тѣмъ рѣдкій изъ русскихъ читателей знаетъ ее хотя бы только по имени Страна эта занимаетъ южный склонъ горъ Саянскихъ, окаймляющихъ съ юга сибирскія губерніи Иркутскую и Енисейскую.

Мы въ нашихъ путешествіяхъ два раза посѣтили Урянхайскую землю. Въ 1876 году мы подходили къ ея восточной оконечности, къ озеру Косоголъ.

Въ 1879 г. экспедиція, посланная для изслѣдованія Сѣверо-западной Монголіи, состояла изъ моего мужа, Гр. Н. Потанина, г. Адріанова, студента, присоединившагося къ экспедиціи въ качествѣ естествоиспытателя,

меня и одного прикомандированнаго къ намъ переводчика. Къ концу лѣта къ экспедиціи присоединился топографскій офицеръ Орловъ съ своимъ помощникомъ и двумя казаками, знающими монгольскій языкъ. Осенью экспедиція находилась въ Сѣверной Монголіи, на озерѣ Убса. Отсюда должно было начаться наше возвращеніе въ Россію, но по дорогѣ мы должны были изслѣдовать страну урянховъ.

Предлагаемый очеркъ имѣетъ въ виду познакомить читателей съ тою частью страны, которую мы видѣли, и съ тѣми трудностями, какія испытываютъ люди, въ первый разъ проходящіе по мало изслѣдованному краю. Западная часть страны и сѣверо-восточный ея уголъ остались намъ совершенно неизвѣстны.

Отъ озера Убса мы начали подниматься въ горы и въ первый день поднялись лишь на карнизъ главнаго хребта. Этотъ карнизъ представляетъ ровную поверхность, поросшую степной растительностью и кипцами *), по ней извивалась рѣка, окаймленная деревьями. Величественная Танну-Ола смотрѣла отсюда еще неприступнѣе; горы, казалось, стояли сплошной стѣной, вершины были покрыты пятнами снѣга и по утрамъ дымились туманами. Бока горъ были покрыты лиственичнымъ лѣсомъ. Монгольскіе солдаты съ пикета пугали насъ трудностями здѣшняго перевала и предлагали намъ идти вдоль по этому карнизу Танну-Олы, съ тѣмъ, чтобы перейти на сѣверную ея сторону болѣе удобнымъ восточнымъ переваломъ; но тогда значительная часть урянхайской страны осталась бы намъ неизвѣстной, и мы предпочли перевалъ Торхоликскій. Громадная стѣна Танну-Олы какъ будто манила скорѣе взглянуть на то, что скрывается за ней. 17 сентября мы поднялись на перевалъ. Несмотря на кажущуюся неприступность, подъемъ былъ довольно удобный. На перевалѣ уже не встрѣчалось деревьевъ; это была довольно большая болотистая площадка, по срединѣ которой возвышалось обычное въ Монголіи на перевалахъ *обо*, т.-е. груда камней и хворосту со вставленными въ кучу палками, съ навѣшанными жертвами духу горы. Здѣсь были и грубыя изображенія на коленкорѣ буддійскихъ божествъ и такія же тибетскія и монгольскія молитвы, тутъ же были простыя ленточки изъ цвѣтнаго коленкора или даже пучки лошадиныхъ и верблюжьихъ волосъ—жертва самая употребительная у путешественниковъ, такъ какъ матеріалъ всегда подъ руками. Перевалъ этотъ носитъ названіе

*) Festuca avina.

у монголовъ Баинъ-Танну; хребетъ надъ переваломъ возвышается еще футовъ на триста.

Взоры всѣхъ устремились съ перевала на сѣверъ; но намъ, кромѣ безчисленныхъ горныхъ вершинъ, густо поросшихъ лѣсомъ, ничего не было видно. Намъ предстоялъ чрезвычайно крутой и лѣсистый спускъ. Глинистая тропинка чуть замѣтно извивалась по обрыву. Всѣ спѣшились, лошадей перевязали по двѣ и по три и отдали людямъ. Рабочіе взяли верблюдовъ за повода, стараясь, чтобы на каждаго рабочаго пришлось не больше двухъ. Только-что выпавшій снѣгъ сдѣлалъ глину на спускѣ скользкой, и верблюды боялись идти. Не прошли мы и полуверсты, какъ одинъ верблюдъ полетѣлъ съ тропинки внизъ; къ счастью, деревья задержали его и не дали свалиться на дно оврага. Развьючка и переноска вьюка на рукахъ заняли довольно много времени, между тѣмъ обвалъ, произведенный паденіемъ верблюда, сдѣлалъ тропинку въ этомъ мѣстѣ почти непроходимой и для всѣхъ остальныхъ животныхъ, особенно для верблюдовъ; съ лошадьми можно было забраться выше и обойти лѣсомъ. Чтобы предупредить паденіе верблюдовъ, ихъ поддерживали накинутой съ этого бока веревкой. Дальше по дорогѣ также встрѣчались задержки отъ большой крутизны; мѣстами приходилось срубать деревья, чтобы верблюды съ вьюками могли пройти. Черезъ этотъ перевалъ обыкновенно переходятъ на быкахъ или лошадяхъ.

Мы, гнавшіе лошадей, опередили караванъ и, спустясь съ перваго уступа горъ, сѣли отдохнуть подъ высокими кедрами, которые растутъ въ изобиліи на сѣверной сторонѣ Танну-Олы. Вскорѣ, одинъ за другимъ, къ намъ присоединились проводники верблюдовъ. Дойдя до рѣчки, мы заночевали, и весь слѣдующій день шли по узкому ущелью, бока котораго густо поросли лѣсомъ хвойныхъ деревьевъ, кедра, лиственицы и ели; по берегамъ рѣки росли рябины, черемухи и осины; съ удовольствіемъ встрѣтили мы эти русскія деревья, не видѣнныя нами въ Монголіи. Несмотря на то, что мы подвигались на сѣверъ, становилось все теплѣе и теплѣе, высокія лѣсныя травы изрѣдка встрѣчались еще въ цвѣту, тогда какъ въ долинѣ Убса все было уже давно желто. Только-что мы стали лагеремъ, какъ къ намъ подошли два молодые урянхайца; по ихъ словамъ, они направлялись въ Монголію, но ничто въ ихъ костюмѣ не обнаруживало дальнихъ путешественниковъ. Несмотря на осеннее время, на нихъ были короткія замшевыя куртки и такія же, до крайности короткія кожаныя пантолоны, похожія скорѣе на трубы, едва скрѣпленныя вверху и недостаю-

щія далеко до колѣнъ; животъ тоже до половины оставался открытъ, штаны были подвѣшены къ поясу на ремняхъ; къ поясу же на ремняхъ прикрѣплялись и сапоги, сдѣланные изъ кожи ногъ горнаго козла; они были выше колѣнъ и подъ колѣнками подвязывались ремешками. Молодые люди, несмотря на голые грудь и животъ, казалось, не зябли. Одинъ изъ нихъ, разговаривая съ нами на берегу рѣчки, снялъ съ себя сапоги и сталъ бродить по водѣ, брызгая и проламывая въ мелкихъ мѣстахъ ледъ своими босыми ногами, забавляясь, какъ робенокъ.

При этихъ „путешественникахъ за-границу“ не было ни багажа, ни оружія, но у каждаго въ рукѣ былъ небольшой кнутикъ, что казалось совсѣмъ лишнимъ для пѣшеходовъ. Бичечи (писарь) объяснилъ намъ, что урянхайцы, навѣрное, отправились воровать лошадей, почему кнуты имъ необходимы. Такое открытіе очень встревожило нашихъ людей: они боялись, что эти молодцы угонятъ ночью нашихъ лошадей; но это обстоятельство заставило ихъ удвоить любезность съ гостями: они не только пригласили ихъ ужинать, но даже предложили имъ лечь спать на своихъ войлокахъ и прикрылись на ночь одной съ ними кошмой—затѣмъ, какъ объяснили они намъ, чтобы въ такихъ условіяхъ имъ лучше было наблюдать за ночнымъ поведеніемъ гостей. Но на этотъ разъ дипломатія нашихъ монголовъ удалась, и урянхайцы, переночевавъ, ушли мирно утромъ.

Въ тотъ же день мимо насъ прошелъ большой караванъ урянхайцевъ, возвращавшихся съ своихъ пашенъ. Быки были нагружены мѣшками съ просомъ; женщины ѣхали на быкахъ или коровахъ, а большая часть мужчинъ—на лошадяхъ. Лица урянхайцевъ были красивѣе монгольскихъ, нѣсколько *татарскаго типа;* черные, живые глаза и черные же усы даже стариковъ дѣлали красивыми, а между молодежью встрѣчались настоящіе красавцы. На головахъ у женщинъ были пунцовые шерстяные капюшоны, въ родѣ тѣхъ, что носятъ наши монахини подъ клубукомъ. По краямъ и вокругъ лица этотъ головной уборъ былъ у всѣхъ вышитъ бѣлыми бусами. Шубы на женщинахъ были длинныя, овчинныя, у нѣкоторыхъ крытыя синей нанкой; фасонъ женскихъ шубъ напоминалъ рубаху нашихъ татарокъ; книзу шуба оканчивалась широкой оборкой, окаймленной полосой краснаго ситца или чернаго плиса. Кавалькада эта, завидѣвъ нашъ лагерь, спѣшилась и окружила насъ, вышедшихъ изъ палатокъ посмотрѣть на нихъ.

Переночевавъ здѣсь подъ тѣнью высокихъ лиственицъ, мы пошли внизъ по рѣчкѣ Аръ-Горхоликъ. По ея берегамъ росли березы, осины и

рябины; послѣднія всегда были украшены лентами цвѣтнаго коленкора; повидимому, это дерево считается священнымъ.

Вступивъ въ урянхайскую землю черезъ перевалъ Торхоликъ, мы очутились въ какомъ-то шаманскомъ центрѣ. У расширенія Торхоликской долины, при выходѣ ея на долину Улухана *), окрестныя горы представляли тринадцать отдѣльныхъ пиковъ, бывшихъ жилищемъ тринадцати горныхъ духовъ, или хозяевъ мѣста, *сабдиковъ* (употребляю здѣсь монгольское выраженіе), почему и перевалъ Торхоликскій носилъ названіе *тринадцать онионовъ* (онгонъ—монгольское выраженіе, но оно болѣе распространено и употреблялось нами потому, что мы слышали его отъ монголовъ, окружающихъ насъ). У входа въ ущелье стояло огромное *обо;* оно не было похоже на другія, т.-е. на простую кучу камней или хвороста, а было сложено изъ бревенъ, поставленныхъ конусомъ, и представляло собой такой же урянхайскій *алянчикъ*, или шалашъ, какой и до нынѣ употребляютъ звѣроловы-урянхайцы. Внутри этого конуса были протянуты шнурки, всѣ густо увѣшанные *ямамой*, или лентами разноцвѣтныхъ матерій; въ дальнемъ отъ входа концѣ былъ прилавокъ, и на немъ стояли вырѣзанныя изъ дерева фигуры разныхъ животныхъ, верблюдовъ, коней, быковъ. По объясненію сопровождавшихъ насъ людей, это должно было изображать животныхъ, принесенныхъ, будто бы, въ жертву. Къ чести урянхайцевъ надобно сказать, что, несмотря на ихъ глубокое проникновеніе шаманствомъ, кровавыхъ жертвъ они не приносятъ, тогда какъ у нашихъ алтайцевъ и бурятъ такія жертвы существуютъ доселѣ.

Когда мы остановились лагеремъ около Молотъ-обо на Торхоликѣ, къ намъ вечеромъ доносились со всѣхъ сторонъ удары бубна, и нашъ проводникъ говорилъ, что въ окрестностяхъ живетъ до десяти шамановъ и шаманокъ; это мѣсто, повидимому, было особенно священно для нихъ. Въ урянхайской землѣ шамановъ, и женщинъ и мужчинъ, много; женщинъ какъ будто даже больше, чѣмъ мужчинъ. Намъ хотѣлось видѣть этихъ прославленныхъ прорицательницъ, но отъ насъ потребовали, чтобы мы подарили шаманкѣ бѣлую лошадь и пять разноцвѣтныхъ кусковъ матерій; послѣ объяснилось, что *куски* не означали цѣлыхъ кусковъ, а могли быть и небольшими, а лошадь только *посылалась* за шаманкой, но не поступала въ ея пользу. Шаманка эта была еще молодая женщина, и когда мы пріѣхали къ ней, она только что кончила винокуренье, и всѣ присут-

*) Такъ урянхайцы называютъ Енисей.

ствующіе пили еще теплую *орыхи*, т.-е. молочную водку, и были нѣсколько на-веселѣ, хозяйка также; нашъ проводникъ, монгольскій бичечи (писарь), былъ здѣсь, какъ свой; а настоящій хозяинъ, несмотря на веселое общество, собирался уѣхать въ тотъ же вечерь въ табунъ. Окружающіе насъ монголы говорили, что бичечи пользуется въ этомъ домѣ правами друга нѣсколько болѣе, чѣмъ бы это слѣдовало; но, повидимому, это не особенно скандализировало окружающее насъ общество. На другой день шаманка съ своими пріятельницами пріѣзжала къ намъ, опять происходили переговоры, но намъ все-таки не удалось видѣть, какъ шаманитъ Джаппай. Джаппай держалась съ такой независимостью и свободой, какой намъ не случалось наблюдать у монголокъ, но было ли это ея личной особенностью, или она держалась такъ потому, что была шаманка, не могу сказать. Нѣсколько позднѣе, на р. Елегесѣ, мы видѣли урянхайскую шаманку; она не производила никакого импонирующаго впечатлѣнія, была бѣдна и, кажется, боялась насъ, русскихъ. *Камлать* (шаманить) у насъ она не согласилась, и мы должны были отправиться для этого въ урянхайскую юрту. Мы пріѣхали къ ней, когда было уже совсѣмъ темно; юрта была бѣдная, закоптѣлая и тѣсная; насъ пріѣхало довольно много, и мы едва размѣстились на рваныхъ войлокахъ, постланныхъ у стѣнъ юрты; между нами и очагомъ едва оставался проходъ. Эта шаманка, во время своего камланья, оставалась въ своей обыкновенной одеждѣ; у нея былъ только бубенъ. Повидимому, она сильно волновалась и потому долго не могла отдаться экстазу; пѣла она мало, а все издавала какіе-то звуки, по ея мнѣнію, подражающіе крику различныхъ животныхъ, или, можетъ быть, духовъ,—она рычала, скалила зубы, протягивала къ людямъ руки, какъ кошка, желающая царапать, бросалась на людей и на камни очага. Окружающіе жалѣли ее, останавливали, говорили: „Ахъ, бѣдная!“. Мужъ ея, когда она подходила близко къ очагу, кричалъ ей: „*Джидекъ! Джидекъ! Пукъ!*“ что въ переводѣ означало: „вонюче, погано“. Затѣмъ съ ней сдѣлался припадокъ: она упала въ конвульсіяхъ, лицо стало дергать, изо рта показалась пѣна; полежавъ нѣсколько минутъ, она встала и докончила камланье, т.-е. опять стала бить въ бубенъ и предсказывать. Камланье это оставило во мнѣ самое непріятное впечатлѣніе. Совѣстно было, что мы устроили для себя зрѣлище, стоившее бѣдной женщинѣ, очевидно, много душевныхъ и тѣлесныхъ напряженій, тѣмъ болѣе, что въ ея камланьи не было ничего поэтическаго.

Гораздо лучшее впечатлѣніе произвело на насъ гаданье или камланье

другой урянхайской *утаганы* *)—дѣвицы, жившей на южной сторонѣ Танну-Олы. Самая обстановка была тогда очень поэтична. Юрта утаганы стояла въ лѣсу большихъ тополей и лиственицъ; она была велика и убрана довольно богато и чисто. Но и тамъ, по случаю предстоящаго камланья, желѣзный очагъ былъ вынесенъ изъ юрты и на огнище были положены три камня, на которыхъ и ставился котелъ, когда было нужно совершать куренія и возліянія. Сама *утаганъ* Найдынъ была здоровая и довольно красивая дѣвушка, одѣтая нарядно, держалась она смѣло и, пожалуй, даже повелительно; всѣ прочіе члены семьи, мать, братъ, слушались каждаго слова Найдынъ. Всѣ принадлежности камланья: ерень, т.-е. шнуръ, увѣшанный лентами и протянутый въ переднемъ углу юрты, нѣсколько вправо отъ входа, шаманскій плащъ, шапка, сапоги, — были новы и сдѣланы съ нѣкоторой кокетливостью, насколько это было совмѣстимо съ традиціоннымъ покроемъ всѣхъ этихъ вещей, сшитыхъ изъ замши, сдѣланной изъ шкуръ дикаго козла; но украшенія были сдѣланы изъ матерій и въ нихъ выказывался изящный вкусъ Найдынъ.

Плащъ всякаго урянхайскаго кама имѣетъ на себѣ массу бахромы, нашитой по всей его длинѣ, начиная сверху до низу, точно также и по рукавамъ, вдоль всей руки. Обыкновенно, эта бахрама дѣлается изъ нарѣзанныхъ тонко ремешковъ, въ перемежку съ которыми пришиты бываютъ изображенія змѣй и различныя шкурки звѣрей; иногда тутъ же пришиваютъ желѣзныя изображенія различныхъ животныхъ, какія-то погремушки и иногда даже колокольчики. У Найдынъ преобладали ремешки и змѣи и были желѣзныя погремушки; двѣ змѣи на спинѣ были больше другихъ и головы ихъ были сшиты болѣе искусно, съ глазами, обозначенными бисеромъ, съ раскрытой пастью и съ ушками; они назывались *алтынъ-баштыгъ Амырга джиланъ*, т.-е. *шестилавая* или, можетъ быть, *златоглавая змѣя Амырга*. На плечахъ плаща были нашиты пучки совиныхъ перьевъ; такими же перьями былъ обшитъ воротникъ. Шапка Найдынъ состояла изъ довольно широкаго околыша или повязки, изъ пунцоваго сукна, нашитаго на замшу; по сукну были нашиты мелкія раковины, *джиланъ-башъ* (змѣиныя головки) по-урянхайски; верхній край повязки густо обшитъ совиными перьями, а нижній край—бахромой, которая спускалась на лицо Найдынъ и совершенно его закрывала до рта. Совиныя перья на шапкѣ торчали

*) Такъ называютъ монголы женщинъ-шаманокъ

кверху и, распушаясь, дѣлали эту шапку похожей на діадему. Сапоги Найдынъ были съ мягкими подошвами, и на носкахъ ихъ были вышиты глазки. Змѣйки, украшавшія плащъ, назывались *лосунай аймынъ*, т.-е. царство дракона, если перевести на нашъ языкъ.

Бубенъ у Найдынъ былъ такой же, какъ и у другихъ камовъ *).

Когда мы пріѣхали въ юрту Найдынъ, еренъ уже былъ протянутъ и бубенъ просушивался надъ огнемъ, что всегда дѣлается передъ камланьемъ; братъ Найдынъ, время отъ времени, пробовалъ его звукъ, ударяя по бубну колотушкой и снова начиная повертывать бубенъ надъ огнемъ всѣми сторонами. Потомъ на очагъ посыпали можжевельникъ; мать Найдынъ полила на камни очага молока, побрызгала имъ въ отверстіе юрты, и затѣмъ приступила къ одѣванью утаганы. Передъ еренемъ былъ постланъ войлочекъ; ставъ на него лицомъ къ ереню и задомъ къ огню, Найдынъ начала камлать, т.-е. бить въ бубенъ и при этомъ раскачиваться всѣмъ тѣломъ. Она держала бубенъ въ лѣвой рукѣ за перекладину внутри его. Сначала слѣдовали два удара сряду, причемъ бубенъ держался у лѣвой ноги, затѣмъ сильнымъ взмахомъ бубенъ переносился къ правой ногѣ, и здѣсь дѣлался ударъ, — получалась дробь марша. Голова шамана постоянно наклоняется; сначала вся шаманская пляска состоитъ изъ этихъ движеній, вызываемыхъ ударами въ бубенъ, затѣмъ уже слѣдуютъ разныя варіаціи, но все время ноги шамана остаются почти неподвижны, и двигается только верхняя часть туловища, иногда съ изумительной быстротой. Пляска и музыка Найдынъ была очень энергична. При высокомъ ростѣ и стройности шаманки, при естественной граціи, которой она обладала, эти пляски никогда не переходили у нея въ безобразныя кривлянья. Лицо кама всегда бываетъ на-половину скрыто бахромой отъ шапки. Найдынъ прикрывала его, кромѣ того, бубномъ и старалась держаться въ тѣни. Одинъ или два раза Най-

*) Это былъ кругъ, вершка въ два ширины и въ три четверти въ діаметрѣ, съ поперечной проволокой и деревянной вертикальной ручкой; эта ручка, т о к т у ш ъ по-урянхайски, часто представляетъ грубое изображеніе человѣка; у Найдынъ она была просто рѣзная; на этотъ обручъ или лукошко была натянута шкура дикаго козла, очищенная отъ шерсти. Урянхайцы бубенъ называютъ д о н к ю р ъ, а колотушку, которой бьютъ по бубну, о р б о; орбо было въ родѣ лопаточки, нѣсколько вогнутой; выпуклая сторона была обтянута шкурой каменнаго козла шерстью вверхъ, а на вогнутой сторонѣ были укрѣплены желѣзныя кольца, такъ, чтобы они звенѣли при каждомъ движеніи орбо. Вогнутая сторона орбо называется о й г о или о й г о н ъ, а выпуклая — т о р я к ъ.

дынъ начинала неистово кружиться на одномъ мѣстѣ; тогда плащъ ея, всѣ его ремешки и змѣи разлетались во всѣ стороны и кружились вокругъ ея стана. Пляски свои Найдынъ прерывала, обходя, время отъ времени, вокругъ очага, медленно, съ остановками, и тогда начинала пѣть. Пѣніе было чрезвычайно пріятно, такъ какъ голосъ ея былъ нѣженъ. Мотивовъ было много. Пѣніе было до крайности заунывно, иногда оно переходило какъ бы въ плачъ. Эти переходы отъ бурной пляски, отъ громовыхъ ударовъ бубна къ нѣжнымъ мелодіямъ пѣнія производили очень сильное впечатлѣніе. По временамъ, Найдынъ издавала также какіе-то свистящіе, шипящіе и гортанные звуки, или подражала ржанью лошади и кукованью кукушки — это, по объясненію окружающихъ насъ, должно было изображать прибытіе духовъ, подвластныхъ Найдынъ и вызванныхъ камланьемъ ея. Камланье въ юртѣ было закончено камланьемъ подъ открытымъ небомъ. Надо отдать справедливость Найдынъ, — она хорошо поняла сценическій эффектъ этой послѣдней сцены. Представьте себѣ снѣжную полянку подъ высокими деревьями; луны нѣтъ, но звѣзды даютъ достаточно свѣту; противъ дверей юрты держали подъ узду бѣлую лошадь, передъ мордой которой на треножникѣ курился можжевельникъ; между конемъ и юртой постланъ войлокъ, и мать шаманки сдѣлала коню поклонъ и обрызгала его чѣмъ-то, затѣмъ вышла сама утагана, медленно направилась къ коню и начала бить въ бубенъ. Лошадь храпѣла, но не рвалась; очевидно, она уже привыкла къ этому. Затѣмъ Найдынъ отступила отъ коня, все время не переставая бить въ бубенъ, и вошла въ юрту задомъ, очевидно, желая этимъ выразить почтительное отношеніе къ коню, или, можетъ быть, къ тому, кто невидимо присутствуетъ тутъ, по ея представленіямъ. Въ юртѣ она опять обошла вокругъ очага, направилась къ ереню, и послѣ камланія передъ нимъ начала бросать свою орбо въ колѣни присутствующимъ при камланьи людямъ. Каждый, кому оно брошено, беретъ его въ руки, прикладываетъ въ знакъ почтенія ко лбу и подаетъ снова Найдынъ; она снова поколотитъ въ бубенъ и снова броситъ, не прерывая пѣнія, не выказывая никакого участія, какъ будто дѣйствуетъ во снѣ. Каждый, подавая орбо, произноситъ *ойо* или *торакъ*, судя по тому, верхней или нижней своей стороной упала къ нему въ колѣни орбо. То, что поется во время этого бросанья, и есть предсказанье судьбы. Эти предсказанія, повидимому, старинныя, но въ нихъ Найдынъ, или вообще камъ, болѣе или менѣе искусно, судя по таланту, вставляютъ свои импровизаціи, сообразно съ обстоятельствами. Иногда человѣкъ въ это время задаетъ каму вопросы, и послѣдній импро-

визируетъ отвѣты. Найдынъ бросала свое орбо всѣмъ, не обходя никого, даже дѣтямъ, и всѣмъ по порядку. Въ отличіе отъ монгольскихъ шамановъ, урянхайскіе кружатся по солнцу. Обойдя всѣхъ, Найдынъ опять стала передъ еренемъ, т.-е. передъ шнуромъ съ джаламой, и здѣсь мать и братъ стали снимать съ нея камское платье; въ это время она корчилась и стонала и въ то же время не переставала тихонько напѣвать; успокоилась она только тогда, когда все шаманское сняли съ нея; она имѣла видъ человѣка только-что проснувшагося и опрыскилась уже послѣ сильной понюшки табаку и чашки чаю, которую ей подали. Видъ у всѣхъ камовъ, и мужчинъ и женщинъ, такой, какой бываетъ у людей съ сильными страстями: морщины показываются рано и бываютъ глубоко врѣзаны, глаза почти у всѣхъ имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное, они какъ бы больше блестятъ, по крайней мѣрѣ, это бываетъ замѣтно въ дни камланій. Намъ всегда почти приходилось наблюдать камовъ въ дни, назначенные уже для камланья, опредѣленные разъ на-всегда; а всѣ камы, говорятъ, чувствуютъ особое нервное возбужденіе, когда наступаетъ время камланья; съ ними даже случаются болѣзненные припадки въ родѣ падучей, если они удерживаются отъ камланья. Урянхайскіе камы совершаютъ обязательныя камланья 9-го, 19-го и 29-го числа каждаго мѣсяца. Можно и нарочно пригласить кама камлать, напр., по случаю болѣзни, или ради освѣщенія новаго домашняго *онюна*.

Все пѣніе Найдынъ и другихъ урянхайскихъ шамановъ, даже и тѣхъ, которые въ обыкновенной жизни уже говорятъ монгольскимъ языкомъ, совершается, какъ бы для большой торжественности, на языкѣ урянхайскомъ или, какъ въ этомъ случаѣ говорятъ иные монголы, на *уйгурскомъ*. Впослѣдствіи намъ перевели нѣкоторые отрывки изъ того, что пѣла Найдынъ во время своего камланья.

Вначалѣ она обращалась къ змѣѣ:

„Златоглавая моя змѣя Амырга! Пьющая воду изъ вершинъ рѣкъ! Шагающая по вершинамъ горъ“!

Дальше она пѣла:

„Лѣвой рукой держусь я за радугу, правой — за небо. Тѣло мое велико, какъ гора, сердце мое крѣпко, какъ *кишечило* (надмогильный камень). Шуба моя изъ лохмотьевъ, пища моя горька, какъ сосновая смола“.

Съ урочища Модонъ-Обо мы любовались видомъ, который былъ великолѣпенъ. Большая долина Енисея видна верстъ на десять; она тянулась съ востока на западъ. Вдали, на противоложномъ берегу, опять высились

скалистыя горы. Отъ нашей стоянки у подножія Танну-Олы до Енисея было верстъ двадцать; воды въ рѣкѣ намъ не было видно за береговымъ уступомъ, но линія рѣки обозначалась густымъ тополевымъ лѣсомъ; долину Енисея мѣстами перерѣзывали рѣчки, сбѣгавшія съ Танну-Олы; ихъ берега тоже окаймлялись кустарниками тальника и, главнымъ образомъ, облепихи (Hippophae rhamnoides); деревья были уже въ осеннемъ яркожелтомъ уборѣ.

Ближе къ склонамъ горы находились пашни, раздѣленныя канавами. Просо, которое здѣсь сѣятъ, было вездѣ почти снято. Налѣво продолженіе долины скрывалось отъ горъ холмами, направо, по берегамъ Енисея, мѣстами выступали причудливыя, отдѣльно стоящія скалы, иныя ихъ нихъ были бѣлыя и очень украшали ландшафтъ.

Мы шли на востокъ то у самой воды, то обходя скалы и поднимаясь на береговую террасу. Рѣка имѣла очень красивый и внушительный видъ. Улукемъ здѣсь очень широкъ, и воды его несутся быстро, но онъ очень пустыненъ. За все время, которое мы двигались около рѣки, мы только разъ видѣли какихъ-то урянхайцевъ, плывшихъ внизъ на плотѣ.

Рѣка достигаетъ здѣсь ста саженъ или даже больше; по ней много острововъ. Два раза въ годъ, весной и затѣмъ въ концѣ лѣта, въ Улукемѣ воды прибываютъ, и тогда онъ несется съ бѣшеной быстротой, иногда смываетъ цѣлые острова и намываетъ новые. По берегамъ Улукема встрѣчаются тополевыя рощи, деревья бываютъ въ нѣсколько обхватовъ толщины; луга иногда покрыты высокой травой. По верхней террасѣ встрѣчались мѣста степныя, т.-е. росъ ковыль, высокій злакъ *джису* (Lasiagrostis splendens) и мелкія солянки. Между послѣдними было много такихъ, которыя образовали *перекати-поле*, облѣплявшее придорожные кусты. Въ одномъ мѣстѣ этихъ оторвавшихся отъ корней растеній было такъ много, что караванъ брелъ по ихъ сѣрымъ массамъ, точно по водѣ.

26-го сентября мы дошли до рѣки Елешъ. По всей дорогѣ не было урянхайскихъ жилищъ; только разъ мы встрѣтили веселый поѣздъ, — молодые люди и молодыя дѣвушки ѣхали на свадьбу. Всѣ они были нарядно одѣты, но ихъ костюмъ на этотъ разъ не отличался отъ монгольскаго; яркія атласныя шляпы были, очевидно, куплены въ улясутайскомъ китайскомъ магазинѣ. Веселыя, румяныя лица дѣвушекъ, ихъ бойкій смѣхъ, нѣкоторое заигрыванье съ молодежью нашего каравана очень понравилось намъ; видно было, что онѣ на своихъ скакунахъ чувствовали себя совершенно безопасными, и дѣйствительно, перекинувшись двумя, тремя фразами и посмѣявшись, онѣ унеслись, какъ вѣтеръ, въ боковое ущелье долины.

Рѣку Елешъ мы перешли въ бродъ, воды было только по стремя. На этой рѣкѣ мы нашли русскій домъ и русскихъ людей. Тутъ жилъ уже девять лѣтъ старикъ, приказчикъ купца Весенкова. Его хозяинъ вывозилъ соль изъ озера, которое лежитъ нѣсколько выше, ближе къ горамъ Танну-Олы, скупалъ урянхайскій скотъ и пушной товаръ, а урянхайцамъ продавалъ русскіе товары. Отъ этого приказчика мы узнали, что нѣсколько далѣе по нашей дорогѣ есть еще русскій домъ, гдѣ живетъ минусинскій купецъ Сафьяновъ.

Мы были очень рады встрѣтить русскихъ людей и мечтали о разныхъ русскихъ удобствахъ жизни — о печеномъ хлѣбѣ, русскихъ щахъ, банѣ и т. под.

Слѣдующая наша ночевка была уже у Сафьяновыхъ. Трудно описать то удовольствіе, которое испытываешь, когда, послѣ долгихъ лишеній, вновь пользуешься привычнымъ комфортомъ. У Сафьянова совсѣмъ русскій домъ. Отдохнувъ тутъ одинъ день, мы двинулись въ дальнѣйшій путь, далеко не легкій, какъ оказалось впослѣдствіи; онъ лежалъ по мѣстности, совершенно лишенной дорогъ.

Въ восьми верстахъ выше Сафьяновскаго дома, въ Улукемъ впадаетъ съ сѣвера рѣка Бейкемъ. Собственно Улукемъ, или что тоже Енисей, имѣетъ двѣ вершины, почти равныя по своей величинѣ: Бейкемъ и Хакемъ; обѣ эти рѣки протекаютъ по очень горной странѣ, имѣютъ много притоковъ и многоводны, но, вслѣдствіе пустынности страны, имѣютъ мало значенія въ настоящемъ. *Кемъ* по-урянхайски значитъ рѣка, Улукемъ — большая рѣка.

Отъ сліянія двухъ кемовъ мы пошли къ югу, такъ какъ берегомъ Хакема, южной вершины, идти было нельзя, — мѣшали *бомы*, т.-е. скалы, подходящія къ водѣ, не оставляя на берегу дороги.

Дойдя до значительной рѣчки Буренъ, гдѣ, какъ мы узнали, жилъ начальникъ здѣшнихъ урянхайцевъ *Огурда*, у котораго намъ нужно было выпросить проводниковъ, мы послали Огурдѣ съ казакомъ подарки: дешевое ружье, карманные часы и нѣсколько мелочей; Огурда пріѣхалъ къ намъ самъ; это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ шляпѣ съ павлинымъ перомъ и въ китайской курмѣ поверхъ халата; съ нимъ явились и два его помощника. Разговоръ мы поддерживали съ трудомъ, хотя Огурда держалъ себя просто, безъ спѣси; только выпитый пуншъ сдѣлалъ гостя нѣсколько болѣе разговорчивымъ. На другой день онъ прислалъ намъ отвѣтные подарки: блюдо очищенныхъ кедровыхъ орѣховъ, блюдо овечьяго сыра,

два куска шелковой матеріи и кусокъ бумажной синей далимбы. Съ этими подарками къ намъ явились два сына Огурды; одинъ, лѣтъ 18, былъ лама, другой, наслѣдникъ его княжескаго достоинства, лѣтъ 14; послѣдній не умѣлъ говорить по-монгольски и былъ очень застѣнчивъ. Молодые люди показали намъ свою удаль, ловкость и рѣзвость своихъ скакуновъ.

Нѣсколько дней спустя, мы были въ гостяхъ у одного изъ урянхайскихъ чиновныхъ лицъ. Юрта у него была большая, полъ въ ней густо выстланъ кошмой, кругомъ были деревянныя кушетки для спанья и шкафы для посуды. Обстановка казалась болѣе богатой, чѣмъ мы обыкновенно встрѣчали. Жены у него не было, хозяйничали двѣ дочери, одна изъ нихъ была невѣстой. Угощеніе состояло изъ монгольскаго чая, къ которому подавали жареное просо и сыръ. Угощали чиновниковъ также и водкой, но немногіе русскіе съ охотой пьютъ эту молочную водку. Мы привезли съ собой, въ видѣ гостинцевъ, сахару и русской водки и нѣсколько мелочей: ножницъ, зеркалецъ и т. под. Хозяину такъ понравилась наша водка, что онъ, отпустивъ нашъ караванъ, черезъ полчаса снова догналъ насъ и упрашивалъ дать ему еще бутылку, въ обмѣнъ которой подарилъ намъ нѣсколько аршинъ дешевой шелковой сырцовой матеріи. Урянхайскіе и монгольскіе князья получаютъ шелковыя и бумажныя матеріи отъ пекинскаго двора въ отвѣтъ на ихъ *новогодніе* подарки богдыхану, и у нихъ накопляется ихъ много.

Огурда Майдоре сильно отговаривалъ насъ идти по намѣченной нами дорогѣ. По его словамъ, намъ съ верблюдами будетъ трудно пройти, потому что дорога горная, лѣсистая, и на ней безчисленное множество перевaловъ. Однако рѣшено было идти по этой дорогѣ, и Огурда далъ намъ двоихъ проводниковъ.

II.

Дальнѣйшій путь.— Анджанъ-Хорумъ.— Трудности дороги.— Мученія верблюдовъ.— Наше времяпровожденіе.— Гибель верблюдовъ. — Холодъ. — Удобства урянхайскаго костюма.—Земля дархатовъ.—Зимній путь.—Страданія отъ холода.—Отмороженныя ноги.—Долина Шишкитъ.—Русская заимка Посылина.—Оз. Косоголъ и Мунку-Сардыкъ.—Общія впечатлѣнія урянхайской жизни.—Сношенія русскихъ съ урянхайской землей.

Въ вершинахъ рѣки Буренъ виднѣлись высокія горы Анджанъ-Хорумъ, отрогъ Танну-Олы. Съ большимъ трудомъ перебрались мы здѣсь черезъ рѣку, которая была глубока и имѣла саженей 15 ширины; затѣмъ, пере-

валивъ черезъ горы Таудукъ, мы снова спустились къ берегамъ главной рѣчки Хакема. Рѣка здѣсь уже не походила на Улукемъ, — вмѣсто тихой и покойной она приняла видъ бурнаго потока, который несъ свои воды, разбиваясь о выдающіеся изъ воды камни. Долина въ этомъ мѣстѣ расширилась и имѣла саженей 50 ширины; она была завалена обломками скалъ, свалившихся съ боковыхъ горъ, и упавшими деревьями, что очень затрудняло нашъ путь. Неожиданно намъ пришлось простоять тутъ цѣлый день. Ночью выпалъ снѣжокъ, утро было ясное и морозное. Рабочіе стали ловить лошадей; между ними была одна, которая, чтобы избѣжать аркана и укрюка, кинулась въ рѣку и переплыла на ту сторону; примѣръ ея оказался заразителенъ: за ней бросились и другія лошади. Плыть за ними по холодной, какъ ледъ, водѣ и черезъ незнакомую рѣку никто не рѣшался. Казаки, которые были съ нами, принялись тотчасъ же дѣлать изъ валежника плотъ, на которомъ двое изъ нихъ, вооружившись шестами, переплыли на другую сторону, лошадей вернули, но на всю эту возню ушло много времени, и мы рѣшили остаться до слѣдующаго дня.

Подобныя задержки и необходимость собственными силами прокладывать дорогу въ краѣ сдѣлали то, что пространство верстъ въ 300—400 мы шли впродолженіи двухъ мѣсяцевъ. Описывать нашъ путь день за днемъ я не буду. Несмотря на разнообразіе отдѣльныхъ картинъ, въ общемъ все было до-нельзя однообразно. Обыкновенно подъемъ по лѣсистой сторонѣ горы, обращенной къ сѣверо-западу, и затѣмъ — спускъ по южному склону, который покрытъ травой. Въ этой части страны намъ начала встрѣчаться высокая береза. На рѣчкѣ Ирцыхъ насъ поразило особенное явленіе: березы здѣсь росли часто и были очень тонкоствольны и высоки, между ними было множество деревьевъ, образовывавшихъ арки; вершина дерева низко опускалась, у иныхъ деревьевъ до земли, лѣсъ представлялъ такимъ образомъ множество арокъ; мы объяснили это тѣмъ, что снѣга бываютъ здѣсь очень обильны, и падая на верхушки деревьевъ, склоняютъ ихъ.

9-го октября мы начали подниматься на горы Анджанъ-Хорумъ, которыя въ вершинахъ своихъ имѣли бѣлокъ. Ночью шелъ снѣгъ и сдѣлалось тепло; тропинка была узкая, проложенная по крутому косогору, заросшему густо лѣсомъ. Верблюды не могли иногда проходить подъ деревьями, задѣвая за ихъ вѣтви вьюками, и тогда мы должны были срубать деревья; обходить ихъ было нельзя, потому что верблюды не могли удержаться на косогорѣ; часто они падали и на тропинкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подъ молодымъ снѣгомъ былъ ледъ. Иногда, когда на тропинкѣ былъ

чистый ледъ, его приходилось рубить или посыпать обледенѣлыя мѣста пескомъ. Несмотря на всѣ мѣры, случалось, верблюдъ скользилъ и падалъ на бокъ и катился внизъ по косогору до тѣхъ поръ, пока какое нибудь препятствіе, въ видѣ камня или дерева, не останавливало его. Смотрѣть на маету съ верблюдами, на мученія этихъ кроткихъ, безропотныхъ животныхъ (не знаю, почему ихъ считаютъ упрямыми,—упрямятся они только тогда, когда отъ нихъ требуютъ чего-нибудь совсѣмъ неподходящаго или когда они потеряли силы) было ужасно тяжело и скучно. Изъ лагеря мы обыкновенно выступали рано; намъ подавали осѣдланныхъ лошадей.

Послѣ нашего труднаго подъема на горы Анджанъ-Хорумъ, намъ пришлось отдыхать цѣлыхъ три дня, потому что 10-го и 11-го октября падалъ густой снѣгъ; онъ покрылъ горы кругомъ глубокимъ ковромъ и закрылъ всѣ даже высокія травы, что было очень плохо для нашихъ животныхъ, въ особенности овецъ. Горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, были такъ однообразно круты, что мы едва-едва выбрали мѣстечко для лагеря, да и то полъ въ палаткѣ нашей былъ настолько покатъ, что дрова, разложенныя посрединѣ, скатывались къ порогу отъ очага; надо было постоянно слѣдить за головнями, чтобы они не раскатились и не надѣлали пожару. 11-го числа наши „нойоны“ *), т.-е. мужъ мой и топографъ Орловъ, рѣшили поѣхать впередъ и осмотрѣть спускъ, который имъ предстояло сдѣлать. Проводники говорили, что онъ будетъ очень труденъ. „Нойоны“ возвратились съ осмотра дороги и нашли спускъ хотя крутымъ, но не невозможнымъ; они оставили провожавшихъ ихъ казаковъ рубить лѣсъ на узкихъ мѣстахъ, безъ чего нельзя было пускаться въ путь, и послали изъ лагеря еще двухъ человѣкъ съ топорами и лопатами для расчистки дороги; эти рабочіе вернулись вечеромъ и объявили, что имъ хватитъ работы еще на день, и мы простояли еще сутки, пока нашъ передовой отрядъ расчищалъ дорогу. Обыкновенно, вечера дневокъ были веселѣе; къ намъ въ юрту приходили Орловъ и его помощникъ юнкеръ. Г. Орловъ много на своемъ вѣку странствовалъ, и ему было о чемъ разсказать, а юноша занимался предположеніями „что-то теперь дѣлается въ Омскѣ“, гдѣ находились его товарищи и семья.

На другой день, несмотря на расчистку дороги, рѣшено было вьючить только самыхъ крѣпкихъ верблюдовъ, а остальные вьюки разложить на лошадей; всѣ люди шли пѣшкомъ, только мнѣ, на всякій случай, засѣд-

*) „Нойонами“ монголы и урянхайцы называютъ начальниковъ, чиновниковъ.

лали лошадку. Во весь этотъ день мы сдѣлали не больше десяти верстъ, хотя нѣкоторые верблюды все-таки пробыли подъ вьюками 12 часовъ сряду, и на ночлегъ пришли уже совсѣмъ ночью. Спускъ былъ по гребню, и у самой тропинки лежалъ откосъ, саженей въ десять, совершенно открытый, безъ деревьевъ, и лишь дно ущелья было покрыто деревьями, колодами и болотами; упасть здѣсь было опасно, однако, къ вечеру безъ этого не обошлось, и два верблюда свалились-таки на дно оврага; усталые люди уже не полѣзли за ними и оставили ихъ на произволъ судьбы до утра. Въ этотъ день я хоть и брела все время вмѣстѣ съ нашимъ караваномъ по глубокому снѣгу, ведя въ поводу коня и отдыхая на каждой полянѣ, но къ вечеру не выдержала и ушла впередъ, расчитывая, что находившійся впереди караванъ Орлова пришелъ на мѣсто, и у нихъ раскинута палатка. Дѣйствительно, я застала ихъ общество за чаемъ. Впослѣдствіи я часто пользовалась ихъ гостепріимствомъ, опережала своихъ и подъѣзжала пить чай къ ихъ палаткѣ, тогда какъ мой мужъ и г. Андріановъ, бывшій въ то время съ ними, никогда не оставляли каравана, стараясь ободрять людей личнымъ присутствіемъ при всѣхъ невзгодахъ. Слѣдующій день мы опять стояли, такъ какъ надо было выручить упавшихъ верблюдовъ и дать отдыхъ остальнымъ. Во время слѣдующаго перехода по долинѣ рѣки Джибей мы видѣли жилища урянхайцевъ „*алянчики*“, сложенныхъ конусовъ изъ бревенъ. Дорога теперь была ровнѣе, намъ не приходилось взбираться на высокія горы и мы шли по долинамъ рѣчекъ; тутъ встрѣчались затрудненія другого рода: иногда рѣчка имѣла забереги — очень высокіе ледяные карнизы, и середина рѣки еще не замерзла, тогда приходилось прыгать съ этихъ карнизовъ въ воду и снова заскакивать на противоположный ледяной берегъ; лошади это могли дѣлать, но для вьючныхъ верблюдовъ въ такихъ случаяхъ приходилось обрубать забереги, размельчать ледяные осколки, посыпать этотъ ледъ пескомъ и тогда проводить по нему, или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчки еще не замерзли, набрасывать на ихъ грязные или болотистые берега рубленыя вѣтви, потому что верблюды вязли въ грязи. На одномъ изъ такихъ переходовъ, вставъ утромъ, мы увидѣли двухъ своихъ верблюдовъ мертвыми. Они, повидимому, замерзли, по крайней мѣрѣ, они имѣли такой видъ. Гибель этихъ верблюдовъ наводила на мысль, что и другіе тоже могутъ издохнуть, и въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы зимовать, питаясь остатками нашихъ лошадей, изъ которыхъ, впрочемъ, только одна (избѣгавшая всю дорогу ловли) была жирна, чѣмъ возбуждала аппетитъ у людей, которымъ надоѣли наши тощіе бараны. Было

рѣшено, что при первой же нуждѣ въ продовольствіи непокорный савраска будетъ подстрѣленъ и пойдетъ на ѣду. Скоро и нѣкоторыя лошади начали отставать, особенно взятыя изъ Россіи; иногда ослабѣвшимъ давали понемногу мучной болтушки, но муки и для людей было мало, — мы уже начали, вмѣсто лепешекъ, съ чаемъ пить *затуракъ*, т.-е. чай, подправленный мукой и масломъ, и стали покупать у урянхайцевъ, если находили у нихъ, корешки мяхира (Polygonum riviparum), растенія гречиховаго семейства. Впрочемъ, урянхайцевъ мы встрѣчали очень рѣдко. Въ нашей юртѣ не чувствовалось особеннаго нетерпѣнія и скуки; гораздо тяжелѣе было гг. топографамъ; они должны были къ зимѣ возвратиться въ Омскъ, гдѣ у обоихъ оставались семьи; о нихъ могли безпокоиться, не получая никакихъ извѣстій. Это обстоятельство и неудобство дѣлать съемку зимой, проѣзжая по лѣсистой странѣ, или на днѣ глубокихъ долинъ, отнимало у нихъ энергію. Въ нашей же юртѣ по вечерамъ было даже весело; насъ никто не ждалъ,—г. Андріановъ тоже былъ человѣкъ одинокій. Вечеромъ къ намъ приходилъ обыкновенно молодой урянхаецъ — сказочникъ и разсказывалъ намъ сказки; нашъ переводчикъ-алтаецъ передавалъ сказку по-русски, а мужъ мой записывалъ ее. Къ ночи въ юрту приносили обыкновенно дровъ и растопки, но ночью не держали огня; отъ холода мы спасались, залѣзая въ кошемный мѣшокъ, а растопка нужна была къ утру, потому что мужъ мой обыкновенно вставалъ раньше всѣхъ въ лагерѣ и, храбро выскочивъ на морозъ изъ-подъ теплаго одѣяла, прежде всего зажигалъ костеръ въ юртѣ, затѣмъ уже будилъ алтайца Ивана, на обязанности котораго лежало грѣть намъ чай; потомъ, когда огонь въ юртѣ нагрѣвалъ воздухъ, вставала я, послѣ всѣхъ — Андріановъ; начиналось чаепитіе и сборы въ дорогу.

Во время нашихъ странствій мы пришли къ мысли, что собственно всѣмъ путешественникамъ слѣдовало бы носить туземное платье или, по крайней мѣрѣ, обувь, конечно, приспособляя это платье къ нашимъ привычкамъ. Во время переходовъ по урянхайскимъ трущобамъ мы нашли, что нѣтъ ничего лучше урянхайскихъ сапоговъ, сдѣланныхъ изъ шкуры съ ногъ оленя или дикаго козла. Ихъ мелкая гладкая шерсть рѣшительно не пропускала сырости, и ноги очень легко было вытаскивать, какъ бы глубоко ни приходилось брести по снѣгу; сапоги эти чаще всего дѣлались выше колѣнъ и поддерживались ремешками, прикрѣпленными къ поясу; подъ колѣнками ихъ затягивали пряжкой, чтобы они плотнѣе облегали ногу. Сапоги эти собственно имѣютъ видъ чулка, и потому въ нихъ можно

съ большимъ удобствомъ лазить по самымъ страшнымъ тропинкамъ, какъ вверхъ по горѣ, такъ и внизъ, тогда какъ сапогъ съ каблукомъ иногда очень затрудняетъ при спускахъ. Шубы мы, конечно, новыя не заводили,— каждый довольствовался тѣмъ, что есть, но онѣ волей судьбы тоже превратились въ урянхайскія, — вслѣдствіе лѣсистыхъ дорогъ и отдыховъ у пылающихъ дровъ, онѣ у всѣхъ поизодрались, а по-монгольски всякая изодранная шуба называлась *урянхайской шубой—урянха девиль*. 29 октября мы пришли на озеро Терьхуль, гдѣ должны были смѣнить вожаковъ.

Сначала шли внизъ по рѣкѣ Хоргѣ, которая еще не вся замерзла; по рѣкѣ росъ густой лиственичный лѣсъ, изрѣдка здѣсь стали встрѣчаться ели, и изъ кустарниковъ появилась карагана *). Монгольское названіе „верблюжій хвостъ“ очень идетъ этому растенію. Карагана эта растетъ, обыкновенно, однимъ тонкимъ стволомъ и чаще всего не выше фута высоты, причемъ немного сгибается, по стволу она густо усажена иглами свѣтло-коричневаго цвѣта, иглы эти мягки, тонки и прижаты къ стволу, почему и напоминаютъ шерсть на хвостѣ верблюда. Почти весь годъ растеніе стоитъ безъ листьевъ и своимъ сѣровато-коричневымъ цвѣтомъ дополняетъ сходство; лишь на очень короткое время лѣтомъ покрывается мотыльковыми цвѣтами нѣжнаго цвѣта чайной розы, причемъ появляется немного и листьевъ. Здѣсь этотъ верблюжій хвостъ достигаетъ высоты человѣческаго роста и слегка вѣтвится, т.-е. вмѣсто одной вѣтки имѣлъ двѣ, три, но въ общемъ сохранялъ все тотъ же печальный и оригинальный видъ. Караганъ очень много въ горахъ; наша садовая акація принадлежитъ къ этому же семейству. Здѣсь мы встрѣтили уже давно невиданное нами зрѣлище—это нѣсколько семей урянхайцевъ, перекочевывавшихъ въ долину Хорги съ Терьхулъ; имущество везли на грубыхъ телѣгахъ, запряженныхъ быками, и частью на вьючныхъ быкахъ.

На Терьхулѣ мы стояли, вели переговоры съ здѣшними *дзаніи* (мелкое начальство), взяли новыхъ проводниковъ; купить почти ничего не пришлось; здѣшніе жители очень бѣдный народъ: они охотнѣе давали намъ свои запасы, если бы могли взамѣнъ взять чай, но мы могли имъ дать только серебро, съ которымъ имъ нечего дѣлать. Если бы мы пришли на Терьхулъ лѣтомъ, мы могли бы съ Терьхулъ пройти прямо въ Дархатскій курень, откуда прямая дорога въ Россію; но такъ какъ было уже поздно и горные перевалы были покрыты глубокими снѣгами, то мы должны были

*) Caragana jubata.

идти въ обходъ, направляясь на юго-востокъ, и только на восьмой день, дойдя до рѣки Тезинша, повернули на сѣверо-востокъ, т.-е. къ Россіи. Страна была ровнѣе, не приходилось дѣлать крутыхъ подъемовъ и спусковъ; расчищать дорогу тоже не приходилось. Лѣса уже были только по вершинамъ горъ, а нашъ путь шелъ по открытымъ безлѣснымъ долинамъ отъ дороги къ лѣсу, чтобы имѣть на ночь хорошій костеръ; тамъ, гдѣ не было воды, чай пили и готовили, растаивая снѣгъ.

Дней черезъ семь мы достигли земли дархатовъ, племени, родственнаго урянхайцамъ. Здѣсь было нѣсколько теплѣе, а главное, менѣе снѣжно, и скотъ нашъ могъ теперь не голодать, потому что сквозь снѣгъ все же поля желтѣли травой. Узнавши, гдѣ кочуетъ одинъ изъ правителей дархатскаго народа, мы всѣмъ караваномъ пошли къ нему. *Дарга* *) Одунжанъ, къ которому мы зашли, былъ очень не радъ нашему приходу; нашъ скотъ съѣдалъ траву, которая предназначалась для зимняго продовольствія его скота. Мы понимали его недовольство нами и просили его скорѣе помочь намъ выбраться отъ него дальше. Рѣшено было, что г. Орловъ и г. Алексѣевъ нанимаютъ свѣжихъ лошадей и сейчасъ же отправляются въ Россію, а мы пока перейдемъ на рѣчку Хуху-мора, гдѣ есть трава и солонецъ, въ которомъ такъ нуждались наши усталыя животныя, и здѣсь оставимъ ихъ подъ присмотромъ рабочихъ и нашего переводчика г. Палкина, а сами на-легкѣ выѣдемъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы весной снова пріѣхать сюда и продолжать наше путешествіе.

Было уже пора возвращаться, становилось холодно, термометръ Цельзія часто показывалъ выше 20°; кромѣ того, у г. Адріанова заболѣло горло, и онъ замѣтно утратилъ бодрость. Мы наняли у дархатовъ семь толстыхъ и крѣпкихъ лошадей и, взявши самый необходимый багажъ на двухъ вьючныхъ лошадяхъ, вчетверомъ: мужъ мой, я, г. Адріановъ и нашъ поваръ и переводчикъ алтаецъ, отправились на сѣверъ. Съ нами было два проводника дархатовъ. Наше путешествіе теперь совершенно измѣнило свой характеръ. Палатки съ нами не было, ночевали мы прямо на снѣгу около большаго костра, просыпались рано, пили чай и сейчасъ пускались въ путь. Ѣхать приходилось крупной рысью; я ужасно уставала ѣхать на тряской лошади. Проскакавши рысью часовъ до двухъ дня, мы обыкновенно свертывали съ дороги въ лѣсокъ и останавливались пить чай. На

*) Дархаты управляются тремя выборными начальниками, титулъ которыхъ *дарга*.

этихъ остановкахъ ѣли холодное мясо, или разогрѣвали вынутый изъ мѣшка и замерзшій *мякиръ*, сваренный съ масломъ уже заранѣе передъ путешествіемъ. Съ урянхайцами было замороженное и нарубленное кусками молоко, которое мы клали въ котелъ съ чаемъ. Вьюки мы не разбивали, а только снимали ихъ со спинъ лошадей. Отдохнувши часа два и удивительно, какъ ободрившись чаемъ, мы снова садились на лошадей и ѣхали часовъ до 9 вечера. Тутъ уже доставали кошмы и подушки, варили ѣду, т.-е. баранину, запивали ужинъ чаемъ и затѣмъ укладывались, занимая мѣста вокругъ костра, но стараясь не ложиться на подвѣтренной сторонѣ, потому что искры, которыя всегда летятъ отъ полусырыхъ дровъ, безпрестанно попадали на наши постели и прожигали наши кошмы, одѣяла и шубы. Наблюдать за огнемъ и караулить лагерь и лошадей оставались урянхайцы, а мы всѣ засыпали быстро и очень крѣпко. Было что-то необычайно пріятное въ этихъ ночлегахъ подъ звѣзднымъ небомъ, среди пустыни, правда, съ однимъ только условіемъ, если не было вѣтрено и не шелъ снѣгъ.

Въ ночь съ 15 на 16 ноября намъ пришлось испытать эту непріятность. Утомляясь отъ безпрерывной ѣзды и неудобнаго мѣховаго костюма, я ужасно уставала. Часто я просила, чтобы мнѣ позволили пойти немного пѣшкомъ или хоть бы ѣхать шагомъ; разъ мужъ было согласился на это, и мы отстали съ нимъ отъ прочихъ всадниковъ, но скоро потеряли тропинку и очень испугались: при близорукости насъ обоихъ, намъ трудно было найти потерянную тропинку на однообразной снѣжной полянѣ; съ тѣхъ поръ мужъ не позволялъ мнѣ отставать, несмотря на мои просьбы и жалобы на устатокъ; въ этотъ день, 15-го, къ устатку присоединилось легонькое нездоровье; Адріановъ и Иванъ, не имѣвшіе большихъ шубъ, тоже стали зябнуть; на дневной остановкѣ достали байковое одѣяло и завернули въ него Адріанова, какъ въ пледъ. Лица у всѣхъ насъ въ этотъ день оказались обмороженными. На ночлегѣ вѣтеръ, казалось, затихъ и мы отогрѣлись немного, хотя супъ нашъ замерзалъ на полдорогѣ ко рту. Хотѣли было выпить пуншу, такъ какъ съ нами было немного рому, но бутылку изъ-подъ рому нашли привязанной горлышкомъ книзу и, конечно, уже пустой; было ли это сдѣлано нечаянно или, можетъ, ромъ нашъ и не пропалъ даромъ, осталось, конечно, неизвѣстнымъ, да и мало интереснымъ, разъ бутылка опустѣла. Несмотря на холодъ, укладывались мы спать, обыкновенно снимая съ себя все верхнее платье и оставаясь только въ фланелевыхъ рубахахъ; сапоги выставляли поближе къ костру,

а сами забирались въ кошмы, сшитыя мѣшками для того, чтобы снизу не поддувало. Въ эту ночь къ утру мы съ мужемъ пробудились отъ какихъ-то жалобныхъ криковъ; отъ испуга я вскочила, не принимая предосторожностей, бросилась было къ своимъ сапогамъ, но оказалось, что они были полны снѣга, и я опять должна была спрятать ноги въ мѣшокъ, гдѣ въ это время было уже довольно снѣгу, который я насорила туда, вставая. Мужъ въ это время шелъ на крикъ, который, какъ оказалось, раздавался изъ-подъ кошмы нашего Ивана; у него, бѣднаго, замерзли ноги, такъ какъ мѣшка у него не было, и подъ кошму задувалъ вѣтеръ и нанесло снѣгу. Мужъ сталъ ему оттирать ноги снѣгомъ, затѣмъ пытался раздуть совсѣмъ погасшій за ночь костеръ. Снѣгъ запорошилъ его и мокрыя дрова никакъ не хотѣли загораться. Урянхайцевъ не было: они ушли, какъ оказалось послѣ, собрать разбѣжавшихся отъ непогоды лошадей. Наконецъ, одинъ изъ нихъ явился, нашелъ дуплистое дерево и изнутри его добылъ сухихъ растопокъ, костеръ запылалъ. Иванъ могъ отогрѣть свои ноги; мужъ вытрясъ снѣгъ изъ моихъ сапогъ и положилъ ихъ сушить; въ своемъ усердіи онъ хотѣлъ также приготовить и чай для насъ; онъ набилъ чайникъ снѣгомъ и повѣсилъ его надъ огнемъ, но черезъ нѣсколько времени послышалось легкое паденіе какого то тѣла и шипѣнье; это былъ нашъ чайникъ, — одной порціи снѣга было слишкомъ мало, чтобы наполнить его водой. Обогрѣвшійся къ этому времени Иванъ сталъ варить чай въ кострюлѣ изъ-подъ супа. Скоро всѣ мы бодро боролись съ дорожными невзгодами. Неудачно начатый день и продолжался плохо,— было вѣтрено; ѣхать намъ приходилось по открытой мѣстности; въ этотъ день мы поднялись на Оленъ-дабанъ и съ него должны были спуститься въ Шишкитскую долину, открывавшую путь въ Россію. Долина Шишкитъ—ровная, просторная; справа видны горы, изъ ихъ ущелій на равнину выходятъ лѣса и тянутся по ней полосами. Въ одномъ изъ этихъ лѣсовъ мы, къ удивленію своему, слышали звонъ колокольчика, какъ будто ѣхала русская повозка. Къ вечеру въ этотъ день мы проѣхали мимо дархатскаго куреня; этотъ ламайскій монастырь обнесенъ деревянными стѣнами, имѣетъ кумирни и амбары, построенные изъ бревенъ, а монахи живутъ въ войлочныхъ юртахъ. Проѣхавши монастырь, мы подъѣхали къ какимъ-то постройкамъ и узнали, что это-то и есть заимка г. Посылина, русскаго купца, къ которому мы направлялись. Трудно передать вамъ мою радость,— въ этотъ день я едва сидѣла въ сѣдлѣ, и здѣсь же открылось, что колокольчики, которые мы слышали, принадлежали лошадямъ въ саняхъ, ко-

корыя г. Посылинъ высылалъ было намъ на-встрѣчу, узнавши отъ г. Орлова, что мы должны пріѣхать. Кучеръ, не дождавшись насъ, воротился назадъ. А ужъ какъ бы это было кстати!..

Посылины жили въ юртѣ, онъ, его жена и сестра, но на дворѣ была деревянная кухня и большой амбаръ. Намъ, давно уже не видавшимъ ничего порядочнаго, юрта эта показалась дворцомъ. Дѣйствительно, вѣрно, у самого Чингисхана не было такой юрты. Стѣны ея были изъ двойныхъ войлоковъ; въ верхнее круглое отверстіе были въ его юртѣ вставлены цвѣтныя стекла, а въ середину между стеколъ была пропущена труба отъ желѣзной круглой печи, поставленной въ центрѣ юрты; полъ выстланъ досками и затѣмъ войлоками, кругомъ стѣнъ лавки, прерываемыя по мѣстамъ постелями и столами; на лавкахъ были ковры, на столахъ—салфетки. Все это было чисто и казалось мнѣ даже необыкновенно нарядно и красиво. Радушные хозяева уговорили насъ пробыть у нихъ сутки, чему мы были очень рады. Нечего и говорить о томъ, какъ рады мы были отдохнуть отъ своей скачки по снѣжнымъ равнинамъ. За-то на другой день я едва могла принудить себя снова сѣсть въ сѣдло. Кромѣ утомленія отъ быстрой ѣзды, я стала страдать на переѣздахъ и остановкахъ отъ вѣтреной погоды, которая стояла въ эти послѣдніе дни нашего путешествія.

Проѣхавъ еще два дня по направленію къ сѣверу, мы увидѣли, наконецъ, озеро Косоголъ; намъ былъ видѣнъ отсюда только его сѣверный конецъ, за которымъ поднимался величественный бѣлокъ Мунко-Сардыкъ; отъ главнаго пика въ обѣ стороны протянулись двѣ другія, болѣе плоскія вершины. Дорога шла по террасѣ, которая круто обрывалась надъ водой; обрывъ былъ сажени въ три высотой; по террасѣ росли большія деревья, снѣгу здѣсь почти не было. Терраса къ сѣверу расширилась и была версты двѣ шириной. До сѣвернаго берега доѣхали уже къ вечеру и на ночлегъ поднялись вверхъ. Берегомъ озера мы ѣхали два дня и только 22 ноября поднялись на очень плоскій перевалъ и долго ѣхали степью, гдѣ снѣгу почти не было: озеро осталось позади; скоро мы перестали видѣть и величественный Мунко-Сардыкъ съ этой высокой степи; по крутой и лѣсистой долинѣ спустились въ мѣстности Мо̀нъ, глѣ живутъ уже русскіе буряты; рѣки отсюда уже текутъ въ Иркутъ. Наше путешествіе по урянхайской землѣ было окончено. Мы отпустили своихъ дархатовъ, возчиковъ. Переночевавъ въ послѣдній разъ въ бурятской юртѣ на Мо̀нѣ, 23-го мы уже пріѣхали къ ночи въ казачій поселокъ, откуда поѣхали въ саняхъ въ Иркутскъ.

Проведя въ странѣ больше двухъ мѣсяцевъ, мы хотя и мало сталкивались

съ населеніемъ, все же изъ наблюденій и разсказовъ не могли не вынести нѣкотораго представленія о народѣ.

Урянхайцы бѣдны и, что еще хуже, они неравномѣрно бѣдны; между ними замѣчается рѣзкая имущественная разница: есть богачи и въ то же время многіе буквально ничего не имѣютъ, живутъ въ бревенчатыхъ шалашахъ—*алянчикахъ*, покрытыхъ древесной корой, и питаются лишь тѣмъ, что добудутъ на охотѣ или въ лѣсу: кореньями, орѣхами, лиственичной корой. Многіе проживаютъ всю жизнь, не обзаведясь семьей. Намъ случалось заглядывать въ алянчики такихъ звѣролововъ. Часто трудно рѣшить,—жилой онъ или оставленный; иногда вся домашняя утварь состоитъ изъ сшитыхъ изъ бересты корытецъ, употребляемыхъ при ѣдѣ, да желѣзнаго котелка, который владѣльцемъ иногда носится съ собой, чтобы служить ему во время охоты. Князья же урянхайскіе живутъ богато; ихъ окружаетъ многочисленная челядь, и въ ихъ сундукахъ скопляются дорогіе уборы и бездѣлушки изъ нефрита, сердолика, лапись-лазули и другихъ цѣнимыхъ ими камней въ нѣсколько сотъ рублей. Ихъ любимое времяпровожденіе—игра въ шахматы, причемъ проигрываютъ иногда цѣлые табуны лошадей.

Нравы урянхайцевъ суровы и жестоки. Воровство считается у нихъ удалью, особенно воровство лошадей, и хотя наказанія, которымъ подвергаются пойманые воры, жестоки, они мало помогаютъ. Намъ разсказывали, что нерѣдко народъ на выборныя должности свои назначаетъ всѣмъ извѣстныхъ конокрадовъ, даже иногда перенесшихъ жестокую кару за это дѣло. Человѣкъ, съ честью, т.-е. не выдавая участниковъ, перенесшій наказаніе, пользуется почетомъ.

Въ настоящее время такія воинственныя наклонности и поведеніе урянхайцевъ должны уступить мѣсто другимъ порядкамъ. Китайская власть иногда вмѣшивается въ международныя распри и, защищая подчиненныхъ ей монголовъ, на которыхъ по преимуществу нападаютъ урянхайцы, накладываетъ тяжелыя контрибуціи за воровство, не разбирая, кто виноватъ и не отыскивая настоящаго вора. Русскіе тоже не оставляютъ воровства сосѣдей-урянхайцевъ безнаказанными и жалуются на нихъ китайскому правительству; конокрадство и контрибуціи, конечно, еще больше разоряютъ и безъ того бѣдный народъ. Но въ то время, какъ китайцы отгораживаютъ свои владѣнія отъ урянхайцевъ военными пикетами и строго запрещаютъ урянхайцамъ переходить въ предѣлы Монголіи, наши русскіе купцы и крестьяне по-немногу проникаютъ въ урянхайскій край, заводятъ тамъ торговлю, строятъ заимки и распахиваютъ ихъ землю подъ пашни. Сначала урянхайцы встрѣ-

чали эти попытки враждебно, обворовывали русскихъ при всякомъ случаѣ и даже сопротивлялись силой, но теперь ихъ отношенія къ русскимъ стали совсѣмъ мирны, и мы замѣчаемъ быстрые успѣхи нашего сближенія, сближенія мирнаго, естественно вырабатываемаго самой жизнью на почвѣ взаимныхъ сношеній и услугъ. Въ прошломъ году урянхайскую землю посѣтилъ одинъ изъ учителей народной школы Минусинскаго округа, съ исключительной цѣлью помочь урянхайскому населенію, страдавшему отъ оспенной эпидеміи, привитіемъ оспы. Онъ былъ принятъ, какъ лучшій гость, его безпрестанно возили изъ одного улуса въ другой. Лишь недостатокъ лимфы и окончаніе каникулъ заставили его возвратиться. Такія мирныя и благодѣтельныя сношенія, можно думать, поднимуть среди *дикихъ и жестокихъ*, какъ прежде думали, урянхайцевъ, наше значеніе, какъ народа, стоящаго впереди ихъ на дорогѣ къ благамъ жизни и цивилизаціи.

МОНГОЛІЯ и МОНГОЛЫ.

Монголія находится въ Азіи, между нашимъ Русскимъ государствомъ, Китайскимъ и Тибетскимъ. Живутъ въ ней монголы, народъ на насъ не похожій: цвѣтъ кожи у нихъ желтый, скулы выдаются, глаза узкіе, волосы всегда черные и на бородѣ рѣдкіе, а то и вовсе не растутъ.

Страна Монгольская высокая, со всѣхъ сторонъ окружена горами, и въ самой странѣ много горныхъ хребтовъ, иногда такихъ высокихъ, что на вершинахъ ихъ лежитъ вѣчно нерастаивающій снѣгъ. У насъ такія высокія горы есть только на Кавказѣ да въ Сибири, по границѣ съ Монголіей; а тамъ, въ Монголіи, куда ни поѣдешь, все встрѣтишь горы, если не вездѣ высокія, то хотя небольшія.

Рѣкъ въ Монголіи, напротивъ, мало; одна только и есть большая рѣка—Хатунъ-Муренъ или Желтая, какъ мы ее зовемъ. Она своимъ устьемъ впадаетъ въ океанъ, и низовья ея находятся въ Китаѣ. Всѣ другія рѣки не такъ значительны и впадаютъ либо въ озера, либо въ другія рѣки.

Озеръ въ Монголіи много: два самыхъ большихъ, Хуху-норъ и Лобъ-норъ, расположены на границахъ Монголіи и Тибетскаго государства и Туркестана. Вода въ малыхъ озерахъ часто бываетъ соленая, и берега ихъ пустынны, а потому для страны эти озера мало полезны.

Дождей въ Монголіи выпадаетъ мало, потому что страна эта отъ морей отгорожена горами, и дождевыя облака осаждаются на горахъ и до нея не доходятъ. Снѣга тоже мало падаетъ, а когда и выпадаетъ, то онъ недолго лежитъ, а сейчасъ же испаряется, т.-е. высыхаетъ, потому что въ воздухѣ очень сухо. Зимы тамъ очень холодныя, а лѣта очень жаркія; но и лѣтомъ солнце сильно печетъ только днемъ, а какъ солнце закатится,

такъ сейчасъ же настанетъ холодъ. Люди тамъ и лѣтомъ съ шубами не разстаются.

Итакъ въ Монголіи воздухъ сухой, рѣкъ большихъ нѣтъ, дождя и снѣга выпадаетъ мало, и много горъ, на которыхъ бываетъ холодно. Все это неблагопріятно для растительности. Дѣйствительно, лѣсовъ въ Монголіи очень мало; только на горахъ растутъ хвойные лѣса, да по берегамъ рѣкъ въ иныхъ мѣстахъ растутъ лиственныя деревья, а случается, цѣлую недѣлю ѣдешь—и нигдѣ ни одного дерева не увидишь. Монголія—страна по преимуществу степная. Однако и степи ея не особенно богаты травами: есть глинистыя и солонцоватыя мѣста, есть песчаныя и каменистыя. Травы тамошнія на наши луговыя не похожи: по степямъ больше растутъ душистыя полыни кустиками, а по солончаковымъ мѣстамъ жирныя, соленыя и колючія травы, кустикъ отъ кустика рѣдко.

Черезъ всю Монголію, съ запада на востокъ, проходитъ пустая безтравная полоса. Мѣстами полоса эта верстъ до двухсотъ въ ширину, а мѣстами уже. Эту полосу такъ и зовутъ *пустыней*, а сами монголы зовутъ ее *Гоби*. И дѣйствительно, въ этой безтравной, а главное безводной полосѣ совсѣмъ нельзя жить; никто въ ней и не живетъ—ни звѣрь, ни птицы. Чтобы перебраться черезъ эту пустыню, человѣкъ нарылъ по дорогамъ колодцевъ, гдѣ нашлось немного воды; но не вездѣ ее можно найти, а въ иныхъ колодцахъ вода соленая, дурная: пить ее можно только по великой нуждѣ. Случается, что отъ одного колодца до другаго верстъ 70 разстоянія.

Въ такой неблагопріятной для растительности странѣ земледѣліе, конечно, не можетъ идти хорошо. Потому и пашенъ въ Монголіи немного; только по берегамъ большихъ рѣкъ, да тамъ, гдѣ можно горныя рѣчки провести на пашни и въ лѣто нѣсколько разъ устроить поливъ, только въ такихъ мѣстахъ монголы и пашутъ.

Главное богатство этой страны составляютъ животныя. По степямъ ходятъ дикія стада козъ, а въ горахъ водятся дикіе бараны съ большими рогами. Стада козъ, или, какъ монголы называютъ ихъ, *дзереновъ*—бываютъ иногда въ нѣсколько сотъ головъ; эти животныя бродятъ по степямъ, переходя большія пространства, и на водопой ходятъ далеко, на какое-нибудь пустынное озеро или на рѣчку, гдѣ люди не живутъ.

Хотя дикія стада и многочисленны и жители охотятся за ними, но живутъ эти жители, конечно, не одной охотой. Всѣ монголы разводятъ домашній скотъ, и это—ихъ главное богатство. У богатыхъ людей бываетъ не по одной сотнѣ головъ рогатаго скота, по многу лошадей и верблюдовъ.

У бѣдныхъ скота бываетъ, конечно, меньше; верблюдовъ чаще всего со всѣмъ не бываетъ, лошадей немного, а у нѣкоторыхъ пасутся только бараны да козы. Баранамъ да козамъ травы немного надо; ихъ можно пасти по самымъ неприступнымъ горамъ, и для водопоя имъ надо совсѣмъ маленькій ключикъ или колодецъ. Лошадямъ и коровамъ, конечно, надо хорошій травяной кормъ и водопой, и потому съ ними нельзя жить тамъ, гдѣ степи бѣдны травой и водой. Верблюды же очень неприхотливы на ѣду; они ѣдятъ самыя жесткія, колючія травы и даже кустарники и приозерные камыши, пьютъ мало, такъ что на водопой ихъ гоняютъ не каждый день; но за-то имъ надо солонецъ, т.-е. соль, выступающую изъ почвы.

Такихъ солонцовъ въ Монголіи много, особенно вокругъ озеръ. Мѣста эти, любимыя верблюдами, самыя непривѣтныя: подъ ногами сѣроватая пыль, пропитанная солью; трава колючая и притомъ растетъ рѣдко, воды прѣсной обыкновенно въ такихъ мѣстахъ не бываетъ,—и потому человѣку жить здѣсь очень непріятно. Богатые люди, у которыхъ много верблюдовъ, иногда не одна сотня, нанимаютъ къ верблюдамъ бѣдняковъ-пастуховъ, а сами живутъ съ другимъ своимъ скотомъ въ мѣстахъ, болѣе богатыхъ травой и водой.

Такъ какъ монголы живутъ только своимъ скотомъ и держатъ его по многу, они и въ жизни своей больше всего отъ скота зависятъ, а потому и жилье свое ставятъ тамъ, гдѣ это для ихъ скота удобно. Лѣтомъ, когда въ долинахъ жарко и оводы и комары одолѣваютъ скотъ, монголы уходятъ въ горы, а къ зимѣ спускаются въ болѣе теплыя долины; такая жизнь называется *кочевою*. Для пастьбы скота монголамъ надо много мѣста, и потому они живутъ не деревнями и селами, какъ у насъ, а каждая семья отдѣльно или много что семьи двѣ-три вмѣстѣ.

Городовъ въ Монголіи тоже почти нѣтъ; на всю страну, въ нѣсколько милліоновъ жителей, всего можно насчитать городовъ пять. Да и жителей въ этихъ городахъ немного; въ нихъ живутъ китайскіе чиновники (которые поставлены управлять монгольскимъ народомъ отъ китайскаго императора), немного войска и китайскіе купцы, торгующіе съ монголами.

Кромѣ китайскаго императора, которому монголы платятъ дань и которому подчинены, у нихъ есть свои *ханы*, т.-е. свои правители. Вся Монголія раздѣлена на нѣсколько округовъ или *аймаковъ;* каждый аймакъ дѣлится на нѣсколько *хошуновъ* и каждый *хошунъ* на нѣсколько *сумыновъ*.

Устройство и раздѣленіе это очень старинное. Семь вѣковъ тому на-

задъ у монголовъ былъ ханъ Чингисъ; онъ былъ великій завоеватель и при жизни своей завоевалъ Китай и Персію, а дѣти его покорили и нашу Россію, и мы долго платили дань монголамъ, пока наконецъ не свергли съ себя монгольское иго, перестали платить имъ дань, и наши князья перестали подчиняться монгольскимъ ханамъ. Такъ вотъ этотъ сильный и воинственный монгольскій Чингисъ раздѣлилъ весь свой народъ на четыре аймака или части и отдалъ эти аймаки своимъ военачальникамъ подъ управленіе. А весь народъ монгольскій дѣлился тогда по-военному: на знамена, знамена на полки, полки на отряды или на тысячи, тысячи на сотни — подъ управленіемъ военныхъ начальниковъ. Каждый взрослый мужчина долженъ былъ воевать и шелъ на войну, куда ему прикажутъ; потому и полки монгольскіе были многочисленны. Другимъ народамъ трудно было съ ними бороться. Въ мирное время монголы также должны были собираться въ назначенныя для этого мѣста и здѣсь обучаться военному дѣлу, т.-е. стрѣльбѣ изъ луковъ (ружей тогда еще не было), борьбѣ, бѣганью и такъ далѣе.

Каждый хошунъ, каждый сумынъ и теперь знаютъ свое сборное мѣсто, и теперь по временамъ монголы съѣзжаются — старики, чтобы держать совѣтъ объ общественныхъ дѣлахъ, а молодежь, чтобы показать свою ловкость въ верховой ѣздѣ, въ борьбѣ, въ бѣганьи и тому подобныхъ потѣхахъ. Въ настоящее время монголы уже мирный народъ: ни съ кѣмъ не воюютъ, и ханы ихъ теперь уже не Китаемъ владѣютъ, а сами подчиняются китайскому императору. Войну сами по себѣ они начинать уже не могутъ, а служатъ въ войскахъ китайскаго *богдыхана* (императора) по его наряду. Теперь мало кто изъ монголовъ и помнитъ о славномъ ханѣ Чингисѣ и объ его войнахъ, хотя военное устройство народа по старой памяти и осталось.

Въ настоящее время монголъ только и знаетъ, что пасетъ свой скотъ и вымѣниваетъ на него все, что ему нужно, у китайцевъ. Ремесла никакого монголы не знаютъ: плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ, кожевниковъ между ними почти не встрѣчается. Женщины монгольскія больше мужчинъ работаютъ: онѣ выдѣлываютъ овчины, шьютъ шубы и всю одежду, и шапки и сапоги — и себѣ и мужчинамъ; но ни прясть, ни ткать ни одна монголка не умѣетъ. Изъ шерсти монголы валяютъ войлокъ и вьютъ волосяныя веревки, необходимыя для ихъ хозяйства.

Скотъ доставляетъ монголамъ все необходимое: мясомъ и молокомъ они питаются, шкурами барановъ, молодыхъ телятъ и жеребятъ одѣваются,

на лошадяхъ ѣздятъ, на быкахъ и верблюдахъ перевозятъ тяжести. Верблюды очень сильны и могутъ везти на своей спинѣ пудовъ до десяти, до двѣнадцати клади; кромѣ того въ пути имъ не нужно корма хорошаго, и дня по три они могутъ жить совсѣмъ безъ воды и ѣды. Вотъ почему для перехода черезъ пустыню верблюдъ незамѣнимъ.

Продавая излишекъ своего скота и отдавая верблюдовъ въ наемъ китайскимъ купцамъ, монголы добываютъ средства для покупки необходимыхъ имъ вещей. Русскіе купцы, чтобы вывозить изъ Китая чай, также нанимаютъ верблюдовъ у монголовъ. Китайцы все необходимое для монголовъ привозятъ къ нимъ и вымѣниваютъ на скотъ, что, конечно, монголамъ не такъ выгодно, какъ если бы имъ продавали свой скотъ на деньги. Денегъ въ Монголіи совсѣмъ нѣтъ. Чиновникамъ монгольскимъ, иногда войскамъ, китайское правительство выдаетъ жалованье серебромъ, но это не деньги, а серебро въ кускахъ, которое отпускается по вѣсу; въ торговлѣ же съ монголами серебро употребляется очень рѣдко. Торговля тамъ *мѣновая*. Чаще всего расчетъ ведется на чай, какъ предметъ, необходимый для всякаго монгола. Иногда мѣна идетъ на бумажную матерію, которая также идетъ для всѣхъ. Въ Монголіи не говорятъ: „быкъ стоитъ столько-то рублей“, а говорятъ: „быкъ стоитъ десять или двѣнадцать кирпичей чая“ или „столько-то кусковъ нанки“, и такъ далѣе. Мѣновая торговля не всегда удобна: не всякому человѣку нужно много чая или матеріи, особенно если онъ человѣкъ не торговый. Китайцамъ торговля съ монголами выгодна, а монголамъ нѣтъ, потому что монголы нигдѣ, кромѣ какъ у китайцевъ, не могутъ купить ни чая, ни матеріи, ни посуды, да и хлѣбъ часто приходится покупать у тѣхъ же китайцевъ, а за все платить приходится скотомъ да развѣ шкурами добытыхъ на охотѣ зрѣрей.

Монголы, какъ народъ кочевой, пастушескій, живутъ очень просто; лишняго ничего не имѣютъ уже по тому одному, что имъ приходится *перекочевывать* съ мѣста на мѣсто. Жилище ихъ тоже приспособлено къ перевозкѣ: домовъ они не строятъ, а живутъ въ *юртахъ*. *Юрта* устраивается изъ деревянныхъ раздвижныхъ рѣшетокъ, которыя ставятъ кругомъ; къ верхнимъ краямъ рѣшетокъ привязываютъ небольшіе шестики, которые верхними концами втыкаютъ въ деревянный кругъ съ нарочно продолбленными по ободу дырками; кругъ этотъ для прочности перекрещиваютъ двѣ перекладины. На это круглое, рѣшетчатое, похожее на корзину для курицъ жилье натягиваютъ войлоки, скроенные и сшитые такъ, чтобы вездѣ приходилось плотно. Верхній кругъ оставляется открытымъ; онъ замѣняетъ

дымовую трубу и закрывается только для тепла на ночь. Въ южной сторонѣ юрты привязываютъ ремнями деревянную створчатую дверь. Вся юрта поверхъ войлоковъ опоясывается для крѣпости шерстяными веревками, — и жилье готово. При кочеваньи его легко разобрать, рѣшетки сложить, шестики связать въ пучокъ и все это вмѣстѣ съ войлоками привязать на спину верблюду или *завьючить*, какъ говоримъ мы.

Все остальное имущество въ монгольскомъ хозяйствѣ также приспособлено къ вьючкѣ на верблюда, все складывается въ кожаныя сумы, которыя легко перевѣсить черезъ спину лошади или верблюда, или въ легкіе деревянные ящики или корзины, которые также привѣшиваются съ боковъ верблюда. Ни столовъ, ни скамей, ни стульевъ у монголовъ не бываетъ; есть у иныхъ деревянныя кровати да легкіе поставцы для посуды, но и эти деревянныя вещи не вездѣ бываютъ. Посуда у монголовъ тоже не ломкая: желѣзные котлы, деревянныя ведерки и чашки да кожаные, продымленые, въ родѣ нашихъ бутылей, *турсуки*, а то и просто бараньи шкуры, снятыя мѣшкомъ, такъ что въ нихъ можно держать воду и молоко.

Если въ семьѣ много ребятишекъ, ихъ тоже сажаютъ въ корзину и вѣшаютъ на верблюда; если много мелкаго скота — ягнятъ и козлятъ, съ ними поступаютъ такъ же. Телѣгъ въ Монголіи не бываетъ, или бываютъ онѣ рѣдко — тамъ, гдѣ страна ровная; тамъ же, гдѣ гористо, предпочитаютъ ѣздить верхомъ, а кладь возить вьюкомъ на верблюдахъ или на лошадяхъ и быкахъ. Въ телѣги всегда запрягаютъ быковъ.

Богатое жилье отъ бѣднаго отличается только величиной да чистотой войлоковъ, которыми юрта покрыта. На зиму войлоки кладутъ въ два ряда. Внутри юрты, посрединѣ ея, раскладываютъ прямо на землѣ огонь; надъ нимъ ставятъ желѣзный *таганъ* и на него котелъ, въ которомъ варятъ и чай и пищу.

Главную пищу монголовъ составляютъ лѣтомъ молоко — прѣсное и кислое, а зимой — мясо. Небогатые же монголы круглый годъ питаются главнымъ образомъ чаемъ. Къ чаю прибавляютъ жареной пшеничной или смолотой изъ жаренаго ячменя муки, масла и соли; въ другихъ мѣстахъ чай пьютъ съ поджаренымъ просомъ, которое всякій подкладываетъ себѣ въ чашку, а когда пшено разбухнетъ, тогда его и съѣдаютъ. Изъ молока коровьяго и овечьяго монголки дѣлаютъ масло и сыръ разныхъ сортовъ, который высушиваютъ и заготовляютъ на зиму. Стряпни монголы почти никакой не знаютъ. Мясо ѣдятъ полусырымъ, не доваривaютъ, наваръ изъ мяса часто выливаютъ на землю; жарятъ мясо рѣдко, но изъ крови и ки-

шекъ приготовляютъ колбасы. Бѣдные люди, у которыхъ мяса и молочныхъ скоповъ бываетъ мало, заготовляютъ осенью кое-какіе корешки и дикія растенія, употребляемыя въ пищу.

Лѣтомъ, когда молока бываетъ много, почти всѣ монголы гонятъ изъ него водку или приготовляютъ *чигенъ* (кумысъ). Для приготовленія чигена монголки доятъ кобылицъ, сливаютъ молоко въ кожаный мѣшокъ и даютъ забродить, — получается хмѣльный напитокъ, очень сытный и здоровый. Водка изъ молока называется *архи;* ее пьютъ теплую, и она для непривычнаго человѣка очень невкусна.

Топливо у монголовъ, также какъ и жилье, совсѣмъ не похоже на наше: они жгутъ сухой коровій, лошадиный и бараній пометъ, который называютъ *аргаломъ*. Лѣтомъ, то и дѣло, встрѣчаются старухи и дѣти, собирающія на степи навозъ, складывая его грабельками въ корзины, подвѣшенныя за спиной. Къ зимѣ запасаютъ большія кучи этого *аргала*.

Одѣваются монголы въ длинные и широкіе халаты или шубы изъ овчинъ домашней выдѣлки. Богатые покрываютъ шубы бумажною и шелковою матеріей. Подъ шубой рубахъ часто не носятъ, только одни штаны. Шуба застегивается всегда на правомъ плечѣ, и лѣвая пола запахивается далеко; на бокахъ у шубы дѣлаютъ разрѣзы, чтобы удобно было садиться верхомъ на лошадь. Сапоги дѣлаютъ кожаные или изъ матеріи на очень толстой подошвѣ, сшитой изъ волойка и сыромятной кожи. Шапки носятъ бараньи и непремѣнно на верхъ нашиваютъ красную пуговку или кисть, а сзади двѣ красныя ленты. Шубу подпоясываютъ кушакомъ — ременнымъ съ мѣднымъ наборомъ, или изъ матеріи. За кушакъ всегда затыкаютъ большой ножъ въ ножнахъ и трубку съ кисетомъ и огнивомъ.

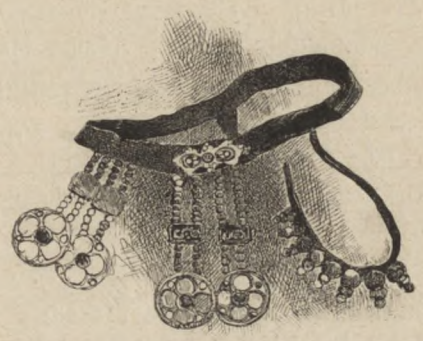
Женщины одѣваются почти такъ же, какъ и мужчины: также носятъ шубу, штаны, сапоги и шапки. Только замужнія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носятъ черную безрукавку-кофту поверхъ шубы да подъ шапкой на волосахъ маленькую повязку или шапочку, вышитую красными корольками или бисеромъ. Въ женскомъ нарядѣ, впрочемъ, много разныхъ отличій въ мелочахъ по разнымъ мѣстностямъ такъ-же, какъ и у насъ. Дѣти сначала совсѣмъ голыя ходятъ, потомъ имъ шьютъ шубу; лѣтомъ же они лѣтъ до десяти бѣгаютъ безъ рубахъ.

Волосы монголы носятъ, заплетая задніе въ косу, а передніе сбриваютъ. Женщины заплетаютъ въ двѣ косы и распускаютъ косы на спинѣ или спереди на груди. Дѣвушки въ иныхъ мѣстахъ носятъ одну косу,

распуская ее по спинѣ, а гдѣ заплетаютъ много косичекъ; женщины на косахъ носятъ очень много серебряныхъ украшеній.

Во время праздниковъ одѣваются монголы нарядно. Но всегда они грязны: одежду даже и лѣтомъ никогда не моютъ, носятъ до тѣхъ поръ, пока развалится.

Рис. 2.



Съ дѣтьми монголы ласковы; матери долго кормятъ ребятъ грудью. При рожденіи обмываютъ ребенка соленою водой или чаемъ; но послѣ совсѣмъ уже не моютъ: ребенка завертываютъ въ овчинку и кладутъ въ колыбель, которая такъ устроена, что нечистоты отъ ребенка выливаются изъ нея по желобку. Ребятъ рѣдко чему-нибудь учатъ; выростая, они помогаютъ въ хозяйствѣ отцу и матери, въ чемъ могутъ.

Когда сынъ выростаетъ, отецъ съ матерью высватываютъ ему невѣсту, но при этомъ спрашиваютъ и его согласія. Раньше у монголовъ былъ обычай просватывать дѣтей еще маленькими, при чемъ часто случалось, что женихъ былъ моложе своей невѣсты. Теперь женятся въ тѣ же года, что и у насъ. Стараго обычая женить малолѣтнихъ придерживаются еще южные монголы; за-то у нихъ часто случается, что выростетъ такой малолѣтокъ и женится на второй женѣ, по своему вкусу. Сѣверные же монголы рѣдко имѣютъ двухъ женъ, хотя многоженство у нихъ и не запрещено. Женихъ платитъ за невѣсту скотомъ, но за-то и невѣста получаетъ въ приданое скотъ. Женатые сыновья обыкновенно отдѣляются и живутъ въ особой юртѣ, своимъ хозяйствомъ. Жена въ семьѣ распоряжается хозяйствомъ наравнѣ съ мужемъ.

Покойниковъ своихъ монголы въ землю не зарываютъ, а отвозятъ куда-нибудь подальше отъ дома и кладутъ на землѣ: звѣри и птицы съѣдаютъ ихъ. Почетныхъ лицъ иногда сожигаютъ, пепелъ смѣшиваютъ съ глиной, слѣпляютъ въ стопочку и ставятъ въ часовнѣ на полку.

Нравы монголовъ мирные: никогда они не бьютъ ни женъ, ни дѣтей и въ трезвомъ видѣ не ссорятся между собой. Воровство у нихъ случается очень рѣдко, а убійство дѣло почти неслыханное, развѣ когда въ дракѣ, по нечаянности.

Увеселенія монголовъ бываютъ большею частью общественныя, когда

съѣзжается вмѣстѣ сумынъ или хошунъ или нѣсколько сосѣднихъ хошуновъ къ своему сборному мѣсту или *обо*. Тутъ бываютъ общественныя игры, скачки на лошадяхъ, борьба, бѣгъ и стрѣльба въ цѣль. Тѣхъ, кто въ чемъ-нибудь отличится, награждаютъ подарками. Пляски въ обычаѣ только у южныхъ монголовъ, у сѣверныхъ ихъ нѣтъ, но пѣніе и музыка есть у всѣхъ. Музыкальные инструменты у монголовъ струнные, въ родѣ нашихъ балалаекъ и скрипокъ. Иногда пѣвцы поютъ длинныя былины, разсказывая въ нихъ про старинныхъ богатырей, наигрывая въ то же время на своей скрипкѣ. Музыкальные инструменты у нихъ самодѣльные. Когда собираются на пирушку въ чей-нибудь домъ, тамъ также поютъ, величая за чаркою гостей и хозяина, или же простыя пѣсни; загадываютъ загадки или играютъ въ разныя игры. Во время свадебъ поютъ особыя свадебныя пѣсни.

Языкъ монгольскій не похожъ ни на русскій, ни на татарскій, ни на китайскій. Есть у монголовъ и грамотность и книги. Однако грамотныхъ людей и монгольскихъ книгъ у нихъ немного; читать по-монгольски умѣютъ одни только князья да ихъ приближенные; простые же люди рѣдко, а женщины и того рѣже, развѣ только въ княжескихъ семействахъ.

Вѣра у монголовъ *буддійская*, которая принесена къ нимъ изъ Индіи. Раньше у нихъ была своя вѣра—*шаманская*; кое-гдѣ она еще сохранилась у монголовъ и теперь. *Буддисты* вѣрятъ въ *Будду*, который нѣкогда жилъ на землѣ. Про него разсказываютъ, что былъ индійскій царевичъ, по имени Сакіямуни. Отецъ его, желая, чтобы онъ не зналъ никакого горя въ жизни, выстроилъ для него прекрасный дворецъ съ высокими стѣнами, окружилъ царевича всякими утѣхами, но дальше дворца никуда его не пускалъ. Однажды царевичъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ люди; вышелъ изъ дворца въ южныя ворота—и встрѣтилъ несчастнаго калѣку-нищаго; огорчился царевичъ, пошелъ въ другія ворота — тамъ встрѣтилъ дряхлаго старика; онъ опять огорчился и воротился,—въ третьихъ воротахъ встрѣтился ему покойникъ. Увидалъ царевичъ, что въ мірѣ не однѣ утѣхи, и задумался объ этомъ, - ушелъ изъ дворца и сталъ поститься и молиться, жилъ въ уединеніи; но тамъ его безпокоила мысль, что хоть самъ и спасется, но народъ все живетъ во грѣхахъ, въ бѣдахъ и въ гибели.

Въ то время, какъ царевичъ Сакіямуни жилъ на землѣ, индійцы вѣрили, что каждый человѣкъ послѣ смерти опять возрождается: если человѣкъ велъ хорошую жизнь на землѣ, его душа, думали они, родится послѣ смерти снова въ мірѣ добрыхъ духовъ; коли дурную жизнь велъ—родится

въ тѣлѣ какого-нибудь животнаго и снова будетъ жить, такъ все будетъ рождаться и умирать безъ конца. Царевичу Сакіямуни показалось это очень мучительно. Въ Бога онъ не вѣрилъ и потому подумалъ, что человѣкъ самъ собой можетъ достигнуть того, чтобы совсѣмъ не жить и не рождаться уже послѣ того, какъ разъ умретъ. Для этого, по мнѣнію Сакіямуни, надо было только отречься отъ жизни, не любить ея, вести жизнь такъ, чтобы зла никому не дѣлать да и привязанностей никакихъ не имѣть.

Тѣ, кто въ него увѣровалъ, и стали жить, какъ монахи: отъ женъ, отъ семьи отказались, отъ имущества также; ходили они по странѣ, не имѣя никакого пристанища, питались милостыней и одѣвались въ рубище, которое уже никому не нужно. Но все это они дѣлали не ради Бога и не ради любви къ ближнему, а чтобы послѣ смерти имъ больше не рождаться и не жить.

Когда царевичъ умеръ, его ученики назвали его *Буддой*, что на ихъ языкѣ значило: *достигшій вѣчнаго блаженства*, а потому и вѣру въ царевича Сакіямуни мы называемъ вѣрой въ *Будду*, а вѣрующихъ въ него — *буддистами*.

Со временемъ тѣ изъ буддистовъ, которые не могли отказаться отъ міра, отъ богатствъ, отъ жены и дѣтей, стали строить монастыри для монаховъ и давать имъ милостыню, чтобы хоть этимъ послужить своей вѣрѣ. Кромѣ того, послѣ смерти Будды, стали дѣлать его изображенія изъ золота, серебра, мѣди или изъ раскрашенной глины, а также стали рисовать эти изображенія на полотнѣ или на бумагѣ. Послѣ у буддистовъ стали дѣлать изображенія и другихъ монаховъ, прославившихся святостью жизни, и вотъ у нихъ появилось множество статуй — *бурхановъ*, какъ называютъ ихъ монголы. Для бурхановъ стали строить храмы, стали сочинять молитвы въ честь ихъ и пѣть эти молитвы; во время пѣнія стали трубить въ трубы, звонить въ колокола, бить въ мѣдныя тарелки; передъ бурханами стали курить благовоніями,—однимъ словомъ, появилась цѣлая служба: съ музыкой, съ обрядами въ честь Будды и святыхъ.

Монголы приняли буддійскую вѣру не прямо отъ индійцевъ, а отъ сосѣдняго народа — тибетцевъ, а потому молитвы и священныя книги, въ которыхъ разсказывается жизнь Будды-Сакіямуни и ученіе его, у монголовъ — на тибетскомъ языкѣ; отъ этого монахи или *ламы*, какъ монголы ихъ называютъ, учатся тибетской грамотѣ.

Буддисты, кромѣ вѣры въ учителя своего Будду-Сакіямуни, вѣрятъ

еще въ другія божества, которыя, по ихъ мнѣнію, желая научить людей хорошей жизни, рождаются на землѣ и живутъ между ними, поддерживая въ людяхъ вѣру, добрыя чувства и добродѣтельную жизнь. Между этими божествами, воплощающимися въ людяхъ, въ Тибетѣ и Монголіи почитаютъ больше всего Арья-Бало. Изображаютъ его они съ одиннадцатью головами, со множествомъ глазъ и рукъ. Этимъ буддисты какъ будто хотятъ сказать, что Арья-Бало безпрестанно возрождается, безпрестанно надзираетъ и всегда готовъ помочь. Они считаютъ его самымъ милосерднымъ. Кромѣ этихъ статуй Арья-Бало, тибетцы и монголы почитаютъ также воплощеннаго Арья-Бало — въ видѣ человѣка, который живетъ постоянно въ Тибетѣ, въ городѣ Лассѣ, въ монастырѣ. Называютъ его Далай-Ламой; его всѣ сѣверные буддисты почитаютъ какъ бога, кланяются ему въ землю и во время службы сажаютъ на высокомъ креслѣ, рядомъ съ бурханами, лицомъ къ народу.

Кромѣ Далай-Ламы есть еще много такихъ же перерожденцевъ или *хубилановъ*, какъ называютъ ихъ монголы. Главный изъ монгольскихъ хубилгановъ живетъ въ Ургѣ, въ Монголіи, въ большомъ богатомъ монастырѣ. Ламъ въ Ургѣ живетъ больше десяти тысячъ, а возлѣ монастыря купцы китайскіе и русскіе настроили лавокъ, и Урга сдѣлалась точно городъ. Кромѣ ургинскаго *хубилана* есть еще другіе, которые живутъ въ своихъ монастыряхъ.

Когда хубилганъ умираетъ, ламы начинаютъ искать между новорожденными мальчиками, не возродилась ли въ которомъ-нибудь изъ нихъ душа умершаго хубилгана. Если имъ покажется, что нашли такого ребенка, они берутъ его отъ родителей лѣтъ пяти отъ рода и воспитываютъ въ монастырѣ; они считаютъ его Далай-Ламой, или ургинскимъ *хутухтой*, или другимъ какимъ-нибудь *гегеномъ*. *Хубиланъ*, *хутухта*, *гегенъ* — это все названія разныхъ перерожденцевъ.

Кромѣ мужчинъ-хубилгановъ есть, по мнѣнію буддистовъ, божества, воплощающіяся въ женщинахъ; такихъ хубилгановъ немного въ Монголіи, всего двѣ — Цаганъ-Дара-Экe и Ногонъ-Дара-Экe. Женщины у монголовъ тоже дѣлаются монахинями, но рѣдко и притомъ не ранѣе сорока лѣтъ.

Въ каждой монгольской семьѣ отецъ и мать назначаютъ одного или двухъ сыновей въ ламы.

Мальчикъ съ дѣтства уже носитъ желтое ламское платье и бреетъ волосы на головѣ. Когда такой маленькій лама выростетъ, онъ поступаетъ въ монастырь и тамъ учится грамотѣ. Лучшіе изъ обучающихся въ мона-

стырѣ принимаютъ высшее посвященіе и начинаютъ служить въ храмахъ или *дацанахъ*, какъ говорятъ монголы; а мало поучившіеся или неспособные занимаются въ монастыряхъ разными работами и ремеслами. Изъ числа почетныхъ ламъ избираются настоятели монастыря и другіе завѣдующіе монастырскимъ управленіемъ. Многіе ламы во всю жизнь остаются дома и занимаются домашнимъ хозяйствомъ. Есть даже и такіе, что женятся; но такіе ламы уже не могутъ совершать службу въ дацанахъ и почетомъ не пользуются.

Ламы всегда носятъ желтую одежду, обыкновенно монгольскій халатъ. Но есть монастыри, гдѣ ламы, подражая индійцамъ, у которыхъ они переняли вѣру, носятъ юбки и безрукавныя рубахи, а штановъ не носятъ; сверхъ всего завертываются въ кусокъ матеріи краснаго цвѣта, называемый *оркимджи*. Другіе ламы надѣваютъ оркимджи только во время службы. Необходимая принадлежность ламы — четки; перебирая ихъ, онъ произноситъ главную молитву буддистовъ: „*Омъ мани падме хумъ*“.

Эту молитву повторяютъ безпрестанно не одни ламы, а также и набожные простолюдины или, какъ говорятъ монголы, *черные люди* — отличіе отъ желтыхъ ламъ. Вѣру свою монголы называютъ *желтой вѣрой*. Молитву „Омъ мани падме хумъ“ монголы пишутъ на камняхъ при дорогахъ, чтобы прохожіе могли ее читать. Кромѣ того устраиваютъ они еще особые снаряды, называемые *курдэ:* молитву „Омъ мани падме хумъ“ пишутъ много разъ на длинной бумагѣ, свертываютъ ее въ трубку и вкладываютъ въ круглую коробку, которая вертится вокругъ себя; буддисты думаютъ, что вертѣть такія мельницы съ молитвами такъ же полезно, какъ и молиться. Курдэ они ставятъ такъ, чтобы его вертѣло вѣтромъ или водой. На мѣстахъ почитаемыхъ, на перевалахъ черезъ горы, напримѣръ, монголы устраиваютъ *обо*, т.-е. закладываютъ молитву кучей камней, а сверху ставятъ древко, на которомъ привязанъ флагъ, т.-е. кусокъ коленкора, исписанный молитвами или со священными изображеніями. Кромѣ дацановъ и обо, монголы строятъ еще памятники въ честь Будды или святыхъ; памятники эти называются *субурганами*.

Буддизмъ монгольскій во многомъ отличается отъ того буддизма, которому училъ Сакіямуни, и потому его въ отличіе называютъ *ламайствомъ*. Повидимому, въ буддійскую вѣру монголы многое взяли изъ своей прежней вѣры.

Шаманская вѣра монголовъ, въ отличіе отъ буддійской называемая ими *черною вѣрой*, состоитъ въ томъ, что люди вѣрятъ въ злыхъ и добрыхъ

духовъ, которые людямъ покровительствуютъ или вредятъ, и въ людей, которые имѣютъ власть надъ этими духами, т.-е. *шамановъ*. Шаманы для умилостивленія духовъ приносятъ имъ жертвы, брызгаютъ въ воздухъ молокомъ или водкой или даже закалываютъ животныхъ. Во время своихъ заклинаній шаманы поютъ, пляшутъ и бьютъ въ бубенъ. Одѣваются они въ особое платье; иные изъ нихъ носятъ маски.

Въ Монголіи во многихъ ламайскихъ монастыряхъ, во время службы въ дацанахъ, также употребляютъ бубны; кромѣ того, разъ въ годъ устраиваютъ праздникъ, называемый *чамъ*. Во время этого праздника ламы надѣваютъ на себя разныя маски и пляшутъ на дворѣ передъ дацаномъ или монастыремъ на площади. Они думаютъ при этомъ, что маски эти изображаютъ ихъ боговъ, являвшихся въ страшныхъ образахъ или въ видѣ какихъ-либо животныхъ.

ВСТРѢЧА СЪ ДВУМЯ МОНГОЛЬСКИМИ ВАНАМИ.

Въ Гуйхуаченѣ, или Куку-хото, какъ зовутъ этотъ городъ монголы, мы жили долго. Отсюда начиналось наше путешествіе по Монголіи, на вьючныхъ верблюдахъ, на собственныхъ верховыхъ лошадяхъ и съ собственными юртами,—все это намъ надо было завести, купить и нанять въ этомъ городѣ. Все время въ Куку-хото мы пользовались гостепріимствомъ г. Кейла и жили за городомъ, въ домѣ католической Бельгійской миссіи. Г. Кейла былъ итальянецъ по происхожденію, но уроженецъ Бельгіи и голландецъ по привычкамъ; аккуратный хозяинъ, общительный и веселый собесѣдникъ, онъ проводилъ съ нами все свое свободное время; съ нами его сближали общіе европейскіе интересы, а съ г. Скасси *), кромѣ того, общія черты итальянскаго характера. Г. Кейла былъ непохожъ на тѣхъ миссіонеровъ, которые поступаютъ въ миссію юношами прямо изъ семинарій; ранѣе въ Бельгіи онъ былъ торговецъ винами и многое въ жизни видѣлъ и переиспыталъ: въ миссію поступилъ по призванію и былъ очень религіозенъ, но какъ-то по-своему. Во время служенія мессы онъ всегда имѣлъ очень восторженный или тронутый видъ, но онъ не проводилъ большую часть дня за молитвенникомъ, какъ это дѣлаютъ другіе его собратья; напротивъ, его коренастую фигуру, съ массой черныхъ съ просѣдью кудрей на головѣ, въ старомъ заштопанномъ китайскомъ халатѣ и такихъ же башмакахъ, можно было встрѣтить во всѣхъ углахъ его обширнаго двора, нерѣдко въ самомъ воинственномъ настроеніи, въ спорахъ съ плутоватыми китайцами,

*) Топографскій офицеръ, сопутствовавшій намъ.

принадлежащими къ его паствѣ. Китайцевъ онъ не любилъ и ставилъ ихъ очень низко, но ладить съ ними умѣлъ отлично.

Мы занимали въ миссіи отдѣльный домъ, съ обширнымъ дворомъ, что было очень удобно для нашихъ сборовъ въ дорогу. Рано утромъ, 31 іюля, г. Кейла окропилъ святой водой нашихъ животныхъ, послѣ чего началась вьючка. Это—самая скучная и хлопотливая вещь на свѣтѣ, особенно, когда ваши рабочіе не привыкли къ вашимъ европейскимъ вещамъ и вашимъ европейскимъ требованіямъ. Китайцы на время путешествія сами на-половину превращаются въ тюкъ, и потому съ ними хлопотъ очень мало; другое дѣло—европейскіе путешественники: имъ въ дорогѣ нужна и фотографическая камера, и треножникъ для нея, и куча бумаги, и прессы для растеній, все это совсѣмъ неприспособленное къ укладкѣ на спинѣ живого существа, и все кромѣ того должно быть отвязано и готово по первому требованію. Нашимъ рабочимъ было надъ чѣмъ поломать голову, уравновѣшивая всю нашу кладь на бокахъ 15 верблюдовъ. Кромѣ всего надо было завьючить двѣ юрты, къ чему китайцы также не привыкли. Сборы, казалось мнѣ, тянулись невообразимо медленно и безтолково. Наконецъ, когда все было кончено, мы собрались всѣ въ церковь, и г. Кейла помолился за отъѣзжающихъ; затѣмъ въ его кельѣ мы распили на прощанье бутылку виноградnаго вина изъ его скуднаго запаса и простились; впрочемъ, хозяинъ, привыкнувшій къ намъ за мѣсяцъ нашего пребыванія у него, хотѣлъ проводить насъ за городъ, и мы съ нимъ сѣли въ извозчичью повозку, мужчины ѣхали возлѣ верхами, а мою лошадь вели въ поводу. Грустно было разставаться съ г. Кейла, послѣднимъ, какъ думали мы, европейцемъ, встрѣченнымъ нами на нашемъ пути.

Городъ на этотъ разъ мы не видали, проѣхали предмѣстьями. Архитектура домовъ здѣсь была нѣсколько иная, чѣмъ въ другихъ китайскихъ городахъ, постройки были изъ обожженнаго кирпича, имѣли болѣе солидный видъ, и въ домахъ были окна съ круглыми сводами вверху, а не просто длинная вырѣзка во всю стѣну съ мелкой рѣшеткой, какъ въ пекинскихъ и вообще въ китайскихъ домахъ. Старыя зданія въ Куку-хото, его храмы тоже отличались оригинальностью, и нѣкоторые изъ нихъ не походили ни на китайскія кумирни, ни на тибетскіе буддійскіе храмы, — два типа священныхъ построекъ, которые мы встрѣчали во всѣхъ монгольскихъ монастыряхъ и городахъ.

Первая же остановка наша была въ деревушкѣ, которую населяли монголы-туметы; они занимались хлѣбопашествомъ, жили въ китайскихъ

фанзахъ и одѣвались по-китайски, только женщины ихъ счастливо отличались отъ китаянокъ здоровыми ногами и вообще здоровой рослой фигурой. Туметы относились къ намъ радушно и не надоѣдали любопытствомъ.

На другой и на третій день шли населенными мѣстами и останавливались въ китайскихъ постоялыхъ дворахъ, въ *дянахъ*, какъ мы привыкли

Рис. 3.

называть ихъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ Желтой рѣкѣ, тѣмъ оживленнѣе становились дороги; опять, какъ въ Китаѣ, на ней, то-и-дѣло, встрѣчались различные торговцы съ товарами, подвѣшенными на коромыслахъ. Доѣхали до развалинъ стариннаго монгольскаго города Тохто-хото; его разрушенныя стѣны и башни были на высокомъ обрывистомъ берегу; внизу, между рѣкой и горой, расположился новый китайскій городъ. На видъ послѣдній ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ, но нравы жителей здѣсь были другіе: толпа не тѣснила насъ, встрѣчные уступали дорогу, не слышно было безцеремонныхъ замѣчаній вслѣдъ или даже без-

церемоннаго хохота. Все время, пока мы жили тутъ въ дянѣ, зрители собирались на кровляхъ, окружающихъ нашъ дворъ, но вели себя такъ скромно и тихо, что только, вглянувши вверхъ, вы замѣчали, что окружены любопытной толпой. Оказалось, что, по случаю сильнаго разлива рѣки, переправа черезъ Хуан-хэ была не въ этомъ городѣ, какъ обыкновенно, а еще верстъ десять ниже. Рѣка тутъ очень широка и вмѣсто желтой должна бы называться красной: вода, зачерпнутая въ стаканъ, казалась свареннымъ на водѣ какао. Черезъ рѣку мы переправлялись на лодкѣ, а животныхъ и вещи перевозили на небольшой баркѣ. Въ Китаѣ почти вездѣ устроены мосты, а потому животныя, лошади и верблюды не привыкли къ переправѣ вплавь, и съ ними было очень много возни. Во время переправы подошелъ къ намъ странствующій лама и хотѣлъ разсказать намъ мѣстную лагенду о Тохто-хото, но, къ сожалѣнію, мы не понимали его языка. Такіе полупонятые разсказы всегда очень интригуютъ и заставляютъ очень сожалѣть о плохомъ знаніи языка. На этотъ разъ мы скоро забыли эту неудачу, потому что, какъ только переправились на правый берегъ рѣки, такъ и очутились среди роскошнаго луга, покрытаго цвѣтами и представлявшаго богатый сборъ новыхъ растеній, жуковъ, ящерицъ, осъ и проч. благодати, радующей сердце коллектора-натуралиста. Лугъ, впрочемъ, былъ не широкъ, за нимъ сейчасъ же возвышались песчаные бугры съ очень крутыми осыпающимися скатами. Такой же характеръ контрастовъ, гдѣ сочная луговая растительность сейчасъ же смѣняется голымъ пескомъ, носитъ и весь Ордосъ, въ той, по крайней мѣрѣ, его части, гдѣ мы его проходили. Видъ такихъ мѣстъ очень оригиналенъ: когда взберешься на вершину самаго высокаго песчанаго бугра, то увидишь цѣлыя сотни подобныхъ же холмовъ, тянущихся отъ васъ во всѣхъ направленіяхъ; это—какъ-будто огромныя застывшія волны песчанаго моря. Сначала вамъ кажется, что холмы высятся въ совершенномъ безпорядкѣ; потомъ, когда вы нѣсколько приглядитесь къ этой картинѣ, вы замѣтите, что холмы имѣютъ опредѣленную форму, что одинъ бокъ у каждаго нѣсколько болѣе пологъ, а другой обрывистъ, но высота холмовъ и величина очень различны, и притомъ они, какъ настоящія волны, иногда набѣгаютъ одинъ на другой и тѣмъ нарушаютъ правильность. Осмотрѣвшись, вы начинаете замѣчать въ нѣкоторыхъ склонахъ этихъ «бархановъ» слабую растительность: это—или нѣжный, голубоватый злакъ, изрѣдка раскинутый по песку отдѣльными травинками, или тонкій, высокій тростникъ, пробирающійся узкой дорожкой въ одинъ рядъ по склону холма, причемъ

его корневище ползетъ по поверхности, какъ гигантскій червякъ, или, наконецъ, цѣлыя группы бобоваго кустарника (Hedexeroum), нѣжнымъ узоромъ развѣсившаго свои розовые мотыльковые цвѣты на тонкихъ, совершенно безлистныхъ вѣткахъ. Такая растительность не нарушаетъ общаго впечатлѣнія крайней пустынности. Жизнь между тѣмъ есть вездѣ, и здѣсь, при болѣе тщательномъ осмотрѣ ближайшаго къ вамъ пространства, вы замѣчаете на пескѣ, во-первыхъ, красивую струйчатость, сдѣланную, очевидно, вѣтромъ, и кромѣ того узорныя дорожки, сдѣланныя лапками ящерицъ, и еще болѣе тонкіе, какъ строчка, слѣды большихъ черныхъ жуковъ, снующихъ около васъ во всѣхъ направленіяхъ; рѣже встрѣчаются тропинки зайцевъ и лисицъ.

Заблудиться среди такихъ песчаныхъ холмовъ ничего нѣтъ легче: дорога, глубоко протоптанная въ пескѣ, скоро засыпается, притомъ она безпрестанно извивается, огибая болѣе высокіе холмы, и изъ одной песочной ямы вы вступаете въ другую, совершенно такую же; кругозоръ вездѣ загороженъ ближайшими холмами. Къ счастью, въ Ордосѣ такія барханныя пространства часто прерываются небольшими рѣчками или озерами, берега которыхъ или густо заросли кустарниками, или покрыты луговой растительностью. И нигдѣ, можетъ быть, эти зеленые оазисы не радуютъ такъ глазъ, какъ среди однообразія барханов. Такой видъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ Ордосъ въ лѣто 1884 г., когда мы по нему проходили. Дальше отъ Хуанъ-хэ самые барханы начинаютъ нѣсколько измѣняться; часто бока ихъ заростаютъ кустами темнозеленой полыни, пріятно нарушающей однообразіе желтаго цвѣта и нѣсколько скрѣпляющей эту песчаную почву; иногда даже на вершинахъ холмовъ стелется низкій можжевельникъ съ своей душистой хвоей (Juniperus).

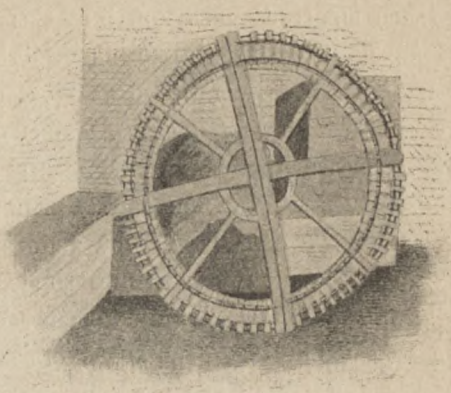
Здѣсь, можетъ быть, слѣдуетъ сказать, что называютъ Ордосомъ. Если смотрѣть на карту Китая и слѣдить по ней за теченіемъ Желтой рѣки, то мы увидимъ, что почти въ центрѣ карты рѣка эта описываетъ букву *П*—вотъ это пространство внутри *покоя* и носитъ названіе Ордоса; съ юга, юго-востока и юго-запада его отдѣляетъ отъ Китая великая стѣна, скорѣе, впрочемъ, развалины этой стѣны. Ордосъ въ настоящее время населенъ монголами, ранѣе тутъ находилось государство тангутовъ, называемое въ китайскихъ книгахъ государствомъ Ся. Ордосскіе монголы раздѣляются на семь *хошуновъ*, или княжествъ, и каждое изъ нихъ управляется наслѣдственнымъ княземъ изъ потомковъ Чингисхана. Стар-

шинство надъ всѣми семью князьями принадлежитъ старшему въ родѣ. Ему даютъ титулъ *вана*, что въ старинныхъ сочиненіяхъ переводили словомъ *царь*. Въ настоящее время значеніе вановъ сильно упало, и китайцы признали правителемъ Ордоса не старшаго въ родѣ вана, а болѣе приноравливающагося къ обстоятельствамъ, слѣдующаго китайской политикѣ князя Джунгарскаго хошуна.

Разсказывая объ этомъ, г. Кейла обыкновенно говорилъ намъ: „вы непремѣнно должны заѣхать къ le roi des Ortous,—онъ любитъ европейцевъ". Такъ мы и думали сдѣлать, но пока не торопились оставить берега Хуанъ-хэ. Намъ такъ надоѣла жизнь въ китайскихъ городкахъ и дянахъ, что мы съ величайшимъ удовольствіемъ поставили здѣсь свои палатки и наслаждались уединеніемъ и тѣмъ, что мы сами себѣ господа и хозяева. Въ первое время съ постановкой юртъ у насъ не мало было хлопотъ. Наши слуги-китайцы совсѣмъ не умѣли взяться за эту работу, и мы должны были ставить ихъ сами, отклоняя ихъ услуги, потому что съ ихъ помощью у насъ выходило нѣчто, похожее на постройку вавилонской башни,—мы такъ плохо понимали другъ-друга, что въ то время, какъ приказывали подавать веревку, слуга подавалъ войлокъ, вмѣсто вправо, двигался влѣво и т. д.; притомъ, сколько мнѣ извѣстно, у французовъ совсѣмъ нѣтъ юртъ, а мы, не зная китайскаго языка, со слугами своими объяснялись по-французски, хотя французскаго языка также хорошо не знали—лишь потому, что наши китайцы раньше служили у французскихъ миссіонеровъ. Благодаря ли нашему неумѣнью ставить, или можетъ, дурному устройству юртъ, только онѣ всякій разъ показывали стремленіе завернуться спиралью и погребсти насъ подъ войлоками и довольно-таки тяжелымъ *ченгаракомъ*, т.-е. деревяннымъ кругомъ, замѣнявшимъ въ юртѣ кровлю или потолокъ. Всякій разъ мы должны были укрѣплять свою постройку веревками, протянутыми отъ ченгарака во всѣхъ направленіяхъ къ кольямъ, вбитымъ въ землю, чего въ правильно поставленныхъ юртахъ не бываетъ. Ставилось обыкновенно двѣ юрты — одна для насъ, другая для Скасси, палатка для Березовскаго и большая синяя палатка для китайцевъ, извѣстная у насъ подъ китайскимъ именемъ *майханъ*. Такимъ образомъ на пустынномъ берегу Хуанъ-хэ, въ первыхъ числахъ августа 1884 года, выросъ цѣлый лагерь. Несмотря на неудобства юртъ и на то, что погода испортилась, пошли дожди, мы съ наслажденіемъ жили тутъ, любуясь природой; дождь не мѣшалъ намъ ходить по песчанымъ буграмъ, окружаю-

щимъ наши палатки. Между тѣмъ китайцы наши сильно пріуныли: они совсѣмъ не умѣли жить въ этой обстановкѣ. Нашъ поваръ не умѣлъ разводить огня на открытомъ воздухѣ, затруднялся неимѣніемъ многихъ привычныхъ для него вещей, а главнымъ образомъ, всѣ эти дни всѣмъ его занятіямъ ужасно мѣшалъ огромный дождевой зонтъ, съ которымъ онъ не разставался ни на минуту во время приготовленія обѣда. Сильно также это время безпокоила его мысль: гдѣ онъ будетъ брать дровъ тамъ, гдѣ не будетъ базаровъ, на которыхъ ихъ продаютъ. Пока изъ этого затрудненія его выручалъ монголъ-перевозчикъ, жившій неподалеку отъ насъ.

Рис. 4.



Въ Куку-хото наши китайцы были противъ того, чтобы мы наняли монголовъ-работниковъ: они увѣряли, что монголы непремѣнно насъ обокрадутъ, даже перерѣжутъ насъ всѣхъ, что это народъ никуда негодный, которому нельзя поручить никакого дѣла, и что лучше всего, если около насъ будутъ одни китайцы. Здѣсь, въ Ордосѣ, мысли перемѣнились; поваръ Цуйсакъ настаивалъ, что, по крайней мѣрѣ, одинъ монголъ намъ необходимъ, а конюхъ на другой же день отыскалъ намъ монгола, на котораго возложенъ былъ караулъ лошадей, хотя онъ прикомандировался къ намъ въ качествѣ проводника.

Хуанъ-хэ мы оставили 8 августа и послѣ двухъ небольшихъ переходовъ на третьемъ увидали городокъ, принадлежащій Джунгарскому князю. Стѣны изъ необожженнаго кирпича почти не выдавались на фонѣ почвы такого-же сѣровато-желтаго цвѣта; только нѣсколько деревьевъ, видныхъ изъ-за-стѣнъ, оживляли картину и указывали, гдѣ находился домъ самого князя. Не доходя версты до города, мы нашли колодецъ и остановились лагеремъ возлѣ него. Во время постановки юртъ, изъ города вышли монголы и китайцы; первые смотрѣли солидно, вторые, какъ оказалось, были слуги князя. Монголы были пріятно удивлены, когда мы обмѣнялись съ ними привѣтствіями на ихъ родномъ языкѣ; впрочемъ, дальше стереотипныхъ фразъ при встрѣчѣ наши разговоры не пошли: мы отчасти забыли

монгольскій языкъ, отчасти въ Ордосѣ онъ нѣсколько иной, чѣмъ въ Халхѣ. Къ князю были посланы визитныя карточки; на нихъ князь написалъ по-китайски приглашеніе пожаловать въ четыре часа. Послѣ очень короткаго визита, мужъ мой и г. Скасси вернулись очень довольные пріемомъ князя. Онъ обѣщалъ всякое содѣйствіе экспедиціи, но по азіатскому обычаю, все это откладывалось въ долгій ящикъ, и пока мы должны были жить среди степи, не представлявшей ни малѣйшаго интереса для натуралиста. Взамѣнъ флоры и фауны мы могли бы наблюдать окружающихъ насъ людей, но, надо прибавить, если бы лучше знали ихъ языкъ.

На другой день къ вечеру явился самъ старикъ-князь. Онъ сдѣлалъ этотъ визитъ какъ бы случайно во время прогулки: одѣтъ былъ въ бѣлый халатъ изъ чесучи и въ обыкновенную домашнюю шапочку, а не въ мандаринскую шляпу съ шарикомъ, обязательную при оффиціальныхъ визитахъ. Съ нимъ были его два сына, молодые люди лѣтъ за двадцать. Князя окружала толпа его чиновъ и слугъ. Старикъ вошелъ къ намъ въ юрту, его сыновья отправились въ юрту Скасси: китайскій этикетъ не позволяетъ сыну сидѣть въ присутствіи отца, а въ нашей юртѣ стоять можно было только въ самомъ центрѣ; потому и остальная свита князя должна была остаться на открытомъ воздухѣ, исключая двухъ-трехъ человѣкъ.

Лицо князя было желтое, болѣзненное, и онъ былъ худъ, какъ скелетъ; послѣ мы узнали, что онъ отчаянный курильщикъ опіума, совершенно разстроившій свое здоровье куреньемъ. Пріятныя манеры и очень умные глаза всѣмъ намъ очень понравились въ князѣ. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ инструменты, книги, географическія карты, которые мы показывали ему, и разспрашивалъ о цѣляхъ и задачахъ путешествія. Узнавъ о томъ, что съ нами есть фотографія, онъ пожелалъ, чтобы съ него и его семьи были сняты портреты; для занятій фотографіей онъ обѣщалъ приготовить комнату въ своемъ домѣ.

Молодые князья и послѣ много разъ приходили въ нашъ лагерь, заходилъ и самъ старикъ поговорить, насколько сумѣемъ, и посмотрѣть европейскія вещи. Они всѣ продолжали мнѣ нравиться; въ ихъ манерахъ было много простоты, радушія, не было видно китайскаго пренебреженія къ иностранцамъ, всегда просвѣчивающаго сквозь условную китайскую вѣжливость, не было также и глупаго удивленія передъ европейскими изобрѣтеніями, такъ надоѣдающаго обыкновенно при сношеніяхъ съ полудикарями. Видно было, что многое они видали и знаютъ; оба юноши не разъ бывали въ Пекинѣ, и у себя принимали миссіонеровъ-европейцевъ.

Непріятно только было видѣть, что держали они себя большими барами; за каждымъ изъ молодыхъ людей ходило нѣсколько слугъ: одинъ носилъ на рукахъ маленькую собачку князя, другой — кисетъ съ табакомъ и трубку, третій дождевой зонтъ и т. д

Кромѣ сыновей князя, къ намъ въ лагерь приходила иногда младшая жена его, *купленная жена*, какъ назвалъ ее нашъ переводчикъ, китаецъ Ли. На видъ ей иногда можно было дать лѣтъ восемнадцать, въ другой—тридцать; она была очень симпатична, а правильныя черты лица, очень нѣжный цвѣтъ кожи и большіе черные глаза дѣлали ее очень хорошенькой, даже и съ европейской точки зрѣнія, только неестественный блескъ глазъ и нездоровый румянецъ заставляли думать, что она чахоточная. Она носила дѣвичью прическу, т.-е. распускала по-русски заплетенную косу по спинѣ, одѣвалась просто и держалась съ большимъ тактомъ, какъ съ нами, такъ и съ своими взрослыми пасынками и съ прислугой, которая окружала ее и ея сына, мальчика лѣтъ семи. Разговаривать съ ней мы могли лишь черезъ переводчика, который зналъ всего нѣсколько словъ по-русски, да и то кяхтинскаго, чисто условнаго нарѣчія; тѣмъ не менѣе я не могла не замѣтить, что всѣ ея вопросы были очень умны, что у нея есть наклонность наблюдать и сравнивать извѣстную ей китайскую цивилизацію съ нашей.

Обыкновенно всѣ сношенія съ дамами въ Китаѣ меня страшно тяготили; мнѣ всегда было ясно, что, удовлетворивъ своему любопытству внимательнымъ осмотромъ вашей наружности, убѣдившись, что русскія женщины не отличаются рѣзко въ этомъ отъ китаянокъ, осмотрѣвъ затѣмъ особенности вашего туалета, китайская барыня утрачиваетъ всякій интересъ къ вашей особѣ. Здѣсь, у этой молоденькой женщины было нѣчто другое: кромѣ простого любопытства, высказывалась любознательность, видѣлось человѣческое участіе и требовалось взамѣнъ того же. Видно было, что общество умнаго старика не осталось безъ вліянія для этой молодой особы и сдѣлало ее замѣтно развитѣе всѣхъ тѣхъ китаянокъ и монголокъ, которыхъ я встрѣчала ранѣе. Но эта же близость къ мужу принесла ей и большой вредъ: она сдѣлалась такой же курильщицей опіума, какимъ былъ князь, и здоровье ея пострадало. Мнѣ казалось, что молодая женщина сама понимаетъ, что жить ей осталось недолго; мысль о скоромъ сиротствѣ мальчика проглядывала, мнѣ казалось, въ ея горячихъ ласкахъ къ сыну. Мальчикъ бойкій и смотрѣлъ монголомъ: мать тоже, вѣроятно, была изъ монгольскаго семейства, ноги ея не были изуродованы, но родилась и выросла она въ Пекинѣ.

Послѣ визита князя мы были приглашены къ нему. Домъ у него былъ выстроенъ за городомъ и, по китайскому обычаю, былъ окруженъ дворами и садами: у главныхъ воротъ высокія мачты съ флагами и оригинальнымъ символическимъ украшеніемъ, въ видѣ нашей пасхальной сырницы на половинѣ ихъ высоты, показывали высокое значеніе владѣльца дома. На дворахъ, по которымъ мы проходили, были цвѣтники, а на послѣднемъ даже яблонныя и персиковыя деревья и галлерея, увитая виноградной лозой. Домъ былъ сложенъ изъ квадратныхъ свѣтло-сѣрыхъ кирпичей и имѣлъ большія вездѣ стеклянныя окна, что въ Китаѣ встрѣчается очень рѣдко. Комната, въ которой князь принималъ насъ, кромѣ китайскаго *кана*, застланнаго пунцовымъ сукномъ, была наполнена мебелью изъ рѣзнаго чернаго дерева, украшена большими фарфоровыми и эмалевыми вазами, китайскими фонарями, спускавшимися съ потолка, и множествомъ разныхъ другихъ вещей, при чемъ только столовые часы и зеркала были европейскаго происхожденія. Какіе-то свертки, сложенные на канѣ, раскрытыя книги, маленькіе столики въ разныхъ углахъ, поставленные ради удобства, придавали этой богато убранной комнатѣ жилой видъ, чего такъ недостаетъ въ пріемныхъ комнатахъ у богатыхъ китайцевъ. Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ я видѣла слесарный станокъ, на которомъ, говорятъ, князь любитъ работать; въ другой помѣщается библіотека изъ китайскихъ и монгольскихъ книгъ; третья наполнена часами, послѣдніе составляютъ слабость князя и, говорятъ, онъ проводитъ цѣлые часы въ разборкѣ ихъ механизмовъ; при домѣ живетъ особый часовой мастеръ-китаецъ. Такая обстановка показывала, что роскошь, окружающая князя, не была только выставкой его богатства, но выражала также и личные вкусы владѣльца. Сыновья князя принимали насъ вмѣстѣ съ нимъ, а когда подали чай, пришла и его молоденькая жена. Меня очень затрудняло въ этомъ визитѣ то обстоятельство, что ни сыновья князя, ни его жена не садились въ его присутствіи все время. Скоро меня пригласили въ комнату княгини. Она была еще не старая женщина, очень богато и съ большимъ вкусомъ одѣтая въ шелковые халаты нѣжныхъ цвѣтовъ, волоса были причесаны по манджурской модѣ въ очень затѣйливый шиньонъ съ искусственными цвѣтами, а ноги обуты въ расшитыя золотомъ туфли, на подошвѣ вершка въ полтора высотой. Лицо у нея было не красиво, а главное, холодно, не симпатично, манеры тоже очень чопорны. Смотря на нее, я не удивилась, что у князя явилось желаніе завести себѣ другую, будничную жену. Въ комнатѣ княгини было нѣсколько дамъ: жена втораго княжескаго сына, молоденькая манджурка, старуха—ея мать

и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, воспитанница княгини; она, несмотря на манджурскую выправку, сохраняла непринужденность монгольской дѣвочки и нѣсколько оживляла это чинное общество.

Въ комнатѣ было также много предметовъ китайской роскоши, но они больше свидѣтельствовали о трудолюбіи художниковъ, чѣмъ о вкусѣ ихъ; была, напримѣръ, тутъ одна картина, составленная изъ перламутра и кусковъ разноцвѣтнаго зеленаго нефрита; послѣдній матеріалъ настолько неподатливъ при обработкѣ, что деревья, изъ него сдѣланныя, очень мало походили на настоящія.

Княгиня была въ этомъ домѣ временно, по случаю пріема гостей; жила она въ другомъ домѣ въ городкѣ. Разговаривать намъ черезъ Цуйсана было не очень удобно,—мы проводили время въ разсматриваньи фотографическихъ видовъ Пекина и другихъ мѣстностей, за которыми посылали къ намъ въ юрту. Скоро дамы перестали обращаться съ вопросами ко мнѣ и предпочитали вести бесѣду прямо съ Цуйсаномъ, разспрашивая его о насъ и нашей жизни.

На другой день княгиня пригласила меня къ себѣ обѣдать. Домъ, въ которомъ она жила, былъ старой постройки и, можетъ быть, деревянный, полы въ немъ покосились, колонны тоже. Особенной роскоши здѣсь не было замѣтно: всѣ вещи имѣли видъ давнымъ давно бывшихъ въ употребленіи; но для меня, у которой дома—въ смыслѣ постояннаго жилья—уже давно не было, этотъ видъ стараго дома очень нравился. Княгиня и княжна опять были очень нарядны и въ цвѣтахъ, но теперь онѣ держались нѣсколько проще. Цуйсана мы скоро отпустили отъ себя и хотя не могли разговаривать, но чувствовали себя свободнѣе безъ этого наблюдателя, объяснялись пантомимами, не стѣсняясь, осматривали наряды другъ друга. Княгинѣ очень нравились европейскія кружева; ея бѣлье было изъ бумажной ткани и ничѣмъ не отдѣлано. Туалетныя вещицы были сложены въ витрины, какъ въ магазинахъ; среди браслетъ, колецъ и прочаго лежала засохшая роза, повидимому, украшавшая нѣкогда ея шиньонъ, и—странное дѣло—этотъ видъ стараго букетика, положеннаго тутъ какъ-будто на память о какомъ-нибудь днѣ или, можетъ быть, даже встрѣчѣ, вдругъ приблизилъ меня къ этой холодной и чопорной барынѣ-манджуркѣ.

Въ моемъ воображеніи создался цѣлый романъ. Знатная манджурская дѣвушка, жившая при дворѣ или, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ, должна была выйти замужъ за монгола, живущаго гдѣ-то въ песчаныхъ степяхъ за стѣной, куда нужно было ѣхать уже не въ портшезѣ, а, можетъ быть,

на верблюдахъ. Ихъ бракъ она, конечно, понимала: это была лишь политическая комбинація, и ей, можетъ быть, съ первыхъ же шаговъ въ новой семьѣ пришлось встрѣтиться съ женщиной, занимавшей въ сердцѣ мужа принадлежащее ей по праву мѣсто. Вотъ, можетъ быть, почему лицо княгини и носитъ такой замороженный характеръ, думалось мнѣ.

Въ домѣ князя, въ его жизни сохранилось еще много монгольскаго; хозяйствомъ завѣдывала въ качествѣ экономки старая монголка, бывшая няня старшихъ князей. Безъ гостей здѣсь всѣ, кромѣ княгини, пили монгольскій кирпичный чай съ жаренымъ просомъ, вмѣсто хлѣба, какъ это дѣлается во всѣхъ домахъ Ордоса, а лѣтомъ пили *тарыкъ*, т.-е. особый напитокъ изъ кислаго молока, какой приготовляется во всѣхъ окрестныхъ юртахъ. При мнѣ въ комнату княгини приходили князь и его сыновья; съ ними я могла нѣсколько говорить, припоминая монгольскія слова, сохранившіяся въ памяти отъ прежнихъ путешествій. Старый князь, узнавъ, что я люблю тарыкъ, велѣлъ принести мнѣ, и мы съ нимъ угощались этимъ національнымъ блюдомъ. Передъ обѣдомъ мужчины ушли. Княгиня, какъ мнѣ сказали, тоже курила опіумъ, и потому меня пригласили идти въ комнаты второй жены князя. Здѣсь было до крайности неуютно и видно было, что хозяйка комнаты мало живетъ въ новомъ домѣ князя, гдѣ мы были наканунѣ. Здѣсь, въ этомъ заброшенномъ углу, на первомъ планѣ также встрѣтился приборъ для куренья опіума, и это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе; я рада была, когда опять получила приглашеніе воротиться въ комнату княгини. Тамъ слѣдовъ куренья опіума уже не было видно, напротивъ, была жизнь,—болтала и смѣялась дѣвочка-воспитанница, няня хлопотала съ приготовленіями къ обѣду, на канѣ спала маленькая собаченка княгини, на столикахъ лежали женскія рукодѣлья.

Обѣдали мы съ княгиней только вдвоемъ. Обѣдъ былъ китайскій и по-китайски сервированъ; княгиня, видя мое затрудненіе съ круглыми палочками, велѣла подать мнѣ четырехгранныя, которыми было нѣсколько удобнѣе ловить рисъ и прочую мелочь съ китайскихъ блюдцевъ.

Жизнь этого дома, насколько мнѣ удалось наблюдать ее, дала бы прекрасный матеріалъ писателю историческихъ романовъ изъ эпохи нашей петровской реформы: съ одной стороны—монгольская обстановка жизни съ простотой и безцеремонностью нравовъ, продолжаемая всѣми домочадцами; съ другой—новая, болѣе утонченная культура, насильно навязанная по волѣ главы семейства. У насъ это была культура европейская, тамъ, въ домѣ Джунгарскаго князя, китайская, но такая же чуждая и многимъ ненавистная.

Говорятъ, что всѣ остальные князья въ Ордосѣ не любятъ Джунгарскаго князя, какъ приверженца китайскихъ порядковъ и новатора. Увидать, какъ живутъ приверженцы старыхъ порядковъ, намъ не удалось. Настоящій ванъ Ордосскій не захотѣлъ насъ принять, когда мы были у него въ хошунѣ. Онъ большой старовѣръ, говорятъ. Только впослѣдствіи, уже на возвратномъ пути въ Россію, когда мы отъ озера Кукуноръ шли прямо на сѣверъ, на самой границѣ Гобійской пустыни, раздѣляющей Монголію на южную и сѣверную, мы встрѣтили другого монгольскаго владѣтельнаго князя, вана племени торгоутъ.

Здѣсь все было иначе, чѣмъ въ Джунгарахъ. Ванъ жилъ такъ же, какъ и всѣ его подданные, чисто пастушеской жизнью, въ юртахъ, перекочевывая нѣсколько разъ въ годъ. На границѣ торгоутской земли были китайскіе города и деревни, были пашни: китайцы, кромѣ пшеницы и гороха, сѣяли на нихъ даже рисъ и хлопчатникъ, хотя и тотъ и другой родились тутъ плохо; въ деревняхъ и городахъ встрѣчались фруктовыя деревья,—все это исчезло вмѣстѣ съ послѣдними китайцами. Въ торгоутской землѣ кругомъ не было видно ни домовъ, ни пашенъ, подъ ногами была галька и кустики плохой травы, да по берегу большой рѣки Эдзинъ-Гола, вдоль которой мы шли, тянулись неширокой полосой луга, съ жесткими злаками и иногда камышемъ; изрѣдка встрѣчались рощицы старыхъ корявыхъ тополей, и подъ ними обыкновенно были видны двѣ-три бѣдныя торгоутскія юрты. Несмотря на такой видъ страны, мы рады были оставить культурный Китай и съ удовольствіемъ встрѣчали монгольскихъ всадниковъ, неизмѣнно всегда обмѣнивавшихся съ нами своими привѣтствіями: „Менду! Амуръ-саикъ!“ Звуки мало для насъ понятные, но тѣмъ не менѣе ихъ пріятно было слышать.

У торгоутскаго вана мы разсчитывали отпустить китайскихъ возчиковъ на телѣгахъ и нанять верблюдовъ для перехода черезъ Гоби. Переговоры по обыкновенію затянулись, и мы зажились на берегу Эдзинъ-гола. Между нашимъ лагеремъ и ставкой вана, которую можно было видѣть отъ насъ въ бинокль, завязались частыя сношенія, сначала черезъ прислугу. Когда переговоры приближались уже къ благополучному концу, торговля черезъ посредниковъ кончилась и ванъ побывалъ у насъ въ лагерѣ, получила и я приглашеніе пріѣхать къ женѣ вана. Зная, что меня ждетъ уже знакомая мнѣ монгольская обстановка, я не очень волновалась, гораздо меньше, чѣмъ тогда, когда приглашеніе получалось отъ какой-нибудь китаянки, гдѣ я ожидала встрѣтить тысячу непонятныхъ мнѣ церемоній. Ста-

рику Санданджимбѣ и мнѣ осѣдлали нашихъ лошадей, и мы отправились; на полдорогѣ насъ встрѣтилъ какой-то молодой человѣкъ, братъ княгини, какъ я узнала впослѣдствіи. Видъ вановской стоянки не имѣлъ въ себѣ ничего внушительнаго,—онъ походилъ на всякій другой аулъ, состоящій изъ нѣсколькихъ юртъ. Правда, войлоки на двухъ-трехъ юртахъ отличались бѣлизной, зато остальныя юрты имѣли обычный закоптѣлый и нѣкоторыя даже совсѣмъ растрепанный видъ, какъ жилища бѣдняковъ въ Монголіи. Передъ одной изъ бѣлыхъ юртъ стояли *торчаки*, т.-е. мачты, какъ и передъ домомъ Джунгарскаго князя. Оживленія въ лагерѣ при нашемъ приближеніи не было замѣтно, напротивъ, люди какъ будто куда-то попрятались; впрочемъ, двѣ женщины подошли помочь мнѣ сойти съ лошади и провели насъ въ юрту, гдѣ никого не было и ничего не было изъ того, что обыкновенно бываетъ въ жилыхъ юртахъ. Не успѣла я выслушать отъ старика объясненіе, что эта юрта замѣняетъ здѣсь пріемную для просителей или служитъ канцеляріей, какъ насъ позвали куда-то дальше; мы перешли къ слѣдующей, самой большой юртѣ, и у дверей ея меня встрѣтила высокая монголка, за халатъ которой цѣплялось четверо рябятишекъ. По костюму, по тому, что она встрѣтила меня на улицѣ, и по застѣнчивымъ манерамъ я приняла эту женщину за няню или за приближенную слугу княгини; но въ юртѣ, когда она усадила меня и сама сѣла напротивъ и стала занимать меня разговорами, я начала думать, что это и есть сама княгиня; чтобы убѣдиться въ этомъ и видя, что въ обстановкѣ юрты все показывало, что женщина не живетъ тутъ, я рискнула предложить вопросъ: „Не пойдемъ ли мы въ юрту княгини?“ На это мнѣ отвѣтили: „Нѣтъ, будем-те лучше здѣсь сидѣть“. И я поняла, что женщина въ нанковомъ халатѣ, довольно-таки позатасканномъ, въ грубыхъ кожаныхъ сапогахъ, — и есть сама княгиня, и что мальчики и дѣвчонки въ такихъ же халатахъ и сапогахъ — дѣти вана. Княгини въ халатѣ цвѣта кремъ и въ золотомъ расшитыхъ туфляхъ здѣсь, очевидно, я не могла разсчитывать встрѣтить. Вмѣсто каменнаго

Рис. 5.

дома, наполненнаго предметами роскоши и культуры, у вана пріемная юрта выказывала нѣкоторую претензію на роскошь въ обстановкѣ, впрочемъ, она только еще сильнѣе выдавала его бѣдность. Здѣсь, напримѣръ, стѣны были обтянуты пунцовой шерстяной матеріей, чего не бываетъ у простыхъ монголовъ, и главное мѣсто противъ очага занимало низенькое кресло съ пунцовыми же подушками, — это, повидимому, было мѣсто самого вана. Кіотка съ бурханами и китайскіе лакированные сундуки по стѣнамъ представляли уже обычное явленіе во всѣхъ зажиточныхъ юртахъ. Полъ покрывали кошмы, обшитыя дабой. Самой замѣтной особенностью юрты, можетъ быть, слѣдовало признать то, что очагъ въ ней былъ обдѣланъ въ дерево и на немъ стояла круглая желѣзная печь, — это нововведеніе еще очень недавно распространилось въ Монголіи и встрѣчается не часто.

Въ юрту вошло нѣсколько монголовъ съ шариками на шапкахъ; передъ нами поставили скамеечки, замѣняющія столы, и стали подавать чай въ фарфоровыхъ чашкахъ. Все это было такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ юртахъ, развѣ только, что печенье у обыкновенныхъ обывателей случалось въ юртахъ лишь разъ въ году, въ праздникъ, но можетъ быть оно и здѣсь подавалось только ради гостей. Послѣ чаю намъ въ тѣхъ же чашкахъ подавали пельмени. Хозяйка дома почему-то не пила чаю съ нами, и я подозрѣваю, что фарфоровой посуды въ домѣ больше не было, и что обыкновенно у нихъ употребляются деревянныя чашки.

Чиновникамъ скоро надоѣло играть въ гости, и они ушли и увели моего Сандандживу угощать кумысомъ. Послѣ этого наша бесѣда съ княгиней пошла успѣшнѣе. Я отдала ей маленькіе подарки, которые привезла для нея; ими сейчасъ же завладѣли дѣти и, пока они были заняты этимъ, мы пробовали занимать другъ-друга, говорили о погодѣ, о жарѣ, о мошкахъ, отъ которыхъ житья нѣтъ на берегахъ Эдзинъ-гола; говорили о томъ, что рынокъ отъ ихъ мѣстъ очень далеко, за всѣмъ, что имъ нужно, разъ въ годъ они посылаютъ черезъ Гоби въ Куку-хото, — тамъ главный рынокъ монгольскихъ товаровъ. Княгиня сравнивала мою странствующую особу съ собой, которая не видала ничего, кромѣ своихъ степей. Я спрашивала, примѣняясь къ обстоятельствамъ, начинаетъ-ли ея старшая дѣвочка пріучаться къ хозяйству, на это мнѣ отвѣчали, что „овецъ она уже можетъ доить, но коровъ еще нѣтъ“. Княгиня прямо не жаловалась на бѣдность, но ея печальный видъ, старые халаты и стоптанные сапожки ребятишекъ, убранство юрты, которой старались придать возможно торжественный видъ, — все это очень краснорѣчиво говорило о бѣдности и

о томъ, что и въ степи величіе безъ соотвѣтствующаго — вещь не легкая. Особенно поражали насъ своимъ попрошайничествомъ и своими лохмотьями слуги князя: они часто являлись въ нашъ лагерь и просили ѣды и, главнымъ образомъ, всякаго платья. Какъ ни обносились наши рабочіе за время дороги, они все еще находили возможнымъ отдавать свои обноски княжеской прислугѣ.

Торгоутамъ, должно быть, предстояло переходить къ земледѣлію: держать много скота на такихъ пустынныхъ мѣстахъ, какія мы видѣли, положительно невозможно; луговыя мѣста по рѣкѣ скудны и кишатъ комарами; лѣтомъ скотъ тутъ не держатъ, угоняютъ куда-то въ горы.

Торгоуты не походили ни на ордосцевъ, ни на халха, которыхъ мы знали ранѣе; они отличались необыкновенной для монголовъ словоохотливостью, юркостью и многіе были очень плутоваты. Нѣкоторые въ своихъ разговорахъ, повидимому, даже щеголяли нѣкоторою картинностью рѣчи и краснорѣчіемъ, чего я не встрѣчала у другихъ монголовъ.

Узнать торгоутовъ нѣсколько больше мнѣ привелось во время нашего дальнѣйшаго путешествія. У вана мы взяли верблюдовъ и проводниковъ до монастыря Ламы Гегена и шли съ ними чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ.

СРЕДИ ШИРОНГОЛОВЪ.

Весной 1884 г. наша экспедиція оставила Пекинъ и все лѣто шла на юго-западъ. Поздней осенью мы прибыли въ городъ Ланджеу, на западной границѣ Срединнаго государства съ подвластными ему землями тангутовъ и монголовъ. Здѣсь наша экспедиція раздѣлилась: г. Скасси остался въ Ланджеу, г. Березовскій отправился на югъ, гдѣ лѣсистыя горы обѣщали ему обильную охоту, а мой мужъ и я отправились зимовать въ страну осѣдлыхъ монголовъ, въ мѣстность Санчуань (или три долины), на берегу Желтой рѣки, въ двухъ стахъ верстахъ къ югу отъ Ланджеу.

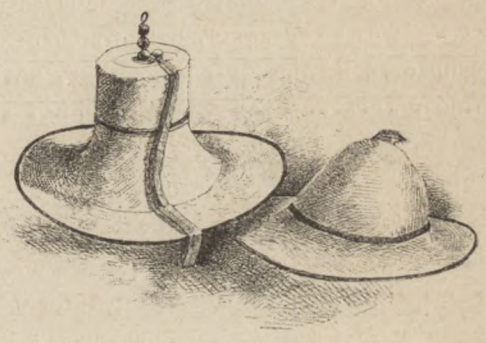
Санчуанскіе монголы представляютъ, повидимому, особое племя и говорятъ языкомъ отличнымъ отъ того монгольскаго, который мы знали раньше: ни монголы-халха, ни ордосскіе монголы, ни наши буряты не понимаютъ ихъ нарѣчія. Китайскія книги и старыя легенды называютъ санчуанскихъ монголовъ широнголами, и я буду употреблять это имя, такъ какъ оно принадлежитъ не мѣстности, какъ Санчуань, а народности. Широнголы говорятъ про себя, что они пришли въ эту страну, на берега Хуанъ-ха, во времена Чингисхана, въ качествѣ его войска, безъ женщинъ; были тутъ поселены и переженились на китаянкахъ. Дѣйствительно, у нихъ много китайскихъ обычаевъ и почти всѣ они говорятъ по-китайски; многіе, особенно женщины, носятъ китайскія имена. Тѣмъ не менѣе ихъ особый языкъ, многіе народные обычаи и особенности въ костюмѣ заставляютъ предполагать, что они не только окитаившіеся монголы, но составляютъ особое племя. Живутъ широнголы осѣдло, въ фанзахъ изъ необожженнаго кирпича, занимаются хлѣбопашествомъ и по внѣшнему виду ихъ трудно отличить отъ китайцевъ; ризличіе выступаетъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ, въ физическомъ типѣ и характерѣ.

Между широнголами замѣчаются два рѣзко обособленные типа: одни изъ нихъ съ рѣзкими чертами лица, большими глазами, смуглые и сильно черноволосые, другіе — голубоглазые, съ русыми волосами. Между обоими типами встрѣчается много красивыхъ лицъ; росту почти всѣ они высокаго и очень стройны; живутъ подолгу, встрѣчаются нерѣдко столѣтніе старики. У женщинъ этой рѣзкой обособленности типа я не замѣтила; взамѣнъ этого онѣ отличаются оть китаянокъ и монголокъ своей одеждой и головнымъ уборомъ. Волосы онѣ связываютъ на макушкѣ головы въ шиньонъ такъ-же, какъ китаянки: но сверхъ того, накладываютъ пышно расчесанную незаплетенную косу вокругъ шиньона, прикрѣпляя ее металлической булавкой. Ниже шиньона онѣ носятъ небольшой обручикъ, украшенный серебромъ и кораллами. Уборъ этотъ очень красивъ; по праздникамъ къ нему прибавляется еще бахрома изъ мелкаго жемчуга или кораллокъ, и въ этомъ видѣ онъ напоминаетъ старинныя дѣвичьи повязки въ нашихъ среднихъ губерніяхъ. Впрочемъ, головные уборы широнголокъ очень разнообразятся по мѣстностямъ: въ однихъ мѣстахъ носятъ косу распущенную на спинѣ и только конецъ косы прикрѣпляютъ къ затылку большимъ металлическимъ мечомъ, рукоятка котораго украшена вставками изъ камней; въ другихъ — носятъ на головѣ черныя бархатныя камилавки, какъ наши монахини, но не больше вершка вышиной; третьи дѣлаютъ себѣ высокіе кокошники изъ картона, обшитаго красной матеріей, бахромой и блестками; сзади кокошника на спину спадаетъ фата, которая обыкновенно дѣлается изъ той-же грубой ткани, какъ и остальная одежда. Халаты нерѣдко также оригинальны: обыкновенно они синіе одноцвѣтные, но въ нѣкоторыхъ деревняхъ рукава шьются изъ полосъ яркихъ разноцвѣтныхъ матерій; это, пожалуй, красиво, но не особенно изящно. Санчуанки халаты и кофты носятъ одноцвѣтные, преимущественно зеленые, и только на отворотахъ рукавовъ и на воротникѣ употребляютъ яркія матеріи или вышивки. Всѣ широнголки носятъ юбки съ разрѣзами напереди и назади и у пояса сложенныя въ мелкія складки; панталоны всегда синіе, широкіе у ногъ; необходимое дополненіе костюма у нихъ фартукъ, всегда сшитый изъ матеріи двухъ цвѣтовъ, зеленаго и краснаго. Замужней женщинѣ показаться въ семьѣ передъ старшими или передъ

Рис. 6.

посторонними лицами безъ юбки считается предосудительнымъ, тогда какъ китаянки юбку считаютъ только принадлежностью наряднаго туалета, да и то лишь въ мандаринскихъ семьяхъ, а простыя женшины часто ихъ совсѣмъ не имѣютъ. Ноги санчуанскія широнголки забинтовываютъ, но каблуковъ не носятъ и потому ходятъ лучше китаянокъ. Дѣвочки юбокъ не носятъ и заплетаютъ волосы въ косы; одну распускаютъ по спинѣ, а другую заплетаютъ надъ лѣвымъ вискомъ и прикрѣпляютъ къ задней косѣ. Лѣтъ до 12—13 дѣвочки ростутъ на свободѣ, играютъ съ мальчиками, участвуютъ во всѣхъ домашнихъ и полевыхъ работахъ, нянчатся съ ребятами; позднѣе онѣ на улицѣ не показываются, въ полѣ не работаютъ, вообще ведутъ жизнь затворническую. Даже въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ рабочихъ рукъ мало, дѣвушекъ избавляютъ отъ всѣхъ работъ внѣ дома. Въ эти годы онѣ усиленно занимаются рукодѣльями, вышиваютъ шелками разныя вещи для себя и для подарковъ во время своей будущей свадьбы.

Рис. 7.



Замужъ широнголки выходятъ не ранѣе 16—17 лѣтъ, но мальчиковъ иногда женятъ очень рано; у богатыхъ раньше, чѣмъ у бѣдныхъ. У нашего сосѣда, богатаго землевладѣльца и чиновника, служившаго въ милиціи, былъ сынъ лѣтъ двѣнадцати. Мальчикъ часто игралъ съ дѣтьми на улицѣ, ходилъ мимо насъ въ школу и иногда приходилъ къ намъ посмотрѣть картинки. Какъ-то разъ нашъ переводчикъ, присутствуя при этомъ, сказалъ мнѣ: „этотъ бѣдняга уже женатъ!“ Я, конечно, подумала, что Сандандзимба шутитъ, но впослѣдствіи это оказалось правдой. Жена этого школьника была лѣтъ 18-ти и никогда не показывалась вмѣстѣ съ нимъ, а также и въ домѣ свекра. Отецъ выстроилъ женатому сыну отдѣльный домъ съ отдѣльнымъ дворомъ и воротами, и такъ какъ мальчикъ не могъ самъ вести хозяйства, то онъ поселилъ съ нимъ бывшаго учителя, который и завѣдывалъ хозяйствомъ молодыхъ людей.

Впослѣдствіи я встрѣчала и еще такихъ же мужей-мальчиковъ. Обычай требуетъ, чтобы невѣстка не показывалась на глаза свекру. Сандандзимба говорилъ: „если случится, что свекоръ войдетъ въ ту комнату, гдѣ нахо-

дится невѣстка, она должна встать лицомъ къ стѣнѣ и простоять такъ все время, пока отецъ ея мужа не уйдетъ изъ комнаты“ *).

Санданджимбѣ очень нравились широнгольскіе обычаи. Онъ называлъ ихъ утонченными; но, какъ и слѣдовало ожидать, обычай женить ребятъ привелъ къ тому, что почти всѣ зажиточные широнголы женятся впослѣдствіи на второй женѣ, а нѣкоторые имѣютъ и трехъ. Когда я бывала въ домахъ широнголовъ, я всегда боялась жену хозяина дома принять за его мать. Часто случается, что старшая жена, замѣненная болѣе молодой, превращается въ простую работницу, которая не пользуется ни любовью, ни особеннымъ почетомъ окружающихъ ее лицъ; особенно въ этомъ случаѣ бываетъ печальна участь бездѣтныхъ женщинъ. Такіе ранніе браки, повидимому, не особенно оберегаютъ и нравы. Молодой мужъ состарѣвшейся жены не всегда имѣетъ средства взять себѣ другую жену и въ такомъ случаѣ устраивается какъ-нибудь незаконнымъ образомъ, чему, можетъ быть, не мало помогаютъ и тѣ старики, которые запаздываютъ съ своей второй женитьбой и женятся на неровняхъ. О сценахъ ревности у широнголовъ не приводилось слышать, что, впрочемъ, можно сказать вообще о всѣхъ монголахъ, встрѣченныхъ нами.

Сговоры жениха и невѣсты дѣлаются рано, иногда за нѣсколько лѣтъ до свадьбы, которая бываетъ тогда, когда семья почувствуетъ себя въ силахъ сдѣлать большія затраты для свадебнаго пира. Широнголы вообще очень тщеславны и потому дѣлаютъ свадьбы съ большими затратами и при этомъ входятъ иногда въ долги. Невѣсту въ день свадьбы, рано утромъ, на разсвѣтѣ, везутъ въ домъ жениха, верхомъ на мулѣ или на лошади. Если дома нѣтъ животнаго или сѣдла, то берутъ ихъ у сосѣдей. Ѣдетъ невѣста ненарядная, покрытая съ головой нагольной шубой (я видѣла свадьбу зимой), и все время громко плачетъ съ причитаніями, нараспѣвъ. За ней идутъ родные ея и поютъ все время пѣсни. Напѣвъ при этомъ печальный, монотонный; въ другое время, сколько мнѣ кажется, эти пѣсни не поются. Немного не доѣзжая до женихова дома, женщины раскладываютъ два костра, и между ними проходитъ процессія и проѣзжаетъ невѣста; у входа въ калитку дома тоже раскладываютъ костеръ.

Свадебный пиръ начинается къ полудню. Собравшіеся гости сидятъ за столами, за тѣснотой домовъ чаще всего на дворѣ или въ палаткѣ, на-

*) Такой же обычай есть въ знатныхъ киргизскихъ семействахъ.

рочно для этой цѣли раскинутой *), и пьютъ подогрѣтую водку, чаще домашнюю, а не покупную. Всякій гость или гостья, приходящіе на пиръ, что-нибудь дарятъ жениху или его отцу, или даютъ нѣсколько денегъ. Молодой, одѣтый въ нѣсколько халатовъ и подвязанный крестъ-на-крестъ черезъ плечи кускомъ пунцовой матеріи, принимаетъ гостей у воротъ и ведетъ въ комнату; здѣсь онъ принимаетъ подарокъ и кланяется гостю въ ноги, а потомъ усаживаетъ новоприбывшаго или въ комнатѣ, если онъ гость почетный, или на дворѣ, за однимъ изъ столовъ. Въ первомъ случаѣ передъ гостемъ ставятъ особую фляжку съ водкой, во второмъ — подносятъ только чашку съ водкой и затѣмъ пристраиваютъ гостя къ общей флягѣ. Гости, сидящіе на дворѣ за столами, выпивая, поютъ пѣсни; но женщины при этомъ не участвуютъ: онѣ собираются въ отдѣльную комнату; молодой въ началѣ пира также невидно.

На той свадьбѣ, которую я видѣла, монгольскіе обычаи, повидимому, были смѣшаны съ китайскими, и потому, когда гости всѣ собрались, среди двора поставили столикъ и на немъ небольшую деревянную табличку съ изображеніемъ пяти священныхъ іероглифовъ. Іероглифы эти обозначали пять понятій, передъ которыми долженъ благоговѣть каждый китаецъ, — это были слова: небо, земля, императоръ, отецъ, мать. Передъ столомъ разостлали коверъ, столъ украсили цвѣтами и передъ таблицей зажгли курительныя свѣчи; затѣмъ изъ внутреннихъ комнатъ вывели молодую, одѣтую во все самое лучшее. Молодой мужъ сталъ впереди, жена за нимъ, дальше стали женщины, двѣ провожатыя невѣсты; у стола съ іероглифами сталъ отецъ молодаго и другіе старики. Молодые совершили нѣсколько земныхъ поклоновъ передъ таблицей и потомъ передъ отцемъ и передъ стариками; одинъ изъ стариковъ громко прочелъ или, лучше, сказалъ имъ благословеніе. Послѣ этого молодые ушли; а передъ стариками стали выступать родные невѣсты и получать отъ нихъ подарки, соотвѣтствующіе ихъ близости къ невѣстѣ и важности въ семьѣ. При раздачѣ подарковъ гости пѣли величаніе получавшимъ. Послѣ этого всѣ заняли свои мѣста и гостей стали угощать обѣдомъ; послѣ обѣда родные невѣсты ушли, а оставшіеся гости пировали въ продолженіе всего дня.

---

*) Въ деревнѣ Ниджѣ, гдѣ мы жили, была общественная палатка, которую жители брали напрокатъ.

Молодая послѣ свадебнаго пира уходитъ въ домъ своихъ и остается тамъ нѣсколько дней *).

Когда у молодыхъ родится ребенокъ, мать съ новорожденнымъ тоже привозится въ домъ родителей и здѣсь поправляется, избавленная отъ всѣхъ хозяйственныхъ хлопотъ. Не знаю, сколько времени она остается здѣсь; вѣроятно, это зависитъ отъ обстоятельствъ. Обычай этотъ наблюдается и впослѣдствіи, не только при рожденіи перваго ребенка. Черезъ нѣсколько времени назначаютъ день для обряда назначенія имени. Въ чемъ состоитъ обрядъ, я не знаю; знаю только, что при этомъ родные дарятъ мать и ребенка,—послѣднему непремѣнно пунцовую рубашку.

Хоронятъ своихъ покойниковъ широнголы по-китайски: въ гробахъ и на семейныхъ кладбищахъ; по большей части среди пахатныхъ полей оставляютъ уголокъ для могилъ. Передъ конусообразной кучкой земли ставятъ камень, отесанный или даже простой, съ плоской вершиной, и на немъ въ дни поминокъ сжигаютъ желтую бумагу, хлѣбъ и вино.

При похоронахъ также стараются щеголять другъ передъ другомъ расходами. Разъ одинъ нѣжный сынъ, покупая при мнѣ шелковый халатъ для своей старой матери, въ извиненіе своей расточительности говорилъ: „нельзя иначе; старушка скоро умретъ, а хоронить нужно въ приличномъ платьѣ“.

Обыкновенно жизнь широнголовъ идетъ очень скудно. Дома, особенно старухи и молодыя дѣвушки, которымъ не нужно показываться на улицу, ходятъ въ ужасныхъ лохмотьяхъ. Часто, даже у зажиточныхъ людей, приходилось замѣчать нижнее платье, замѣняющее наше бѣлье, до крайности заношенное и худое. Въ то же время и бѣдняки стараются имѣть нарядное платье на праздникъ.

Ѣдятъ широнголы тоже очень плохо: почти исключительно только то, что ростетъ на ихъ пашняхъ и огородахъ. Мясо покупаютъ рѣдко, къ пшеничной мукѣ часто подбавляютъ болѣе дешевую гречневую или гороховую; часто весь день пробавляются чаемъ. Пьютъ, впрочемъ, не настоящій чай, а листья какого-то кустарника изъ ближайшихъ горъ; обѣдъ варятъ только къ вечеру. Если есть корова, молоко стараются продать или копятъ масло на продажу. Въ то-же время даже бѣдняки на праздникахъ

*) Такой же обычай уходитъ послѣ свадьбы къ родителямъ есть и у нашихъ вотяковъ.

стараются настряпать, какъ можно больше: покупаютъ свинину, колютъ куръ, пекутъ на маслѣ печенье, щеголяютъ разнообразіемъ блюдъ и приправъ, покупаемыхъ въ китайскихъ лавкахъ. Часто, не довольствуясь домашней стряпухой, приглашаютъ на этотъ случай болѣе искусныхъ въ поварскомъ дѣлѣ женщинъ или мужчинъ. За такими праздничными или званными обѣдами въ деревняхъ нерѣдкость встрѣтить *халунъ-тоіо* или *хо-тоіо*, огненный котелъ или горячій котелъ: это мѣдный сосудъ, въ родѣ нашего самовара, только гораздо ниже; середина кострюли занята трубой, въ которую накладываютъ горячіе угли. Въ такихъ кострюляхъ подаютъ мясныя блюда, которыя слѣдуетъ ѣсть горячими; перегородки, которыя идутъ отъ трубы къ наружнымъ стѣнкамъ сосуда, позволяютъ подавать въ немъ до пяти различныхъ соусовъ или рагу. Изобрѣтеніе этого котла, вѣроятно, принадлежитъ китайцамъ: у нихъ также есть такіе котлы.

Другая особенность кулинарнаго искусства, которую я встрѣтила у широнголовъ,—это приготовленіе каплуновъ и пулярокъ. Для этого преимущественно употребляютъ крупную породу очень красивыхъ бѣлыхъ куръ съ большими хохлами. Въ этой же мѣстности у широнголовъ такъ же, какъ и у китайцевъ, есть еще одна порода куръ, цѣнимая за вкусъ мяса: это—куры съ черными или, скорѣе, съ темными костями и клювами. Особенность эта принадлежитъ породѣ, а не прививается искусственно.

Болѣе всего въ санчуанской кухнѣ нравился намъ хлѣбъ, который совершенно походилъ на русскій домашній хлѣбъ. Объ этомъ вкусномъ хлѣбѣ говорятъ и Гюгъ, и Пржевальскій. Пекутъ его на дрожжахъ, между тѣмъ какъ китайцы подбавляютъ въ свой всегда прѣсный хлѣбъ поташу, и притомъ дурно очищеннаго, и потому китайскій хлѣбъ всегда имѣетъ противный вкусъ мыла. Санчуанки дрожжи получаютъ при выдѣлкѣ домашней водки.

Отличительной чертой широнголовъ, мнѣ кажется, можно считать тщеславіе, стремленіе жить на-показъ. Я замѣтила также между ними очень много людей съ очень невысокими умственными способностями; но была ли это національная черта, выдѣляющая ихъ изъ ряда другихъ извѣстныхъ мнѣ монголовъ, или только вліяніе земледѣльческой жизни,—гдѣ опытъ отцовъ такъ мало оставляетъ мѣста для личной самодѣятельности, что умъ санчуанскихъ поселянъ остается въ неразвитомъ состояніи,—я не знаю; по крайней мѣрѣ, сравнивая ихъ съ кочевниками-монголами, которые въ своей, полной непредвидѣнныхъ случайностей, жизни должны больше работать собственнымъ умомъ, мы находили широнголовъ болѣе глупыми.

Взамѣнъ ума я не могу отказать широнголамъ въ большомъ развитіи ремесленной ловкости и даже художественнаго вкуса. Изъ нихъ выходятъ искусные плотники, столяры и рѣзчики по дереву. Дома богатыхъ людей въ этомъ краѣ, кумирни и мечети всегда обильно украшаются рѣзьбой. Въ монастырѣ Гумбумъ почти всѣ мастерскія живописи и лѣпныхъ работъ наполняются широнголами; религіозныя пляски также по преимуществу исполняются ими. Ламы находятъ, что широнголы болѣе другихъ монголовъ способны ко всѣмъ этимъ искусствамъ.

Женщины широнгольскія—большія мастерицы во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ; нѣкоторыя удивляли меня богатствомъ своей фантазіи и вкусомъ при составленіи узоровъ и вышиваніи. Узоръ для вышивки не составляется заранѣе, какъ у насъ, а изобрѣтается при каждой работѣ или, по крайней мѣрѣ, сохраняется только въ памяти мастерицы. Къ такимъ болѣе искуснымъ художницамъ являются другія деревенскія женщины, прося ихъ выстричь изъ бумаги узоръ для той или другой вещи. Мастерица беретъ маленькія ножницы и тутъ же, разговаривая съ окружающими, вырѣзываетъ гирлянду; при этомъ она все варьируетъ фигуры, какой бы длины ни была требуемая гирлянда. Цвѣты и листья ихъ узоровъ имѣютъ стереотипный характеръ, но сочетаніе ихъ всегда новое. Этотъ бумажный узоръ накладывается на матерію и покрывается шелками, причемъ всегда почти очень много вкуса въ расположеніи тѣней и красокъ.

Рис. 8.

Рис. 9.

Можно бы думать, что такое искусство въ рукодѣльяхъ широнголки получаютъ въ ущербъ ихъ другимъ занятіямъ, но этого нѣтъ. Всѣ самыя тяжелыя полевыя работы въ Санчуанѣ исполняются женщинами наравнѣ съ мужчинами. Онѣ пашутъ, полютъ, жнутъ и молотятъ, нерѣдко онѣ же и мелютъ хлѣбъ на ручныхъ жерновахъ. Мнѣ казалось даже, что женщины широнгольскія трудятся гораздо больше своихъ мужей.

Землей широнголы владѣютъ на правахъ собственности, и потому очень часто земельные участки крайне малы. Чтобы помочь этому злу и не дробить землю до безконечности, широнголы младшихъ сыновей, одного или двухъ, посвящаютъ въ ламы. Иногда отецъ отдаетъ своего сына въ одинъ изъ монастырей, которыхъ въ ихъ краѣ очень много, или онъ

остается дома, но, какъ лицо духовное, обреченное на безбрачную жизнь, не получаетъ земельнаго надѣла. Иногда отецъ платитъ монастырскимъ ламамъ за обученіе своего сына грамотѣ или какому-нибудь ремеслу, и тогда мальчикъ выростаетъ болѣе или менѣе обезпеченнымъ человѣкомъ. Иногда даже онъ дѣлаетъ карьеру въ монастырѣ, а если ему не посчастливится, онъ или остается заурядным монастырскимъ работникомъ, или превращается въ бродячаго бобыля, питающагося случайнымъ заработкомъ или милостыней; зато его старшіе братья имѣютъ земли нѣсколько болѣе.

Скажу еще нѣсколько словъ о праздникахъ у широнголовъ. Вскорѣ послѣ нашего поселенія въ Ниджѣ, какъ-то вечеромъ, мы замѣтили нѣкоторое оживленіе въ деревнѣ. Женщины со всѣхъ дворовъ выметали соръ на улицу и здѣсь сожигали его; въ то-же время на всѣхъ окрестныхъ высотахъ видны были огоньки. Намъ сказали, что это сжигаютъ *чапеи*. Выметаніе сора тоже имѣло какое-то особенное значеніе, — кажется, оно замѣняло обрядъ *изнанія черта*,—обрядъ, который совершаютъ многіе изъ нашихъ русскихъ инородцевъ. Чапей—это деревцо, воткнутое на холмѣ или на искусственной насыпи, среди пашенъ, къ которому весной, съ извѣстными обрядами, привязываютъ чучелу—чернаго козла. Чапей втыкаютъ и козла колютъ ради сохраненія полей отъ градобитья особые выборные отъ деревни люди, *тереучи*, какъ ихъ называютъ. Они обязаны наблюдать за сохранностью пашенъ, смотрѣть, чтобы не было потравъ, и налагать за нихъ штрафы; во время грозы они должны идти въ кумирню и умилостивлять боговъ музыкой, прогуливаясь подъ дождемъ по ввѣреннымъ имъ участкамъ; они же устраиваютъ молебствія во время засухи.

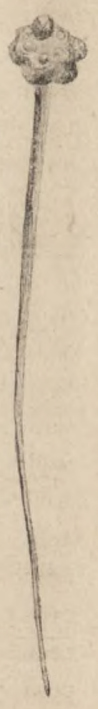
Лѣтомъ, когда хлѣба поспѣютъ, въ деревняхъ назначаютъ праздники, для каждой деревни съ ея выселками, въ одинъ и тотъ же, разъ навсегда опредѣленный день и въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, непремѣнно подъ открытымъ небомъ. Туда съѣзжаются жители, приносятъ хлѣбъ, испеченный изъ новой муки, и водку. Тереучи какъ бы дѣлаютъ смотръ продуктамъ и потомъ дѣлятъ все принесенное между присутствующими; при этомъ львиную долю назначаютъ ламамъ. Хозяйки въ этотъ день стараются испечь хлѣбъ какъ можно лучше,—а главное—какъ можно больше по объему: въ этомъ ихъ главная слава. На праздникъ въ этотъ день привозятъ сундукъ, сохраняющійся обыкновенно въ главной кумирнѣ этихъ деревень. Ключи отъ сундука хранятся у всѣхъ четырехъ тереучи и отпереть его замки можно только всѣмъ тереучи вмѣстѣ. Въ этомъ сундукѣ хранятся костюмы и маски, и тереучи предлагаютъ желающимъ маскироваться и пля-

сать. Представленій театральнаго характера, повидимому, при этомъ не бываетъ.

Поздней осенью у широнголовъ бываетъ еще праздникъ съ маскарадомъ. Они называли намъ его тангутскимъ именемъ *чоба*, что значитъ „цвѣтокъ". Дѣйствительно, въ этотъ день дѣлаютъ какое-то подобіе огромнаго цвѣтка изъ бумаги и носятъ его впереди процессіи на палкѣ. Процессію составляютъ маскированные; они входятъ на театральную платформу передъ кумирней и здѣсь даютъ представленія, повидимому, состоящія изъ грубыхъ фарсовъ. Масса народу стекается сюда къ вечеру полюбоваться на иллюминацію около кумирни и театра; почти всякій идетъ съ зажженнымъ фонаремъ, воткнутымъ на палку. Много сжигаютъ въ это время ракетокъ и петардъ. Общество бываетъ очень оживленно и шумно. Это какой-то шутовской веселый праздникъ; костюмы для него шьются въ складчину участвующими.

Весной въ Ниджѣ бываютъ и настоящія театральныя представленія въ честь Кванъ-Лоя, божества, которому посвящена ихъ главная кумирня. Это чисто китайскій праздникъ. Въ это время приглашаютъ настоящихъ актеровъ.

Рис. 10.



Самый главный праздникъ у широнголовъ такъ-же, какъ у китайцевъ,—*цаганъ-саръ*, первый день весны, начало новаго года. Это — праздникъ нѣсколько торжественный, нешумный; къ нему заранѣе готовятся и празднуютъ его двѣ недѣли; такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ праздновать. Праздникъ начинается съ вечера. Въ сумерки, къ восходу луны, всѣ надѣваютъ нарядное платье, по возможности, новое; хозяинъ дома передъ дверьми своего жилья сожигаетъ съ колѣнопреклоненіемъ желтую бумагу, къ дверямъ и угламъ дома прикрѣпляетъ курительныя свѣчи, надъ входомъ въ домъ вѣшаетъ зажженные фонари, на двери и на стѣны наклеиваетъ новыя картины и даже надъ яслями у своихъ животныхъ налѣпляетъ какую-то желтую печатную бумагу. Вслѣдъ за хозяиномъ дома молится и вся семья; затѣмъ они начинаютъ угощаться, каждый въ кругу своей семьи, заранѣе приготовленными и уже поставленными на столъ блюдами. На другое утро хозяйка прежде всего выкидываетъ собакѣ нѣсколько различнаго сорта хлѣбцевъ — пшеничный, ячменный, гречневый и т. д. — и наблюдаетъ, за какой хлѣбъ собака раньше возьмется: такого хлѣба въ этотъ годъ урожай

будетъ изобильнѣе. Многіе хозяева и прочему скоту въ этотъ день даютъ хлѣба.

Затѣмъ начинаются визиты родственникамъ, причемъ строго наблюдается старшинство родственниковъ. Каждый санчуанецъ и санчуанка, отправляющіеся съ визитами, берутъ въ руки корзину, ставятъ туда бутылку съ водкой и кладутъ печенье: это приношенія, доказывающія уваженіе. За богатыми слуги носятъ приношенія на подносахъ. При входѣ въ домъ дѣлаютъ земной поклонъ передъ божницей, а затѣмъ такіе же поклоны передъ старшими родственниками. Всѣ 16 дней цаганъ-сара проходятъ въ такихъ взаимныхъ визитахъ. Для молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ въ Санчуанѣ устраиваются на улицѣ качели, какъ это дѣлается у насъ въ Пасху въ нѣкоторыхъ русскихъ деревняхъ.

Вслѣдъ за окончаніемъ праздниковъ народъ въ Санчуанѣ принимается за полевыя весеннія работы.

Чтобы ближе познакомить съ жизнью широнгольскаго крестьянина, я опишу здѣсь нашу жизнь въ домѣ одного изъ нихъ.

Въ ясный осенній день, въ ноябрѣ 1884 года, переѣхали мы на паромѣ черезъ Желтую рѣку и къ вечеру въѣхали въ деревню Ниджа, гдѣ предполагали зимовать. Нашъ небольшой караванъ на наемныхъ мулахъ вошелъ въ китайскую часть деревни, и мы остановились на постояломъ дворѣ у китайца. Нашъ переводчикъ Санданджимба былъ санчуанецъ родомъ, и въ Ниджѣ у него были родные; на другой же день онъ отыскалъ намъ квартиру и позвалъ меня осмотрѣть ее. Оставивъ тѣсныя улицы съ лавками и миновавъ китайскую школу на окраинѣ деревни, откуда слышался шумъ дѣтскихъ голосовъ, на-распѣвъ читающихъ свои книги, мы вышли на поля. Здѣсь, перейдя нѣсколько пашенныхъ арыковъ, обсаженныхъ тополями, вошли въ улицу среди нѣсколькихъ, отдѣльно стоящихъ, домовъ. Уже одна эта отдаленность отъ китайскихъ улицъ расположила меня въ пользу моей будущей квартиры, а высокія трехсаженныя стѣны, окружавшія со всѣхъ сторонъ дворъ, и единственная калитка, которую, казалось, легко было запереть, понравились мнѣ еще болѣе.

Внутри этой крѣпости, сложенной изъ сырцоваго кирпича, находились два дома изъ того же матеріала; прямо противъ калитки былъ тотъ, который желали отдать намъ. При входѣ внутрь я увидѣла, что эту постройку нельзя было назвать домомъ собственно въ нашемъ смыслѣ этого слова. Въ нее вели огромныя створчатыя двери изъ плохо отесаннаго дерева; навѣшаны онѣ были не на петляхъ, какъ у насъ, а ходили на пя-

тахъ, т. е. каждая створка имѣла въ своей верхней и нижней части шины, которыя вкладывались въ дыры, продолбленныя въ верхнемъ косякѣ и въ порогѣ; двери такого устройства никогда плотно не прилегаютъ къ косякамъ. Домъ имѣлъ одно только помѣщеніе; полъ въ немъ былъ земляной, а потолокъ изъ жердей, прикрытыхъ соломой, сверху густо обмазанной глиной; это служило въ одно время и потолкомъ, и кровлей дома; между жердями потолка, положенными на стѣны, были скважины, въ которыя свободно влетали воробьи; два большія окна не имѣли ни рамъ, ни рѣшетокъ, но изнутри задвигались ставнями. Одна часть этого сарая имѣла *канъ* или лежанку, сбитую изъ глины; подъ ней были двѣ топки, подтапливающіяся со двора. Очага въ домѣ не было. Нѣсколько корзинъ съ зерномъ и деревянный сундукъ составляли имущество хозяевъ, которое они обѣщали убрать, если мы наймемъ домъ.

Осмотрѣвши это не совсѣмъ комфортабельное жилище, я зашла въ боковой домъ, чтобы посмотрѣть, не лучше ли онъ устроенъ, и думая въ такомъ случаѣ нанять его; но тамъ было все то же самое; разницу составлялъ только очагъ, сложенный самымъ грубымъ способомъ въ одномъ изъ угловъ жилья. Хозяевамъ, повидимому, очень хотѣлось пустить насъ къ себѣ и они обѣщали сдѣлать всѣ необходимыя улучшенія въ домѣ: затыкать дыры, заказать рѣшетки къ окнамъ и поставить переносную китайскую печку-жаровню. Зная по опыту, что въ деревняхъ готовыхъ квартиръ не бываетъ, богатые люди къ себѣ не пустятъ, а бѣдняки всѣ живутъ тѣсно, я рѣшилась взять эту квартиру; нужно было только рѣшить вопросъ о кухнѣ. Повели меня смотрѣть кухню, и оказалось, что это была небольшая загородка между нашимъ домомъ и стѣной двора. Стѣнка, составляющая эту загородку, была почему-то сложена не во всю ширину и оставляла съ обѣихъ сторонъ небольшіе проходы; одинъ изъ нихъ долженъ былъ служить дверью, но другой я находила уже совершенно излишнимъ. Въ этомъ углу за загородкой былъ сложенъ очагъ съ вмазаннымъ въ него котломъ. Пришлось согласиться и на это; рѣшили, что нашъ слуга, поваръ и конюхъ вмѣстѣ, будетъ спать у насъ въ комнатѣ, а старикъ-переводчикъ ходить ночевать къ своему племяннику въ сосѣдній домъ.

Платить за квартиру мы должны были по одному лану четыре цѣна въ мѣсяцъ, т. е. около четырехъ или пяти рублей на наши деньги.

На другой день мы, не дожидаясь передѣлокъ, перебрались на новую квартиру. Семья нашихъ хозяевъ состояла изъ двухъ братьевъ и ихъ матери. Оба брата были женаты; у старшаго было двѣ дѣвочки, у младшаго

одна. Отдавши намъ одинъ домъ, братья разсчитывали поселиться въ другомъ домѣ вмѣстѣ.

Поселясь въ домѣ безъ оконъ, мы поневолѣ участвовали въ жизни, происходившей на нашемъ дворѣ. Постоянное его населеніе составляли: наша лошадь, безрогая, жалкаго вида корова съ теленкомъ и такой же маленькій, съ вытертой спиной, осликъ. Всѣ эти животныя стояли у яслей, сбитыхъ изъ глины, вдоль всей лѣвой стороны двора; въ углу между домами жили двѣ черныя свиньи, а передъ домомъ лежала старая рыжая собака. На верандѣ, куда выходили наши окна и дверь, постоянно сидѣла бабушка съ какой-нибудь работой и играли дѣти; тутъ же сидѣли и матери, когда не были заняты хозяйствомъ. Среди двора въ первые дни нашей жизни въ Ниджѣ постоянно толпился народъ около плотника, работавшаго тутъ рамы къ окнамъ въ нашу комнату; собирались, чтобы посмотрѣть на работу и подать совѣтъ, но главнымъ образомъ, конечно, чтобы посмотрѣть на насъ и на нашу жизнь.

Къ сожалѣнію, наши сношенія съ окружающими насъ людьми были очень затруднительны. Мы не понимали ни слова по-широнгольски, а они не понимали нашего монголо-халхаскаго нарѣчія. Нашъ слуга Очиръ, монголъ изъ Ордоса, также не понималъ широнголовъ и объяснялся съ ними, насколько умѣлъ, по-китайски. Старый Сандандживба могъ бы вести переговоры, но онъ въ это время былъ очень занятъ нашимъ хозяйствомъ, дѣлалъ закупки припасовъ и велъ дипломатическіе переговоры съ деревенскимъ начальствомъ, чтобы водворить насъ въ Ниджѣ на законномъ основаніи.

Старанія его увѣнчались успѣхомъ: вскорѣ послѣ нашего пріѣзда явилось къ намъ четверо старшинъ деревни принять насъ въ свое завѣдываніе и поздравить съ пріѣздомъ; явились они, по мѣстному обычаю, съ подносомъ, на которомъ лежали груши, грецкіе орѣхи и нѣсколько пачекъ китайской вермишели. Нѣсколько аршинъ бумажной матеріи на курмы въ отвѣтный подарокъ, кажется, достаточно поддержали наши добрыя отношенія.

Несмотря на незнаніе языка, несложная жизнь нашихъ хозяевъ недолго оставалась для меня тайной. Вскорѣ я разглядѣла отличительныя черты каждаго члена семьи и ихъ взаимныя отношенія. Братья имѣли лавочку на базарѣ, гдѣ торговали мелочами. Мужчины уходили въ лавку каждое утро, жены ходили туда помогать въ торговлѣ только въ базарные дни. Младшій братъ былъ юркій торговецъ; очень часто онъ бралъ

за плечи небольшую связку съ мелочнымъ товаромъ и, постукивая въ маленькій бубенъ, уходилъ по деревнямъ сбывать свой товаръ. Бубенъ служитъ китайскимъ коробейникамъ вмѣсто выкриковъ; заслышавши мелкую дробь бубна, всякій знаетъ, что пришелъ торговецъ съ тесемками, пуговицами, коленкоромъ, нитками и тому подобнымъ. Другіе торговцы имѣютъ другіе способы заявлять о себѣ: странствующій цирюльникъ бьетъ въ мѣдный тазикъ, починщикъ битой посуды или старой обуви каждый имѣетъ свои особые инструменты и звуки, заявляющіе объ ихъ приходѣ.

Старшій братъ былъ увалень, смотрѣлъ строго и говорилъ мало; большую часть своего времени онъ проводилъ, грѣясь у очага. Жена его казалась забитой, говорила шепотомъ и притомъ всегда заговаривала со мной въ такое время, когда около никого не было и, слѣдовательно, никто не могъ мнѣ перевести ея рѣчи. Это меня сердило, а ея манера шептаться заставляла меня подозрѣвать, что она говоритъ что-нибудь дурное, чего не должны были слышать ея родные. Очень скоро, впрочемъ, я открыла, что мрачный хозяинъ дома былъ просто глупъ, а бѣдная Тунджи шепталась потому, что была глуха: въ дѣтствѣ на нее напали волки, ободрали ей кожу съ головы и повредили слухъ. Жена младшаго брата Тушнюръ была подстать своему мужу: такая же бойкая, умѣлая, разговорчивая и веселая, большая мастерица шить и вышивать; она брала чужую работу, имѣла свой заработокъ и потому пользовалась нѣкоторымъ почетомъ въ семьѣ и любовью свекрови. Мнѣ она не особенно нравилась, такъ какъ, пользуясь своимъ превосходствомъ, она немного капризничала, точно также, какъ и ея маленькая дочка, баловень всей семьи. Пятилѣтняя дѣвочка Тунджи, напротивъ, была нетребовательный, вѣчно смѣющійся ребенокъ, большая шалунья; она въ то же время уже помогала матери няньчиться съ своей сестрой, годовалой Чиджей. Бабушка бинтовала ей ноги, но она часто снимала бинтъ и предпочитала ходить босикомъ.

Оказалось, что наше поселеніе въ домѣ внесло раздѣленіе въ семью. Изъ-за чего выходили ссоры, я не могла рѣшить; но дѣло въ томъ, что Тунджу съ ребятишками не пустили жить въ домъ младшаго брата, и они, не смотря на зимнее время и холодъ, доходившій иногда до 20°, должны были спать въ конюшнѣ, на холодныхъ нарахъ, день проводили на верандѣ, а стряпали въ нашей печкѣ.

Тунджи вставала рано, еще до свѣту, отецъ — позднѣе; но когда и онъ встанетъ и надѣнетъ на себя шубу, которою семья была одѣта на ночь, Чиджа, а за ней и Больджуха начинали плакать въ конюшнѣ. Тог-

да, если мать бывала дома, брала младшую дочь на руки и согрѣвала своимъ тепломъ, а старшую посылала поскорѣе на солнышко, т. е. на веранду, и рекомендовала одѣваться въ ея дневной костюмъ тамъ. Въ тѣ дни, когда матери и отца не было дома, Больджуха утромъ не умѣла утѣшить озябшую Чуджу; она и сама принималась плакать. Кусочекъ хлѣба съ масломъ или медомъ всегда, впрочемъ, былъ въ состояніи ее утѣшить.

Хозяйство нашего хозяина разрушалось съ каждымъ днемъ. Торговля шла у него неуспѣшно. Лавочку онъ долженъ былъ закрыть, а за долги у него увели корову съ теленкомъ и осла; оставались однѣ свиньи, и потому вся хозяйственная нѣжность Тунджи сосредоточилась на нихъ. Она уже мечтала о будущихъ поросятахъ, а свинья начала таскать всякое плохо положенное тряпье въ печку, подъ нашимъ каномъ, приготовляя тамъ гнѣздо своимъ будущимъ дѣтямъ. Но всѣ эти мечты разлетѣлись. Разъ въ одно несчастное утро, у насъ на дворѣ появился китаецъ, началъ что-то шумѣть съ хозяиномъ, напослѣдокъ забралъ свиней и, кромѣ того, снялъ съ мужа Тунджи шубу и оставилъ его въ одномъ холодномъ халатѣ. Нашъ Очиръ принималъ горячее участіе въ спорѣ съ китайцемъ и даже пришелъ къ намъ съ негодованіемъ сообщить о томъ, что китаецъ снимаетъ послѣднее съ человѣка, что эта шуба—единственная теплая одежда на всю семью. Но Очиръ былъ дикарь-монголъ и потому, естественно, могъ возмущаться такимъ поступкомъ, а мы оказались на высотѣ своей европейской цивилизаціи и рѣшили, что нельзя помѣшать ограбить человѣка на законномъ основаніи за долги.

Сочувствіе нашихъ сосѣдей тоже, повидимому, было не на сторонѣ нашего хозяина, который, какъ оказалось, всѣмъ въ околоткѣ былъ долженъ. Меня въ этомъ случаѣ удивляла та покорность судьбѣ, которую выказывала Тунджи. Русская баба въ подобныхъ обстоятельствахъ отводила бы душу, ругаясь, а Тунджи все молчала. Тутъ я вспомнила, какъ Санданджимба, расхваливая своихъ санчуанокъ, говорилъ: „у насъ утонченные обычаи!“ Съ увеличивающейся бѣдностью Тунджи становилась еще болѣе кроткой и смиренной въ своихъ отношеніяхъ съ окружающими, а ея энергія въ работѣ какъ будто возрастала. Дома у нея было мало дѣла, и она часто стала уходить на работу въ люди или въ свою родную деревню къ отцу, чтобы заработать тамъ хлѣба для семьи. Время наступало горячее для всѣхъ хозяекъ: приближался праздникъ новаго года. Всѣ въ Ниджѣ усердно шили новыя ватныя платья для всѣхъ членовъ семьи и новую обувь, чтобы обновить наряды въ день Новаго года. Кто не нуж-

дался въ ватномъ, шили холодное платье, обшивали дѣтей, вообще спѣшили покончить со всѣмъ шитьемъ въ домѣ, потому что вслѣдъ за цаганъ-саромъ у санчуанцевъ начинаются полевыя работы. Шить Тунджи было нечего; правда, чтобы не отставать отъ другихъ, и она вышивала какіе-то плисовые лоскутки, которые, по ея мнѣнію, должны были украсить башмаки ея мужа, но самыхъ башмаковъ ей такъ и не удалось сдѣлать. Взамѣнъ рукодѣлья Тунджи дѣятельно принялась за кучу земли, лежавшую у насъ передъ воротами, и усерднѣйшимъ образомъ разбивала эту землю колотушкой и разрыхляла лопатой.

Такія кучи земли виднѣлись и передъ всѣми другими домами въ нашемъ околоткѣ и, кажется, хозяйки одна передъ другой гордились величиной этихъ кучъ, выросшихъ, главнымъ образомъ, благодаря ихъ усердію. Съ вечера въ сумерки обыкновенно всѣ широнголки отправляются на пашню, если она близко, или куда-нибудь на дорогу, въ поле, и, наложивши тамъ корзину земли, приносили ее домой; землю эту посыпали подъ ноги скоту и также въ тотъ уголъ двора, который назначался для всякихъ нечистотъ, а рано поутру женщины опять сгребали эту землю, перемѣшанную уже съ навозомъ, и сваливали въ кучу передъ воротами. Къ веснѣ, когда въ день земля уже оттаивала, хозяйки по вечерамъ принимались разрыхлять ее. Тунджи предавалась этой работѣ съ увлеченіемъ всякую свободную минуту; часто даже, несмотря на свою забитость, она такой властной рукой подавала свою дѣвочку мужу, если только онъ попадался ей на глаза, и сказавши: „досугъ ли теперь мнѣ съ ребенкомъ сидѣть!“ убѣгала за ворота пересыпать свою кучу. Она нисколько не подозрѣвала, что я смотрѣла на такой порядокъ вещей съ удивленіемъ, что мнѣ казалось гораздо приличнѣе матери сидѣть съ ребенкомъ, а мужику заниматься удобреніемъ.

Въ послѣдніе дни передъ праздникомъ дѣятельность Тунджи усилилась еще въ другомъ направленіи. Она, кажется, рѣшилась перепечь всю бывшую у нихъ въ запасѣ муку; напекла булокъ изъ пшеничной, но такъ какъ ея было мало, то она принялась печь лепешки изъ гречневой и напекла ихъ два мѣшка. Въ своей заботѣ о будущемъ она совершенно не принимала во вниманіе, что эти лепешки сохли и даже покрывались плесенью; она тщательно берегла ихъ, даже принесла одинъ мѣшокъ ко мнѣ, увѣряя, что въ ея помѣщеніи лепешки утащатъ собаки, но я подозрѣвала, что она просто боялась того, что ея мужъ и дѣти нападутъ на запасы и съѣдятъ ихъ раньше положеннаго срока. Стремленіе настряпать на цѣлый мѣсяцъ скоро объяснилось; тотчасъ послѣ цаганъ-сара, какъ наступили

полевыя работы, Тунджи ушла къ отцу и работала у него, съ тѣмъ, чтобы послѣ взять осла и вспахать свою маленькую пашню. Работали въ это время всѣ крестьяне очень усердно; но на нашемъ дворѣ особой дѣятельности не было замѣтно. Мужъ Тунджи, повидимому, считалъ себя въ правѣ совсѣмъ отказаться отъ полевыхъ работъ, потому что онъ въ это время считался нашимъ поваромъ вмѣсто ушедшаго Очира. Братъ-торговецъ не торопился съ своей пашней, разсчитывая нанять осла, когда другіе управятся съ пахотой. Одна Тунджи работала усердно, безъ отдыха, повидимому, съ увлеченіемъ. По временамъ Тушнюръ и бабушка выходили за ворота помогать Тунджи насыпать земли изъ кучи въ корзины; но какъ только Тунджи угоняла осла съ корзинами на пашню, онѣ возвращались въ домъ къ прерваннымъ занятіямъ, и слѣдующія корзины Тунджи уже опять насыпала одна. Когда я выходила въ это время къ ней за ворота, она, не отрываясь отъ работы, пробовала пріобщить и меня къ своимъ интересамъ; она съ восторгомъ указывала на величину кучи и, какъ кажется, выставляла на видъ ея достоинства; знаками, за недостаткомъ понятнаго языка, она показывала мнѣ, какую она надѣется вырастить пшеницу въ полѣ, получившемъ такое удобреніе, и какъ хорошо будетъ, когда впослѣдствіи на сорномъ дворикѣ она посадитъ капусту, а на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ теперь удобреніе, посадитъ макъ. Я плохо понимала Тунджи, тѣмъ не менѣе передо мной вставалъ такой симпатичный образъ земледѣльца, забывающаго о себѣ и о своихъ трудахъ въ мечтахъ объ урожаѣ, что и теперь мнѣ очень жаль, что нѣтъ у меня таланта описать вамъ Тунджи такою, какою я стала знать ее послѣ этой весенней работы.

Въ мартѣ, когда только еще самые ранніе посѣвы стали зеленѣть, мы уѣхали изъ Ниджи. Съ Тунджей мы встрѣтились еще разъ поздней осенью того же года. Каковъ былъ у нея урожай я не знаю; можетъ быть, и хорошъ, но не на пользу пошелъ онъ ей. Мужъ ея окончательно бросилъ хозяйство и ушелъ въ сосѣдній городъ работать въ кузницу; младшій братъ, соскучась кормить его семью, ушелъ изъ дома, поселился въ китайской части деревни и занялся тамъ торговлей. Тунджи жила въ опустѣломъ домѣ, гдѣ когда-то жили мы; въ его стѣнахъ буквально ничего не было. Она была беременна, но, несмотря на это, на цѣлые дни уходила изъ дома, собирая по горамъ кое-какіе кусты и сорныя травы на топливо къ предстоящей зимѣ. Больджуха и Чиджа сидѣли теперь однѣ на опустѣлой верандѣ. Больджуха, такая веселая раньше, теперь, повидимому, начинала стыдиться своей бѣдности и уже не любила играть съ другими ребятищ-

ками. Тунджи жаловалась на одиночество и боялась предстоящихъ родовъ въ опустѣломъ домѣ; старуха-свекровь не хотѣла жить съ ней и терпѣть нужду, жалуясь на сына, который умѣлъ только все проживать. Кто правъ, кто виноватъ, не намъ было судить; но ужасно было жаль видѣть это полное разрушеніе благосостоянія семьи.

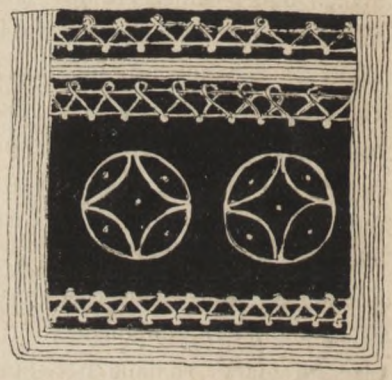
РЕЛИГІОЗНАЯ ПЛЯСКА ВЪ МОНАСТЫРѢ КАДИГАВА.

Съ наступленіемъ новаго года, *цаганъ-сара* по-монгольски, во всѣхъ окружающихъ нашу Ничжу монастыряхъ стали устраивать *чамы*, т. е. религіозныя пляски и представленія. На одинъ изъ такихъ чамовъ ѣздилъ мой мужъ; на другой, въ послѣдній день праздника, т.-е. 15 числа перваго мѣсяца, поѣхала я. Старикъ Сандандживба нанялъ мнѣ и себѣословъ и въ обществѣ другихъ широнгольцевъ, нашихъ сосѣдей, мы отправились изъ Ничжи вверхъ по рѣчкѣ, вытекающей изъ ближайшаго къ нашему дому ущелья; дѣло не обошлось безъ маленькаго приключенія: мой оселъ вздумалъ перескочить черезъ арыкъ, и я, совершенно для себя неожиданно, перескочила при этомъ съ сѣдла ему на шею, и оттуда уже головой внизъ— на землю; оселъ, впрочемъ, былъ настолько благовоспитанъ, что не сдѣлалъ ни шагу дальше и смиренно дожидался, пока я встану, и на него снова надѣнутъ узду, которую я сняла при паденіи. Дорога шла по карнизу, часто огибая овраги, размытые дождями; въ такихъ мѣстахъ едва оставалась тропинка такой ширины, чтобы ослу поставить ноги; я немного трусила, но, видя, какъ всѣ вокругъ меня беззаботно проходятъ и проѣзжаютъ такими мѣстами, я должна была скрывать свою трусость.

Скоро пришлось взбираться на крутизну, гдѣ всѣ уже спѣшились, даже женщины широнгольскія съ непорченными, какъ у китаянокъ, ногами и тѣ оставляли своихъ муловъ и взбирались на гору пѣшкомъ. Мнѣ было очень трудно идти, потому что я отвыкла отъ ходьбы, сидя во всю зиму дома, и я задыхалась. Взобравшись на вершину, мы увидѣли по обѣ стороны себя два ущелья: одно—наше съ рѣчкой, изъ которой мы, ничжинцы, пьемъ воду; налѣво — другая рѣчка, которая вытекаетъ къ западу отъ Ничжи. Вдали, подъ выдающейся изъ ряда другихъ вершинъ горой,

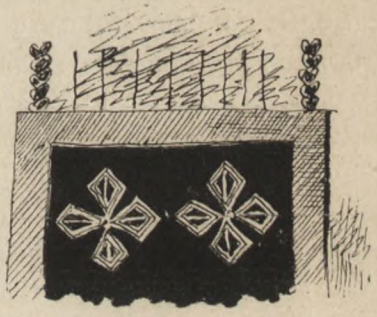
люди съ хорошими глазами видѣли монастырь Кадига, куда мы ѣхали. Кругомъ было голо: прошлогодняя трава куда то исчезла, можетъ быть, съѣдена скотомъ; деревья виднѣлись лишь по ущельямъ; кругомъ были красноватыя горы, да лесовыя распаханныя террасы; снѣгъ виднѣлся пятнами на верхушкахъ горъ и то лишь на сѣверныхъ бокахъ ущелій. Дорога шла по вершинамъ хребта и была полога, только разъ еще пришлось всѣмъ спѣшиться, чтобы снова залѣзть на болѣе выдающуюся вершину. Подъѣзжая къ перевалу, мы чаще стали встрѣчать спутниковъ; молодые люди весело съ шутками сбѣгали съ пригорковъ за своими мулами, степные *лое* (бары, чиновники) ѣхали на мулахъ, издали давая о себѣ знать неистовымъ звономъ бубенчиковъ; за переваломъ стали встрѣчаться отдѣльные дома, и скоро открылся видъ на монастырь съ такого близкаго разстоянія, что и я могла его видѣть. Къ удивленію своему, я увидѣла высокія зубчатыя стѣны, башни по угламъ и входныя ворота. Оказалось, что стѣны эти принадлежатъ старому городу, который давно уже стоитъ пустой. Въ этомъ-то пустомъ городѣ и пріютились монахи. Съ перевала намъ было видно зданіе кумирни, прислоненной къ западной стѣнѣ города, и пеструю толпу, волнующуюся у городскихъ воротъ внѣ города. Городъ старинный, но почему то стѣны и башни очень хорошо сохранились; кругомъ былъ, повидимому, ровъ, наполнявшійся водой изъ рѣчки; теперь это было сухое русло, осѣненное деревьями; кругомъ было разбросано нѣсколько домовъ; подъ деревьями все пространство около воротъ было занято привязанными къ нимъ мулами, ослами и лошадьми; болѣе открытое мѣсто заняли торговцы, — тутъ были и походныя кухни; надъ кострами ихъ поднимался дымъ и паръ отъ котловъ съ горячей ѣдой; вокругъ на землѣ располагались закусывающіе; рядомъ виднѣлись груды насыпанныхъ на кошмы *жужубъ* (мѣстные фрукты въ родѣ финикъ), кучки грушъ; невдалекѣ продавецъ соли, или *тяпушекъ*, разложилъ свой товаръ на столикѣ; у стѣны, нѣсколько въ сторонѣ отъ съѣстнаго, на кошмѣ расположились продавцы краснаго товара; все это было окружено сплошной толпой волнующагося народа: тутъ виднѣлись и тангуты въ нагольныхъ шубахъ и остроконеч-

Рис. 11.



ныхъ колпакахъ, они походили на нашихъ киргизъ; за ними вереницей часто придерживаясь одна за другую, толкались тангутскія женщины, сверкая на солнцѣ своими мѣдными и сердоликовыми украшеніями въ волосахъ и подвѣсками къ поясу; въ костюмѣ ихъ преобладали яркіе цвѣта; тутъ же встрѣчались широнголы-мусульмане, отличить которыхъ можно по шапкамъ и также по какому-то особому способу держать себя. Мнѣ кажется, что высокое мнѣніе о своемъ правовѣріи невольно отражается въ манерахъ мусульманъ, и они держатся вездѣ съ большимъ достоинствомъ. Встрѣтился даже ахунъ въ традиціонной чалмѣ, но цвѣтъ ея трудно было разобрать подъ густымъ слоемъ сала и грязи, ее покрывающимъ. Спѣшившись, мы прошли въ городскія ворота; здѣсь толпа была меньше: всякій только проходилъ этотъ пустой четырехъ-угольникъ затѣмъ, чтобы войти въ самый городъ. Внутри стѣнъ было нѣсколько зданій, въ которыхъ живутъ монахи; дома разбросаны безъ всякаго порядка; объ улицахъ не было и помину, да и весь городъ представлялъ пространство не больше инаго сибирскаго двора или городской площади. Мы взошли на ближайшій къ воротамъ дворъ, гдѣ уже стояло до десятка муловъ; внутренній дворъ, на который выходили двери фанзъ, былъ не больше сажени; въ комнатѣ, куда насъ ввели, сидѣло нѣсколько человѣкъ ламъ и мірянъ за обѣдомъ или чаемъ; большая часть помѣщенія была занята корзинами, въ которыхъ держатъ зерно и съѣстные припасы; старый лама, высовывая свои голыя по плечи руки изъ-подъ *аркамджи* (пунцовая матерія, накинутая на плечи), рылся въ корзинахъ, доставая печеныя на маслѣ булки для вновь прибывшихъ посѣтителей и новыхъ транспортовъ чая, принесеннаго изъ сосѣдней фанзы. Народъ, увидя, что я скрылась въ этотъ домъ, пожелалъ поближе разсмотрѣть сиянскую женщину*) и началъ набиваться во дворъ и въ самую комнату, гдѣ мы сидѣли. Чтобы не безпокоить жильцовъ дома этой толпой, которую привлекала я, мы рѣшили уйти изъ города подальше, тѣмъ больше, что до начала *чама* еще оставалось больше часу, а у старика Санданджимбы были родственники не-подалеку.

Рис. 12.



*) Сиянъ—по-китайски „западный заморскій человѣкъ".

Напившись чаю и даже позавтракавши, не торопясь, въ домѣ племянницы старика, которая жила въ полуверстѣ отъ города, мы снова вернулись сюда. Теперь толпа, занятая зрѣлищемъ, не обратила на насъ особеннаго вниманія. Старикъ, пользуясь, повидимому, протекціей какого-то жителя Кадиги, провелъ меня на верхъ городской стѣны. Забрались мы туда по тропинкѣ, проложенной въ самой стѣнѣ, которая внизу была изъ глины и лишь верхніе ея ряды были сложены изъ кирпичей; ширина стѣны была настолько велика, что мы со старикомъ могли сѣсть на разостланный нами коверъ, а сзади насъ еще оставался проходъ. Изъ хурала, который пришелся какъ разъ противъ насъ, въ это время уже выходили первые знаменосцы съ черными знаменами и за ними попарно — ламы-музыканты въ высокихъ желтыхъ шапкахъ и желтыхъ-же мантіяхъ.

Процессія, обогнувъ дома два по дорогѣ, остановилась на приготовленной для нея аренѣ, противъ городскихъ воротъ; знаменосцы окружили столъ, на который поставили *соръ*, т. е. фигуру мертвой головы, возвышающуюся надъ пирамидально сложенными палочками. Это, какъ кажется, вездѣ непремѣнная и главная фигура чама; пляски совершаются какъ бы передъ этимъ изображеніемъ смерти. Музыканты сѣли на землю напротивъ монастырскаго *ширетуя*, или настоятеля, для котораго было устроено возвышенное сидѣнье; по обѣ стороны его, сообразно съ своими духовными чинами, сѣли прочіе ламы, и ряды ихъ, уже значительно перемѣшанные съ мірянами, закончили мальчики-ламы.

За музыкантами шли фигуры въ маскахъ. Тутъ были и бычачьи головы, и барсъ, и слонъ, и фигура съ птичьей головой; фигуры въ маскахъ были одѣты въ разнообразно отдѣланные шелковые халаты, которые больше всего напоминали дьяконскіе стихари, небольшая яркая перелина напоминала фелонь; ленты, обильно спускающіяся съ головы и скрывающія прикрѣпленіе маски, и небольшая чаша, изображенная изъ человѣческаго черепа, ножъ или какое-либо другое орудіе въ рукахъ, а больше всего, конечно, карикатурныя маски совершенно замаскировывали это сходство костюма. При звукахъ трубъ, мѣдныхъ тарелокъ и большихъ бубновъ эти маскированные начали свои пляски. Движенія ихъ были стройны и мѣстами могли напоминать наши балетные танцы. Но эти мѣрныя и красивыя движенія очень часто прерывались неистовыми прыжками и круженьемъ, которое больше напоминало движенія разъяренныхъ животныхъ, которыхъ изображали эти маски, чѣмъ человѣческіе танцы. Проходя передъ ширетуемъ, маски дѣлали ему поклонъ. Особенно заняли меня маски съ чело-

вѣческими лицами; дѣйствительно, люди въ нихъ изображали не боговъ, какъ другіе, а простыхъ смертныхъ; одна изъ нихъ представляла старика; другая—дикаря. Мимика этихъ двухъ масокъ, повидимому, должна была показать зрителямъ, каковы были нравы на землѣ до просвѣщенія людей буддизмомъ. Одна изъ этихъ фигуръ (*азыра*, какъ называютъ эти фигуры тангуты, или *лопей*, какъ зовутъ ихъ широнголы) постоянно вызывала смѣхъ присутствующихъ своими выходками; она съ каррикатурной радостью показывала всѣмъ баранью кость, которую приготовлялась ѣсть; тутъ же среди круга ее раскалывала о камень и комически горевала, когда предполагаемый мозгъ разлетался съ костью въ разныя стороны; табакъ курила *азыра* изъ бараньей кости. У обоихъ азыра, повидимому, были роли съ рѣчами, но ихъ они прерывали плясками; въ пляскахъ ихъ было тоже что-то комическое. Въ ихъ роляхъ принимали также участіе мальчики, одѣтые въ маски, въ видѣ мертвыхъ головъ; эти маленькіе плясуны показались мнѣ очень искусными, но лама, дирижировавшій всѣмъ представленіемъ, не понадѣялся на ихъ искусство, и въ то время, какъ они выплясывали передъ ширетуемъ и многочисленной публикой, онъ положилъ передъ ними и сзади по палкѣ, для того, чтобы въ жару пляски плясуны не уходили съ назначеннаго имъ пространства. Все здѣсь происходитъ не такъ торжественно, какъ мы привыкли видѣть въ нашихъ религіозныхъ процессіяхъ и театральныхъ представленіяхъ. Черезъ арену между танцующими вдругъ переходитъ какой-нибудь лама, которому захотѣлось понюхать табаку изъ табакерки музыканта; или у маскированнаго изъ-за пазухи вдругъ посыпятся лакомства, только что полученныя отъ какого-нибудь тронутаго зрителя, и маленькія *смерти* бросятся подбирать просыпанные орѣхи и жужубы.

Подъ конецъ представленія изъ хурала показались цвѣтныя знамена съ китайскими подписями и за ними съ прыжками и размахиваньемъ руками показался человѣкъ въ обыкновенномъ платьѣ; изо рта его торчали проткнутыя въ щеки желѣзки,—какъ это было сдѣлано, я не могла разсмотрѣть; крови не было видно на лицѣ, но говорить, повидимому, онъ не могъ; въ рукахъ у него была небольшая алебарда,—это, говорятъ, тоже орудіе истязанія, но его онъ не употреблялъ, ограничивался только размахиваньемъ въ воздухѣ. Во время его пляски вокругъ *сора* началось уже поклоненіе ширетую со стороны постороннихъ,—я не видала, впрочемъ, чтобы поклонялись мужчины, но старыя женщины усердно разстилались передъ нимъ въ пыли и затѣмъ, кажется, получали или возложеніе

рукъ или только право приложиться къ его одеждамъ. Наконецъ, все было кончено: музыканты встали со своихъ мѣстъ, *соръ* подняли со стола, знамена заколыхались и потянулись надъ толпой къ воротамъ; маски также построились въ надлежащій порядокъ и вся толпа пошла къ воротамъ, но здѣсь шествіе нѣсколько замедлилось: женщины, встрѣчавшіяся на пути, наклонялись одна за другой къ землѣ, и маски должны были перешагивать черезъ ихъ спины. Это религіозное усердіе считается хорошимъ, когда ламы въ образѣ боговъ перешагиваютъ черезъ человѣка. Послѣ я видѣла многихъ благочестивыхъ старушекъ со слѣдами земли, густо покрывавшей ихъ лобъ. Толпа отправилась на южную сторону города: тамъ въ полѣ сожгли *соръ*. Мы посмотрѣли на эту церемонію издали и затѣмъ, не дожидаясь возвращенія масокъ въ хуралъ, ушли по дорогѣ въ Ничжу, предоставляя нашему проводнику съ ослами догонять насъ.

Монастырь Кадига или Кадигава очень бѣдный; въ немъ живетъ не больше десятка ламъ, тангутовъ, но по случаю чама сюда пришли ламы изъ ближайшаго монастыря, который состоитъ подъ однимъ управленіемъ. Ламы, живущіе въ Кадигавѣ, сами пашутъ землю и сѣютъ хлѣбъ. Прежде, говорятъ, этотъ монастырь былъ богатъ: онъ имѣлъ святыню, которая привлекала поклонниковъ. Разсказываютъ, что при жизни извѣстнаго реформатора буддизма *), Дзункавы, онъ, живя въ Тибетѣ, написалъ письмо своей матери, живущей не подалеку отъ здѣшнихъ мѣстъ, но лама, съ которымъ онъ послалъ его и который былъ изъ Кадигавы, подлинникъ оставилъ въ своемъ монастырѣ, а матери лишь отдалъ копію. Другой варіантъ разсказываетъ, что это было не письмо, а портретъ Зункавы, сдѣланный его рукой; разсказъ прибавляетъ, что, когда лама, подмѣнившій портретъ, принесъ его матери, то портретъ, хотя и неподлинный, проговорилъ привѣтствіе матери и затѣмъ замолкъ; наивные разсказчики добавляютъ при этомъ, что настоящій портретъ долженъ былъ говорить три дня.

Послѣ этого будетъ понятно, какъ я сожалѣла, что Сандандживба не показалъ мнѣ этой святыни; но когда я стала упрекать его за это, онъ засмѣялся и сказалъ: „Въ моей землѣ теперь дурные ламы и дурные обычаи, — этой святыни уже нѣтъ больше въ монастырѣ; одинъ лама взялъ это письмо, отправился съ нимъ въ Халху за сборомъ и больше сюда не возвращался.“

*) Въ 14 столѣтіи нашей эры.

ТИБЕТЪ.

Тибетъ расположенъ на высокомъ плоскогоріи, между высочайшими горами стараго свѣта — Гималайскими — на югѣ и горными хребтами, отдѣляющими его на сѣверѣ отъ восточнаго Туркестана и Монголіи. Съ западной стороны его также ограждаютъ горы, соединяющія эти два хребта. Такое положеніе среди высокихъ хребтовъ сдѣлало Тибетъ малодоступнымъ для сосѣднихъ народовъ; нѣсколько болѣе доступны его восточныя области, гдѣ страна понижается уступами и переходитъ въ китайскую низменность. Самый Тибетъ не представляетъ также равнины, онъ весь изрѣзанъ горными хребтами въ различныхъ направленіяхъ, хотя нѣсколько меньшими, чѣмъ окраинные хребты, но тѣмъ не менѣе настолько значительными, чтобы имѣть характеръ альпійскихъ горъ съ снѣжными вершинами и глубокими долинами, въ которыхъ получаютъ свое начало безчисленныя рѣки. Самыя низкія долины Тибета находятся настолько высоко надъ уровнемъ воды въ океанѣ, что у насъ, въ Россіи, такія мѣста казались бы высокими горами. Отъ высокаго положенія страны зависитъ то, что, несмотря на южное положеніе Тибета, климатъ въ немъ очень суровъ. Жизнь Тибета представляетъ очень много особенностей, къ тому же мало изслѣдованныхъ европейцами и потому имѣющихъ привлекательность неизвѣстнаго, новизны. Въ послѣднее время путешественники стали чаще проникать въ эту страну. Англичане, проходившіе въ Тибетъ съ юга и юго-запада изъ Индіи, очень яркими чертами описываютъ трудности перехода черезъ Гималайскія горы. Вершины Гималаевъ достигаютъ до 25,000 футовъ. Горные проходы, которые доступны людямъ, лежатъ нѣсколько ниже; но и они достигаютъ до 19—20 тысячъ футовъ. Вся органическая жизнь, всякая растительность на этихъ высотахъ уже исчезаетъ, горячіе

лучи солнца не вездѣ успѣваютъ растаивать ледъ и снѣгъ, выпадающій на горахъ, и приходится иногда идти по цѣлымъ недѣлямъ по снѣговымъ полямъ или взбираться и спускаться по ледниковымъ скатамъ, зіяющимъ подъ ногами путниковъ своими трещинами. Вьючныхъ животныхъ при такихъ переходахъ черезъ ледники часто приходится оставлять, такъ какъ трудно для нихъ заготовить корму, и весь багажъ переносится обыкновенно людьми. Путешественникъ въ Гималаяхъ, находясь въ южныхъ широтахъ, подъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ, тѣмъ не менѣе испытываетъ сильный холодъ и, ночуя безъ огня и горячей пищи, нерѣдко рискуетъ замерзнуть. Но несмотря на всѣ невзгоды, люди, побывавшіе на этихъ неприступныхъ Гималайскихъ вершинахъ, не могутъ безъ восторга говорить о красотахъ этихъ снѣжныхъ великановъ, стоящихъ въ полномъ безмолвіи, при необыкновенной прозрачности воздуха и синевѣ неба, блистающихъ своимъ ослѣпительно-снѣжнымъ покровомъ.

Путешественникъ Пржевальскій, проникавшій въ Тибетъ съ сѣвера черезъ Туркестанъ и Монголію, описываетъ посѣщенный имъ край очень непривлекательными красками. Горы и здѣсь протянулись нѣсколькими параллельными хребтами съ востока на западъ и также преграждаютъ путь, хотя онѣ и значительно ниже Гималайскихъ. Зимою на нихъ очень холодно, а лѣтомъ свирѣпствуютъ туманы и бури; кромѣ того безчисленныя горныя рѣки, разливаясь лѣтомъ, затрудняютъ путешествіе. Вслѣдствіе постоянно неблагопріятныхъ условій, здѣсь тянутся огромныя пустыни, почти совершенно лишенныя растительности или покрытыя безконечными болотами.

Въ общемъ весь Тибетъ можетъ быть раздѣленъ на три, рѣзко между собой различающіяся, части: 1) южную, къ которой относятся высокія долины верховьевъ Инда и Брахмапутры; 2) сѣверную, представляющую столовидное плато съ рядомъ тянущихся по нему хребтовъ, и 3) восточную, альпійскую горную страну. Здѣсь, въ сѣверныхъ и восточныхъ горахъ Тибета, получаютъ начало величайшія рѣки Китая — Желтая, Голубая и Камбоджа.

Благодаря южному положенію страны и богатому орошенію, Тибетъ, несмотря на суровость климата горныхъ вершинъ, обладаетъ богатыми пастбищами въ своихъ сѣверныхъ долинахъ, а въ средней и южной своихъ частяхъ богатъ и древесной растительностью; при благопріятныхъ условіяхъ тамъ ростутъ даже фруктовыя деревья — яблоки, персики, орѣхъ. Сѣверный Тибетъ по хлѣбопашеству своему напоминаетъ наши поля. Тамъ сѣютъ

пшеницу, овесъ, гречиху и ячмень, который замѣняетъ нашу рожь. Онъ сѣется тамъ, гдѣ уже не могутъ вызрѣвать другія хлѣбныя растенія; въ странахъ южныхъ хлѣбопашество болѣе походитъ на китайское: посѣвы тамъ разнообразнѣе, болѣе сѣется бобовыхъ растеній и овощей, и поля даютъ по двѣ жатвы.

У сосѣдей-монголовъ сѣверная часть Тибета носитъ названіе *страны звѣрей;* и дѣйствительно, здѣсь въ странахъ, почти недоступныхъ для жизни человѣка, пасутся огромныя стада антилопъ, козъ, яковъ, кулановъ или дикихъословъ. Въ горахъ много также *аргали*, особыхъ барановъ съ огромными, круто свитыми рогами. Кромѣ этихъ травоядныхъ водится здѣсь также особый тибетскій медвѣдь и *кярсъ* — звѣрь, похожій на лису. Медвѣдь питается главнымъ образомъ пищухами, небольшимъ звѣркомъ, всегда во множествѣ водящимся въ каменныхъ горныхъ розсыпяхъ, а также молодыми козами и антилопами. Самое большое изъ тибетскихъ животныхъ— *дикій якъ*, быкъ, больше нашего домашняго, съ длинной пушистой шерстью на бокахъ и хвостѣ. Цвѣтъ шерсти у яка почти всегда черный, рога и копыта сравнительно небольшіе; несмотря на свою массивность, якъ легко прыгаетъ и умѣетъ ходить по самымъ неприступнымъ горнымъ тропинкамъ; любитъ онъ болѣе всего открытыя болотистыя равнины, поросшія въ изобиліи жесткой осокой. Яки держатся большими стадами и отличаются отъ обыкновеннаго быка тѣмъ, что не мычатъ, а скорѣе хрюкаютъ, какъ кабаны.

Жители Тибета приручили яка, и въ домашнемъ состояніи онъ имъ очень полезенъ. На немъ ѣздятъ, ѣдятъ его мясо, питаются его молокомъ и стригутъ шерсть.

Кромѣ яковъ, тибетцы держатъ также обыкновенныхъ коровъ и большія стада барановъ и лошадей.

Тибетскій баранъ очень крупенъ и имѣетъ густую, мягкую шерсть. Лошадь тибетская на сѣверѣ также велика и очень выносliва, на югѣ водится мелкая порода лошадей, очень рѣзвыхъ и пригодныхъ въ горныхъ странахъ.

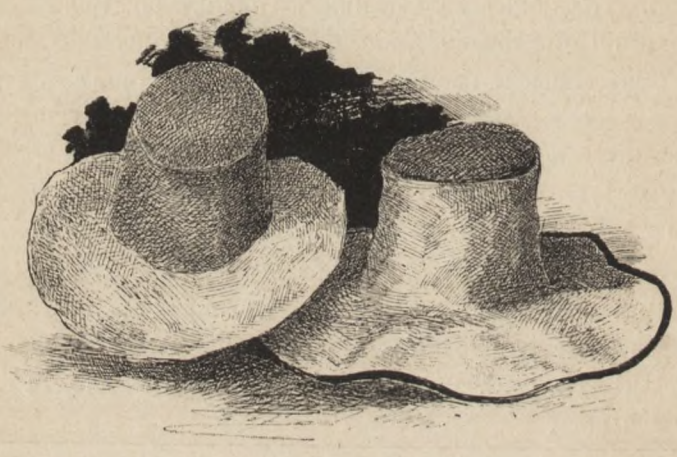
Птицъ въ Тибетѣ мало; богатъ онъ только крупными хищниками и куриными.

Населяютъ тибетское нагорье тангуты. Они дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, но не различающихся между собой по наружности и языку. Тангуты почти всѣ средняго роста, крѣпкаго сложенія, имѣютъ красновато-коричневый оттѣнокъ кожи, черные, прямые волосы и глаза

черные, живые, иногда очень большіе. Наружностью и сильной впечатлительностью тангуты напоминаютъ цыганъ или итальянцевъ.

Тибетъ раздѣляется на шесть большихъ провинцій. Часть этихъ провинцій подчиняется китайскому правительству, жители другихъ подчинены своимъ наслѣдственнымъ князьямъ и, кромѣ того, всѣ тангуты признаютъ надъ собой власть духовнаго владыки, такъ называемаго, далай-ламы, живущаго близъ столичнаго ихъ города Лассы, на горѣ Потала. Китайскій императоръ также считаетъ Тибетъ подвластной себѣ страной и держитъ въ немъ постоянно двухъ своихъ сановниковъ и небольшое количество войска. Въ Лассѣ, при далай-ламѣ, находится еще постоянно свѣтскій правитель, котораго называютъ *царь закона*, по-монгольски — *номыкъ-ханъ*,

Рис. 13.



а по-тибетски — *дези*. Онъ правитъ народомъ вмѣстѣ съ четырьмя выборными изъ народа правителями; всѣ они, а также и китайскій уполномоченный составляютъ верховный совѣтъ; кромѣ этого высшаго правительственнаго учрежденія, есть еще государственное казначейство и судъ.

Тибетъ, впрочемъ, еще такая первобытная страна, что административное устройство ея несложно. Подати собираютъ натурой, — извѣстную долю съ имѣющагося у хозяина стада, извѣстную долю урожая или товара. Сборы эти облегчаются тѣмъ, что отдѣльные владѣльцы собираютъ сами съ своихъ подданныхъ и потомъ уже отъ себя вносятъ въ центральное управленіе.

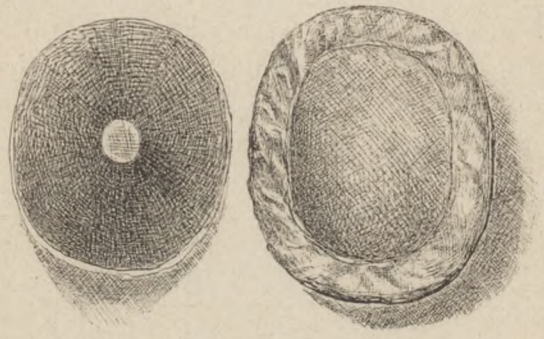
Войска у тибетскаго народа очень мало, но за-то, въ случаѣ надобности, весь народъ несетъ военную службу.

Многія тангутскія племена такъ дики или такъ воинственны, что постоянно живутъ разбоями; они или грабятъ сосѣднихъ китайцевъ и монголовъ, или нападаютъ на караваны купцовъ и поклонниковъ, идущихъ на поклоненіе къ далай-ламѣ и другимъ религіознымъ святынямъ. Особенно прославилось своимъ разбойничествомъ племя *голыковъ*. Они кочуютъ въ сѣверо-восточномъ углу Тибетскаго нагорья. Мы были въ Тибетѣ только въ самой сѣверной его провинціи, въ Амдо, и лично намъ нападенія разбойниковъ не приходилось испытать; но, проходя отъ китайскаго пограничнаго города Синина къ богатому тангутскому монастырю Лабрану, намъ пришлось переходить горныя степи, на которыя выѣзжаютъ обыкновенно голыки пограбить путешественниковъ. Китайскія власти пограничнаго мѣстечка очень боялись, что разбойники нападутъ на насъ, и распорядились, чтобы двадцать китайскихъ солдатъ сопровождали насъ, и кромѣ того было приказано, чтобы двадцать тангутовъ, живущихъ въ ближайшей деревнѣ, также ѣхали съ нами черезъ опасныя мѣста. Мы нашли, что такой конвой изъ 40 человѣкъ уже слишкомъ великъ, притомъ китайскіе солдаты такъ униженно, становясь на колѣни, упрашивали, чтобы мы не брали ихъ на явную смерть, что мы увидали всю безполезность такихъ проводниковъ и отпустили ихъ; за то тангуты оказались настоящими охранителями. Изъ деревни съ нами выѣхалъ отрядъ человѣкъ въ двадцать подъ предводительствомъ опытнаго старика. Всѣ они были вооружены съ ногъ до головы: въ рукахъ были пики, за спинами — ружья (кремневыя), за поясомъ — огромныя сабли. Въ отрядѣ были люди всѣхъ возрастовъ, даже мальчики; всѣ держались извѣстнаго порядка какъ въ дорогѣ, такъ и на ночлегахъ; всю ночь содержался караулъ, и мы спали спокойно, просыпаясь лишь отъ протяжныхъ сторожевыхъ окликовъ нашихъ охранителей.

Разсказывали намъ также, что во время дунганскаго возстанія въ Китаѣ, бывшаго въ 60-хъ годахъ, многія тангутскія деревни превосходно оборонялись отъ непріятеля. Въ горахъ, гдѣ были ихъ деревни, были построены укрѣпленные высокими глиняными стѣнами дворы, съ крѣпкими воротами; на высокихъ, удобныхъ для наблюденія, горахъ были разставлены караулы, которые, при видѣ непріятеля, зажигали солому, выставленную на шестахъ. Эти сигнальные огни извѣщали всю окрестность о нашествіи непріятеля. Въ это время женщины, дѣти и скотъ собирались въ укрѣпленные дворы, а мужчины брались за оружіе и отбивали непріятеля. Монастыри тангутскіе также защищали свои стѣны. Всѣ молодые монахи должны были нести военную службу и содержать караулы. Разсказывали

мнѣ также объ одномъ племени тангутовъ, что у нихъ во время войны за каждымъ воиномъ на войну должна идти женщина, его сестра или жена; она обязана заряжать во время битвы ружье и держать на-готовѣ другое оружіе. Такъ какъ всѣ почти тангуты хорошіе охотники, мѣткіе стрѣлки, то понятно, что такой народъ, и не имѣя большаго войска, можетъ хорошо воевать съ племенами, его окружающими.

Рис. 14.



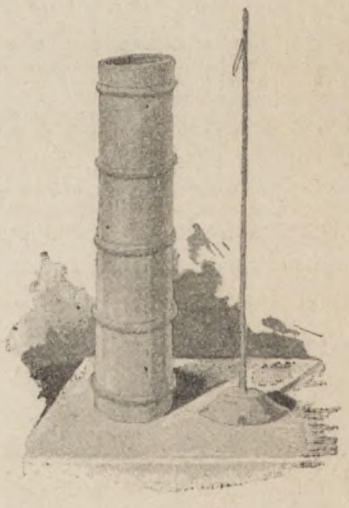
Жилища у тангутовъ бываютъ трехъ родовъ. Одни племена, которыя кочуютъ съ своими стадами, живутъ въ черныхъ шерстяныхъ палаткахъ, покрытыхъ матеріей домашняго приготовленія, сотканной изъ шерсти яковъ. Верхъ палатки бываетъ почти совсѣмъ плоскій, такъ какъ она укрѣплена на нѣсколькихъ деревянныхъ кольяхъ. Внутри изъ глины сбитъ небольшой очагъ, гдѣ разводятъ огонь; вокругъ стѣнъ набрасываютъ кучи хворосту, прикрывши его кошмами или шкурами, на которыхъ спятъ; иногда одинъ уголъ палатки занимаетъ мелкій скотъ.

Тамъ, гдѣ есть лѣсъ и возможно хлѣбопашество, тангуты живутъ въ деревянныхъ домахъ. Иногда это — огромная, грубо срубленная, почти темная изба, съ потолкомъ изъ накатника. Мѣстами постройки лучше, бываютъ верхніе этажи, или, по крайней мѣрѣ, лѣтнія свѣтелочки надъ одной частью дома. Иногда такія свѣтелочки соединены одна съ другой галлереями. Чаще всего тангутскія деревянныя постройки напоминаютъ курныя избы нашихъ бѣлоруссовъ. Внутри большой избы, направо или прямо отъ входа, устроены деревянныя нары. Передъ ними во всю ширину избы протягивается сбитый изъ глины очагъ съ печурками у самаго пола и вмазанными сверху котлами; а такихъ котловъ бываетъ три, четыре пары. Избы часто бываютъ раздѣлены деревянными перегородками до половины высоты комнаты на нѣсколько отдѣленій. У противоположной стѣны устроены

ясли, и тутъ же стоитъ дойный скотъ. Бываетъ и такъ, что на дворѣ двѣ избы, а между ними укрытый со всѣхъ сторонъ темный скотный дворъ. Эти дворы, обычай тангутовъ селиться деревнями, околицы, загороженныя пряслами, и кругомъ деревни поля съ нашими сортами хлѣбовъ—съ овсомъ и гречихой, очень напоминали намъ въ Тибетѣ нашу родину.

Тамъ же, гдѣ хлѣбопашество и, слѣдовательно, осѣдлая жизнь возможны, а лѣсу нѣтъ, тангуты переняли китайскій способъ постройки — изъ сырцоваго кирпича. Въ городахъ или еще чаще въ монастыряхъ (такъ какъ городовъ въ Тибетѣ очень мало) дома бываютъ въ два и три этажа. Внизу дома всегда одно большое, не разгороженное помѣщеніе, гдѣ находится скотъ, и одинъ уголъ занимаетъ кухня съ очагомъ. Вверху устраиваются комнаты, съ деревяннымъ, гладко оструганнымъ поломъ и со множествомъ оконъ. Комнаты вверху раздѣлены досчатыми перегородками. Иногда здѣсь стѣны и потолки покрыты живописью, а полы — коврами. Каждая тибетская постройка нѣсколько шире книзу и уже кверху; кромѣ того, въ большомъ обычаѣ въ одномъ концѣ дома подстраивать башенку или свѣтелку. Тангуты любятъ также устраивать балконы и галлереи. Часто они сидятъ на плоскихъ кровляхъ своихъ домовъ.

Рис. 15.



Мебели, даже и въ богатыхъ домахъ, бываетъ мало; спятъ на нарахъ, покрытыхъ коврами; сидятъ прямо на коврахъ. Въ комнатахъ есть только маленькіе, пестро раскрашенные столики, а иногда шкапы или полки для книгъ.

Посуда въ богатыхъ домахъ—металлическая, чаще изъ красной мѣди. Она украшена рѣзьбой, и ее выставляютъ на полкахъ. У бѣдныхъ посуда деревянная, а у кочевниковъ посудой служитъ и бараній желудокъ, и бычачій пузырь и даже рога быковъ,—въ нихъ наливаютъ масло и молоко. Пищу варятъ въ желѣзныхъ котлахъ; посуду, по большей части, держатъ ужасно грязно.

Главную пищу тангутовъ составляетъ *дзамба*; это — поджаренный ячмень, смолотый въ муку. Ее ѣдятъ, обыкновенно, подмѣшивая къ чаю; послѣдній составляетъ необходимую потребность всякаго тангутскаго семейства. Кочевники питаются больше молочными продуктами: заготовляютъ въ прокъ

сыръ - *чура*, похожій на высушенный творогъ. Богатые, конечно, ѣдятъ мясо, вареное и жареное, и въ пирогахъ; въ прокъ мясо заготовляютъ, провяливая его на вѣтру. Во время дороги или послѣ длиннаго голоданья ѣдятъ мясо сырьемъ, причемъ его рубятъ, какъ для котлетъ. Тангуты любятъ также вареный рисъ, овощи и зелень. Бѣдняки собираютъ для ѣды дикія травы и корни (нѣкоторые виды папоротника, корни травки Potantilla anzerina и корни одного вида Poligonum.).

Одѣваются тангуты главнымъ образомъ въ овчинныя шубы, шьютъ также халаты изъ домашняго сукна; лѣтомъ носятъ одежду изъ бумажныхъ матерій, покупая послѣднія у китайцевъ. Шапки и воротники у шубъ предпочитаютъ дѣлать изъ бѣлой мерлушки; верхъ шапки обшиваютъ всегда чѣмъ-либо чернымъ или краснымъ; подкладку подъ воротниками тоже дѣлаютъ красную. Богатые кроютъ свои шубы и халаты яркими шелковыми матеріями или сукномъ и любятъ опушать ихъ рысьими и тигровыми мѣхами. Халатъ принято спускать съ праваго плеча, и часто при этомъ правая рука, правое плечо и часть груди остаются голыми; также поступаютъ и женщины. Шубу и халатъ подпоясываютъ кушакомъ, причемъ халатъ всегда мѣшкомъ виситъ сверхъ кушака и поддергивается такъ, что ноги выше колѣнъ остаются не покрыты шубой. На ногахъ носятъ или сапоги кожаные, или цвѣтные чулки изъ матеріи, или-же лапти изъ пеньки.

Волосы амдосскіе тибетцы заплетаютъ въ косу, а жители провинціи Камъ распускаютъ по плечамъ, какъ наши священники. Молодыя женщины заплетаютъ волосы во множество мелкихъ косичекъ, или же носятъ двѣ косы, распущенныя по спинѣ, и у всѣхъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, бываетъ на косахъ множество всякихъ украшеній. Украшенія эти разнообразны до безконечности; иногда такой уборъ на косахъ виситъ до самыхъ пятъ и вѣситъ нѣсколько фунтовъ: тутъ найдутся и мѣдныя бляхи, и морскія раковины, и камни, и бисеръ, и вышивки шелками и шерстью по матеріи.

Всѣ тангуты вообще очень любятъ украшенія: мужчины носятъ иногда серьгу въ ухѣ, а женщины бываютъ увѣшаны массою различныхъ украшеній; серьги ихъ иногда достигаютъ величины браслетъ, а браслеты и всякія подвѣски изобилуютъ даже въ костюмѣ бѣдныхъ тангутокъ; на поясѣ у нихъ висятъ всегда три крюка: одинъ — для ключей, другой — для игольника и всякой мелочи и третій — для поддерживанія подойника. Головные уборы знатныхъ тангутовъ бываютъ сплошь унизаны жемчугомъ, кораллами, изумрудами. Костюмы, особенно женскіе, очень разнообразны

у различныхъ племенъ или даже у одного племени, но въ различныхъ деревняхъ.

Въ окрестностяхъ Лассы есть одинъ очень странный обычай или странная мода. Тамошнія женщины покрываютъ свои лица черной краской, которую онѣ приготовлютъ изъ сажи и сока какого-то растенія. Это, впрочемъ, по увѣренію путешественниковъ, не мѣшаетъ тамошнимъ женщинамъ нравиться и быть хорошенькими. Женщины тибетскія держатся свободно, онѣ полноправныя хозяйки въ домѣ и отличаются большою веселостью.

Другой обычай, соблюдаемый тибетцами въ южномъ Тибетѣ, еще удивительнѣе для насъ. Тамъ всѣ братья въ домѣ имѣютъ одну жену; считается она женой старшаго брата.

Рис. 16.

Дѣлается это, говорятъ они, для того, чтобы имущество братьевъ не раздѣлялось. Въ Амдо тангуты имѣютъ по одной женѣ. Женятся тангуты не рано, въ томъ-же возрастѣ, какъ у насъ; по вспыльчивости нрава, между супругами нерѣдко бываютъ ссоры; случается, что супруги разводятся.

На свадебныхъ пирахъ мужчины и женщины участвуютъ вмѣстѣ; они хоромъ поютъ старинную эпопею о царѣ Гэсэрѣ, причемъ однѣ части поэмы поютъ мужскіе голоса, другія — женскіе. Есть, кромѣ поэмы о Гэсэрѣ, и другія пѣсни. Есть у тангутовъ также и пляски; послѣднія казались намъ нецензурными.

Кромѣ свадебныхъ пировъ, молодежь сходится также на посидѣлкахъ; иногда въ лѣтнія ночи собираются гдѣ-нибудь на лужайкѣ съ веретенами *); тутъ и работаютъ, и болтаютъ, и пѣсни поютъ.

Дѣтей тангуты очень любятъ, но берегутъ ихъ больше отъ злаго

*) Шерсть прядутъ и мужчины и женщины.

глаза, а отъ грязи нисколько не берегутъ. Не знаю, моютъ ли они ихъ когда-нибудь. Въ видѣ ласки нѣжная мать намазываетъ сына или дочь коровьимъ масломъ; при сухости воздуха и обычаѣ ходить полу-голыми, это очень полезный обычай,—смягчаетъ кожу. Несмотря на любовь къ своимъ дѣтямъ, тунгуты при обученіи и воспитаніи бьютъ ихъ, иногда довольно жестоко.

Покойниковъ своихъ сѣверные и восточные тунгуты, живущіе въ лѣсистыхъ мѣстахъ, сожигаютъ, южные — бросаютъ на съѣденіе звѣрей и птицъ и сожигаютъ только лицъ почетныхъ. Въ столицѣ ихъ, Лассѣ, есть особый классъ людей, обязанныхъ убирать покойниковъ изъ города. Если у умершаго бѣдняка нѣтъ въ Лассѣ родственниковъ, которые позаботились бы объ его погребеніи, то эти погребальщики обходятся съ трупомъ безъ всякаго почтенія: привяжутъ его веревкой и тащутъ черезъ весь городъ, волоча по землѣ. За городомъ есть особо назначенное мѣсто, гдѣ бросаютъ трупы; здѣсь грифы и другія хищныя птицы уже сидятъ въ ожиданіи своей добычи. Чтобы трупъ скорѣе былъ уничтоженъ, погребальщики разрубаютъ его на мелкія части. Тангуты думаютъ, что чѣмъ скорѣе будетъ уничтоженъ, убранъ съ лица земли этотъ, никому болѣе ненужный предметъ, тѣмъ лучше. Тѣхъ покойниковъ, которыхъ сожигаютъ, завертываютъ предварительно въ хлопчатую бумагу и обливаютъ масломъ; надъ остатками костей насыпаютъ земляной холмикъ.

Объ умершихъ молятся и дни ихъ кончины вспоминаютъ; иногда родные ради успокоенія душъ своихъ усопшихъ родственниковъ накладываютъ на себя разные обѣты, напр., не говорить въ теченіи сутокъ или нѣсколькихъ дней.

О характерѣ тангутовъ говорятъ путешественники очень различно: одни считаютъ ихъ мрачными, недовѣрчивыми, жадными и скупыми, другіе, напротивъ, считаютъ ихъ веселыми, преданными своимъ друзьямъ до самоотверженія, до ревности, а недовѣрчивыми считаютъ ихъ только съ чужими.

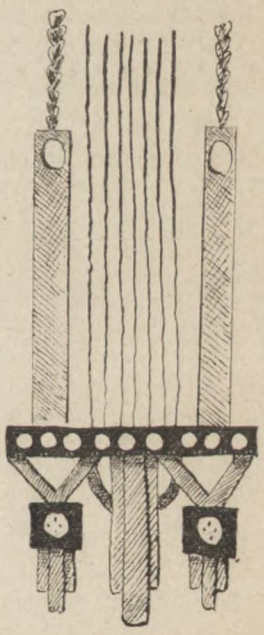
Мы, сравнивая тангутовъ съ другими извѣстными намъ кочевниками, находили ихъ очень негостепріимными. Киргизъ или монголъ всегда готовы принять путника въ свою палатку и раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ и предложить чаю или молока, даже если это будетъ ихъ послѣдняя пища; не то съ тангутами. Злые, огромные псы всегда стерегутъ входъ въ ихъ палатку или привязаны у воротъ дома. Даже односельчане не входятъ на дворъ сосѣда безъ того, чтобы не вызвать хозяйку дома за ворота. Часто

пришедшій долго кричитъ у воротъ, не смѣя войти въ нихъ, хотя-бы они были отворены. Такъ строго соблюдаютъ тангуты то свое правило, что каждый домъ есть замокъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ его обитателя. Паломники, проходя по тангутской землѣ, никогда не бываютъ принимаемы подъ кровлю частнаго дома; пищу тангуты имъ выносятъ на дорогу, но ночевать не пускаютъ.

Говорятъ, что тангуты склонны къ торговлѣ и что они хорошіе торгаши и неумолимые кредиторы.

Должно думать, что они также хорошіе администраторы; по крайней мѣрѣ, монастыри, управляемые тангутами, почти всегда процвѣтаютъ, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи духовной дисциплины и внѣшняго благочинія.

Рис. 17.



Музыку и пѣніе тангуты, повидимому, любятъ. Играютъ часто на флейтахъ; есть и струнные инструменты; струны перебираютъ зубомъ лани. Въ народѣ множество всякихъ сказокъ, басенъ, пѣсней и разсказовъ; между ними самая популярная поэма о царѣ Гэсэрѣ Книги можно встрѣтить почти въ каждомъ тангутскомъ домѣ, но онѣ, по большей части, религіознаго содержанія. Грамотность между тангутами довольно распространена; въ знатныхъ семействахъ грамотны и даже начитаны бываютъ и женщины. Образованіе тангутовъ носитъ преимущественно религіозный характеръ.

Что касается религіи, то въ старину въ Тибетѣ была вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ. Каждая мѣстность, каждая рѣка, каждое озеро, каждое человѣческое жилье имѣло своего духа-покровителя; у всей страны былъ также общій покровитель. Религія тибетцевъ состояла въ заклинаніяхъ и призываніяхъ духовъ. Впослѣдствіи, въ VII столѣтіи нашей эры, тибетцы приняли новую религію отъ сосѣднихъ съ ними индійцевъ—вѣру въ будду Сакіямуни.

Легенды разсказываютъ, что Сакіямуни былъ индійскій царевичъ, по имени Сидхдарта, родившійся чудеснымъ образомъ; при рожденіи отцу его было предсказано, что Сидхдартѣ со временемъ будетъ принадлежать весь

міръ. Отецъ окружилъ царевича роскошью, выстроилъ ему великолѣпный дворецъ, окруженный садами и рощами, и особенно заботился о томъ, чтобы сына его не коснулась никакая печаль и забота. Окруженный красавицей-женой, сыномъ, товарищами и преданными слугами, царевичъ Сидхдарта жилъ очень весело, но никогда не оставлялъ своего дворца. Однажды царевичъ захотѣлъ посмотрѣть, какъ живутъ люди въ томъ городѣ, который находился вокругъ его дворца. Вышедши изъ южныхъ воротъ дворца, онъ встрѣтилъ больнаго калѣку; видъ его былъ жалокъ и непріятенъ. Царевичъ возвратился и пошелъ въ другія ворота; тамъ встрѣтилъ онъ дряхлаго старика, и эта встрѣча была ему непріятна, онъ пошелъ въ третьи ворота, но здѣсь ему встрѣтились похороны. Видъ мертваго человѣка поразилъ царевича еще болѣе. Тутъ только онъ въ первый разъ задумался о томъ, что земныя радости непрочны, что всѣхъ людей постигаетъ старость и смерть, а многихъ, кромѣ того, – болѣзни и нищета. Это такъ опечалило царевича, что онъ оставилъ дворецъ и сталъ вести жизнь пустынника, стараясь придумать средство помочь людямъ въ ихъ бѣдствіяхъ. Въ Индіи въ то время религія была браминская: это было язычество съ обширнымъ пантеономъ боговъ, съ очень разработаннымъ религіознымъ ученіемъ, съ богатой литературой и сильнымъ жреческимъ сословіемъ. Люди раздѣлялись на касты, и высшая изъ нихъ была каста браминовъ; простой народъ находился въ презрѣніи, угнетеніи и бѣдности.

Браминисты вѣрили въ переселеніе душъ, т. е., что по смерти душа человѣческая должна продолжать жизнь, переселяясь въ другое существо, въ человѣка или въ животное въ томъ случаѣ, если она, во время своей земной жизни, не возвысилась, а, напротивъ, упала въ нравственномъ отношеніи. Чтобы достигнуть жизни блаженной, по мнѣніи браминовъ, надо было вести суровую, аскетическую жизнь, и они проповѣдывали умерщвленіе плоти, постъ, истязанія тѣла. Царевичъ Сидхдарта также изучалъ сначала браминскую религію и предавался самому строгому аскетизму, но въ этомъ онъ не нашелъ утѣшенія. Однажды ему пришла мысль, что человѣкъ для того, чтобы не испытывать никакихъ горестей, не долженъ быть привязанъ къ радостямъ жизни и даже къ самой жизни, что, если онъ будетъ равнодушенъ къ жизни и къ ея радостямъ, то ему и утрата этихъ радостей и жизни не будетъ мучительна. Послѣ этого онъ сталъ учить, что для спасенія людей нужна только чистая мирная жизнь, незлобіе, нестяжательность, любовь ко всему живущему и полное отреченіе отъ всѣхъ человѣческихъ страстей. Человѣкъ, отказавшись отъ страстей и отъ любви къ

жизни, достигнетъ тѣмъ самымъ вѣчнаго покоя, т. е. не будетъ больше рождаться въ этомъ мірѣ, а погрузится въ *нирвану*, т. е. въ состояніе полнаго безчувствія, небытія. Ученикамъ своимъ онъ заповѣдалъ не жениться, чтобы не имѣть привязанностей и, кромѣ самой необходимой пищи и одежды, не имѣть никакого имущества. Такъ и было: его послѣдователи образовали монашескія общины и жили, переходя изъ селенія въ селеніе, питаясь подаяніемъ. Однако, вскорѣ послѣ смерти будды Сакіямуни, его ученіе, такое простое и ясное, затемнилось,—многое вошло въ него изъ ученія браминскаго: у первыхъ же буддистовъ появилось ученіе, что будда Сакіямуни былъ собственно не первый будда, т. е. не первый святой, посланный въ міръ для спасенія людей, что онъ былъ пятый, и послѣ него будутъ еще новые будды, что есть одинъ верховный или первоначальный будда, такъ называемый, Ади-Будда, который всегда былъ, есть и будетъ.

Буддисты вѣруютъ, что Сакіямуни, будучи человѣкомъ, достигъ божественной славы и по смерти погрузился въ нирвану, а, слѣдовательно, и сочувствовать людямъ не можетъ, но что онъ, какъ и другіе четыре будды, бывшіе до него, чтобы не оставить человѣчество безъ божественной помощи, при отходѣ въ нирвану, оставили послѣ себя какія-то божественныя существа: это—*бодисатвы*. По мнѣнію буддистовъ, бодисатвы, пребывая постоянно въ мірѣ духовъ, иногда воплощаются на землѣ, входя въ тѣло какого-нибудь новорожденнаго ребенка. Такимъ образомъ у буддистовъ появилось нѣсколько божествъ и множество перерожденцевъ, т. е. людей, въ которыхъ воплощаются боги. Такихъ лицъ буддисты-тибетцы называютъ *тсорабъ-лама*, а монголы—*хубиланами*, *кутухтами* и *гегенами*.

Особенно почитаемое буддистами божество называется *Амитава*. Буддисты думаютъ, что онъ правитъ міромъ душъ умершихъ блаженныхъ, но еще не достигшихъ святости; міръ этотъ—нѣчто въ родѣ нашего рая, но чисто метеріальный; земля, вода и деревья тамъ необыкновенно красивы, а люди или души умершихъ, не нуждаясь ни въ чемъ матеріальномъ, живутъ, совершенствуясь духовно и готовясь вступить въ нирвану. Міръ этотъ буддисты называютъ *Суккавади*.

Бодисатва *Манджугири* даетъ земную мудрость и покровительствуетъ знанію. Третій—*Авалокитешвара*, *Хонціимъ*, или *Арья-Бало*, какъ зовутъ его монголы, — представитель милосердія. Про него разсказываютъ, что, находясь въ царствѣ Суккавади, видя бѣдствія людей на землѣ и что адъ наполняется каждую минуту грѣшниками, онъ пришелъ въ отчаяніе и пожелалъ, что лучше бы ему было не существовать, и вслѣдствіе этого жела-

нія голова его разлетѣлась на тысячу кусковъ; Амитава собралъ эти куски, составилъ изъ нихъ одиннадцать головъ и обѣщалъ, что со-временемъ настанетъ такое время, когда бѣдствія людей прекратятся. Съ тѣхъ поръ изображенія Арья-Бало стали дѣлать съ одиннадцатью головами и съ тысячью руками.

Буддисты считаютъ это божество самымъ милостивымъ и обращаются къ нему съ молитвой во время бѣдствій. Тибетцы называютъ его *Ченрези* и считаютъ особеннымъ покровителемъ своей страны.

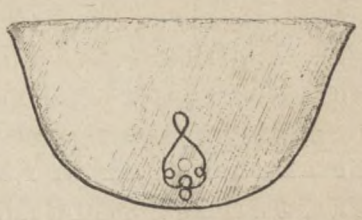
Будущаго будду, который долженъ придти, тибетцы называютъ *Шяньба*, а монголы—*Майдари;* изображенія его иногда дѣлаютъ въ видѣ огромнаго бѣлаго слона, а иногда—въ видѣ юноши съ добрымъ цвѣтущимъ лицомъ. Вообще всѣхъ своихъ добрыхъ боговъ буддисты изображаютъ вѣчно-юными, сидящими въ покойной позѣ, съ поджатыми ногами и съ улыбающимися лицами. Кромѣ этихъ спокойныхъ, мирныхъ божествъ, буддисты признаютъ, что бодисатвы принимаютъ видъ божествъ грозныхъ, и ихъ изображаютъ въ самыхъ отвратительныхъ видахъ, съ злыми лицами, увѣшанныхъ человѣческими черепами и топчущихъ ногами людей.

У тибетцевъ эти злыя божества носятъ названіе *докшитовъ*, и призыванія ихъ особенно часты, благодаря, вѣроятно, тому, что прежняя ихъ религія, до-буддійская, признавала много злыхъ духовъ. Вообще въ первое время религія буддійская въ Тибетѣ, повидимому, мало походила на чистое ученіе, проповѣдуемое Сакіямуни. Тибетскіе монахи вели жизнь самую невоздержную, ихъ молитвы состояли въ томъ, что они производили заклинанія злыхъ духовъ и занимались волшебствомъ. Всѣ они были женаты и къ монастырямъ, храмамъ и статуямъ боговъ никакого уваженія не имѣли.

Въ 14 столѣтіи въ сѣверномъ Тибетѣ, въ провинціи Амдо, появился ученый монахъ или лама Тзонкава, который проповѣдывалъ, что надо исправить религію, что монахамъ слѣдуетъ жить по-монашески, въ монастыряхъ, а не семейной жизнью, что слѣдуетъ учиться, изучать священное писаніе, изучать науки, чтобы духовнымъ лицамъ возможно было помогать людямъ, обремененнымъ житейскими заботами. Весь Тибетъ тогда раздѣлился: одни признавали Тзонкаву за святаго и послѣдовали его ученію, другіе остались приверженцами старой вѣры. Тзонкависты стали носить желтую одежду, какъ это было принято индійскими буддистами, а старовѣры остались въ красныхъ одеждахъ, и духовенству своему дозволяютъ семейную жизнь. Эта

старая вѣра называется въ Тибетѣ *Бонъ*, и понынѣ въ Тибетѣ есть мѣста, гдѣ ея придерживаются, и есть монастыри *красношапочниковъ* *).

Рис. 18.



По смерти Тзонкавы, послѣдователи признали его святымъ. Вскорѣ послѣ этого очищенія вѣры, совершеннаго Тзонкавой, тибетцы признали, что ихъ божественный покровитель Ченрези для поддержанія чистоты вѣры рѣшилъ воплощаться на землѣ въ видѣ земнаго правителя Тибета и всего буддійскаго міра. Съ тѣхъ поръ въ Тибетѣ появился Великій Лама, или *Чжамцо Риньбоче*, что въ переводѣ значитъ: *океанъ драгоцѣнности*. Намъ онъ извѣстенъ подъ монгольскимъ именемъ далай-ламы (далай—море по-монгольски)

Первый далай-лама родился въ царскомъ семействѣ, и первое время всѣ его преемники рождались въ той-же семьѣ.

Въ то-же время въ юго-западной части Тибета появляется воплотившійся бодисатва Амитавы. Его хубилганъ дѣлаетъ постояннымъ настоятелемъ большаго монастыря *Таши-хлумбо* и правителемъ области, принадлежащей этому монастырю. Его называютъ *Бонченъ-Риньбоче—сокровище мудрости*, или по монгольски—*Бонченъ-Эрдени*.

Кромѣ этихъ, очень уважаемыхъ хубилгановъ, у буддистовъ существуетъ много другихъ. Есть хубилганъ Тзонкавы, Джаянъ-Джанасынъ; памяти этихъ хубилгановъ посвящены огромные монастыри въ Тибетѣ. Есть также хубилганы-женщины. Въ Гибетѣ такая воплощенная богиня живетъ въ настоящее время въ монастырѣ на островѣ озера Палтъ. Она считается покровительницей всей окрестной страны, и стрѣлять дичь въ ея владѣніяхъ строго запрещено, также какъ и ловить рыбу въ озерѣ, на которомъ она живетъ. Есть даже благочестивый обычай покупать рыбу, пойманную въ окрестностяхъ, и пускать ее въ священное озеро, гдѣ она уже не можетъ погибнуть. Женщина эта считается какъ-бы настоятельницей монастыря, братія въ которомъ—монахи.

Есть еще двѣ женщины – хубилганы; онѣ называются: одна—*Цаганъ-Дара-Экэ*, другая—*Ногонъ-Дара-Экэ*, что значитъ: Бѣлая и Зеленая Дара-Экэ. Въ настоящее время Дара-Экэ рождаются въ Монголіи, но нѣкогда,

---

*) Въ Непалѣ почти всѣ исповѣдуютъ Бонъ, и тамъ живетъ главный лама ихъ вѣры.

въ одно изъ своихъ раннихъ перерожденій, онѣ были женами тибетскаго царя Сронъ-Тзанъ-Гамбы, и онѣ-то и просвѣтили царя, а за нимъ и весь народъ свѣтомъ буддійской вѣры.

Чтобы познакомиться съ тѣмъ, какъ находятся хубилганы, мы разскажемъ, какъ это дѣлается съ далай-ламой,—со всѣми другими хубилганами поступаютъ точно также, только, сообразно ихъ важности, обстановка ихъ бываетъ различна: одни воспитываются болѣе тщательно, другіе – проще.

Послѣ смерти далай-ламы, тибетское духовенство, ламы, занимающія главныя должности въ государствѣ, удаляются въ одинъ изъ храмовъ и, послѣ многихъ молитвъ, поста и чтенія священныхъ книгъ, они получаютъ откровеніе, что духъ божественнаго Ченрези долженъ возродиться въ младенцѣ съ такими-то и такими примѣтами. Принеся благодарственныя молитвы за божественное откровеніе, ламы расходятся и оповѣщаютъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ о примѣтахъ будущаго далай-ламы. Когда въ народѣ разойдется вѣсть объ этомъ, многіе родители, имѣющіе у себя дѣтей подходящаго возраста, представляютъ ихъ на осмотръ ламъ, или извѣщаютъ объ этомъ ламъ, и они ѣдутъ въ домъ родителей ребенка убѣдиться, точно-ли примѣты ребенка совпадаютъ съ указанными свыше. Наконецъ, въ одномъ мальчикѣ всѣ примѣты найдены, его берутъ во дворецъ вмѣстѣ съ его родителями, или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ его матерью, которая кормитъ грудью новорожденнаго. Часто выборъ падаетъ на ребенка незнатныхъ и даже бѣдныхъ родителей.

Отецъ и мать обрадованы: ихъ сынъ—святой мальчикъ и будетъ въ то-же время земнымъ владыкой Тибета.

Мать новорожденнаго окружаютъ ламы; они безпрестанно останавливаютъ ее, слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ, особенно строго наблюдаютъ они за тѣмъ, что касается кормленія и ухода за ребенкомъ. Ламы ни на минуту не выпускаютъ съ глазъ ребенка, — имъ хочется убѣдиться, дѣйствительно-ли въ него переселился духъ покойнаго далай-ламы; съ этой цѣлью ребенку часто показываютъ вещи покойнаго ламы: если ребенокъ тянется къ нимъ, если называетъ ихъ своими, когда ему показываютъ ихъ, монахи убѣждаются, что это, дѣйствительно, тотъ ребенокъ, котораго они ищутъ.

Когда ребенокъ начинаетъ понимать и говорить, его прежде всего учатъ произносить молитвы, и приставленные къ нему ламы начинаютъ его знакомить съ тѣмъ славнымъ прошлымъ, въ которомъ душа этого ребенка принимала участіе, живя въ своихъ прежнихъ воплощеніяхъ.

Лѣтъ 3—5 ребенка уже берутъ отъ матери,—его пора серьезно учить; мать же удаляютъ изъ дворца, дарятъ ей домъ, гдѣ она и продолжаетъ вести свой прежній образъ жизни.

Изрѣдка ей позволяютъ посѣщать сына, но это уже не ея ребенокъ, а монахъ, готовящійся принять посвященіе. Семи лѣтъ, если ребенокъ здоровъ и понятливъ, успѣлъ заучить нѣсколько молитвъ и выучить священную грамоту, на которой написано священное писаніе, и тибетскую,—его посвящаютъ въ монахи, прямо въ большой чинъ, и дѣлаютъ тогда же настоятелемъ главнаго монастыря въ Тибетѣ. Мальчикъ ведетъ суровую жизнь: онъ обязанъ поститься по своему званію монаха, долженъ участвовать въ богослуженіи и въ извѣстные дни принимать поклонниковъ и давать имъ свое благословеніе. Во время пріемовъ и во время богослуженія этого семилѣтняго настоятеля, въ богатыхъ желтыхъ ризахъ, съ огромной украшенной драгоцѣнностями шапкой на головѣ, садятъ на престолѣ, поддерживаемомъ золотыми львами; сидитъ онъ, обращенный лицомъ къ народу, ему кадятъ изъ золотой кадильницы куренія. Длинный рядъ его служителей, важныхъ ламъ, становится по обѣ стороны его кресла. Послѣ молитвы, обращенной къ Ченрези, одинъ изъ священнослужителей подаетъ ему чаю, наливая изъ золотаго чайника, другой подноситъ ему на блюдѣ рису; послѣ того, какъ священная особа возьметъ щепотку рису и выпьетъ чай, все оставшееся въ чайникѣ и на блюдѣ раздѣляется между присутствующими. Чай выпивается тутъ же съ величайшимъ благоговѣніемъ, а рисъ многіе благочестивые люди завязываютъ въ платокъ, чтобы отнести своимъ домашнимъ эту освященную пищу. Послѣ раздачи рису поклонники, одинъ по одному, подходятъ къ престолу, дѣлаютъ земной поклонъ передъ далай-ламой, а онъ притрогивается къ головѣ подходящаго особымъ жезломъ или чѣмъ-то въ родѣ колокольчика, сшитаго изъ шелковой матеріи, затѣмъ поклонники удаляются. Лицамъ, наиболѣе почетнымъ изъ среды поклонниковъ, далай-лама жалуетъ иногда шелковый платокъ (платки бываютъ различныхъ достоинствъ и цѣнности).

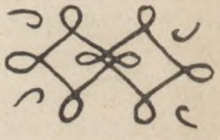
Дворецъ далай-ламы представляетъ замѣчательное зрѣлище. Построенъ онъ на холмѣ; входятъ туда по дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ деревьями. Въ первомъ этажѣ большая неразгороженная зала; въ ней, кромѣ молитвенныхъ мельницъ по бокамъ, ничего нѣтъ; изъ нея выходъ на дворъ и со двора входъ во второй этажъ; здѣсь стоитъ огромная статуя бѣлаго слона, такая большая, что занимаетъ всѣ три этажа зданія: въ первой залѣ желающіе поклониться этому изображенію бога Майдаре об-

ходятъ вокругъ статуи, потомъ поднимаются на галлерею, которая идетъ вокругъ туловища слона и, наконецъ, по галлереѣ третьяго этажа обходятъ вокругъ головы изображенія Выйдя изъ зданія со слономъ, входятъ во дворецъ, гдѣ далай-лама принимаетъ поклонниковъ. На дворѣ этого дворца находятся пять намогильныхъ памятниковъ, поставленныхъ надъ тѣлами прежде жившихъ далай-ламъ. Между ними одинъ богато украшенъ золотомъ.

Съ этого двора открывается великолѣпный видъ на окрестности и городъ Лассу, лежащій у подножія холма. Всѣ описываемыя зданія построены по уступамъ холма Поталы, связаны между собой общими кровлями, лѣстницами, галлереями, и если смотрѣть на нихъ снизу, отъ подножія холма, то они представляютъ видъ какъ бы одного цѣльнаго зданія (они извѣстны подъ именемъ краснаго дворца). Вокругъ по горѣ тѣснятся другія зданія храмовъ и монастырей.

Городъ, лежащій въ долинѣ на берегу небольшой рѣчки, тоже наполовину наполненъ храмами и монастырями; въ немъ находится только небольшое число частныхъ домовъ, принадлежащихъ знатнымъ лицамъ. Жилища купцовъ, безчисленныя гостинницы, назначенныя для пріема поклонниковъ, посѣщающихъ Лассу со всѣхъ концовъ міра, и лавки находятся въ предмѣстьяхъ города. Кромѣ тангутовъ въ городѣ живетъ много индійцевъ—ремесленниковъ и торгующихъ кашмирцевъ; послѣдніе—мусульмане, для нихъ есть на окраинѣ предмѣстья мечеть. Главное оживленіе придаютъ городу толпы богомольцевъ: здѣсь можно встрѣтить и китайца, и жителя Россіи—бурята и монгола, и жителя жаркой Индіи,—всѣ они въ своихъ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ составляютъ толпу на улицахъ и наполняютъ храмы. Особенно много народу стекается въ Лассу ко дню религіозныхъ праздниковъ; процессіи праздничныя здѣсь бываютъ очень великолѣпны и многолюдны.

Рис. 19.



Въ окрестностяхъ города есть много очень большихъ монастырей; въ ближайшемъ изъ нихъ къ городу находятся хорошо устроенныя школы, въ которыхъ монахи изучаютъ науки (монаховъ и учениковъ насчитываютъ здѣсь до семи тысячъ). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Лассы есть монастырь Сара съ 5,000 монаховъ. Самымъ замѣчательнымъ монастыремъ считается Галданъ, основанный Тзонкавой, въ немъ до 3,000 монаховъ.

Въ каждомъ монастырѣ есть гегенъ или хубилганъ какого-нибудь

буддійскаго святаго. Монахи въ тибетскихъ монастыряхъ кромѣ молитвы занимаются также науками и искусствами.

Они раздѣляются обыкновенно на четыре группы: одни изъ нихъ церковнослужители, другіе изучаютъ медицину, третьи—науку или живопись и ваяніе, необходимое для религіозныхъ цѣлей, четвертый, наиболѣе почтенный и наиболѣе строгій по обряду, классъ монаховъ изучаетъ высшую буддійскую мудрость.

Монастыри управляются выборными властями. Въ монашество поступаютъ иногда дѣти; сначала они произносятъ малые обѣты, затѣмъ, лѣтъ 13, выучивши молитвы и нѣкоторыя правила, они могутъ принять второе посвященіе, а вскорѣ затѣмъ и третье.

Одежду монахи носятъ старинную индійскую,—не халатъ или шубу, какъ міряне-тангуты, а юбку и плащъ, или просто кусокъ матеріи аршинъ въ пять длиной; этотъ кусокъ они обертываютъ вокругъ верхней части тѣла, оставляя часто правую руку и плечо голыми; голову не принято покрывать шапкой, прикрываютъ ее, въ случаѣ надобности, тѣмъ-же плащемъ; въ храмъ монахи должны входить босые. У нѣкоторыхъ монаховъ въ рукахъ большая черная чаша; это въ воспоминаніе той чаши, которую носилъ будда для сбора подаяній, живя на землѣ.

Мы лично видѣли два большихъ тибетскихъ монастыря: одинъ въ сѣверо-восточномъ углу Тибета—монастырь Лабранъ съ гегеномъ Джаяни-Джапасынъ. Стоитъ онъ въ горахъ, высоко, гдѣ уже и хлѣбъ не родится, и деревья не ростутъ, но горы вокругъ пологія, поросшія хорошей травой; жителей, деревень кругомъ не было видно далеко. И вотъ въ такомъ-то пустынномъ и непривѣтномъ мѣстѣ нашли мы монастырь, точно городокъ какой-нибудь, чистый, красивый, съ двухъ-этажными каменными зданіями, съ высокими храмами, на кровляхъ которыхъ блестятъ золотыя вазы съ молитвами по буддійскому обычаю и надъ входами—изображенія ланей и колеса; эти изображенія тоже всегда золотятъ, и они далеко виднѣются надъ плоскими кровлями храмовъ. Самые храмы выбѣлены, а нижніе ихъ этажи окрашены въ красный и черный цвѣтъ. Улицы монастыря мѣстами мощены плитами или просто чисто выметены.

Жили мы въ этомъ монастырѣ недолго. Нѣкоторые изъ насъ ходили на поклоненіе гегену. Зала, въ которой онъ принималъ, была сверху до низу разрисована—и потолокъ и стѣны, и убрана всякими вазами, фонарями и этажерками. Гегенъ сидѣлъ на тронѣ на семи атласныхъ желтыхъ подушкахъ; на немъ была желтая атласная мантія и шапка въ родѣ короны, расширя-

ющаяся сильно кверху. Послѣ земнаго поклона, который дѣлали передъ нимъ, онъ благословлялъ пришедшихъ, прикасаясь къ головѣ молитвенникомъ, а нѣкоторымъ повязалъ на шею маленькіе кусочки бѣлой матеріи.

Кругомъ монастыря ограды никакой не было, только во всю длину его тянулся навѣсъ, и подъ этой кровлей стоялъ длинный рядъ молитвенныхъ мельницъ. Это были огромные, чуть не саженной вышины, барабаны, вертящіеся на своей оси; снаружи они раскрашены и на нихъ написаны молитвы; внутри барабановъ тоже были свитки съ молитвами. Богомольцы, идущіе въ монастырь, идутъ вдоль всего навѣса и руками толкаютъ каждый барабанъ; онъ вертится, и буддисты думаютъ, что это замѣняетъ чтеніе молитвъ, что въ воздухѣ какъ будто проносятся тѣ сотни молитвъ, которыя заключены въ барабанахъ. Во всемъ Тибетѣ вездѣ устраиваются такіе молитвенные столбы, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Часто мельницы эти ставятся надъ ручьями, чтобы ихъ водой вертѣло, или надъ воротами домовъ, гдѣ вѣтеръ ихъ вертитъ; наконецъ, маленькія мельницы устраиваютъ надъ очагомъ, гдѣ сильная тяга воздуха.

Въ рукахъ тибетскихъ стариковъ и старухъ также часто видишь маленькія ручныя мельницы, которыя они стараются вертѣть безостановочно, даже и тогда, когда заняты чѣмъ-нибудь по хозяйству. Если мельницы нѣтъ въ рукахъ, тогда набожный тибетецъ старается читать молитву, но послѣднее, конечно, нѣсколько труднѣе, чѣмъ вертѣть ручную меленку, и потому всѣ подъ старость обзаводятся ими.

Другой тибетскій монастырь, который мы видѣли, былъ Гумбумъ. Онъ находится въ провинціи Амдо, въ той ея части, которая подчинена китайцамъ. Монастырь лежитъ на сѣверъ отъ большаго озера Куку-норъ и въ 25 верстахъ отъ китайскаго города Сининъ, гдѣ сосредоточено управленіе тангутами. Мѣстность, гдѣ расположенъ монастырь, высокая, холмистая; вокругъ монастыря ни деревьевъ, ни пашенъ нѣтъ, но въ домикахъ по рѣкамъ тангуты сѣютъ скороспѣлый ячмень. Когда подъѣзжаешь къ монастырю, издали онъ похожъ на наши южные уѣздные города: ни ограды вокругъ, ни колоколенъ, какъ въ нашихъ монастыряхъ, здѣсь нѣтъ; по склонамъ холмовъ разсыпана сотня-другая мазанокъ, сложенныхъ изъ кирпича и выбѣленныхъ, кругомъ домовъ такія же глиняныя выбѣленныя ограды. Постройки раздѣляются оврагомъ съ крутыми красными обрывами; въ глубинѣ оврага течетъ рѣчка; черезъ нее перекинуты плохенькіе мостики.

Когда же мы въѣхали въ самый монастырь, то увидали, что въ Гумбумѣ есть не однѣ только мазанки. Прежде всего, при въѣздѣ стоитъ во-

семь *субурановъ*, т. е. восемь небольшихъ, особой постройки, башенокъ которыя буддисты ставятъ въ память своихъ святыхъ или надъ какой-нибудь своей святыней; онѣ бываютъ весьма различны: однѣ небольшія, какъ наши надгробные памятники, другія—какъ наши церкви; въ большихъ субурганахъ внутри устраиваются помѣщенія для статуй боговъ, а маленькія стоятъ пустыя. Дальше по сторонамъ дороги мы увидали нѣсколько большихъ храмовъ; одни изъ нихъ были тибетской архитектуры: расширенные книзу, окрашенные въ бѣлую, красную и черную краску (низъ зданія—черный, затѣмъ—красная полоса и, наконецъ, главная часть постройки—бѣлая), съ плоской кровлей, обнесенной кругомъ рѣшеткой. Спереди, надъ входомъ въ храмы, выставлены золоченыя изображенія колеса и двухъ ланей, а по угламъ—золоченыя вазы, наполненныя молитвами. Другіе храмы, напротивъ, были съ выгнутыми китайскими кровельками, поднимавшимися одна надъ другой кверху и блиставшими сплошной позолотой. Вокругъ храмовъ тянулись длинныя казенныя зданія въ два этажа; оконъ въ нѣкоторыхъ было до двадцати. Остальные дома ламъ были въ одинъ этажъ и построены отдѣльными двориками. Съ улицы во дворъ ведетъ обыкновенно калитка, внутри—небольшой дворъ, со всѣхъ сторонъ обставленный жильемъ, кругомъ—галлерея на деревянныхъ столбахъ, на галлерею выходятъ двери и окна комнатъ. На такомъ дворикѣ помѣщаются обыкновенно нѣсколько ламъ, занимая отдѣльныя кельи, но богатые занимаютъ иногда весь домъ, имѣя около себя только прислугу.

Внутри нѣкоторыя кельи обиты по глинянымъ стѣнкамъ досками и по дереву разрисованы. Окна раздѣланы рѣшетками и заклеены, по китайскому обычаю, бумагой. Печей, какъ у насъ въ домахъ, нѣтъ, а лишь съ задняго двора надѣланы печурки подъ поломъ,—ихъ подтапливаютъ конскимъ навозомъ, который огнемъ не горитъ, а лишь тлѣетъ и нагрѣваетъ глиняную лежанку, на которой въ такихъ домахъ сидятъ обыкновенно съ ногами и которая занимаетъ большую половину комнаты; но тепла въ комнатѣ отъ такого отопленія мало, и потому ламы предпочитаютъ сидѣть на галлереяхъ и на кровляхъ своихъ домовъ, гдѣ ихъ пригрѣваетъ солнышко. Для стряпни въ одной изъ келій устраивается очагъ.

Въ Гумбумѣ ламъ насчитывается до четырехъ тысячъ. Они такъ-же раздѣляются на четыре разряда, какъ и въ другихъ тибетскихъ монастыряхъ. Одни занимаются церковными службами и, по просьбѣ приходящихъ мірянъ, гадаютъ о счастливыхъ или несчастныхъ дняхъ, изъ нихъ же набираются различные монастырскіе работники; другой разрядъ составляютъ

ламы, изучающіе священное писаніе; третій разрядъ—медики, ламы четвертаго, высшаго разряда изучаютъ особыя, недоступныя для изученія другихъ, книги; они обязаны соблюдать болѣе строгіе обѣты, молиться извѣстное время днемъ и вставать на молитву ночью; одѣяніе ихъ нѣсколько иное, чѣмъ у другихъ монаховъ,—это нѣчто въ родѣ нашихъ схимниковъ.

Изъ разряда изучающихъ писаніе обыкновенно выбираются всѣ монастырскія власти; этотъ разрядъ — самый многочисленный въ Гумбумѣ и самый вліятельный.

Дѣлами монастыря завѣдуетъ совѣтъ изъ выборныхъ монаховъ; они черезъ особыхъ, назначенныхъ для того, лицъ собираютъ пожертвованія съ окрестныхъ жителей, отдаютъ въ аренду монастырскія земли, заводятъ иногда особыя монастырскія лавки, гдѣ монахи могутъ покупать необходимые для нихъ товары, вообще завѣдуютъ монастырскимъ хозяйствомъ, и надо отдать честь тангутамъ, — вести хозяйство они умѣютъ.

Духовными дѣлами Гумбума завѣдуетъ особый настоятель. Онъ избирается, обыкновенно, изъ лицъ богатыхъ, чтобы могъ на свои средства поддерживать обширныя знакомства, дѣлать пріемы китайскихъ властей и тому подобные расходы. Для присмотра за порядкомъ и за поведеніемъ молодыхъ ламъ назначается особый монахъ, которому принадлежитъ право наказывать молодыхъ ламъ за маловажные проступки, за важные судитъ совѣтъ и приговариваетъ или къ тѣлесному наказанію, или къ тюрьмѣ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ — къ позорному изгнанію изъ монастыря. Въ знакъ своей власти этотъ монахъ, называемый *Гебкуй*, носитъ въ своихъ рукахъ деревянную четырехгранную палку, довольно почтенныхъ размѣровъ. Для присмотра за порядкомъ у него есть помощники; каждому изъ нихъ поручено наблюдать за извѣстнымъ числомъ келій.

Гумбумскимъ монахамъ отъ монастырской казны выдаютъ извѣстное количество муки ржаной, такъ называемой, *дзамбы*, которая составляетъ главную пищу монаховъ, чая и по-немногу мяса; выдается также и самый необходимый и простой матеріалъ для одежды; сшить себѣ одѣяніе монахъ долженъ самъ. Доли, получаемыя отъ монастыря, неравны: почетные ламы получаютъ больше, послушники меньше, но всѣмъ казеннаго содержанія на прожитокъ не достаетъ, и всѣ ламы занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, чтобы заработать на одежду и на улучшеніе пищи.

Часто богомольцы, приходящіе въ Гумбумъ, жертвуя на монастырь, жертвуютъ особо и въ пользу братіи; часто также заказываются поминальныя угощенія для братіи. Жертвуемыя деньги скапливаются и потомъ дѣ-

лятся не поровну, а также долями, сообразно съ чиномъ. Когда въ монастырь сдѣлано какое-либо пожертвованіе, то всѣ монахи должны идти въ храмъ къ богослуженію. Въ такіе дни и также въ дни большихъ праздниковъ площадь вокругъ главнаго гумбумскаго храма бываетъ вся уставлена монашескими сапогами,—въ храмъ входить въ обуви запрещено. Въ обыкновенные дни рядъ сапоговъ бываетъ не особенно великъ, и они помѣщаются на ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ кумирню.

Сами монахи, часто бѣдные и питающіеся подаяніемъ, не отказываютъ, однако же, въ милостынѣ безчисленнымъ нищимъ, ходящимъ по монастырскимъ дворамъ.

Монахи въ Гумбумѣ не одни тибетцы, много также и монголовъ. Паломники, посѣщающіе Гумбумъ, также бываютъ изъ самыхъ разнообразныхъ странъ, но болѣе съ сѣвера, изъ Монголіи, чѣмъ съ юга, изъ Тибета. Гумбумскіе монахи также часто отправляются на богомолье въ Хлассу.

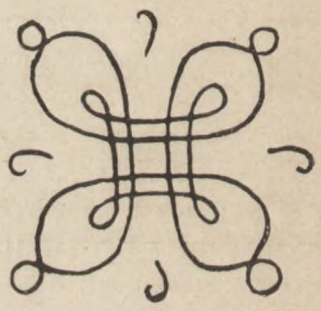
Буддійскихъ святынь въ Гумбумѣ много. На дворѣ одного изъ храмовъ показываютъ дерево, выросшее на мѣстѣ рожденія Зонкавы, на корѣ его замѣчаютъ какъ бы буквы тибетской азбуки; въ другомъ храмѣ показываютъ черепъ его матери *). Въ Гумбумѣ живутъ также два хубилгана. Одинъ изъ нихъ считается воплощеніемъ матери Зонкавы, которая въ настоящее время предпочитаетъ рождаться въ мужскомъ образѣ.

Религіозныя процессіи и праздники въ Гумбумѣ бываютъ торжественны и очень многолюдны. Самый главный изъ нихъ бываетъ 15-го числа перваго мѣсяца въ году, когда восточные народы празднуютъ появленіе весны; по-нашему онъ приходится въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ Гумбумѣ въ это время уже начинаютъ пахать. Праздникъ этотъ называется *Чоба*, что значитъ по-тибетски *цвѣтокъ*. Прежде, говорятъ, въ этотъ день монахи дѣлали огромный искусственный цвѣтокъ и выставляли его. При насъ въ этотъ день устраивалась выставка барельефовъ. Вокругъ главнаго храма устроены были деревянные щиты, украшенные флагами и увѣшанные фонариками. Когда стемнѣло, на этихъ щитахъ укрѣпили большія деревянныя доски, на которыхъ были вылѣплены фигуры изъ масла и гипсу, очень искусно раскрашенныя. Картины были взяты изъ жизни боговъ. Въ тотъ годъ, когда мы были въ Гумбумѣ, выставлено было 15 щитовъ разной величины. Монахи составляютъ небольшія общества, и каждое общество выставляетъ

*) Буддисты при сожиганіи покойника часто сохраняютъ его черепъ и послѣ, обдѣлавъ въ видѣ чаши, употребляютъ для питья.

свою работу; заранѣе неизвѣстно, кто что выставитъ,—въ мастерскую, гдѣ работаютъ художники, никого не пускаютъ. Общества одно передъ другимъ стараются отличиться. На самомъ главномъ щитѣ былъ выставленъ *царь Индіи;* вокругъ были представлены сцены изъ его жизни, прогулки на лодкахъ, охоты, поѣздки на слонахъ и т. д. Надъ этимъ *царемъ Индіи* находилось вверху восемнадцать круглыхъ портретовъ, тоже лѣпныхъ конечно, на которыхъ были изображены восемнадцать бодисатвъ. Кругомъ этой картины были повѣшены ряды флаговъ, съ нарисованными на нихъ всадниками, — это должно было изображать войско царя. Передъ картиной стояла лѣстница, уставленная рядами лампочекъ, а сверху повѣшены были зажженые фонари. Другія картины были меньше; мѣстами были слѣплены куколки, которыя двигались какимъ-то механизмомъ; напр., ламы выходили изъ одной кумирни и входили въ другую. Безчисленныя толпы народа ходили всю ночь, любуясь этими картинами, а къ утру все уже было убрано, картины уничтожены, масло съ досокъ соскоблено и сложено въ одно мѣсто, а доски — въ другое, — и работа нѣсколькихъ мѣсяцевъ уничтожена. Пришедшіе на праздникъ покупаютъ это масло, насквозь пропитанное гипсомъ и красками, и употребляютъ въ случаѣ болѣзни, считая его цѣлительнымъ.

Рис. 20.



Кругомъ Гумбума въ этотъ день устраивается ярмарка; торгуютъ съ рогожекъ и раскидываютъ палатки на долинѣ передъ монастыремъ. Торгуютъ, главнымъ образомъ, китайцы; при насъ пріѣзжалъ шотландецъ отъ миссіи продавать книжки священнаго писанія, напечатанныя по-тибетски и по-монгольски. Ламы охотно покупаютъ ихъ, прельщаясь красивыми изданіями. Евангельская исторія имъ очень нравится, но это не значитъ, что они склонны принимать евангельскую проповѣдь.

Передъ новымъ годомъ бываетъ въ Гумбумѣ праздникъ *сожженія соровъ*; онъ тоже привлекаетъ толпу и обставляется торжественно. Всѣ четыре рязряда гумбумскихъ монаховъ, каждый отъ себя, пекутъ къ этому дню особый пирогъ *), изукрашивая его, насколько возможно, лучше: раскра-

*) Такіе пироги, по возможности изукрашенные, буддійскіе монахи пекутъ постоянно и выставляютъ ихъ передъ статуями боговъ, на ряду съ другими приношеніями, выставляемыми въ мѣдныхъ маленькихъ чашечкахъ; пирогъ этотъ въ обыкновенное время называютъ б а л и м ъ.

шиваютъ, золотятъ, утыкаютъ искусственными цвѣтами и т. д. Пирогъ кладутъ на доску и надъ нимъ дѣлаютъ пирамиду изъ тоненькихъ палочекъ, тоже изукрашенныхъ, по мѣрѣ возможности; на верху этихъ четырехъ шестиковъ укрѣпляютъ изображеніе мертвой головы; фигуры эти, благодаря своимъ украшеніямъ, бываютъ очень различны: однѣ — маленькія, а другія достигаютъ саженной высоты, но въ каждой изъ нихъ долженъ быть пирогъ и мертвая голова, — все это вмѣстѣ называется *соромъ*. За день до новаго года въ каждомъ изъ четырехъ храмовъ было праздничное богослуженіе, послѣ чего ламы въ торжественной процессіи, съ знаменами, съ гегенами, ѣхавшими верхомъ на богато украшенныхъ лошадяхъ, сошлись за воротами монастыря, гдѣ уже заранѣе были приготовлены соломенные костры. Въ процессіи вели также бѣлую лошадь съ укрѣпленнымъ на сѣдлѣ какимъ-то изображеніемъ. Тутъ же верхами ѣхали *гюрьтуны*, — это какіе-то особые люди, изображающіе изъ себя „неистовыхъ“: они колютъ себя ножами, прокалываютъ желѣзками себѣ щеки и совершаютъ другія безумства. Когда соры, въ сопровожденіи ламъ, одѣтыхъ въ маски, сошлись на площади, начались пляски маскированныхъ; подъ конецъ ламы разрубили соры и бросили ихъ въ костеръ, гдѣ они должны были сгорѣть со всѣми украшеніями.

Въ другой разъ *чамъ*, или религіозныя пляски ламъ были на праздникахъ новаго года, за день до чоба. Этотъ чамъ устраивался на дворѣ главнаго храма; зрители сидѣли на лѣстницахъ, ведущихъ въ окружающія дворъ зданія, и просто на дворѣ. При выходѣ изъ одной кумирни устроенъ былъ тронъ для гегена, а напротивъ него, на галлереѣ другой кумирни, сидѣли музыканты. Изъ дверей послѣдней кумирни выходили маски по двѣ въ рядъ, дѣлали кругъ по двору, проходя мимо гегена, кланялись ему и затѣмъ, медленно танцуя, двигались по двору и становились на лѣвой сторонѣ. Маски всѣ были уродливыя: двѣ были съ бычьими головами, двѣ — съ оленьими; самая главная маска представляла бога *Чойджила*, — у нея были огромные бычачьи рога и огромная, страшная голова; были четверо мальчиковъ съ оленьими головами и еще четверо — съ мертвыми головами; курточки послѣднихъ были разрисованы по бѣлому атласу ребрами; по бокамъ маски, изображающей черепъ, были придѣланы подобія бабочкиныхъ крыльевъ, и самыя маски назывались *эрбекэ*, т.-е. бабочки. Были еще маски съ человѣческими, но сильно безобразными лицами, — ихъ роль была служебная: онѣ разстилали, когда нужно, ковры, раздвигали толпу и въ тоже время своими ужимками постоянно смѣшили публику; повидимому, онѣ

должны были изображать, какъ грубы и жалки люди, не просвѣщенные буддійской религіей. Когда всѣ маски вышли, онѣ начали танцовать, дѣлая круги вокругъ двора; тяжелыя маски и неудобные сапоги мѣшали танцорамъ, но были все-таки, несмотря на эти неудобства, молодые люди, отличавшіеся большой ловкостью въ танцахъ. Рѣчей во время этихъ чамовъ маски не произносятъ, но зрители, знающіе, что должна изображать та или другая маска, поясняли присутствующимъ дѣйствія масокъ. Къ концу чама изъ кумирни вывели маску, изображающую дряхлаго старика, за полы котораго держались четверо ребятишекъ. Старецъ былъ, повидимому, такъ дряхлъ, что не могъ стоять, — ему вынесли кресло и онъ сѣлъ; публика почему-то много смѣялась при видѣ его и его дѣтей. Во время представленія почетнымъ зрителямъ ламы подавали маленькіе столики съ лакомствами. На эти праздники собираютъ пожертвованія съ окрестныхъ жителей. Къ этому чаму и къ чоба, празднуемому черезъ день, въ Гумбумъ съѣзжается множество родственниковъ къ монахамъ, — въ каждомъ почти домикѣ были пріѣзжіе гости. Маленькіе ламы, ученики, цѣлый годъ живутъ ожиданіями этого праздника, когда родные пріѣдутъ ихъ провѣдать и привезутъ домашнихъ гостинцевъ.

Осенью празднуютъ еще въ Гумбумѣ день кончины Зонкавы. Всякій домовладѣлецъ обязанъ въ эту ночь зажечь иллюминацію, — богатые выставляютъ на кровляхъ своихъ домовъ длинный рядъ плошекъ, бѣдные зажигаютъ ихъ меньше. Вечеромъ, когда смотришь на ряды огоньковъ, загорѣвшихся по всему Гумбуму, по всѣмъ его холмамъ и уступамъ, застроеннымъ домами, видъ на монастырь очень красивъ. Зажегши иллюминацію, монахи на своихъ кровляхъ творятъ земные поклоны, обращаясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ находится храмъ, посвященный Зонкавѣ, и откуда въ ночной тишинѣ далеко разносится торжественная музыка трубъ и бубновъ.

Къ числу особенностей тибетскихъ монастырей нужно отнести также „публичные диспуты“, или общія собранія ученыхъ ламъ, на которыхъ они обсуждаютъ разные религіозные и ученые вопросы. Пожелавшіе участвовать въ такомъ собраніи ламы собираются на монастырской площади, или на сосѣднемъ холмѣ за монастыремъ и здѣсь, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей и зрителей, задаютъ одинъ другому вопросы. Удачные отвѣты публика награждаетъ радостными ударами въ ладоши. Молодые ламы заранѣе готовятся къ этимъ публичнымъ собесѣдованіямъ. Такія собранія, вѣроятно, имѣютъ своей задачей и неграмотныхъ слушателей познакомить и заинтересовать религіозными и научными вопросами.

Самаго диспута видѣть мнѣ не удалось, но въ Гумбумѣ часто приходилось видѣть, какъ двое юношей, стоя на монастырскомъ дворѣ, принимали ораторскія позы и начинали задавать другъ другу вопросы. Удачный вопросъ и отвѣтъ сопровождали ударами въ ладоши, а въ случаѣ ненаходчивости одного изъ спорящихъ противникъ презрительно щелкалъ пальцами передъ самымъ носомъ своего товарища. Юноши эти были неразлучные друзья и постоянно вмѣстѣ учились.

Общаго училища въ Гумбумѣ не было, мальчики учились у отдѣльныхъ ламъ; все ученье у маленькихъ учениковъ сводилось къ заучиванью на память, да едва-ли не такъ же учились и юноши; послѣдніе учили свои книги дома и только по временамъ ходили къ учителю.

Въ Гумбумѣ существуетъ печатня, гдѣ вырѣзанными отъ руки досками печатаютъ самые обыкновенные молитвенники и картины религіознаго содержанія. Отпечатки получаются грубые. Больше всего изъ Гумбума расходится календарей и особой картинки, приносящей въ домъ, по мнѣнію буддистовъ, счастіе и миръ. На картинкѣ этой изображенъ слонъ, на слонѣ—обезьяна, на ней—какая-то птица,—все это подъ деревомъ, на которомъ ростутъ плоды, внизу бѣжитъ ручеекъ. Эта грубо сдѣланная картинка украшаетъ стѣны почти каждаго дома въ Гумбумѣ и его окрестностяхъ и печатается въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

Литературныя произведенія въ Гумбумѣ чаще переписываются, чѣмъ печатаются. Особенной любовью пользуются произведенія *Миляръ Авы*, или, лучше сказать, легендарное сказаніе о жизни этого учителя.

Этимъ описаніемъ жизни монастыря мы и закончимъ наше описаніе Тибета.

ГУМБУМЪ, МОНАСТЫРЬ ЗОНКАВИСТОВЪ.

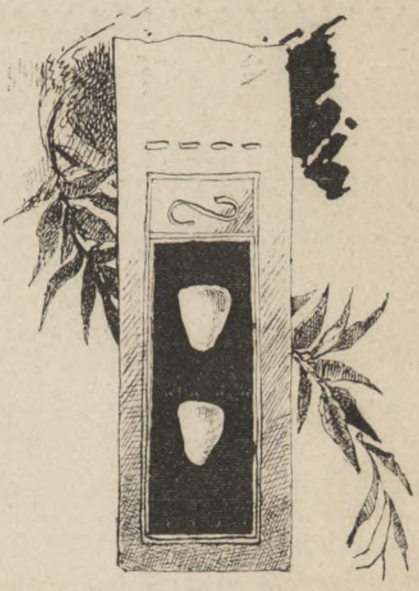
Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы живемъ въ Гумбумѣ; это—монастырь въ 25-ти верстахъ отъ большаго китайскаго города Синина. Дорога изъ Синина идетъ въ него по долинѣ небольшой рѣки, вытекающей изъ южныхъ горъ. Вдали передъ вами все время виднѣется высокій хребетъ, острые пики котораго слегка покрыты снѣгомъ; кругомъ—холмистая лесовая почва, почти вездѣ распаханная, лишь передъ самымъ монастыремъ дорога вступаетъ въ болѣе высокіе холмы, гдѣ по сторонамъ уже не пашни, а просто трава, и почва вся изрыта какими-то звѣрками; лошадь, едва своротивъ съ тропинки, часто проваливается въ эти норы. Съ одного изъ холмовъ открывается видъ на котловину, кругомъ обнесенную горами, по скатамъ которыхъ, обращеннымъ къ вамъ, широко разбросаны монастырскія постройки; тутъ нѣтъ ни ограды, ни воротъ, какъ у нашихъ монастырей; Гумбумъ скорѣе похожъ на нашъ уѣздный городъ. Зданія въ немъ всѣ каменныя, т. е. изъ необожженнаго кирпича, даже обнесены такими же стѣнами, и издали вы видите скорѣе ряды бѣлыхъ заборовъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по холмамъ, чѣмъ ряды зданій. При ближайшемъ осмотрѣ вы замѣтите нѣсколько храмовъ, которые выдѣляются и своей архитектурой, и окраской; вмѣсто бѣлой известковой окраски келій, храмы покрыты яркими красками; часто верхній этажъ — красный, нижній — черный, иногда кровля, или, скорѣе, карнизъ, окружающій кровлю, покрытъ яркими арабесками и рѣзьбой; надъ фронтономъ вызвышается рядъ золоченыхъ вазъ, странной на нашъ взглядъ формы. Вазы эти, по словамъ ламъ, наполняются бумажками съ написанными на нихъ молитвами.

Съ холма вы спускаетесь въ оврагъ, переѣзжаете небольшой мостъ и въѣзжаете въ монастырскую улицу, ведущую на площадь передъ боль-

шимъ хураломъ. Здѣсь передъ вами цѣлый рядъ *субургановъ*, или бѣлыхъ памятниковъ, особой будійской формы. Низъ памятника всегда представляетъ форму крымскаго яблока или груши, изъ широкаго конца которыхъ къ небу поднимается колонна. Фигура эта въ общемъ всегда одна и та же, но размѣры очень различны; есть небольшія, не больше сажени въ высоту, и есть величиной съ наши храмы. Въ самыхъ большихъ бываетъ помѣщеніе для боговъ, но чаще — это просто глухія постройки. Говорятъ, субурганы ставятся надъ могилами святыхъ людей или надъ какими-нибудь реликвіями. Такъ какъ Гумбумъ—родина Дзункавы и богатъ реликвіями, то здѣсь и стоитъ восемь субургановъ. Храмъ, передъ которымъ они вытянулись, тибетской архитектуры; зданіе нѣсколько расширено книзу.

Съ площади, на которой шла кое-какая торговля, т. е. стояли быки съ вязанками дровъ и тангуты съ мѣшками соломы, картофеля и проч., мы свернули въ главную улицу монастыря, идущаго вдоль оврага, и потянулись въ гору. Дорога шла по берегу рѣчки, раздѣляющей монастырь на двѣ половины. По обѣ стороны оврага тянулись монастырскія зданія; нѣкоторыя общественныя зданія имѣли до 20 оконъ въ верхнихъ этажахъ; были и маленькія отдѣльныя кельи; кромѣ другихъ общественныхъ зданій, тутъ было до шести храмовъ. Одинъ изъ нихъ—съ двухъ-этажной китайской архитектуры кровлей, которая вызолочена и ярко блеститъ на солнцѣ, это —такъ называемый „Золотой храмъ“. Мѣстами берега оврага украшены тополевыми рощами; но въ общемъ Гумбумъ бѣденъ деревьями, старыхъ совсѣмъ нѣтъ, вѣроятно, потому, что они были вырублены дунганами. Эта набережная, прихотливо извивающаяся по извилинамъ оврага съ перекинутыми изрѣдка мостиками и площадками передъ храмами, вѣроятно, самая красивая часть Гумбума.

Рис. 21.



Проѣхавъ почти весь монастырь, мы свернули въ узкій переулокъ и должны были здѣсь спѣшиться, такъ какъ домъ, на который намъ указа-

ли, какъ на наше будущее жилище, стоялъ на полугорѣ, и къ нему вела небольшая лѣстница изъ булыжника. Тутъ же стали снимать вьюки съ нашихъ муловъ и на рукахъ вносить ихъ въ калитку. Нѣкоторая пустынность, отдаленность отъ монастырскаго центра, чисто выбѣленныя стѣны и новая калитка – уже теперь же расположили меня въ пользу нашего будущаго жилья, а когда я вошла въ калитку и увидѣла чистый дворъ, кругомъ обнесенный постройками, окна съ изящными рѣшетками, красивую рѣзьбу надъ галлереей, окружающей съ трехъ сторонъ дворъ, я исполнилась глубокой благодарностью къ монастырскому начальству, давшему намъ такое помѣщеніе. На дворѣ въ это время толпились ламы, вынося изъ комнатъ разный домашній скарбъ. Жаль было выживать жильцовъ насиженнаго гнѣзда, но въ то же время я радовалась, что домъ этотъ будетъ принадлежать намъ однимъ. Мы заняли главныя комнаты, прямо противъ воротъ; въ нихъ съ галлереи вели ярко окрашенныя двери, парадная также вся покрыта краской и картинами, направо отъ нея полупрозрачной рѣзной рѣшеткой отдѣляется небольшая гостинная, налѣво глухой перегородкой въ видѣ ширмъ—спальная. Стѣны комнатъ были бѣлыя, но фантазія художника, кромѣ яркихъ карнизовъ вверху и внизу, придумала еще нарисовать вверху какъ бы часть приподнятаго занавѣса, драпирующагося складками; потолки тоже были украшены рисунками цвѣтовъ и арабесокъ и посрединѣ каждой комнаты медальономъ изъ бытовыхъ сценъ; каждое полотнище ширмъ, отдѣляющихъ спальную, тоже имѣло китайскую картину, больше, впрочемъ, похожую на каррикатуру, какъ по замыслу, такъ и по исполненію; всего оригинальнѣе было верхнее отдѣленіе комнаты; выше ширмъ подъ потолкомъ лежатъ одно на другомъ два круглыхъ бревна,— художникъ превратилъ ихъ въ огромные свитки дорогихъ матерій, затканныхъ цвѣтами. Двери и ставни въ комнатѣ также покрыты рисунками. Какъ видите, въ общемъ у насъ очень недурная и, главное, очень оригинальная квартира. Г. Скасси, нашъ спутникъ, занялъ три комнаты въ лѣвомъ боковомъ флигелѣ дома. Направо были нежилыя постройки, а въ домѣ, который прямо противъ нашихъ комнатъ выходитъ на улицу, остались жить ламы; въ лѣвомъ углу между нашими комнатами и комнатами г. Скасси помѣщаются кухня и комната для прислуги. Я забыла упомянуть о размѣрахъ помѣщеній; каждая сторона дома занимаетъ въ длину не болѣе 4-хъ саженъ и столько же аршинъ въ ширину. Главный недостатокъ дома, на нашъ русскій взглядъ, — это неимѣніе печей; отапливаются комнаты снизу, со двора, и это очень мало нагрѣваетъ ихъ. Сзади

дома есть небольшой дворъ, также прикрытый галлереей; съ него едва можно видѣть узкую полосу неба, — такъ круто возвышается глиняный обрывъ надъ домомъ. Съ передняго двора тоже видно немного, спереди надъ плоскими кровлями видны вершины двухъ холмовъ, съ часовенькой на одномъ изъ нихъ, назадъ, надъ обрывомъ, видна часть стѣны и воротъ чьей-то кельи. Чтобы видѣть больше, надо войдти на кровлю; отсюда открывается видъ на дворы домовъ нашихъ сосѣдей-ламъ. Вездѣ такое же устройство, какъ у насъ, т. е. квадратный дворъ, съ трехъ сторонъ его—кельи, съ четвертой—амбаръ и кругомъ всего двора—галлерея.

Небольшая толпа мальчиковъ-ламъ и стариковъ сопровождала насъ и вошла съ нами на дворъ Кругомъ слышался монгольскій говоръ; на лицахъ виднѣлось любопытство, но не было замѣтно ни недоброжелательства, ни презрительной насмѣшки, такъ непріятно дѣйствующей на васъ среди китайской толпы. Скоро явились какіе-то ламы, изгнавшіе толпу съ нашего двора; они объявили, что присланы отъ монастырскаго начальства, чтобы поселить насъ здѣсь, и что мы можемъ обращаться къ нимъ, какъ бы къ смотрителямъ нашего дома. Сейчасъ же они назначили намъ одного молодаго послушника въ водоносы, другаго поселили въ привратницкой, и мы сдѣлались гражданами монастырской общины.

Въ день нашего пріѣзда въ Гумбумъ былъ праздникъ,—праздновался седьмой день кончины Дзункавы; вечеромъ монахи зажгли иллюминацію. Я вошла на кровлю, чтобы полюбоваться огнями. Видъ былъ очень красивъ; на темномъ фонѣ холмовъ и ночнаго неба со всѣхъ сторонъ рисовались огненныя строчки. Каждый владѣлецъ кельи выставляетъ у себя на кровлѣ рядъ масляныхъ лампочекъ; богатые выставляли длинный рядъ во всю стѣну, бѣдные—съ десятокъ. На кровляхъ виднѣлись группы монаховъ въ ихъ красныхъ драпировкахъ; поставивши лампы, монахи набожно творили земные поклоны, обращаясь въ сторону храма, откуда въ это время доносились слабые звуки трубъ и бубна.

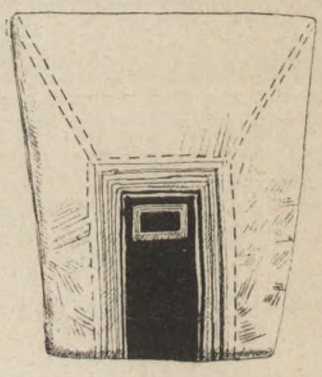
Живя въ монастырѣ, мы, однако, мало видимъ ламъ,—у насъ бываютъ только двое приставленныхъ къ намъ отъ начальства, одинъ изъ нихъ сдѣлался большимъ нашимъ пріятелемъ, онъ всегда желанный гость. Это—тангутъ по происхожденію, родина его недалеко отъ Гумбума, человѣкъ лѣтъ 40, съ большимъ тактомъ. Онъ бывалъ въ Россіи, ѣздилъ къ бурятамъ торговать ламскими товарами, знаетъ русскіе порядки, и, кажется, находитъ ихъ недурными, любитъ щегольнутъ знаніемъ нѣсколькихъ русскихъ словъ и, приходя къ намъ, всегда здоровается по-русски. Онъ

никогда не отказывается дать какое-нибудь нужное намъ разъясненіе, достать нужную книгу или найти знающаго человѣка для какихъ-нибудь разспросовъ. Какія его обязанности въ монастырѣ,—намъ неизвѣстно; но онъ принадлежитъ къ общинѣ монаховъ, „изучающихъ писаніе“. Ближе видимъ мы жизнь ламъ, поселившихся на нашемъ дворѣ. Это, большею частью, молодые еще люди и бѣдняки. Самый старшій изъ нихъ, съ лицомъ желтымъ, какъ дубленая кожа, и хриплымъ голосомъ, мало разговариваетъ, онъ вѣчно занятъ чтеніемъ молитвъ и, по правдѣ сказать, иногда нагоняетъ порядочную тоску, читая ихъ на-распѣвъ своимъ гробовымъ голосомъ, по цѣлымъ часамъ не переставая; остальное время онъ занятъ перепиской священныхъ тибетскихъ книгъ. Другой жилецъ, тоже почти невидимый нами, молодой художникъ; онъ встаетъ на разсвѣтѣ и уходитъ въ мастерскую живописи и лѣпныхъ работъ, а возвращается, когда уже стемнѣетъ. Родомъ онъ изъ восточной Монголіи, пришелъ сюда почти ребенкомъ. Большіе сѣрые глаза, пухлыя губы и болѣе свѣтлый цвѣтъ лица выдѣляютъ его среди здѣшнихъ сухихъ и смуглыхъ тангутскихъ ламъ. На галлереѣ нашего двора постоянно можно видѣть двухъ ламъ: одного—монгола родомъ изъ-подъ Долонъ-нора, изъ восточной Монголіи, человѣка лѣтъ 25, высокаго, съ тонкими чертами лица, нѣсколько прихрамывающаго; другаго—молодаго ордосца, почти мальчика. Первый, по имени Лобсынъ, съ утра до ночи занятъ шитьемъ заказнаго платья, это его средство къ жизни; въ хуралъ къ богослуженію онъ не ходитъ; варить пищу для своихъ сотоварищей и топить кельи чаще всего выпадаетъ на его долю, такъ какъ онъ большой хозяинъ и хлопотунъ. Иногда мнѣ случалось видѣть, какъ этотъ труженикъ, приковылявъ на галлерею (шить въ комнатѣ темно и, главное, холодно), лишь только успѣвалъ разложиться съ своими лоскутками, нитками и иголками, какъ во дворъ являлся нищій и, протягивая чашку, затягивалъ свою назойливую пѣсню. Хромой лама сейчасъ же вставалъ, оставлялъ работу и отправлялся къ себѣ, чтобы зачерпнуть чашку *дзамбы* *) для просителя; лишь только онъ усаживался и разбирался въ работѣ, какъ снова въ калитку просовывалась голова и рука съ чашкой, и нашъ лама снова отправлялся за дзамбой. Мнѣ иногда досадно бываетъ на этихъ *батырчи* (нищихъ), но ламы никогда на нихъ не жалуются. Эти батырчи, иногда молодые люди, часто, можетъ быть, лишь временные

*) Дзамба, жареная ячменная мука,—обыкновенная пища здѣшнихъ ламъ. Ее подбавляютъ къ чаю

странники, отыскивающіе, *гдѣ лучше?* И каждый изъ ламъ, живущихъ на нашемъ дворѣ, можетъ быть, бывалъ въ подобномъ положеніи или, можетъ быть, въ немъ очутится, какъ скоро ему придетъ охота къ паломничеству. Какъ ни мало заработывалъ нашъ лама, онъ никогда не отказывалъ никому въ подаяніи; точно также онъ не отказывался помочь всякому въ его работѣ. Трудолюбивый, скромный и дѣятельный, онъ, повидимому, любимъ всѣми окружающими. Другой общій любимецъ, болѣе всего оживляющій нашъ дворъ, это—ордосецъ Ратнà-Балà; онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Гумбумъ, когда ему было 12 лѣтъ (теперь ему 17); но когда вы смотрите на его круглую, какъ мячъ, голову, на красное, какъ будто подбитое ватой, лицо, на круглые брови и глаза, на расплывшійся дѣтскій носъ и дѣтскія же губы и подбородокъ, вамъ трудно относиться къ нему, какъ къ взрослому. И на дворѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ *джалхынъ ламы*, т. е. маленькаго ламы (даже больше, чѣмъ маленькаго; въ слово *джалхынъ* монголы вкладываютъ больше ласки).

Рис. 22.



Притомъ же *джалхынъ лама* сохранилъ и ребяческую живость, говоритъ, сильно жестикулируя, лицо безпрестанно переходитъ отъ одного выраженія къ другому, смѣхъ его раздается безпрестанно по всякому малѣйшему поводу. Онъ чаще всего занятъ ученьемъ, т. е. твердитъ въ слухъ какую-то книгу, и чаще прочихъ ходитъ въ хуралъ. Иногда на нашъ дворъ является еще одинъ тангутскій юноша, товарищъ маленькаго ламы; тогда они начинаютъ учиться вмѣстѣ. Тангутъ становится въ ораторскую позу, поднимаетъ въ воздухъ красивымъ жестомъ руку и начинаетъ предлагать ордосцу какіе-то вопросы; тотъ, пренебрегая всякой заученностью, сыплетъ отвѣтами и съ торжествомъ щелкаетъ пальцами и хлопаетъ въ ладоши, когда вопросы и отвѣты идутъ удачно или когда онъ одерживаетъ верхъ надъ противникомъ. Такимъ способомъ они приготовляются къ торжественному состязанію, которое устраивается въ Гумбумѣ между ламами. Это что-то въ родѣ нашихъ ученыхъ диспутовъ или публичныхъ экзаменовъ; присутствующіе могутъ предлагать вопросы и выражать свое одобреніе или неодобреніе апплодисментами и криками. Въ чемъ заключаются эти диспуты, я не могу сказать, но, повидимому, на нихъ обсуждаютъ не одни богословскіе вопросы.

Гумбумскіе монахи дѣлятся на четыре отдѣла, или ордена: Тенкуръ, Мамба, Чорова и Джютба. Кромѣ этихъ ламъ, есть еще ламы чернорабочіе, они не составляютъ особаго хурала, а распредѣляются по разнымъ отдѣламъ. Первый орденъ—Тенкуры, или гадатели; это — ламы, къ которымъ обращаются за указаніемъ дней счастливыхъ или несчастныхъ, хорошихъ или дурныхъ для начала какого нибудь дѣла. Второй орденъ—Мамба, или медики; они изучаютъ и собираютъ травы, составляютъ лѣкарства и лѣчатъ; третій орденъ—Чорова—изъ ламъ, изучающихъ писаніе и держащихъ публичные диспуты, самый многочисленный и вліятельный въ Гумбумѣ; четвертый орденъ, Джютба, состоитъ изъ ламъ, исключительно занимающихся молитвами, созерцаніемъ и чтеніемъ книгъ *тарни*. Это—высшій орденъ; въ него не принимаютъ малолѣтнихъ и людей съ какими-нибудь физическими недостатками. Члены его обязаны поститься; они должны вставать и начинать молитву до восхода солнца ранѣе другихъ монаховъ; они могутъ ѣсть только однажды въ сутки и притомъ умѣренно; никогда не должны ходить толпой или попарно, но всегда одинъ за другимъ, и притомъ никогда не оглядываться по сторонамъ. Плащъ свой они носятъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе монахи. Изъ двухъ послѣднихъ орденовъ могутъ являться *хубиланы*. Переходъ изъ одного отдѣла въ другой возможенъ только въ восходящемъ порядкѣ; изъ высшаго ордена въ низшій переходить не дозволяется.

Маленькій лама впадаетъ на этотъ счетъ въ ересь; онъ увѣряетъ меня, что высшій орденъ не Джютба, а Чорова. „Хорошій Чорова,—восторженно говоритъ онъ,—сидя въ Гумбумѣ, можетъ представить себѣ весь міръ, и Сумберъ-Олу, и всѣ другія горы и рѣки!“

Когда я, въ доказательство превосходства Джютбы, указывала ему на то, что туда не принимаютъ малолѣтнихъ, онъ возражалъ мнѣ: „Это потому, что такія дѣти, какъ я, не могутъ вставать по ночамъ на молитву, а Джютба собираются въ хуралъ ночью“.

Понятіе о важномъ значеніи Чорова выработалось въ Гумбумѣ, вѣроятно, потому, что власти преимущественно избираются изъ этого ордена. Притомъ самый маленькій лама ордена Чорова садится выше, чѣмъ старый изъ простыхъ ламъ.

Здѣшніе монахи всѣ носятъ пунцовое платье совершенно особаго покроя. Внизу бѣлая юбка, сверху красная, придерживающаяся на бедрахъ поясомъ; торсъ прикрывается безрукавымъ камзоломъ, который называется *ренкыгъ*; руки и шея остаются открытыми. Станъ стягиваетъ широкій ку-

шакъ изъ грубой желтой матеріи. Сверху этого накидывается кусокъ пунцовой матеріи аршинъ въ пять длиной и въ два шириной. Какъ бы сильно холодно ни было, ламы осуждены кутаться въ одно это одѣяло,—ни шубы, ни панталонъ монастырскій уставъ имъ не разрѣшаетъ. Богатые имѣютъ свое одѣяніе изъ грубаго сукна, а бѣдняки осуждены мерзнуть въ тонкихъ бумажныхъ тканяхъ. Часто одежда ламъ состоитъ изъ лохмотьевъ и заплатъ. Сшить новую одежду нужно много денегъ, а онѣ не всегда водятся у ламъ.

Нагота рукъ и шеи ламъ не бросается въ глаза, такъ какъ цвѣтъ тѣла, подъ вліяніемъ воздуха и толстаго слоя грязи, обыкновенно покрывающей руки простыхъ ламъ, совершенно измѣнили ихъ цвѣтъ.

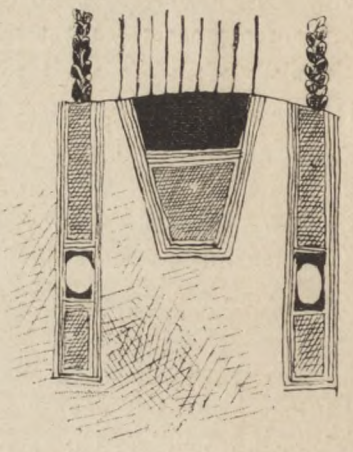
Идя въ хуралъ къ богослуженію, ламы надѣваютъ желтую мантію и желтую же шапку въ видѣ фригійскаго колпака. Къ поясу въ такихъ случаяхъ всегда подвѣшивается карманъ, въ которомъ виситъ сосудъ съ святой водой, это—необходимая часть костюма при богослуженіи.

Многіе путешественники высказываютъ мнѣніе, что ламы — лѣнивые дармоѣды, живущіе на счетъ работающихъ членовъ общества. Едва ли это справедливо въ общемъ. Сколько мы видимъ ламъ въ здѣшнихъ монастыряхъ, это все народъ—работящій и ремесленный. Въ монастыряхъ, кромѣ художниковъ, занятыхъ изготовленіемъ рисованныхъ и лѣпныхъ работъ, есть также столяры, портные, сапожники, работающіе на заказъ. Изъ нихъ одни лишь особенно искусные художники живутъ безбѣдно, остальные едва-едва имѣютъ приличное платье и живутъ, большею частью, впроголодь. Богатые ламы, правда, занимаются часто торговлей, это, повидимому, не считается предосудительнымъ, но для этого надо имѣть капиталъ. Въ Гумбумѣ отъ монастыря выдается рядовому ламѣ лишь 12 шеновъ въ годъ ячменя, принадлежащимъ къ какому-нибудь ордену—15 шеновъ, но этого не достаетъ на годъ. Между тѣмъ, кромѣ дзамбы, которая приготовляется изъ ячменя, надобно имѣть чай и, хотя изрѣдка, мясо и другую приправу къ ѣдѣ, не говоря уже о платьѣ, которое лама тоже обязанъ сдѣлать на свой счетъ.

Деньги, жертвуемыя въ монастырь, въ большинствѣ случаевъ, идутъ на монастырскія постройки и на пополненіе ихъ храмовъ статуями и священными сосудами. Ламамъ раздаютъ деньги лишь въ томъ случаѣ, когда жертвователь прямо даетъ свое пожертвованіе въ пользу ламъ. Да и тогда дѣленіе производится неровно: старшіе получаютъ двѣ, три доли, а младшіе—одну.

А между тѣмъ, мнѣ кажется, сословіе ламъ не лишено культурнаго значенія. Грамотность сохраняется въ монастыряхъ, тамъ книги печатаются, списываются и переписываются ламами; ими же передаются изустныя легенды и разсказы морализующаго свойства.

Рис. 23.



Паломничество, знакомя ламъ съ разными странами и обычаями разныхъ народовъ, расширяетъ ихъ кругозоръ. Лама-паломникъ вмѣстѣ съ разсказами о разныхъ чудесахъ и святыняхъ, видѣнныхъ имъ, знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ географіей и этнографіей тѣхъ странъ, которыя довелось ему посѣтить. Въ Халхѣ воспитаніе молодаго поколѣнія, главнымъ образомъ, въ рукахъ ламъ. Зажиточные монголы берутъ въ домъ ламу, чтобы обучить своихъ дѣтей грамотѣ, иногда отдаютъ мальчиковъ въ монастыри. Конечно, жаль, что ламы мало изучаютъ родную монгольскую литературу; книги, пользующіяся уваженіемъ ламъ, написаны на книжномъ тибетскомъ языкѣ, но здѣсь въ тангутскихъ монастыряхъ эта разорванность ученія отъ жизни не такъ велика. Религіозныя или ученыя состязанія идутъ въ монастыряхъ на языкѣ разговорномъ — монгольскомъ или тангутскомъ; чамы, или религіозныя пляски, хотя обыкновенно бываютъ лишь чисто мимическими представленіями, безъ рѣчей, сопровождаются обыкновенно изустными комментаріями присутствующихъ и потому не пропадаютъ безслѣдно для поученія зрителей.

Въ половинѣ февраля новаго стиля здѣсь праздновали новый годъ, но въ Гумбумѣ болѣе празднуется послѣдній день этого праздника — 15-е число перваго мѣсяца. За день до Новаго года (т.-е. до 1 числа 1-й луны) былъ *чамъ*, т.-е. религіозныя пляски и сожженіе *соровъ*. Изъ каждаго отдѣла, или ордена, изъ которыхъ состоитъ Гумбумское монашество, изъ храма выносили особымъ образомъ испеченный хлѣбъ, положенный на подносъ, убранный разными украшеніями, между которыми непремѣнно должно было быть изображеніе мертвой головы; иногда эти украшенія составляли пирамиду въ сажень высотой, — ламы сопровождали *соры* съ музыкой, подъ балдахинами, съ знаменами; всѣ *соры* собрались на площади, гдѣ былъ при-

готовленъ соломенный костеръ. Здѣсь, среди огромной толпы народа, начались пляски ламъ въ маскахъ; затѣмъ маски разрубили *соры* и бросили въ огонь. Мы смотрѣли на это съ кровли дома одного изъ ламъ, такъ что толпа не безпокоила насъ. Къ 15 числу Гумбумъ наполнился богомольцами; въ каждомъ дворѣ были пріѣзжіе родственники и знакомые ламъ; 13 числа былъ опять большой чамъ, внутри двора самаго большаго храма. Зрители сидѣли на лѣстницахъ, ведущихъ въ зданія, окружающія дворъ со всѣхъ сторонъ, и на дворѣ по краямъ, а также на кровляхъ, гдѣ можно; хамбу-лама, т.-е. настоятель Гумбума, сидѣлъ противъ храма на галлереѣ противоположнаго зданія, на высокомъ креслѣ, въ парчевыхъ облаченіяхъ; это былъ гегенъ (по имени Джая-гегенъ), еще молодой человѣкъ, лѣтъ 26; все время, казалось, онъ былъ неподвиженъ, какъ статуя. Маски, выходя парами изъ храма, медленно съ пляской подвигались къ нему и дѣлали поклоны; затѣмъ двигались дальше, также медленно описывая кругъ. Пляшущіе ламы всѣ были въ уродливыхъ маскахъ, двѣ были съ головами быковъ, двѣ съ оленьими и еще четверо мальчиковъ съ оленьими головами и четверо мальчиковъ съ мертвыми головами, у послѣднихъ съ обѣихъ сторонъ головы придѣланы были лопасти, должно быть, изображающія крылья бабочки; маски эти такъ и называются *бабочки*, *эрбекэ* по-монгольски; скорѣе онѣ должны быть названы *скелетами*, — пальцы у нихъ были удлинены, на груди раздѣланы ребра, не говоря уже про мертвую голову. Главная маска представляла быка съ огромными фигурными рогами. Это богъ Чойчжиль. Были также и двѣ комическія маски съ человѣческими, но каррикатурными лицами; онѣ забавляли публику, въ то же время раздвигая толпу, стѣсняющую арену; ихъ роль была служебная: онѣ выносили коверъ, кресла; имя ихъ *азнга*. Между прочимъ, онѣ подъ руки вывели изъ храма маску, представляющую дряхлаго старика съ огромной лысой головой, за полы его халата держались четверо маленькихъ дѣтей съ пучками волосъ на вискахъ бритой головы, какъ это мы обыкновенно видимъ на китайскихъ рисункахъ. Старика усадили въ кресло, около него расположились дѣти, семья эта возбуждала смѣхъ въ окружающей публикѣ; замѣчательно имя этого старика. Его называли *Кашинъ-Ханъ* по-монгольски и *Кашинъ-Джаву* или *Гомбу* по-тангутски. *Джаву* — то же, что *ханъ*, *Гомбу* равносильно монгольскому *нойонъ*, или князь. *Кашинъ* нѣкогда въ монгольскомъ языкѣ значило *тангутъ*, такъ что въ переводѣ это будетъ *тангутскій ханъ;* но названіе это, встрѣчающееся только въ книгахъ, уже неизвѣстно въ народѣ. Эта же фигура въ чамѣ встрѣчается въ Ордосѣ;

въ Хами, кажется, ея нѣтъ. Одежды на маскированныхъ были богаты, шелковые сапоги — не обыкновенные здѣшніе, а мягкіе бѣлые; плясали стройно, хотя и медленно и не всегда удачно, благодаря тому, что дворъ былъ выстланъ булыжникомъ. Фигуры маленькихъ оленей совершенно подражали въ своихъ движеніяхъ шаманамъ и, ставши на колѣни передъ хамбу-ламой, они, я думаю, съ полчаса, не переставая, размахивали своими вѣтвистыми головами, точно такъ же, какъ это дѣлаютъ шаманы. Послѣ этой пляски они разрубили на части какую-то фигуру, заранѣе положенную на коврѣ среди двора; фигуру эту называютъ *лянй*, или *лянкай*.

Ламы занимали галлерею, противоположную храму; они сидѣли на коврикахъ по обѣ стороны хамбу-ламы; непомѣстившіеся на галлереѣ сидѣли на дворѣ внизу; передъ почетными лицами стояли столики съ лакомствами; на кровлѣ надъ ними и на паперти храма помѣщались музыканты съ трубами и съ мѣдными тарелками. Правое крыло двора, считая отъ хамбу-ламы, тоже было занято въ центрѣ кресломъ другаго важнаго гумбумскаго гегена (Аджа-гегена), юноши лѣтъ 16, и окружающими его ламами, а ниже и по сторонамъ—публикой. Намъ тоже были поставлены скамьи на этой сторонѣ и ставились столики съ лакомствами; но такъ какъ было очень тѣсно, то столы убрали, и у самыхъ нашихъ ногъ на лѣстницѣ усѣлись тангуты, тангутки, монголы и монголки; верхніе ряды блистали своими шелковыми шубами и богатыми шапками; внизу публика была попроще, въ нагольныхъ шубахъ. Отъ времени до времени Гецкуй, полицей-мейстеръ Гумбума, какъ мы его называемъ, высокій лама-тангутъ, вооруженный огромнымъ жезломъ (четырехгранной палкой), украшенной позолотой и лентами, раздвигалъ тѣснившуюся публику. Изъ подъ его *аркимджи*, суконной по положенію, выглядывала парчевая дорогая безрукавка; за нимъ, въ качествѣ помощниковъ, ту же исторію продѣлывали и другія власти Гумбума. Эти власти въ Гумбумѣ выборныя, онѣ завѣдуютъ полицейскими и хозяйственными дѣлами, избираются на три года и утверждаются хамбу-ламой. Хамбу-лама, вѣдающій дѣла духовныя, также избирается на три года, но выборъ ограниченъ: можно избирать лишь гегеновъ, да и то не всѣхъ, а болѣе важныхъ и извѣстнаго возраста. Своего преемника, избраннаго монашествомъ, утверждаетъ также хамбу-лама. Говорятъ, что многіе отказываются отъ этой чести, такъ какъ надо быть богатымъ, чтобы съ честью держаться на этомъ посту.

15 числа въ Гумбумѣ былъ большой съѣздъ изъ окрестностей и изъ южной Монголіи: въ этотъ день вечеромъ, по закатѣ солнца, бываетъ

выставка масляныхъ барельефовъ, извѣстныхъ у тангутовъ подъ именемъ *Чоба*, а у монголовъ *Чечекъ*—„цвѣтокъ“. Съ утра въ монастырѣ началось оживленіе, а около него устроилась ярмарка,—купцы раскинули по степи палатки или разостлали циновки и разложились съ товаромъ. Изъ Синина пріѣхалъ шотландецъ, продающій св. писаніе на языкахъ китайскомъ, тангутскомъ и монгольскомъ, членъ китайской внутренней миссіи. Былъ торгующій сартъ изъ Хами; китайскихъ купцовъ я уже не считаю. Разноплеменная толпа безпрестанно бродила изъ китайской слободы въ монастырь и обратно вдоль узкой улицы, образовавшейся изъ торговыхъ палатокъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, за нами прислали ламъ съ фонарями и повели смотрѣть Чоба. Нашъ Сандандживба сказалъ, что надо взять съ собой денегъ. Около главнаго храма стояла толпа и любовалась на огромные щиты, ярко освѣщенные; щиты эти состояли изъ черныхъ досокъ, на которыхъ очень искусно, въ китайскомъ вкусѣ, были вылѣплены изъ сала или масла фигуры и рисунки. Первый щитъ представлялъ треугольникъ сажени въ четыре высотой; центральное мѣсто занимала фигура далай-ламы, красиваго, молодаго человѣка, благодушно улыбающагося; въ одной рукѣ у него былъ цвѣтокъ, другая какъ бы благословляла; корона и богатыя одежды были тѣ же, что на бурханахъ; его сапогъ поддерживали маленькіе китайскіе амуры; на рамѣ, окружающей фигуру ламы, были барельефомъ представлены сцены изъ жизни боговъ, вершина треугольника составлена изъ 18-ти медальоновъ; въ каждомъ былъ одинъ изъ боддисатвъ. Этотъ главный щитъ окружали занавѣсы, на которыхъ представлены были цѣлые ряды конныхъ фигуръ, вся эта картина назывались *царь Дорджитана* (т. е. царь Индіи), и на занавѣсахъ, должно быть, изображены были его войска. Занавѣсы были подняты такъ, что толпа могла ходить, не задѣвая за нихъ головами. Передъ щитомъ была лѣстница, уставленная рядами масляныхъ лампочекъ, верхъ освѣщался фонарями. Послѣ осмотра этого барельефа, насъ повели въ палатку тутъ же на улицѣ и предложили чаю; кромѣ насъ, въ ней никого не было, но на полу передъ главнымъ сидѣньемъ лежало нѣсколько связокъ чоховъ, положенныхъ какимъ-то нашимъ предшественникомъ; тутъ же и мы положили свои чохи. Отсюда пошли дальше, налѣво, огибая зданія большаго храма; здѣсь былъ цѣлый рядъ небольшихъ щитовъ, выставленныхъ разными отдѣленіями монаховъ; у всѣхъ у нихъ былъ общій характеръ, но фигуры были уже другія, также какъ и окружающія ихъ сцены. На одномъ или двухъ щитахъ мелкія фигуры двигались, приводимыя въ движеніе не хитрымъ механизмомъ, что,

конечно, доставляло большое удовольствіе невзыскательной публикѣ. Всѣхъ щитовъ было пятнадцать; они со всѣхъ сторонъ окружали храмъ; между ними былъ еще одинъ большой, принадлежащій тангутской партіи монаховъ; впрочемъ, главнымъ художникомъ въ этой работѣ былъ сѣверный монголъ, живущій на нашемъ дворѣ; щитъ, съ котораго мы начали описаніе Чоба, принадлежалъ монгольской партіи, и художники въ немъ были исключительно широнголъ-монголы. Благодаря мягкому матеріалу и нѣкоторой свободѣ относительно замысла, фигуры эти обладаютъ большею живостью, чѣмъ другія буддійскія скульптурныя работы. Каждый годъ въ Гумбумѣ бываетъ такая выставка лѣпнаго искусства, картины каждый годъ мѣняются, на нихъ обыкновено изображаются сцены изъ религіозныхъ легендъ, содержаніе нѣкоторыхъ, повидимому, нигдѣ не записано, а живутъ онѣ въ памяти художниковъ и передаются въ народѣ изустно. До полночи толпа ходила по Гумбуму; затѣмъ огни были погашены, щиты сняли, масло съ досокъ соскоблили и сложили въ одно мѣсто, доски въ другое и въ нѣсколько часовъ уничтожили работу цѣлыхъ мѣсяцевъ, работу нѣсколькихъ десятковъ художниковъ. Вѣрующіе буддисты покупаютъ это масло, считая его цѣлебнымъ.

Всѣхъ праздниковъ въ Гумбумѣ пять: 1) въ первой лунѣ 14-го числа—чамъ, 15-го—выше нами описанная Чоба; 2) въ четвертой лунѣ 14-го числа—чамъ, 15-го выносятъ изъ „Золотаго храма“ огромную икону съ изображеніемъ божествъ Томбы, Цзонкавы и Чанрези и разстилаютъ на горѣ по земной поверхности; 3) въ шестой лунѣ 6-го числа—чамъ; 4) въ девятой лунѣ 22-го числа выставка клейнодовъ, подаренныхъ императоромъ сѣдѣлъ и пр.; 24 числа той же луны—чамъ; 5) въ двѣнадцатой лунѣ 29-го числа—чамъ, описанный нами выше.

УТАЙ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Китаю).

Именемъ Утай называется горный хребетъ, который ограничиваетъ пекинскую равнину съ запада. Въ южной части этого хребта, въ одной изъ его долинъ, находится цѣлое собраніе буддійскихъ монастырей, частью соединенныхъ въ одну группу, частью разсѣянныхъ по сосѣднимъ ущельямъ. Это святое мѣсто, лежащее на юго-западѣ отъ Пекина, пользуется большой славой у буддистовъ какъ китайскихъ, такъ и монгольскихъ. У монголовъ Утай пользуется даже большей славой, чѣмъ у китайцевъ; между халхасцами и дурбетами, кочующими на дальнемъ сѣверѣ, у самой границы Сибири, не найдется человѣка, который не слыхалъ бы объ Утаѣ, и немало найдется между ними отдѣльныхъ лицъ, которыя ходили туда на поклоненіе. Это какъ бы Аѳонская гора монголовъ. Лежитъ это мѣсто внѣ Монголіи, за двойною стѣной; чтобъ дойдти до него, монголамъ приходится пересѣчь два или три высокихъ хребта и миновать немало большихъ китайскихъ городовъ, не говоря уже о многочисленныхъ китайскихъ деревняхъ.

Китайскіе буддисты утверждаютъ, что въ Утаѣ являлся одинъ изъ великихъ учителей буддизма, Манджушри, или, какъ его зовутъ китайцы, Вэнь-шу-пуса, представитель знанія; это лицо, скорѣе, можетъ быть, миѳологическое, чѣмъ историческое, у буддистовъ сѣвернаго Китая занимаетъ такое выдающееся мѣсто, какъ у южныхъ китайцевъ богиня милосердія, Кванъ-инъ-пуса. Этимъ объясняется уваженіе китайцевъ къ Утаю. Почему монголы такъ облюбовали эту святыню, неизвѣстно.

Задолго до того, какъ мы, двигаясь по дорогѣ изъ Пекина, достигли до этого мѣста, мы уже начали чуствовать его близость. Еще гдѣ-то около города Баодина, всего въ 150 верстахъ отъ Пекина, мы видѣли, какъ по

дорогѣ, по которой и мы ѣхали, страннымъ манеромъ передвигался человѣкъ: онъ воздѣвалъ руки къ небу, становился на колѣни, потомъ ложился на землю ничкомъ, вытягивался во всю длину тѣла, затѣмъ подтягивалъ подъ себя колѣни, вставалъ, вновь воздѣвалъ руки и т. д.; нашъ слуга, Цуй-санъ, первый обратилъ на него наше вниманіе съ поясненіемъ, что это пилигриммъ, идущій въ Утай; если, дѣйствительно, этотъ ,,калика перехожая" выдержитъ свой искусъ, то едва ли, двигаясь такимъ образомъ, на манеръ извѣстной гусеницы—геометра, онъ къ зимѣ увидитъ утайскія святыни. Впрочемъ, это, можетъ быть, была догадка Цуй-сана, что странникъ шелъ въ Утай. Зато около города Фупина, который лежитъ уже на своротѣ въ горы съ большаго пекинскаго тракта, уже нельзя было сомнѣваться, что попадавшіеся пилигриммы или ламы явились здѣсь, благодаря Утаю. Чѣмъ дальше отъ Фупина, тѣмъ эти знаки близости Утая стали становиться чаще. Въ гостинницахъ стали попадаться монгольскія или тибетскія надписи на стѣнахъ или особыхъ дощечкахъ; по дорогѣ чаще попадались ламы въ засаленныхъ желтыхъ халатахъ, пѣшкомъ или верхомъ на животномъ; вновь услышали мы монгольское привѣтствіе: ,,амуръ сай-ханъ байну?" За день до Утая стали попадаться монастыри, обнесенные стѣнами, изъ-за которыхъ выглядывали золотыя острія, украшающія обыкновенно коньки крышъ кумирень. Всѣ кумирни обыкновенно скрывались въ тѣни большихъ деревьевъ. Нерѣдко и весь скатъ горы, къ которой прислоненъ монастырь, былъ одѣтъ лѣсомъ. Впрочемъ, тутъ только и лѣсъ, гдѣ кумирня; остальныя же горы и дно долины совершенно голы; деревья встрѣчаются только около деревень. Ѣдешь по долинѣ; впереди начинаетъ показываться профиль горы, покрытой лѣсомъ; верхнюю часть его видно, а подошва еще загорожена; уже впередъ можно сказать, что когда подошва раскроется, тутъ увидишь какую-нибудь обитель съ красной стѣной и сверкающими маковками. Деревни чередуются съ монастырями до самаго главнаго святилища; горы были почти сплошь распаханы до самыхъ верхушекъ, а равно и на днѣ долины мало осталось невоздѣланнаго пространства; камни, которые когда-то покрывали сплошь долину, собраны, почва расчищена, унавожена и распахана, а изъ камней подѣланы изгороди или стѣнки, ограждающія пашни отъ скота. Скучный видъ безлѣсныхъ горъ еще скучнѣе становился оттого, что пашни на горахъ не были еще покрыты зеленью, и представляли оголенную взрытую почву.

За полверсты до группы главныхъ монастырей долина съуживается; двѣ высокія горы образуютъ при входѣ въ верхнюю часть долины узкія

ворота; на лѣвой горѣ, болѣе высокой и крутой, построена кумирня; она стоитъ на самой верхушкѣ горы, точно рыцарскій замокъ. Когда обогнешь послѣдній мысъ, загораживающій видъ на верхнюю часть долины, открывается живописная картина. На первомъ планѣ большая китайская деревня; фигурныя городскія ворота съ двумя кровлями, одна надъ другой, служатъ для въѣзда въ деревню; изъ-за черепичныхъ кровель ея на второмъ планѣ вздымается куполообразный холмъ, до верху покрытый постройками и садами; это—утайскіе монастыри; наконецъ, вокругъ всего этого амфитеатромъ поднимаются горы, однѣ выше другихъ, и сзади всѣхъ плоская гора, на которой еще видны полоски нерастаявшаго съ весны снѣга, это—Пейтай, самая высокая гора во всемъ Утайскомъ хребтѣ. Въ день нашего въѣзда въ Утай было пасмурно, и вершины самыхъ высокихъ горъ были закрыты облаками; но тѣмъ эффектнѣе выходилъ видъ на холмъ съ монастырями, который попалъ подъ лучъ, прорвавшійся сквозь густыя темныя облака, и освѣщенный этимъ лучомъ представлялъ контрастъ съ остальными окрестностями, погруженными въ тѣнь отъ облаковъ; особенно яркое пятно дѣлала бѣлая высокая ступа, поставленная на передней сторонѣ холма. Набожному буддисту эта картина могла бы показаться внушеніемъ свыше о торжествѣ буддизма надъ мракомъ, въ которомъ живетъ остальное человѣчество.

Ворота ввели насъ въ узкую улицу селенія, которое состоитъ изъ сотни домовъ. Селеніе это называется Утай. Лавочники и другіе мѣстные жители смотрѣли на *си-янъ*, т. е. на „западныхъ заморцевъ“, съ неодинаковымъ любопытствомъ: нѣкоторые выбѣгали на улицу, торопились забѣжать впередъ, сгибали дугой спину, вытягивали шею и дѣлали большіе глаза, точно прицѣливались въ насъ; иные, увидѣвъ насъ, пускались бѣжать впередъ съ цѣлью оповѣстить своихъ домашнихъ о событіи и, исчезнувъ на нѣсколько мгновеній въ широкихъ воротахъ какого-нибудь дома, выходили изъ нихъ снова на троттуаръ съ цѣлой толпой зрителей. Другіе, напротивъ, не выходя изъ своихъ лавокъ, спокойно смотрѣли на насъ, облокотившись на прилавки. Какой-то приказчикъ, пока мы ѣхали мимо, такъ былъ занятъ пересчитываніемъ чоховъ на ладони, что все время простоялъ на троттуарѣ, не отвлекаясь отъ своего дѣла и не поднимая глазъ, и упустилъ единственный случай въ жизни видѣть „западныхъ заморскихъ чертей“.

Остановились мы по обыкновенію въ *дянъ*, т. е. гостинницѣ, или, лучше сказать, на постояломъ дворѣ, гдѣ, несмотря на три двора, заня-

тые постройками и стойлами, была такая тѣснота, что мнѣ, ѣхавшей сзади каравана, пришлось, по крайней мѣрѣ, пять минутъ стоять на улицѣ, дожидаясь, пока во дворъ помѣстились всѣ наши мулы и дали намъ, ѣхавшимъ позади, проѣздъ въ ворота. Пока мы стояли на улицѣ, около насъ собралось человѣкъ до пятидесяти зрителей. Густо стояли они на обоихъ троттуарахъ и созерцали насъ, стоявшихъ на мостовой; мостовая эта была шириной — только одной телегѣ проѣхать и ниже троттуаровъ болѣе, чѣмъ на полфута, что напомнило мнѣ помпейскія улицы. Въ толпѣ были люди различныхъ возрастовъ: старики, молодые люди и дѣти, даже очень маленькіе, какой-то крошка въ прическѣ, дѣлавшей его рогоносцемъ, стоялъ на мостовой; замѣтивъ, что всѣ стоятъ на троттуарѣ, а на мостовой остался онъ одинъ, онъ почувствовалъ одиночество и началъ веньгать и до тѣхъ поръ плакалъ, пока кто-то изъ толпы не схватилъ его за руку и, какъ щенка, приподнялъ и пустилъ на троттуаръ. Одинъ молодой человѣкъ наблюдалъ насъ съ разинутымъ ртомъ и съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ было такъ мало живаго блеску, точно это былъ приговоренный къ смерти, смотрящій на свою висѣлицу. На противоположной сторонѣ улицы, на порогѣ воротъ, за спиной другихъ зрителей, или, правильнѣе, за ихъ пятками, сидѣлъ старикъ въ бѣдной, старой и сотню разъ переплатанной одеждѣ и смотрѣлъ себѣ въ ноги, склонивъ голову. Онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобъ наравнѣ съ молодежью бросаться на небывалое зрѣлище и, можетъ быть, только прислушивался къ разговорамъ толпы; съ него и этого было довольно.

Въ дянѣ намъ дали три комнаты: одну — для насъ съ мужемъ, другую — М. М. Березовскому и третью — А. И. Скасси. Комната, занятая нами, въ другое время, очевидно, служила кухней; полъ около стѣнъ былъ заставленъ деревянными ларями и корчагами, въ которыхъ китайцы держатъ зерно; къ потолку на длинныхъ веревкахъ были подвѣшаны большія рѣшета, но въ наше распоряженіе былъ предоставленъ обширный канъ, покрытый новой циновкой; канъ былъ освѣщенъ огромнымъ во всю его длину окномъ, заклееннымъ бумагой. Черезъ нашу комнату былъ ходъ въ другую небольшую, которая была образною; въ ней стояли кіоты съ изображеніемъ боговъ; передъ ними стояли подсвѣчники и курильница; съ потолка висѣли фонари, употребляемые во время процессій. Эту китайскую образную г. Березовскій обратилъ въ чучельную лабораторію. Г. Скасси занялъ комнатку съ отдѣльнымъ ходомъ въ особомъ придѣлѣ, прилѣпленномъ къ нашему флигелю; на крышѣ его спальни была его астрономическая обсерваторія.

Туда же мы лазили иногда съ биноклемъ полюбоваться на видъ утайскихъ монастырей. Вообще мы устроились здѣсь съ такимъ удобствомъ, какого давно не видѣли. Зрители приходили на дворъ, но не стояли по цѣлымъ днямъ и, главное, не облѣпляли оконъ, не сдирали съ нихъ бумагу и, за нѣкоторыми исключеніями, не лѣзли въ двери. По крайней мѣрѣ, изо всей дороги, сдѣланной нами до сихъ поръ, Утай не оставилъ по себѣ памяти, какъ злополучное мѣсто.

На другой день по пріѣздѣ въ Утай, мой мужъ, взявъ слугу Цуй-сана и проводника изъ мѣстныхъ китайцевъ, поѣхалъ осматривать монастыри, расположенные на холмѣ или на горкѣ. Тутъ помѣщается пять монастырей, изъ которыхъ два принадлежатъ монголамъ, остальные три—китайцамъ. Это, впрочемъ, не всѣ утайскіе монастыри; гораздо большее число монастырей размѣщается въ другихъ частяхъ долины, при подошвѣ горъ, въ вершинахъ овраговъ или ущелій, въ полугорѣ и на самыхъ вершинахъ нѣкоторыхъ горъ. Каждый монастырь извѣстенъ подъ своимъ особымъ названіемъ, и имя Утай ни къ одному изъ нихъ не прилагается. Утай по китайски значитъ „пять священныхъ горныхъ вершинъ“; дѣйствительно, здѣсь указываютъ на пять болѣе высокихъ вершинъ, изъ которыхъ изъ долины видно только одну—Пей-тай, т. е. сѣверную священную гору.

На холмѣ близъ деревни Утай находятся самые главные монастыри. Самой старинной кумирней здѣсь считается такъ называемая „Мѣдная“, принадлежащая китайцамъ, а вершина горы занята монгольскимъ монастыремъ, который въ народѣ извѣстенъ подъ именемъ Пусасы или Пусыдянъ. У южной подошвы холма видны слѣды бывшаго здѣсь императорскаго дворца въ видѣ кучъ изъ камней; въ цѣлости остался тодько выложенный каменными плитами входъ на террасу, на которой стоялъ дворецъ. Прежде, разсказываютъ, китайскіе императоры посѣщали Утай ежегодно и проводили здѣсь лѣто; теперь прошло уже четыреста лѣтъ, какъ они не бываютъ здѣсь.

На слѣдующій день еще нельзя было начать сниманіе фотографій; А. И. Скасси цѣлый день былъ занятъ приготовленіемъ пластинокъ и приведеніемъ въ порядокъ фотографическихъ аппаратовъ. На четвертый день нашего пребыванія онъ отправился снимать фотографіи съ утайскихъ достопримѣчательностей и пригласилъ меня сопутствовать ему. Мы поѣхали тотчасъ послѣ утренняго чая, взявъ съ собою мула, нагруженнаго аппаратами, проводника, который уже служилъ моему мужу наканунѣ въ качествѣ гида и своего слугу, китайца Тэна. Прежде всего мы поднялись къ

кладбищу, которое лежитъ за оврагомъ, къ западу отъ холма. Отсюда г. Скасси снялъ общій видъ на монастыри и отдѣльный видъ большой ступы, которая стояла прямо передъ нами; верхушка ступы была окружена бахрамой изъ колокольчиковъ, мелодическій звонъ которыхъ доносился до насъ при каждомъ порывѣ вѣтра. Какъ только насъ замѣтили, изъ всѣхъ окрестныхъ овражковъ на ту же горку, гдѣ мы стояли, полѣзли зрители. Сначала это были мальчуганы, повидимому, бывшіе въ полѣ: у многихъ были корзинки въ рукахъ, у однихъ для собираемаго удобренія, у другихъ — для травы, которую они ковыряютъ по горамъ маленькой, какъ бы игрушечной лопаточкой. Большинство мальчугановъ были бритоголовые. Все это будущіе ламы. Нѣкоторые изъ нихъ были крошечные, 5 — 6 лѣтъ, а мужъ мой въ Пусыдянѣ видѣлъ даже ребенка 4 лѣтъ, посвященнаго въ монахи. Одни изъ дѣтей были умыты и одѣты почище, другіе были отвратительно грязны и оборваны. Вся эта толпа вплотную обступила г. Скасси; мальчики перебѣгали и заглядывали въ камеру со всѣхъ сторонъ. Я въ это время пробовала было нарисовать ступу; меня тоже обступили, заслоняя мнѣ видъ. Я попросила одного посторониться; его мѣсто сейчасъ же заняли пять другихъ и еще тѣснѣе обступили меня, разсматривая мой рисунокъ. Чтобы отвлечь толпу отъ г. Скасси, я начала рисовать для мальчугановъ маленькія картинки, рожицы, цвѣты и т. п. Это привлекло болѣе маленькихъ, но къ этому времени уже набралась и взрослая публика. Этимъ, конечно, было интереснѣе наблюдать странную процедуру фотографированія и разсматривать сложный аппаратъ, чѣмъ наблюдать то, какъ я чиню карандашъ, какъ перочинный ножикъ исчезаетъ гдѣ-то въ моихъ *кудзахъ* (штанахъ) и, несмотря на отверстія внизу около ступней, не вываливается на землю. Пріятно было наблюдать надъ дѣтскими лицами, какъ любопытство смѣнялось на нихъ ожиданіемъ или удивленіемъ и радостью, какъ мальчуганы постарше покровительственно держали свои руки на головахъ маленькихъ оборвышей; но запахъ чесноку, который обдаетъ постоянно отъ всякой китайской толпы, иногда дѣлался невыносимъ; я вставала и такимъ образомъ освобождалась на нѣсколько минутъ отъ тѣсноты.

Отъ ступы мы поѣхали въ главное собраніе монастырей, окруженное, какъ оказалось, цѣлымъ городомъ, состоящимъ изъ домовъ частныхъ обывателей. Сначала мы вошли въ ворота; за ними было пустое пространство, за которымъ другія, повидимому, болѣе важныя, по нашему бы, святыя ворота, потому что верхняя башенка этихъ воротъ содержала въ себѣ золоченое изображеніе какого-то божества. За этими воротами открылась

вторая площадка, окруженная, какъ мнѣ показалось, монастырскими зданіями. Между ними особенно поражало одно трехъ-этажное, какъ будто старой нѣмецкой архитектуры, безъ всякихъ украшеній, съ одной кровлей, но не украшенной по-китайски выступами и выгнутыми узорчатыми краями. Направо отъ этой площадки тянется узкая и кривая улица, гдѣ торгуютъ китайцы разными мелочами для монаховъ: табакерками, чашками, чайниками, кушаками, четками, шляпами и пр. Улица эта зигзагами лѣзетъ въ гору, какъ будто въ какомъ-нибудь швейцарскомъ городкѣ. Купцы мнѣ показались все такіе почтенные, подходящіе къ монастырской тишинѣ; они оставались за прилавками, когда мы проходили мимо и спокойно смотрѣли на насъ сквозь свои большіе топазовые очки. Обычной торговой суеты на этой улицѣ не было; развѣ пробредутъ два, три оборванца нищихъ или группа старухъ, чтобы сѣсть гдѣ-нибудь въ тѣни забора и дожидаться прохожихъ, не подадутъ ли милостыни. Улица эта такъ круто поднимается, что мѣстами ея каменная мостовая превращается въ настоящую лѣстницу. Въ концѣ улицы—ворота, ведущія на монастырскій дворъ съ кумирнями, окруженный зданіями для келій, но торговая улица врывается и сюда; на одной изъ галлерей сидѣлъ цѣлый рядъ торговокъ и торговцевъ съ корзинами, въ которыхъ продавалась разная дешевая смѣсь и лакомства. Этотъ монастырь называется Юн-чжао-сы; главную кумирню въ немъ только-что отдѣлывали; вся она блистала своими яркими красками; преобладающіе цвѣта были синій и зеленый; рисунокъ иногда дѣлался желтой краской; въ общемъ это составляло пріятное сочетаніе. Большая сосна, замѣняющая въ здѣшнихъ монастыряхъ смоковницу индѣйскихъ буддійскихъ монастырей, и два другихъ деревца у входа въ кумирню очень скрашивали общій видъ. На террасѣ передъ дверями кумирни были кучи глины и извести; внутри кумирни также производилась передѣлка и перетасовка статуй; противъ дверей стояла еще неоконченная группа боговъ изъ глины; только статуи, стоящія у задней стѣны, однѣ оставались на своемъ старомъ мѣстѣ; другія всѣ были сдвинуты; многорукая Кванъ-инъ-пуса стояла лицомъ къ стѣнѣ, и посѣтитель могъ созерцать только ея локти; на столѣ было цѣлое собраніе отпавшихъ рукъ и ногъ боговъ, точно вы очутились въ анатомическомъ театрѣ.

Къ моему сожалѣнію, лѣпильщикъ передъ нашимъ приходомъ окончилъ работу и мылъ руки, и я не видала, какъ онъ производитъ свою работу; впрочемъ, нѣсколько полуоконченныхъ и едва начатыхъ фигуръ давало объ этомъ нѣкоторое понятіе. Сначала дѣлается очень грубое дере-

вянное изображеніе, составленное изъ плохо обдѣланныхъ обрубковъ, такъ что фигура представляетъ ломанныя линіи; на сгибахъ членовъ эти обрубки соединены толстой проволокой, такъ что художникъ до начала лѣпки можетъ измѣнить нѣсколько положеніе членовъ. Затѣмъ эта фигура обматывается соломой для приданія ей надлежащей округлости, и только уже на эту шероховатую поверхность налѣпляется глина, сначала смѣшанная съ рубленой соломой, а потомъ чистая и болѣе нѣжная. Высохшая фигура имѣетъ видъ, какъ будто сдѣлана изъ терракотты. Почти совсѣмъ додѣланныя фигуры представляли юношу и дѣвицу, поставленныхъ по бокамъ главнаго божества, сидящаго на спинѣ льва.

Фигура юноши со сложенными руками выражала какъ будто стремительную готовность; станъ наклоненъ; голыя ноги твердо упираются пальцами; лицо улыбающееся, мнѣ показалось, лукавой усмѣшкой; черные стеклянные глаза, вставленные въ глину, какъ будто смѣются въ своихъ узкихъ прорѣзкахъ. Лицо, руки и ноги у этой фигуры и сама она вся сдѣланы такими округлыми, какъ будто художникъ имѣлъ натурщикомъ ребенка; каждый палецъ на ногѣ имѣетъ складки на составахъ, какъ это бываетъ у очень полныхъ ребятъ; подбородокъ тоже пухлый, круглый, обрисовывающійся складками; ротъ полуоткрытъ отъ усмѣшки; голова бритая; надъ ушами торчатъ завитки волосъ: это тоже прическа, нынѣ встрѣчающаяся только на маленькихъ мальчикахъ; юноши ея уже не носятъ. Одежда на юношѣ короткая и плотно облегающая станъ, хотя сзади и есть какая-то драпировка. Вокругъ туловища обвивается проволока; представляетъ ли она будущую змѣю или стебель вьющагося растенія, не узнала.

Фигура дѣвушки, обращенная къ юношѣ въ $^3/_4$ оборота, представляетъ совершенную противоположность ему. Тамъ все—движеніе, здѣсь—покой. Фигура стоитъ прямо; пріятное, спокойное лицо даже не улыбается, и черные, еще болѣе узкіе, чѣмъ у юноши, глаза, смотрятъ спокойно. Въ выраженіи фигуры было что-то благосклонное и покорное. Руки приподняты, какъ будто въ одной изъ нихъ будетъ цвѣтокъ, но онѣ ни на что не указываютъ, а тонкіе пальцы съ длинными ногтями сохраняютъ полусогнутое положеніе. Въ этой фигурѣ тоже есть полнота, но она менѣе замѣтна; шея какъ будто тоньше, какъ привыкли видѣть у статуй; фигура одѣта въ платье, драпирующееся складками; башмаки на высокой подошвѣ совершенно скрываютъ форму ноги; ясно, впрочемъ, что современнаго обезображенія ноги китайской женщины китайская скульптура не рѣшается воспроизводить.

За этими фигурами былъ второй рядъ фигуръ, старыхъ, покрытыхъ позолотой и украшенныхъ разными подвѣсками и одѣяніями. Только въ правомъ придѣлѣ стояли двѣ фигуры, покрытыя не позолотой, а красками, и представляютъ онѣ, кажется, не божества, а лица человѣческія или, можетъ быть, эмблематическія; это фигуры старика и человѣка средняго возраста. Очень понравилась мнѣ фигура старика; его худоба, анатомически вѣрная, его морщины, черезчуръ правильныя, какъ будто съ помощью циркуля размѣщенныя на лицѣ, въ то же время представляли большую натуральность; забываешь, что въ натурѣ такихъ правильныхъ морщинъ не встрѣчается; ротъ, лишенный зубовъ, лысый черепъ, глаза, глубоко ввалившіеся, грудь съ высоко выдавшимися ключицами,—все это были вѣрно переданные аттрибуты старости; мертвенный цвѣтъ кожи и нѣкоторая безучастность въ выраженіи лица довершали правдоподобность. Между статуями, видѣнными мною въ Китаѣ и Монголіи, здѣшнія, по моему, представляютъ значительныя произведенія китайскаго искусства. У нихъ нѣтъ нашей реальности, т. е. художникъ не заимствуетъ образцы изъ природы, а воспроизводитъ данную работу по традиціямъ, усвоеннымъ отъ учителя, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, между китайскими мастерами встрѣчаются иногда люди съ художественнымъ чутьемъ, которые время отъ времени видоизмѣняютъ традиціонную фигуру къ лучшему.

При снятіи фотографіи ламы недоумѣвали, что имъ дѣлать; по лицамъ стариковъ, выглядывавшихъ изъ-подъ пунцовыхъ *оримджи* (покрывалъ), видно было, что новшество это имъ не нравится; они сходились по два, по три, смотрѣли сурово, но не мѣшали; какой-то монахъ въ новомъ желтомъ халатѣ съ очень умнымъ лицомъ, очевидно, порѣшилъ не вмѣшиваться въ наше дѣло и не помогать; онъ вышелъ изъ кумирни, затворилъ въ нее двери и сѣлъ въ сторонѣ, въ галлереѣ. Толпа вокругъ г. Скасси возрастала; но она была занята глазѣньемъ и, кажется, не интересовалась тѣмъ, будутъ ли ея боги сняты, или нѣтъ. Что говорили китайцы, бывшіе около насъ, намъ осталось неизвѣстнымъ, но нашъ Тэнъ довольно смѣло подошелъ къ кумирнѣ, распахнулъ ея затворенныя двери и сталъ запрещать ламамъ приближаться къ ней, чтобъ они не мѣшали работать. Снявши наружный видъ, г. Скасси перенесъ камеру въ храмъ и снялъ статую дѣвушки при стеченіи такой же многочисленной и мѣшающей публики; молодые монахи никакъ не могли утерпѣть, чтобы не пройти впереди объектива и не заглянуть въ него лишній разъ. По окончаніи работы, г. Скасси поблагодарилъ ламу въ желтомъ халатѣ и пригласилъ его

къ себѣ на чай, взамѣнъ чего тотъ самъ пригласилъ насъ. Раскланявшись и одѣливъ нищую братію чохами, мы оставили кумирню и опять вернулись въ торговую улицу, по которой спустились къ кумирнѣ Шинъ-тунъ-сы. Она помѣщается въ монастырѣ китайскихъ хэшановъ. Монастырь большой, просторный; кумирни его помѣщаются въ большихъ бѣлыхъ каменныхъ зданіяхъ. По двору, окруженному кельями, вездѣ мощеная плитою мостовая. Большія ворота съ крытой галлереей ведутъ съ улицы во дворъ кумирни; по галлереѣ ходитъ постоянно сторожъ и ударами въ колоколъ съ густымъ бархатистымъ звономъ приглашаетъ проѣзжающаго подъ воротами къ пожертвованію въ пользу монастыря. Зданія, стоящія среди двора, имѣютъ два этажа и раздѣлены арками; въ нижнемъ этажѣ семь арокъ, въ средней изъ которыхъ двери, въ остальныхъ окна; надъ каждой дверью большая черная доска съ китайскими надписями; арки отдѣлены пилястрами, капители которыхъ подходятъ подъ карнизъ и смѣшиваются съ его узоромъ, очень простымъ, какъ будто образовавшимся лишь отъ выступа кирпичей; медальоны съ рисунками птицъ, звѣрей и цвѣтовъ; ихъ — семнадцать на узкой сторонѣ зданія; на передней, значитъ, должно быть гораздо болѣе; это единственная пестрота въ этомъ зданіи; кровельные углы приподняты очень слабо; съ нихъ свѣшиваются колокольчики съ пріятнымъ звономъ, который производитъ вѣтеръ, раскачивая ихъ. Верхній этажъ значительно меньше нижняго; стоя на дворѣ, не видишь его оконъ. Кровля съ боку покрыта цвѣтнымъ рисункомъ и зелеными арабесками. Весь стиль постройки значительно отличается отъ обычнаго въ Китаѣ,—нѣтъ пестроты, мелкой рѣшетки, ничего игрушечнаго, все гораздо строже. За бѣлыми зданіями въ самомъ заднемъ концѣ двора находится мѣдная кумирня, такъ называемая потому, что вся она сдѣлана изъ мѣди. Она построена на террасѣ, можетъ быть, отчасти и естественной, но, по всей вѣроятности, потомъ искусственно разработанной и нивеллированной. На узкую эстраду передъ мѣдной кумирней ведутъ двѣ лѣстницы съ каменными фигурами львовъ, обезьянъ и пр. Такія же перила окружаютъ и самую эстраду, которая такъ высоко поднимается надъ уровнемъ двора, какъ наши балконы. Терраса, на которой стоитъ мѣдная кумирня, возвышается еще надъ эстрадой на $1^1/_2$ метра, и съ эстрады въ дверь кумирни ведетъ крыльцо. Въ то время, какъ я поднималась по ступенямъ крыльца, изнутри зданія неслось монотонное пѣніе, или, скорѣе, чтеніе монаховъ; кумирня, повидимому, была наполнена ими, и я не рѣшилась заглянуть въ нее. Стѣны и крыша мѣдной кумирни составлены изъ мѣдныхъ плитъ, ко-

торыя были отлиты съ рельефными украшеніями. Наружная сторона стѣнъ покрыта мелкимъ рисункомъ; на внутренней сторонѣ плиты покрыты безчисленными изображеніями буддъ, расположенныхъ рядами. Вокругъ крыши устроенъ балкончикъ. На эстрадѣ передъ входомъ въ кумирню поставлены четыре небольшія мѣдныя башенки, на которыхъ также отлиты фигуры буддъ, а также мѣдная курильница. На одной изъ колоннъ поставлена золоченая статуетка будды. По обѣ стороны мѣдной часовни, симметрично, на одной съ нею террасѣ стоятъ два одинаковыя бѣлыя зданія, совершенно того же типа, какъ зданія, стоящія на дворѣ и уже описанныя мною, но меньшихъ размѣровъ; съ ихъ верхнихъ галлерей перекинуты мостики къ балкону, который окружаетъ крышу мѣдной кумирни. Сзади мѣдной кумирни самый задній планъ террасы занятъ длиннымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ съ галлереей вдоль верхняго этажа. Всѣ эти постройки, лѣстницы, балконы, перила, башенки въ общемъ представляютъ очень красивое и симметричное цѣлое. Выше всего этого поднимается гора, одѣтая зелеными деревьями, а на вершинѣ горы видны красныя и голубыя стѣны и желтыя крыши монастыря Пусыдяна.

Китайскіе хэшаны, которыхъ мы встрѣчали на дворѣ этой кумирни, какъ показалось мнѣ, значительно отличались отъ монгольскихъ, съ которыми я знакома была уже прежде. Монгольскіе монахы—это все добрые ребята, молодые, веселые, здоровые, вполнѣ разсчитывающіе на безконечную доброту Шакьямуни, и потому не особенно строги и къ себѣ. Не то казалось мнѣ у китайцевъ: они смотрѣли сурово; молодые монахи отличались мертвеннымъ цвѣтомъ лица и задумчиво смотрящими глазами; монахи при видѣ насъ не оставляли своихъ занятій или уходили внутрь келій; ихъ сѣрые халаты изъ какой-то жесткой, повидимому, шерстяной матеріи также больше подходили къ нашему представленію о монашествѣ, чѣмъ ярко желтые или красные халаты монгольскихъ ламъ съ шелковыми кушаками и вышитыми кисетами. А можетъ быть, я введена въ обманъ, что китайскіе монахи изощрялись въ лицемѣріи и ханжествѣ, монгольскіе же несомнѣнно поискреннѣе и попроще.

И здѣсь насъ окружала толпа, состоявшая, впрочемъ, только изъ монастырскихъ рабочихъ да мальчиковъ, уже поступившихъ въ духовное званіе. Одинъ изъ рабочихъ поразилъ меня своимъ костюмомъ: на немъ былъ стеганый халатъ, составленный изъ лоскутковъ разныхъ матерій, что очень напоминало наши половики, тканые изъ ситцевыхъ обрывковъ; на ногахъ его были сандаліи совершенно особаго покроя, какого я не видѣла прежде

ни на Востокѣ, ни на рисункахъ; весь костюмъ его представлялъ массу труда и аккуратность и въ то же время крайнюю бѣдность. Видъ у парня былъ веселый, а когда онъ замѣтилъ, что я срисовала себѣ его санлаліи, то разразился самымъ веселымъ хохотомъ и, какъ любезность, предложилъ мнѣ плодъ *цбаорь* (жужубъ), который вытащилъ откуда-то изъ рукава.

Мѣдная кумирня, безспорно, самая интересная достопримѣчательность утайскихъ монастырей; къ сожалѣнію, г-ну Скасси удалось только снять общій видъ ея съ середины двора. Сложивъ камеру, онъ пошелъ было на эстраду къ самой мѣдной кумирнѣ, чтобъ получить болѣе подробный снимокъ ея деталей, но въ это время явился какой-то старый хэшанъ и попросилъ насъ прекратить наши занятія. Если-бъ онъ замѣтилъ наше присутствіе на дворѣ раньше, г-ну Скасси, можетъ быть, не удалось бы снять и общаго вида. Такимъ образомъ мы должны были удалиться изъ монастыря.

Отсюда мы поѣхали къ подошвѣ горъ, которыя стоятъ надъ сѣвернымъ краемъ долины, чтобъ снять общій видъ утайскихъ монастырей съ сѣвера. Уѣхавъ изъ селенія, окружающаго пять утайскихъ главныхъ монастырей, мы думали, что зрители тутъ не будутъ насъ безпокоить; и дѣйствительно минутъ пять мы оставались одни, но потомъ все-таки набрались сначала дѣти, а затѣмъ и взрослые, и даже женщины. Пока г. Скасси уставлялъ свой аппаратъ, я сѣла на глиняный обрывъ возлѣ какого-то камня; присмотрѣвшись, я замѣтила, что онъ обдѣланъ человѣческой рукой. Это была или капитель колонны, или пьедесталъ подъ статую; мѣстами на немъ была замѣтна скульптура. Такихъ обломковъ, а также развалинъ стѣнъ, ступъ, памятниковъ разсѣяно по всей долинѣ множество; нѣкоторые памятники съ разъѣденными временемъ надписями, можетъ быть, относятся къ очень давнему времени, и очень вѣроятно, что археологъ найдетъ себѣ здѣсь пищу. На этомъ кончились наши разъѣзды по долинѣ; отсюда мы вернулись въ дянь.

Въ обоихъ монастыряхъ, которые мы посѣтили въ этотъ день, видно было много больныхъ, особенно въ Юнъ-чжао-сы. Были больные съ страшными язвами на лицѣ. Дѣти, страдающія глазами и накожными сыпями, также часты; послѣднія — самыя грязныя во всей толпѣ; повидимому, имъ запрещено умываться съ санитарною цѣлью.

Въ утайскихъ монастыряхъ, какъ и у насъ въ лаврахъ, продаютъ изображенія находящихся тутъ божествъ, мѣдныя статуетки, глиняные слѣпки со стѣны мѣдной кумирни, иконы, рисованныя на ткани. Прода-

ются также общіе виды утайскихъ монастырей, отпечатанные типографскими чернилами или тушью на большихъ лоскутахъ европейскаго коленкора, пропитаннаго крахмаломъ или известкой. Это видъ съ птичьяго полета: и ландшафтъ, и карта вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, мастеръ, исполнившій этотъ планъ, изобразилъ на улицахъ, проходящихъ между монастырями, процессію, съ которою носятъ по Утаю гэгэна или другое духовное лицо, что крайне затрудняетъ разбирать планъ. Такіе планы Утая можно встрѣчать развѣшанными въ кумирняхъ на самомъ крайнемъ сѣверѣ Монголіи, гдѣ-нибудь на берегу озера Косогола. Продаютъ все это сравнительно дешево; по словамъ самихъ монаховъ, изъ боговъ грѣхъ дѣлать торговлю. Будто этимъ и объясняются дешевыя цѣны утайскихъ произведеній, очень аляповатыхъ, сравнительно съ пекинскими, но не хуже, напримѣръ, снимка съ мозаичной Богородицы въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. который продается монахами при входѣ въ соборъ.

Театральныя представленія и религіозныя празднества въ Китаѣ.

Во время пребыванія нашей экспедиціи въ Хобдо, въ первыхъ числахъ ноября у китайцевъ былъ какой-то праздникъ, по случаю котораго втеченіе нѣсколькихъ дней въ восточной кумирнѣ давались театральныя представленія. На одномъ изъ нихъ намъ удалось быть. Отправились въ театръ въ 9 часовъ утра, по приглашенію нашего знакомаго купца г. Б. Когда мы пришли въ театръ, представленіе еще не начиналось, хотя актеры и музыканты были уже на сценѣ. Пришлось дожидаться стоя. Въ китайскомъ хобдинскомъ театрѣ креселъ для публики нѣтъ; зрители стоятъ среди открытаго двора между кумирней и зданіемъ со сценой. Только нѣкоторые побогаче находятъ возможность занять ложу въ боковомъ флигелѣ съ сидѣньемъ или, по знакомству съ актерами, протереться въ среду музыкантовъ и поставить для себя скамейку на самой сценѣ. Кумирня была открыта, т. е. большое окно ея, обращенное къ сценѣ, было отворено и черезъ него мы увидали статую Чон-гуэ, божества загробной жизни. Монголы называютъ его Эрли ханъ. Лицо бурхана сдѣлано красивымъ и молодымъ; черная борода изъ настоящихъ волосъ спускается до половины груди; одѣтъ бурханъ въ пунцовый халатъ съ крупнымъ узоромъ, на головѣ старинный китайскій уборъ изъ чернаго крепа съ серебряными, филигранной работы пластинками, торчащими изъ-за ушей, на подобіе крыльевъ мельницы. На столѣ передъ статуей были разложены приношенія вѣрующихъ: цѣлая туша барана съ головой, прикрытой такъ называемымъ „полотенцемъ“, т. е. сальной плевой изъ внутренностей (omentum), множество *бобо*, или, правильнѣе, *ман-ту*, *ю-бьяновъ*, т. е. лепешекъ, хлѣбцевъ и сладкихъ пирожковъ; горѣли свѣчи и курились тонкія курительныя палочки. Стѣны кумирни были раз-

рисованы картинами всевозможныхъ казней; тутъ вѣшали, рубили головы, пилили людей на полосы и т. д. Передъ входомъ въ святилище стояла жаровня съ углями, въ которой богомольцы сжигали какіе-то листы цвѣтной бумаги съ іероглифами. Съ утра уже богомольцы стали приходить въ кумирню, чтобы сдѣлать земной поклонъ передъ бурханомъ и положить ему какую нибудь съѣдобную жертву.

Кромѣ бумажныхъ листовъ для сжиганія, нѣкоторые поклонники приносили пачку ракетокъ и въ то время, какъ жертвователь падалъ ницъ передъ бурханомъ, какой-нибудь уличный монголъ или китаецъ на дворѣ кумирни устраивалъ ракетную пальбу.

Понемногу пространство между кумирней и сценой наполнилось толпой стоящихъ зрителей. Тутъ рядомъ стояли китайцы всякихъ состояній и возрастовъ: старички, одѣтые попроще да потолще, въ мѣховыхъ шапочкахъ съ придатками на лобъ и виски, не приподнятыми, какъ у молодыхъ франтовъ, кверху, а опущенными и плотно прилегающими къ старческому лицу, густо покрытому морщинами, какъ лицо какой-нибудь макаки; щеголеватые приказчики изъ богатыхъ торговыхъ домовъ съ гладкими лоснящимися лицами, съ косами, удлиненными до пятъ съ помощью чернаго шелка, съ серебряными брелоками при огнивѣ, выпущенными изъ подъ шелковой курмы; грязные, вшивые пропойцы, курители опіума, опрятные кашгарскіе сарты въ своихъ ярко пестрыхъ шубахъ и вышитыхъ тюбитейкахъ, нашъ слуга Сіербай въ киргизскомъ ушастомъ малахаѣ, монголы въ нагольныхъ шубахъ, прокопченныхъ дымомъ аргала (кизяка); наконецъ, нѣсколько русскихъ полушубковъ. Этнографическая пестрота театральной публики указывала, что городъ стоитъ на границѣ великихъ народностей. И все это смѣшивалось самымъ демократическимъ образомъ: старый управляющій Аржановской компаніей стоялъ рядомъ съ монголомъ скотопригономъ, вонючая шуба монгольскаго кавалериста—рядомъ съ пропитаннымъ сюмбулемъ бешметомъ сарта.

Въ этой публикѣ было видно также много монголокъ; онѣ отличались своими богатыми нарядами; халаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, красные, синіе, лиловые, были выложены по подолу широкими цвѣтными лентами; голова и грудь каждой красавицы были обильно увѣшаны серебряными украшеніями. Особенно оригинальны украшенія въ видѣ образа въ серебряной рамѣ или кіотѣ, который виситъ на груди на массивной серебряной цѣпи; самый образъ бурхана невеликъ, въ вершокъ, рѣдко въ два, но рама очень массивна. Десятокъ монголокъ, стоящихъ фронтомъ около стѣнки, были точь

въ точь иконостасъ буддійскаго монастыря. Цѣпь, на которой виситъ образъ, идетъ по спинѣ въ видѣ помочей и оканчивается у пояса цѣлой кистью изъ разныхъ подвѣсокъ. Другая цѣпь пристегивается къ пуговицѣ халата; на ней также виситъ цѣлый арсеналъ серебряныхъ и даже золотыхъ орудій: тутъ уховертка, щипчики для волосъ, крючекъ для чистки курительной трубки. Эти монгольскія красавицы очень весело болтали, покуривая свои трубочки; кончивъ курить, онѣ выколачивали пепелъ о каблукъ, какъ это дѣлаютъ мущины, и засовывали трубки за голенища.

Въ боковыхъ ложахъ, или, лучше, комнатахъ боковыхъ флигелей, изъ оконъ которыхъ рамы на время представленій были вынуты, виднѣлись группы состоятельныхъ или чиновныхъ китайцевъ, которые, кажется, были заняты больше ѣдой и разговорами, чѣмъ представленіемъ на сценѣ. Въ одной изъ ложъ я видѣла богатую монголку съ ребенкомъ на рукахъ и въ глубинѣ ложи китайца, должно быть изъ чиновныхъ. Здѣсь такой обычай: китайцы не имѣютъ права по закону привозить съ собой изъ застѣннаго Китая своихъ женъ, обзаводятся временными женами, или содержанками изъ монголокъ, и приживаютъ съ ними дѣтей. Оставляя край и возвращаясь на родину, китаецъ покидаетъ свою жену и своихъ дѣтей, по большей части, навсегда. Говорятъ, впрочемъ, что китайцы всегда стараются обезпечить свою жену и дѣтей, выдѣливъ ей изъ нажитаго достатка порядочную долю. Въ Хобдо въ наше время было много такихъ оставленныхъ женъ, которыя, овдовѣвъ такимъ образомъ, все-таки, имѣли настолько достатка, что жили въ китайскихъ фанзахъ и держали прислугу, словомъ, жили, не нуждаясь.

На этотъ разъ на сценѣ играли какую-то героическую піесу. Среди сцены на креслѣ сидѣлъ актеръ въ желтомъ шелковомъ халатѣ, порядочно-таки пообтрепанномъ; на головѣ, вмѣсто короны, была надѣта повязка изъ лакированныхъ дощечекъ съ рисунками, распущенныхъ вѣеромъ, какъ карты въ рукѣ игрока. Другое дѣйствующее лицо, также изображавшее старика, было одѣто въ бѣдное черное платье; старикъ, повидимому, изображалъ уличнаго разносчика, — онъ носилъ на плечѣ коромысло съ подвѣшеннымъ на обоихъ концахъ старымъ платьемъ. Очевидно, это былъ комическій актеръ; лицо его было измазано бѣлой краской; публика хохотала почти при каждомъ его словѣ. Затѣмъ на сценѣ появилась дѣвица, одѣтая и причесанная очень кокетливо; въ волосахъ ея торчалъ малиновый султанчикъ и дрожалъ при каждомъ движеніи. Смотря на бѣлое румяное лицо, а главное на граціозныя, женственныя позы, мы едва могли узнать въ этой

милой особѣ одного изъ китайскихъ солдатъ, котораго не дальше, какъ утромъ, мы видѣли въ его дабовой шубѣ, приходившимъ въ русскую лавку что-то покупать. Впрочемъ, когда онъ повернулся къ публикѣ задомъ, предательская шуба показалась изъ-подъ дѣвичьей курмы. На сценѣ появились, очевидно, отецъ и мать дѣвицы, а также младшіе братъ и сестра. Костюмы, по возможности, сообразовались съ ролями, только мать оказалась съ большими черными усами. Часто разговоры дѣйствующихъ лицъ прерывались длинными аріями и дуэтами; для насъ, не понимающихъ ни слова, эти аріи казались безконечно длинными. Бытовыя сцены смѣнялись чѣмъ-то въ родѣ балета, гдѣ всѣ участвующіе были въ маскахъ и фантастическихъ костюмахъ. Гримировка китайцевъ до крайности груба, но въ то же время не лишена характерности; очевидно, что она выработана продолжительнымъ изученіемъ эффектовъ красокъ и линій. Нѣсколько мазковъ кисти по лицу черной или бѣлой краской, искусно расположенныхъ, значительно усиливаютъ типичность лица. То красная краска каррикатурно увеличитъ ротъ, то бѣлая вертикальная черта поперекъ глаза сдѣлаетъ его миганье болѣе замѣтнымъ, и этимъ достигается какой-нибудь особый эффектъ. Декорацій въ хобдинскомъ театрѣ вовсе нѣтъ. Только однажды, когда нужно было одному дѣйствующему лицу сказать какую-то рѣчь съ городской стѣны, на сцену въ нужную минуту внесли занавѣсъ и растянули его ребромъ къ публикѣ; на занавѣсѣ оказалась нарисованная городская стѣна, позади занавѣса поставили столъ, а на него табуретъ; актеръ залѣзъ на табуретъ, и такимъ образомъ одна половина зрителей имѣла удовольствіе видѣть человѣка, стоящаго на городской стѣнѣ, другая же часть зрителей видѣла просто стоявшаго на табуретѣ актера.

Музыканты въ китайскомъ театрѣ помѣщаются на той же сценѣ, гдѣ играютъ актеры, только они сидятъ сбоку.

Музыка и театръ невысоко стоятъ у китайцевъ, если судить по тѣмъ образчикамъ, какіе были передъ нами. Впрочемъ, намъ нельзя сравнить ихъ театръ съ нашимъ;—у нихъ это чисто народное удовольствіе; между актерами мы узнавали знакомыхъ купцовъ, солдатъ и чиновниковъ. Музыка не нравилась намъ; едва-едва прорвется мотивъ, сколько-нибудь пріятный на нашъ вкусъ. Преобладающій инструментъ—скрипки, но самаго грубаго устройства; есть трубы, флейты, тарелки, барабаны и просто палочки и дощечки, въ которыя ударяютъ въ тактъ. Китайская скрипка имѣетъ такой жалкій голосокъ, едва погромче осинаго, такъ что другой большой шмель заглушитъ ее. И рядомъ съ этими-то пискунами усердствуетъ другая по-

ловина оркестра, которая по своей немузыкальности можетъ быть поставлена рядомъ только съ тѣми трещотками, съ какими въ нашихъ уѣздныхъ городахъ ходятъ ночные сторожа. Точно также не нравилось намъ и китайское пѣніе. Въ немъ много реальныхъ звуковъ—плачъ матери навзрыдъ надъ убитымъ ея ребенкомъ, крики отчаянія или боли и т. п., но полнѣйшее отсутствіе мелодіи, изъ которой одной состоятъ пѣсни иныхъ дикихъ кочевыхъ племенъ. Говорятъ, что театральное пѣніе въ Китаѣ есть пѣніе ученое и считается высшимъ родомъ музыки, но что, кромѣ того, есть народные мотивы, распѣваемые въ деревенскихъ захолустьяхъ и пріятные для европейскаго уха, но не уважаемые китайскими просвѣщенными классами. Намъ этихъ деревенскихъ пѣсенъ, къ сожалѣнію, нигдѣ не удалось слышать; въ Хобдо всѣ солдаты не напѣвали другихъ мотивовъ, кромѣ „ши“, т. е. кромѣ сценическихъ.

На другой день статуя Чон-гуэ была перенесена въ юго-западную кумирню; это совершилось съ большой торжественностью для такого маленькаго городка, какъ Хобдо. Утромъ, на разсвѣтѣ, мы были разбужены ударами большихъ мѣдныхъ тарелокъ, возвѣщавшихъ городскимъ жителямъ о началѣ торжественнаго дня. Но до десяти часовъ утра особеннаго ничего не происходило. Въ десять часовъ отъ восточной кумирни показалась процессія. Впереди бѣжали мальчуганы, одѣтые въ шутовскіе, длинные не по возрасту кафтаны. Мальчуганы несли знамена, на которыхъ были нарисованы драконы. Эта веселая компанія, забѣжавши съ знаменами впередъ, садилась среди улицы на корточки и поджидала остальную процессію. За знаменами шли китайцы и монголы съ большими деревянными колодками на шеяхъ, какія надѣваются за преступленія; по объясненію нашихъ знакомыхъ, это былъ добровольный подвигъ умерщвленія плоти. Далѣе слѣдовали два китайца, одѣтые въ маскарадный костюмъ зеленаго цвѣта, съ ажурными металлическими шлемами на головахъ. Они вели двухъ коней подъ красивыми сѣдлами, обитыми атласомъ. За лошадьми шли музыканты, уже видѣнные нами въ театрѣ. Далѣе, окруженныя толпой народа, двигались большія красныя носилки. Спереди онѣ были открыты, и отсюда было видно сидящаго въ нихъ наряднаго Чон-гуэ. Съ боку носилокъ, поддерживая ихъ одной рукой, шелъ дряхлый, кривой старикъ въ чиновничьей шапкѣ. Это былъ городской палачъ, какъ кажется, главный служитель кроваваго бога Чон-гуэ. Обошедши по улицамъ Хобдо, процессія прошла въ южную кумирню; передъ входомъ въ часовню, бурхана съ его креслами сняли съ носилокъ и помѣстили въ главную нишу. Какой-то человѣкъ съ

лицомъ, покрытымъ бронзовой краской, въ необыкновенномъ костюмѣ, и за нимъ палачъ что-то провозгласили народу, послѣ чего началось поклоненіе. Прежде всего подошелъ чиновникъ въ шапкѣ съ шарикомъ и перомъ,— единственный представитель полицейской власти, всталъ на колѣни передъ жертвеннымъ столомъ, приложилъ обѣ руки, сложенныя ладонями вмѣстѣ, ко лбу и поклонился до земли. За нимъ продѣлалъ то же самое и остальной народъ, входя въ кумирню по одному. Въ этотъ день опять были театральныя представленія, а вечеромъ повторялись поклоненія богомольцевъ въ кумирняхъ. Съ четырехъ часовъ вечера началось оживленіе на улицахъ; у лавокъ и въ воротахъ домовъ развѣшивались цвѣтные фонари. Народъ шелъ въ кумирню Хыжянь-э, куда утромъ была отнесена статуя Чон-гуэ, или Эрли-хана. Передъ бурханомъ горѣли или курились свѣчи, приходящіе сожигали душистую бумагу; какой-то старикъ ударялъ время отъ времени въ мѣдную чашу. Звуки эти, вѣроятно, предназначались къ тому, чтобы настроить публику къ набожности, что не мѣшало тому же самому звонарю отпускать какія-то шутки, отъ которыхъ публика разражалась хохотомъ. Почтенія къ священному мѣсту не сказывалось и въ томъ, что всѣ курили трубки и входили раскуривать ихъ въ кумирню къ свѣчамъ, горящимъ въ алтарѣ. Между тѣмъ, повидимому, такое поведеніе и свободное обращеніе съ божествомъ не исключало возможности быстраго перехода къ набожному настроенію китайской толпы, продолжающей жить въ состояніи дѣтской религіозности.

Въ сумерки появились опять носилки, мальчики снова надѣли свой церемоніальный костюмъ, разобрали знамена, фонари и зонты; палачъ, вставъ у бурхана сбоку, проговорилъ громкимъ голосомъ какую-то рѣчь или молитву, почему-то принятую присутствующими со смѣхомъ; опять явился чиновникъ, совершилъ первый поклонъ, за нимъ поклонились другіе, послѣ чего бурхана вынесли и поставили на носилки. Музыка заиграла и процессія тронулась, освѣщаемая разноцвѣтными фонарями. Въ улицу процессія вошла при оглушительномъ трескѣ ракетокъ. Въ окнахъ лавокъ и въ воротахъ зажиточныхъ домовъ стояли столики съ различными чашечками съ ѣдой и печеньями, съ горящими свѣчами, съ курительными палочками и фонарями. Особенно набожные во время приближенія процессіи становились на колѣни и бросали по направленію божества зерна и капли воды. Слѣдуя за божествомъ, мы прошли, между прочимъ, мимо дома нашего знакомаго дрогиста Сунъ-тэнъ-сы, и я видѣла, какъ онъ съ сосредоточеннымъ видомъ творилъ земные поклоны. У каждаго богатаго дома

былъ приготовленъ зарядъ *бу*, или ракетокъ, и какъ только процессія приближалась, раздавался взрывъ и пальба, толпа бросалась въ сторону, а мальчишки спѣшили на мѣста взрыва подбирать ракетки, упавшія на землю неразорванными, чтобы потомъ имѣть удовольствіе устроить свой собственный фейерверкъ. Шумъ и веселый смѣхъ провожали шествующаго бога казней и смерти. Дойдя до нашего дома, мы оставили процессію и вернулись къ себѣ. Долго еще послѣ того къ намъ въ комнату доносилась ракетная пальба и музыка, потому что день этотъ закончился парадным ужиномъ у амбаня.

Этимъ кончились чествованія Эрли-хана, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончились и театральныя представленія.

Рис. 24.

Слѣдующее празднество, справленное китайцами при насъ, былъ Новый годъ. Монголы называютъ этотъ праздникъ *Цаганъ-саръ*, „бѣлый мѣсяцъ“. Еще за цѣлую недѣлю началась уборка комнатъ и дворовъ. Надъ фанзами нашихъ сосѣдей были выставлены маленькіе бѣлые бумажные флаги; въ фанзахъ оклеивали стѣны или, по крайней мѣрѣ, окна новой бумагой. Домашній скарбъ выносился на дворы и здѣсь выколачивался и перетряхивался. Затѣмъ началась стряпня. Пекли мантху, разные сладкіе пирожки и печенья. Крошили лапшу, очевидно, про запасъ. Нашъ сосѣдъ Шилеу-лю устроилъ на дворѣ очагъ, на которомъ грѣли воду; отъ сосѣдей принесли корыто съ желобомъ для стока воды. Сіербай, увидавъ эти приготовленія, пришелъ намъ сообщить, что китайцы собираются „чушка мыть!“ Приготовлялись зарѣзать и ошпарить свинью, необходимую принадлежность стряпни на новый годъ. Колоть пригласили мясника; по словамъ знатоковъ, онъ мастерски сдѣлалъ свое дѣло. Чтобы обварить тушу, ее положили въ корыто, такъ что вода изъ желоба опять попадала въ кипящій котелъ. Щетину скоблили особымъ, назначеннымъ для этой цѣли, скребкомъ. Вся уборка скотины съ очисткой внутренностей заняла не болѣе двухъ часовъ.

Наканунѣ праздника, 29-го января по нашему стилю, на дворахъ богатыхъ людей были выстроены павильоны, убранные цвѣтной матеріей и бумагой, ворота украсились фонарями, а на столбахъ, дверяхъ и ставняхъ, закрывающихъ лавки, были наклеены листы красной бумажки, вѣроятно, съ мудрыми изреченіями изъ классическихъ книгъ; кромѣ того, появился еще лоскутокъ желтой бумаги, развѣвавшійся надъ верхнимъ косякомъ нашей двери, и зеленая бумага на кровлѣ. Вѣроятно, все это имѣло какое-нибудь значеніе; мы не понимали ничего, но я въ глубинѣ души была очень довольна этими знаками вниманія. Появились эти этикеты совершенно сюрпризомъ, вѣроятно, ночью, такъ что мы не знали, къ кому отнести эту любезность — къ хозяину ли, старику Кы-хао-чы, или къ семейству Шилеу-лю.

Кы-хао-чы подарилъ намъ также картинку, гдѣ въ три этажа изображались похожденія какого-то молодаго человѣка, а его братъ Пату принесъ намъ коробку кондитерскаго печенья въ родѣ бисквитныхъ, которыя въ Хобдо привозятъ изъ Хуху-хото, и, кромѣ того, произведенія своего поварскаго искусства — самые разнообразные и очень вкусные пирожки.

На улицахъ чувствуется праздникъ. Изъ лавокъ идутъ съ закупками; одинъ несетъ рыбу съ наклеенными на спинѣ бумажками, другой—свѣчи, окрашенныя въ розовый цвѣтъ; старики-повара тащутъ кочни капусты и другой зелени. Не достаетъ на улицахъ только женщинъ и слишкомъ мало дѣтей для окончательнаго оживленія города.

Къ вечеру начались на всѣхъ дворахъ дальнѣйшія приготовленія. У Шилеу-лю вынесли на дворъ столъ, поставили его къ стѣнѣ около дверей въ ихъ квартиру и убрали его цвѣтной бумагой, причемъ большую роль играли лодочки, сдѣланныя изъ золотой и серебряной бумаги, похожія на золотыя и серебряныя *ямбы*, слитки золота и серебра, употребляемые въ торговлѣ; эти бумажныя лодочки, по словамъ Ляйшидзы, средняго сына Хуа-Хуа, украшавшаго столъ, должны были быть приняты китайскими божествами за пожертвованныя имъ настоящія металлическія ямбы. На столъ положили жертвеннаго барана, цѣлаго, съ рогами и ногами, только безъ шкуры; ради красы, онъ былъ покрытъ сѣткой изъ пунцовой бумаги; кругомъ него были разложены всевозможныя печенья или сушеные фрукты. Въ Хобдо къ этому празднику привозятъ изъ Хуху-хото или Гучена мороженый виноградъ, ранеты и яблоки. Надъ столомъ было два фонаря, повѣшенные на кровлѣ дома.

На другихъ дворахъ такіе столы съ жертвоприношеніями были по-

ставлены въ особо устроенныхъ посреди двора павильонахъ. Въ глубинѣ павильона ставится доска или скрижаль, покрытая надписями. У Шилеу-лю, вмѣсто доски, былъ просто листъ бумаги, приклеенный на стѣну дома. Ляйшидзы сказалъ мнѣ по-монгольски, что это—бурханъ.

Главная улица къ вечеру была вся увѣшана самыми разнообразными фонарями; у воротъ каждаго дома было ихъ по два и больше; въ другой узкой улицѣ черезъ дорогу были протянуты веревки, сплошь увѣшанныя бумажными разноцвѣтными флагами. На дорогѣ, противъ каждаго дома, былъ сложенъ небольшой костеръ; дрова большею частью раскладывались не просто на землѣ, а въ желѣзныхъ котлахъ. Поверхъ дровъ на кострахъ лежала желтая бумага, приготовленная къ сожженію въ урочный часъ. Нашъ домовладѣлецъ Кы-хао-чы устроилъ свой костеръ не на улицѣ, а въ глубинѣ двора, противъ своей квартиры. Старики не устроивали себѣ жертвеннаго стола; по крайней мѣрѣ, на дворѣ возлѣ дверей ихъ такого стола не было. Вѣроятно, они были не на столько богаты, чтобы допустить себѣ эту роскошь. Когда смерклось, Кы-хао-чы вынесъ на дворъ двѣ зажженныя курительныя палочки и безъ дальнихъ околичностей воткнулъ ихъ въ мусорную кучу среди двора. Можетъ быть, въ этомъ заключалась и вся его дань богамъ.

Дѣти, похаживая около столовъ и любуясь на вывѣшенные фонари, не могли дождаться вечерняго джина. Въ сумерки всѣ уже были одѣты въ новое платье; работы всѣ были окончены; Кын-шыцо, маленькій сынишка Шилеу-лю, въ новомъ халатѣ и голубой атласной шапочкѣ, былъ такъ нетерпѣливъ, что даже насъ спрашивалъ: „нѣтъ ли уже джина?“ Наконецъ, въ крѣпости выпалили изъ пушки, возвѣщая вечерній джинъ; по улицамъ прошелъ сторожъ, ударяя въ огромныя мѣдныя тарелки; вездѣ зажгли фонари. Главная иллюминація и костры должны были, однако, запылать только въ два часа ночи.

Вслѣдъ за ударами джина семья и домочадцы Шилеу-лю вышли на дворъ и преклонили колѣни передъ бараномъ,—говорю такъ потому, что за украшеннымъ бараномъ скромнаго бумажнаго бурхана совсѣмъ не было видно. Послѣ въ ихъ квартирѣ все время слышался смѣхъ и говоръ; мнѣ казалось, что шла какая-то игра въ родѣ нашихъ фантовъ. По временамъ произносились какъ будто тосты. Въ другихъ домахъ слышалась музыка.

10-го февраля у китайцевъ опять начались театральныя представленія, на этотъ разъ въ кумирнѣ Лаодзы, въ сѣверной крѣпости. Теперь, благодаря Шичинго, старшему сыну Шилеу-лю, приходившему къ намъ ча-

сто по вечерамъ и иногда сообщавшему содержаніе видѣнныхъ нами піесъ, мы могли съ большимъ интересомъ ходить въ театръ.

Въ первый день въ кумирнѣ шли піесы, гдѣ дѣйствующими лицами были древніе цари, герои и божества; игра напыщенная, никто изъ актеровъ спроста не скажетъ слова и не сдѣлаетъ шага, всѣ утрируютъ. Намъ скоро надоѣло смотрѣть на это совершенно непонятное представленіе, въ которомъ музыка вдобавокъ напоминала настройку инструментовъ.

На другой день мы попали на жанровую піесу, благодаря Шичинго, который наканунѣ извѣстилъ насъ, что пойдетъ интересная вещь; росписаніе піесъ, назначенныхъ къ игрѣ, составляемое самимъ амбанемъ, бываетъ наклеено на всѣхъ углахъ улицъ, но намъ эти афиши, конечно, были непонятны. Шичинго сказалъ, что *этотъ день*—главный день праздника; въ этотъ день надлежитъ вымыться и идти въ кумирню на поклоненіе (по словамъ г. Васильева, у китайцевъ даже въ календаряхъ указаны дни, въ какіе слѣдуетъ мыться).

По дорогѣ въ кумирню поставлены были вѣхи съ красными фонариками для вечерней иллюминаціи. Не доходя театра, мы встрѣтили экипажъ, ѣдущій за женой амбаня,—двухъ-колесная синяя карета, запряженная муломъ; кучеръ велъ мула подъ уздцы, а впереди ѣхалъ верхомъ чиновникъ. Черезъ полчаса супруга амбаня появилась въ ложѣ съ другой знатной дамой, женой игалдана, въ вѣдѣніи котораго, если не ошибаюсь, находятся монголы. Обѣ дамы были съ открытыми головами въ искусственныхъ цвѣтахъ и съ шелковыми помпонами въ волосахъ. На нихъ были надѣты шелковыя яркихъ цвѣтовъ кофты, ихъ прекрасныя лица могли также считаться принадлежностью туалета: до такой степени отъ бѣлилъ и румянъ они утратили всякую натуральность. Дамы сидѣли рядомъ и, повидимому, очень дружески бесѣдовали между собой. Въ глубинѣ ложи виднѣлось еще нѣсколько женскихъ головъ, а передъ ложей снаружи стояло двое хорошо одѣтыхъ дѣтей, дѣвочка лѣтъ десяти и мальчикъ поменьше; у нихъ въ волосахъ тоже были цвѣты; дѣвочка ходила, уже переваливаясь на изуродованныхъ ножкахъ. Дѣти эти подавали огонь амбанямъ, сидѣвшимъ въ сосѣдней ложѣ, когда тѣ закуривали трубки.

На сценѣ шла въ это время драма: „Санъ-чанъ-салу“. т. е. „убійца Санъ-чанъ“. Къ драмѣ примѣшивалось много и комическаго элемента. Главныя дѣйствующія лица—мужъ и его модная капризная жена, выданная за него по неволѣ и любящая другаго. На сценѣ любезности мужа отвергались съ очевиднымъ презрѣніемъ; наступившая ночь прошла въ томъ, что

жена пѣла жалобную арію въ то время, какъ мужъ спалъ и съ громкими зѣвками просыпался только при звукахъ каждаго джина, которыхъ, кстати сказать, бываетъ нѣсколько. Когда просыпался мужъ, жена притворялась спящей. Надо прибавить, что спали они, сидя въ креслахъ. На сцену появлялась также теща, роль которой игралъ кто-то очень искусно. Появилась она, напѣвая дѣтскую пѣсенку. Лицо ея было вымазано бѣлымъ, кажется, съ цѣлью указать на ея хозяйственныя занятія по кухнѣ и на возню съ мукой. Мать упрашивала о чемъ-то дочку, причемъ становилась передъ ней на колѣни. Въ слѣдующій выходъ на сцену теща выплеснула помои изъ полоскательной чашки, которую несла въ рукахъ, и какъ будто нечаянно попала въ лицо какому-то новому персонажу. Этотъ фарсъ былъ сыгранъ мастерски и возбудилъ, разумѣется, взрывъ хохота. Новое лицо въ піесѣ было совершенно непонятно для насъ; вѣроятно, это былъ шутъ; лицо его было перепачкано краской, на головѣ красный колпачекъ, которымъ онъ былъ очень занятъ; въ перебранкѣ за выплеснутые помои онъ, повидимому, смѣшилъ публику, претендуя больше за испорченную шапку, чѣмъ за пострадавшее лицо. Коса его была гдѣ-то запрятана, а усы, молодцовато закрученные кверху, а также чрезвычайно живая мимика и жестикуляція,—дѣлали его скорѣе похожимъ на поляка или француза, чѣмъ на китайца. Во время сна молодыхъ онъ, очевидно, успѣваетъ обмануть тещу и подбросить какой-то предметъ на столъ жены. Мужъ просыпается, изображаетъ живѣйшее безпокойство, приявъ незнакомую ему фигуру за вора, и, не успѣвъ надѣть верхняго платья, бросается вслѣдъ за убѣгающимъ авантюристомъ. Черезъ минуту онъ снова появляется на сценѣ съ признаками страха и отчаянія, ищетъ что-то по всей комнатѣ, ползая на колѣняхъ и перетряхивая каждый попавшійся предметъ. Жена, проснувшаяся въ то время, какъ мужъ убѣгалъ за мнимымъ воромъ, подняла съ полу письмо и спрятала его. Затѣмъ она надѣла фартукъ, что для насъ, зрителей, должно было означать, что она взялась за хозяйство. Возвратившійся мужъ пристаетъ къ ней съ вопросами, грозитъ ей. Она не отдаетъ письма. Онъ на нее наступаетъ, грозитъ; она защищается. Тогда мужъ начинаетъ упрашивать ее, становится передъ нею на колѣни, но ничто не помогаетъ. Мужъ садится за столъ и пишетъ, причемъ содержаніе письма поетъ, что значительно удлиняетъ переписку. Потомъ опять ссора; мужъ бросается на жену, и дѣло кончается убійствомъ. При этомъ лицо убійцы мгновенно покрывается кусочками красной бумаги, ловко наклеенными въ минуту совершенія преступленія. На крикъ жертвы вбѣгаетъ мать, но

убійца успѣваетъ убѣжать со сцены. Убитая тоже проворно встаетъ и скрывается въ дверяхъ. На опустѣлой сценѣ снова появляется старикъ въ красной шапочкѣ и за нимъ полицейскій, который его догоняетъ, надѣваетъ ему веревку на шею и уводитъ.

Публика очень довольна такими сценами и слушаетъ ихъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ піесы съ царями. Всѣ стараются встать такъ, чтобы было виднѣе; дѣти взлѣзали на небольшія тополевыя деревца, растущія на дворѣ кумирни, а записные любители забрались даже на сцену къ музыкантамъ; это были преимущественно откормленные, розовые, съ маленькими припухлыми глазками, молодые купеческіе сынки.

Содержаніе разсказанной піесы помогъ мнѣ понять Шичинго, пересказавъ ея содержаніе по-монгольски, когда, по возвращеніи изъ театра, зашелъ въ нашу фанзу. Но когда, во время его разсказа, вошелъ къ намъ старый Кы-хао-чы, Шичинго замолчалъ на полусловѣ и сказалъ послѣ, что разсказывать „ши“, т. е. піесу, иностранцу считается преступленіемъ; „ши“ будто бы священная вещь. Выдумалъ онъ это или нѣтъ, — не знаю. Если не выдумалъ, то весьма странно совмѣстить — священная вещь и въ то же время шутовскія выходки, арлекинада, мѣстами даже попытки поканканировать, что всегда вызываетъ дружный сочувственный смѣхъ зрителей. Даже піесы съ царями и богами не лишены площадныхъ фарсовъ. Нахохотались надъ этими фарсами, надоѣло смотрѣть комедію, идутъ въ кумирню и преклоняютъ колѣни передъ бронзово-лицымъ Лаодзы. Ради праздника, бурханъ былъ облеченъ въ новый халатъ изъ великолѣпнаго зеленаго атласа; передъ нимъ стоялъ жертвенный баранъ, курилось много курительныхъ свѣчъ и горѣли двѣ красныя восковыя.

Кромѣ того, мы были еще на одномъ спектаклѣ. На этотъ разъ костюмы были еше великолѣпнѣе, но піеса еще непонятнѣе. Только и осталось въ памяти, что лицо главнаго трагика было сплошь разрисовано черной и красной краской. Съ головы его на спину спускались два ирбисовыхъ хвоста, а на темени были укрѣплены два необыкновенно длинныя пера изъ хвоста золотистаго фазана, красиво колыхавшіяся въ воздухѣ. Высокую трагедію опять смѣнилъ водевиль, гдѣ появлялись два оборванныхъ старика и затѣмъ волшебникъ съ совершенно чернымъ лицомъ. Между явленіями одинъ изъ актеровъ разъ или два прокатился колесомъ по сценѣ. Партеръ, т. е. публика, стоящая на дворѣ, осталась этимъ очень довольна; дамамъ же, сидящимъ въ ложахъ, въ это время подавали завтракъ, и онѣ сидѣли спиной къ сценѣ.

Не довольствуясь постоянными театрами при кумирняхъ, китайцы устроили въ эту зиму еще театральные подмостки среди города, на главномъ перекресткѣ. Матеріаломъ для этого временнаго балагана послужило нѣсколько досокъ, шестовъ, цыновокъ и, главнымъ образомъ, разноцвѣтная даба; потолокъ сшитъ изъ бѣлыхъ и синихъ квадратовъ дабы, а сцена окружена сѣткой, сплетенной изъ разноцвѣтныхъ полотнищъ, гдѣ слѣдуетъ, съ бантами и драпировками. Это сооруженіе дѣлало большую честь вкусу и искусству хобдинскихъ солдатъ, строившихъ его. Сцена открытой стороной обращена на сѣверъ; противъ нея, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, была устроена небольшая копія кумирни, обращенная дверью къ театральному балагану; это былъ шалашъ изъ бумажной матеріи, въ немъ столъ съ небольшой доской съ іероглифами и передъ ними курительныя палочки. На сценѣ шли представленія во время монгольскаго праздника въ честь бога Майдура.

Входъ въ ходбинскіе театры безплатный; платится, кажется, только за ложи. Актеры—добровольцы изъ мѣстныхъ жителей; расходы на ремонтъ, костюмы и бутафорскія вещи, которыя сдѣланы прежде и хранятся при кумирняхъ, а также на чай и угощеніе во время представленій, дѣлаются на постоянный сборъ съ домовладѣльцевъ, такъ что мы могли себя считать участниками въ этомъ налогѣ черезъ ту плату за квартиру, которую мы отдавали нашему Кы-хао-чы. Разъ, кажется, актеры ходили по городу толпой и собирали съ жителей особыя подаянія; не знаю, былъ ли это единовременный сборъ на постройку временнаго театральнаго балагана къ празднику Майдура, или этотъ сборъ дѣлался въ пользу актеровъ и послѣ представленій въ постоянныхъ театрахъ при кумирняхъ. Во время самыхъ представленій богатые люди также подаютъ на сцену кирпичи чая, куски матеріи и т. п. Представленія начинаются въ 10 часовъ и продолжаются до сумерекъ, съ перерывами не больше того, сколько нужно, чтобы выпить чашку чаю и закусить. Одна піеса смѣняется другой, и можно идти въ театръ, въ которомъ часу дня захочешь.

Хотя мы и не понимали содержанія піесъ, тѣмъ не менѣе бытовыя сцены, особенно комическія, знакомили насъ съ внѣшней стороной китайской жизни. Гдѣ бы мы увидѣли сцену, какъ семейство встрѣчаетъ воротившагося послѣ продолжительнаго отсутствія китайскаго купца, какъ на-встрѣчу ему бросается его молоденькая дочь? Или китайца, умаливающаго жену, стоя передъ ней на колѣняхъ? Или ревнивую и подозрительную китаянку, то-и-дѣло выскакивающую изъ кухни въ комнату мужа, то

съ кухоннымъ вѣничкомъ, то съ кухонной посудой, чтобы поймать невѣрнаго мужа? Жаль только, что внѣшняя обстановка піесъ не совсѣмъ была полна. Костюмы, впрочемъ, соотвѣтствовали содержанію, и несмотря на то, что хобдинскій театръ собственно не болѣе, какъ нашъ ярмарочный балаганъ, въ историческихъ піесахъ, повидимому, относительно костюмовъ была соблюдена историческая правда. Но кулисъ не было вовсе. Когда въ одной сценѣ пришлось представить дѣвицу, посаженную въ тюрьму, послѣднюю изобразили два табурета, поставленные одинъ на другой; узница выглядывала на зрителей между ножками верхняго табурета, и это означало, что она смотритъ изъ окна тюрьмы.

Такова сценическая иллюзія китайскаго театра.

О КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Когда я задумала подѣлиться впечатлѣніями о видѣнномъ мной во время моего путешествія, я увидѣла, что наблюденія мои очень не полны, а видѣннаго много; вотъ почему, чтобы не потеряться въ массѣ этого видѣннаго, я хочу говорить здѣсь лишь о китайской женщинѣ, насколько я могла наблюдать ее. Не понимая китайскаго языка и не имѣя переводчика, говорящаго по-русски, я была вынуждена только смотрѣть на китайскую жизнь; конечно, при этомъ у меня поневолѣ являлись догадки, и не понимая рѣчи, я добавляла видѣнную жизнь своимъ воображеніемъ. Здѣсь, по возможности, я буду говорить лишь о томъ, что видѣла, и иногда сообщать тѣ свѣдѣнія, какія сообщали мнѣ миссіонеры, съ которыми я встрѣчалась въ Китаѣ.

Проѣзжая по китайскимъ городамъ, мы останавливались обыкновенно въ гостинницахъ, или, правильнѣе, на постоялыхъ дворахъ, т.-е. тамъ, гдѣ были стойла и кормъ для нашихъ животныхъ. Жизнь, которую мы тутъ видѣли, была жизнь городскаго мѣщанства, если говорить, перекладывая китайскую жизнь на наши нравы. Женщинъ я могла наблюдать также больше всего изъ этого сословія: много также видѣли мы крестьянокъ, но въ Китаѣ жизнь деревень и жизнь городовъ очень мало отличаются одна отъ другой. Меньше мнѣ приходилось наблюдать жизнь богатыхъ китайцевъ; раза три, четыре случалось бывать въ домахъ чиновниковъ разныхъ ранговъ.

Для наблюдательницы, мало знающей китайскую жизнь, казалось, что во всѣхъ этихъ классахъ общества женщины были похожи одна на другую. Главнымъ образомъ, это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что въ Китаѣ во всѣхъ классахъ женщина не получаетъ образованія: грамотныхъ

женщинъ я не встрѣчала. При этомъ и покрой платья у нихъ во всѣхъ сословіяхъ одинаковъ, — различается одежда лишь въ подробностяхъ по мѣстностямъ, да еще, можетъ быть, по обстоятельствамъ, въ которыхъ надѣвается. Матеріи обыкновенно употребляютъ одноцвѣтныя; средній классъ и крестьянство носитъ преимущественно бумажныя темносиніе матеріи, высшій классъ—шелковыя, болѣе свѣтлыя. Обыкновенно китаянки носятъ халатъ, или курму, какъ принято называть у насъ, до колѣнъ и широкіе вверху и узкіе у ногъ панталоны, завязанные у ладыжекъ лентой; бѣлые чулки и маленькіе, вышитые шелками башмаки. Въ парадныхъ случаяхъ китаянки надѣваютъ юбки: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ — косыя, съ рѣдкими у пояса складками, въ другихъ—широкія, сложенныя въ складки плиссе, и спереди и сзади имѣютъ разрѣзъ. Волосы всѣ китаянки, начиная съ уличной нищей и кончая женой градоначальника, носятъ въ шиньонахъ; правда, прическа эта разнообразится нѣсколько и иногда различается у барынь и простолюдинокъ, но и у послѣднихъ она также вычурна, неудобна и требуетъ шнурковъ, шпилекъ, различныхъ гребенокъ и фиксатуаровъ. Разницу, конечно, дѣлаетъ то, что барыни сооружаютъ свои шиньоны ежедневно, а бѣдныя женщины гораздо рѣже, богатыя употребляютъ золотыя шпильки и украшенія, а бѣдныя—мѣдь.

То же нужно сказать и относительно другой особенности китайскаго костюма, маленькихъ башмаковъ, или, лучше сказать, относительно обычая уродованія ногъ. Мы привыкли думать, что эта мода принадлежитъ лишь высшимъ классамъ, что это, такъ сказать, выставка аристократичности; между тѣмъ, всѣ китаянки уродуютъ свои ноги,—это обычай священный и ненарушимый. Есть исключенія, но онѣ зависятъ не отъ разницы общественнаго положенія. Не уродуютъ своихъ ногъ манджурки, слѣдовательно, при дворѣ, и жены старшихъ, преимущественно военныхъ сановниковъ, которые назначаются главнымъ образомъ изъ манджуръ. Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ часто можно встрѣтить женщинъ съ большими ногами, но это потому, что тамъ живетъ много манджуръ, которыхъ мы по костюму не отличаемъ отъ китайцевъ, а также и потому, что многіе природные китайцы этой провинціи женятся на манджуркахъ или монголкахъ. Не уродуютъ ногъ также въ провинціи Фокіенъ. Въ остальномъ Китаѣ ноги вездѣ уродуютъ: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ мода эта достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ; нога модницъ устанавливается въ чайную чашку, такова, по крайней мѣрѣ, ходячая похвала маленькимъ ногамъ, да и дѣйствительно, разстояніе между каблукомъ и носкомъ башмака иногда меньше дециметра.

Въ этихъ провинціяхъ мѣщанки и крестьянки, занимающіяся своею наружностью, отличаются такими же миніатюрными башмаками, какъ и барыни; въ другихъ провинціяхъ ноги стягиваютъ меньше, особенно въ горныхъ округахъ, гдѣ экипажей не существуетъ, или тамъ, гдѣ женщина участвуетъ въ полевыхъ работахъ. Стягивать ноги начинаютъ дѣвочкамъ лѣтъ трехъ, иногда позднѣе; случается, что откладываютъ это лѣтъ до семи. Процессъ этотъ очень мученителенъ для ребенка: для этого берутъ тесьму или отрѣзокъ коленкора, аршина въ два, три длиной, и забинтовываютъ ножку, оставляя конецъ большаго пальца наружи, остальные пальцы прижимаютъ къ подошвѣ; вся передняя часть ноги также притягивается этимъ бинтомъ къ пяткѣ, такъ что выемка между пяткой и концомъ ступни увеличивается. Въ это углубленіе впослѣдствіи вставляется внутренній каблукъ, замаскированный чулкомъ; на этотъ-то каблукъ и большой палецъ ноги и надѣвается башмакъ съ узкимъ носкомъ и также съ каблукомъ; такая обувь, конечно, очень неудобна при ходьбѣ, и въ тѣхъ округахъ, гдѣ женщина работаетъ, внутренняго каблука не бываетъ.

Въ Китаѣ нерѣдко приходится слышать о гибели женщинъ отъ нападенія волковъ или дикаго кабана на пашняхъ; множество гибло ихъ и попало въ плѣнъ во время дунганскаго возстанія: бѣжатъ отъ опасности китайская женщина не можетъ.

Дѣти часто болѣютъ во время связыванія ногъ, иногда по цѣлымъ днямъ оглашаютъ домъ своимъ крикомъ, но заботливые родители неутомимы; случается, что нѣжная бабушка или мать не выдержатъ и снимутъ бинтъ, но это только отсрочка; черезъ годъ, черезъ два дѣвочку опять свяжутъ, и, когда она будетъ побольше, она уже не будетъ кричать, — пойметъ, что такъ нужно. Чтобы быть красивою, нужно страдать: это не одни французы выдумали, какъ видно.

Бельгійскіе католическіе миссіонеры, проповѣдуя христіанство, требуютъ, чтобы китаянки отреклись отъ этого обычая; французскіе миссіонеры не рѣшаются идти противъ моды, и въ ихъ миссіяхъ дѣвочки подвергаются уродству. Я не могу иначе назвать эту моду: благоларя ей, всѣ китаянки горбятся при ходьбѣ, помогаютъ себѣ, балансируя руками, а если нужно идти скоро, то, не стѣсняясь, употребляютъ костыли. Страшно бываетъ видѣть, когда беременная китаянка идетъ по улицѣ или по дорогѣ, гдѣ много ѣзды. Останавливаясь, китайскія женщины всегда стараются прислониться къ стѣнѣ спиной, чтобы опираться только на каблуки, а не на носки башмаковъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ женщины

предпочитаютъ вести сидячую жизнь, что̀ отзывается на ихъ здоровьи,— онѣ безпрестанно страдаютъ головными болями.

Обычай уродовать ноги, мнѣ кажется, отражается также на всемъ китайскомъ хозяйствѣ. При малѣйшемъ достаткѣ, большинство домашнихъ занятій исполняется мужчинами, стряпаютъ почти всегда повара, или нанятые, или сами мужья; дѣтей няньчатъ тоже женщины, или мальчики; наблюдать за чистотой, мыть, чистить — у китаянки тоже нѣтъ охоты: посуда, столы, все покрывается грязью, или моется очень рѣдко и коекакъ. Хозяйственныхъ запасовъ въ домахъ не держатъ, почти все покупается въ лавкѣ и все на одинъ разъ къ обѣду; чаще все, что нужно, разнощики приносятъ на домъ.

Дѣвочки, лишенныя возможности развиться, рано засаживаются за рукодѣлье. У торговыхъ людей женщина принимаетъ большое участіе въ торговлѣ; она сидитъ въ лавкѣ за выручкой, если это гостинница или съѣстная лавка; часто женщина же сидитъ у плиты, варитъ для посѣтителей чай, раньше заготовленную лапшу, кисель, кукурузу, бобы, картофель и прочую неприхотливую уличную ѣду.

У земледѣльцевъ женщины часто участвуютъ въ полевыхъ работахъ; онѣ полютъ пашни въ продолженіи всего лѣта; жнутъ вмѣстѣ съ мужчинами и молотятъ цѣпами; всѣ полевыя работы, исключая послѣдней, онѣ производятъ, сидя или ползая по пашнѣ на колѣнкахъ. Женщины также ухаживаютъ за огородомъ и за маковыми полями, приготовляя опій, и за хлопчатниками, снимая хлопокъ.

Иногда изготовленіе топлива лежитъ также на попеченіи женщины, она собираетъ навозъ домашнихъ животныхъ и тщательно просушиваетъ его для этой цѣли. Ребятишки китайскіе также постоянно заняты собираньемъ навоза; для этого они цѣлый день бѣгаютъ по проѣзжей дорогѣ, съ корзиной въ одной рукѣ и маленькими граблями въ другой. Тамъ, гдѣ топятъ дровами или каменнымъ углемъ, навозъ собираютъ для удобренія полей. Китаянки собираютъ также на топливо всякій кустарникъ, вырывая его съ корнемъ, и всякую негодную для ѣды траву съ огородовъ и пашень. Гдѣ не нуждаются въ топливѣ, тамъ сорныя травы собираютъ на кормъ свиньямъ. Вслѣдствіе этого часто китайскій ландшафтъ лишенъ зелени, исключая той, которая посажена или посѣяна человѣческими руками. Правда, китайскія поля всегда превосходно обработаны и всегда содержатся въ порядкѣ, но для нашего глаза ихъ постоянная правильность, отсутствіе дикой природы производитъ впечатлѣніе скуки.

Въ бѣдныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, гдѣ не держатъ скота, гдѣ нѣтъ дажеословъ, женщина же должна молоть хлѣбъ на домашней мельницѣ; для этого она берется за приводъ, укрѣпленный въ верхнемъ жерновѣ, и ходитъ вокругъ точно такъ же, какъ это дѣлаетъ оселъ или лошадь у болѣе зажиточныхъ.

Есть деревни, гдѣ всѣ женщины занимаются какимъ-нибудь ремесломъ; намъ встрѣчались такія, гдѣ всѣ жительницы заняты были пряжей нитокъ изъ хлопчатой бумаги; прядутъ китаянки на прялкѣ. На югѣ, гдѣ разводятъ шелковичнаго червя, прядутъ шелкъ; иногда тутъ же, безъ дальнѣйшей выдѣлки, ткутъ изъ него матеріи. Такія домашняго приготовленія матеріи бываютъ обыкновенно желтаго цвѣта и очень рѣдки; дѣлаютъ изъ нихъ, повидимому, благодаря ихъ прозрачности, одни только кушаки. За ткацкимъ станкомъ рѣдко можно встрѣтить женщину: ткутъ обыкновенно мужчины. Мнѣ не приводилось видѣть, но я слыхала, что есть деревни, гдѣ всѣ жители занимаются однимъ какимъ-нибудь ремесломъ, причемъ существуетъ раздѣленіе труда; такимъ образомъ, говорятъ, приготовляютъ искусственные цвѣты: одинъ человѣкъ или въ одномъ домѣ приготовляютъ только листья, въ другомъ — лепестки, въ третьемъ цвѣты собираютъ и т. д. Искусственные цвѣты въ Китаѣ въ большомъ употребленіи: всѣ молодыя женщины, не исключая и крестьянокъ, желая принарядиться, втыкаютъ въ волосы цвѣтокъ; часто также ставятъ цвѣты передъ домашнею божницей.

Въ городахъ есть еще одинъ женскій промыселъ, — это странствующія музыкантши и пѣвицы. Китайцы этихъ женщинъ называютъ *фыньюньюжень* (искусная женщина, художница); несмотря на почетное названіе, женщины эти уваженіемъ не пользуются: про нихъ идетъ дурная слава. Мнѣ только разъ пришлось встрѣтить такихъ арфистокъ. Ихъ было пять большихъ и одна маленькая дѣвочка; послѣдняя, пользуясь привиллегіей ребенка, была очень развязна: забралась къ намъ въ комнату, ласкалась, какъ котенокъ, ко мнѣ и особенно къ моему мужу. Ненатуральная, дѣланная наивность была непріятна въ ней, но въ то же время дѣвочка возбуждала въ насъ жалость къ себѣ, и мы были съ нею ласковы. Мнѣ казалось, что она была немного тронута нашею лаской, и въ ея напускной, по приказу, ласковости проявлялось немного и истиннаго чувства. Она принесла къ намъ гитару и спѣла съ нею какую-то бравурную пѣсенку, причемъ сѣла въ очень кокетливую позу, очевидно, подражая манерамъ большихъ пѣвицъ. Арфистки пѣли на дворѣ, — мы отказались пригласить

ихъ въ свою комнату, и только послѣ предложили имъ какое-то угощеніе въ одной изъ пустыхъ комнатъ гостинницы. Ихъ музыкальные инструменты — что-то въ роды скрипки и гитары, на нихъ онѣ аккомпанируютъ себѣ, когда поютъ. Китайское пѣніе намъ не нравилось, хотя изрѣдка встрѣчаются недурные мотивы. Одѣты пѣвицы нарядно. Говорятъ, ихъ обыкновенно содержитъ какой-нибудь антрепренеръ, и выручку онѣ должны отдавать ему; часто антрепренеромъ бываетъ мужъ: въ Китаѣ можно имѣть много женъ (у одного изъ чиновниковъ города Лунь-онь-фу ихъ было девять, какъ мнѣ говорили). Иногда такіе антрепренеры покупаютъ маленькихъ дѣвочекъ у бѣдняковъ и съ дѣтства начинаютъ обучать ихъ музыкѣ, пѣнію и вообще дрессировать для своихъ цѣлей. Въ южныхъ провинціяхъ, говорятъ, для той же цѣли покупаютъ и мальчиковъ.

Жилище китайское до крайности неуютно; намъ трудно себѣ и представить, какъ женщина можетъ жить въ такихъ, доступныхъ для всѣхъ комнатахъ, гдѣ нѣтъ ни одного уголка закрытаго, нѣтъ ни перегородокъ, ни занавѣсокъ.

Домъ, сложенный изъ сырцоваго кирпича, всегда дѣлится на отдѣльныя помѣщенія, состоящія изъ двухъ комнатъ; входъ въ каждое помѣщеніе со двора; первое служитъ кухней, имѣетъ очагъ или плиту. Иногда жилище состоитъ изъ одной комнаты, рѣже изъ трехъ. Двери, соединяющія комнаты между собой, очень часто безъ затворокъ и безъ портьеръ. Въ каждой комнатѣ половина занята глинянымъ или деревяннымъ возвышеніемъ, которое называется *каномъ*, подтапливается снизу и покрывается цыновкой, кошмой или тюфякомъ. Жизнь женщины по преимуществу проходитъ на этомъ канѣ; тутъ она умывается, причесывается, одѣвается, работаетъ, обѣдаетъ и спитъ. На ночь разстилаютъ для спанья ватныя одѣяла, которыя на день складываются въ порядкѣ на томъ же канѣ. Подушки у китайцевъ до крайности неудобны; это — четырехъ-угольные валики, до жесткости набитые пескомъ, опилками или шелухой какого-нибудь зерна. Тутъ же на канѣ мать устраиваетъ постель для своего ребенка; часто для этого употребляютъ какое-нибудь старое платье; ни отдѣльныхъ тюфяковъ для дѣтей, ни люлекъ я никогда не видала. На томъ же канѣ спитъ и мужъ, а если семья велика, то и остальные члены семьи. Говорятъ, что въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, ради сбереженія мѣста, китайцы спятъ такъ: женщины ложатся головами къ стѣнѣ, а мужчины къ краямъ кана. При такихъ условіяхъ женщины спятъ, не раздѣваясь; этою привиллегіей пользуются только мужчины. Впрочемъ, наши понятія о стыд-

ливости въ Китаѣ непримѣнимы; женщина часто, не стѣсняясь, обнажаетъ грудь при мужчинахъ, или даже совсѣмъ снимаетъ кофту во время умыванья или причесыванья.

Дома богатыхъ людей устроены точно такъ же, лишь съ той разницей, что такихъ отдѣльныхъ фанзъ или помѣщеній у богатыхъ больше; въ городахъ, въ особенности въ торговыхъ кварталахъ, эти фанзы расположены обыкновенно квадратомъ вокругъ двора, причемъ домъ, выходящій на улицу, имѣетъ въ себѣ лавки, или жилье прислуги и кухню, а домъ въ глубинѣ двора—парадныя комнаты; два боковыхъ зданія представляютъ или домашнія комнаты, или чуланы. Часто такіе отдѣльные дома отдаются подъ квартиры. Если мѣсто не позволяетъ имѣть отдѣльный для этого дворъ, то сараи и конюшни занимаютъ одинъ изъ боковыхъ домовъ; они часто ничѣмъ не отличаются отъ человѣческаго жилья и, по требованію обстоятельствъ, конюшня превращается въ квартиру, а квартира—въ конюшню.

У болѣе богатыхъ людей дома помѣщаются вдали отъ торговыхъ улицъ и располагаются обыкновенно въ такомъ порядкѣ: на улицу выходитъ или глухая стѣна съ воротами, или домъ, занятый службами и прислугой, затѣмъ бываетъ второй дворъ, иногда третій; въ самомъ дальнемъ отъ улицы помѣщаются домашнія комнаты, гдѣ живетъ семья. Принимать въ домашнихъ комнатахъ при женѣ и дочеряхъ допускается китайскими приличіями только людей близкихъ, родственниковъ; мало знакомые на внутренній дворъ не проникаютъ. Такимъ образомъ, китайской барынѣ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ мало доступно, или доступно только черезъ мужа, и, главнымъ образомъ, черезъ слугъ, а у чиновныхъ барынь еще посредствомъ тѣхъ мелкихъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ у мужа, которые цѣлый день торчатъ въ домѣ своего патрона и составляютъ что-то среднее между слугами и чиновниками. Между тѣмъ женщины средняго класса, занимая одно общее съ мужемъ помѣщеніе, поневолѣ принимаютъ большее участіе въ его жизни. Занятіе хозяйствомъ заставляетъ показываться также и на улицѣ, посѣщать лавки, рынокъ. Въ домахъ знатныхъ людей всѣ покупки дѣлаются мужской прислугой, или приказчики изъ магазиновъ приносятъ свои товары на домъ, чтобы барыни могли сами сдѣлать выборъ.

Существуетъ мнѣніе, что китайцы совсѣмъ лишены религіознаго чувства: въ такомъ случаѣ, какъ объяснить,—говоритъ французскій путешественникъ Аббатъ Давидъ,—это обиліе кумирень и даже монастырей, существующихъ исключительно на частныя средства, а также то, что кумирни эти построены обыкновенно на мѣстахъ, наиболѣе живописныхъ, возбуж-

дающихъ поэтическое чувство? Религіозны-ли китайскія женщины,—я сказать не могу. Женскихъ монастырей въ Китаѣ я не видала и не слыхала объ ихъ существованіи въ настоящее время, хотя въ древности, говорятъ, ихъ было много. Кумирни женщины посѣщаютъ, повидимому, не часто; кажется, для этого назначаются въ календаряхъ особые дни; но разъ въ Тянь-дзинѣ мнѣ случилось видѣть молодую женщину или дѣвушку въ кумирнѣ Кванъ-Инъ-Пусы, молящуюся съ самымъ горячимъ чувствомъ.

Кванъ-Инъ-Пуса—женское божество—считается вообще представительницей милосердія, и въ особенности подательницей дѣтей; ей молятся также во время бѣдствій на водахъ. Жизнь Кванъ-Инъ-Пусы представляетъ цѣлый романъ, и сцены изъ этого романа чуть-ли не самый любимый сюжетъ у китайскихъ живописцевъ. Въ день нашего отъѣзда изъ Тянь-дзина, въ храмѣ Кванъ-Инъ-Пусы былъ праздникъ, и въ него стекались женщины со всей окрестности: по рѣкѣ то-и-дѣло плыли лодки, наполненныя исключительно нарядно одѣтыми женщинами; исключеніе составляли мужчины-музыканты, бывшіе на многихъ лодкахъ.

Посѣщеніе кумирень въ Китаѣ почти всегда соединено съ увеселеніями; вокругъ храмовъ часто разводятся сады и устраиваются гостинницы, часто тѣми же монахами, которые служатъ при храмахъ. Вблизи большихъ городовъ загородныя кумирни представляютъ дачныя мѣста, куда жители выѣзжаютъ пожить среди зелени, отдохнуть отъ городской тѣсноты. При кумирняхъ обыкновенно устраиваются и театры; въ городахъ—большіе, съ ложами, съ обширнымъ партеромъ, на которомъ устраиваются отдѣльныя мѣста со столами и стульями, какъ въ гостинницахъ; въ деревняхъ же и небольшихъ мѣстечкахъ театръ устроенъ проще, и только, какъ необходимое дополненіе къ кумирнѣ, выстраивается помѣщеніе для сцены, какъ разъ напротивъ зданія со статуями боговъ, какъ будто представленіе дается передъ ихъ взорами. Въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ есть постоянныя труппы актеровъ; въ другихъ мѣстахъ театральныя представленія назначаются раза два, три въ годъ, и во время ихъ по преимуществу разыгрываются пьесы изъ жизни мѣстно-чтимаго божества, а также пьесы изъ жизни народныхъ героевъ и героинь. Говорятъ, на каждое значительное историческое событіе въ краѣ можно найти драматическое представленіе; сколько я могла судить по разсказамъ, это драмы нравственно-поучительнаго содержанія. Нашъ переводчикъ, Санданджимба, былъ большой любитель театра и говорилъ, что „зрѣлище это возвышаетъ душу“. Представленія въ театрѣ обыкновенно продолжаются нѣсколько дней

и даются съ утра до ночи, и, вѣроятно, чтобы не утомить зрителей трогательными сценами, они чередуются съ грубыми бытовыми фарсами, иногда съ участіемъ клоуновъ, обыкновенно вызывающими дружный хохотъ публики. Актеры набираются иногда изъ мѣстныхъ любителей или, чаще, деревенское общество складывается и приглашаетъ странствующую труппу актеровъ. Въ деревенскихъ театрахъ для публики особыхъ помѣщеній нѣтъ, ей предоставляется размѣщаться, какъ угодно,—на дворѣ кумирни или на улицѣ, если ограды около кумирни нѣтъ; мужчины толпятся или сидятъ на принесенныхъ изъ дому скамейкахъ у авансцены, а сзади нихъ женщины смотрятъ съ телѣгъ, на которыхъ пріѣхали. Театръ въ Китаѣ—народное увеселеніе по преимуществу.

Во время праздниковъ женщины посѣщаютъ своихъ родственниковъ; особенно обязательны эти визиты въ новый годъ. Обыкновенно, молодыя женщины послѣ первыхъ дней новаго года, проведенныхъ съ мужемъ, уходятъ погостить на нѣсколько дней въ родительскій домъ. Женщины посѣщаютъ родныхъ также въ томъ случаѣ, если въ домѣ покойникъ, и участвуютъ въ похоронахъ. Въ такихъ случаяхъ являются въ домъ родственниковъ умершаго непремѣнно съ подарками; въ деревняхъ это по большей части какіе-нибудь припасы для угощенія гостей; иногда присоединяютъ къ этому и деньги. Женщины въ знакъ траура надѣваютъ на себя бѣлый халатъ, бѣлый платокъ на голову и даже бѣлые башмаки, если покойникъ близкая родня; если дальняя, то халатъ остается цвѣтной. На кладбище женщины ѣдутъ обыкновенно на телѣгѣ, и во время поѣздки считаютъ долгомъ помочь вдовѣ или дочерямъ оплакивать умершаго; плачутъ громко, съ причитаніями нараспѣвъ, но показывать плачевный видъ вовсе не обязательно, и вслѣдъ за причитаньемъ съ той же телѣгѣ до васъ доносится веселый смѣхъ и болтовня. По возвращеніи съ кладбища, у воротъ дома, гдѣ былъ покойникъ, всѣ проходятъ между двухъ костровъ, снимаютъ бѣлые халаты, умываются, и затѣмъ уже входятъ въ домъ. На время похоронной процессіи нанимаютъ музыку; часто нанимаютъ музыкантовъ и въ то время, когда еще покойникъ стоитъ въ домѣ, или чаще, у небогатыхъ во дворѣ, потому что изъ жилыхъ комнатъ гробъ выносятъ и ставятъ въ палаткѣ; музыка въ это время играетъ, повидимому, обыкновенныя пьесы: ничего печальнаго въ ней не слышно, по крайней мѣрѣ, для европейскаго слуха. Ближайшія родственницы, а также сыновья умершихъ выходятъ оплакивать своихъ покойниковъ на улицу утромъ и вечеромъ, на зарѣ, и это продолжается что-то долго, недѣли двѣ, кажется.

Свадебнаго пира въ Китаѣ мнѣ не удалось видѣть. Разъ только въ Пекинѣ случилось встрѣтить на улицѣ процессію съ музыкой, въ сопровожденіи множества нарядно одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ; говорили, что это несутъ приданое невѣсты въ домъ жениха. Всѣ вещи несутъ на виду, а такъ какъ китайцы очень любятъ все дѣлать на показъ, то образовался обычай носить въ этой процессіи не дѣйствительное приданое, а вещи, взятыя на прокатъ изъ лавокъ. Въ большихъ городахъ есть особыя лавки, дающія вещи на прокатъ—пронести въ процессіи, надѣть на одинъ разъ; попользоваться временно по уговору на какой-нибудь срокъ можно и платьемъ, и домашнею мебелью, и посудой и т. д.

Бываютъ-ли въ Китаѣ праздники, соотвѣтствующіе нашимъ крестинамъ, я не могу сказать, но день рожденія празднуется. У китайцевъ есть обычай, на нашъ взглядъ странный,—это давать числительныя имена вмѣсто собственныхъ. Можно встрѣтить человѣка съ именемъ Семьдесятъ два, Тридцать пять, Чиу-ля, Саним-у и т. п.; даются они иногда въ честь годовъ дѣдушки, бабушки или въ память какого-нибудь событія. Иногда просятъ назначить имя ребенку человѣка посторонняго; разъ съ подобною просьбой обратились къ моему мужу, когда мы стояли въ палаткахъ, недалеко отъ китайской деревни. Крестника принесли къ намъ; вмѣстѣ съ нимъ принесли курицу и блюдо забродившаго ячменя, изъ чего китайцы приготовляютъ напитокъ, замѣняющій нашъ квасъ. По совѣту нашего переводчика, мужъ мой нашелъ въ словарѣ подходящее, по его мнѣнію, слово *Лилянъ*,—сильный, и далъ его мальчику—къ большому, повидимому, удовольствію дѣдушки, приносившаго ребенка. Я слыхала также о другихъ подобныхъ случаяхъ.

Дѣтей китайцы очень любятъ, каждый мечтаетъ о продолженіи своего рода. Католическіе миссіонеры жалуются, что китайцы-католики, получающіе образованіе въ ихъ семинаріяхъ, рѣдко дѣлаются священниками, именно вслѣдствіе требованія монашескаго обѣта отъ католическихъ священниковъ. Если у китайца нѣтъ своихъ дѣтей, онъ усыновляетъ когонибудь, иногда покупая для этой цѣли ребенка у бѣдняковъ.

Обыкновенно, китаянки имѣютъ по многу дѣтей. По крайней мѣрѣ, въ деревняхъ насъ обыкновенно поражала масса ребятишекъ. Говорятъ, что китаянки часто умираютъ отъ послѣродовыхъ болѣзней. Молока у матери обыкновенно много, если только мать не голодаетъ, но въ большихъ городахъ у бѣдняковъ часто, говорятъ, его вовсе не бываетъ; ребенка въ такихъ случаяхъ выкармливаютъ мучною болтушкой.

Рядомъ съ большою любовью къ дѣтямъ, въ Китаѣ существуетъ обычай дѣтоубійства; объясняется это, конечно, трудностью добывать пропитаніе, и особенно сильно развивается этотъ обычай въ мѣстахъ густо населенныхъ. Говорятъ, что это дѣлается обыкновенно повивальною бабкой; она при рожденіи ребенка, котораго родители не желаютъ оставить въ живыхъ, льетъ на него холодную воду до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не задохнется. Убиваютъ обыкновенно дѣвочекъ. Около города Куку-Хото (или Гуй-хуа-чена по-китайски) по ночамъ часто слышенъ вой волковъ. Миссіонеръ Кейла говорилъ, что волки приходятъ къ городу подбирать выброшенные трупы дѣтей. Во многихъ городахъ Китая есть пріюты для брошенныхъ дѣтей. Многіе родители прямо отдаютъ въ эти пріюты дѣтей. Въ настоящее время христіанскія миссіи также основываютъ пріюты, но въ нихъ почти никогда не бываетъ мальчиковъ. Миссіонеры раздаютъ дѣтей на прокормленіе по деревнямъ, а когда подростутъ, берутъ ихъ въ пріютъ, гдѣ за ними ухаживаютъ китаянки-христіанки. Содержатся эти пріюты просто: дѣвочекъ пріучаютъ къ работамъ въ огородахъ и на пашняхъ и къ самымъ обыкновеннымъ рукодѣльямъ; въ нѣкоторыхъ пріютахъ учатъ китайской грамотѣ настолько, чтобы дѣти могли читать молитвенникъ въ церкви; иногда ихъ выучиваютъ пѣть въ церкви латинскія молитвы. Когда дѣвочки подростутъ, ихъ выдаютъ замужъ, и окрестные крестьяне, говорятъ, охотно женятся на пріюткахъ, считая ихъ болѣе порядочными, чѣмъ обыкновенныя крестьянскія дѣвушки, а можетъ быть потому, что миссія даетъ своимъ воспитанницамъ небольшое приданое, тогда какъ, женясь на дѣвушкѣ изъ родительскаго дома, женихъ еще самъ долженъ сдѣлать подарокъ родителямъ невѣсты.

Миссіонеры хорошо отзываются о нравственности китайскихъ женщинъ; говорятъ, что нарушеніе вѣрности замужними женщинами—большая рѣдкость, между тѣмъ какъ мужчины отличаются большою распущенностью нравовъ. Семейная жизнь китайской женщины часто бываетъ очень тяжела, и потому самоубійства между китаянками очень часты. Самостоятельная жизнь для китайской женщины немыслима, и потому жены часто отравляются послѣ смерти своихъ мужей. Въ послѣднемъ случаѣ отравленія часто, можетъ быть, совершаются не только вслѣдствіе причинъ экономическихъ, но также и потому, что китайское общество принимаетъ самоубійство вдовы съ уваженіемъ; по крайней мѣрѣ, я гдѣ-то въ европейской литературѣ о Китаѣ встрѣтила такое сообщеніе.

Вѣроятно также, что причину частыхъ самоубійствъ въ Китаѣ нуж-

но приписать привычкѣ къ куренью опіума. По словамъ миссіонеровъ, страсть эта распространяется въ Китаѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Теперь часто курятъ и женщины, и даже дѣти, дѣвочки, и начинаютъ курить все раньше и раньше. Домъ, въ которомъ мать — курильщица, мнѣ кажется, можно узнать сразу; вообще въ Китаѣ грязно, дѣти оборваны, но тамъ, гдѣ мать куритъ, все это еще въ десять разъ хуже. Курильщики, по крайней мѣрѣ, треть дня не принадлежатъ себѣ; они или томятся желаніемъ курить. дѣлаются при этомъ вялыми, многіе начинаютъ страдать разными болями, — у кого болитъ голова, у кого желудокъ, и каждый такой человѣкъ старается бросить всѣ дѣла, улечься на канъ и устроить приборъ для куренія; накурившись, человѣкъ остается съ часъ времени или болѣе въ состояніи дремоты, а нѣкоторые при этомъ крѣпко и тяжело засыпаютъ, и уже послѣ этого у нихъ наступаетъ періодъ оживленія. У иныхъ этотъ періодъ мало замѣтенъ или бываетъ непродолжителенъ, у другихъ онъ, напротивъ, напоминаетъ опьяненіе, — человѣкъ дѣлается болтливъ, веселъ, склоненъ къ пѣнію. Самое страшное въ этой привычкѣ, кажется, то, что курильщику необходимо постоянно увеличивать свою порцію и курить все чаще и чаще.

Курильщику трудно бываетъ самому поддерживать свою трубку, поправлять огонь въ лампѣ. подкладывать опіуму, равномѣрно подогрѣвать его,—вотъ почему курильщики—мужья часто требуютъ отъ своихъ женъ раскуриванья трубки и, такимъ образомъ, втягиваютъ и ихъ въ привычку курить, а матери для той же цѣли привлекаютъ къ этому своихъ дѣтей. Отъ куренія опіума развивается нервность: дѣти у матерей — курильщицъ родятся, большею частью, болѣзненныя, плаксивыя, раздражительныя, а для успокоенія ребенка ему опять даютъ опіума, внутрь. Куреніе опіума распространено больше въ тѣхъ округахъ, гдѣ сѣютъ макъ и приготовляютъ опій дома; тамъ онъ, конечно, дешевле. Свѣжій опіумъ не такъ вреденъ; особенно разрушительно дѣйствуетъ на здоровье опіумъ, получаемый изъ остатковъ въ трубкахъ; а такой, въ большинствѣ случаевъ, куритъ городской бѣднякъ.

Разъ, въ одномъ изъ китайскихъ городковъ, расположенныхъ въ Монголіи, мы зашли осмотрѣть мельницу. Въ обширномъ сараѣ, въ одномъ углу устроенъ жерновъ, вокругъ котораго ходилъ оселъ съ завязанными глазами и стоялъ хозяинъ; въ другомъ углу съ потолка было подвѣшено сито и подъ нимъ стоялъ ларь, въ который падала просѣваемая мука. Китаецъ сидѣлъ передъ ларемъ и раскачивалъ сито руками. Осмотрѣвши

это хозяйственное заведеніе, мы вошли въ другую, смежную дверь, также отворенную съ улицы; здѣсь намъ пришлось увидать семейство мельника. На нарахъ, въ этой совершенно пустой, закоптѣлой и безъ признаковъ какого-нибудь хозяйства или имущества комнатѣ, лежала женщина съ новорожденнымъ ребенкомъ. Мать, казалось, спала; ея лицо и лицо ребенка было зеленоватаго землистаго цвѣта, а у послѣдняго, сверхъ того, оно было какое-то сморщенное, точно печеное яблоко. Лохмотья, въ которыя были одѣты и мать, и ребенокъ, тоже были подъ-стать: какого-то неопредѣленнаго отъ грязи цвѣта; только и выдавались изъ всего этого маленькіе, нѣкогда пунцовые башмаки на изуродованныхъ ногахъ женщины, повидимому, никогда не снимавшіеся. Это была курильщица опіума. Бѣдность этого семейства происходила, вѣроятно, вслѣдствіе этой несчастной страсти хозяйки; въ Монголіи опіумъ часто продается на вѣсъ серебра, т.-е. золотникъ опіума продаютъ на золотникъ серебра, „и ценъ, и ценъ“ „и лянъ, и лянъ“, какъ говорятъ китайцы, одинъ ценъ, одинъ ценъ.

Не всѣ китайскія мельничихи и мельницы похожи на только-что описанную; въ моемъ дневникѣ находится описаніе другой мельницы, въ деревнѣ Сантаху, на южной окраинѣ Гоби. Мельничиха была вдова, и хозяина тутъ не было; взрослый сынъ, повидимому, игралъ совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ, за-то Шидзя-танъ (мать) была живая, энергичная старуха. Разъ, когда мы проходили по деревнѣ, она вышла къ намъ на-встрѣчу и усерднѣйшимъ образомъ приглашала насъ къ себѣ, а когда мы отказывались, она, шутя, но, тѣмъ не менѣе, очень настойчиво, взяла за плечи самаго упорнаго члена нашего общества и потащила въ ворота; пришлось уступить. Дворъ былъ большой; крѣпкія массивныя телѣги, колеса которыхъ были въ ростъ человѣка, стояли у амбаровъ; въ одномъ углу двора толстая лошадь съ завязанными глазами вертѣла жерновъ. Домъ былъ безъ роскоши, деревенскій, въ одну комнату, но свѣтлый и просторный; задняя часть комнаты, у очага, была отгорожена глиняною перегородкой и представляла сусѣкъ, насыпанный зерномъ. Кромѣ обычныхъ хозяйственныхъ вещей, въ комнатѣ стояли сновальникъ и станокъ для тканья, по устройству очень похожій на тѣ, какіе употребляютъ крестьяне въ средней Россіи; на стану ткалась шерстяная матерія для мучныхъ мѣшковъ. Дочери мельничихи сидѣли на канѣ за вышиваніемъ, а сынъ хозяйки, окруженный другими молодыми людьми деревни, зашедшими сюда посмотрѣть на насъ, досталъ съ полки календарь и съ самодовольною улыбкой показалъ намъ, что онъ умѣетъ читать. Грамотныхъ нашлось и еще

нѣсколько человѣкъ. Шидзя, все время весело болтавшая съ собравшеюся публикой, предложила намъ горячей похлебки, которая состояла изъ клочочковъ тонко раскатаннаго тѣста, сваренныхъ въ кипяткѣ и приправленныхъ лукомъ и уксусомъ, — кушанье очень употребительное у китайскаго простонародья, — затѣмъ чаю съ свѣжими булками, печеными на пару (*мантху* по-китайски). Необыкновенная живость хозяйки, такъ и носившейся изъ одного угла комнаты въ другой, несмотря на ея забинтованныя ноги, сообщалась и остальному обществу,—всѣ присутствовавшіе наперерывъ сообщали намъ китайскія названія предметовъ, находившихся подъ руками, и весело смѣялись нашимъ ошибкамъ въ произношеніи. Провожая насъ домой, Шидзя сейчасъ же замѣтила, что мужа моего интересуютъ растенія и стала называть всѣ встрѣчавшіеся деревья и кустарники—*жюйшю* (вязъ), *вытхуонъ* (тополь), громко выкрикивала она.

На другой день, подъ предводительствомъ мельничихи, въ нашъ лагерь явилось нѣсколько деревенскихъ женщинъ отплатить визитъ и посмотрѣть наши вещи.

Мужчины также не чуждались насъ, но они приходили, большею частью, желая что-нибудь купить у насъ или продать намъ.

Вообще, крестьяне китайскіе были очень добродушны съ нами и производили пріятное впечатлѣніе. За то городская толпа приводила въ отчаяніе своимъ любопытствомъ и нахальствомъ.

Теперь разскажу вамъ о знакомствѣ моемъ съ китайскими барынями.

Весной 1885 г., мы дней десять жили въ Сининѣ; между прочимъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ снималъ тамъ фотографію съ Сининскаго амбаня, т.-е. съ начальника всего Сининскаго округа и съ трехъ его товарищей по управленію городомъ. Женѣ одного изъ этихъ генераловъ также хотѣлось имѣть съ себя фотографію, и, чтобы успѣшнѣе достичь этой цѣли, она задумала познакомиться со мной. Сначала она прислала къ намъ въ гостинницу свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи. Собственный экипажъ, человѣка два получиновныхъ слугъ или полицейскихъ, какъ мы привыкли называть ихъ, и очень приличная няня, сопровождавшіе дѣвочку, показывали, что она принадлежала къ высшему классу общества. Дѣвочка, несмотря на свои годы, держалась очень сдержанно, не выказывала ни особеннаго любопытства, ни нетерпѣнія увидать что-нибудь изъ европейскихъ вещицъ, что очень свойственно китайцамъ; не показывала она также и дикости или застѣнчивости. Чистенькая, нарядно одѣтая, съ бахрамой волосъ, спущенныхъ на лобъ, она очень напомнила мнѣ европейскихъ дѣво-

чекъ. Няня передала мнѣ приглашеніе отъ барыни и просила назначить время, когда за мной можно будетъ прислать экипажъ. На другой день, часу въ третьемъ, я, въ сопровожденіи Санданджимбы (нашего стараго переводчика—монгола) и двухъ полицейскихъ, сопровождавшихъ китайскую повозку, поѣхала къ барынѣ на обѣдъ. Миновавъ шумныя торговыя улицы, мы выѣхали къ южнымъ воротамъ города, гдѣ на улицу выходила кумирня. Во дворѣ этой кумирни помѣщался *ямынъ;* такъ называли намъ наши монголы всякое китайское присутственное мѣсто или учрежденіе. Оставивъ экипажъ на переднемъ дворѣ, мы вошли во второй, гдѣ въ глубинѣ двора, на открытой верандѣ, стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ; вокругъ нѣсколько креселъ, а на столѣ лежала мраморная плитка съ натертой тушью и стоялъ стаканъ съ кистями. Мнѣ сказали, что тутъ происходятъ судебныя засѣданія. На этотъ разъ на верандѣ не было никого, кромѣ мелкихъ чиновниковъ, очевидно, вышедшихъ изъ комнатъ посмотрѣть на меня. Тутъ же въ углу стоялъ пунцовый зонтъ, который носятъ въ Китаѣ впереди генерала, когда онъ показывается на улицѣ; прошедши еще одинъ дворъ, мы пришли, наконецъ, на тотъ, гдѣ находились жилыя комнаты футая *). Домъ этотъ былъ устроенъ такъ-же, какъ и всѣ китайскіе дома: прямо противъ входа во дворъ стоялъ главный домъ; направо и налѣво отъ него на этотъ разъ были глухія стѣны съ калитками, и уже за ними выглядывали другія зданія, но, повидимому, это не были службы или кухни. Передъ главнымъ домомъ была обычная веранда, отъ которой дверь вела въ пріемную, освѣщенную лишь этими входными дверями изъ пріемной, направо и налѣво вели двери въ слѣдующія комнаты. Пріемная эта устраивается вездѣ почти одинаково; стѣны противъ входной двери заняты обыкновенно статуями боговъ или у небогатыхъ людей картиной, изображающею что-нибудь священное; едва-ли не чаще всего тутъ вѣшаютъ картину, изображающую семейную группу — старца-дѣда, его сына, цвѣтущаго мужчину, и двоихъ дѣтей; картина эта стереотипно повторяется всегда во всѣхъ подробностяхъ одинаково и называется „долголѣтіе“ или что-то въ этомъ родѣ. Иногда изображеніе замѣняется свиткомъ бумаги или матеріи, на которомъ написаны священные іероглифы. Въ пріемной футая были статуи довольно крупныхъ размѣровъ, сдѣланныя изъ папье-маше и раскрашенныя, какъ всегда въ Китаѣ; передъ ними поставлены были высокіе канделябры со свѣчками

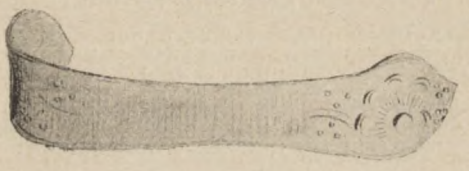
*) Футай—титулъ гражданскаго губернатора.

и водл съ цвѣтами персидскаго дерева. Осенью вмѣстѣ съ цвѣтами ставятъ блюдо съ плодами, а въ купеческихъ домахъ тутъ же обыкновенно ставятъ вѣсы для серебра, у бѣдняковъ лежатъ счеты; это — тоже своего рода божество китайскаго народа.

Въ пріемной стоятъ обыкновенно столъ и нѣсколько креселъ.

Въ дверяхъ пріемной встрѣтила меня *тай-тай*; это — титулъ, съ которымъ обращаются въ Китаѣ къ барынямъ. Мы прошли съ ней въ комнату направо. Тай-тай была женщина лѣтъ 30, не особенно красивая, но довольно пріятной наружности; конечно, бѣлила и карминъ на губахъ дѣлали ее нѣсколько похожею на рисунокъ; въ обращеніи барыни было много привѣтливости и даже радушія. Мы сѣли у стола въ креслахъ и сюда намъ подали чай и къ нему пирожное и фрукты; пирожное очень напомнило мнѣ европейскія печенья. Фрукты въ Китаѣ подаютъ обыкновенно очищенные отъ кожи и нарѣзанные ломтиками. Барыня брала эти лакомства палочками, которыя замѣняютъ въ Китаѣ наши вилки, и накладывала мнѣ на отдѣльное блюдо. Прислуживала намъ няня и еще другая женщина.

Рис. 25.



Барыня много разспрашивала меня, но до меня черезъ Сандандзимбу доходила едва десятая часть вопросовъ. Онъ всегда плохо приспособлялся къ роли переводчика и предпочиталъ на вопросы отвѣчать самъ, не доводя до свѣдѣнія разговаривающихъ сторонъ вопросы и отвѣты. Къ тому же онъ плохо понималъ мой очень бѣдный монгольскій языкъ. Изъ того, что говорилось, до меня, между прочимъ, дошло, что раньше тай-тай жила въ Илійскомъ краѣ, гдѣ ея мужъ служилъ, что она мелькомъ видала русскихъ ранѣе. Узнала я также, что долго въ Сининѣ жить она не будетъ, что домъ, въ которомъ она меня принимаетъ, не ихъ собственный, а казенная квартира, причемъ барыня пожаловалась на дурную обстановку. Дѣйствительно, при ближайшемъ осмотрѣ, комната оказалась давно не ремонтированною, потолокъ закоптѣлъ, рѣшетки въ окнахъ почернѣли отъ старости и утратили лакъ. Нѣсколько наряднѣе смотрѣлъ уголокъ хозяйки; обитый краснымъ сукномъ канъ, замѣняющій китайцамъ диванъ и постель,

былъ задрапированъ слегка матеріей и убранъ подушками, а по стѣнамъ надъ нимъ были развѣшаны картины.

Дочка тай-тай, все съ такимъ же серьезнымъ личикомъ и дома, какъ была у насъ, сидѣла въ той же комнатѣ у окна и, какъ оказалось, вышивала шелками башмаки для своей куклы. Здѣсь я въ первый разъ видѣла у китайской дѣвочки куклы: онѣ были сшиты изъ тряпокъ и не особенно изящны; по моей просьбѣ, дѣвочка показала мнѣ и прочія свои игрушки; ихъ было немного и между ними то, что мы называемъ китайскій casse-tete—угольники изъ слоновой кости и книжка съ фигурами. Всѣ игрушки, конечно, были такія, которыми можно играть сидя; ноги у дѣвочки были уже зашнурованы.

Послѣ чаю барыня предложила показать мнѣ садъ. Ямынъ, въ которомъ они жили, находился на краю города, и потому, вѣроятно, постройки въ немъ были не тѣсны. Кромѣ фанзъ или домовъ, занятыхъ футаемъ, были тутъ и другіе дома, цѣлый лабиринтъ изъ нихъ, какъ мнѣ показалось, гдѣ жили другіе чиновники; все это раздѣлялось садиками и двориками хотя небольшихъ размѣровъ, но разгороженныхъ стѣнами, иногда съ калитками въ нихъ, иногда съ открытыми арками, и мы сдѣлали большой кругъ во владѣніяхъ ямына, нигдѣ не встрѣчая затрудненія. Садъ у футая былъ очень недуренъ, съ дорожками, съ цвѣтниками, съ большими деревьями, въ томъ числѣ и съ фруктовыми—съ яблонными, грушевыми и персиковыми; послѣднія были въ цвѣту, а остальное все еще едва распускало листья. Были также въ этомъ саду искусственныя горки и красивые виды на Синимъ и его окрестности; были также бесѣдки и галлереи, и совсѣмъ закрытыя, и полуоткрытыя; въ одной изъ бесѣдокъ, по словамъ барыни, футай лѣтомъ занимался дѣлами; одна галлерея была увѣшена рисунками, сдѣланными отъ руки, можетъ быть, работы самого футая; по крайней мѣрѣ, я слыхала, что у чиновныхъ китайцевъ это въ обычаѣ.

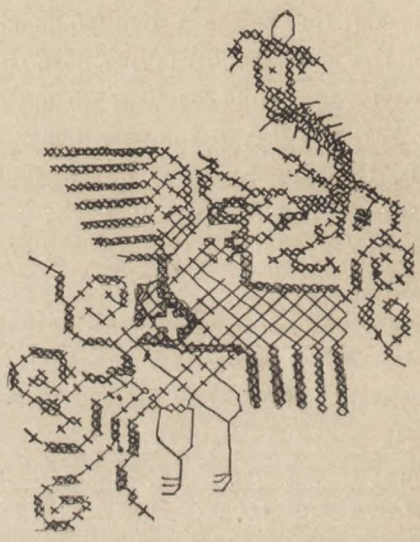
Указывая на эти рисунки, барыня спросила меня, могу-ли я нарисовать также? Въ саду была и теплица, но цвѣтовъ въ ней не было; барыня объяснила мнѣ, что цвѣтоводствомъ занимался предшественникъ ея мужа, старый футай. Въ саду было также лѣтнее помѣщеніе, выстроенное и меблированное нынѣшнимъ футаемъ на свой счетъ и по своему вкусу. Впрочемъ, личному вкусу у китайцевъ предоставляется очень мало, обычай царитъ надъ всею китайскою жизнью; на мой взглядъ, и эта гостиная носила такой же казенный характеръ, какъ и ямынская; она была лишь новѣе и чище. Здѣсь мы посидѣли немного и—я сказала бы — поболтали,

потому что, дѣйствительно, мы обѣ говорили много и очень желали понимать другъ-друга, но намъ это не очень удавалось. Повидимому, и китайской барынѣ такъ же, какъ мнѣ о китайскихъ, хотѣлось знать о нашихъ нравахъ и обычаяхъ; но переводчикъ мой такъ тяготился своими обязанностями (по китайскому этикету онъ не могъ сидѣть въ присутствіи тай-тай, а стоять для его семидесяти-лѣтнихъ ногъ было уже трудно), что мы рѣшили отпустить его и должны были обходиться собственными средствами, т.-е. тѣмъ десяткомъ-двумя китайскихъ словъ, какія я знала, и пантомимами. Особенною живостью, обиліемъ и дѣльностью разспросовъ, а также и способностью понимать, или лучше сказать, угадывать отвѣты, отличалась няня, все время сопровождавшая насъ. Подъ конецъ барыня утомилась ходить по саду, а воспользоваться тачкой, предназначенною для ея услугъ въ этомъ случаѣ, которую мы видѣли на дорожкахъ сада, не захотѣла, и ушла домой, а мы доканчивали осмотръ сада съ дѣвочкой и няней. Няня повела меня въ *Сы-танъ*, находящійся тутъ же въ саду.

Сы-танъ значитъ храмъ въ память умершаго героя. Это была обыкновенная китайская кумирня, въ которую вели широкія, въ родѣ крытой галлереи, ворота. Въ кумирнѣ были грубо сдѣланы статуи героя, его жены и дѣтей; няня объяснила мнѣ знаками, что герой этотъ зарѣзался во время послѣдней войны съ дунганами. Стѣны кумирни были покрыты рисунками, изображающими взятіе Синина, приступъ, штурмъ, разрушеніе стѣнъ, взятіе города, битвы въ улицахъ,—все было изображено художникомъ. Судя по оживленію, съ которымъ няня объясняла мнѣ эти картины, онѣ, должно быть, были правдивы; въ художественномъ отношеніи онѣ тоже были не дурны въ своемъ родѣ: рисунокъ былъ бойкій и вѣрный, особенно удачны были фигуры людей и животныхъ, но за то перспективы, какъ и всегда, не существовало. На стѣнахъ галлереи, ведущей въ кумирню, были изображены иностранцы, повидимому, посольство, приносящее подарки; лица были не китайскія, костюмы — тоже. Няня называла эти фигуры: „сѣверные варвары“ и „южные варвары“; въ рукахъ одного изъ варваровъ были нарисованы европейскіе столовые часы. Все это имѣло довольно отдаленное сходство съ дѣйствительностью, но, быть можетъ, изображало и дѣйствительное событіе изъ жизни покойнаго генерала. Напротивъ галлереи была эстрада для театральныхъ представленій. Впослѣдствіи я узнала, что, дѣйствительно, во время осады города, когда все было потеряно императорскими войсками, губернаторъ города лишилъ себя жизни, чтобы не пережить позора. Китайцы считаютъ такихъ людей героями.

Возвращаясь изъ сада, мы зашли еще въ одинъ изъ домовъ ямына; это, какъ оказалось, была квартира одной барыни, которую я съ ея дочерью уже видѣла ранѣе въ гостиной у тай-тай. Здѣсь обстановка была бѣднѣе, но радушія и привѣтливости было также много. Дѣвушка показывала мнѣ свои работы и разные баульчики и корзины; все это было самодѣльное, изъ дешевыхъ матеріаловъ, и показывало только искусство и терпѣнье той, которая ихъ дѣлала. Работа этой дѣвушки удивила меня: она вышивала бѣлымъ шелкомъ по пунцовому ситцу точь въ точь такъ же, какъ это дѣлаемъ мы, когда увѣряемъ, что „шьемъ русскимъ швомъ“. Даже узоры казались мнѣ въ томъ же родѣ, только она не употребляла при этомъ канвы. Такъ какъ она вышивала панталоны для дочери футая, то я подумала, что узоръ этотъ и манера шитья могли быть переняты отъ русскихъ въ Илійскомъ краѣ, но оказалось, что я ошибалась; впослѣдствіи, когда мы были въ провинціи Сычуанъ, я встрѣтила этотъ quasi-русскій швъ очень распространеннымъ среди населенія самыхъ глухихъ городовъ и деревень; имъ были украшены рубахи дѣтей, панталоны деревенскихъ дѣвушекъ, носовые платки уличныхъ извозчиковъ и т. д.

Рис. 26.



Черезъ нѣсколько минутъ мы съ хозяйкой этой квартиры пошли въ гостиную тай-тай, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ. Къ обѣду явилась еще гостья, очень толстая старая барыня, и, такимъ образомъ, мы обѣдали впятеромъ, считая дѣвочку. Столъ былъ выдвинутъ на середину комнаты, кресла придвинуты, но въ этомъ и заключались всѣ приготовленія къ обѣду; скатерти китайцы не употребляютъ, а салфетки, если онѣ бываютъ, находятся въ рукахъ слугъ и подаются въ концѣ обѣда послѣ того, какъ слуга окунетъ ихъ въ тазикъ съ горячею водой. На этотъ разъ салфетокъ не было, не было также и мужской прислуги; обѣдъ былъ, повидимому, запросто, и двѣ бесѣдовавшія съ нами барыни, какъ мнѣ показалось, были обычными гостями за столомъ тай-тай. Всѣмъ намъ положены были па-

лочки изъ слоновой кости, но мнѣ, кромѣ того, серебряная ложка русская, въ уваженіе моего неумѣнья ѣсть по-китайски. Затѣмъ, на столъ было поставлено нѣсколько большихъ, полоскательныхъ по нашему, чашекъ съ различными горячими соусами, а намъ поставлены чашки меньшей величины съ варенымъ рисомъ; на столѣ было также поставлено нѣсколько блюдцевъ съ зеленью и солеными приправами. Матеріалъ обѣда былъ самый обыкновенный; роскошью въ немъ можно было считать развѣ различныя сорта зелени, еще не появлявшейся въ эту пору за столомъ у бѣдняковъ. Кушанья мнѣ нравились, но когда, по окончаніи этихъ, все-таки довольно изысканныхъ, блюдъ, мнѣ предложили выпить супу, состоящаго изъ одного не очень густо сваренаго проса, къ тому же не соленаго, я не осталась довольна. Дессертъ и фрукты я бы предпочла въ этомъ случаѣ.

Послѣ обѣда, когда мы встали изъ-за стола, въ комнату собралась женская прислуга, — не только та, которую я уже видала и которая была одѣта прилично, но также и не виданная еще мной, въ засаленномъ и ободранномъ одѣяніи. Она, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, разговаривая между собой, заняла наши мѣста и принялась доканчивать то, что осталось отъ нашего обѣда. Окончанія я не дождалась: мулъ и повозочка были уже готовы, и я уѣхала.

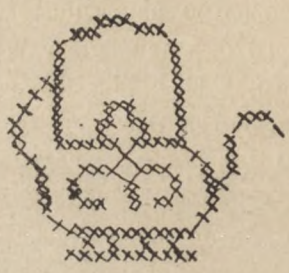
Во время этого визита, барыня высказала мнѣ желаніе снять съ себя фотографію. Обѣщать ей я это не могла, не переговоривши предварительно съ нашимъ сотоварищемъ, который умѣлъ фотографировать, и старалась дать ей понять, что онъ не такой господинъ, котораго можно заставить сдѣлать портретъ за деньги, и что въ настоящее время онъ очень занятъ. Оказалось, однако, нашъ спутникъ былъ настолько любезенъ, что согласился сдѣлать фотографію барыни, съ тѣмъ условіемъ, однако, что портретъ не будетъ отпечатанъ въ Сининѣ, а будетъ ей высланъ впослѣдствіи.

На другой день, забравши фотографическій аппаратъ, въ сопровожденіи монгола, который обыкновенно прислуживалъ при фотографированіи, я снова отправилась въ домъ футая. На этотъ разъ я везла имъ уже отпечатанный портретъ самого хозяина дома; конечно, это былъ предметъ, интересный для всей семьи; но онъ не долго оставался въ дамскихъ владѣніяхъ, его сейчасъ же унесли въ комнаты генерала. На этотъ разъ въ гостиной у барыни появлялся какой-то молодой, очень приличный китаецъ, въ очкахъ по близорукости; онъ принесъ намъ цѣлую пачку

шанхайскихъ фотографій; это были, повидимому, карточки китайскихъ дамъ полусвѣта, всѣ онѣ были раскрашены. Молодой человѣкъ и барыня старались растолковать мнѣ, что они желали бы имѣть именно такой раскрашенный портретъ; въ душѣ я рѣшилась исполнить это желаніе барыни, но обѣщать не рѣшилась, отговариваясь тѣмъ, что не я дѣлаю портреты, и указывая на то, что въ дорогѣ у насъ нѣтъ для этого необходимыхъ приспособленій.

Снимать портретъ рѣшили въ саду, и я воспользовалась для этого театральною эстрадой въ Сы-танъ. Барыня надѣла парадный туалетъ; ея кофта изъ превосходнаго чернаго атласа была украшена на груди вышитымъ золотымъ драконом, на шею надѣты крупныя четки изъ крупныхъ бусъ краснаго дерева, а въ шиньонъ былъ воткнутъ цвѣтокъ европейской работы. Четки и шитье свидѣтельствовали о высокомъ рангѣ ея мужа.

Рис. 27.



Усадить ее передъ камерой мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, потому что переводчикъ мой, монголъ, плохо понимаетъ меня, а также и потому, что я была мало опытна въ этомъ дѣлѣ. Барынѣ хотѣлось снять и дѣвочку, но послѣдняя боялась сниматься.

Узнавши, что отпечатокъ не можетъ быть сдѣланъ въ Сининѣ, барыня была очень опечалена, и объяснила мнѣ, что, вѣроятно, присланный нами портретъ уже не найдетъ ее въ Сининѣ, что скоро они должны оставить этотъ городъ.

Тутъ я узнала еще одну интересную черту китайской жизни. Оказывается, что въ Китаѣ всѣ болѣе или менѣе значительные чиновники смѣняются черезъ каждые три года; такимъ образомъ, они осуждены вести почти кочующую жизнь и обзаводиться лишь такимъ имуществомъ, которое легко укладывается въ сундуки. Часто случается также, что чиновникъ, потерявшій мѣсто въ одномъ городѣ, не находитъ подходящаго въ другомъ и долженъ проживать сдѣланныя сбереженія. Какъ это устроено, бываютъ-ли исключенія, чѣмъ мотивируется и какіе результаты приноситъ эта мѣра,—я сказать не могу.

Въ заключеніе могу прибавить, что фотографія тай-тай вышла удачна, и что черезъ мѣсяцъ портретъ былъ сдѣланъ и одинъ изъ нихъ былъ мной

даже раскрашенъ, запечатанъ и отданъ начальнику города Минджеу для отсылки по адресу. Но впослѣдствіи мы узнали, что барыня не получила этой посылки, и уже осенью 1886 г. нашъ фотографъ сдѣлалъ для барыни вторые отпечатки съ сохранившагося негатива. Въ эту же зиму футай долженъ былъ оставить Сининъ, и больше я не видѣлась съ этой барыней.

Въ другой разъ я была приглашена на обѣдъ къ начальнику маленькаго захолустнаго городка Тзе-джеу, въ провинціи Гань-су. Начальникъ города былъ такъ любезенъ, что первый сдѣлалъ визитъ въ нашу гостинницу. Пока мужъ мой его принималъ, въ мою комнату принесли его маленькую внучку, дѣвочку лѣтъ пяти. Угостивши ее и чиновника, принесшаго ее, лакомствами, какія у меня были, я подарила дѣвочкѣ еще нитку недорогихъ коралловъ, купленныхъ нарочно на случай подарковъ въ Неаполѣ. Вслѣдъ за визитомъ градоначальника, отъ него получено было приглашеніе на обѣдъ, но мой мужъ чувствовалъ себя въ этотъ день нездоровымъ и отказался, тогда стали настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, я приняла приглашеніе. Я тоже отказывалась, мнѣ было страшно скомпрометировать себя какимъ-нибудь незнаніемъ китайскихъ обычаевъ, не хотѣлось также появиться среди китаянокъ не нарядно одѣтою, а со мной было только дорожное платье; однако, приглашеніе было такъ настойчиво, что было бы невѣжливо долѣе отказываться, и я согласилась. За мной были присланы носилки, такъ какъ на югѣ Китая дамамъ не принято показываться на улицахъ иначе, какъ въ паланкинѣ. На этотъ разъ, впрочемъ, я не нашла этотъ способъ передвиженія удобнымъ, носильщики оказались неумѣлыми и несли, сильно раскачивая паланкинъ и часто смѣняясь; послѣ я узнала, что это были просто солдаты мѣстной команды, а не носильщики по профессіи; притомъ, мнѣ казалось, что носильщики эти все время болтали обо мнѣ, пользуясь тѣмъ, что я ни слова ни понимаю по-китайски. Миновавъ нѣсколько торговыхъ улицъ, съ густою толпой вокругъ лавокъ, мы перешли небольшую рѣчку и вступили въ тихія улицы правительственнаго города; здѣсь скоро носилки остановились у калитки одного изъ домовъ. Солдаты, опустивъ носилки, приглашали меня выйдти, но я знаками и черезъ монгола-переводчика, который все время шагалъ сбоку, потребовала, чтобы они внесли меня во внутрь двора, такъ какъ подозрѣвала, что барынѣ выходить изъ носилокъ на улицѣ было бы не совсѣмъ прилично. Повидимому, оно такъ и было; мое требованіе было исполнено, и я вышла изъ паланкина передъ верандой того дома, куда была приглашена. Это также былъ ямынъ, но здѣсь меня пронесли не въ главныя ворота. Распо-

ложеніе комнатъ было тутъ то же, что и въ Сининѣ: та же пріемная со статуями противъ входныхъ дверей и тѣ же домашнія комнаты направо и налѣво, но здѣсь все было меньше и бѣднѣе и старѣе, чѣмъ у сининскаго футая. Встрѣтили меня двѣ барыни, одна—жена начальника города, хозяйка дома, молодая еще барыня, другая—дочь его, ея падчерица, выданная за подчиненнаго чиновника, живущая, повидимому, въ томъ же ямынѣ. Сначала визитъ имѣлъ оффиціальный характеръ, т.-е. мы съ барыней сидѣли за столомъ въ пріемной и угощались чаемъ и фруктами, а при насъ присутствовали какой-то китайскій чинъ въ оффиціальной шапкѣ съ шарикомъ и мой переводчикъ; но потомъ мужчины ушли, а къ намъ присоединились остальные женскіе члены семьи: дочь, внучка, уже знакомая мнѣ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, дочь хозяйки дома; послѣдняя была уже набѣлена и имѣла непріятный видъ жеманной дѣвочки, считающей себя большою. Вскорѣ посмотрѣть на меня явилась и вся дворня, тутъ были и старыя старухи въ лохмотьяхъ, и полуголыя дѣти. Вообще, китайцы очень заботятся о внѣшности, но дома, за стѣнами, тамъ, гдѣ невидно, это самый неряшливый и грязный народъ. Скоро мы перешли въ гостиную и спальную хозяйки; такое соединеніе комнатъ было достигнуто тѣмъ, что комната имѣла два канджина—одинъ у окна, другой у противоположной стѣны; послѣдній былъ отдѣленъ приподнятою драпировкой. Драпировка, ковры, столы и все, что принадлежало къ квартирѣ, было старо и загрязнено. Платье на хозяйкахъ дома было новое, хотя и небогатое, изъ бумажныхъ европейскихъ матерій, а не шелковое. Мужъ этой барыни служилъ нѣкогда въ южныхъ провинціяхъ, куда уже проникаетъ нѣсколько европейская торговля, а вмѣстѣ съ ней и нѣкоторое, хотя слабое, знакомство съ европейскими порядками жизни. Хозяйка дома родомъ была изъ Си-ань-фу, очень большаго, извѣстнаго въ китайской исторіи города, бывшаго нѣкогда столицей и теперь еще довольно значительнаго центра; сообщивъ мнѣ объ этомъ, она не забыла упомянуть о славной нѣкогда исторіи ея роднаго города. Такое замѣчаніе нѣсколько удивило меня въ устахъ китайской женщины. Ея манеры, казалось мнѣ, носили также тотъ почти неуловимый отпечатокъ какой-то особой любезности или вѣжливости, какой накладываетъ на людей жизнь въ большихъ городахъ; рядомъ съ ней ея падчерица смотрѣла застѣнчивою и грубоватою провинціалкой.

Узнавши, что я умѣю читать и даже писать, барыни очень заинтересовались: обѣ онѣ не были грамотны; онѣ заставляли меня написать то или другое китайское слово или фразу, и потомъ прочитать ее; для нихъ

эта возможность воспроизводить звуки чужаго языка казалась чуть не чудомъ *); этимъ процессомъ писанія заинтересовался и чиновникъ, находившійся при насъ; едва-ли это не былъ мужъ младшей изъ дамъ. Онъ служилъ ранѣе въ Илійскомъ краѣ и зналъ нѣсколько русскихъ и наши обычаи; принявши участіе въ нашихъ бесѣдахъ, онъ нѣсколько оживилъ ихъ, такъ какъ могъ пояснить наши взаимные вопросы и отвѣты. Человѣку, совсѣмъ незнакомому съ тою разницей, какая существуетъ между двумя цивилизаціями, китайской и европейской, иногда трудно и догадаться, о чемъ спрашиваютъ васъ. Вопросы были въ родѣ того: Какъ ѣздятъ дамы въ Россіи? Правда-ли, что у насъ всѣ имѣютъ четырехколесные экипажи (въ Китаѣ, говорятъ, это привилегія императора)? Правда-ли, что у нашего Государя есть рота тѣлохранителей, составленная изъ дѣвицъ? Занимаютъ-ли у насъ дамы высшія государственныя должности? и т. д. Не знаю, насколько поняты были мои отвѣты, передаваемые черезъ монгола, не вполнѣ меня понимавшаго. Можетъ быть, и мои разсказы подадутъ поводъ ко многимъ фантастическимъ представленіямъ о Россіи, несмотря на мое искреннее желаніе сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія.

Обѣдъ былъ поданъ въ пріемной; мужчинъ за нимъ не было. Сервировка обычная: вездѣ однѣ и тѣ же полоскательныя чашки съ главными блюдами и блюдца и блюдечки съ приправами. Мясо подавалось трехъ сортовъ: свинина, курица и утка, все мелко изрѣзанное и совершенно терявшееся въ массѣ зелени и овощей. Ѣсть приходилось палочками, ложекъ здѣсь не подали. Рѣдкостей, вродѣ трепанговъ, сепій, жабръ акулы и тому подобныхъ вещей, къ моему великому удовольствію, не было; вѣроятно, въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ Тзе-джеу, они составляютъ предметы слишкомъ большой роскоши. Послѣ обѣда слуга, перемывшій въ этой же комнатѣ посуду, принесъ тазъ съ горячею водою,

Рис. 28.

*) Чтобы понять это удивленіе, надо помнить, что китайское письмо затруднительно, потому что китайцы не имѣютъ фонетической азбуки, и потому должны запомнить—какъ пишется каждое отдѣльное слово, имѣющее свой особый іероглифъ, а не только знаки азбуки, какъ въ европейскихъ языкахъ.

смочилъ въ ней салфетки (европейскія) и, отжавши ихъ своими руками, подалъ намъ вытереть ими руки; отъ этого я была не прочь, но отереть лицо, какъ это дѣлаютъ китайцы, не рѣшилась.

Послѣ обѣда ненадолго въ гостиную приходилъ хозяинъ дома, толстый чиновникъ, но разговоръ съ нимъ не оставилъ во мнѣ никакого впечатлѣнія. Скоро поданы были носилки, и я отправилась. Тай-тай, прощаясь со мной, непремѣнно хотѣла, чтобы я взяла отъ нея нѣсколько гранатъ; мнѣ было нѣсколько странно такое желаніе, такъ какъ фруктовъ въ городѣ было множество у разнощиковъ, и казалось, что предлагая ихъ, она придавала этому какое-то значеніе и была нѣсколько сконфужена; послѣ нѣсколькихъ отказовъ я рѣшилась взять ихъ. Когда я воротилась домой въ сопровожденіи чиновника, послѣдній объявилъ мнѣ, что тай-тай велѣла передать мнѣ, что я должна и ея дочкѣ подарить коралловъ, какъ подарила ранѣе внучкѣ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ такое безцеремонное напрашиванье на подарокъ, и, признаюсь, я подумала, чиновничекъ этотъ выпросилъ кораллы въ свою пользу, прикрываясь именемъ тай-тай, но потомъ я вспомнила, что Скачковъ, въ своей статьѣ о китайской кухнѣ, указываетъ на обычай отдариванья за обѣдъ. Онъ говоритъ даже, что такой отдарокъ можетъ быть сдѣланъ деньгами, и что обычаемъ этимъ мелкое чиновничество нерѣдко злоупотребляетъ, приглашая на свои обѣды лицъ, обязанныхъ благодарить за эту честь свое начальство. Коралловъ я послала; не знаю только, вознаградили-ли они достаточно за убытки моего обѣда. Солдатамъ-носильщикамъ также должна была щедро заплатить за ихъ услуги.

Думаю, что разсказами объ этихъ встрѣчахъ съ китаянками я достаточно познакомила съ тою чисто-внѣшнею стороной китайской домашней жизни, которая одна только и доступна была для меня въ моемъ положеніи путешественницы, безъ ближайшихъ знакомствъ и безъ знанія языка.

ТЫСЯЧА СТО ВЕРСТЪ ВЪ НОСИЛКАХЪ.

Си-ань-фу — старинный городъ; теперь онъ областной, а нѣкогда, лѣтъ тысячу тому назадъ, это была столица и центръ всего китайскаго міра. Мы подъѣзжали къ нему съ восточной стороны, и хотя за нѣсколько верстъ населеніе стало замѣтно гуще, все-же до самыхъ городскихъ стѣнъ доходятъ пашни. Въѣхали мы въ ворота, но это не былъ еще городъ, а лишь его предмѣстье; улицы были широки, обсажены деревьями; подъ этими послѣдними жители разложились съ своими кустарными производствами, - гдѣ дѣлали курительныя свѣчи, гдѣ кожевники растянули кожи,— а вдали виднѣлся субурганъ монгольскаго монастыря. Ближе къ городу пошли кузницы, каретныя и плотничныя мастерскія, улицы стѣснились, пошла мостовая и стало замѣтно грязнѣе. Предмѣстье отъ городскихъ стѣнъ отдѣляется глубокимъ рвомъ, чрезъ который перекинуты каменные мосты. Переѣхавши одинъ изъ нихъ, мы въѣхали въ восточныя ворота настоящаго города; надъ воротами высилась огромная пятиэтажная башня съ рядами пустыхъ оконъ или квадратныхъ амбразуръ. Подъ башней и все пространство между башней и вторыми воротами было густо занято торговцами мелочными товарами. Тѣснота и давка тутъ была такая, что трудно себѣ и представить небывалому человѣку, а, между тѣмъ, между этой снующей взадъ и впередъ публикой, какой-то китаецъ поставилъ переносную печку, столы, скамьи и устроилъ уличный ресторанъ въ самыхъ воротахъ. Ѣдущіе телѣги и всадники задѣвали обѣдающихъ такъ, что они, то-и-дѣло, должны были наклонять головы и беречь спины. Далѣе, черезъ весь городъ протянулась такая-же торговая улица, сначала широкая, съ каменной мостовой, настолько испорченной, что ее предпочитали объѣзжать, тѣснясь

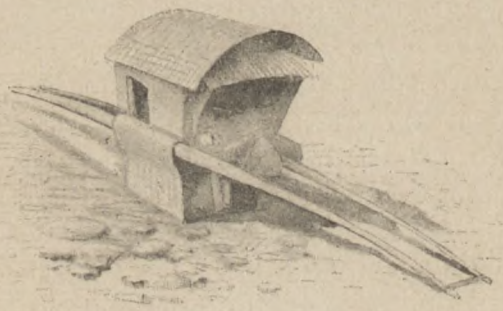
къ домамъ, несмотря на невылазную грязь. Избѣгая тѣсноты и грязи, наши телѣги свернули въ боковыя улицы, и здѣсь сейчасъ-же почувствовались просторъ и тишина; на улицу выходили только ворота и каменныя стѣны, изъ-за которыхъ видны были кровли домовъ и сады. Здѣсь встрѣчались дѣти, отцы съ ребятами на рукахъ и изрѣдка старухи; молодыхъ женщинъ на китайскихъ улицахъ не видать. Скоро, впрочемъ, намъ опять пришлось въѣхать въ самую густую толпу торговаго движенія. На тѣсныхъ улицахъ

Рис. 29.

сплошь тянулись и богатыя лавки съ золочеными громадными вывѣсками, и бѣдныя мастерскія, и лавки со старьемъ всякаго рода, — тутъ на улицу выдвигалась старая мебель, тамъ старое платье, или посуда. Улицу главнымъ образомъ стѣсняли всякіе торговцы съ лотковъ, — они не только занимали всѣ тротуары, но располагались и на самой улицѣ. Если вы прибавите къ этому, что по улицѣ безпрестанно идетъ густая толпа пѣшеходовъ и ѣдутъ всадники, повозки и ручныя телѣжки съ водой и съ продажными овощами, то вы поймете, что проѣхать по такой улицѣ задача

немалая; на перекресткахъ, узкихъ до нельзя, приходилось по-долгу пережидать встрѣчное движеніе. Не задѣть и не попортить весь этотъ товаръ, лѣзущій на самую улицу, нѣтъ никакой возможности, и наши возчики не разъ задѣвали за какой-нибудь столикъ, уставленный посудой, или даже сшибали съ ногъ человѣка, остановившагося покупать. Чаще всего въ такихъ случаяхъ страдали старухи,—имъ не удавалось увернуться быстро на ихъ изуродованныхъ ногахъ отъ наѣзжающаго экипажа, несмотря на несмолкаемые крики возницъ съ просьбой посторониться; въ сутолокѣ и тѣснотѣ трудно бываетъ сыскать виноватаго, и потому дѣло кончается чаще всего только бранью, пущенной въ догонку. Мы по такимъ шумнымъ улицамъ ѣхали два часа, пока наконецъ доѣхали до гостинницы, гдѣ должны были остановиться. Ворота въ *дянѣ* — такъ по-китайски зовутъ гостинницу — ничѣмъ не отличались отъ сосѣднихъ лавокъ, — вездѣ кругомъ

Рис. 30.



былъ товаръ и торговля. Подъ воротами дяна обыкновенно устраиваютъ нѣчто вродѣ ресторана, гдѣ могутъ обѣдать и пить чай приходящіе. Движеніе на улицахъ въ Си-ань-фу показалось намъ значительно больше, чѣмъ въ Пекинѣ, гдѣ улицы шире и народу меньше (баронъ Ритгофенъ считаетъ въ Си-ань-фу жителей 1.000,000, но можно думать, что онъ ошибается, что ихъ меньше). Поразило насъ также обиліе нищихъ въ Си-ань-фу и какихъ нищихъ! Это обыкновенно почти совсѣмъ голые, съ испитыми лицами, съ длинными космами волосъ; одни бродятъ, другіе уже лежатъ на мостовой, на иныхъ вмѣсто тряпья циновка, другой прикрывается рваннымъ мѣшкомъ; между этими санкюлотами очень много молодыхъ. Много также и болѣе приличныхъ нищихъ, которые ходятъ и собираютъ всякій отбросъ въ корзины.

Въ Си-ань-фу мы прожили четыре дня въ довольно приличномъ дянѣ, гдѣ много было и другихъ жильцовъ. Между ними былъ одинъ очень юный, но важный чиновникъ, пріѣхавшій изъ Пекина,—къ нему все пріѣзжали въ носилкахъ отдавать визиты, и на дворѣ постоянно стояли хорошенькая каретка и верховой полицейскій, сопровождавшій его при поѣздкахъ. Съ помощью хозяина нашего дяна мы наняли 7 вьючныхъ муловъ и двое носилокъ, чтобы отправиться до г. Ченту-фу, находящагося въ 1200 верстахъ разстоянія отъ Си-ань-фу. На наши деньги это стоило намъ около 300 рублей.

Носилки, повидимому, чисто китайское изобрѣтеніе; онѣ состояли изъ ящика, составленнаго изъ тонкихъ бамбуковыхъ палочекъ; въ немъ только полъ изъ досокъ, бока затянуты циновкой, кровля выгнутая, тоже изъ циновки, внутри проволочная сѣтка для сидѣнья, съ боковъ въ этотъ ящикъ протянуты два бамбуковыхъ шеста, сажени въ двѣ длиной; лямка, соединяющая концы этихъ шестовъ, кладется на плечи носильщиковъ, если ихъ только два, или надѣвается на небольшой шестъ, который кладутъ на плечи два человѣка, становясь одинъ впереди другаго; при этой послѣдней манерѣ для каждыхъ носилокъ надо четыре человѣка. Китайскіе мандарины сидятъ въ этой клѣткѣ всегда съ опущенной передъ самымъ ихъ носомъ занавѣской и съ закрытыми окнами: мы не могли и четверти часа пробыть, не поднявъ занавѣски, и почти постоянно держали отворенными окна. Ѣзда въ носилкахъ очень покойна, вначалѣ нѣсколько укачиваетъ, но скоро привыкаешь къ этому. Носильщики идутъ скоро, вѣроятно не менѣе шести верстъ въ часъ, часто бѣглымъ шагомъ, никогда не сбиваясь съ ноги и ни на минуту ни зачѣмъ не останавливаясь. Почти каждую минуту они перекладывали шестъ съ одного плеча на другое и дѣлали это по командѣ: всю дорогу мы слышали протяжные возгласы: *пинъ-гоо*, и вслѣдъ затѣмъ перемѣна плеча и отрывистое *цу-ба* или *чэ* (иди или неси), или что-нибудь въ этомъ родѣ. Послѣ часа такой непрерывной ходьбы носильщики останавливались, спускали носилки на землю и садились отдыхать. Чаще всего эти остановки дѣлаютъ у воротъ дяна, гдѣ можно закусить или выпить.

Возвращаюсь къ своему разсказу. 25-го января, послѣ длинныхъ споровъ у подводчиковъ и носильщиковъ, кому и какъ сидѣть и что везти (вьюки, впрочемъ, были уже приготовлены наканунѣ), мы въ два часа дня сѣли въ носилки, а спутники на муловъ, и двинулись изъ воротъ дяна къ западу, по дорогѣ въ Ченту-фу. За городскими воротами опять было

предмѣстье съ такими-же почти улицами, какъ и въ самомъ городѣ, а сейчасъ-же за нимъ началась равнина, сплошь покрытая пашнями. Близъ города на ней то-и-дѣло были видны красивыя, никуда не ведущія ворота, вродѣ нашихъ „Амурскихъ“, но съ характерными китайскими кровлями, или высокіе каменные памятники. Безъ этихъ искусственныхъ украшеній ландшафтъ былъ бы слишкомъ монотоненъ. Отъ времени до времени, направо или налѣво отъ дороги, видны были группы деревьевъ и подъ ихъ тѣнью красивыя кровли кумиренъ. Иногда группы мрачныхъ туй показываютъ мѣста фамильныхъ кладбищъ; иногда видны ряды тополей — это

Рис. 31.

по межамъ, около пашенъ, посажены крестьянами деревья, чтобы служить имъ для топлива. Лѣтомъ, когда поля и деревья покрываются зеленью, картина, вѣроятно, много выигрываетъ, зимой же все это окрашено однообразно въ сѣрые цвѣта. Китайцы какъ будто понимаютъ этотъ недостатокъ,—оттого у нихъ такая любовь къ яркимъ краскамъ, оттого они любятъ всякія флаги, рѣзьбу и проч. Деревни на нашемъ пути встрѣчались часто; иногда это неправильная кучка крестьянскихъ фанзъ изъ сырцоваго кирпича, выстроенныхъ неправильно, со скирдами соломы и кучами удобренія передъ домами, съ дѣтьми, играющими на улицахъ; въ другой разъ это торговыя деревни, вытянутыя въ линію по дорогѣ, гдѣ въ каждомъ

домѣ постоялый дворъ, лавка или мастерская; здѣсь обыкновенно торгующій людъ тѣснится на невыразимо грязной и узкой улицѣ. Если въ городахъ мало думаютъ объ удобствахъ проѣзжающихъ и прохожихъ, то въ деревняхъ объ этомъ заботятся еще менѣе, и всякія бревна отъ плотника и корзины отъ корзинщика лѣзутъ прямо на улицу подъ ноги лошади, или улицу загораживаетъ развѣшанная у красильщика крашенина, и никто не жалуется, не протестуетъ, точно такъ и должно, всякій самъ справляется съ затрудненіями, какъ знаетъ и какъ умѣетъ; повидимому, право перваго захвата пользуется здѣсь полнымъ уваженіемъ. Въ концѣ и началѣ деревни обыкновенно есть нѣсколько дяновъ, гдѣ подъ воротами предлагаютъ незатѣйливую ѣду: горячую лапшу или рисъ съ соленой рѣдькой въ приправу, или вареные бататы и гороховый кисель. У такихъ уличныхъ дяновъ наши носилки обыкновенно останавливались, чтобы носильщики могли отдохнуть и закусить. Иногда и мы съѣдали тутъ по чашкѣ рису, или пару горячихъ бататовъ, и затѣмъ обыкновенно уходили изъ деревни впередъ, чтобы размять уставшія отъ сидѣнья ноги. Толпа въ деревнѣ относилась къ намъ всегда хорошо, лѣзла иногда посмотрѣть на насъ, но держалась почтительно, скоро обращалась къ своимъ прерваннымъ занятіямъ и оставляла насъ въ покоѣ.

Послѣ пяти дней пути по равнинѣ, мы вышли въ горы, стали подниматься вверхъ по ущелью, и дорога почти все время шла по карнизу, часто даже выстроенному въ скалѣ; очень часто она была въ видѣ лѣстницы. Мулы здѣшніе такъ привыкли къ такимъ дорогамъ, что, нисколько не задумываясь, идутъ и вверхъ и внизъ по самымъ крутымъ и неудобнымъ лѣстницамъ, но всадникамъ нашимъ было страшно ѣхать въ такихъ мѣстахъ, и потому почти всю горную дорогу имъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ. Еще счастье наше было, что первые дни горной дороги намъ приходилось дѣлать въ хорошую погоду, и мы только досадовали на каменную мостовую, покрывающую тропинку и тамъ, гдѣ она проложена по глинѣ, но когда начались дожди и грязь, мы поняли, что безъ камня наши носильщики и мулы не въ состояніи были бы удержаться на глинѣ въ крутыхъ и узкихъ мѣстахъ тропинокъ. Намъ, сидящимъ въ носилкахъ, не приходилось испытывать трудностей, но часто, очень часто, было такъ страшно смотрѣть внизъ, когда носилки несли почти надъ бездной, и не разъ мнѣ случалось обращаться съ просьбой, чтобы носильщики пустили меня идти пѣшкомъ, но они были неумолимы и продолжали нести, не обращая на меня никакого вниманія, вѣроятно, по опыту зная, что тамъ, гдѣ имъ

трудно, мнѣ уже совсѣмъ не пройти. Страшно было особенно въ то время, когда на узкой тропинкѣ, не шире иркутскаго деревяннаго тротуара, встрѣчались вьючные мулы; тутъ всегда являлось опасеніе, что мулъ какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ столкнетъ носилки въ ущелье или даже въ рѣчку бурлившую внизу. Часто и проводники опасались, что мулы, испугавшись носилокъ, бросятся въ обрывъ. Эти невзгоды горныхъ тропинокъ забывались, благодаря тому, что дорога все время была очень живописна. Вершины горъ большею частью были покрыты мелкимъ дубнякомъ, не потерявшимъ свою пожелтѣвшую листву, что придавало имъ золотистый оттѣнокъ; низъ ущелья обыкновенно бывалъ скалистъ, а берегъ рѣки внизу усыпанъ огромными валунами известняка, песчаника или конгломерата; между этими глыбами камней катилась горная рѣка, то изумрудно зеленая на глубинахъ, то снѣжно бѣлая отъ пѣны на быстринахъ. Послѣ двухъ-трехъ переваловъ изъ одного ущелья въ другое въ этомъ горномъ лабиринтѣ, носящемъ на картѣ названіе хребта Цунъ-Линъ, наша дорога повернула къ югу, и стало замѣтно теплѣе; къ хвойнымъ деревьямъ новаго для насъ вида, встрѣчавшимся въ горахъ ранѣе, стали примѣшиваться вѣчно зеленые кустарники, а затѣмъ появились и пальмы; правда, здѣсь это не были пальмы африканскія, высокія, а, напротивъ, своимъ видомъ онѣ напоминали какія-то дѣтскія игрушки: толстый стволъ въ сажень высоты или меньше и на вершинѣ пять-шесть большихъ вѣерообразныхъ листьевъ; изрѣдка стали попадаться бѣдные пучки бамбука. Послѣдній перевалъ, переведшій насъ въ долину р. Хань, былъ, кажется, самый трудный: весь подъемъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ состоялъ изъ лѣстницъ, выложенныхъ крупными плитами; лѣстница шла зигзагами. Намъ было совѣстно заставить себя тащить по этой сравнительно удобной, но крайне утомительной для носильщиковъ лѣстницѣ, и мы сдѣлали весь этотъ подъемъ пѣшкомъ. На вершинѣ каждаго перевала построены кумирни; въ нихъ монахъ *хэшанъ* стоитъ обыкновенно у столика и ударяетъ въ *конгъ;* проходящіе бросаютъ ему въ тарелку монетки. На перевалахъ бываютъ также надгробные памятники; на послѣднемъ ихъ было нѣсколько сотъ, и большихъ, и малыхъ; это не значитъ, что тутъ могилы; даже жаль

Рис. 32.

стало, что столько труда каменотеса потрачено тутъ, тогда какъ половины было бы достаточно, чтобы проложить въ этомъ мѣстѣ путь гораздо болѣе удобный.

Въ горахъ, несмотря на тѣсноту дороги, все-же безпрестанно встрѣчаются крестьянскіе дома и пашни. Каждое маленькое для посѣва мѣстечко, сажени въ двѣ длиной, уже распахано; меньшіе кусочки мягкой земли, аршина въ два, заняты овощами: гдѣ посажена рѣдька, гдѣ нѣсколько кочней капусты, гдѣ грядка луку, гдѣ только возможно, построены фанзы; дворовъ, конечно, нѣтъ; оселъ или корова помѣщаются на дорогѣ, у которой вы проходите; для свиней устроена клѣтушка, очень живописно повисшая надъ обрывомъ; южные дома бѣдняковъ дѣлаются изъ плетня, обмазаннаго глиной, а кровля изъ соломы; на сѣверѣ фанзы кирпичныя и кровли изъ черепицы. Во время нашего перехода черезъ горы у китайцевъ праздновали новый годъ, самый большой ихъ праздникъ, праздникъ наступленія весны. Сначала вездѣ шли приготовленія къ празднику. За тѣснотой жилищъ и неимѣніемъ дворовъ всѣ эти приготовленія совершались на улицѣ, гдѣ мыли столы и скамьи, гдѣ стирали бѣлье, гдѣ оклеивали окна и двери новой бумагой, гдѣ разнимали свинину, хозяйки стряпали. Дѣти уже обновили новенькія платья. Самый праздникъ мы провели въ деревенскомъ домѣ, чтобы дать праздникъ носильщикамъ и подводчикамъ. Съ вечера вся деревенька разцвѣтилась фонарями и почти неумолкаемо оглашалась взрывами ракетъ; это не была дѣтская забава: отцы семей жгли ракетки въ честь боговъ. Всю ночь народъ не спалъ; ночью стряпали и устраивали ужинъ, утромъ опять жгли ракетки и стрѣляли. Хозяева дяна и наши носильщики приходили и къ намъ съ поздравленіемъ, причемъ приносили намъ праздничный подарокъ въ видѣ сдобнаго печенья, и во время своего обѣда принесли и намъ своихъ блюдъ, приготовленныхъ на этотъ разъ изъ мяса и очень вкусно. Носильщики, впрочемъ, и ради праздника не измѣнили своихъ привычекъ: весь свободный день и даже канунъ праздника они провели, играя въ карты. На второй день праздника мы продолжали нашъ путь. Разница была въ томъ, что торговля на улицахъ почти совсѣмъ прекратилась, — улица теперь оживлялась гуляющимъ и разодѣтымъ по праздничному народомъ, очень часто играли въ карты и еще въ какую-то игру денежную; игроковъ обыкновенно окружала густая толпа зрителей. Мѣстами были качели, и молодыя женщины, и молодые люди, и дѣти качались; взрослыхъ дѣвушекъ не было видно.

У подножія горъ былъ небольшой городокъ; выѣхавъ изъ него, мы

очутились въ широкой долинѣ р. Хань, направо и налѣво были видны горы, и все ровное пространство, покрытое полями, было усѣяно отдѣльными домиками и деревнями; по дорогѣ были и большія деревни. Благодаря теплу и праздничному времени, на дорогѣ и на улицахъ было очень людно; нарядно одѣтая молодежь дѣлала свои праздничные визиты къ родственникамъ, въ рукахъ у нихъ всегда находились корзиночки съ праздничными подарками. Разносчики сновали со сластями вдоль по дорогѣ; между дешевыми лакомствами главное мѣсто здѣсь принадлежало палкамъ сахарнаго тростника,—его строгалъ и сосалъ всякій мальчишка, много также было „мандариновъ"—ихъ на нашу копѣйку можно было купить пару. Много также продавалось дешевыхъ игрушекъ. Эта оживленная картина, почти не прерываясь, продолжалась во весь нашъ дневной переходъ верстъ въ 40. Здѣсь женщины менѣе уродуютъ свои ноги и потому принимаютъ болѣе дѣятельное участіе какъ въ работахъ мужчинъ, такъ и въ ихъ увеселеніяхъ. На другой день мы снова вошли въ горы, но здѣсь онѣ носили совсѣмъ другой характеръ: скалъ не было, вершины были плоски и всѣ долины были какъ-бы превращены въ ряды непрерывныхъ озеръ,—это были рисовыя поля, приготовлявшіяся къ посѣву; къ вершинѣ рисовыя поля смѣнялись обыкновенно полями пшеницы, а на крутизнахъ сѣяли уже только кукурузу. Населеніе въ горахъ живетъ бѣднѣе, но народъ намъ больше нравился, былъ красивѣе и привѣтливѣе.

Послѣ трудной горной дороги наши носильщики захотѣли отдохнуть и, пойдя къ рѣкѣ Джа-линъ-дзянъ, наняли лодку, поставили туда насъ въ носилкахъ, сѣли сами и поплыли по теченію; къ нимъ присоединилось еще нѣсколько носильщиковъ тяжестей, и лодки наполнились до того, что люди сидѣли уже не только на лавкахъ, но и на полу. Съ лодки намъ было очень удобно любоваться берегами; на нихъ замѣчательно ясно были видны мощныя складки песчаниковыхъ слоевъ, точно будто горы были сложены изъ рядовъ бумаги; мѣстами были бомы; здѣсь видны были слѣды балконовъ, нѣкогда тянувшихся надъ рѣкой на разстояніи верстъ двухъ или больше; теперь оставались только выдолбленныя дыры въ камнѣ. Незадолго до города Гуань-юаня, гдѣ мы должны были высадиться, намъ открылось очень оригинальное зрѣлище. Вся береговая скала сверху до низу раздѣлена пещерами и нишами, въ которыхъ стояли статуи боговъ; были между ними большіе, въ нѣсколько саженъ, были и маленькіе, одни сидѣли по будійскому обычаю, другіе изображались стоя; нѣкоторыя пещеры рядами статуй очень напоминали мнѣ наши древнія христіанскія изображенія, какъ

будто виденъ иконостасъ древняго храма. Монастырь этотъ называется „Тысяча Буддъ“; въ немъ, говорятъ, живетъ до 500 монаховъ.

Городъ Гуань-юань, должно быть, очень старинный. Въ немъ толстыя крѣпкія стѣны и башни, его набережная выстлана плитнякомъ, на пристани въ рѣку спускаются лѣстницы. Мостовыя здѣсь вездѣ, на улицахъ, на дворахъ, въ конюшняхъ и комнатахъ: вездѣ вымощено крупными плитами и, кажется, вездѣ одинаково грязно; даже дальше города большая дорога сплошь вымощена, гдѣ пошире—въ нѣсколько плитъ, гдѣ въ одну, чтобы оставить только тропку для носильщика. Изъ Гуань-юаня мы выступили 15-го февраля. Было тепло; на пашняхъ попадались цвѣтущіе бобы; капуста и рѣдька были уже роскошны, а народъ цѣлыми семьями съ ребятами всѣхъ возрастовъ работалъ на пашняхъ; пшеница была уже въ четверть высоты, но вся остальная природа, нетронутая рукой чедовѣка, казалось, еще не просыпалась. Это производило странное впечатлѣніе.

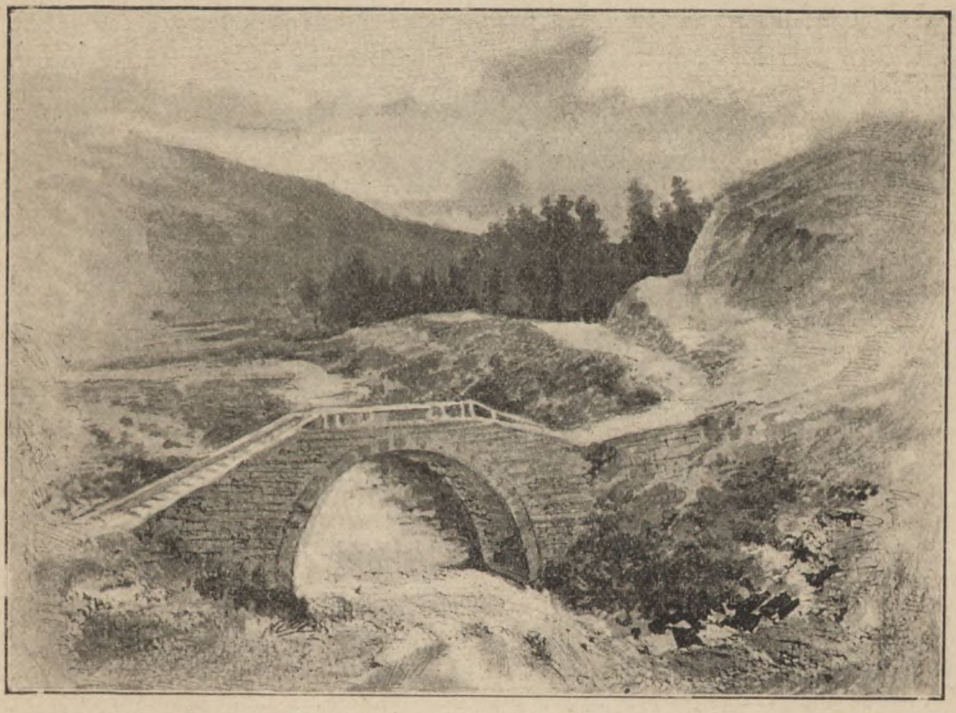
Рис. 33.

Отсюда дорога опять пошла горная. Въ первый день она вся почти состояла изъ лѣстницъ и была проложена по вершинамъ, такъ что видъ открывался въ обѣ стороны; внизу обыкновенно, какъ стекла громадной оранжереи, видны были ряды залитыхъ водой рисовыхъ полей, а ближе къ намъ все пространство было раздѣлено подъ пашни; между ними вездѣ росли туйи. Ихъ темная мрачная зелень рѣзко выдавалась на ярко красной почвѣ. Туйи осѣняли также и дорогу; здѣсь, нетронутыя рукой человѣка, онѣ достигали громадныхъ размѣровъ: въ два-три человѣческихъ обхвата бывалъ ихъ стволъ, и густыя, нѣжныя вѣточки хвоя бросали тѣнь далеко,—подъ ними почти не было травы; каждое дерево было такъ живописно, что просилось на картинку. По дорогѣ, не прерываясь, шли носильщики: тяжести на мулахъ почти не встрѣчались. Горныя селенія были тѣсны; ихъ улицы часто также состояли изъ лѣстницъ. Несмотря на красоту отдѣльныхъ мѣстъ, въ общемъ страна представляла ужасно скучный видъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней въ горахъ мы, наконецъ, спустились въ Ченту-фуйскую равнину; здѣсь ландшафтъ опять измѣнился. Передъ вами почти

все пространство залито водой; лишь оазисами выдаются деревеньки, осѣненныя рощами бамбука, какъ будто гигантскія страусовыя перья опушаютъ берега озеръ, или на холмахъ густыя рощи туйи скрываютъ красивые дома кумиренъ. Фасады нѣкоторыхъ изъ нихъ и ворота, ведущія въ ихъ владѣнія, иногда необыкновенно красиво украшены рѣзьбой и покрыты красками, какъ будто это эмалевая игрушка. Чѣмъ ближе мы подходили къ Ченту-фу, тѣмъ гуще было населеніе. Послѣдній день передъ деревней, почти не прерываясь шли по обѣ стороны дороги; по ней было такъ людно, какъ въ самое бойкое время на нашей иркутской большой улицѣ. Носилки встрѣчались почти на каждомъ шагу, не говоря уже о носильщикахъ тяжестей.

Рис. 34.



Носильщики, повидимому, составляютъ особый классъ населенія въ Китаѣ; несмотря на общность профессій, они рѣзко отличаются отъ извощиковъ и погонщиковъ муловъ. Послѣдніе одѣваются чистенько въ платье крестьянскаго покроя изъ грубой синей ткани, носильщики носятъ город-

ской костюмъ, но онъ почти всегда съ чужого плеча и притомъ иногда представляетъ одни лохмотья. Когда къ намъ въ Си-ань-фу явились носильщики, мы были смущены ихъ видомъ; намъ казалось, что они представляютъ подонки городского общества; мнѣ думалось, что только насъ взялись нести такіе оборванцы, и я конфузилась нашихъ носильщиковъ, но потомъ мы увидали, что наши сравнительно франты; у другихъ, даже чиновныхъ китайцевъ, встрѣчались почти полуголые. Повидимому, это народъ, который владѣетъ только крѣпкими мускулами и здоровыми желудками; зарабатывая сравнительно много, они ничего не сберегаютъ; въ дорогѣ ѣдятъ хорошо, и все свободное время проводятъ за карточной игрой, можетъ быть благодаря тому, что другія удовольствія—водка и опіумъ—имъ недоступны, какъ отнимающія силу. Между тѣмъ, какъ извозчикъ имѣетъ нѣкоторую собственность—телѣгу, муловъ, можетъ быть, даже, землю, домъ, крестьянское хозяйство,—носильщикъ не можетъ имѣть даже запаснаго платья и, отправляясь въ дальній путь, онъ одѣвается легко какъ лѣтомъ, хотя бы это было и зимой. За то, находясь постоянно на службѣ у лицъ привиллегированнаго класса, они привыкли и на себя смотрѣть, какъ на привиллегированныхъ. Имъ, т. е. носильщикамъ, всегда уступаютъ дорогу, въ дянахъ имъ даютъ отдѣльную комнату и теплыя одѣяла на ночь; какъ только они приходятъ, имъ грѣютъ теплую воду, и они моютъ лицо, руки и ноги; ямщики не пользуются и половиной этихъ удобствъ, они даже всегда останавливаются въ разныхъ дянахъ; наши мульщики, привезшіе нашъ багажъ, всегда отправлялись ночевать въ другой дянъ, можетъ быть болѣе дешевый, а можетъ быть только болѣе приспособленный для ихъ потребностей. Быть носильщикомъ далеко нелегкая работа,—у многихъ плечи или шеи стерты, ноги иногда пухнутъ, но, повидимому, за эту работу берутся уже только здоровые люди; слабые и старые оставляютъ эту профессію или переносятъ маленькія тяжести на коромыслахъ и въ корзинахъ.

2-го марта 1893 г. Ченту-фу.

Дòрджи, бурятскій мальчикъ.

Далеко, очень далеко отсюда, больше чѣмъ за пять тысячъ верстъ отъ Петербурга, а именно въ Восточной Сибири, есть, какъ моимъ читателямъ, вѣроятно, извѣстно, большое озеро Байкалъ. Озеро это такъ велико, что окрестные жители зовутъ его моремъ. Въ длину оно около восьмисотъ верстъ, а ширина его въ самомъ узкомъ мѣстѣ доходитъ до двадцати верстъ. Въ это озеро впадаетъ р. Селенга, которая начинается въ Монголіи, а вытекаетъ изъ него Ангара, впадающая въ Енисей. Вамъ уже, вѣроятно, извѣстно, что Восточная Сибирь на югѣ граничитъ съ Монголіей и Манджуріей. Озеро Байкалъ, хотя и находится въ предѣлахъ русскаго государства, но около него, а также и по Селенгѣ, живетъ не русскій народъ, а народъ монгольскаго племени — буряты. Отъ русскихъ буряты отличаются и наружностью, и образомъ жизни, религіей, и языкомъ. Впрочемъ, въ настоящее время они уже начинаютъ заниматься земледѣліемъ, а лѣтъ сто или даже пятьдесятъ тому назадъ, они были еще *кочевники, скотоводы.*

Это *предисловіе* написала я потому, что мнѣ хочется разсказать вамъ исторію одного бурятскаго мальчика, отданнаго въ русскую школу.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, неподалеку отъ пограничнаго города Троицкосавска, примыкающаго къ столь извѣстной слободѣ Кяхтѣ, на берегу Селенги можно было видѣть группу деревянныхъ построекъ. Издали ее можно было принять за деревню, но, всматриваясь внимательнѣе, нельзя было не замѣтить, что зданія, которыя мы приняли-было за деревенскіе дома, скорѣе походятъ на сараи: въ нихъ нѣтъ оконъ, и въ кровлѣ каждаго виднѣется большая четырехъ-угольная дыра; однакожъ дымокъ, кото-

рый вился надъ каждой кровлей, играющія дѣти у нѣкоторыхъ дверей и кое-гдѣ разбросанныя телѣги показывали, что хоть это была и не деревня, а все-же таки и не пустынное, а жилое мѣсто. Дѣйствительно, это былъ бурятскій *улусъ*, извѣстный подъ названіемъ Кутетуевскаго улуса. Каждый день утромъ и вечеромъ картина оживлялась; къ каждому жилью, съ окружающей ихъ степи, тянулись вереницы коровъ; женщины выходили имъ на встрѣчу и впускали скотъ въ загородки, окружающія каждый домъ; въ то же время дѣти — мальчики и дѣвочки — пригоняли туда же телятъ, а подростки, верхомъ на лошадяхъ, загоняли къ домамъ табуны лошадей. Въ загородкахъ, подъ открытымъ небомъ, начиналось доенье скота, слышался говоръ, смѣхъ, иногда пѣсни на незнакомомъ для насъ бурятскомъ языкѣ; мѣстами зажигали костры. Ночью все стихало, а на утро опять начиналась жизнь, пока опять скотъ не выпускали изъ загородокъ. Онъ разбѣгался снова по окружающей степи, безъ всякихъ пастуховъ и охраны; только телятъ не пускали бродить на свободѣ, а отводили на особый огороженный заборомъ лужокъ, да овецъ провожали въ ближайшія горы старухи съ веретеномъ въ рукахъ или маленькіе пастухи и пастушки.

Однажды въ іюльское утро 18** года, въ одну изъ крайнихъ построекъ описываемаго нами улуса вошла бурятская женщина съ большимъ ведромъ только-что надоеннаго молока. За ней слѣдомъ маленькій мальчикъ тащилъ другое ведерко поменьше, которое служило ей подойникомъ. Мать была въ черной плисовой шапкѣ, изъ-подъ которой на ея грудь спускался цѣлый наборъ серебряныхъ украшеній. Двѣ косы были распущены по плечамъ. Одѣта она была въ синій порядочно затасканный халатъ и плисовую безрукавку. Мальчикъ былъ безъ шапки, волосы у него спереди были гладко острижены, а сзади заплетены въ косу; на немъ былъ также длинный халатъ и самодѣльные сапоги. Смуглый цвѣтъ лица и узкіе, какъ будто постоянно смѣющіеся, глаза не мѣшали ему быть красивымъ. Звали его Дорджи. И вотъ о немъ-то я и хочу разсказать вамъ.

Жилъ онъ, какъ и всѣ бурятскія дѣти, очень счастливо; родители его очень любили, и хотя у него не было ни игрушекъ, ни удобной кроватки, ни стола, ни стула, ни умывальника, и даже никогда не было больше одной рубашки и однихъ панталонъ (новые ему шили тогда только, когда старые совсѣмъ разваливались), тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя очень счастливымъ. Спалъ онъ въ общей комнатѣ на разостланномъ на полу войлокѣ, умываться по утрамъ бѣгалъ на Селенгу, пилъ сколько ему хотѣлось молока, закусывалъ домашнимъ сыромъ, а когда большіе варили себѣ бара-

нину, онъ получалъ вкусную кость съ мясомъ, которую онъ могъ обгладывать, сколько ему хотѣлось, не заботясь о томъ, что жиръ мажетъ ему щеки и течетъ по пальцамъ. Дорджи, если у него была на то охота, помогалъ отцу или матери по хозяйству: загонялъ барановъ или разыскивалъ далеко ушедшій скотъ, носилъ воду изъ Селенги или помогалъ матери няньчить своего маленькаго брата; но все это онъ дѣлалъ безъ всякаго принужденія, и иногда ему болѣе нравилось убѣгать съ товарищами въ поле или въ лѣсъ на ближайшихъ горахъ,—и онъ исчезалъ изъ дому съ утра.

Я уже сказала, что у Дорджи не было многаго изъ того, къ чему привыкли вы, русскія дѣти, но что отъ этого онъ не чувствовалъ себя несчастнымъ; происходило это оттого, что всѣ буряты, и дѣти, и взрослые, не жили иначе:—всѣ они жили такъ же, какъ Дорджи.

Въ домѣ, куда вошелъ Дорджи съ матерью, оконъ, какъ я уже сказала, не было; не было также и пола: подъ ногами была земля. Стѣны были бревенчатыя, а потолокъ замѣняли доски кровли. Въ комнатѣ было однако довольно свѣту, падавшаго черезъ большое отверстіе въ кровлѣ. Подъ этимъ отверстіемъ, въ серединѣ жилья, стоялъ желѣзный таганъ, и какъ разъ въ то время, когда Дорджи съ матерью входили въ домъ, его отецъ подкладывалъ подъ таганъ дрова и разводилъ огонь. Вправо отъ очага по стѣнѣ тянулись лавки и полки, заставленныя деревянной посудой; налѣво отъ входа стояла грубая, очень низкая кровать, а прямо противъ входа — комодъ, выкрашенный яркими красками, на которомъ стояло нѣсколько кіотокъ съ образами. Въ дальнемъ углу, на полу, валялось нѣсколько войлоковъ и подушекъ: это были неубранныя постели самого Дорджи и его старшаго брата. У самаго входа, налѣво, была запертая дверь въ сосѣднее помѣщеніе. Тамъ была бурятская гостиная, отворявшаяся только тогда, когда являлись гости. Въ этой комнатѣ, совершенно такой же по устройству, какъ и первая, безъ оконъ и потолка, былъ однако настланъ полъ, и только по серединѣ ея было оставлено неприкрытое досками небольшое пространство для костра. Кругомъ стѣнъ здѣсь были поставлены, одинъ на другой почти до потолка, сундуки; всѣ они были ярко разрисованы красками и составляли украшеніе комнаты. Главное украшеніе ея впрочемъ составляла божница, которая и занимала всю переднюю стѣну. По серединѣ стоялъ высокій комодъ съ кіотомъ, по бокамъ — два другіе пониже, и еще рядомъ приставлены были два небольшихъ стола. Все это образовало симметричную лѣстницу, уставленную сверху до низу образами

и статуэтками. Послѣднія были сдѣланы изъ мѣди и представляли сидящія человѣческія фигуры. Кромѣ статуэтокъ и рисованныхъ изображеній, тутъ было множество всякихъ украшеній: нѣсколько букетовъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣсколько пучковъ павлиныхъ перьевъ въ красивыхъ вазочкахъ и букеты китайскихъ искусственныхъ цвѣтовъ. Тутъ же стояли мѣдныя и стеклянныя чашечки съ рисомъ и курительныя свѣчи. Сначала, по первому взгляду на образа въ кіотахъ, ихъ можно было принять за русскіе образа, но присмотрѣвшись внимательно, легко было замѣтить, что все это было иное: тутъ виднѣлись такія фантастическія фигуры, многоголовыя, многорукія, какія никакъ нельзя было признать за русскіе образа святыхъ. Бурятскіе образа, покрытые яркими красками и золотомъ, вазочки возлѣ нихъ, статуэтки и всѣ украшенія вокругъ нихъ чрезвычайно нравились Дорджи, и онъ очень любилъ, когда ему позволяли поближе разсмотрѣть все, что было поставлено въ кіотахъ.

Я употребляю выраженія: *божница*, *кіотъ*, *образа* за неимѣніемъ другихъ словъ; но прошу читателей помнить, что буряты исповѣдуютъ не христіанскую, а *буддійскую* вѣру. Буддійская вѣра или буддизмъ ничего общаго съ христіанской вѣрой не имѣетъ, но буддисты такъ же вѣрятъ въ своего спасителя—Будду Сакъямуни, жившаго нѣкогда среди людей и учившаго народъ милосердію и правдѣ, какъ христіане вѣруютъ въ Христа. Буддисты рисуютъ Будду и другихъ своихъ святыхъ людей и дѣлаютъ ихъ статуэтки. Простой русскій народъ, видя статуи, передъ которыми молятся буряты, не задумывается надъ ихъ значеніемъ и считаетъ буддистовъ идолопоклонниками.

Въ то утро, съ котораго мы начали свой разсказъ, Дорджи, принеся подойникъ за матерью, долженъ былъ еще нѣсколько поработать. Въ комнатѣ кромѣ отца, человѣка среднихъ лѣтъ, также съ косой и въ такомъ же халатѣ, какъ на Дорджи, былъ еще ребенокъ, сильно кричавшій въ своей деревянной люлькѣ. Мать, не обращая вниманія на его плачъ, принялась разливать молоко въ деревянныя кадочки, чтобы поставить его на сметану; отецъ продолжалъ разводить огонь, такъ какъ пора было варить завтракъ, и Дорджи велѣно было качать братишку. Онъ присѣлъ на корточки къ колыбели и сталъ наклонять ее то въ одну, то въ другую сторону; низъ люльки состоялъ изъ круглыхъ обручей, и потому качанье выходило плавное. Дорджи съ удовольствіемъ бы убѣжалъ отъ этой *работы*, но ему хотѣлось ѣсть, и онъ ждалъ завтрака. Наконецъ мать, разливши молоко, часть его вылила въ желѣзный котелъ, поставленный на та-

ганѣ, зачерпнула изъ кадушки на лавкѣ ковшъ творога и положила его въ молоко, а когда молоко съ творогомъ вскипѣло, она всыпала туда же большую чашку ржаной муки; стряпня была кончена, и родители Дорджи принялись за ѣду.

Для этого они оба придвинулись къ котлу, стоявшему на огнѣ, и, наложивъ оттуда молочнаго киселя въ деревянныя чашки, прежде для Дорджи, а потомъ для себя, стали его пить. Ребенка мать взяла къ груди, и теперь Дорджи могъ также придвинуться къ огню и котлу. Какъ видите, бурятамъ для завтрака не нужно ни столовъ, ни стульевъ, ни тарелокъ, ни ложекъ. Отецъ ласково пригласилъ Дорджи сѣсть на войлочекъ, который былъ подостланъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, и, погладивъ его по головѣ, промолвилъ: „Не долго ужъ тебѣ баловаться—присадимъ тебя. Хочешь грамотѣ учиться?“ Дорджи посмотрѣлъ на отца. У нихъ во всемъ улусѣ, т.-е. во всѣхъ этихъ избушкахъ, построенныхъ неподалеку отъ дома Дорджи, не было грамотныхъ людей, и Дорджи еще никогда не думалъ о томъ, что такое грамота, хорошо ли ее знать или дурно, хочетъ онъ этого или не хочетъ? Больше всего его смутилъ тонъ отца, не то онъ надъ нимъ смѣется, не то сожалѣетъ о немъ.

Дорджи рѣшительно не зналъ, что сказать, и промолчалъ. Скоро арса была съѣдена, и Дорджи убѣжалъ изъ дому на берегъ Селенги, гдѣ ужъ были другіе мальчики его улуса; всѣ вмѣстѣ они стали играть въ разноцвѣтные камешки, валявшіеся у воды. Дорджи также игралъ съ мальчиками, но его не покидало тревожное чувство по поводу замѣчанія отца. Ему хорошо жилось и безъ грамоты; къ тому же отецъ сказалъ: „присадимъ тебя“ и какъ будто жалѣлъ. Дорджи хотѣлось бы узнать отъ когонибудь, какъ учатъ грамотѣ; но тутъ среди товарищей никто этого не могъ разсказать ему; онъ даже думалъ, что объ этомъ ничего не знаетъ и его старшій братъ; да и вообще ему не хотѣлось говорить объ этомъ: онъ очень не любилъ чѣмъ-нибудь выдаваться отъ товарищей, боялся, что станутъ смѣяться... Около полудня Дорджи, игравшій теперь съ товарищами на пригоркѣ, какъ разъ надъ ихъ домомъ, увидалъ, что по дорогѣ къ ихъ улусу ѣдутъ два всадника. Ихъ яркіе желтые халаты и такія же желтыя шапки указывали, что это были не простые люди, а *ламы*. Ламами будисты называютъ людей, отказавшихся отъ міра, такихъ, которыхъ мы, христіане, называемъ монахами. Ламы такъ же живутъ въ своихъ буддійскихъ монастыряхъ, какъ и наши монахи, но одѣваются не въ черное, а въ желтое платье. Дорджи очень рѣдко видалъ ламъ; въ ихъ улусъ они заѣз-

жали рѣдко. Само собою разумѣется поэтому, что вся ватага мальчиковъ бросилась встрѣчать пріѣзжихъ. Встрѣча эта оказалась очень кстати, такъ какъ на ламъ набросились собаки чуть не со всего улуса. Мальчики разогнали собакъ и, замѣтивъ, что путники подъѣзжаютъ къ дому Дорджи, сняли въ одномъ мѣстѣ жерди, изъ которыхъ состояла ограда вокругъ двора, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у русскаго дома были бы ворота. Мальчики смотрѣли, какъ ламы торжественно подъѣзжали къ самому крыльцу; они видѣли, какъ одинъ изъ нихъ, очень еще молодой, соскочилъ съ своей лошади и помогъ сойти съ коня старшему. На крыльцѣ сейчасъ же показались отецъ и мать Дорджи и съ глубокими поклонами приняли пріѣзжихъ и просили ихъ войти въ чистую половину дома. Дорджи чрезвычайно заинтересовало, кто бы это могъ быть: къ нимъ обыкновенно заѣзжали только родные, которыхъ Дорджи зналъ, если не всѣхъ въ лицо, то по крайней мѣрѣ по разсказамъ. Обыкновенно бойкій мальчикъ, Дорджи на этотъ разъ такъ сконфузился, что вмѣсто того, чтобы идти къ гостямъ и дождаться, какъ мать будетъ доставать изъ сундуковъ баранки и сахаръ, убѣжалъ на заднюю сторону дома и здѣсь помѣстился противъ той большой щели въ стѣнѣ, которую буряты нарочно оставляютъ, чтобы поглядывать на лежащій вокругъ дома скотъ.

Въ щель мальчикъ нашъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ въ комнатѣ. Рядомъ съ нимъ расположились и его товарищи. Гости въ это время молились передъ божницей: они прикладывали ладони сложенныхъ рукъ ко лбу и кланялись въ землю передъ „бурханами“, т. е. передъ описанными выше изображеніями боговъ; затѣмъ они сѣли на разостланные нарочно для нихъ стеганные тюфячки, налѣво отъ входа въ комнату, гдѣ у бурятъ обыкновенно сажаютъ почетныхъ гостей. Дорджи замѣтилъ, что мать для стараго ламы подложила особый тюфякъ, обшитый желтой матеріей. Послѣ этого отецъ и мать и тѣ изъ сосѣдей, которые уже пришли къ нимъ завидя гостей, подходили къ ламѣ, кланялись передъ нимъ въ землю, а онъ каждому клалъ на голову какой-то свертокъ желтой шелковой матеріи. Нѣкоторыя старушки кромѣ того цѣловали при этомъ конецъ пунцоваго шарфа, надѣтаго на ламу. Вся эта церемонія очень интересовала нашихъ мальчиковъ. Въ особенности же имъ хотѣлось узнать, что такое завернуто было въ желтую ткань и для чего лама прикладываетъ этотъ свертокъ къ головамъ. Къ концу дня Дорджи узналъ, что интересовавшая его вещь была *тибетская книга* съ молитвами. Ламы вмѣсто благословенія обыкновенно прикасаются книгой къ головѣ вѣрующихъ,

какъ бы желая этимъ, чтобы буддійское ученіе вошло въ пониманіе благословляемыхъ.

Въ то время, какъ въ гостиной происходилъ неспѣшный торжественный пріемъ, въ жилой половинѣ дома шли приготовленія къ обѣду и къ чаю. Сосѣдки приносили хозяйкѣ дома такія угощенія, какихъ не доставало въ ея хозяйствѣ: одна принесла сливокъ, другая — свѣжаго хлѣба, только-что привезеннаго отъ русскихъ, и т. д. Въ улусѣ буряты не умѣли печь хлѣбъ, и покупали его готовымъ у русскихъ. Дорджи тоже нашлось дѣло: ему велѣли поймать лошадь, которая паслась неподалеку отъ дома въ загородкѣ вмѣстѣ съ телятами. На этой лошади сосѣдній парень поѣхалъ въ горы, гдѣ старшій братъ Дорджи пасъ барановъ, за бараномъ для стола почетныхъ гостей.

Дóрджи все это время боялся, что отецъ вспомнитъ о немъ, позоветъ его въ комнату и ему при всѣхъ сидящихъ тамъ гостяхъ придется выйти на середину комнаты класть земные поклоны передъ бурханами и потомъ принимать благословеніе у ламы. Его смущала мысль, что и ему придется продѣлать все это; но онъ зналъ также, что того требовалъ бурятскій этикетъ, зналъ, что если бы онъ не сталъ молиться и кланяться ламѣ, его сочли бы неблаговоспитаннымъ мальчикомъ, а это сильно задѣвало его самолюбіе. Но Дóрджи былъ не только самолюбивъ, но и любопытенъ, и ему очень хотѣлось узнать, что говорятъ гости, поэтому при всякой возможности онъ садился у щели, сзади дома, и слушалъ разговоры старшихъ. Многаго онъ не понималъ, но то немногое, что понималъ, казалось ему было совсѣмъ не похоже на разговоры, какіе велись обыкновенно у нихъ въ семьѣ. Старикъ разсказывалъ о какой-то своей поѣздкѣ. Очевидно, что и молодой человѣкъ принималъ въ ней участіе, такъ какъ онъ отъ времени до времени добавлялъ отъ себя какую-нибудь подробность или давалъ объясненія; онъ очень понравился Дóрджи, и показался ему добрымъ. Одинъ разговоръ, возникшій по поводу того, что кого-то изъ присутствующихъ звали Очиръ, очень занялъ нашего мальчика: старикъ сказалъ, что имя это значитъ *громовая стрѣла*, и привелъ еще нѣсколько съ ранняго дѣтства знакомыхъ Дóрджи именъ, объясняя значеніе каждаго. Онъ сказалъ между прочимъ, что Дóрджи значитъ *алмазъ*, и что та страна, въ которой жилъ нѣкогда ихъ божественный учитель, называется также Дорджистанъ, т.-е. страна алмазовъ. Это двойное значеніе словъ— чрезвычайно поразило ребенка; до сихъ поръ онъ ни разу еще не задумывался о чемъ-нибудь подобномъ, а теперь ему показалось, что передъ

нимъ раскрылось нѣчто необыкновенно важное и значительное; ему показалось также, что ламы должны обладать необыкновенными познаніями. Тутъ онъ вспомнилъ о грамотѣ и этотъ разъ ему захотѣлось учиться... Наконецъ, пріѣхалъ старшій братъ Дорджи, Цыденъ, мальчикъ лѣтъ 15-ти; онъ привезъ огромнаго барана, держа его впереди себя на сѣдлѣ, и очевидно усталъ. Мать наскоро дала Цыдену поѣсть и потомъ заставила его и Дорджи умыться и вынула имъ обоимъ изъ сундука новые халаты. Когда они пріодѣлись, подпоясались новыми кушаками и надѣли свои праздничныя шапки съ красными кистями, тогда только мать повела ихъ въ комнату, гдѣ сидѣли гости. Дорджи былъ очень радъ, что ему пришлось не одному продѣлывать церемонію поклоновъ, и когда все было кончено и они съ Цыденомъ приняли легонькій ударъ тибетской книгой по головѣ, отецъ сказалъ: „Вотъ, лама, какъ думаешь, котораго?“ Дорджи, уже и безъ того очень взволнованный, даже похолодѣлъ отъ этихъ словъ отца. Онъ струсилъ не на шутку, особенно когда лама пристально и строго посмотрѣлъ ему прямо въ лицо и сказалъ слегка хлопнувъ мальчика по плечу: „Да, мой совѣтъ—вотъ этого!“ Дорджи подумалъ, что лама хочетъ взять его къ себѣ; онъ зналъ, что нѣкоторыхъ мальчиковъ отдаютъ жить въ монастыри, и у него показались слезы, но онъ всячески старался не расплакаться. „Какъ зовутъ?“ обратился лама, но оба мальчика не собрались отвѣтить, за нихъ отвѣтилъ отецъ. „Я такъ полагаю“, продолжалъ говорить лама, „что Цыденъ уже старъ, ну да къ тому же онъ старшій, а этотъ маленькій — его можетъ быть и ламой сдѣлаете впослѣдствіи, если ему ученье дастся.“ Тутъ у Дорджи отлегло немного отъ сердца: грамота казалась ему не такъ страшна, какъ монастырь, но его еще не оставила тревога, онъ зналъ что у нихъ въ улусѣ не было грамотныхъ, и потому онъ все еще боялся, что ламы увезутъ его. Мальчики удалились въ это время къ порогу и сѣли тамъ. Дорджи даже позабылъ теперь, занятый своими мыслями, слушать разговоры, но вотъ до его слуха доносится фраза ламы: такъ вотъ Аюши будетъ учить его. У Дорджи при этомъ совсѣмъ пропалъ страхъ. Въ продолженіе дня онъ уже встрѣчался съ Аюшей, который отъ времени до времени оставлялъ чинное собраніе гостей и выходилъ въ жилую комнату и во дворъ. Дорджи успѣлъ уже замѣтить, что молодой лама былъ совсѣмъ *не важный*, а даже веселый и очень разговорчивый. „Сначала пусть мальчикъ монгольскую грамоту пойметъ“, продолжалъ старый лама, „а тамъ, если онъ будетъ понятливъ, можно и тибетскую начать; это, впрочемъ, если думаете ламой его дѣлать, а *чер-*

ному человѣку довольно, я полагаю, если онъ и одну монгольскую выучитъ.“ Дорджи слушалъ, не проронивъ ни слова, и понималъ, что рѣчь идетъ о немъ; ему какъ будто стало даже обидно, что его назвали *чернымъ человѣкомъ*, что это значитъ? почему ему послышалось при этомъ въ голосѣ ламы нѣкоторое пренебреженіе?.. Все это были вопросы, о которыхъ Дорджи приходилось подумать, какъ ему еще ни разу въ жизни не случалось думать. Этотъ день положилъ начало новой жизни для Дорджи, и потому онъ навсегда запечатлѣлся въ его памяти.

Изъ задумчивости Дорджи былъ выведенъ довольно чувствительнымъ толчкомъ въ бокъ, которымъ угостилъ его Цыденъ;—„удеремъ, Дорджи, будетъ уже сидѣть-то тутъ,“ шепталъ ему Цыденъ, подвигаясь незамѣтно къ двери. Старый лама уѣхалъ, а молодой остался жить въ домѣ родителя Дорджи. Оказалось, что отецъ Дорджи пригласилъ учителя на домъ, не желая отдавать мальчика въ монастырь. Это была большая радость для Дорджи. Аюши оказался очень добрымъ; онъ былъ сирота и выросъ въ монастырѣ, переходя отъ одного ламы къ другому; съ однимъ изъ своихъ учителей ламъ онъ ѣздилъ въ Монголію, въ тамошній большой монастырь Ургу на поклоненіе Кутухтѣ, какъ называютъ буряты своего буддійскаго первосвященника. Жизнь у разныхъ лицъ и особенно это путешествіе въ Ургу очень много помогли Аюшѣ; онъ сдѣлался человѣкомъ бывалымъ и много могъ поразсказать, несмотря на свои молодые годы. Онъ сталъ пользоваться уваженіемъ, а его умѣнье читать и писать по-монгольски помогли ему занять мѣсто учителя въ домахъ богатыхъ бурятъ; изъ бездомнаго бѣдняка онъ сдѣлался любимымъ и уважаемымъ въ своей средѣ человѣкомъ. Это, впрочемъ, не сдѣлало его спѣсивымъ. Въ семьѣ Дорджи онъ скоро сдѣлался какъ свой, старики полюбили его, а Цыденъ, который былъ только на три года моложе его, сдѣлался его товарищемъ; Аюши, несмотря на санъ ламы, былъ не прочь принять участіе во всѣхъ играхъ, какія устраивала молодежь въ улусѣ. Онъ научилъ ихъ новой игрѣ въ мячъ, которую онъ узналъ въ монастырѣ, а они показали ему свои игры: въ жгуты, въ бѣленькую палочку и многія другія.

Дорджи, учась у Аюши, очень полюбилъ учителя. На другой же день, какъ уѣхалъ старый лама, какъ только Дорджи всталъ и умылся, Аюши, уже вставшій раньше, подозвалъ его къ себѣ и сталъ учить молиться. Онъ далъ ему въ руки свои деревянныя четки и, заставляя держать двумя пальцами каждое зерно нити, произносить слова „*Омъ мани падме хомъ*“. Дорджи безпрестанно слышалъ эту молитву, но самъ еще

ни разу не произносилъ ее, такъ что ему не сразу удалось выговорить вполнѣ правильно эти чужія для него слова. Всѣхъ зеренъ было сорокъ,— молитву приходилось произнести сорокъ разъ; Дорджи показалось это необыкновенно скучнымъ, но дѣлать было нечего, онъ зналъ: такъ было нужно, всѣ такъ дѣлаютъ, и покорился. Едва успѣлъ Дорджи пропустить послѣднее зернышко, какъ попросилъ Аюши объяснить ему, что значатъ эти незнакомыя слова, но Аюши ничего не могъ ему сказать, онъ и самъ не зналъ; сказалъ только, что это — святыя слова, что передъ началомъ ученья надо именно такъ молиться Манжушри, открывающему разумъ, и показалъ его изображеніе, которое носилъ въ маленькомъ ящичкѣ или медальонѣ, подвѣшенномъ на шеѣ. На образкѣ была нарисована фигура въ блестящей коронѣ, съ поджатыми ногами и благословляющими руками. Послѣ завтрака учитель нашелъ деревяшку и принялся обстругивать изъ нея ножемъ гладкую дощечку; Дорджи съ большимъ интересомъ наблюдалъ всякое движеніе Аюши; онъ спрашивалъ зачѣмъ ему дощечка, но тотъ только говорилъ: „а вотъ увидимъ“. Любопытство Дорджи все разгоралось, наконецъ дощечка была выстругана, въ одной ее сторонѣ было провернуто ушко, и въ него продѣтъ ремешекъ. Послѣ этого Аюши досталъ изъ своего мѣшка такой же желтый сверточекъ, какой Дорджи наканунѣ увидалъ у ламы; внутри свертка оказалось десятка два толстыхъ карточекъ, на каждой въ красиво разрисованныхъ рамкахъ было написано что-то черной и красной краской.—Оказалось, что это была азбука. Дѣйствительно, Аюши, положивъ передъ Дорджи одну изъ карточекъ, заставилъ его повторить за собой названіе трехъ первыхъ буквъ. Потомъ Аюши начертилъ карандашемъ эти три буквы на деревянной вновь выструганной дощечкѣ и отдалъ ее Дорджи, а свою красивую азбуку опять завязалъ въ тряпочку и спряталъ. Онъ велѣлъ Дорджи выучить эти буквы къ обѣду. Дорджи хотѣлось еще поболтать съ Аюши, но онъ сказалъ: „ну, учи теперь, а то еще забудешь“. Дорджи отправился въ тотъ уголъ, гдѣ обыкновенно спалъ, разостлалъ свой войлочекъ и усѣлся на немъ съ твердымъ намѣреніемъ выучить сейчасъ же три буквы, но оказалось, что онъ совсѣмъ забылъ, какъ Аюши называлъ ему эти буквы. Ему было крайне стыдно признаться въ этомъ, и идти опять къ Аюши спрашивать, даже было немного страшно. Аюши, какъ нарочно, совсѣмъ не смотрѣлъ въ его сторону: онъ устраивалъ себѣ мѣсто поближе къ двери, гдѣ было больше свѣту, и собирался что-то писать на маленькомъ столикѣ; натиралъ тушь, заострялъ тростниковую палочку, — все это было очень интересно наблю-

дать, но время все уходило да уходило; дѣлать нечего, надо было опять идти къ учителю. Аюши назвалъ буквы, заставилъ Дорджи повторить и опять отослалъ его; Дорджи боялся теперь думать о чемъ-нибудь постороннемъ, боялся смотрѣть по сторонамъ и твердилъ свои буквы не переставая. Но вотъ, ему стало казаться, что онъ перемѣшалъ ихъ, что, повторяя безчисленное множество разъ одно и то же, онъ уже не знаетъ, которая собственно фигурка какъ называется; — пришлось опять идти къ Аюши. На этотъ разъ, впрочемъ, страхъ его былъ напрасенъ; онъ вѣрно назвалъ буквы, но только онъ такъ усердно тыкалъ въ нихъ пальцемъ, и подъ конецъ руки у него стали такъ потѣть, что дощечка, вмѣсто чистенькой съ яснымъ буквами, стала грязной съ тремя еще болѣе чумазыми пятнами вмѣсто буквъ. Аюши замѣтилъ это и переписалъ буквы тушью. Дорджи теперь замѣчалъ, какъ писалъ Аюши, и, отойдя къ очагу, тутъ же, на золѣ, попробовалъ написать буквы, что ему и удалось.—Онъ съ большимъ удовольствіемъ сталъ учить буквы, выводя каждую пальцемъ. Аюши замѣтилъ это, подозвалъ его къ себѣ и далъ ему карандашъ, но у Дорджи карандашъ не писалъ, онъ не умѣлъ его держать, да и дощечка скоро покрылась каракульками Дорджи. Тогда Аюши снова досталъ свой мѣшокъ и вынулъ изъ него дощечку, окрашенную черной краской, натеръ ее пепломъ и показалъ Дорджи, какъ можно писать на ней отруганной тонко лучинкой: изъ-подъ лучинки на сѣрой доскѣ выступали черныя буквы; когда Дорджи не удавалась буква, онъ только проводилъ по этому мѣсту пальцемъ, и дощечка снова покрывалась пепломъ. Дорджи провозился съ этимъ нѣсколько часовъ, но ему было весело; онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что умѣетъ уже читать и писать три буквы. А потомъ, когда его отпустили,—съ какимъ удовольствіемъ онъ побѣжалъ разсказать о своемъ ученьи своимъ товарищамъ!

На слѣдующее утро повторилось то же; и такъ потянулось ученье Дорджи надолго. Иногда онъ ужасно скучалъ; какъ только просыпался, ему хотѣлось не учиться, а играть. Одинъ разъ онъ такъ и сдѣлалъ, но Аюши скоро нашелъ его, привелъ за руку домой, и здѣсь Дорджи нашелъ отца крайне разсерженнымъ. Отецъ совсѣмъ-было уже собрался его сѣчь, у него даже приготовлена была довольно таки большая березовая хворостина, но Аюши попросилъ не наказывать на первый разъ; и въ самомъ дѣлѣ, Дорджи, когда узналъ, что ему грозятъ побои, совсѣмъ раздумалъ убѣгать отъ ученья. Онъ сталъ думать такъ: „вѣдь не вѣкъ же я буду учиться, выучусь, тогда опять наиграюсь“. Къ тому же у него

случались и свободные дни. Аюши, несмотря на свою молодость, умѣлъ немного и лечить; и вотъ, случалось, что за нимъ пріѣзжали откуда-нибудь изъ сосѣдняго аула, и онъ бралъ свой кожаный мѣшочекъ съ порошками и уѣзжалъ съ посланнымъ. Въ эти дни Дорджи не заставляли учиться, и онъ бѣгалъ уже съ утра до вечера, возвращаясь домой только тогда, когда чувствовалъ себя впроголодь. Были также иногда и праздники другаго рода, которые стали наблюдать его родные съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ жилъ Аюши; это—дни, посвященные воспоминаніямъ о событіяхъ, прославленныхъ въ исторіи буддизма. Въ эти дни къ Аюши обыкновенно обращались съ просьбою прочесть что-либо изъ его книгъ, или просто собирались вокругъ него, и онъ разсказывалъ имъ о своихъ странствованіяхъ по разнымъ монастырямъ, или пересказывалъ вычитанные изъ книгъ разсказы. Дорджи больше всего любилъ разсказы о Бурханъ Бакши, вся жизнь котораго, по преданію, состояла изъ безчисленныхъ подвиговъ. „Однажды, проходя по раскаленной пустынѣ, Бурханъ Бакши увидалъ лежащую тигрицу, умиравшую отъ голоду“, читаетъ бывало Аюши, а вся семья слушаетъ его, затая дыханіе, причемъ Дорджи непремѣнно помѣстится около самого Аюши, чтобы заглядывать въ его книгу. „Около изсохшихъ сосцевъ ея,—продолжаетъ чтецъ,—лежали и пищали отъ голода двое дѣтенышей, тщетно отыскивая молоко, которое уже изсякло. Мать нѣжно лизала тигрятъ и подставляла имъ свои сосцы съ любовью, превосходившею даже ея голодъ. При видѣ этой картины Бурханъ Бакши почувствовалъ невыразимое состраданіе. Помочь этой кровожадной убійцѣ можно только однимъ средствомъ, — подумалъ Бурханъ Бакши, — и онъ снялъ съ себя одежды и сандаліи, отложилъ въ сторону посохъ и вышелъ на поляну. „Смотри, мать, вотъ тебѣ пища!“ И умирающая тигрица бросилась на учителя и пожрала его“.

Много такихъ разсказовъ читалъ Аюши, и сердце Дорджи сжималось при этомъ отъ жалости. И самъ онъ съ этихъ поръ становился добрѣе и кротче и ужъ не разорялъ птичьихъ гнѣздъ и не отрывалъ хвостовъ у ящерицъ, чѣмъ прежде очень часто забавлялся. Была и еще одна книга у Аюши, которую всѣ любили слушать: это было описаніе рая, какъ онъ представляется въ писаніи буддистовъ. Тамъ описывались золотыя и коралловыя деревья съ изумрудными листьями, берега рѣкъ изъ драгоцѣнныхъ камней, дворцы необыкновенной, чисто сказочной, красоты и т. под. У Дорджи такъ разыгрывалось при этомъ воображеніе, что онъ точно на яву видѣлъ всѣ эти картины. И послѣ этого ему всегда бывало очень за-

хочется учиться, учиться какъ можно больше, знать много, очень много, все... Обыкновенно онъ забрасывалъ вопросами Аюши, но Аюши и самъ зналъ немного и не скрывалъ этого; онъ говорилъ, что надо много учиться, учиться до старости, чтобы знать много.

Скоро въ ученьи Дорджи наступилъ перерывъ. Около Ильина дня, т. е. 20 іюля, буряты начинаютъ косить сѣно. Къ этому времени всѣ улусы переселяются на свои зимнія или осеннія стоянки, поближе къ зимнимъ жилищамъ. Дѣтямъ переселеніе на новыя мѣста было истиннымъ праздникомъ. Въ Кудетуевскомъ улусѣ никто изъ хозяевъ не имѣлъ деревянныхъ домовъ на осеннихъ мѣстахъ, а потому каждой семьѣ приходилось ставить для себя войлочную юрту.

Отецъ Дорджи уѣхалъ на новыя мѣста наканунѣ; утромъ, на другой день, всѣ въ домѣ поднялись очень рано: и Дорджи, и Аюши, и двѣ ближайшія родственницы, и мать съ ребенкомъ, и работники, — всѣ двинулись туда же. Было нѣсколько телѣгъ съ имуществомъ, уложеннымъ въ ящики и сумки, а всѣ люди, не исключая Дорджи, а также и женщинъ, ѣхали верхами. Тутъ же гнали скотъ. Къ половинѣ дня они пріѣхали на ту рѣчку, гдѣ были расположены луга, принадлежавшіе Кудетуевскому улусу; мѣстами здѣсь были разбросаны шалаши, гдѣ въ это время жили нанятые отцомъ Дорджи косцы. Часть сѣна уже была скошена и стояла въ копнахъ. Мѣстность здѣсь была очень красивая: степь, разстилавшаяся по берегамъ Селенги, здѣсь оканчивалась; начинались горы; земля, принадлежавшая отцу Дорджи, была какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ ущелья вырывалась небольшая горная рѣчка. Ея берега были покрыты кустарникомъ; здѣсь дикая яблоня и красная боярка перемѣшивались съ ольхой, съ березками, съ ивами; кусты росли такъ густо, что мѣстами совсѣмъ закрывали рѣчку. Далѣе разстилались зеленые луга; трава здѣсь была такъ высока, что Дорджи пропадалъ въ ней съ головой, и огромные бѣлые цвѣты были выше его головы. Возы остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ трава была уже скошена. Всѣ разсѣдлали лошадей и пустили ихъ пастись; „потравъ“ буряты не боятся потому, что всѣ луга и пашни тщательно огорожены у нихъ изгородями. Тутъ начиналось настоящее веселье, тотъ порядокъ жизни, который Дорджи такъ любилъ... Начали выбирать мѣстечко для юрты, всѣ предлагали свое, кому хотѣлось какъ можно поближе къ водѣ, кто говорилъ, что у воды сыро; дѣйствительно, мѣсто для юрты выбрали около конца небольшой гривки, гдѣ трава была уже не луговая, а мелкая пахучая полынка; дѣтямъ сейчасъ

же былъ отданъ приказъ собирать разбросанные тутъ камни, а женщины начали ставить юрту.

Когда юрта была поставлена, на нее накинули войлочныя покрышки; боковыя рѣшотки были тоже затянуты войлоками. Затѣмъ разложили посреди юрты огонь, сварили себѣ чаю и, закусивъ, принялись устраивать внутри юрты божницу. Здѣсь, конечно, не выставлялось всего того, что украшало собой лѣтнее помѣщеніе, но зато Дорджи съ Аюшей предоставлено было все устроить по своему вкусу, и они все сдѣлали очень красиво; такъ какъ цвѣтовъ на лугу было множество, то они особенно позаботились о букетахъ и поставили ихъ предъ каждымъ бурханомъ. Отецъ и Цыденъ пріѣхали тогда, когда все было уже устроено; они похвалили юрту. Начали готовить обѣдъ подъ открытымъ небомъ, въ огромномъ котлѣ, такъ какъ и косцы тоже были приглашены къ обѣду. Вечеромъ на скошенномъ лугу устроились игры; большая часть косцовъ состояла изъ молодыхъ людей и дѣвушекъ. Молодежь веселилась чуть не до полуночи: играли въ разныя игры и пѣли пѣсни. На другой день ученья тоже не было: всѣ были заняты сѣнокосомъ. Дорджи и двоюродная сестра, его ровесница, возили копны. Ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы править лошадью: они должны были подъѣхать къ сложенному въ копну сѣну и заставить лошадь подойти задомъ къ кучѣ, а затѣмъ работникъ постарше накидывалъ веревочную петлю на копну; веревка эта была прикрѣплена къ сѣдельной лукѣ, и какъ только петля была накинута, лошадь съ маленькимъ всадникомъ должна была тащить копну къ тому мѣсту, гдѣ сметывали стогъ. Дѣти сначала плохо справлялись съ лошадьми, но скоро они этому выучились, а къ копнамъ, съ подобранными въ рукахъ веревками, они даже пускались въ галопъ. Аюши, Цыденъ и нѣсколько женщинъ изъ родственныхъ домовъ гребли сѣно, укладывали высохшее въ стога, а прочіе косили. Тутъ же была устроена временная кузница, и одинъ изъ бурятъ отбивалъ косы или сваривалъ поломанныя. Работа кипѣла, оканчивался рабочій день, и нѣкоторые оставались ночевать въ полѣ; если день выдавался не очень ясный и поневолѣ приходилось отдыхать, молодежь устраивала вечеромъ игры, да и безъ игры весело было Дорджи вечеромъ сидѣть около костра и слушать разсказы косцовъ. Особенно одинъ старикъ, пришедшій съ своей семьей издалека, занималъ его разсказами о проказахъ бурятскихъ чертенятъ. И сколько забавнаго было въ этихъ разсказахъ! Дорджи живо воображалъ себѣ этихъ кругленькихъ, лысыхъ, невидимыхъ чертенятъ и мысленно рисовалъ ихъ смѣшныя приключенія.

Такъ дѣятельно и весело прошелъ августъ и почти весь сентябрь. Начались холода по ночамъ, наемные косцы уже ушли; стали подумывать о переходѣ въ зимники. Дорджи, какъ и всѣ дѣти, опять былъ радъ перемѣнѣ: онъ отдохнулъ и теперь безъ ученья ему какъ будто становилось уже и скучно. Съ Аюши за эти мѣсяцы, когда онъ работалъ со всѣми за одно, а по вечерамъ игралъ или разсказывалъ что нибудь, сидя на свѣжемъ сѣнѣ, вся семья еще больше сдружилась, и Дорджи полюбилъ его больше, чѣмъ родного брата Цыдена.

Наконецъ насталъ день, когда юрту снова разобрали и всѣ вещи сложили въ ящики и мѣшки, поставили на телѣги или навьючили на лошадей. И всѣ потянулись вверхъ по этой же рѣчкѣ и вошли въ ущелье; сначала была только узкая дорожка, между горами и лѣсомъ, а затѣмъ горы немного разступились, и здѣсь стояло нѣсколько избъ, выстроенныхъ такъ, какъ строятъ русскія избы въ Забайкальѣ. У Дорджи домъ былъ большой, въ пять оконъ въ длину, въ три въ ширину, внутри онъ раздѣлялся на двѣ избы. Другія избы были поменьше. Дворовъ не было, а дома были огорожены пряслами, которыя нисколько не мѣшали людямъ ходить гдѣ угодно и не пускали только скотъ. Здѣсь, въ ущельи, было теплѣе, чѣмъ въ открытой долинѣ; особенно было тепло на солнечныхъ скатахъ горъ. Коровы очень любили лежать на такихъ солнопекахъ, да и дѣти тоже предпочитали играть на этихъ горныхъ склонахъ, поросшихъ рѣдкими, но высокими, крѣпкими соснами. Воздухъ здѣсь былъ смолистый, сильно пахло скошеннымъ сѣномъ. Конечно, въ домѣ было скучнѣе, чѣмъ въ юртѣ, но вѣроятно Дорджи это такъ казалось потому, что въ юртѣ ему приходилось жить не больше двухъ мѣсяцевъ, а въ зимникѣ цѣлыхъ пять, шесть мѣсяцевъ.

Съ переходомъ въ зимники Аюши снова принялся за ученье: уроки опять начинались съ утра и тянулись весь день, но все же Дорджи и въ это время удавалось побѣгать по горамъ. На его счастье у Аюши съ зимы прибавилось еще нѣсколько учениковъ: они приходили къ нему рано, уходили домой только ѣсть; Дорджи могъ уже помогать имъ въ ученьи, такъ какъ самъ онъ уже научился разбирать грамоту, а они долбили азбуку. Сравнивая себя съ другими, Дорджи видѣлъ, что ему сравнительно легко давалось ученье: память у него была хорошая, да и понималъ онъ легче другихъ.

Такъ прошелъ цѣлый годъ. Дорджи казалось, что это было самое счастливое время его жизни.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, т.-е. около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, буряты управлялись своими начальниками, которыхъ называли тайшами; тайша Селенгинскихъ бурятъ, подъ властью котораго находился и Кудетуевскій улусъ, въ это время понялъ, что буряты, живя въ Россіи, подъ русскими законами, должны сближаться съ русскими. Онъ сознавалъ, что лицамъ, управляющимъ бурятскимъ народомъ, необходимо знать по крайней мѣрѣ русскій языкъ, русскую грамоту; поэтому онъ приказалъ, чтобы буряты отобрали изъ своей среды нѣсколькихъ бурятскихъ мальчиковъ и отдали ихъ въ русскую школу. Къ счастью для бурятъ, русское правительство учредило уже тогда въ пограничныхъ городахъ „школы переводчиковъ“, гдѣ кромѣ предметовъ русскихъ преподавали и монгольскій языкъ. Такая школа существовала и въ Кяхтѣ,—городѣ, построенномъ на самой границѣ Россіи съ Монголіей.

Отецъ Дорджи видѣлъ, что сынъ его учится легко и охотно, что онъ любознателенъ и способенъ, и задумалъ отдать Дорджи въ эту школу. Матери Дорджи сильно не хотѣлось отпускать его изъ дому, отдавать сына на выучку къ русскимъ, которыхъ она совсѣмъ не знала, да и боялась, что въ чужой школѣ станутъ обижать его. Дорджи также страшно было уѣзжать изъ дому, но въ то же время ему очень хотѣлось учиться и знать какъ можно больше. Хотѣлось ему также знать, какъ живутъ другіе люди, не буряты; по разсказамъ онъ уже зналъ, что русскіе не похожи на бурятъ, что у нихъ есть города, съ большими домами, церквами и лавками. Все это казалось Дорджи очень интереснымъ; къ тому же городъ Кяхта, гдѣ была школа, находился очень близко отъ ихъ улуса.

Передъ отъѣздомъ отецъ подарилъ Дорджи лошадь; такимъ образомъ исполнялось давнишнее желаніе мальчика, не разъ уже размышлявшаго о томъ, что у Цыдена ихъ было нѣсколько. Та, которую подарили Дорджи, была изъ числа хорошихъ рысаковъ: рыжая, большого роста и съ длинною густою гривою и такимъ же хвостомъ. Правда, „Дзерге“ („Рыжка“) былъ очень старъ, но зато онъ былъ такъ уменъ, такъ уменъ! Дзерге только что не говорилъ, но понималъ отлично Дорджи, и тотъ уже совсѣмъ не боялся на немъ ѣздить: онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его Дзерге никакой не сдѣлаетъ глупости, не вздумаетъ, напримѣръ, сбросить съ сѣдла своего маленькаго сѣдока или уйти отъ крыльца, когда Дорджи его поставитъ, чуть-чуть только связавъ ему ноги. А ужъ какъ же быстро бѣгалъ Дзерге: онъ рѣшительно могъ бы обогнать всѣхъ отцовскихъ лошадей, если бы только Дорджи захотѣлъ этого, но Дорджи былъ добрый

мальчикъ, а у Дзерге болѣла спина: у него была рана на холкѣ, и потому Дорджи не хотѣлъ скакать во всю прыть; напротивъ, онъ ѣздилъ на немъ очень осторожно, никогда не облокачивался на переднюю луку и даже сходилъ съ лошади, когда приходилось спускаться съ крутизны. Сѣдло Дорджи тоже сдѣлали новое и обшили его краснымъ сукномъ,—это было нарядно и очень нравилось мальчику. Мать сшила Дорджи новый халатъ, обшитый плисомъ и позументами на воротѣ и на груди, сдѣлала шапку изъ лисьихъ лапокъ и вышила сапоги въ узоръ зеленымъ сафьяномъ. Чтобы сдѣлать всѣ эти вещи дома, были приглашены двѣ молодыя дѣвушки. Родные и знакомые пріѣзжали въ это время, чтобы повидать Дорджи передъ отъѣздомъ его изъ дома, а, главное, чтобы потолковать съ его отцомъ объ этой новости. Дорджи понялъ, что буряты придаютъ большое значеніе тому, что онъ ѣдетъ учиться въ русскую школу.

Аюши въ эти дни былъ очень грустенъ,—онъ очень полюбилъ Дорджи и боялся, что его ученикъ совсѣмъ забудетъ его, а пожалуй забудетъ и все, чему онъ его училъ. Въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ, Аюши все старался передать Дорджи то, что, по его мнѣнію, долженъ былъ знать вѣрующій буддистъ. Дорджи, развлеченный сборами, плохо понималъ Аюши и его наставленія въ вѣрѣ, но чувствовалъ его любовь къ себѣ и искренно обѣщалъ помнить его слова, не измѣнять религіи. Въ день отъѣзда, въ домъ Дорджи, собрались всѣ живущіе неподалеку родные; былъ приготовленъ обѣдъ и Дорджи, одѣтый во все новое, обѣдалъ съ большими. Послѣ обѣда, всѣ присутствующіе торжественно приказывали Дорджи хорошо учиться, а, главное, твердо держаться своей вѣры и не принимать христіанство, если бы въ школѣ и стали его убѣждать сдѣлать это. Объясняли, что они посылаютъ его въ школу за тѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи былъ полезенъ своимъ родичамъ. На Дорджи очень подѣйствовало это торжественное обращеніе къ нему; онъ почувствовалъ, какъ будто изъ маленькаго мальчика онъ вдругъ превратился въ большого. Онъ слушалъ старшихъ молча, но въ душѣ давалъ обѣщаніе всегда любить свой народъ и никогда не перемѣнять своей вѣры.

Настали наконецъ и проводы; лошади; Дзерге, отцова и еще одна вьючная, съ кожаными сумами, набитыми кое-какимъ имуществомъ Дорджи, стояли уже у крыльца. Мать стала громко плакать. Дорджи было очень жаль ее, слезы такъ и стояли у него въ горлѣ, но онъ стыдился плакать, даже стыдился того, что мать ласкаетъ его; ему казалось, что онъ ужъ совсѣмъ большой, будто онъ старше Цыдена. Дѣйствительно, всѣ послѣдніе

дни Цыдена какъ будто въ домѣ и не было,—вниманіе всѣхъ было обращено только на Дорджи. Отецъ торопилъ отъѣздъ, да и Дорджи было такъ страшно тяжело удерживать слезы, что онъ тоже радъ былъ скорѣе ѣхать. Наконецъ мать помогла сыну сѣсть на Дзерге; всѣ женщины ихъ улуса въ послѣдній разъ пришли взглянуть на Дорджи, онѣ приносили ему разныя бурятскія лакомства: сливки, сырчики, сдобныя лепешки. Мать, вѣроятно, предвидѣла это: она привязала къ новому сѣдлу, сзади, небольшія переметныя сумы и Дорджи могъ сложить туда всѣ эти приношенія. Дѣти со всего улуса, конечно, весь день толпились на дворѣ Дорджи; многіе изъ нихъ уже сидѣли верхами на своихъ лошадяхъ, приготовляясь ѣхать провожать Дорджи, а ему все хотѣлось сказать матери, Аюши, Цыдену и прочимъ провожавшимъ, какія-нибудь ласковыя слова, но ничего не шло съ языка, и онъ сидѣлъ на конѣ молча, блѣдный отъ усилій не расплакаться. Когда провожающіе наказывали ему не забывать ихъ, ему просто дѣлалось досадно. Какъ можетъ онъ забыть ихъ, и всю эту жизнь, которую онъ любилъ всей душой. Напротивъ даже, если бы отъ него зависѣло все,—Дорджи съ радостью отказался бы отъ школы, и навсегда остался бы дома и никогда во всю жизнь не покидалъ своего улуса. Но, конечно, нечего было и думать заявлять теперь объ этомъ: дѣло было очевидно слишкомъ серьезно, чтобы отецъ послушался.

Отъ сдержанныхъ слезъ у Дорджи болѣла грудь, и онъ почти пересталъ понимать, что происходитъ вокругъ. Скоро всѣ двинулись за ворота; за нимъ и его отцомъ ѣхала цѣлая толпа молодежи и дѣтей; всѣ они болтали между собой, смѣялись, но Дорджи не слушалъ; наконецъ, вотъ послѣдній перелѣсокъ и поворотъ на большую дорогу; толпа еще разъ прокричала послѣднее прости и поворотила назадъ. Дорджи былъ даже радъ этому; ему хотѣлось остаться одному. Онъ радъ былъ и тому, что отецъ ничего не говоритъ съ нимъ: на душѣ у него было смутно; онъ смотрѣлъ на знакомыя картины и старался ни о чемъ не думать. Къ вечеру онъ почувствовалъ страшную усталость и ему очень захотѣлось пить; отецъ сказалъ, что они скоро пріѣдутъ на ночлегъ. Для Дорджи, который ѣхалъ, почти не видя ничего вокругъ себя, остальной часъ этого перваго переѣзда показался цѣлымъ вѣкомъ: ноги у него онѣмѣли, сѣдло сдѣлалось такъ жестко, какъ будто онъ сидитъ на острыхъ камняхъ; наконецъ гдѣ-то послышался отдаленный лай собакъ. Какая радость для бѣднаго, утомленнаго мальчика! Ему показалось, что въ этомъ лаѣ звучали самыя нѣжныя, ласковыя слова или самая пріятная музыка, а когда до его носа дошелъ

запахъ дыма, то воображеніе такъ живо представило ему котелъ съ горячимъ чаемъ и ярко освѣщенную юрту съ войлочкомъ, разостланномъ для его усталаго тѣла.—Онъ былъ уже почти счастливъ! Вотъ они подъѣхали въ темнотѣ къ какимъ-то домамъ, на нихъ бросились собаки, но кто-то вышелъ ихъ отгонять. Отецъ говоритъ Дорджи: „пріѣхали, слѣзай“, но Дорджи не могъ пошевелить ногами. Отцу пришлось снять его съ сѣдла и помочь войти на крыльцо. Дорджи было очень стыдно, особенно когда отецъ засмѣялся и назвалъ его „батыремъ“, что означало богатырь. При всемъ этомъ однакоже Дорджи такъ хотѣлось спать, что онъ почти ничего не видалъ, ни хозяина, ни хозяйки, ни юрты, ни другихъ лицъ, которыя тутъ были. Какія-то женщины участливо восклицали надъ нимъ „притомился родной! Бѣдняжка, на чужую сторону ѣдетъ!“ Затѣмъ Дорджи посадили на войлокъ около огня, онъ сейчасъ же свалился на бокъ и дальше уже ничего не помнилъ. Сквозь сонъ мелькала у него мысль, что надо будетъ потомъ самому разсѣдлать Дзерге: онъ дома твердо рѣшилъ, что всегда будетъ его самъ разсѣдлывать и потомъ еще, что какъ бы хорошо выпить чаю, но такъ ни того, ни другого ему въ этотъ вечеръ и не пришлось исполнить. Ему разсказывали послѣ, что его будили, когда чай вскипѣлъ, но добудиться не могли. Онъ ничего не помнилъ и проснулся только тогда, когда на другой день его отецъ, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, разбудилъ его и заставилъ наскоро выпить чаю и съѣсть оставленный съ вечера кусокъ баранины.

Утренній осенній морозъ скоро придалъ Дорджи бодрости, и когда онъ взобрался на своего Дзерге и поѣхалъ вслѣдъ за отцомъ, онъ уже съ любопытствомъ оглядывалъ новыя мѣста, по которымъ они ѣхали, и замѣчалъ дорогу, потому что ему сейчасъ же мелькнула мысль о томъ, что это ему пригодится на то время, когда онъ будетъ возвращаться домой—онъ зналъ уже, что въ русскихъ школахъ отпускаютъ лѣтомъ на отдыхъ. Теперь, когда онъ боялся школы и тосковалъ о домѣ, эта мысль *о возвращеніи домой* была ему особенно пріятна и дорога; съ этимъ вмѣстѣ у него явился настоящій интересъ къ окружающему, что отвлекало его отъ тяжелой тоски, которая наканунѣ такъ его одолѣла. Дорджи ѣхалъ и соображалъ: „солнышко у насъ слѣва, значитъ теперь еще рано, и мы ѣдемъ прямо на югъ“; и онъ различалъ горы, которыя показывались вправо отъ нихъ. Онъ сталъ распрашивать отца, какъ называются болѣе выдающіяся вершины, что должно быть за этими горами, гдѣ, по его разсчету, протекаетъ Селенга, и хотя Дорджи никогда не учился географіи и ни разу въ своей

жизни не видалъ ни одной географической карты, онъ обнаруживалъ своими вопросами большую сообразительность. Его отецъ очень охотно сообщалъ ему географическія свѣдѣнія, какія у него были. Онъ разсказалъ ему, что къ вечеру этого же дня они пріѣдутъ въ Кяхту, что Кяхта—городъ пограничный, что сейчасъ за Кяхтой начинается уже не русское государство, а Монголія, принадлежащая китайскому императору, и что сама Кяхта состоитъ собственно изъ двухъ городовъ—одного русскаго, въ которомъ живутъ русскіе чиновники, и другого, гдѣ живутъ русскіе и китайскіе купцы. Отецъ обѣщалъ Дорджи сводить его, если будетъ время, въ китайскій городъ и купить ему настоящій монгольскій ножикъ въ ножнахъ. Дорджи, конечно, былъ очень радъ ножу; какъ всякій бурятскій мальчикъ, онъ мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было постоянно имѣть у себя на поясѣ ножъ. Но тутъ мысль о русской школѣ, о томъ, что вся старая знакомая для него жизнь кончилась, а впереди его ждетъ что-то новое, сильно его тревожила. „Еще позволятъ-ли носить ножъ“, спрашивалъ онъ себя. Передъ отъѣздомъ изъ дому, среди домашнихъ, у нихъ часто поднимался вопросъ о томъ, не заставятъ ли Дорджи въ русской школѣ носить русское платье, но всѣмъ казалось это такой несообразностью, такимъ насиліемъ; перемѣна платья представлялась бурятамъ и перемѣною народности, и родные Дорджи пришли къ убѣжденію, что правительство не можетъ требовать отъ нихъ перемѣны костюма. Не заставляли же ихъ мѣнять религію, отчего же не оставить имъ ихъ костюмъ. Эта мысль впрочемъ безпокоила не столько Дорджи, сколько его отца.

Мы не станемъ здѣсь подробно разсказывать, какъ они ѣхали весь этотъ день, какъ имъ было жарко въ полдень, какъ они заѣзжали въ одинъ изъ бурятскихъ улусовъ отдохнуть и напиться чаю,—все это мало чѣмъ отличалось отъ того, что произошло въ первый день путешествія. Мы прямо перейдемъ теперь къ разсказу о первой встрѣчѣ Дорджи съ русскими.

Начало уже вечерѣть, когда въ сторонѣ отъ большой дороги, по которой ѣхали Дорджи и его отецъ, стали появляться красивые деревянные дома, окруженные садами; отецъ сказалъ Дорджи, что это лѣтовки богатыхъ кяхтинскихъ людей, и что теперь недалеко и самый городъ. Мальчикъ еще въ первый разъ видѣлъ такія постройки: балконы, множество оконъ, разные коньки на крышахъ, флаги,—все показалось ему чѣмъ-то сказочнымъ, и онъ очень пожалѣлъ, что не могъ разсмотрѣть эти дома вблизи. Часто стали встрѣчаться и люди верхами или въ телѣгахъ; вотъ ихъ

догналъ какой-то бурятъ; отецъ Дорджи сталъ разспрашивать его о городѣ, о какихъ-то общихъ знакомыхъ, и чтобы быть свободнѣе, отдалъ вьючную лошадь на попеченіе Дорджи. Мальчику пришлось ѣхать впереди; вдругъ онъ увидѣлъ, что на встрѣчу имъ по дорогѣ несется рысью экипажъ, заложенный парой; Дорджи былъ очень занятъ невиданной ранѣе упряжью и экипажемъ; его вьючная лошадь тоже была поражена невиданнымъ зрѣлищемъ. Высокій экипажъ, яркіе зонтики дамъ, сидѣвшихъ въ немъ, вмѣстѣ съ необычнымъ для него шумомъ ужасно напугали степную лошадку,—она шарахнулась въ сторону и напугала благоразумнаго Рыжку; —Дорджи и не взвидѣлъ, какъ перемахнулъ на Рыжкѣ черезъ канаву и помчался по сжатой нивѣ, выпустивъ не только поводъ вьючной лошади, но и уздечку своего коня и потерявъ въ то же время стремена, которыя болтались въ воздухѣ и колотили по бокамъ Рыжку, увеличивая его страхъ. Руки Дорджи въ это время какими-то судьбами оказались крѣпко уцѣпившимися въ гриву Рыжки. Отецъ и знакомый бурятъ погнались за вьючной лошадью, но бѣдный Рыжка скоро опомнился и смиренно потрусилъ вдоль дороги. Дорджи былъ радъ, что никто не замѣтилъ его испуга, и гладилъ своего бѣднаго стараго коня, вспотѣвшаго отъ безумной скачки по рыхлой почвѣ. Долго ловили лошадь, сбросившую съ себя вьюкъ, и только въ сумерки снова выѣхали на дорогу. Вотъ показались первые дома, но они были такіе жалкіе, меньше даже тѣхъ, какіе строили себѣ буряты на зиму. Вдоль этой-то унылой улицы, загороженной съ обѣихъ сторонъ заборами, поплелись наши буряты; напуганныя лошади боялись заборовъ, не менѣе пугали ихъ ворота и столбы, и онѣ похрапывали и косились. Дорджи, и безъ того взволнованный, боялся, что лошади опять понесутъ ихъ при какой-нибудь новой встрѣчѣ съ экипажемъ, и былъ радъ, когда наконецъ отецъ сказалъ ему, что они пріѣхали. И дѣйствительно они сейчасъ же въѣхали въ отворенныя ворота одного двухъ-этажнаго дома; это былъ домъ русскаго казака, у котораго отецъ Дорджи обыкновенно останавливался во время своихъ пріѣздовъ въ городъ. Привязавши коней, Дорджи съ отцомъ вошли въ нижній этажъ дома. Это было большое помѣщеніе съ перегородкой; въ первой половинѣ была большая печь. Дорджи сразу очутился въ новой для него обстановкѣ, среди незнакомыхъ людей. Прежде всего его поразила необыкновенная чистота и бѣлизна всего окружающаго; онъ привыкъ къ земляному или никогда не мытому полу, къ закоптѣлымъ стѣнамъ бревенчатой избы. Здѣсь стѣны были вымазаны известкой и бѣлилами, также какъ и потолокъ; три большихъ окна освѣщали первую

комнату, полъ былъ только-что отструганъ, и притомъ его почти вездѣ закрывали полосатые, свѣтлыхъ оттѣнковъ, половики; выбѣленная печь задергивалась розовою ситцевою занавѣской, а на окнахъ были бѣлыя шторы. Во второй комнатѣ была большая кровать съ пологомъ яркаго ситца, на стѣнѣ висѣло зеркало, а въ переднемъ углу — нѣсколько иконъ въ фольговыхъ ризахъ. Все это казалось Дорджи чуть не роскошью. Сильно поразила его и русская люлька, подвѣшанная веревками къ гибкому шесту, прикрѣпленному къ потолку.

Люди, конечно, были не менѣе интересны: большая рыжая борода у одного изъ мужчинъ, свѣтлые голубые глаза и бѣлокурыя, никогда не виданныя Дорджи, косы, уложенныя на головѣ, яркія рубахи мужчинъ и свѣтлыя платья женщинъ,—все казалось ему необыкновеннымъ, нарядным и въ то же время смѣшнымъ. Отца пригласили садиться; онъ сѣлъ на одинъ изъ стульевъ, но ему очевидно было неловко сидѣть на какомъ-то тычкѣ; Дорджи не рѣшился послѣдовать его примѣру: опустясь на полъ, онъ присѣлъ на корточки; надъ нимъ засмѣялись, но онъ не понималъ надъ чѣмъ смѣются.

Одна изъ женщинъ, повидимому хозяйка, стала ему говорить что-то, она казалось была недовольна имъ, но онъ не понималъ въ чемъ дѣло. Тогда одинъ изъ мужчинъ, говорившій немного по-бурятски, сказалъ ему: „сними шапку то! у насъ не любятъ, чтобы въ шапкахъ сидѣли“. Тогда Дорджи, а за нимъ и отецъ, сняли съ себя шапки; это удивило Дорджи: у бурятъ считается болѣе вѣжливымъ сидѣть дома въ шапкахъ. Скоро его вниманіе привлекла молодая женщина, которая стала ставить самоваръ, и еще многое множество другихъ новыхъ для него предметовъ. Дорджи думалъ, что обо всемъ этомъ слѣдуетъ разспросить, надо все хорошенько разсмотрѣть, и тутъ же у него являлась мысль, что отецъ скоро уѣдетъ, и ему некого будетъ разспрашивать. Вообще, какъ ни развлекала его новая обстановка, но совсѣмъ новая для него жизнь, чувство одиночества тяжко томило его, и онъ едва удерживалъ слезы. Главное, что смущало его, это то, что онъ не понимаетъ говора окружающихъ; при дурномъ его настроеніи ему все казалось въ этотъ вечеръ, что всѣ окружающіе говорятъ именно о немъ и его отцѣ, что если они смѣются, то смѣются именно надъ ними.

Усталый отъ ѣзды и отъ новыхъ впечатлѣній, Дорджи былъ радъ, когда отецъ простился съ хозяевами, и они пошли спать. Утромъ они встали раньше другихъ и сводили къ рѣчкѣ на водопой своихъ и хозяй-

скихъ лошадей, затѣмъ задали лошадямъ сѣна, взяли его себѣ по охабкѣ, чтобы положить подъ голову, и улеглись снова на дворѣ подлѣ сарая. Потники изъ-подъ сѣделъ служили имъ постелью, а халаты — одѣялами. Утромъ наши буряты проснулись раньше всѣхъ, опять сводили на рѣчку лошадей и тамъ же умылись. Возвращаясь домой, Дорджи теперь при свѣтѣ дня съ интересомъ разсматривалъ городъ, въ которомъ ему придется жить. Ему очень хотѣлось поскорѣе идти на площадь, гдѣ онъ видѣлъ русскую церковь и нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ; церковь, съ ея высокой колокольней, съ зеленымъ куполомъ, съ ярко блестящими на солнцѣ крестами, показалась ему какимъ-то сказочнымъ зданіемъ. Вчерашнее чувство тоски смѣнилось чувствомъ интереса, когда онъ подумалъ, что онъ будетъ учиться и что, можетъ быть, въ концѣ концовъ и онъ будетъ умѣть строить такія же мудреныя зданія.

Скоро ихъ обоихъ позвали къ хозяевамъ пить чай. Дорджи теперь смѣлѣе разсматривалъ все его окружающее, и хотя обстановка ничѣмъ не выдавалась, но для него она казалась почти роскошной. Прежде всего его вниманіе привлекли картины на стѣнахъ и образа; въ послѣднихъ онъ даже нашелъ нѣкоторое сходство съ своими; ему нравилось, что у русскихъ также есть обычай зажигать масло и украшать иконы искусственными цвѣтами. Картина, изображавшая сцены охотъ, показалась Дорджи необыкновенно реальной—онъ не могъ налюбоваться на то, какъ натурально были представлены собаки, мертвый медвѣдь и лошади...

Чай онъ опять пилъ, сидя на полу.

Послѣ чая отецъ взялъ его съ собой на рынокъ. Здѣсь Дорджи на каждомъ шагу встрѣчалъ новое. Прежде всего его удивило, что всѣ постройки представляли сплошной рядъ; ему все хотѣлось спросить: да какъ же это такъ? Гдѣ же кончаются владѣнія одного хозяина и гдѣ начинаются владѣнія другого? Когда они поровнялись съ каменными домами въ два и три этажа, Дорджи былъ пораженъ ихъ величиной. Стоя возлѣ этихъ домовъ, онъ все загибалъ голову, чтобы посмотрѣть на крышу.— Церковь, которую онъ видѣлъ утромъ, была въ сторонѣ, но Дорджи попросилъ отца подойти къ ней поближе и осмотрѣлъ ея подробно; колонны на паперти храма, чугунныя фигурныя рѣшетки на окнахъ и дверяхъ, лѣстница изъ бѣлаго плитняка,—все поражало его, а позолоченный иконостасъ, люстра и большіе подсвѣчники, виднѣвшіеся черезъ окна, казались ему чѣмъ-то волшебнымъ. Въ то время, какъ онъ со всѣхъ сторонъ обходилъ церковь, раздался благовѣстъ; въ первую минуту Дорджи даже

уши заткнулъ: звуки колоколовъ оглушили его; но потомъ онъ съ удовольствіемъ прислушивался къ ихъ звону и съ любопытствомъ всматривался во все, что происходило въ это время на колокольнѣ.

Отецъ, видя, съ какимъ удовольствіемъ Дорджи разсматриваетъ храмъ чужой религіи, замѣтилъ, что у буддистовъ, въ Ургѣ, тоже есть большіе храмы. То далеко, въ Ургѣ, протянулъ со вздохомъ Дорджи, почему же здѣсь нѣтъ? — „Городовъ у насъ нѣтъ, вотъ почему," рѣшилъ Дамба, очень довольный, что подыскалъ объясненіе; но Дорджи не унимался, онъ продолжалъ разспросы, почему же нѣтъ городовъ—почему буряты не строятъ каменныхъ домовъ, почему между бурятами нѣтъ очень богатыхъ и т. д. Его „почему" долго бы не кончились, если бы, наконецъ, они не вышли на базарную площадь, и Дорджи не поразило новое зрѣлище. Площадь была обстроена со всѣхъ сторонъ одноэтажными деревянными рядами лавокъ съ галлереей передъ ними; товары каждой лавки выходили на галлерею, и даже на улицѣ, передъ галлереей, были навалены въ ящики и въ бочки. Во всемъ этомъ замѣчалось мало заботы о красотѣ: сушеная рыба въ бочкахъ, разное зерно, пробки и куски клея въ ящикахъ и т. п. не имѣли ничего привлекательнаго для привычнаго глаза, но Дорджи былъ пораженъ уже одной массой всего, здѣсь нагроможденнаго. Если у лавки были сложены цѣлыя пирамидки топоровъ или косъ, выставлены цѣлые ряды желѣзныхъ ведерокъ или всѣ стѣны были увѣшаны хомутами, шлеями и возжами, и съ потолка свѣшивались пучки кнутиковъ и уздечекъ, этого было достаточно, чтобы Дорджи видѣлось необыкновенное богатство и великолѣпіе.

Одинъ уголъ площади былъ занятъ огромными вѣсами, другой — весь заставленъ ручными телѣжками, на которыхъ женщины продавали хлѣбъ и разныя закуски, въ родѣ гороховаго киселя, печеныхъ яицъ и пироговъ. Отецъ и Дорджи ничего не покупали, они только ходили по базару и смотрѣли; торговцы часто окликали ихъ, по-бурятски спрашивали, чего имъ нужно, но они не смущались этимъ и отвѣчали: „ничего", продолжая между тѣмъ любоваться выставленными товарами. Наконецъ, они встрѣтили толпу знакомыхъ Дамбѣ бурятъ и, по случаю встрѣчи, задумали выпить. Отецъ не хотѣлъ брать Дорджи въ питейный домъ и велѣлъ ему подождать себя у большихъ вѣсовъ. Дорджи заинтересовался ихъ устройствомъ и все ходилъ вокругъ и наблюдалъ, какъ приказчики взвѣшивали огромные мѣшки и кули съ мукой. Приказчики обратили, наконецъ, вниманіе на Дорджи и заговорили съ нимъ. Онъ былъ очень

радъ этому развлеченію и разсказалъ имъ, что пріѣхалъ сюда учиться, что онъ хочетъ все знать и всему выучиться. Приказчики предложили ему, не хочетъ ли онъ посмотрѣть Москву. Дорджи слыхалъ, что Москва — главный городъ русскаго государства и что ее зовутъ „Москва — золотыя маковки“; онъ отвѣчалъ, что, конечно, очень бы хотѣлось посмотрѣть Москву, и его воображеніе уже рисовало ему великолѣпный городъ, въ тысячу разъ превосходящій все имъ только-что видѣнное. Тогда приказчики, похваливая его за прекрасное намѣреніе всему учиться, предложили стать на одну изъ досокъ большихъ вѣсовъ. Дорджи, занятый всѣмъ новымъ, безпрекословно исполнилъ приказаніе. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ гирю, удерживавшую вѣсы въ равновѣсіи, сбросили и Дорджи подняли кверху. Хохотъ и вопросы, видно-ли ему съ высоты Москву, были чрезвычайно ему обидны, а чувство испуга сейчасъ же смѣнилось чувствомъ безсильнаго и потому еще болѣе остраго гнѣва противъ злыхъ шутниковъ. Дорджи даже не могъ удержаться отъ слезъ, а при видѣ плачущаго бурята приказчики стали еще сильнѣе смѣяться; онъ хотѣлъ бы соскочить съ вѣсовъ, но доска колебалась подъ его ногами и, казалось, совсѣмъ не имѣла устойчивости. Онъ почувствовалъ себя совершенно во власти приказчиковъ... Онъ сознавалъ себя выставленнымъ напоказъ и привлекающимъ вниманіе все большей и большей толпы зѣвакъ, которымъ, по его соображеніямъ, приказчики разсказывали о его желаніи видѣть Москву, и страшно страдалъ. Нѣсколько минутъ этой пытки показались ему часами, и онъ не зналъ чѣмъ бы это кончилось, если бы наконецъ мужикъ не подвезъ муку, которую надо было взваливать на вѣсы. Дорджи при первой же возможности убѣжалъ съ вѣсовъ и далъ себѣ слово впередъ не разговаривать съ русскими. Ему вслѣдъ посыпались восклицанія: „вишь, не понравилось! Бурятская лопатка, тварь, собака некрещеная!“ Дорджи запомнилъ эти возгласы и когда дождался отца, то спросилъ у него, что это значитъ. Отцу не хотѣлось распространяться на эту тему, онъ отвѣчалъ ему совсѣмъ не на вопросъ. — „Не трогай, молчи, когда это кричатъ“. Дорджи не унимался однако же и все приставалъ. Тогда отецъ пояснилъ ему, что тварью и некрещеной собакой обыкновенно называютъ людей другой, не русской вѣры. Дорджи искренно подивился: за что тутъ бранить или сердиться? — „Вѣдь эта вѣра моихъ родителей, всѣхъ насъ... думалъ онъ. Вѣдь не приходитъ же мнѣ въ голову сердиться на русскихъ за то, что они не буддисты!“ и онъ вспомнилъ, что столько разъ слыхалъ отъ Аюши о равенствѣ всѣхъ вѣръ

передъ Богомъ... Новая жизнь, окружавшая Дорджи, смутила его массою своихъ загадокъ...

На другой день Дорджи съ отцомъ пошли въ школу. Большое одноэтажное зданіе на одной изъ боковыхъ улицъ города ничѣмъ особеннымъ не поразило нашего мальчика, да по правдѣ сказать на душѣ у него была такая тревога, что онъ не обращалъ вниманія на окружающее. Большой школьный дворъ былъ пустъ: занятія уже начались. Отецъ и Дорджи вошли сначала по указанію дворника во флигель къ смотрителю. Здѣсь ихъ встрѣтилъ какой-то рослый бѣлокурый человѣкъ и сердито обратился къ нимъ; узнавъ, что Дамба не говоритъ по-русски, онъ велѣлъ позвать переводчика. На этотъ зовъ явился мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Дорджи съ любопытствомъ осмотрѣлъ его: гладко стриженая русая голова, очень зоркіе сѣрые глаза и маленькія веснушки по всему лицу сейчасъ же бросились ему въ глаза; впечатлѣніе было впрочемъ хорошее. Мальчикъ толково и умѣло разспросилъ Дамбу о томъ, что ему нужно, и передалъ его просьбу о принятіи Дорджи въ школу. Смотритель закивалъ головой и сказалъ: знаю, знаю, мнѣ объ этомъ писали, это хорошее дѣло. Потомъ, отобравъ свѣдѣнія объ имени мальчика, его лѣтахъ и о томъ, гдѣ находится ихъ улусъ, поручилъ ихъ обоихъ вниманію маленькаго переводчика. Переводчикъ повелъ ихъ въ большой домъ и показалъ комнату, въ которой долженъ былъ спать вновь принятый ученикъ.

Зданіе школы раздѣлялось длиннымъ корридоромъ на двѣ половины: на улицу выходили классы, на дворъ — спальня и столовая. Въ спальняхъ у двухъ стѣнъ были сдѣланы нары, т.-е. высокіе помосты, и на нихъ въ равномъ разстояніи одна отъ другой помѣщались постели воспитанниковъ, которыя по утрамъ свертывались и прикрывались грубымъ шерстянымъ одѣяломъ. Переводчикъ, который сказалъ имъ, что его зовутъ Николаемъ Сизыхъ, и что всѣ вновь привезенные буряты поручены ему, какъ знающему языкъ, обѣщалъ помѣстить „новенькаго“ вмѣстѣ съ другими бурятами и познакомить съ ними. Дѣйствительно, не успѣлъ онъ передать всѣ необходимыя указанія отцу Дорджи, какъ раздался звонокъ и корридоръ наполнился нѣсколькими десятками мальчиковъ, одѣтыхъ въ сѣрые нанковые казакины и высокіе сапоги. Сизыхъ, войдя въ корридоръ, крикнулъ нѣсколько бурятскихъ фамилій, и сейчасъ же въ спальню явилось пять бурятскихъ мальчиковъ; нѣкоторые изъ нихъ были одѣты такъ же, какъ и Дорджи, въ халаты, другіе уже носили такіе казакины, какіе были на русскихъ, и были острижены. Наши Дамбаевы сейчасъ же освѣдоми-

лись о причинахъ этой разницы, и узнали, что одѣты по-русски крещеные мальчики; Сизыхъ поспѣшилъ успокоить встревоженнаго старика тѣмъ, что начальство не требуетъ отъ бурятъ, чтобы они перемѣняли костюмъ. Отецъ Дорджи очень просилъ Сизыхъ, чтобы онъ былъ добръ къ его сыну и чтобы научилъ его, какъ онъ долженъ вести себя въ школѣ. Въ это время нѣсколько русскихъ мальчиковъ окружили Дорджи и распрашивали его о разныхъ разностяхъ; но не дождавшись отвѣта, махнули рукой и оставили пока въ покоѣ; можетъ быть, они не задумались бы подшутить надъ нимъ, но Сизыхъ остановилъ мальчугановъ и сказалъ отцу, что пока онъ можетъ взять съ собой Дорджи и привести его только къ вечеру. Сизыхъ сказалъ, что отецъ долженъ купить Дорджи сундучекъ съ замкомъ, какіе были у большинства школьниковъ, войлокъ или тюфякъ, а также и подушку, — „казенная хотя и выдается, — прибавилъ онъ — но она будетъ набита соломой, а потому лучше имѣть свою“. Отецъ поблагодарилъ Николая Сизыхъ за совѣты и даже подарилъ ему немного денегъ на лакомства, радуясь, что имъ можно было съ Дорджи еще провести денекъ, не разставаясь. Дорджи, конечно, радовался этому не меньше отца. Во время этихъ переговоровъ, Дорджи постарался свести знакомство съ другими бурятскими мальчиками; двое изъ нихъ умѣли немного говорить по-русски и Дорджи рѣшилъ, что будетъ учиться русскому языку у нихъ; къ сожалѣнію, всѣ эти мальчики были дальніе, ни одного не было изъ однихъ мѣстъ съ Дорджи; не всѣ изъ нихъ даже знали о существованіи Селенги, не то что Кудетуевскаго улуса, откуда былъ привезенъ Дорджи. Кабъ бы то ни было, присутствіе земляковъ въ школѣ и покровительство Николая Сизыхъ очень ободрили Дорджи, и онъ сталъ думать о предстоящей жизни въ школѣ не безъ пріятныхъ надеждъ. Отецъ, желая въ послѣдній разъ доставить удовольствіе покидаемому имъ сыну и развлечь его, вздумалъ показать ему китайскую слободу, которая находится верстахъ въ двухъ отъ Троицкосавска вмѣстѣ съ русской слободой — Кяхтой.

Миновавъ пустыри и затѣмъ громадный чайный складъ, обнесенный каменной стѣной, Дорджи съ отцомъ дошли до китайскаго городка — Маймачина. Здѣсь дома были не деревянные, какъ у русскихъ, а глиняные, одноэтажные, съ большими, во всю переднюю стѣну, рѣшетчатыми окнами. Въ этихъ оконныхъ рѣшоткахъ не было стеколъ: ихъ замѣняла бѣлая бумага. Идя вдоль улицы, путники наши замѣтили, что передній фасадъ каждаго дома былъ открытъ, что во всѣхъ этихъ открытыхъ домахъ по-

мѣшались лавки и разные склады товаровъ, отдѣлявшихся отъ улицы однимъ только прилавкомъ. Внутри лавка была занята съ трехъ сторонъ полками съ разложенными на нихъ китайскими товарами. Тутъ обыкновенно въ одной и той же лавкѣ были и свертки шелковыхъ матерій самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и шелковые, расшитые шелками же халаты и китайскіе сапоги, и шляпы, въ которыхъ любили щеголять буряты. Другія полки были заняты фарфоровой посудой и даже печеньями и сушеными фруктами. Стѣны лавокъ и двери были увѣшаны китайскими картинами, гдѣ драконы и всадники на коняхъ фантастическихъ формъ могли испугать своимъ грознымъ видомъ, громадными усами и выпученными глазами самаго неробкаго изъ китайцевъ. Дорджи очень интересовался всѣмъ этимъ, но еще больше заняли его сами китайцы; ему показалось, что всѣ приказчики въ китайскихъ лавкахъ были женщины. Съ особеннымъ вниманіемъ глядѣлъ онъ на молодыхъ мальчиковъ, съ розовыми лицами и нѣжными руками, украшенными нефритовыми браслетами. Бѣлые чулки и башмаки, длинныя косы и цвѣтныя пелеринки, надѣтыя затѣмъ, чтобы коса не пачкала халатъ, довершали сходство. Старики, желтые и безбородые, тоже больше походили на старухъ. Китайцы очень понравились Дорджи; они были ласковы съ нимъ и помогали ему выбрать себѣ настоящій монгольскій ножикъ, какой всякій щеголь-бурятъ носитъ за кушакомъ. Ножикъ этотъ былъ въ деревянныхъ ножнахъ въ полъ-аршина длиной. Торговцы увѣряли, что ножны сдѣланы изъ настоящей змѣиной кожи. Дорджи хорошо зналъ змѣиную кожу и понималъ, что его обманываютъ, но ему самому хотѣлось, чтобы ножикъ имѣлъ въ себѣ что-нибудь необыкновенное, и потому онъ не противорѣчилъ. Онъ былъ какъ нельзя больше доволенъ, когда приказчикъ прикрѣпилъ ему новую покупку къ кушаку и сказалъ, что онъ теперь смотритъ настоящимъ *батыремъ*. Почти всѣ китайскіе торговцы говорили съ нимъ по-бурятски, что доставляло ему истинное наслажденіе. Отецъ, очень довольный, что его Дорджи приласкали, накупилъ подарковъ и для остальныхъ членовъ своей семьи. На прощанье, старый китаецъ подарилъ Дорджи кусокъ китайскаго сахара-леденца. Лаская Дорджи, онъ вспоминалъ своего оставленнаго въ Китаѣ сына такихъ же лѣтъ. Всѣ эти ласки производили на Дорджи и его отца самое теплое и отрадное впечатлѣніе.

Обѣдать пришлось имъ тоже у китайцевъ. Они зашли для этого въ одинъ изъ открытыхъ домовъ. Здѣсь въ одной и той же комнатѣ помѣщалась и столовая, и кухня. На очагѣ или на плитѣ кипѣло нѣсколько

котловъ, и на столѣ лежали кучи накрошенной лапши и готовыхъ пильменей. Дамба заказалъ послѣднихъ. Китайцы усадили нашихъ бурятъ на низенькое сидѣнье, покрытое войлокомъ, поставили передъ ними столъ, вышиною вершка въ четыре, и разставили на немъ нѣсколько фарфоровыхъ блюдечекъ съ разными приправами. Буряты были очень довольны, что здѣсь они могли ѣсть, сидя по-своему и обходиться за обѣдомъ безъ ножей, вилокъ и ложекъ. Вмѣсто всего этого они должны были употреблять костяныя палочки, которыя замѣняютъ китайцамъ всѣ наши столовые приборы; никого изъ присутствующихъ не удивило однако же, что они больше ѣли руками, чѣмъ китайскими палочками.

Пообѣдавъ, Дамбаевы возвратились въ русскій городъ; здѣсь Дорджи предстояло еще удовольствіе купить себѣ сундучекъ. Онъ выбралъ разрисованный яркими розами и окованный въ клѣтку блестящими металлическими полосами; сверхъ того, отецъ купилъ ему бумаги, карандашей, перочинный ножикъ и пучекъ гусиныхъ перьевъ. Не успѣлъ еще Дорджи по возвращеніи домой уложить въ сундучекъ свои вещи, какъ настали сумерки и надо было идти въ школу. Дорогой Дорджи все думалъ о томъ, что онъ видитъ отца въ послѣдній разъ, что надо бы наказать ему передать всѣмъ домашнимъ его привѣтъ, сказать, что онъ всѣхъ ихъ помнитъ и любитъ; но рѣчь его какъ-то не складывалась, и ему только и удалось попросить отца, чтобы онъ поберегъ его Рыжку, не дозволялъ ѣздить на немъ Цыдену. Онъ просилъ еще поклониться матери и Аюши, но эти холодныя слова совсѣмъ не соотвѣтствовали его чувствамъ, нисколько не выражали его душевнаго состоянія.

Пришедши въ школу, отецъ разложилъ принесенный имъ свертокъ съ войлочкомъ и его подушкой, и поставивъ тутъ же сундучекъ, сейчасъ же ушелъ, не позволивъ Дорджи проводить его хоть до воротъ. Школьники сейчасъ же окружили новенькаго; на него посыпались вопросы: откуда онъ, какъ его зовутъ, крещеный онъ или нѣтъ? Дорджи, ошеломленный незнакомымъ говоромъ, отмалчивался, и скоро мальчики оставили его въ покоѣ; имъ надо было учить уроки, и для этого они должны были сѣсть на табуретки вокругъ столовъ, на которыхъ горѣли сальныя свѣчи; буряты въ это время забрались на нары и тѣснымъ кружкомъ усѣлись вокругъ Дорджи, сложивъ ноги „калачикомъ“. Въ этой привычной позѣ бесѣда ихъ пошла непринужденнѣе и оживленнѣе. Познакомивъ Дорджи съ внѣшними порядками, которые были въ школѣ, они стали обсуждать главный для нихъ вопросъ: какъ они будутъ учиться, не зная по-

русски. Оказалось, что двое изъ нихъ, Дорджи и еще одинъ бурятъ, знали монгольскую грамоту, двое умѣли говорить по-русски; но какъ они будутъ учиться, — этого они не знали; одни высказали предположеніе, что учителя знаютъ по бурятски и будутъ имъ объяснять на родномъ языкѣ, но мальчики, которые уже видѣли учителей, увѣряли, что никто изъ нихъ по-бурятски не говоритъ. Всѣ пришли къ мысли, что имъ прежде всего необходимо учиться русскому языку и согласились помогать другъ другу въ новой для нихъ жизни, среди русскихъ. Въ этихъ интересныхъ для всѣхъ разговорахъ вечеръ прошелъ незамѣтно вплоть до звонка къ ужину. И когда мальчики тѣсной толпой двигались по корридору, Дорджи показалось, что кто-то разъ или два дернулъ его за косу; онъ всякій разъ оборачивался, но всѣ мальчики, окружавшіе его, имѣли такой чинный видъ, что ему казалось ни съ чѣмъ не сообразнымъ обвинить ихъ въ шалости; да и какъ высказать это обвиненіе, ему, не умѣвшему говорить по-русски. Въ столовой Дорджи увидалъ длинный столъ, уставленный оловянными тарелками, такими же мисками, и замѣтилъ, что оловянныя ложки лежали у каждаго прибора. Мальчики при входѣ въ столовую становились, и одинъ изъ старшихъ прочелъ молитву, послѣ которой всѣ заняли свои мѣста на длинныхъ скамьяхъ. Оказалось, что у нѣкоторыхъ бурятъ не было ложекъ, у Дорджи также; а такъ какъ ему не хотѣлось ѣсть, то онъ и не обратилъ на это обстоятельство никакого вниманія. Между тѣмъ другіе стали переговариваться между собой; русскіе сосѣди сейчасъ же приняли въ этомъ участіе, позвали служителя, спрашивали, почему у бурятъ нѣтъ ложекъ. Служитель объявилъ, что ложки были положены всѣмъ. Мальчики начали шумно искать ихъ кругомъ стола и скоро открыли, что ложки были привязаны къ косамъ маленькихъ бурятъ, сохранившихъ еще это украшеніе. Поднялся всеобщій смѣхъ, и русскіе мальчики наперерывъ сыпали остротами. Дорджи не могъ оцѣнить ихъ, онъ ихъ не понималъ; кромѣ того, онъ негодовалъ и удивлялся, какъ это могъ онъ не замѣтить, когда съ нимъ продѣлывали эту штуку... Выражать свой гнѣвъ онъ боялся, да и не зналъ, какъ это сдѣлать; не могъ же онъ приколотить въ столовой виноватаго. Да и кто же тутъ виноватый? — кругомъ слышенъ веселый смѣхъ, и только. Старшіе едва уняли развеселившихся школьниковъ. Въ половинѣ ужина въ столовую пришелъ смотритель, при немъ всѣ чинно сидѣли и ѣли пшенную кашу; затѣмъ пропѣли молитву и вышли изъ-за стола. Дорджи думалъ, что начальство явилось разслѣдовать дѣло о ложкахъ; но, повидимому, никто объ этомъ и не

думалъ, а смотритель никогда ничего и не узналъ о такомъ оскорбленіи чувства собственнаго достоинства маленькихъ бурятскихъ мальчугановъ. Такъ окончился для нашего новичка первый день въ школѣ; его давило чувство незаслуженной обиды и смущало непріятное сознаніе безсилія. Когда онъ могъ, наконецъ, забраться подъ одѣяло, онъ былъ не въ силахъ удержаться отъ слезъ и плакалъ, плакалъ, пока не уснулъ. Утромъ, его разбудилъ звонъ; всѣ въ комнатѣ вставали, складывали свои постели и шли умываться. У Дорджи не было полотенца, дома онъ никогда и не думалъ о немъ, а здѣсь, видя, что у всѣхъ они есть, онъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе; къ счастью, его ближайшій сосѣдъ—бурятъ Жуановъ—предложилъ ему пользоваться его полотенцемъ, и они отправились въ умывальную. Огромная мѣдная лохань была окружена умывающимися. Дорджи долго смотрѣлъ на процедуру умыванья и учился, наблюдая, какъ это дѣлаютъ другіе; но несмотря на это, его первыя попытки были неудачны: онъ слишкомъ сильно ударилъ по мѣдному гвоздику и пустилъ слишкомъ большую струю холодной воды, которая облила не только руки, но и грудь его и залилась и за рукава его халата. Эта маленькая непріятность уже была достаточна, чтобы лишить Дорджи того добраго расположенія духа, съ которымъ онъ всталъ послѣ крѣпкаго сна.—Раздумывать было однакоже некогда; надо было спѣшить дѣлать все то, что дѣлаютъ другіе школьники. Мальчики уже становились въ пары въ корридорѣ; старшіе ровняли новенькихъ. Дорджи сталъ въ парѣ съ Жуановымъ, и всѣ пошли на молитву.

Послѣ горячаго чая, въ которомъ, по мнѣнію Дорджи, не доставало молока, масла и соли, мальчики пошли въ классы.

Здѣсь Дорджи познакомился съ новой для него обстановкой ученія—классной доской, классными столами и всѣми установленными порядками. Николай Сизыхъ посадилъ всѣхъ бурятъ вмѣстѣ, онъ роздалъ имъ книги, аспидныя доски и научилъ сшивать тетради. Время до звонка прошло незамѣтно: Дорджи надписалъ на тетрадяхъ и другихъ вещахъ свое имя и фамилію, разсмотрѣлъ выданную ему книгу—„Краткое руководство къ познанію русско-монгольской грамотности“; замѣтилъ, что въ ней было два текста—русскій и монгольскій и очень обрадовался: половина книги была ему уже и теперь доступна. Скоро пришелъ учитель—казакъ, изучившій когда-то монгольскій языкъ въ Казани и не знавшій бурятскаго. Поневолѣ онъ передалъ на первое время свои обязанности по обученію бурятъ русской грамотѣ Николаю, а самъ занялся преподаваніемъ монгольскаго языка

русскимъ мальчикамъ. Дорджи внимательно слушалъ его преподаваніе; въ пріемахъ учителя было много новаго, и Дорджи, слѣдя за нимъ по своей книгѣ, очень сожалѣлъ, что не знаетъ по-русски и потому многое не понимаетъ въ урокѣ. Зато дѣло съ Николаемъ Сизыхъ пошло у него быстро; онъ скоро усвоилъ себѣ названіе русскихъ буквъ и выучился писать ихъ: онъ съ перваго же урока увидалъ, что можетъ быть полезенъ своимъ товарищамъ бурятамъ; и дѣйствительно, какъ только звонокъ освободилъ ихъ отъ непривычной обстановки, всѣ они усѣлись въ дальнемъ концѣ корридора на полу и занялись ученіемъ, съ досками и книжками на колѣняхъ; дѣло пошло у нихъ быстро, и скоро всѣ буряты знали русскую азбуку. Не всѣмъ одинаково давалось письмо, но и тутъ было столько усердія, что скоро и самые неумѣлые выучились. Кромѣ того, Дорджи видѣлъ, какъ учитель задавалъ монгольскія слова и писалъ ихъ на классной доскѣ; онъ понялъ, что и ему нужно примѣнить этотъ способъ для изученія русскаго языка, и сейчасъ же сшилъ себѣ толстую тетрадку и началъ въ ней записывать слова, которыя хотѣлъ запомнить. Раньше Дорджи никогда не пробовалъ записывать свою рѣчь, и потому вначалѣ очень затруднялся этимъ, но работа эта имѣла ту хорошую сторону, что занимала все его свободное время и доставляла ему удовольствіе. Записывая слова въ свой словарикъ и заучивая ихъ наизусть, онъ вскорѣ сталъ оказывать большую помощь другимъ бурятскимъ мальчикамъ, и они привыкли потомъ обращаться къ нему за справками, а онъ, самъ того не замѣчая, сдѣлался какъ бы помощникомъ Николая Сизыхъ. Послѣдній понималъ это и смотрѣлъ на Дорджи нѣсколько иначе, чѣмъ на другихъ своихъ учениковъ-бурятъ. Дорджи при томъ же поправлялъ иногда въ чтеніи монгольскаго текста и самого своего маленькаго учителя Помогая ему въ обученіи бурятъ, Дорджи въ то же время просилъ Николая помогать ему по урокамъ ариѳметики. Буряты, хотя и не знали языка, но должны были присутствовать на всѣхъ урокахъ, кромѣ уроковъ Закона Божія, отъ которыхъ некрещеные были освобождены. Дорджи, благодаря Николаю, скоро понялъ первыя правила ариѳметики и проводилъ поэтому время на этихъ урокахъ не безъ нѣкотораго удовольствія; часто, рѣшивъ у себя несложную задачку, онъ нетерпѣливо желалъ пойти къ доскѣ и показать не понимавшему мальчику, вызванному къ доскѣ. Однако онъ никогда не позволялъ себѣ обнаруживать свои познанія и скорѣе радовался, что буряты, не знающіе по-русски, никогда не были вызываемы. Учителемъ ариѳметики состоялъ смотритель училища; онъ славился по всей школѣ своей

строгостью. Онъ и въ классѣ, и внѣ класса позволялъ себѣ бранить учениковъ, а иногда и давать имъ „тумака“, какъ говорили школьники, т. е. бить по головѣ книгой. Дорджи до смерти боялся попасться ему на глаза. Радуясь своимъ успѣхамъ въ ариѳметикѣ, онъ любилъ воображать, какъ онъ удивитъ своихъ одноулусниковъ, Цыдена, пожалуй и отца, съ помощью карандаша и бумаги свободно считая тысячи и милліоны. Вообще всѣ занятія Дорджи имѣли для него свою прелесть главнымъ образомъ потому, что онъ воображалъ себѣ, какъ онъ будетъ щеголять среди своихъ; чаще всего онъ велъ свои „ученыя бесѣды“ мысленно съ Аюши, а когда его фантазія уносилась уже очень далеко, онъ воображалъ себя чуть не всевѣдующимъ и воображалъ, какъ онъ будетъ строить высокіе, превысокіе субурганы *), красивые каменные дацаны, украшать ихъ статуями и живописью. Мечтая объ этомъ, онъ представлялъ своей слушательницей свою двоюродную сестренку Седенъ. Въ послѣднее время, работая и играя вмѣстѣ на сѣнокосѣ и живя рядомъ зимой, онъ особенно близко сошелся съ ней. Теперь, живя въ школѣ, онъ часто вспоминалъ о ней, и ему очень бы хотѣлось поговорить съ ней. Ей онъ могъ бы, не стѣсняясь, разсказать о всѣхъ своихъ обидахъ и огорченіяхъ, о всѣхъ шуткахъ и насмѣшкахъ товарищей, жаловаться на которыхъ кому бы то ни было въ школѣ, хотя бы и своимъ, было для него стыдно, и чего онъ никогда и не дѣлалъ, затаивая всѣ обиды глубоко у себя на душѣ.

Мало по малу буряты все болѣе и болѣе привыкали къ русскимъ и втягивались въ общую жизнь школы. По утрамъ они терпѣливо переносили скуку классныхъ уроковъ, на которыхъ почти ничего не понимали, а послѣ обѣда вознаграждали себя веселыми играми на школьномъ дворѣ. Хорошая осень, товарищество, множество игръ, многія изъ которыхъ одинаково обычны для бурятъ и для русскихъ, помогали имъ весело проводить время.

Въ то же время въ играхъ незамѣтно усваивался русскій языкъ, и сліяніе всѣхъ въ одно общее товарищество двигалось весьма успѣшно. Дорджи, занятый своими печальными мыслями, сторонился отъ веселыхъ товарищей; они, конечно, платили ему тѣмъ же, звали его „совой“, „нюней“, „дѣвчонкой“; безпрестанно устраивали ему маленькія непріятности, и, пользуясь его разсѣянностью, подстраивали ему множество всякаго ро-

*) Буддійскія башни въ память умершихъ святыхъ.

да штукъ. — Дорджи почти возненавидѣлъ русскихъ мальчиковъ; самый видъ ихъ сдѣлался ему противенъ; ему казалось, что всѣ они безобразны: бѣлокурые волосы, расплывшіеся носы, отсутствіе ярко очерченныхъ бровей,—все казалось ему отталкивающимъ, а главное — ему не нравилась въ нихъ постоянная готовность подсмѣяться надъ товарищемъ и вѣчная склонность считать бурятъ существомъ низшимъ. Эта послѣдняя черта хотя и высказывалась какъ-то непостоянно, неровно: назвавъ бурята тварью, каждый изъ русскихъ черезъ минуту готовъ побрататься съ нимъ, но самая эта неустойчивость не нравилась Дорджи. Онъ думалъ: „ну, презираете вы меня,—такъ ужъ и не лѣзьте. Я и самъ не хочу съ вами послѣ этого знаться!“ Мало-по-малу Дорджи увѣрилъ себя, что у всѣхъ русскихъ жестокость—преобладающая черта характера.—„Развѣ не жестоко надсмѣялись надъ нимъ приказчики у вѣсовъ, а что онъ сдѣлалъ? Развѣ мальчики не устраивали постоянно такихъ шалостей, отъ которыхъ другимъ становилось больно? А чѣмъ все это было вызвано?“ Сначала Дорджи, не понимавшій совсѣмъ по-русски и не привыкшій къ школьной жизни, не примѣчалъ всей отравы, а теперь онъ то и дѣло натыкался на сцены насилія и несправедливости: то большіе школьники отнимали у маленькаго лакомства, то маленькаго бурята научали подъ видомъ какой-нибудь нужной ему русской фразы самому неприличному ругательству, и несчастный, ничего не подозрѣвавшій, обращался къ учителю или товарищу и терпѣлъ брань или насмѣшки. Учиться при такихъ обстоятельствахъ казалось Дорджи немыслимымъ. Онъ не знаетъ языка, а никто изъ учителей ни разу не оказывалъ ему въ этомъ и малѣйшей помощи. Да и какъ они могутъ, когда сами бурятскаго языка не знаютъ? Если же нельзя учиться, такъ зачѣмъ же тутъ жить?—И Дорджи укрѣплялся въ той мысли, что надо изъ школы бѣжать... Тутъ самъ собою возникалъ новый вопросъ: какъ онъ доберется до своего улуса? У него нѣтъ лошади, нѣтъ никакихъ запасовъ. Затѣмъ неизбѣжно подымался вопросъ и о томъ, какъ приметъ его отецъ?—„Положимъ, что онъ меня и приколотитъ,—думалъ Дорджи—все же это легче, чѣмъ жизнь въ ненавистной школѣ“.

И вотъ, приготовя себя такими мыслями, Дорджи въ субботу послѣ обѣда, воспользовавшись отсутствіемъ части учениковъ, обыкновенно отправлявшихся въ это время въ баню, вынулъ изъ своего сундучка мѣшочекъ съ съѣстными припасами, тетрадку съ словаремъ, карандаши и перочинный ножикъ; монгольскій ножикъ заткнулъ за кушакъ и, испробовавши предварительно, дѣйствуетъ ли огниво и есть ли трутъ, незамѣтно вы-

брался за ворота школьнаго дома. Онъ пошелъ по направленію къ полю, волнуемый страхомъ встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ школьниковъ; благополучно добравшись до большой дороги, мальчуганъ пошелъ уже какъ можно скорѣе, расчитывая уйти подальше въ этотъ день,—онъ полагалъ, что до ночи въ школѣ его не хватятся.

Движеніе, свѣжій воздухъ, мысль, что онъ освободился отъ школы, въ которой томился въ послѣднее время, очень хорошо подѣйствовали на маленькаго бѣглеца; и онъ ободрился и весело посматривалъ по сторонамъ, на поля и лѣса. У него теперь была одна главнымъ образомъ занимающая его мысль: сколько можетъ человѣкъ пройти пѣшкомъ въ одинъ день. Буряты такъ привыкли ѣздить всюду на лошади, что Дорджи какъ то не случалось узнать объ этомъ. Радовался Дорджи тому, что не забылъ дорогу: всякое деревцо, растущее возлѣ дороги, каждую рытвину, каждый перелѣсокъ онъ вспоминалъ, какъ уже видѣнные имъ раньше; не было такой мелочи, которую онъ не замѣтилъ бы. По его расчетамъ надо было уже скоро поровняться съ дачами кяхтинскихъ купцовъ, которыми онъ такъ тогда любовался. Дорджи думалъ, что, дойдя до нихъ, онъ остановится на ночь; вѣдь надо же ему отдохнуть нѣсколько часовъ, чтобы подкрѣпиться силами на завтра. — „Теперь, — думалъ онъ,—я разгляжу эти постройки въ подробности, спрятавшись гдѣ-нибудь въ кустахъ, около домовъ“. Усталость между тѣмъ стала для него весьма ощутительною; къ тому же, его сапоги оказались велики: они терли ему пятки, и хоть онъ уже нѣсколько разъ садился на дорогѣ и переобувался, а лучше все же таки не было. Солнце уже совсѣмъ спускалось, а дачи все еще непоказывались.

Дорджи рѣшился подкрѣпиться пока ѣдой, сѣлъ и сталъ грызть совсѣмъ высохшій кусокъ сыру; но отъ усталости во рту у него пересохло, и онъ не могъ глотать. Вздохнувъ о томъ, что хорошо было-бы выпить теперь горячаго чайку или чашку кислаго молока, которое такъ освѣжаетъ и подкрѣпляетъ, онъ волей-неволей пустился въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ часто встрѣчались проѣзжіе, всѣ спѣшили на ночь въ городъ; Дорджи, завидѣвъ экипажъ, сходилъ для предосторожности съ дороги и шелъ стороной. Солнце закатилось, а онъ все шагалъ и шагалъ. Впереди виденъ былъ лѣсъ; теперь только Дорджи припомнилъ, что лѣсъ этотъ кончался какъ разъ на половинѣ дороги между городомъ и дачами,—неужели онъ ушелъ такъ мало? Да вѣдь тогда онъ сидѣлъ на своемъ Рыжкѣ, и немудрено, что версты казались ему короче! Онъ съ грустью долженъ былъ сознаться, что

оказался плохимъ ходокомъ, и ясно видѣлъ теперь, что придется ночевать въ лѣсу, далеко отъ всякаго жилья. Дошедши до опушки лѣса, онъ повалился на траву; все тѣло у него ныло, точно онъ былъ побитъ; однако лежать еще было нельзя, надо было, пользуясь сумерками, набрать хворосту для костра. Усталость мальчика была такъ велика, что онъ съ удовольствіемъ остался бы на всю ночь безъ огня, но онъ боялся волковъ, а между тѣмъ слыхалъ, что волки не подходятъ близко къ огню. Можетъ быть, здѣсь волковъ и нѣтъ, но кто же знаетъ? Тамъ, въ родныхъ мѣстахъ, ему все извѣстно, а здѣсь онъ не знаетъ ровно ничего; вѣдь вотъ онъ даже не зналъ, гдѣ здѣсь вода, и хоть ему очень хотѣлось пить, но онъ не рѣшился искать воды: усталость одолѣвала, приходилось терпѣть. Натаскавши хворосту, Дорджи все-таки не рѣшался зажечь огонь сейчасъ же; ему казалось, что этимъ онъ привлечетъ вниманіе проѣзжающихъ: осенній лѣсъ уже не былъ густъ и плохо скрывалъ его; по его расчетамъ, слѣдовало подождать, когда настанетъ ночь; а между тѣмъ уже становилось холодно и Дорджи, вспотѣвшій отъ ходьбы, начиналъ мерзнуть. Лечь онъ боялся, чтобы не уснуть; онъ сидѣлъ въ темнотѣ, прислушиваясь къ разнымъ лѣснымъ звукамъ, часто пугаясь шороха, который производилъ самъ, ломая ногой какую-нибудь засохшую вѣтку, но всего больше его безпокоила темнота. Его смущалъ не страхъ какой-нибудь опредѣленной опасности, а тотъ мучительный, неопредѣленный страхъ, который является въ минуты не вполнѣ еще выяснившейся, хоть и несомнѣнной опасности. Къ облегченію этихъ тревожныхъ чувствъ послужила его усталость: ноги его ужасно ныли, во всѣхъ сочлененіяхъ очущалась тупая боль... Онъ снялъ сапоги, но это не помогало. Онъ закрывалъ глаза, стараясь заснуть, но и это ни къ чему не послужило. Чтобы поскорѣе избавиться отъ угнетавшихъ его волненій, онъ развелъ огонь: теплота и пріятный свѣтъ опять подбодрили Дорджи; онъ сталъ вспоминать разныя вещи изъ своей домашней до-школьной жизни, той жизни, которая казалась ему теперь ужасно далекой, чуть не чуждой. Ему грезилось, что когда-то онъ былъ вовсе не тотъ Дорджи, что сидитъ вотъ тутъ у костра, одинъ въ цѣломъ мірѣ, безъ участія, безъ помощи, безъ надежды получить отъ кого-нибудь хоть бы глоточекъ воды... Но дальше мысли Дорджи оборвались,—онъ заснулъ, пригрѣтый огонькомъ.

На другой день, рано утромъ Дорджи проснулся отъ сильной боли: его ноги казалось были изрѣзаны ножами; невольно изъ груди его вырвался крикъ, а изъ глазъ проступили слезы; въ первое время къ боли при-

соединился еще испугъ; потомъ, осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что все около него было покрыто густымъ инеемъ и въ воздухѣ былъ сильный морозъ. Дорджи понялъ, наконецъ, что отморозилъ себѣ ноги. Онъ вспомнилъ, что слыхалъ когда-то о пользѣ оттиранія въ такихъ случаяхъ отмороженныхъ частей тѣла снѣгомъ; но снѣгу еще не было; онъ вырвалъ травы, покрытой инеемъ, и сталъ оттирать ноги.

Жгучая боль скоро прекратилась, но все же ноги еще болѣли, и Дорджи очень испугался, припомнивъ, что ноги въ такомъ случаѣ, какъ слышалъ, совсѣмъ отваливаются послѣ нестерпимыхъ, жестокихъ мученій; сердце бѣдняги замирало отъ страха... На несчастье ему нельзя было даже обогрѣться у огня: костеръ потухъ за ночь, и сколько онъ ни разрывалъ угли, нигдѣ не было ни искры. Все кругомъ было покрыто инеемъ, и какъ онъ ни высѣкалъ огня, искры, попадая на мокрый трутъ, не разгорались. Надо было найти сухой растопки, а ея нигдѣ не было. Дорджи попробовалъ-было надѣть сапоги, но они, отсырѣвъ за ночь, къ утру замерзли и ихъ невозможно было и думать натянуть на больныя и нѣсколько опухшія ноги; пришлось идти босикомъ. Нашедши дерево съ дупломъ, наполненнымъ гнилой трухой внутри, онъ откололъ отъ него щепъ своимъ большимъ ножомъ и набралъ полную полу гнилушекъ; этотъ матеріалъ помогъ ему снова развести огонь. Отогрѣвъ на немъ снова иззябшія ноги, онъ завернулъ ихъ пока въ полы своего халата, а самъ занялся просушкой надъ огнемъ сапоговъ; скоро онъ могъ ихъ надѣть, но ступить на ноги онъ уже не могъ. Онъ видѣлъ, что ему пока придется остаться тутъ и дожидаться, пока опухоль въ ногахъ немного спадетъ. Усталость Дорджи была впрочемъ столь велика, что онъ почти съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ онъ проведетъ день, растянувшись возлѣ костра. Лежа тутъ, онъ хоть и не приближался къ дому, но за то и отъ школы былъ далеко. Рѣшившись жить такъ въ ожиданіи подкрѣпленія своихъ силъ, Дорджи рѣшилъ, что въ школу онъ во всякомъ случаѣ не возвратится. Приходилось устраиваться такъ, чтобы труды и хлопоты не могли пропасть даромъ: во-первыхъ, слѣдовало, по его мнѣнію, убраться подальше въ глубь лѣса и скрыться тамъ отъ ожидаемыхъ поисковъ; затѣмъ слѣдовало найти воду. Ходить все еще было больно; разыскиваніе воды было отложено на будущее время, а пока можно было довольствоваться брусникою, на кусты которой Дорджи нечаянно натолкнулся. Ему думалось, что впослѣдствіи бруснику можно будетъ замѣнить снѣгомъ, который въ скоромъ времени долженъ выпасть... Голодъ не особенно пугалъ его: съѣстныхъ при-

пасовъ у него, повидимому, могло хватить на недѣлю и болѣе. Прежде всего слѣдовало, какъ онъ думалъ, обезпечить себѣ тепло, устроить такъ, чтобы костеръ не погасалъ, а тамъ можно будетъ подумать и объ остальномъ. Мучительно переступая съ ноги на ногу, Дорджи сталъ присматриваться къ мѣстности и искать мѣста, удобнаго для его жилья. Ему показалось, наконецъ, что онъ нашелъ превосходное мѣстечко. Это была большая ель, вѣтки которой опускались чуть не до земли, образуя вокругъ дерева почти темный шатеръ. Вся земля вокругъ ствова ели была густо выстлана хвоей, огромное, полуобгорѣлое дерево лежало возлѣ; оно очевидно, уже много разъ служило при устройствѣ костра. Внизу, подъ деревомъ, Дорджи нашелъ даже нѣсколько сдѣланныхъ изъ бересты ложекъ. Все это очень обрадовало его; онъ сейчасъ же съ большими предосторожностями перенесъ свой огонь на новое мѣсто и почувствовалъ, что подъ елью ему будетъ гораздо теплѣе и уютнѣе, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ; такъ какъ воды у него все же еще не было, то онъ хотѣлъ-было сперва побросать найденныя ложки въ огонь, но потомъ подумалъ, что можетъ быть ему удастся собрать въ нихъ хоть немного воды, стекавшей съ оттаивающихъ кустарниковъ, бѣлѣвшихъ еще инеемъ. Онъ оставилъ поэтому ложки про запасъ, а самъ сталъ ужъ опять подумывать объ отдыхѣ. Усталость его была такъ велика, что какъ только кончилось возбужденіе, произведенное страхомъ отморозить ноги, и какъ только костеръ былъ разведенъ, Дорджи повалился на траву и тотъ же часъ сталъ дремать; ему было тяжело даже открыть глаза, и у него явилась мысль, что онъ скоро умретъ, но мысль эта нисколько не огорчала его; онъ и къ ней относился такъ же равнодушно, какъ и ко всему на свѣтѣ. Лежа неподвижно и открывая глаза лишь за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, не гаснетъ ли огонь, Дорджи радовался, что пока ему хорошо и совсѣмъ не думалъ ни о прошломъ, ни о будущемъ. Къ концу дня эта вялость стала проходить; мысли Дорджи стали проясняться: онъ сталъ размышлять о дорогѣ домой, о домѣ, о встрѣчѣ съ отцомъ и со своими, и ко всему этому стала примѣшиваться совсѣмъ непрошенная, крайне непріятная для него мысль,—мысль, которую онъ всѣми силами старался отогнать. Онъ думалъ: — „не лучше ли вернуться назадъ, въ школу, вѣдь домой все равно не дойти!“ Упорно отстраняя эту мысль, онъ въ то же время какъ-то невольно сталъ подыскивать разныя доказательства въ ея пользу. Полное одиночество въ продолженіе сутокъ стало до крайности тяготить бѣдняжку; ему представлялось, что теперь онъ обрадовался бы товариществу несноснѣйшаго изъ всѣхъ

школьниковъ, бѣлобрысаго Иванова, у котораго ротъ былъ постоянно растянутъ до ушей, а прозвища каждому изъ товарищей такъ и летѣли изъ этого рта, поражая всѣхъ своею мѣткостью. Правда, у этого Иванова тоже было свое прозвище—„кочанъ“, мѣтившее на его круглую бѣлую голову, но прозвище это не казалось Иванову обиднымъ, и онъ всегда откликался на него такъ же, какъ и на фамилію. Компанія такого остряка и добряка была-бы, какъ казалось теперь нашему отшельнику, какъ разъ кстати. Припоминая другихъ школьниковъ, Дорджи, къ удивленію своему, замѣчалъ у многихъ добрыя черты; одинъ дарилъ ему картинку, другой — хотѣлъ подѣлиться сладкимъ пирогомъ, полученнымъ изъ дому, третій— терпѣливо обучалъ его трудному искусству владѣть гусинымъ перомъ... Да мало ли кто оказывалъ ему тѣ или иныя услуги! Дорджи былъ склоненъ теперь во всемъ винить самого себя; онъ думалъ, что напрасно слишкомъ ужъ придавалъ значеніе двумъ, тремъ шуткамъ и изъ-за нихъ сталъ сторониться отъ всѣхъ русскихъ и несправедливо осуждалъ ихъ за всякую шалость. Конечно, они шалили и насмѣхались надъ нимъ слишкомъ ужъ часто, но въ то же время относились къ нему по-товарищески, по крайней мѣрѣ сначала, пока онъ не сталъ сторониться отъ всѣхъ нихъ безъ разбора. Вѣдь съумѣли же учиться съ ними и Очиръ, и Жуановъ, и Санаевъ и другіе буряты, тоже не умѣвшіе говорить по-русски, теперь же, благодаря товариществу, сдѣлавшіе значительные успѣхи, тогда какъ онъ, Дорджи, вначалѣ бывшій впереди своихъ земляковъ, теперь очутился если не позади, то какъ-то въ сторонѣ. А между тѣмъ, вѣдь его знаніе монгольской грамоты несомнѣнно было очень полезно всѣмъ его землякамъ; онъ могъ бы помогать имъ учиться, почему же онъ не продолжалъ дѣлать это, зачѣмъ ушелъ отъ нихъ?..

Мало-по-малу Дорджи дошелъ до того, что сталъ упрекать себя въ малодушіи, въ томъ, что послѣ первыхъ же непріятностей задумалъ бѣжать отъ товарищей, а съ тѣмъ вмѣстѣ убѣжалъ и отъ науки. Тогда какъ — ясное дѣло — получить образованіе было для него возможно только въ русской школѣ. Мысль о сѣченіи, какъ необходимомъ элементѣ ученія, была, правда, очень тяжела для Дорджи, но почему же другіе не возмущались розгами въ такой степени? Можетъ быть, думалъ онъ, русская жизнь ему непонятна, непонятна необходимость бить мальчика, уча его? Можетъ быть, рѣшеніе бѣжать было принято слишкомъ поспѣшно?

Раздумывая обо всемъ этомъ, Дорджи все продолжалъ сидѣть у своего костра. Теперь, нѣсколько отдохнувшій и успокоившійся, онъ снова

получилъ способность любоваться окружающей его природой. Ему было пріятно наблюдать пурпурные и золотистые узоры, красиво вырисовывавшіеся березовымъ и осиновымъ кустарникомъ на темномъ фонѣ хвойнаго лѣса, и на чудные оттѣнки и переливы свѣта въ глубинѣ сосновой чащи. Присмотрѣвшись затѣмъ къ ближайшимъ предметамъ, онъ обратилъ вниманіе и на ту ель, подъ которой лежалъ. Онъ увидѣлъ, что на одну изъ ея вѣтокъ вскочила бѣлка; живой звѣрекъ, совершенно не подозрѣвая, что за нимъ слѣдятъ, то лазилъ вверхъ и внизъ по вѣткамъ съ изумительной ловкостью и легкостью, то, важно усѣвшись на вѣткѣ на заднихъ лапкахъ, ловко вертѣлъ въ переднихъ еловую шишку, проворно шелуша изъ нея ея мелкіе орѣшки. Дорджи очень обрадовался этому живому существу; одиночество, никогда не испытанное имъ раньше, начинало сильно томить его.

Но вотъ гдѣ-то вдали задребезжала телѣга; Дорджи сталъ прислушиваться: дребезжанье прекратилось, и послышались голоса... Дорджи показалось, что голоса эти были ему знакомы. — Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это наши школьники, подумалъ онъ; вотъ выкрикнули знакомую фамилію, вотъ хохочетъ кочанъ-Ивановъ, вотъ стали рубить дерево, хотятъ разводить костеръ; вотъ по лѣсу разносится крикъ, то близко, то совсѣмъ далеко: — Дорджи!... Дамбаевъ!... Д-о-о-рджи!... Да вотъ и Жуановъ кричитъ ему что-то по-бурятски. „Жаль — далеко, нельзя всего разобрать!“

Дорджи пришлось вскорѣ убѣдиться, что неподалеку были мальчики изъ школы и что они его ищутъ. Въ первую минуту онъ хотѣлъ имъ крикнуть, но потомъ мысль, что вотъ, вотъ сейчасъ эта шумная ватага прибѣжитъ къ нему, что всѣ эти сорванцы станутъ хохотать, подтрунивать надъ нимъ и, можетъ быть, бранить его, остановила его. Что онъ имъ скажетъ?... Нѣтъ, Дорджи захотѣлось еще хоть нѣсколько минутъ не разстраивать своего одиночества, тѣмъ болѣе, что теперь это одиночество получило совсѣмъ иной характеръ: въ нѣсколькихъ шагахъ были люди. Къ его счастью Жуановъ былъ именно тотъ мальчикъ, которому первому удалось открыть убѣжище нашего бѣглеца: Жуановъ уже хотѣлъ крикнуть на весь лѣсъ и оповѣстить всѣхъ о своей находкѣ; но Дорджи знаками попросилъ его молчать; Жуанову хотя это и не понравилось, но онъ покорился. Дорджи былъ искренно радъ товарищу, но ему хотѣлось какъ-нибудь объяснить ему свое бѣгство, растолковать, что онъ не могъ поступить иначе, что онъ въ сущности не виноватъ; и вообще хотѣлось по душѣ поговорить объ этой своей неудавшейся попыткѣ. Но это ему

не удалось: Жуановъ его не слушалъ, желая поскорѣе объявить о своей находкѣ товарищамъ. Онъ только наскоро успѣлъ разсказать, что смотритель за ужиномъ обратилъ уже вниманіе на отсутствіе Дорджи; но что Сизыхъ, который хватился его еще раньше и уже разспрашивалъ школьниковъ, не видалъ-ли кто Дорджи, прямо объявилъ смотрителю, что онъ, Сизыхъ, отпустилъ Дорджи на ночь, такъ какъ за нимъ приходили пріѣзжіе буряты. Самъ же Сизыхъ, послѣ ужина, созвалъ на совѣтъ нѣкоторыхъ школьниковъ и рѣшилъ, что всѣ они должны отпроситься идти въ городъ въ этотъ день съ тѣмъ, чтобы собраться у его дяди, казака, откуда онъ и располагалъ отправиться на поиски бѣглеца. Выпросивъ у дяди лошадь, Николай со всѣми собравшимися школярами поѣхалъ по дорогѣ въ Кудетуевскій улусъ; разспрашивая о Дорджи у всѣхъ встрѣчныхъ, доѣхали до лѣса, гдѣ и хотѣли на всякій случай поискать его. Въ заключеніе Жуановъ торопилъ Дорджи идти съ нимъ къ общему костру, гдѣ уже вѣрно вскипѣлъ котелокъ съ чаемъ и вообще было весело и хорошо. Жуановъ увѣрялъ Дорджи, что никто на него не сердится и что онъ напрасно такъ ото всѣхъ сторонится, что русскіе ничего-себѣ — ребята славные, но что они любятъ подшутить надъ слабымъ, а иногда и обидѣть его; но онъ уже придумалъ средство, какъ отъ этого избавиться, и вотъ, когда будетъ время, онъ сообщитъ о своихъ предположеніяхъ Дорджи, и тогда они поговорятъ объ этомъ не спѣша.

Дорджи понималъ, что дольше медлить было нельзя, и хоть ему очень не хотѣлось подвергать себя насмѣшкамъ товарищей, но не было никакой возможности избѣгнуть всего того, что въ настоящую минуту предстояло. Стыдно ему было тоже показаться на глаза Николаю Сизыхъ; его очень трогала доброта, которую онъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ: вѣдь онъ самъ рисковалъ получить взысканіе изъ-за него, а между тѣмъ онъ не остановился передъ хлопотами и такъ ловко выручилъ его изъ бѣды. Дорджи жестоко страдалъ, размышляя, что во время побѣга онъ ни разу не подумалъ о той отвѣтственности, которую онъ навлекалъ на добродушнаго Николая, представляя при этомъ самого себя очень добрымъ и упрекая всѣхъ русскихъ въ жестокосердіи и безжалостности.

Размышляя объ этомъ и имѣя очень сконфуженный видъ, Дорджи, сопровождаемый Жуановымъ, подошелъ къ костру, разложенному въ полѣ, у опушки лѣса. Вокругъ огня сидѣло нѣсколько школьниковъ, а Николай Сизыхъ былъ занятъ варкой чая въ подвѣшенномъ надъ огнемъ котелкѣ. Похудѣвшее и пожелтѣвшее лицо, впалые глаза и прихрамывающая походка

сильно сконфуженнаго мальчика произвели на школьниковъ смягчающее впечатлѣніе. Противъ ожиданія, они хоть и привѣтствовали появленіе Дорджи изъ лѣсу шумно и радостно, но безъ всякихъ насмѣшекъ.

Всѣ занялись приготовленіемъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ и чашекъ, стали скликать остальныхъ участниковъ прогулки. Николай прежде всего сталъ угощать Дорджи, для котораго чай оказался теперь вкуснѣйшимъ лакомствомъ и лучшимъ лекарствомъ; онъ возстановилъ его упавшія силы, придалъ ему бодрость и возобновилъ хорошее настроеніе, такъ что даже русская школа и школьники не казались уже ему такими дурными, какъ наканунѣ; напротивъ, смотря теперь на ихъ оживленныя прогулкой лица, онъ находилъ многихъ очень симпатичными. Скоро изъ лѣсу послышались оклики: на опушкѣ стали показываться новыя группы товарищей: одни тащили кисти и даже цѣлыя вѣтки рябины, другіе несли въ шапкахъ бруснику... Завидя Дорджи у костра, каждый привѣтствовалъ его радостнымъ восклицаніемъ, и всѣ еще болѣе оживились и спѣшили обмѣняться своими впечатлѣніями. Всѣ вновь прибывающіе предлагали, конечно, вопросы; Дорджи молчалъ; за него отвѣчалъ Жукановъ, съ полнымъ увлеченіемъ передавая всѣ подробности бѣгства: какъ Дорджи усталъ, какъ у него замерзли ночью ноги, какъ онъ не могъ дальше идти и рѣшился жить тутъ, пока не умретъ съ голоду или не замерзнетъ и т. д. Всѣ эти приключенія Дорджи вызывали живѣйшій интересъ въ школьникахъ; многіе въ душѣ завидовали его геройству, другіе спорили и даже готовы были биться объ закладъ по вопросу о томъ, сколько дней могъ бы прожить Дорджи въ лѣсу, и т. п. Были и такіе, которые уже задумывались надъ тѣмъ, какъ встрѣтитъ возвращеннаго Дорджи смотритель, узнаетъ ли онъ о бѣгствѣ или не узнаетъ. Дорджи, не понимая ихъ разговоровъ и не замѣчая никакой враждебности къ себѣ въ товарищахъ, былъ очень доволенъ. Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа и пришли къ тому заключенію, что не убѣги Дорджи, у нихъ не было бы такой прекрасной прогулки; но наконецъ всѣ съ сожалѣніемъ замѣтили, что имъ надо спѣшить назадъ, въ городъ, чтобы не опоздать явиться въ школу во время.

Николай Сизыхъ, какъ самый старшій, и Жукановъ, какъ самый сильный, принялись закладывать лошадей, и такъ какъ мальчугановъ было слишкомъ много для одной телѣги, пришлось сидѣть какъ попало; однако школьники, точно сговорившись, усадили Дорджи на лучшее мѣсто, подкладывали подъ него сѣно, а „кочанъ“ даже положилъ ему за спину свой

армякъ; они видѣли, что Дорджи морщится при каждомъ толчкѣ: у него дѣйствительно все тѣло болѣло, и ноги нестерпимо ныли.

Все обошлось какъ нельзя лучше: школьники доѣхали вовремя, и бѣгство Дорджи никогда не дошло до свѣдѣнія смотрителя.

Дорджи покорился и рѣшилъ учиться, не обращая вниманія на разныя школьныя невзгоды; онъ старался не сторониться отъ товарищей и всегда искалъ случай сближаться съ ними. Насмѣшки болѣе или менѣе прекратились, отчасти потому, что буряты освоились съ русскими порядками, понемногу привыкли къ языку и рѣже попадали въ просакъ. Кромѣ того, Жуановъ привелъ въ исполненіе задуманное имъ средство избавиться отъ обидъ. Наблюдая школьную жизнь, онъ замѣтилъ, что между школьниками грубая физическая сила пользуется наибольшимъ уваженіемъ; самъ онъ обладалъ недюжинной для своего возраста силой и когда разъ отколотилъ русскаго обидчика, сейчасъ же увидѣлъ, что это не только не навлекло на него вражду всѣхъ остальныхъ русскихъ, какъ онъ ожидалъ, а совершенно напротивъ, во многихъ вызвало нѣкоторое къ нему уваженіе. Вотъ онъ и задумалъ устроить такъ, чтобы каждый бурятъ могъ постоять за себя и не даваться въ обиду. Его идея была внушена ему бурятскими обычаями: у бурятскаго народа, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ старая шаманская религія еще не замѣнилась буддизмомъ, существуютъ народные праздники съ военными играми и состязаніемъ для молодежи. Борцы играютъ здѣсь не послѣднюю роль. Жуановъ принадлежалъ къ семьѣ, въ которой не переводились борцы; всѣ правила единоборства зналъ онъ въ совершенствѣ; ему было извѣстно также, что побѣда достается не всегда самому сильному, а очень часто болѣе искусному; онъ и задумалъ передать свое знаніе этого искусства своимъ землякамъ. Сперва буряты старались держать эту затѣю въ секретѣ отъ русскихъ; во время рекреацій буряты по одиночкѣ пробирались въ самый отдаленный закоулокъ двора, за склады дровъ, и тамъ Жуановъ обучалъ ихъ пріемамъ борьбы. По бурятскому обычаю борьба происходила между полуголыми борцами; для Дорджи, немного изнѣженнаго и во время занятій съ Аюшей отвыкшаго отъ игръ на открытомъ воздухѣ, все это было очень не по вкусу, но онъ долженъ былъ уступить, такъ какъ Жуановъ придавалъ очень большое значеніе своей выдумкѣ. Дѣйствительно, Дорджи, сначала слабый и неловкій, неуклонно слѣдуя правиламъ борьбы, сталъ одерживать иногда побѣды и понемногу полюбилъ это удовольствіе. Безпрестанно упражняясь въ борьбѣ, буряты дѣйствительно достигли большой ловкости и сноровки и скоро смѣло вы-

зывали на бой русскихъ мальчиковъ. Сначала русскіе школьники смѣялись надъ бурятскими борцами; смѣхъ главнымъ образомъ вызывался тѣмъ, что буряты, несмотря на холодъ, раздѣвались для борьбы, но скоро они поняли, что кромѣ смѣшной стороны въ этой бурятской затѣѣ была и полезная сторона. Они старались учиться у бурятъ, хотя Жуановъ и держалъ въ секретѣ свои пріемы. Пришлось только наблюдать бурятскія хитрости во время самой борьбы; это соревнованіе очень оживило школьную жизнь, а для Дорджи оказалось полезно главнымъ образомъ тѣмъ, что укрѣпило его нервы: теперь онъ уже не проводилъ цѣлые часы, изнывая въ разныхъ печальныхъ размышленіяхъ объ обидахъ и несчастіяхъ, будто бы съ нимъ происходящихъ. Прилежный, наблюдательный и способный отъ природы, онъ скоро выучился русскому языку, что позволило ему принимать участіе во всѣхъ урокахъ, и ссоро онъ сталъ въ классахъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Его честолюбивыя мечты возобновились, но теперь онѣ сдѣлались уже серьезнѣе; онъ сталъ яснѣе понимать вещи. Русская жизнь заинтересовала его; онъ полюбилъ чтеніе. Къ сожалѣнію, книгъ было мало, но это заставляло его больше цѣнить тѣ, какія ему удавалось доставать.

Дальнѣйшая жизнь Дорджи въ школѣ стала походить на жизнь всякаго другого школьника, и разсказывать о ней болѣе нечего.

Окончивъ школу, онъ продолжалъ ученье въ гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ университета. Вкусы влекли Дорджи къ ученой карьерѣ, онъ сталъ печатать въ ученыхъ журналахъ свои труды, товарищи ожидали, что изъ него выйдетъ спеціалистъ; но Дорджи прежде всего захотѣхъ служить своему народу въ области вопросовъ чисто-практическихъ. Состоя на службѣ въ Восточной Сибири, онъ приносилъ громадную пользу своимъ землякамъ — бурятамъ, не знающимъ ни нашего языка, ни обычаевъ, ни законовъ.

Честность и искренность его убѣжденій никогда не составляли вопроса даже и для его враговъ, далеко немалочисленныхъ и всегда пополнявшихся изъ среды тѣхъ своекорыстныхъ дѣльцовъ, которые такъ хорошо умѣютъ грѣть руки бѣдствіемъ ближняго. Нѣтъ сомнѣнія, что проживи Дорджи долѣе, дѣятельность его не прошла бы безслѣдно для народа, который онъ такъ любилъ.

КИТАЙСКІЙ ЗВѢРЁКЪ.

Въ первой половинѣ іюня 1884 г. я съ мужемъ была въ Китаѣ въ горахъ Утайшань. По скатамъ горъ въ этой мѣстности живетъ маленькій звѣрёкъ изъ породы бурундуковъ. Мальчики окрестныхъ деревень ловятъ его и держатъ въ клѣткахъ, какъ у насъ кроликовъ или морскихъ свинокъ. Если не ошибаюсь, звѣрки эти плодятся въ неволѣ. Когда мы жили въ Утайшанѣ, китайцы принесли къ намъ одного такого звѣрка; мы затруднялись взять его, но окружающіе насъ люди увѣряли, что онъ никакихъ хлопотъ намъ не сдѣлаетъ и что онъ легко переноситъ неволю. Клѣтки не было; мы замѣнили ее ящикомъ съ задвижной крышкой, а чтобы его обитателю не было душно, я прожгла въ крышкѣ съ десятокъ дыръ. Ящикъ наполнили до верху ватой, и въ этой тюрьмѣ кэлинъ (такъ звали звѣрка китайцы) повидимому чувствовалъ себя отлично. Всякій разъ, открывая крышку, мнѣ казалось, что звѣрка уже нѣтъ тутъ, и лишь осторожно разворачивая клочки ваты, я находила обыкновенно прежде всего его пушистый хвостъ, подъ которымъ онъ скрывался. Звѣрёкъ спалъ, сидя на заднихъ лапкахъ, такъ что мордочки не было видно: она была прикрыта передними лапками и хвостомъ. Величиной нашъ кэлинъ, когда его принесли къ намъ, былъ съ полевую мышь; потомъ нѣсколько выросъ. Онъ походилъ на бурундука — своей полосатой спинкой и общей окраской, на бѣлку — своимъ пушистымъ хвостомъ, который онъ также часто держалъ надъ головой султаномъ, и на тушканчика — своей манерой сидѣть на широко разставленныхъ заднихъ лапахъ въ то время, какъ въ переднихъ держалъ какую нибудь ѣду или умывался. Мордочка больше всего походила на мышиную; у него были защечные мѣшки, которые онъ набивалъ зерномъ, отчего подъ глазами у него дѣлалась очень смѣшная опухоль.

Ѣлъ звѣрёкъ почти все, что ему давали: сало, мясо, хлѣбъ, яйца, фрукты; сахаръ очень любилъ. Всему же предпочиталъ просо, повидимому не столько за его вкусъ, сколько потому, что могъ его забивать себѣ за щеки. Изъ травъ, сколько ни пробовали его угощать, онъ ѣлъ только одни одуванчики и головки горнаго мака; другихъ, подобныхъ одуванчику, „сложноцвѣтныхъ“ травъ уже не ѣлъ. Нашедши одуванчикъ въ кучѣ другихъ растеній, онъ прежде всего хватался за головку и отгрызалъ стебель долой, потомъ поворачивалъ въ лапкахъ цвѣтокъ внизъ и начиналъ объѣдать его обертки*), пока не добирался до сѣмечекъ, и черезъ минуту изъ его мордочки только сыпались пушинки. Въ макѣ кормомъ ему повидимому тоже служили собственно только сѣмена и молодые, еще не распустившіеся лепестки; зеленую же чашечку мака онъ съѣдалъ лишь настолько, чтобы добраться до лепестковъ. Распустившихся цвѣтовъ мака онъ не ѣлъ.

Мы боялись держать кэлина на свободѣ, потому что по глупости онъ могъ забѣжать куда-нибудь или попасться кошкѣ, либо собакѣ. Итакъ, ему надѣли ошейникъ и держали на шнуркѣ. Грызть шнурокъ онъ недогадывался, но очень сердился и вырывался всякій разъ, когда его ловили и привязывали; не помню впрочемъ, чтобы онъ кусался при этомъ. Иногда случалось, что онъ снималъ съ себя ошейникъ и убѣгалъ.

Поймать его въ комнатѣ было легко, труднѣе, когда это случалось въ степи: цвѣтъ его шерсти чрезвычайно подходилъ подъ цвѣтъ почвы и онъ еще къ тому же забивался подъ кусты. Тогда мы начинали звать нашего воспитанника, какъ дѣлаютъ это китайцы, т. е. тихонько выговаривая „сыр-сыр-сыр“: это какъ будто подходило немного къ тѣмъ звукамъ, какіе иногда издавалъ самъ звѣрокъ; мнѣ однако казалось, что у него слышалось „кыр-кыр-кыр“, хотя звукъ к и не былъ чистъ. Иногда кэлинъ подбѣгалъ на зовъ, иногда нѣтъ. Мнѣ казалось, что людей онъ не различалъ и не имѣлъ чего-нибудь въ родѣ привязанности къ тому или другому лицу, а бѣжалъ на зовъ любого человѣка—потому только, что люди ему давали ѣду. Впослѣдствіи мы узнали, что кэлинъ очень любитъ яблочныя сѣмечки и всегда сберегали ихъ для него, когда ѣли яблоки. Сѣмечки эти мужъ мой обыкновенно завязывалъ въ свой красный носовой платокъ; такимъ образомъ, появленіе на сцену краснаго платка служило кэлину знакомъ предстоящаго наслажденія зернышками, и кэлинъ зналъ этотъ платокъ.

*) Обертками называются тѣ зеленые листики, которыми окружены желтые цвѣтки одуванчика.

Когда звѣрокъ убѣгалъ отъ насъ и не хотѣлъ возвращаться, мужъ мой присаживался на открытомъ мѣстѣ и дѣлалъ видъ, будто вывязываетъ изъ платка сѣмечки. Кэлинъ тотчасъ подбѣгалъ. Конечно, его предательски ловили и сажали на веревочку или запирали въ ящикъ.

Въ этомъ ящикѣ мы его и возили; самый же ящикъ привязывали сверху верблюжьяго вьюка. Придя на привалъ, я прежде всего отвязывала его и освѣдомлялась о звѣркѣ. Казалось, онъ никогда не пытался освободиться дорогой. Почти всегда я его находила зарывшимся въ вату; ѣда-же, положенная въ ящикъ, оставалась нетронутой. Ночь проводилъ кэлинъ въ томъ же ящикѣ. Утромъ, часовъ въ шесть, онъ начиналъ обыкновенно царапаться, и тогда его выпускали изъ заключенія погулять, и затѣмъ онъ опять залѣзалъ въ свою ватную норку спать. Иногда ему въ это же время давали ѣсть и пить. Воды онъ боялся и охотнѣе пилъ, если капнуть нѣсколько капель на руку или на столъ.

Послѣ ѣды и питья кэлинъ всегда очень усердно мылся, какъ кошка, при чемъ иногда перетиралъ себѣ всѣ пальцы отдѣльно, какъ это дѣлаютъ люди при умываньи; хвостъ онъ также тёръ лапками, при чемъ хвостъ иногда сильно распушался, и каждый волосъ стоялъ отдѣльно, образуя нѣчто въ родѣ стрѣлки.

Переѣзжая каждый день, мы не могли замѣтить никакихъ хозяйственныхъ наклонностей у своего кэлина; но когда прожили на одномъ мѣстѣ цѣлую недѣлю, наклонности эти тотчасъ же обнаружились. Сначала мнѣ невольно кинулось въ глаза, что кэлинъ сталъ необыкновенно скоро съѣдать просо, которое ему давали; потомъ, каждый вечеръ постилая себѣ постель, я стала замѣчать, что изъ нея сыплется просо; наконецъ, однажды я обратила вниманіе, что кэлинъ, набивши себѣ до безобразія щеки, пробрался къ моей постели и скрылся въ складкахъ мѣховой дохи, которую я постилала себѣ вмѣсто тюфяка. Развернувши осторожно доху, я увидѣла, что звѣрокъ прогрызъ въ высокой шерсти козлинной дохи цѣлые ходы и въ нихъ, въ различныхъ мѣстахъ, спряталъ свои зерновые запасы. Конечно, мнѣ пришлось ихъ уничтожить: насчетъ дохи интересы кэлина значительно расходились съ моими. Не знаю, гдѣ послѣ этого устраивалъ свои склады кэлинъ: полъ въ комнатѣ, хотя и земляной, былъ слишкомъ плотно убитъ, чтобы ему въ немъ можно было дѣлать норы. Впослѣдствіи мы жили еще цѣлый мѣсяцъ въ одномъ домѣ съ деревяннымъ поломъ; прогрызать послѣдній кэлинъ не пытался, зерно складывалъ, гдѣ попало и, кажется, не очень заботился о его цѣлости.

Въ концѣ іюля я его срисовала; чтобы заставить его смирно сидѣть, я давала ему въ лапки сахаръ, который онъ грызъ охотно и часто.

Безъ особенныхъ приключеній кэлинъ дожилъ у насъ до осени. Въ октябрѣ мы подходили къ Желтой рѣкѣ, чтобы у города Цзинь-Дзипу перебраться на правый берегъ и придти на зимовку въ городъ Ланджеу. Послѣ Ордоса, страны, населенной симпатичными монголами, послѣ свободныхъ остановокъ на степи въ палаткахъ, путешествіе по китайскимъ деревнямъ и мѣстечкамъ съ ихъ грязными дворами и нахальной толпой, недававшей своимъ назойливымъ любопытствомъ ни минуты вздохнуть свободно во время остановокъ,—довело нервы у всѣхъ насъ до крайней степени раздраженія. При такихъ-то обстоятельствахъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа сидѣла я какъ-то на террасѣ китайскаго дяна *) въ Пин-ян-ся. Передо мной по террасѣ и по столу бѣгалъ кэлинъ, на котораго я на этотъ разъ смотрѣла безъ всякой ласки. Вдругъ къ намъ приблизилась кошка; кэлинъ смертельно испугался ея и съ блестящими расширенными глазами прыгнулъ ко мнѣ на плечо. Меня нисколько не тронула эта просьба о защитѣ, и я совершенно равнодушно отнесла въ комнату звѣрка и посадила въ ящикъ; даже не позаботилась хорошенько запереть крышку.

Оставаясь еще нѣсколько времени на террасѣ, я машинально слѣдила за кошкой, потомъ забыла о ней и пошла помогать мужу перебирать растенія. Вдругъ крикъ рабочаго и видъ выскочившей изъ комнаты кошки показали мнѣ, что случилась бѣда. Монголъ рабочій и я бросились за кошкой, но она вскочила на кровлю конюшни. Пришлось еще обѣжать уголъ зданія; но едва мнѣ удалось по развалившейся стѣнѣ взобраться на крышу съ одного ея конца, какъ кошка, державшая въ зубахъ кэлина, спрыгнула съ другого на сосѣдній дворъ! Китайцы, бывшіе тамъ, отняли звѣрка у кошки, но онъ уже былъ задушенъ.

Я возвратилась въ комнату съ мертвымъ кэлиномъ въ рукахъ, совсѣмъ разстроенная; всѣ жалѣли кэлина, а мнѣ вдобавокъ думалось, что я виновата въ его смерти... При жизни звѣрка мнѣ казалось, что я совсѣмъ его не любила, что онъ только забавлялъ меня, какъ игрушка, и я удивлялась тому, что мнѣ было такъ жаль потерять его.

На другой день я развернула бумагу, въ которой онъ былъ у меня завернутъ—мнѣ захотѣлось еще разъ посмотрѣть на него. Съ вытянутымъ хвостомъ, тусклыми глазами, шерстью, потерявшей прежній блескъ—мерт-

*) Дянъ—постоялый дворъ или гостинница.

вый звѣрёкъ совсѣмъ не походилъ на того веселаго „кэлишку“, котораго мы такъ любили, и я рѣшила, что его можно даже бросить въ спиртъ, къ другимъ грызунамъ, коллекцію которыхъ мы собирали. Мужъ мой оказался болѣе чувствительнымъ — онъ закопалъ „кэлишку“ въ землю, и не на поганомъ загрязненномъ китайскомъ дворѣ, а въ полѣ, за городомъ. Долго потомъ мы еще чувствовали потерю кэлина, и я удивлялась этому: правду сказать, звѣрокъ былъ довольно глупый.

АХМЕТЪ.

Зимой 1874 года случай забросилъ меня съ мужемъ въ одинъ изъ маленькихъ глухихъ городовъ нашего сѣвера. Мы нанимали квартиру у одной солдатки, а въ кухнѣ у нея былъ еще жилецъ, извѣстный всему городу подъ именемъ „черкеса“. Помѣщеніе его, можно сказать, состояло изъ одной лавки; имущество заключалось въ слѣдующемъ: на лавкѣ постланъ былъ его войлокъ и лежала подушка; передъ лавкой на полу—небольшой холщевый коврикъ, нашитый на кошму; надъ подушкой висѣло полотенце, а по стѣнѣ, надъ лавкой, навѣшенъ былъ цѣлый рядъ ситцевыхъ, холщевыхъ и кожаныхъ мѣшечковъ. Изъ одного мѣшечка торчали нитки и иголки, изъ другого гребень, далѣе слѣдовалъ кисетъ съ табакомъ и трубкой, которая впрочемъ рѣдко оставляла своего владѣльца, и т. д. Рядомъ съ мѣшками висѣла гладко остроганная палочка съ какими-то мѣтками; послѣ я узнала, что это бирка, на которой владѣлецъ ея отмѣчаетъ число мышей, попавшихъ въ его мышеловку. Бѣднякъ изобрѣталъ себѣ интересы за неимѣніемъ дѣйствительныхъ. На окнѣ, подлѣ постели, стояла сальная свѣча, воткнутая въ четырехугольную кость изъ говядины, въ серединѣ которой для этой цѣли была просверлена дырочка; рядомъ со свѣчей стояли глиняная чашка для ѣды и маленькій берестяной бурачекъ, сшитый нитками, очевидно самодѣльной работы. Все остальное имущество помѣщалось подъ лавкой, въ деревянномъ ящикѣ изъ бакалейной лавки. Владѣлецъ этого угла былъ дѣйствительно черкесъ родомъ, старикъ небольшого роста, красивый, не смотря на сильно посѣдѣвшую бороду, всегда подстриженную; волосы на головѣ его были еще черные и слегка кудрявились; глаза блестѣли. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ на своей лавкѣ, подобравши ноги „калачикомъ“ и покуривая трубку, или также по цѣлымъ часамъ хо-

дилъ изъ угла въ уголъ, мѣрно шлепая своими до нельзя стоптанными туфлями. Я узнала, что это былъ сосланный, что вотъ уже 29 лѣтъ, какъ онъ въ ссылкѣ, что имя ему Ахметъ. По русски онъ говорилъ плохо и не легко сходился съ новыми людьми—да и вообще русскіе люди были ему не по вкусу.

Между тѣмъ этотъ оригинальный житель крайняго юга на крайнемъ сѣверѣ интересовалъ меня; мнѣ хотѣлось съ нимъ разговориться, распросить его о его судьбѣ. Какъ-то разъ вечеромъ я пришла въ кухню къ хозяйкѣ. Ахметъ сидѣлъ тутъ-же на своей лавкѣ; на мое приглашеніе поговорить что-нибудь онъ отвѣчалъ: „О чемъ говорить съ женщинами?—Съ ними можно только шутить, а съ вами шутить не годится“... Такъ моя попытка и не удалась на первый разъ; но я продолжала наблюдать старика и замѣтила въ немъ такія черты характера, которыя не особенно часто встрѣчаются: какую-то постоянную заботу сохранить свою независимость, ревнивое обереганіе своихъ правъ; онъ съ трудомъ переносилъ даже добродушную шутку надъ своей особой, онъ умѣлъ отстаивать свой уголъ отъ постоянныхъ вторженій безпорядочности русскихъ хозяекъ, или, по крайней мѣрѣ, ему приходилось вести неустанную борьбу съ этими вторженіями. И ни о чемъ, кажется, онъ такъ не жалѣлъ, какъ о невозможности имѣть свою отдѣльную коморку. Ахметъ былъ усердный мусульманинъ, неуклонно совершалъ свои омовенія и намазы. Понятно, какъ мы, женщины, толкаясь цѣлый день въ кухнѣ, мѣшали ему. Чтобы хотя немного облегчить ему это неудобство, хозяйка кухни позволяла ему для молитвы уходить въ ея всегда почти пустую залу. Нерѣдко можно было застать его тамъ въ углу, на какомъ-то брошенномъ на полъ кафтанѣ, погруженнаго въ усердную молитву. Его вздохи, полувнятный шопотъ, колѣнопреклоненная фигура всегда говорили о чемъ-то горькомъ, безотрадномъ и производили самое грустное впечатлѣніе.

Иногда я заставала его за работой: онъ самъ пекъ себѣ хлѣбы и всегда бывалъ очень занятъ въ тѣ дни; приготовленія начинались обыкновенно съ вечера. Стоитъ, бывало, старикъ передъ столомъ и сѣетъ муку, полы худенькаго домашняго кафтана заворочены и подоткнуты за поясъ, рукава засучены, изъ-подъ кафтана видна коротенькая, сильно заношенная рубаха и такіе же панталоны. Долго онъ сѣетъ, и на другой день уже весь поглощенъ заботой о хлѣбахъ. Мука, впрочемъ, у него идетъ не для хлѣбовъ только, она же составляетъ и всѣ другія блюда: каждый день кладетъ онъ въ свой горшокъ немного муки, крошитъ туда луку; иногда, если есть,

прибавляетъ картофелю, наливаетъ воды и кипятитъ; передъ ѣдой въ это горячее онъ кладетъ немного скоромнаго масла и перцу. Раза два въ мѣсяцъ Ахметъ дѣлалъ себѣ маленькій праздникъ — покупалъ мясо. Купитъ баранины, нарѣжетъ ее маленькими кусочками, надѣнетъ ихъ на длинную заостренную лучинку и зажаритъ, повертывая надъ горячими угольями. Чѣмъ болѣе я наблюдала Ахмета, тѣмъ болѣе интересовалъ меня этотъ бѣднякъ,— нищій, по нашимъ понятіямъ, живущій одной болтушкой, и въ то же время ревниво оберегающій свое человѣческое достоинство, обижающійся всякой шуткой, на которыя наши бѣдняки иногда даже сами напрашиваются—изъ желанія-ли угодить, или изъ какой-то приниженности, или Господь ихъ вѣдаетъ изъ-за чего еще!

Ахметъ очень боялся получить что-нибудь даромъ, изъ милости, хотя нужда заставляла и его, конечно, пользоваться подчасъ тѣмъ, что дадутъ; боялся онъ очень, что вслѣдъ за подачкой послѣдуетъ посягательство на его свободу, что на него посмотрятъ, какъ на человѣка, обязаннаго всѣмъ служить и всѣхъ слушать. Пользуясь угломъ въ кухнѣ, онъ старался заработать его, носилъ воду, дрова, выносилъ помои. Безпокоило его даже то обстоятельство, что хозяева кухни приглашали его постоянно пить чай, причемъ хозяйка не всегда удерживалась отъ желанія пошутить съ старикомъ:—„Ну, Ахметъ, скажетъ она бывало,—какъ шашлыкъ дѣлаемъ? Чищаемъ, рѣзаемъ, перцемъ сыпаемъ“...

По поводу этихъ шутокъ Ахметъ мнѣ говорилъ послѣ, когда мы съ нимъ сошлись: „*Я сердилъ!* Мнѣ не нужно чай, меня только не трогай! Мнѣ развѣ дорогъ чай? Что чай! Сейчасъ три стакана пилъ, а черезъ часъ онъ куда пошелъ? — Чай даетъ — и за это мнѣ хочетъ на голову дермо класть; я не хочу такъ, я неможно жить съ ней!“ Вскипятившись, какъ малый ребенокъ, отъ шутокъ хозяйки, Ахметъ на другой день иногда и самъ скажетъ бывало: „Я шибко вчера сердилъ, какъ маленькій робята“.

Дѣти на улицѣ тоже дразнили Ахмета:—„Твоя проклята вѣра! твоя проклята вѣра!“ кричали они ему вслѣдъ.

— Злющій старикъ! говорили про него большіе и усвоили ему репутацію „головорѣза“. Не смотря на безупречную жизнь Ахмета въ ссылкѣ, начальникъ города, холодный, вялый, неподвижный, сырой и сопливый, какъ улитка, аттестовалъ его постоянно разбойникомъ, врожденнымъ кровопійцей. Ахметъ современемъ привыкъ къ нашей семьѣ, любилъ приходить къ намъ, поговорить о своей судьбѣ, о возможности получить свободу, о родинѣ. Мало по малу мы узнали всю его исторію.

Ахметъ былъ сосланъ за участіе въ одной разбойничьей шайкѣ, какихъ было въ то время не мало на Кавказѣ; предварительно былъ „наказанъ“ и 9 лѣтъ высидѣлъ въ арестантскихъ ротахъ.

„*На лиса волоса ничего не былъ*, мальчишка былъ, молоды года попалъ — Богъ попуталъ!“ говорилъ Ахметъ. Послѣ 9 лѣтъ тюремнаго заключенія, онъ былъ сосланъ въ Вологду. Здѣсь сначала билъ камень на мостовой, получалъ 20 коп. въ день; ихъ доставало только на пищу, но не хватало на одежду и квартиру.

Жилъ онъ въ Вологдѣ вмѣстѣ съ другими сосланными черкесами въ одной избѣ; двое изъ нихъ были старики и получали пособіе, трое молодыхъ не получали. Къ зимѣ работа прекратилась. „Грѣшить стали,—стали ходить по-міру по окрестнымъ деревнямъ“, разсказывалъ Ахметъ,—хорошо еще, что языка русскаго хорошо не знали; насъ ругаютъ, а мы ничего не понимаемъ. Въ одинъ домъ пришли разъ, какой-то баринъ съ балкона насъ увидалъ, спрашиваетъ: вы что?—„Бѣдны люди, говоримъ, ѣсть нечего, денегъ нѣтъ, милостыню просимъ“. Велѣлъ человѣку вести насъ къ себѣ. „Возьми за руки и веди по лѣстницѣ“, приказалъ. Разспросилъ, кто мы, откуда. Далъ 40 коп., пасхи, яицъ, сыру, — вамъ праздникъ тогда былъ. Жена его говоритъ: „ты далъ,—я отъ себя дамъ“. И та дала; говоритъ: „всякій разъ ходите ко мнѣ“. Послѣ того цѣлый мѣсяцъ обходили этотъ домъ. Разъ увидалъ баринъ изъ окна и крикнулъ: „отчего мимо прошли моего дома?“—*Стыдно!* говоримъ;—вы намъ такъ много давали, *я стыдилъ*. „Не стыдитесь“ говоритъ... Каждый разъ давалъ по двугривенному! Въ другомъ мѣстѣ подходимъ, горничная кричитъ: вы черкесы? Вы не подходите сюда! Нашъ не любитъ черкесовъ: его брата черкесы убили, третьяго дня съ почтой письмо пришло съ Кавказа. Не хочетъ, чтобы вы на глаза ему попадались!—„Не мы убили, говоримъ, мы 10 лѣтъ въ Россіи живемъ“.

Одежда на мнѣ долго была арестантская, мѣченая—куда въ ней пойдешь просить работы?.. Да и что работать? кромѣ черной работы: дрова колоть, щебень бить,—ничего не знаю. Въ острогѣ былъ кашеваромъ для мусульманъ, былъ прачкой — кому нужно мое искусство!..“ „Дожилъ до весны—въ лѣсъ убѣжалъ. Вышелъ по ярославской дорогѣ, пошелъ полями больше, дорогой боялся идти. Три раза попадался! Первый разъ пришелъ въ городъ, — рѣка... Нужно перебраться, а на мосту солдаты, часовые, боюсь — паспортъ спросятъ... Я въ лодку, хотѣлъ переѣхать, думалъ въ лодкѣ никого нѣтъ; только ступилъ, а подъ ногой зашевелилось и какъ медвѣдь изъ подъ хворосту вылѣзъ человѣкъ рядомъ со мной, схватилъ

меня за грудь. Я ему рубль: перевези на ту сторону!—Не беретъ; я—два, три, четыре... „Нѣтъ, ты воровать пришелъ!—закричалъ; весь берегъ поднялъ, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ. Я вырвался, побѣжалъ!... Онъ ударилъ меня по головѣ, сбилъ шапку... Посмотрѣлъ я,—моя шапка улетѣла прямо въ воду. И вотъ бросилъ я съ шеи мѣшокъ, чтобы не мѣшалъ, бѣгу...“

„Убѣжалъ! Впереди, смотрю опять рѣка, съ камышемъ; я въ воду, думалъ—мелко, вошелъ по бороду. Стою въ камышѣ, народъ на берегу бѣгаетъ, ищетъ... *Вода меня совсѣмъ испортилъ, таки холодна!* Слышу, гововорятъ: „чортъ съ нимъ! дьяволъ его знаетъ, куда онъ пропалъ!“ стало тише, а я на берегъ боюсь выйдти. Пошелъ вдоль берега, такъ что все до бороды въ водѣ иду. Стало мельче, да мельче, и вышелъ я. Дрожу отъ холода, темно. У меня въ карманѣ трутъ былъ крошечка, съ ноготь величины осталось сухого,—я ударилъ, развелъ огонь, набралъ лѣсу, грѣюсь. За пазухой зеркальце было; посмотрѣлъ—совсѣмъ крови въ лицѣ нѣтъ, бѣлый, какъ полотно. Совсѣмъ испортилъ вода меня! За поясомъ котелъ былъ привязанъ, онъ остался цѣлъ, а то вся моя провизія и все платье осталось въ мѣшкѣ на берегу. Что дѣлать? Утромъ дорогой нашелъ барановъ, одного схватилъ, зарѣзалъ—изъ шкуры шапку сдѣлалъ—айда дальше!..“

„Много городовъ мой видалъ! Нижегородска губерня, Ярославска, Симбирска, Саратовска, – Казань не видалъ. Шелъ больше, когда темно было, въ города не заходилъ. Въ одномъ большомъ городѣ былъ,—не знаю, что за городъ,—улица узкая камнемъ мощена, съ одной стороны большая рѣка; дома большіе, внизу лавки, купцы съ огнемъ въ лавкахъ сидятъ, играютъ въ шашки, а я иду середи улицы—боюсь спросить о дорогѣ; вышелъ за городъ, на заставѣ начали уже зорю отбивать; встрѣтился тутъ какой-то человѣкъ, спросилъ я: „гдѣ дорога—въ Саратовъ идти?“ Онъ мнѣ показалъ. Хорошая дорога, гладкая, со столбами,—я не пошелъ, по пашнѣ пошелъ, боялся идти дорогой“.

„Много я горя видалъ! Много человѣкъ меня обижалъ—много тоже добра дѣлали. Три раза меня ловили. Разъ шелъ я, темно было... Городъ Царицынъ есть; я не зналъ, что городъ, думалъ—деревня; вошелъ, тутъ домъ и тутъ домъ; никакой промежутка нѣтъ, все дома. У меня хлѣба не былъ, надо было доставать... Иду, гляжу—передо мной два солдата, позади два!—Это ночной обходъ шелъ... Куда дѣваться? Шибко бѣжать не могу, усталъ. Офицеръ тутъ молодой, очень молодой офицеръ, спрашиваетъ: „Ты что за человѣкъ?“ Говорю: изъ деревни иду; днемъ жарко,

комары кусаютъ, потому ночью и иду.—„Пачпортъ есть?“ — Есть, говорю; показываю ему на грудь, а на груди у меня спрятана была такая книжка— отъ пули спасаетъ, отъ шашки, отъ человѣка злого спасаетъ—Богъ тому помогаетъ, у кого эта книжка есть. Офицеръ говоритъ: „Покажи пачпортъ“. Вынулъ я ему книжку, онъ говоритъ: „Какой это пачпортъ?“— хотѣлъ изорвать. Я сталъ просить, говорю: я Богу молюсь по этой книжкѣ. Вижу, поймали меня, плакать сталъ: изъ Вологды прошелъ до Царицына, тутъ возьмутъ—опять пошлютъ въ Вологду! — Плакалъ я, очень плакалъ! Ноги цѣловалъ у офицера, разсказалъ ему сколько меня мучили, какъ я на каторгѣ былъ, какъ молодой былъ, бороды не было, когда изъ дому взяли... Плакалъ... Гляжу, и офицеръ плакалъ, когда меня слушалъ! Говоритъ мнѣ: „Не кричи, хуже—услышатъ тебя, здѣсь генералъ есть“. Потомъ говоритъ: „Есть у тебя деньги?“ Я говорю: есть рубль!—„Давай, говоритъ, сюда“. Подалъ я рубль, посмотрѣлъ офицеръ его на свѣтъ, мѣсяцъ тогда взошелъ, видитъ — и въ самомъ дѣлѣ рубль; говоритъ солдатамъ: „обыщите его!“ Обыскали, еще нашли у меня въ карманѣ 6 копѣекъ, и ихъ взяли. Офицеръ отдалъ рубль солдатамъ—водки-бы купили, и 6 копѣекъ мнѣ назадъ отдалъ,—говоритъ: „умретъ человѣкъ безъ хлѣба...“ Показали мнѣ узенькій проулочекъ, говорятъ: бѣги!—И тутъ сейчасъ поле и видно, а тамъ не то, что здѣсь — лѣсу нѣтъ, поле чистое, какъ ладонь, все видно...“

„Все вспоминаю этого офицера, и дома все вспоминалъ!“

„Вышелъ я въ поле, а ночь свѣтлая стала, и все мѣсто открытое. Увидалъ бахчи, высокій такой амбаръ на нихъ стоитъ; сталъ подходить; бабы тутъ были съ ребятишками, кричатъ: „Не подходи! не подходи! иди дальше, кто тебя знаетъ, что ты за человѣкъ! Бродягъ тутъ много, не подходи!...“ Хлѣба просилъ, не даютъ, пить попросилъ, и то не дали; нашелъ въ сторонѣ въ ямѣ арбузы зарытые, взялъ одинъ въ свой мѣшокъ и ушелъ. Долго шелъ, а кругомъ все верстъ на 50 видно, и казачій пикетъ тутъ недалеко есть; думаю, поймаютъ меня, нельзя днемъ идти, и нигдѣ ничего нѣтъ, спрятаться негдѣ. Долго шелъ; жарко ужъ стало, вижу — кучка сноповъ оставлена въ полѣ. Я снопы кругомъ разложилъ, самъ легъ въ середку, а солнце сверху меня палитъ, какъ огонь, жжетъ, рубаха мокрая отъ поту. Усталъ, лежу и сплю, да не крѣпко — жарко очень ужъ... Вдругъ, слышу что-то холодное на груди; я схватилъ рукой — змѣя! Испугался я, очень испугался; ударилъ ее о землю, — сѣрая такая змѣя, съ краснымъ брюхомъ — тотчасъ она въ снопъ уползла; смо-

трѣлъ я, смотрѣлъ кругомъ, нигдѣ не выползаетъ, палкой снопы пошвырялъ — нигдѣ ея нѣтъ. — „Нѣтъ, думаю, нельзя мнѣ тутъ жить, пусть лучше меня казакъ поймаетъ, чѣмъ отъ змѣи умирать. Бросилъ снопы..."

„Другой разъ чуть было я не умеръ отъ жажды: лежу въ полѣ, все съ себя снялъ, палку воткнулъ въ землю, на нее халатъ и рубаху повѣсилъ; лежу, голова подъ тѣнью, губы всѣ испортилъ, говорить ужъ не могу и двигаться не могу, хриплю только — и точно огонь во мнѣ горитъ, ничего не знаю, не думаю, а не сплю... Вижу — какой-то человѣкъ ко мнѣ наклонился и подаетъ мнѣ воды изъ стакана, къ самымъ губамъ мнѣ подноситъ; открылъ глаза — никого нѣтъ! Долго лежалъ... А лежалъ я на пашнѣ, дорога отъ меня далеко, — вотъ какъ теперь отъ насъ улица, вижу — подводы ѣдутъ, женщины и мужчины; я поднялъ руку и поманилъ ихъ къ себѣ. А они кричатъ: „что ты за человѣкъ? Иди сюда къ намъ!" Я опять руку къ небу поднялъ и опять къ себѣ поманилъ, — хотѣлъ, чтобы ради Бога они ко мнѣ подошли; а они нейдутъ, кричатъ мнѣ, чтобы я шелъ. Я едва на колѣни приподнялся и какъ былъ безъ рубахи, такъ и пополз къ нимъ. Подползъ, говорю: воды мнѣ дайте! Мужикъ велѣлъ женщинѣ меня напоить, далъ мнѣ сперва немного теплой воды, и сейчасъ же отнялъ чашку, говоритъ: „умрешь ты, не пей вдругъ!" Потомъ велѣлъ женщинамъ достать холодной воды, со льдомъ у нихъ была, и этой мнѣ давалъ понемногу. Видѣлъ, что я сгорѣлъ весь, облилъ меня всего водой — одна женщина за одежей за моей сбѣгала, одѣли меня, а я самъ ужъ не могъ. Оживилъ меня мужикъ! Васильемъ его зовутъ... Много онъ мнѣ добра сдѣлалъ! Говоритъ онъ мнѣ: „мнѣ тебя на телѣгу нельзя взять — я на пашню ѣду, а дальше ты идти не можешь; иди назадъ, въ нашу деревню, всего въ верстѣ будетъ, спроси тамъ женщину Марью — это моя сестра; скажи ей, что я тебѣ встрѣтился и велѣлъ ей тебя успокоить; она тебя ночевать пуститъ, а завтра ты дальше пойдешь!" Съ полверсты не прошелъ, у меня внутри опять такъ и загорѣлось. Встрѣтились мужики, ради Бога просилъ у нихъ воды, — отказали, говорятъ: сейчасъ въ деревню войдешь, тамъ и напьешься. У самой деревни рѣчку маленькую я завидѣлъ; какъ завидѣлъ воду, такъ во всемъ, въ чемъ былъ, и полѣзъ въ нее, на самое дно припалъ, все искалъ, гдѣ похолоднѣе вода. Напился, иду въ деревню весь мокрый. Встрѣтились мужики, я шапку снялъ; спрашиваютъ: куда идешь? Одинъ мужикъ, большой такой, съ черной бородой, говоритъ: иди въ третій домъ съ краю. Пришелъ, женщина на дворѣ убирается, спрашиваю: гдѣ мнѣ здѣсь Марью найдти? Она гово-

ритъ: „вотъ я — Марья!“ Я ей говорю: меня твой братъ Василій къ тебѣ прислалъ... и разсказалъ ей, какъ онъ мнѣ добро сдѣлалъ. Марья меня хорошо приняла: постель мнѣ на дворъ вынесла, подушку положила, лежу я тутъ въ тѣни, простокваши чашку принесла холодной. Хорошо мнѣ тутъ было. Скоро пришелъ мужикъ съ черной бородой — это былъ Марьинъ мужъ; спрашиваетъ у меня пачпортъ. Я говорю — нѣтъ у меня пачпорта!... Что скрывать? Силъ нѣтъ, никуда не уйти! Мужикъ говоритъ: „нельзя мнѣ тебя держать, я старшина здѣсь, да и повыше меня начальство есть; ты, можетъ, разбойникъ какой...“ Осмотрѣлъ онъ меня, а у меня ножъ складной въ карманѣ былъ: хлѣбъ я имъ рѣзалъ и все, что мнѣ нужно было; нельзя мнѣ безъ него въ дорогѣ. Взялъ онъ у меня этотъ ножъ. Марья бранится: не бери, говоритъ, зачѣмъ берешь?— Оставили они меня у себя на ночь, въ избѣ постель постлали; у одной стѣны я на полу сплю, а у другой стѣны Марья съ мужемъ, на постели. Усталъ я, и постель была хорошая, скоро заснулъ и крѣпко. Слышу, ночью меня кто-то толкаетъ... Гляжу — Марья. — „Уходи, говоритъ, а то завтра мужъ то тебя по начальству представитъ“. А я говорю: „не пойду я, ноги меня не несутъ, усталъ, и дороги не знаю, и хлѣба у меня нѣтъ, и боюсь опять безъ воды умереть... И куда я безъ ножа пойду, мнѣ безъ него нельзя...“ Усталъ я ужъ очень... Марья пошла, у мужа изъ штановъ ножъ мой достала, воды мнѣ налила въ баклажку, травой крѣпко заткнула, чтобы не вылилась, и хлѣба въ мѣшокъ мнѣ положила. Говоритъ: „иди, я сама изъ деревни провожу“. Такъ мы и пошли; она идетъ впереди, а я за ней. Показала она мнѣ, куда идти. — „Тутъ, говоритъ, будетъ деревня — Казанская, въ ней вашъ народъ живетъ: изъ Казани татары тутъ переселились; они тебя, можетъ, пріютятъ...“

„Пошелъ я, — вскорѣ и деревня показалась, и солнышко стало всходить. А я, какъ слѣдуетъ, и въ дорогѣ всегда Богу молился; умылся я тутъ, стою и молюсь... Вижу — идетъ ко мнѣ человѣкъ, высокій такой, бритый; вижу — татаринъ. Спрашиваетъ: „что ты тутъ дѣлаешь?“

„Видишь, говорю, что я дѣлаю“.

„Не видалъ ли гдѣ, говоритъ, кнута? Я вчера кнутъ потерялъ“. И сталъ ругаться. Я говорю: „на что мнѣ твой кнутъ? На, гляди! Кабы я его укралъ, при мнѣ бы и былъ. Гдѣ, говорю, вашъ мулла живетъ?“ Думаю, мулла меня, можетъ, поддержитъ. Указалъ онъ мнѣ: „поди, говоритъ, на дворъ, онъ теперь корову доитъ“. Прихожу на дворъ; вижу — мулла стоитъ и держитъ корову за рога, а жена его корову доитъ. Не

знай, что; глупая, знать, у нихъ эта скотина была. Говорю муллѣ: „вотъ я вашей вѣры, — черкесъ, иду изъ Петербурга на родину... (Нельзя ему правды сказать, боюсь!) — „Шамиль воевалъ, меня въ плѣнъ взяли; а теперь размѣнъ вышелъ, меня мѣняютъ на русскаго солдата". Мулла послалъ меня въ домъ. Хорошій у него домъ былъ и двое ребятишекъ было. Угощали они меня, каши мнѣ дали сейчасъ же; сутки у нихъ прожилъ. Обманулъ муллу, да нельзя — боялся, что поймаютъ!..."

„Черезъ Шамильскую землю шелъ, — тогда Шамиль еще воевалъ съ русскими. У нихъ земля — камень одинъ и горы. Сутки идешь въ гору, а другія — подъ гору, а тамъ опять въ гору. Ноги всѣ въ крови, кровь течетъ, сапоги изорвались, — платками ихъ завязывалъ. Рубаху съ себя снялъ, изорвалъ, ей ноги перевязалъ, иду въ однихъ штанахъ. Тутъ, вижу, въ одномъ мѣстѣ сѣно косятъ. Подошелъ поближе, — все русскіе! Думаю: какъ такъ? Бѣжалъ, бѣжалъ я отъ русскихъ людей, а опять къ русскимъ людямъ пришелъ! — Подхожу, говорю: „здравствуйте, Богъ въ помочь!" Ну, они мнѣ отвѣчаютъ, спрашиваютъ: кто я такой? откуда? Говорю: вотъ, всю Россію почти исходилъ — называю губерніи, гдѣ проходилъ. Тутъ одинъ кричитъ: а, это моя родина была! Другой спрашиваетъ: а въ Рязани былъ? это моя земля была! Третій, четвертый, всѣ спрашиваютъ, вкругъ меня обступили... Каша у нихъ тутъ варилась — каши мнѣ дали; сижу я съ ними, разсказываю — гдѣ шелъ. Спрашиваю: какъ это они, русскіе люди, да тутъ живутъ? Солдаты это были, — перебѣжали къ Шамилю; Шамиль имъ землю далъ, они тутъ и живутъ; переженились на плѣнныхъ грузинкахъ. Въ той землѣ все воюютъ, много въ плѣнъ берутъ, а грузины то, вѣдь, вашей вѣры... Отдохнулъ я тутъ у нихъ, а все къ себѣ пробираюсь... Наша земля хорошая, въ ней сорочинское пшено растетъ, пшеница, фрукты всякіе!..."

„Я теперь, здѣсь, когда войду въ лавку,—вижу фрукты: изюмъ, черносливъ, финики, — и думаю: это все изъ нашей земли фрукты!.. У насъ много!.."

„Ходятъ у насъ хорошо — все шелковыя матеріи носятъ. Въ каждомъ домѣ червей такихъ держатъ, которые шелкъ дѣлаютъ".

„Совсѣмъ почти на край земли пришелъ — дальше ужъ Персія будетъ. Прихожу въ свою деревню, смотрю — нѣтъ моего дома!... Стоитъ на этомъ мѣстѣ другой домъ, на дворѣ у очага старуху вижу, — не мать, чужая... И никого изъ своихъ не вижу. Подошелъ къ своему дому, — старикъ вышелъ, совсѣмъ согнувшись, на палку опирается. Я спрашиваю: „здѣсь Ала-верды живетъ?"

„Здѣсь, говоритъ... (а это отецъ мой и есть, его такъ зовутъ)“.

„Развѣ ты меня не узналъ?“ — Нѣтъ, говоритъ, я тебя не знаю, что ты за человѣкъ.

„Я — говорю — твой сынъ, Ахметъ, что съ Абдулкомъ былъ взятъ, что сквозь строю гоняли — это я и есть!“

„Старикъ сдѣлался совсѣмъ какъ сухое дерево; разумъ у него совсѣмъ пропалъ: какъ стоялъ, такъ и стоитъ!“

„Вотъ — говорю — живъ я остался, выздоровѣлъ, у русскихъ 12 лѣтъ жилъ, теперь опять къ своимъ пришелъ...“

„Затрясся старикъ, заплакалъ... Долго тутъ плакали...“

„Сажаютъ меня у огня на дворѣ, а я говорю: нѣтъ, въ домъ пойдемъ, я здѣсь боюсь сидѣть, — какъ бы какой человѣкъ не увидалъ меня здѣсь. Въ домъ вошли, спрашиваю: гдѣ мать?“

„Мать, говоритъ, умерла, а эта старуха моя другая жена, я на ней женился, когда твоя мать умерла“. — А братъ гдѣ? У меня братъ былъ — совсѣмъ еще мальчишка былъ, какъ я изъ дому ушелъ“.

„Измаилъ — говоритъ — теперь въ краулъ пошелъ, у насъ теперь все краулы содержатъ на границѣ: Шамиль воюетъ съ русскими; скотъ нашъ угоняютъ и деревню разворяютъ“.

„Долго я въ этотъ вечеръ не сидѣлъ; покормили меня, постлали постель, я легъ и крѣпко заснулъ!“

„Слышу — кто то на грудь мнѣ легъ. . Испугался, пробудился, смотрю — это Измаилъ!... Пришелъ, плачетъ у меня на груди!... Совсѣмъ ужъ большой сталъ, женатый и двое дѣтей у него; онъ въ своемъ домѣ жилъ“.

„Пятнадцать дней жилъ я дома. Все боялся, что меня найдутъ; днемъ не ходилъ никуда. Съ боку дома пристрой былъ, все въ этомъ пристроѣ сидѣлъ“.

„Говорю отцу: нельзя такъ жить, надо куда уйти, хуже будетъ, какъ меня въ русской землѣ поймаютъ: опять цѣпи надѣнутъ и поведутъ туда, откуда ушелъ... Надо въ Персію уйти... Стали меня собирать. Отецъ матеріи мнѣ купилъ, — одежу шить, какую у нихъ носятъ. Дома и шить боялись, въ другой деревнѣ сшили. Шесть лѣтъ я такъ прожилъ на границѣ: то въ Персіи, то въ русскихъ владѣніяхъ, — домой приходилъ. Въ это бродяжное время жилъ разъ у одного нашего *куньязя, — такой смышной, хороши человекъ былъ*. Онъ держитъ меня, какъ сына: „Ахмядъ, говорилъ онъ мнѣ, у меня четыре сына, ты пятый!“

„Ты русскій обычай знаешь, ты много свѣта бывалъ! Признайся, ты былъ въ Россіи?“ — Нѣтъ, я ничего не знаю! *Я таки бѣдни человѣкъ.* — „Врешь, каналья!“ Въ другой разъ кричитъ по-русски: „Ахмядъ, неси самоваръ!“ Я такъ стою: (Ахметъ опускаетъ глаза, показывая, какъ онъ стоялъ передъ княземъ).

„По Кавказу въ то время великій князь ѣздилъ. *Куньязь* нашъ провожалъ его, и я былъ вмѣстѣ. Мнѣ часто въ голову приходило сказать, кто я... „*Ляжилъ бы ногамъ великаю князя, — онъ бы меня простилъ!*“ — Послѣ я сказалъ объ этомъ *куньязю:* „А, мошенникъ! Ну, вотъ видишь!... Это ты плохо сдѣлалъ, что не сказалъ“. — Жалѣлъ я, что глупо сдѣлалъ...“

„А то еще у Али жилъ. Онъ на контрабанду поѣхалъ, у купца денегъ занялъ 600 рублей. „Спортишь себя!“ — говорю; не послушалъ, поѣхалъ... Сказалъ: „жди черезъ 30 дней“. Двадцать дней прошло, сижу я у огня, разговариваю съ его мальчишками-сыновьями, курю трубку, слышу — кто-то на дворъ въѣхалъ. Вышелъ, смотрю — стоитъ Али: морда вязана, руки вязаны, — весь изрубленъ! Ни товару, ни лошади; едва самъ успѣлъ убѣжать... *Здрась! — пакротъ* мой Али! *). Приходилъ я разъ домой, и пошелъ назадъ въ Персію съ татариномъ. Онъ въ нашей деревнѣ жилъ; зналъ, что я тотъ самый Ахметъ, что съ Абдулкой — *лезгински человѣкъ* — былъ взятъ, и зналъ, какъ моего отца зовутъ, — все зналъ Шли мы вмѣстѣ, совсѣмъ стали подходить къ персидской границѣ, только сутки пройти и тамъ... Татаринъ пошелъ къ начальству и объявилъ!... Я въ кустахъ лежалъ, человѣкъ тридцать меня окружили, стрѣляли, ранили меня въ ногу, пуля съ одной стороны вошла, съ другой — подъ кожей остановилась, я еще ощупалъ и ножемъ самъ вырѣзалъ“.

„Вязали руки назадъ, садили въ телѣгу и повезли. Въ крѣпость привезли, лѣчили, выздоровѣлъ, военнымъ судомъ судили — опять 800 ударовъ дали. Въ госпиталѣ долго послѣ этого лежалъ, вылѣчили, опять въ Вологду повели... До Москвы въ кандалахъ шелъ... Гдѣ жилъ, у кого — не сказалъ. Зачѣмъ сказывать? *Таки хороши люди тянуть будутъ*, — я ни о комъ не сказалъ! *Начальски человѣкъ* спрашивалъ: „у кого жилъ?“ — Ни у кого не жилъ, шлялся, куда приду — тамъ ночую; кто хозяинъ — и не спрашивалъ. „Чѣмъ кормился?“ — Милостыней. „Гдѣ одежу взялъ?“ — Подали подаяніе. Все хорошо отвѣчалъ, только въ одномъ грѣхъ сдѣлалъ:

---

*) Пакротъ — банкротъ.

„Гдѣ *струментъ* *) взялъ?“ — Укралъ, говорю. А вовсе не укралъ, на деньги купилъ! „Гдѣ укралъ?“ — На Курѣ. „Которое мѣсто? у кого укралъ?“ — Шелъ дорогой: подъ деревомъ спитъ человѣкъ, на немъ былъ струментъ, я снялъ и взялъ... Вотъ самъ на себя насказалъ, ничего этого не было; теперь чудно, что такую сказку сочинилъ!“

„Привели меня опять въ Вологду, а тамъ въ Яренскъ. Посадили въ камеру, три дня хлѣба не даютъ, денегъ не даютъ, голоденъ сталъ; говорю солдату: скажи начальски человѣкъ,— пусть мнѣ хлѣба даетъ, либо денегъ, либо фатеръ даваютъ!—Солдатъ вернулся, говоритъ: „бери мѣшокъ!“—Куда? „Я тебя на фатеръ поведу“. Онъ впереди идетъ, я назади, думаю: вотъ какъ здѣсь скоро фатеръ даютъ; какой здѣсь начальски человѣкъ добрый! — Гдѣ фатеръ, далеко? „Въ самой серединѣ города, говоритъ солдатъ, на главной площади, каменныя хоромы“. Подходимъ—пали, солдатъ съ ружьемъ у воротъ... „Вотъ твоя фатера...“ — Здрась! куда попалъ Ахметъ! подумалъ я“.

„На другой день начальски человѣкъ меня увидалъ, говоритъ: „Эхъ, старикъ! какъ тебѣ не стыдно? Въ бородѣ сѣдина, а ты *эдаки бродяжно* ходишь, кандалы носишь!“ Я сердилъ.. Я ему сказалъ: развѣ я теперь попалъ? Лиса волоса не былъ, мальчишка былъ, молоды года попалъ, Богъ попуталъ!... Разъ себя человѣкъ спортилъ, — счастье всей жизни потерялъ! Бѣгаешь теперь — выходитъ нехорошо; живешь тихо, смирно — проку нѣтъ! Да, въ молоды годы пошалилъ, а теперь 29 лѣтъ живу тихо, спокойно, *какъ вашъ протопопъ*... Начальски человѣкъ этого не разбираетъ; онъ только пишетъ: „въ 1845 году попалъ, грабительства, убивства сдѣлалъ!...“

„Подумаю — сердце у меня подымается: 29 лѣтъ! хотя бы одинъ день былъ свѣтлый!“

„Самъ себя возьмемъ, въ воду бросаемъ, грѣхъ будетъ!... Жаль, что я не умѣю писать, я бы сейчасъ написалъ: „Начальски человѣкъ! написалъ бы я, — молоды года попалъ, 29 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Я не худой человѣкъ, за что меня держишь? Это страмъ! — сказалъ бы я ему. — Я ничего не боюсь, я храбрый человѣкъ: хочешь повѣсить — повѣсь! Я смерти не боюсь! Я бы ему сказалъ: ты — на землѣ, а на небѣ Богъ! Или надъ тобой Бога нѣтъ?... 29 лѣтъ ничего не сдѣлишь, за что держишь? Лучше надѣнь на мою шею веревку, повѣсь, чѣмъ такъ мучилъ!...“

---

*) Оружіе.

Тяжело было слушать разсказы Ахмета, тяжело видѣть, когда на него нападали черные часы, а они находили все чаще и чаще, потому что все чувствительнѣе становились обиды иновѣрцу по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлся; все труднѣе переносилась тяжелая судьба... Но, что я могла сдѣлать? чѣмъ могла помочь ему? Я придумала одно: написать ему прошеніе. Старикъ былъ внѣ себя отъ радости; онъ объявилъ мнѣ, что и самъ давно хотѣлъ написать прошеніе, но не имѣлъ денегъ. — „Нужно — говорилъ онъ — за это дать 25 копѣекъ, а гдѣ ихъ взять?“ — Я употребила все мое наличное краснорѣчіе, чтобы прошеніе вышло убѣдительнѣе; написала про Ахмета, что онъ 29 лѣтъ провелъ въ ссылкѣ, въ ссылкѣ состарѣлся и не можетъ быть опасенъ уже по своей физической немощи; что онъ не имѣетъ больше силъ даже зарабатывать себѣ хлѣба, что выдаваемое пособіе крайне недостаточно *) и что онъ проситъ отпустить его къ родственникамъ, на рукахъ которыхъ онъ могъ бы спокойно умереть... Закончила я прошеніе, какъ водится, фразой: „припадаю къ стопамъ Вашимъ и умоляю — воззрите милостивымъ окомъ Вашимъ на бѣднаго старца...“ Когда я отправила прошеніе по почтѣ, Ахметъ въ тотъ же день гдѣ-то досталъ 25 коп. и принесъ мнѣ. — Это зачѣмъ? — „За то, что вы писали прошеніе!“ — Я, разумѣется, отказалась; Ахметъ конфузился, не хотѣлъ взять назадъ денегъ и все повторялъ: „я васъ обожаю...“ — оказалось, онъ хотѣлъ сказать: я васъ обижаю... Едва прошеніе ушло, старикъ началъ ждать отвѣта, разсчитывая дни. Пришла весна, началась капель, началъ снѣгъ сходить съ огородовъ и полей, изъ подъ него вытаивали лопнувшіе горшки, головни, недогорѣвшія въ печахъ и выброшенныя въ снѣгъ, лапти, брошенныя пѣшеходомъ на полдорогѣ къ селенью, потому что вконецъ размочалились, — Ахметъ все ждалъ... Разъ онъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: „Я этой весной хотѣлъ бѣжать на родину — вы меня остановили. Если бы вы не написали прошеніе, я бѣжалъ бы... Теперь жду,— не будетъ ли милости, а сердце у меня горитъ!...“

Съ этой поры мнѣ стало еще тяжелѣе видѣть страданія старика: я стала думать, что частію и я виновница ихъ... Старикъ самъ, можетъ, лучше бы сумѣлъ положить имъ конецъ, а я его отдалила...

1876 г.

---

*) Если не ошибаюсь — восемьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

(Сообщено Г. Н. Потанинымъ).

Всѣ рисунки, за исключеніемъ №№ 26 и 27, перерисованы (гг. Головачевымъ, Евреиновымъ и Шешуновымъ) съ рисунковъ и набросковъ самой Александры Викторовны: №№ 1, 5, 28, 30 и 31 съ рисунковъ, сдѣланныхъ карандашемъ, №№ 2—4, 6—25, 32 и 33 и всѣ таблицы —съ акварелей и №№ 29 и 34—съ картинокъ масляными красками, №№ 26 и 27 срисованы Д. М. Головачевымъ съ образцовъ вышивокъ, пріобрѣтенныхъ въ Сы-чуани и вывезенныхъ въ Петербургъ.

1) Бурятскія серебряныя серьги (*суйхе*). Срисованы въ улусѣ Ирхирикъ, около Верхнеудинска.

2) Головной уборъ женщины-монголки въ мѣстности Боро-балгасунъ, въ южномъ Ордосѣ, въ хошунѣ Отокъ. Бляхи изъ серебра съ эмалью; подвѣски состоятъ изъ серебряныхъ бляхъ и красныхъ коралловъ.

3) Монголъ-кузнецъ, раздувающій огонь мѣхами. Мѣхи состоятъ изъ двухъ мѣшковъ, сшитыхъ изъ овчинъ, шерстью вверхъ; съ одного конца мѣшокъ имѣетъ широкое устье, другой конецъ кончается узкимъ горломъ; эти горла вставлены въ деревянныя трубки, свободные концы которыхъ образуютъ общее круглое отверстіе; къ широкому отверстію каждаго мѣшка пришито по двѣ деревянныхъ планочки; у каждой планки ременная петля. Кузнецъ просовываетъ пальцы обѣихъ рукъ въ петли; при раздвиганіи пальцевъ отверстіе мѣшка открывается, при сдвиганіи—смыкается.

4) *Тонъ*, деревянный кругъ, который образуетъ вершину свода монгольской юрты. Онъ состоитъ изъ перекрестинъ и окружности. Окружность тона составлена изъ деревянныхъ брусковъ, уложенныхъ въ рядъ и связанныхъ вмѣстѣ посредствомъ обруча, который наложенъ сверху; каждый брусокъ прикрѣпленъ къ обручу ремешкомъ. Внѣшніе концы брусковъ обтесаны съ боковъ, такъ что между ними образуются гнѣзда, въ которыя вставляютъ, такъ называемыя, *унины*, или стрѣлы; изъ послѣднихъ составляются бока свода юрты. Какъ во внѣшнихъ концахъ брусковъ, такъ и въ верхнихъ, т. е. въ вставленныхъ въ гнѣзда концахъ унинъ, просверлены круглыя отверстія. Черезъ эти отверстія продѣвается шнуръ, который и удерживаетъ унины въ связи съ тономъ; нижніе концы унинъ привязываются къ *кереге*, или *ханамъ*, т. е. къ рѣшеткамъ, которыя образуютъ барабанъ или нижнюю часть юрты. На

прилагаемомъ рисункѣ шнуръ вдѣтъ въ концы брусковъ, но унины еще не вставлены. Такіе *тоны* встрѣчаются только въ Монголіи; въ южной Монголіи другаго тона не знаютъ. Въ Киргизской степи и въ сѣверной Монголіи употребляется другой тонъ, состоящій изъ согнутаго изъ ивы обруча, въ которомъ высверлены отверстія для вставленія унинъ (по-киргизски *уукъ*). Киргизскій тонъ (*чангаракъ*) при вьючкѣ отдѣляется отъ унинъ и вьючится отдѣльно; монгольскій тонъ вьючится съ привязанными къ нему унинами. Рисунокъ сдѣланъ въ городѣ Гуй-хуа-ченѣ, въ южной Монголіи.

5) Монгольское деревянное веретено, которымъ прядутъ шерстяныя нитки. Нарисовано въ Халхѣ.

6) *Наудуръ*, головной уборъ широнгольскихъ женщинъ въ мѣстности Сань-чуань на Желтой рѣкѣ. Онъ состоитъ изъ вѣнчика, сшитаго изъ матеріи, поверхность котораго убрана серебряными бляхами, красными кораллами и малахитовыми бусами.

7) Налѣво лѣтняя шляпа женщины широнголъ-монголки изъ мѣстности Хуари, къ сѣверу отъ города Си-нина; сплетена изъ злака дерисуна и шерсти и обшита сверху бѣлой бязью; къ маковкѣ прикрѣплена длинная кисть, составленная на-половину изъ краснаго, на-половину изъ зеленаго шелку. Направо—шляпа шира-егурки изъ-подъ города Су-чжоу.

8 и 9) Серебряныя бляхи, нашиваемыя на *наудуръ*, нарисованныя отдѣльно (сверху и сбоку).

10) Игла, втыкаемая въ волоса у широнгольскихъ женщинъ въ мѣстности Сань-чуань.

11) Привѣска къ косамъ, обшитая черной бязью, по которой вышитъ узоръ золотой битью. Срисована въ деревнѣ Ртыгри, около города Гуй-дуй на Желтой рѣкѣ.

12) Пластинка, привѣшиваемая къ косамъ. Края обшиты красной, середина—черной бязью; на черномъ полѣ цвѣтными шелками вышиты два крестика; углы пластинки подвѣшаны къ двумъ толстымъ косамъ, берущимъ начало на вискахъ; волосы съ темени и затылка сплетены въ мелкія косички, концы которыхъ прикрѣплены къ верхнему краю пластинки. Дер. Чомпынъ къ юговостоку отъ города Гуй-дуй.

13) Тангутскія шляпы, сшиты изъ кошмы и обшиты краснымъ сукномъ и бѣлой и черной матеріями; носятъ около города Тарсандо въ провинціи Сы-чуань. Лѣвая шляпа — въ діаметрѣ 28 сант., высота 11 сант.; правая — въ діаметрѣ 45 сант., высота—11 сант.

14) Шапка тангута изъ-подъ города Тарсандо. Налѣво шапка изображена сверху, направо—та-же шапка снизу. Шапка состоитъ изъ войлочнаго круга, покрытаго сверху зеленымъ сукномъ (на серединѣ нашитъ небольшой красный кружокъ), снизу—бѣлой бязью. Съ нижней стороны на окружности прошита сдержка изъ бязи. Кругъ—въ длину 45 сант., въ ширину—40 сант., пунцовое пятно въ серединѣ—10—12 сант., бязевая сдержка—шириною въ 10 сант. Шапка надѣвается короткимъ бокомъ на лобъ; часть сдержки покрываетъ лобъ и прижимается къ нему косой, обмотанной вокругъ головы. Остальная часть круга покрываетъ темя и виситъ съ затылка внизъ свободно.

15) Тибетскій жбанъ для храненія свареннаго чая, употребляемый въ Тарсандо, и къ нему мутовка. Жбанъ по-тибетски въ Тарсандо называется *чжандонъ*, въ Лхассѣ — *ндому* (по-монгольски во всей Монголіи совершенно тожественная посуда называется *домбу*). Чай предварительно толкутъ въ ступѣ, потомъ варятъ его съ молокомъ, масломъ, солью и поджаренной ячменной мукой (по-тибетски *рсамба*); сваривъ въ котлѣ, сливаютъ въ *чжандонъ* и мѣшаютъ мутовкой (по-тибет. *чжало*).

16) Въ серединѣ—подвѣска къ женскимъ косамъ, висящая вдоль спины, изъ желтой мѣди съ вставленными красными кораллами; налѣво — кольцо изъ желтой мѣди для ключей; направо—*лоузунъ*, якорь изъ желтой мѣди, на который подвѣшивается подойникъ во время доенья коровъ. Кольцо и „лоузунъ" тангутскія женщины носятъ на поясѣ. Срисованы въ тангутской деревнѣ Анкуръ-Кайянанъ, къ сѣверу отъ Джони (на р. Тао-хэ).

17) Привѣска къ косамъ, висящая вдоль спины и прикрѣпленная къ косамъ. Пластинки узкія, обшиты красной и черной бязью; сверху нашиты мѣдныя и костяныя пуговицы и раковины. Срисовано въ дер. Чомпынъ къ юговостоку отъ г. Гуй-дуя.

18) Войлочная сумка для патроновъ; употребляется у тангутовъ; носится у бедра. Срисовано въ дер. Ртыгри, около города Гуй-дуй.

19) Рисунокъ на бѣломъ войлокѣ, выложенный черной шерстью. Срисовано въ городѣ Боу-нань.

20) Узоръ черной шерстью, выложенный и закатанный на бѣломъ войлокѣ. Срис. въ городѣ Гуй-дуй.

21) Привѣска къ косамъ, сшитая изъ лоскутьевъ и обшитая красной и черной бязью; на полѣ изъ черной бязи пришиты двѣ раковины. Дер. Ртыгри.

22) Такая же трапецевидная привѣска (по-тангутски *медунъ*), также обшитая красной и черной бязью и простеганная ниткой. Она привѣшивается къ среднимъ мелкимъ косамъ; привѣска, изображенная на рис. 21,—къ боковой косѣ. Срав. рис. 23 дер. Ртыгри.

23) Привѣски къ косамъ; срисованы въ дер. Чомпынъ, къ юго-востоку отъ Гуй-дуя. Средняя трапецевидная пластинка, обшитая черной и красной бязью, подвѣшана къ мелкимъ косамъ, спускающимся вдоль спины съ затылка; боковыя, узкія, также обшитыя красной и черной бязью, съ нашитыми раковинами, подвѣшаны къ двумъ толстымъ косамъ, которыя составлены изъ волосъ на вискахъ и бокахъ головы.

24) *Па-гуа.* Символическая фигура, состоящая изъ восьми триграммъ, начертанныхъ внутри восьмиконечной звѣзды. Рисуется на флагахъ судовъ, на потолкахъ въ жилыхъ комнатахъ (по народному повѣрью, предохраняетъ домъ отъ удара молніи), выбривается на темени дѣтей, отливается на храмовыхъ медаляхъ, рисуется на бубнахъ, на деревянныхъ торцахъ, употребляемыхъ для гаданья въ кумирняхъ, и пр.

25) Мѣдная пластинка, придерживающая прическу у китаянокъ въ провинціи Ганьсу.

26, 27) Узоры крестикомъ черной ниткой по бѣлой бязи. Такія вышивки встрѣчаются только въ провинціи Сы-чуань, къ сѣверу отъ города Ченъ-ту до Чжао-хуа по Цзянь-лу-цзяну и до Лунъ-ань-фу по Бо-цзяну и сѣвернѣе. Онѣ были замѣчены А. В. Потаниной еще въ 1885 г. къ сѣверу отъ Лунъ-ань-фу; вывезенной ею платокъ съ такою вышивкою былъ переданъ В. В. Стасову, который тогда же просилъ, если представится случай, вывезти побольше образцовъ такого вышиванія; исполняя желаніе В. В. Стасова, А. В. Потанина въ 1892 году по дорогѣ изъ Чжао-хуа въ Ченъ-ту, столицу провинціи Сы-чуань, составила небольшую коллекцію образцовъ этого шитья, напоминающаго русское шитье крестикомъ. Коллекція передана В. В. Стасову.

28) Изображеніе бога О-ми-то-фо; серебряная фигурка, нашитая на шапкѣ у ребенка. Срисовано въ провинціи Сы-чуань.

29) Видъ на рѣку, протекающую черезъ городъ Тарсандо. Срисованъ съ террасы дома, въ которомъ путешественники квартировали (въ верхнемъ предмѣстьи города, рядомъ съ домомъ католической миссіи). Каменная постройка у лѣваго края рисунка—*бумханъ*; это—амбаръ или сарайчикъ, куда благочестивые жители (вѣроят-

но, по обѣту) кладутъ глиняные медальоны съ рельефными, иногда раскрашенными, изображеніями божествъ; внутри этого зданія лежатъ кучи подобныхъ медальоновъ, состоящія изъ тысячъ штукъ. На берегахъ рѣки два тополя. Снимокъ съ картинки, сдѣланной масляными красками.

30) Паланкинъ, въ которомъ А. В. Потанину несли изъ Тарсандо до города Чжао-хуа (на Цзянь-лу-цзянѣ).

31) Носильщики, несущіе переднія оглобли паланкина. Они нарисованы такъ, какъ они кажутся пассажиру, смотрящему на нихъ изъ паланкина. Александра Викторовна, сидя въ паланкинѣ, карандашомъ набросала эти двѣ фигуры.

32, 33) *Ту-чжи*, по пекинскому произношенію—*ту-ди*, „мѣстные духи-покровители". Въ Сы-чуани около каждой деревни находятся подобныя постройки, каменныя или деревянныя, въ 1 арш. высотой; внутри, подъ крышицей, помѣщаются двѣ сидящія въ креслахъ фигуры: старика съ сѣдой бородой и китайской дамы, его жены. Это—покровители деревни. Г. Колесовъ въ одномъ изъ сводхъ писемъ къ одному изъ членовъ экспедиціи сообщилъ слѣдующее: „Изображенія *ту-ди*, духа мѣстности, лара, встрѣчалъ я и около Пекина. Почти въ каждой деревнѣ находится „храмъ пяти духовъ", *у-дао-мяо*, въ коемъ чествуются: царь драконовъ (*лунъ-ванъ*), помѣщающійся на алтарѣ въ серединѣ; по правую руку отъ него богъ врачеванія *Го-ванъ* и далѣе — *Цинъ-мяо-шэнь*, духъ покровитель только-что показавшихся хлѣбныхъ всходовъ; слѣва идутъ—*Цай-шэнь*, духъ богатства, и *Ту-ди-нъ*. Случается однако, что *Ту-ди-нъ* и супруга его *Ту-ди-най-най* имѣютъ отдѣльныя часовенки. Ту-ди-ѣ много, и каждая мѣстность имѣетъ своего собственнаго лара".

34) „Царевнинъ мостъ" близъ Тарсандо (снимокъ съ картинки масляными красками). Въ Тарсандо существуетъ легенда, что китайская царевна танской династіи, которая была просватана за тибетскаго царя Сронцзонъ - Гамбо, проѣхала въ Тибетъ черезъ Тарсандо, и что для ея проѣзда черезъ рѣку, выше города, былъ построенъ каменный мостъ, поэтому и получившій названіе „моста царевны" — *гунчжу самба*.

ТАБЛИЦЫ.

Таблица I.

Тангутка изъ Амдо, т. е. сѣвернаго Тибета, въ нагольномъ тулупѣ, обшитомъ по краямъ синей бязью; на головѣ овчинная шапка съ краснымъ верхомъ; къ косамъ привѣшаны узкія лентообразныя привѣски, опущенныя спереди на грудь.

Саларская женщина изъ деревни Ташъ-кулъ на Желтой рѣкѣ *).

Таблица II.

Дѣвица-тангутка изъ деревни Анкуръ, около Джони. Волосы разбиты на множество мелкихъ косичекъ; средняя коса толще другихъ и усажена мѣдными бляхами. На уровнѣ пояса къ косамъ прикрѣплены два красныхъ треугольника, на которыхъ вышиты крестики; къ треугольникамъ подвѣшана мѣдная подвѣска (она же изобра-

*) Салары говорятъ тюркскимъ языкомъ, держатся мусульманской вѣры.

женая на рисункѣ № 16, помѣщенномъ въ текстѣ). Къ нижнему концу подвѣски прикрѣплена длинная полоса изъ матеріи, конецъ которой заложенъ за поясъ. Къ средней косѣ прикрѣплена такая же узкая полоса, висящая до полу. Нагольная шубка спущена съ праваго плеча; тутъ виденъ красный рукавъ нижней одежды.

Тангутская дѣвица изъ окрестностей монастыря Лабрана (дочь старика Ами-Салууна). Волосы разбиты на мелкія косички; средняя коса толстая. На ней—бляхи; къ концу ея прикрѣплена полоса, обшитая красной матеріей и висящая до полу. Къ мелкимъ косамъ подвѣшанъ вѣнокъ изъ цвѣтныхъ нитокъ; къ вѣнку прикрѣплены два бѣлыхъ пушистыхъ помпона изъ хлопчатой бумаги. На правомъ плечѣ обнаружена нижняя красная одежда.

Таблица III.

Первый рядъ: 1) Серебряная тангутская серьга изъ мѣстности Сань-чуань (на Желтой рѣкѣ, къ зап. отъ города Лань-чжоу); верхняя часть состоитъ изъ обруча, въ задней половинѣ круглаго, въ передней имѣющаго видъ широкой пластинки; нижняя часть состоитъ изъ отвѣсной проволоки, на которую вздѣты три бусины, двѣ изъ краснаго коралла, одна стеклянная черная съ зелеными жилками; эта привѣска винтообразно обмотана концомъ той же проволоки.

2) Тангутская серебряная серьга изъ дер. Анкуръ къ сѣв. отъ Джони (на р. Тао----хэ); на передней сторонѣ обруча четыре вставки изъ коралла.

3) и 4) Серебряныя тангутскія серьги изъ мѣстности Сань-чуань на Желтой рѣкѣ.

Второй рядъ: 5) Серебряная серьга (по-тангутски *налунъ*) тангутской женщины изъ окрестностей монастыря Лабрана. Состоитъ изъ широкаго обруча, у котораго только небольшая верхняя часть утончена въ проволоку. На передней сторонѣ семь вставокъ краснаго коралла.

6) Серебряная тангутская серьга изъ мѣстности Сань-Чуань на Желтой рѣкѣ. Передняя половина обруча въ видѣ широкой пластинки, на которой выбитъ орнаментъ въ видѣ вѣточки. На отвѣсной привѣскѣ три бусины, двѣ коралловыхъ красныхъ, одна черная съ зелеными жилками.

7) Орнаментъ въ видѣ вѣточки на пластинкѣ вышеописанной серьги; немного увеличено.

Третій рядъ: 8) Перстень, по-тангутски *ало*, тангутской женщины изъ города Тарсандо (Да-цзинъ-лу) въ провинціи Сы-чуань.

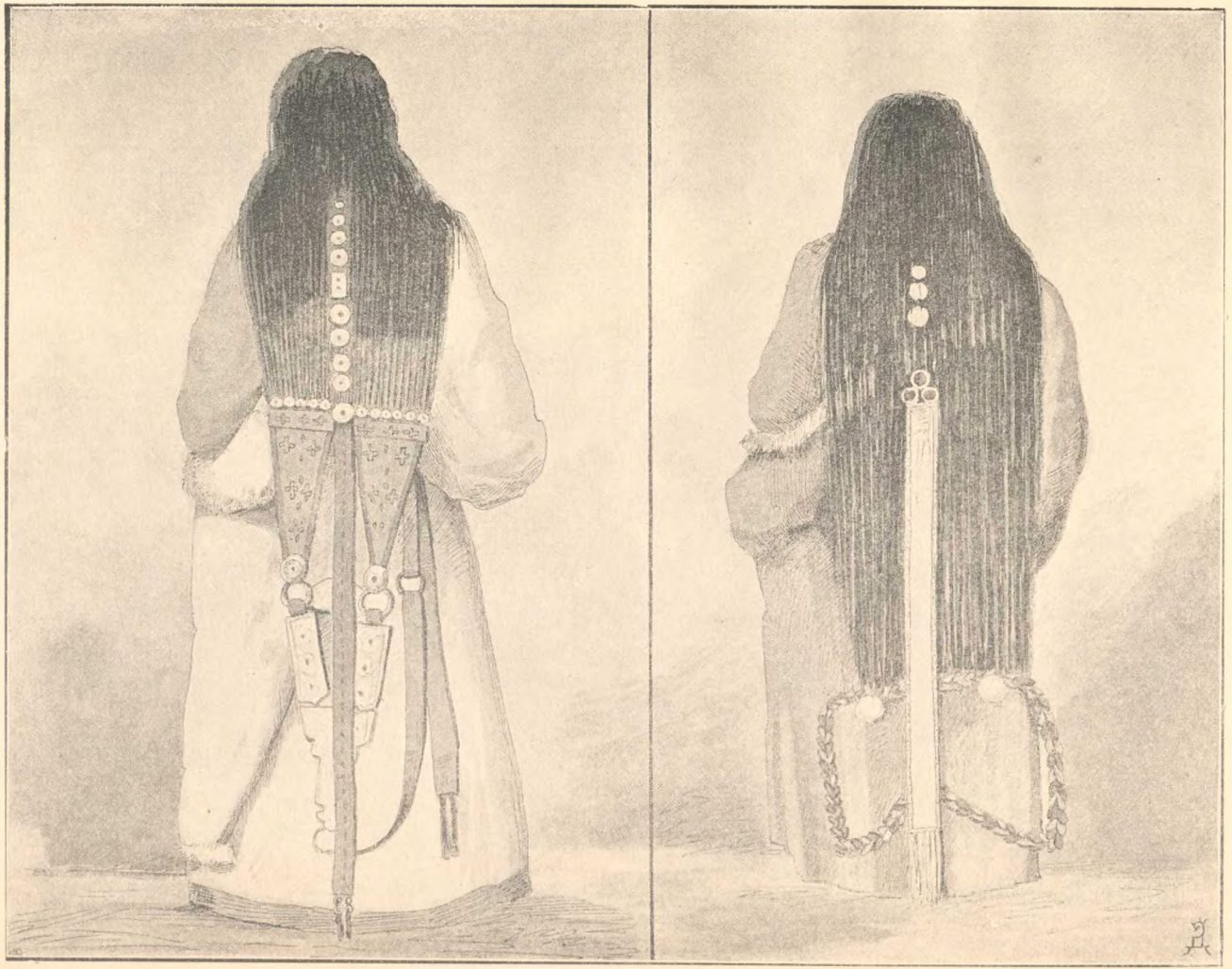
9) Золотая серьга тангутки изъ города Тарсандо (въ Сы-чуани) со вставками изъ бирюзы и коралловъ.

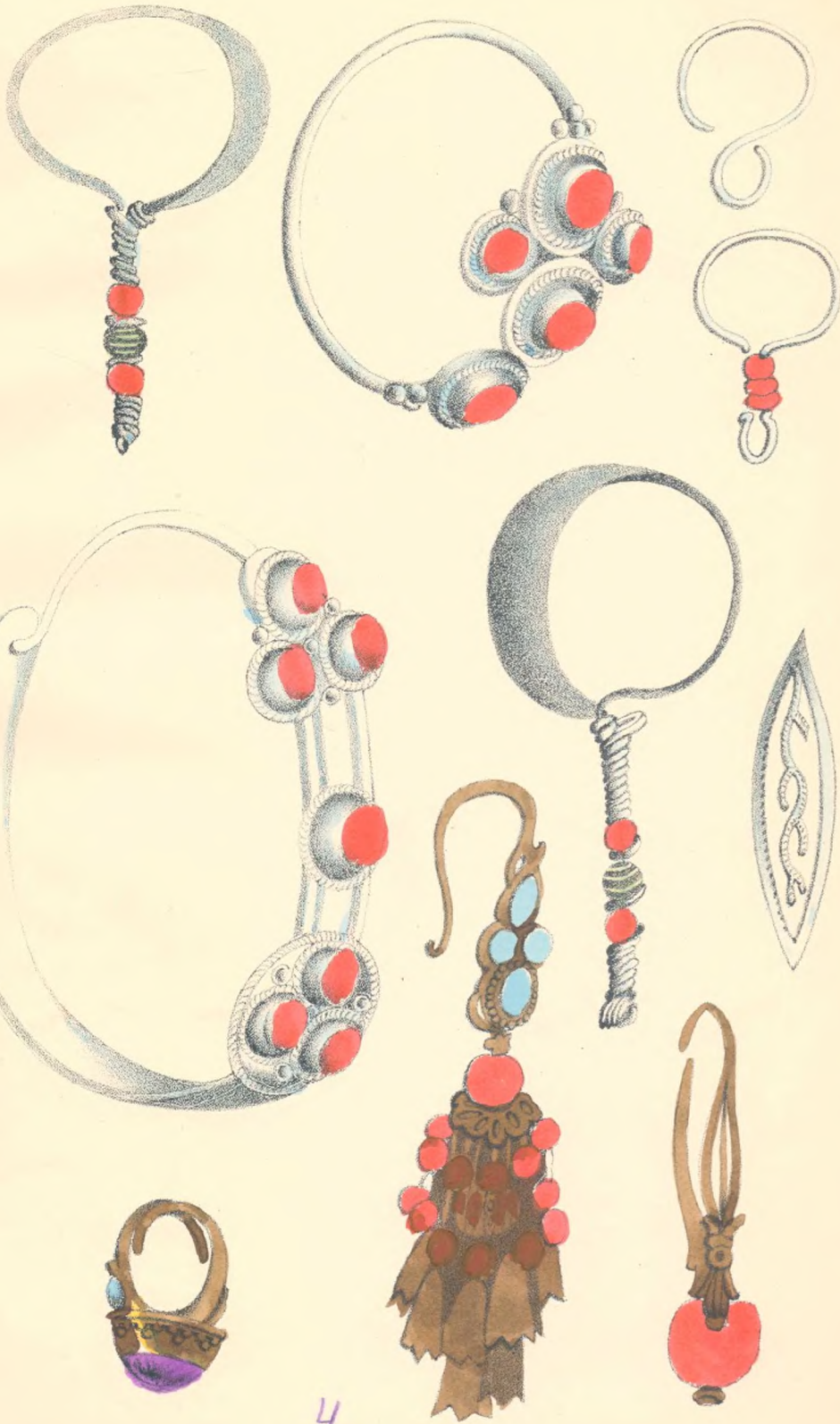
10) Золотая серьга тангутки изъ Тарсандо, состоящая изъ кольца, къ которому подвѣшана коралловая бусина. Серьга нарисована спереди; она же изображена на таблицѣ IV сбоку.

Таблица IV.

Первый рядъ: 1) Мѣдная круглая выпуклая бляха, которую тангутки въ городѣ Тарсандо носятъ на затылкѣ, при чемъ косы обвязываютъ вокругъ головы. Въ

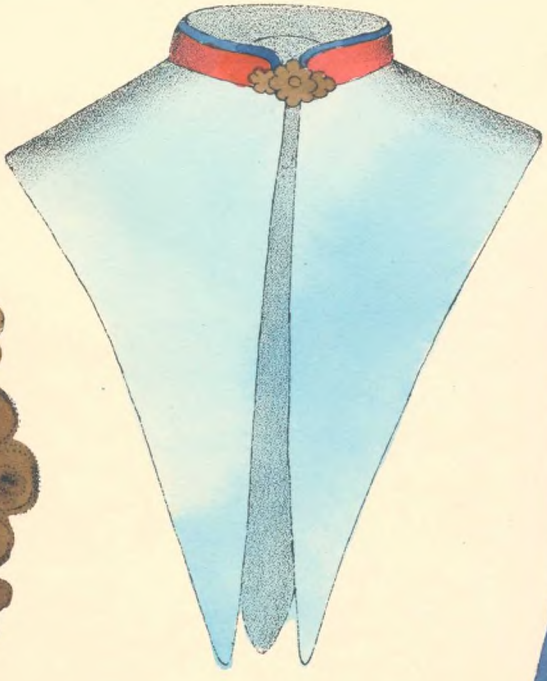
Томский Государств. Университет
Главная библиотека
РСФСР

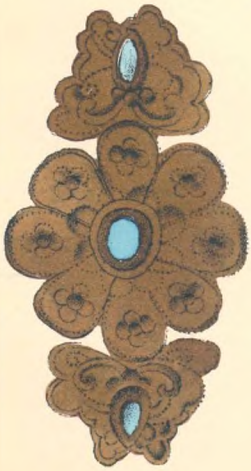


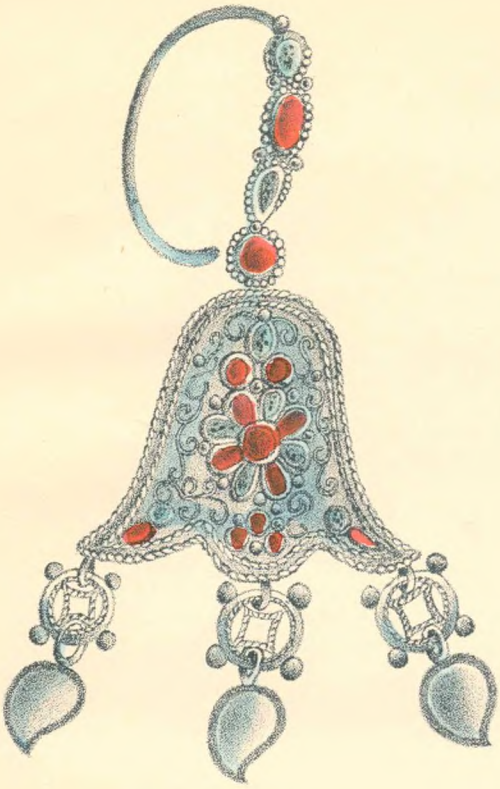


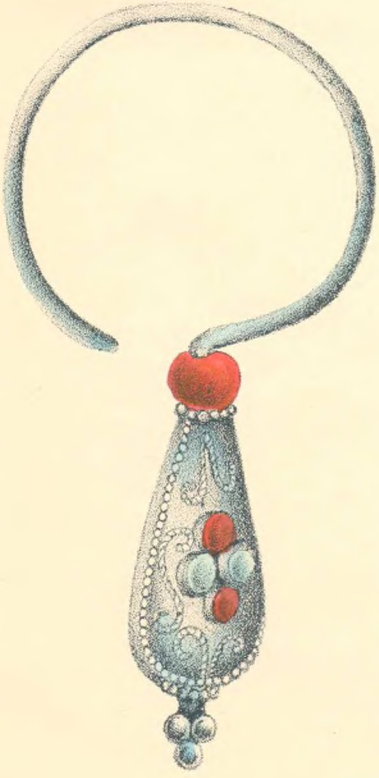
4.

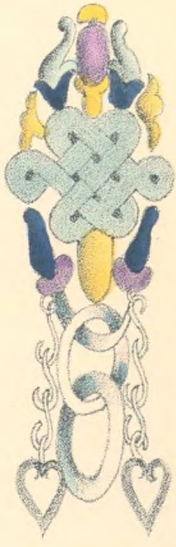
Томский государственный университет
Главная библиотека
РСФСР











Томский Государств. Университет
ГЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА
Р.С.Ф.С.Р.